

Азк. Зардаг

А. К. Занды

АРКАДИЙ ГАЙДАР

собрание
сочинений
в четырех
томах

АРКАДИЙ ГАЙДАР

том
четвертый

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Редакционная коллегия

*Н. В. БОГДАНОВ, А. А. ВИНОГРАДОВ, Т. А. ГАЙДАР,
Т. А. КУЦЕНКО*

*Составление, подготовка текста
и комментарии*

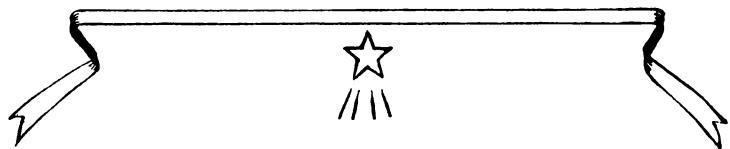
БОРИСА КАМОВА

Оформление Е. АНДРЕЕВОЙ

Рисунки А. ВЕРКАУ

Г 4803010102—542 Подп. изд.
М101(03)82

© Состав. Комментарии. Оформление. Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1982 г

АВТОБИОГРАФИЯ

(1941 г.)

Родился в 1904, гор. Льгов Курской области. Отец — сельский учитель, после Октябрьской революции комиссар штаба 35-й дивизии, член партии. Умер.

Мать — учительница, позже фельдшерица, после Октябрьской революции член партии. Умерла.

Из пятого класса Арзамасского училища (реального) ушел в Красную Армию добровольцем, был членом РКСМ. Ни в каких белогвардейских, антипартийных и прочих поганных организациях, конечно, никогда не состоял.

В Красную Армию вступил в городе Арзамасе, когда к нам приезжал штаб Восточного фронта, в декабре 1918 года. Был отправлен в Москву на 7-е командные курсы, которые вскоре перевели в Киев, и они стали называться 6-е Киевские командные курсы. Окончил их в августе 1919 года.

Позже, в 1920, два месяца учился в Высшей стрелковой школе и потом был на фронте; потом снова 5 месяцев учился на тактическом отделении «Выстрела». По окончании теоретической части (конец февраля 1921 года) был отправлен опять на фронт.

Был на фронтах: Петлюровском (Киев, Коростень, Кременчуг, Фастов, Александрия). Весь 1919 год, до сдачи нами Киева в сентябре, — сначала курсантом, потом командиром 6-й роты 2-го полка отдельной бригады курсантов.

Потом был на Польском фронте под Борисовым, Лепелем и Полоцком — 16-я армия, 52-я дивизия, полк забыл, потому что тут сразу у меня было три болезни — цинга, контузия в голову и сыпной тиф, — так что толком я опомнился только в Москве, откуда я был направлен на Кавказский фронт (март 1920 года) и был назначен командиром 4-й роты 303-го (бывшего 298-го) полка 34-й дивизии 9-й армии.

После захвата остатков деникинцев (армия генерала Морозова) под Сочи стоял с ротой, охранял границу с белогрузинами (мост через реку Псоу) за Адлером; но вскоре, когда генералы Гейман и Житиков подняли на Кубани восстание, были мы переброшены в горы, и все лето до поздней осени гонялись за этими бандами.

В 1921 году, после Высшей стрелковой школы, был командиром сводного отряда, затем командиром 23-го запасного полка в городе Воронеже и отправлял маршевые роты на Кронштадтское восстание.

Потом был командиром 58-го отдельного полка армии по подавлению восстания в Тамбовской губернии (антоновщина), по ликвидации которой был назначен начальником второго боевого района, на границе Монголии (Тана-Тувы), где только что прошли части белого полковника Олиферова и остатки офицерской банды Соловьева.

Тут я начал заболеть (не сразу, а рывками, периодами). У меня нашли травматический невроз. Несколько раз лечился.

По заключению коммунистического госпиталя (Москва) Реввоенсовет Республики (подписано Склянским*) дал мне продолжительный отпуск, чтобы, когда выздоровлю, смог попасть в Академию.

В апреле 1924 года (приказ Р.В.С.Р. по личному составу от 19-го числа, подписанный тов. Фрунзе*) я был зачислен в резерв при Г.У.Р.К.К.А. по должности командира полка.

В ноябре был уволен с выдачей выходного пособия по болезни из РККА.

Только через два года, в 1926 году (то есть через восемь лет после того, как я вступил в армию), пришел срок призыва моего 1904 года — и меня совсем освободили по статье девятой (вероятно, неврозо-травматической). Очень я был огорчен.

а) Осужден никогда ни за что не был.

б) Взысканий, кроме нескольких дисциплинарных (не крупнее 1—3 суток гауптвахты), не было.

Семья — жена, дочь 8 лет, сын — 14.

Сейчас по профессии писатель. Написал книги: «Школа», «Военная тайна», «Р.В.С.», «Дальние страны», «Четвертый блиндаж», «Судьба барабанщика» и «Тимур и его команда». Большинство этих книг переведено на все языки союзных республик, а некоторые — за границей.

За эту работу награжден правительством орденом «Знак почета».

Арк. Гайдар-Голиков
1/1—1941

Р. С. Несколько сохранившихся приказов и документов прилагаю. Остальные растерялись или были сданы при послужном списке в Г.У.Р.К.К.А., откуда они, кажется (точно не знаю), попали в Ленинградский военный округ.

A handwritten signature in black ink, reading "Арк. Гайдар". The signature is stylized with a large, sweeping flourish at the end.

ОЧЕРКИ. ФЕЛЬЕТОНЫ. СТАТЬИ.

ПАМЯТИ П. ЦЫБЫШЕВА

Умер товарищ Цыбышев* — юный коммунист, отдавший свои силы для активной защиты революции. Еще с первых моментов его всегда можно было встретить во всех передовых, тогда еще разрозненных кружках молодежи, деятельно работающего и проводящего в жизнь наиболее смелые идеи создания юношеских организаций. Но он не удовлетворялся только этой работой, его всегда тянуло вперед — туда, где решались судьбы революции. И в конце 1918 года, опередив на три года момент своего призыва, он добровольцем вступил в ряды Красной Армии. Спустя некоторое время мы его встречаем как красного командира, борющегося против белой гвардии. Полученные им раны не помешали ему вскоре быть снова среди авангарда красных войск.

Но, сломанный непосильными для его неокрепшего организма тяжестями войны, он погиб. Погиб, когда так недалеко светлое будущее, когда Красное знамя уже реет над Красной Сибирью. Погиб, не дождавшись того, когда взвоется оно над вершинами Кавказа.

Под доносящийся гул народных восстаний, озаренных надвигающимся пламенем мировой революции, умирал на посту его верный часовой.

«Авангард» (Арзамас), 1920, 15 марта

КАМА

Ты хочешь спать после долгого летнего дня, после сутолоки, гулко-го эха паровозных сирен, утомившаяся от тяжелого хода груженных барж, крика и гомона купающихся комсомольцев и несмолкающего плеска весел подлунных лодчонок, на которых две тени — два пятна и у которых плеск воды смешивается с звонким смехом, а смех с шепотом о том, что старо, как мир и как ты сама. Ты устала, старая, седая Кама. Уснули уже пропахшие солнечной смолой пристани, успокоились бунтующие высокими травами берега. Насупив поседевшие брови, застыл скованный снежными туманами лес. Ушли по домам матросы, и потушены паровозные огни.

Рабочий день окончен.

Товарищ! Не поворачивайся назад. Забудь на минуту, что за тобой город, у которого антенны переключаются с Москвой, забудь про то, что в стороне трубы Мотовилихинских заводов стволами зенитных орудий направлены к небу... Подойди вплотную к Каме, по которой мертвые льдины плывут и сталкиваются — сталкиваются и хрустят и опять плывут дальше. Посмотри на серый простор убаюканной снегами реки, на другой берег, где Закамский поселок деревянными избушками приткнулся к лесной орде, спускающейся к берегам, где туманы прячут лесные горизонты, а дымок избяных печей смешался с инеем смолистых сосен. И на тебя пахнёт курным запахом древней, затерявшейся в медвежьих просторах Руси...

Чу... далеко... далеко... над сонными плесками — волчий вой... протяжный, долгий. Тот самый, от которого овцы в соломенных клетях жмутся пугливо, а цепные собаки

выставляют головы из деревянных конур, скалят зубы и ворчат сердито...

Нет! — зачем говорить неправду. Это вовсе и не волк, это ревет гудок паровоза... пробегающего по берегу из Мотовилихи на Пермь II-ю.

Правда, рев похож, но все же это уже не совсем то.

А на высоком левом берегу — город, внизу — склады, пристани. И дикая Кама не любит левый берег, потому что он командует над рекой, потому что после первых весенних льдин он навязывает ей свою волю окриками грузчиков, гнувшихся под тяжелыми мешками, сигналами красных флажков, летающих над райкомводом, и тяжестью тысяче-стволовых плотов, пускающихся по реке книзу.

А Кама не любит терять волю стальных волн и злится бессильно, побеждаемая беспощадным обстрелом сухих телеграмм:

«Пермь... Камлесотрест... Промкомбинат... Сельхоззаводу... присылайте... получайте».

Но теперь до весны... до пьяно-ласкового солнца, до журавлиных клеко́тов, которые высоко, высоко,— а аэроплан выше,— Кама спит.

«Звезда» (Пермь), 1925, 22 ноября

ИСТОРИЯ О НЕУЛОВИМОМ БИЛЕТЕ

Был я недавно в «Триумфе». Восхищался игрой Дугласа Фербенкса* — всеведущего, вездесущего и неуловимого Зорро, который прыгает с крыши дома и даже через осла.

Жутко иногда становилось. Смотришь — гоняются это за ним, окружают, захватывают... Пожалел я даже раз. Покачал головой и говорю трогательно:

— Эх, братишка, братишка, настигает тебя гидра контрреволюции, так сумей ты хоть пропадать с музыкой.

Но Костыка, который сидел рядом со мною, дернул меня за рукав и говорит:

— Помалкивай! Смотри, он сейчас прыгнет.

Смотрю — в самую последнюю минуту, когда, можно сказать, наемная гидра... — вскочил Дуглас на крышу, а оттуда на другую и вниз, наподобие аэроплана, как мах-нет — только его, Дугласа, и видели!

Здорово тогда восхищался. А теперь вот нет. Хорошо,

думаю, Дугласу исчезать, когда он, как человек, от природы всеми способами передвижения наделен, в том числе и ногами. А бывают вещи куда наиболее удивительные. Не умеем только мы различать их по причине крайней их будничности и отсутствия у них разных атрибутов, вроде гибких шпаг, таинственных масок и всего такого прочего. Возьмем, например, такую вещь, как «Странную историю о пропавшем дровяном билете».

В 1925-м, то есть нынешнем, году рабочие Мотовилихинского завода заготовили на зиму некоторое количество дров. А так как зима, собственно, уже пришла и, по справедливому замечанию нашего рабкора, в рабочих домиках на Городских Горках наблюдается «отсутствие всякой температуры», то организатор по заготовке дров товарищ Князев направился к помлесничему на Пермь-II и попросил выдать дровяной билет.

— Билет? — спросил помлесничий. — Гм, билет, конечно, нужно... Но видите ль, он, по-видимому, находится у лесничего.

Приходит на второй день к лесничему.

— Билет? — спросил лесничий, многозначительно покачивая головой. — Это дело сложное. Видите ли, он был у меня, но сейчас, шельмец, куда-то скрылся. Да, да. Так вот и скрылся. Впрочем, зайдите завтра, я наведу справки.

Наступает третий день. Князев опять к лесничему.

— Ну как же, не нашли? Вы бы, товарищ, через адресный стол, что ли?

— Через адресный тут ничего на поделаешь, — коротко ответил лесничий. — Такие типы обыкновенно не прописываются. Но вы не беспокойтесь, у меня есть точные сведения о том, что в настоящую минуту он находится в некоем советском учреждении, именуемом Коммунальное хозяйство, оно же сокращенно — Комхоз.

Спешит, торопится товарищ Князев в некое пермское царство-государство, именуемое для краткости — Комхоз.

— Поздно, товарищ, — отвечает ему некий министр, он же делопроизводитель. — Поздно. Дровяной билет только что исчез неизвестно куда.

Опять к лесничему.

Нахмурил брови лесничий, зазвонил в телефонные, радиотелефонные и все другие такие аппараты, и ответили мембранами и громкоговорителями послушные аппараты.

— Скорей, товарищ Князев! Торопитесь, скажите

к некоему гражданину Малинину, проживающему на Северо-Западе, отсюда за восемь верст. Он там.

И опять, высунувши язык, бросился в погоню за билетом неустрашимый товарищ Князев, поскакал во весь карьер к некоему гражданину Малинину, и долго смотрели ему вслед удивленные пермяки, долго качали головами и дивились его лошадиному аллюру. Но гражданин Малинин, может быть, сказал правду, а вероятнее всего, был сообщником скрывающегося билета и ответил опять так же:

— Поздно! Он уже опять в Комхозе.

И с бессильным бешенством Князев опять в Комхоз. Оттуда уже на лошадях — в деревню Оборино, что за городом, за лесом, за рекой Камой и за двадцать пять верст. Вошел, шатаясь, в избу, и ответили ему:

— Поздно. Товарищ, он уже...

Но куда «уже» исчез неуловимый таинственный дровяной билет не слышал измученный товарищ Князев, сел он на лавку, поплыли у него круги перед глазами, и звонко расхохотался ему в лицо непойманный враг.

Где сейчас билет — это неизвестно, говорят, что видели его разъезжающим верхом по улицам Перми. Говорят, что с одной беременной женщиной сделалось дурно, когда она подняла какую-то валяющуюся бумажку. Впрочем, может быть, это все вымыслы пермских обывателей. А сейчас вот передо мною лежит исписанная корявыми шатающимися буквами записка:

«Нельзя же, товарищи, так издеваться над рабочим человеком, который по четвертому разряду и, кроме того, шесть человек семьи, и над всем рабочим классом Городских Горок, у которых в избах нет температуры, тоже нельзя. Долой все это, но чтобы билет был бы».

Правильно. Товарищи, дело нешуточное. Уголрозыск, конная милиция. Все, все, все — в погоню!

Как говорится, мы, которые Деникина, Колчака и прочее, чтобы не поймали этого «бандита»! У него есть, безусловно, сообщники и укрыватели, у меня даже есть точные сведения, что они здесь, в городе.

...Алло! Откуда звонят? Из конного резерва, ага — я сейчас... Товарищ Степанов! Снимите со стены мою революционную шашку и мой революционный маузер.

ТЫСЯЧУ ПЕРВЫЙ РАЗ О ТОМ ЖЕ

Мне надоело уже писать о ПМХ¹, надоело писать о бюрократизме — тем более, когда, в сущности, две темы эти не две, а всегда одна.

Еще недавно я собрался было поклясться, что не буду больше писать о ПМХ, хотя бы там случился потоп от разлившихся чернил или наводнение от хлынувших из ящичков бумаг — что также, в сущности, почти одно и то же.

И если б не секретарь редакции, остановивший мою руку, поднятую для столь страшной клятвы, то читатель «Звезды» так и не увидел бы сегодняшнего фельетона.

Не обидно бывает, когда на одной бумажке стоит 10 резолюций, а обидно, когда из-за десятка утвердительных резолюций становится уже невозможным прочитать: что, собственно, разъясняется, о чем ходатайствуется и что утверждается? И когда измученный человек, добравшись, наконец, до последней инстанции, не получает ничего, ибо выдающий отвечает:

— Все это прекрасно, уважаемый товарищ. Вижу, что вам разрешено; сочувствую, что вам положено; но что же я могу поделать, дорогой товарищ, когда, может быть, это у вас разрешение на получение дамской пудры для канцелярии, а вы обрезок железной трубы просите?

Это уж, как говорится, не бюрократизм, а верх всякого верха.

В школе «Коммуна» Мотовилихи лопнула труба водяного отопления. И, испрашивая разрешение на эту трубу, зав. школой, в продолжение трех дней, за которые ребята, по причине холода, вытанцовывали фокстроты и всякие такие, другие, согревающие танцы — за эти три танцевальные дня зав. школой получил восемь утвердительных и прочих резолюций от администрации Мотовилихинского завода и, не желая получать девятую (все равно без толку), купил сей обрезок (трубы.— *Ред.*) за несколько целковых, без единой резолюции, на толчке.

А для того, чтобы установить его, Мотовилихинский местхоз послал в Пермь бумагу, в которой просил **срочно** выслать техника, который смог бы на месте осмотреть

¹ ПМХ — Пермский местхоз, ведал ремонтными и строительными работами.

отопление и указать, на каком протяжении трубы должны быть сменены.

Рекорд по «деловому» подходу к вопросу, а также в смысле наиболее четкой резолюции, вскрывающей душу руководимого им учреждения, был побит, бесспорно, товарищем из коммунального треста.

Эта резолюция заслуживает быть высеченной на мраморной плите и повешенной на стену этнографического музея с пояснительной надписью такого рода: «Первобытные резолюции людей волокитной эпохи».

В ней значилось:

«Техник может быть командирован только при условии оплаты проезда туда и обратно».

И до получения ответа на эту замечательную резолюцию техник не выехал. А дети, которым надоело танцевать согревающий фокстрот, принялись за шимми*, который, как известно, обезьяний танец и который исполнялся особенно блестяще, потому что сопровождался щелканьем зубами от 5-градусной температуры и, следовательно, обезьяний колорит выдержан был классически и до конца.

Для сведения читателей сообщаю, что поселок Мотовилиха находится не где-нибудь на берегу Черного моря, а в 4 верстах от Перми и проезд туда без пересадки стоит **ровно десять копеек серебром.**

«Звезда» (Пермь), 1926, 20 января

АЛЬБОМНЫЕ СТИХИ

Вспоминая дни своей золотой молодости, безвозвратно исчезнувшей в глубине умчавшихся времен, то есть восстанавливая в памяти то время, когда на голове моей красовалась сизая фуражка второклассника-реалиста — что было давно-давно и никак не меньше чем десять лет тому назад, — я всегда вспоминаю строгую бороду училищного директора, сухопарую немку, из-за страха перед которой я однажды пешедралом убежал верст за сто от дома*, и много других всяких приятных вещей вспоминаю.

Но самые трогательные чувства возбуждают во мне не эти приятные воспоминания, а белокурая головка Ниночки, гимназисточки в беленьком фартучке, к которой я вспылал на 13 году если и не небесной, то, во всяком

случае, и не земной любовью. И часто, гуляя с ней по лугам, за городскими огородами, подальше от всевидящего ока классных надзирателей, родителей, а также перво-классников, которые, как известно, отчаянные фискалы, я говорил ей возвышенным голосом:

— Я люблю вас, Ниночка, за то, что вы такая необыкновенная и поэтичная.

И она отвечала, краснея:

— Ах, и вовсе даже ничего подобного!

И за таким приятным времяпровождением дни летели и незаметно и счастливо, и только обильно посыпавшиеся в балльник двойки несколько омрачали сие замечательное время, от которого сейчас остались только одни смутные воспоминания да чуть заметные буквы Н и А, в некую героическую минуту наколотые булавкой на левой руке.

И еще помнится мне, как однажды она принесла мне альбом и попросила написать на память стихотворение. И как я три ночи подряд сидел, подбирая рифму к концу фразы «мое сокровище», но никакой другой, кроме как «чудовище», рифмы не подвертывалось, а последняя никак не годилась для моего нежного стиха. Так и не написал. А через несколько дней она принесла мне опять альбом и сказала ехидно:

— А Володя Нестеров мне написал.

У меня потемнело в глазах, так как Володя Нестеров был не кто иной, как мой бывший задушевный товарищ, но с прошлой недели — мой злейший враг, ибо это он, а не кто иной, подарил Ниночке на ученическом вечере хризантему, спертую из домашнего горшка, за что получил от нее благодарно-ласковый взгляд, а от матери розги.

Я перевернул страницу, там было:

Пишу тебе всего три слова:

Учись, трудись и будь здорова.

Вздых облегчения вырвался из моей груди: автором этого замечательного стихотворения ни в коем случае не мог быть написавший его, так как оно было в тридцати трех альбомах, попадавших мне в разные сроки ранее, включая сюда и альбом моей прабабушки, где оно было написано ей в дни ее молодости, то есть, значит, никак не меньше, чем лет сто тому назад. Я криво усмехнулся и сказал:

— Так это же не его собственное. И, кроме того, очень глупое.

Она обидно посмотрела на меня и ответила:

— Вы сами глупы. Ну и что ж, что не свое, а вы вон никакого написать не смогли!

— И не буду,— ответил я гордо.

— И не больно надо.

И расстались мы с той роковой минуты, и оба порешили, что «между нами все будет кончено».

Это было давно-давно. Теперь я не скажу, чтобы я очень уж был стар, но нельзя сказать, что и особенно молод, ибо уж два года, как мне за второй десяток перевалило. Но после прошедших бурь, после нескольких лет, за которые все так изменилось и перевернулось, я решил было, что и люди теперь не те и времена не те, и искренне думал, что теперешнему комсомольцу и комсомолке непонятными и глупыми кажутся альбомные излияния и прочая романтическая белиберда, и в этой уверенности я, вероятно, и прожил бы до конца своих дней, если бы один услужливый паренек не принес мне недавно несколько альбомов пермских совпартшкольцев и комсомольцев.

— Прочитайте,— сказал он мне,— и скажите — то это или не то, что было в наше, дореволюционное время.

— Конечно, не то,— ответил я, снисходительно улыбаясь, и радостно посмотрел на переплет советского альбома, усеянный звездами, и на вытисненный золотом девиз: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

— Это только снаружи,— усмехнувшись, вставил паренек.— А вы почитайте-ка, тогда и говорите.

Я раскрыл первую страницу и ахнул — это было слишком и чересчур уж т о с а м о е, и как раз т о, что я видел в альбоме своей прабабушки:

Промчится навеки счастливое время,
И горестной жизни настанет пора,
И скоро работы тяжелое бремя
Свалится на плечи гора.

«Ну и ну! — подумал я. — Ну и совпартшколка!» Дай, думаю, посмотрю (другой альбом.— *Ред.*) комсомольский, может, там лучше что. Там действительно было нечто более «соответствующее духу времени».

Ты любила по пяти,
Я же по пятнадцати.
Ты любила целоваться
Раз по девятнадцати.

Открываю страницу следующего альбома и нахожу там ослиное пожелание:

Пишу тебе всего пять слов:
Учись, трудись и люби ослów.

«Аллах всемогущий! — подумал я. — Да ведь это почти что копия Володькиного стихотворения. Да неужели же вся революция отразилась на написавшем его только в том, что он изменил два последних слова, да и то в сторону испохабливания и без того затасканных строчек?»

Пересмотрев все стихи, я дошел до корки и с ужасом увидел, что даже мельчайшие детали альбомной этики не позабыты, — в самом низу, в самом углу, мелкими буквами значилось:

Кто любит больше меня, тот пусть
пишет дальше меня.

Паренек торжествующе посмотрел на меня.

— Ну, как? — спросил он. — Крепко?

— Крепко, крепко, — согласился я. — Действительно, дальше ни писать, ни читать некуда.

Милые товарищи совпартшкольцы и комсомольцы! Я бывал у вас на вечерах, которые так не похожи на прежние, чинные ученические вечеринки.

Я бывал на ваших собраниях, когда четкими, горячими словами вы искренне говорили о необходимости строить новый быт.

И я заглянул случайно в несколько наугад взятых альбомов. Почему же такая разница и такое несоответствие между красивыми фразами о перестройке быта и затхлыми, затасканными строчками специфически «альбомных стихов», переходящих без изменения из поколения в поколение?

«Звезда» (Пермь), 1926, 13 февраля

ОТ ПОЕЗДА ДО ПОЕЗДА

Собственно говоря, меня в Перми нет*.

«Я мыслю: следовательно, я есмь», — сказал один до-революционный философ.

А я ни о чем не думаю. Да и о чем я могу думать и воспринять объективно, если утренний поезд занес меня в Пермь, а ночной — скорый уже на пути дышит огнем, разбрасывая пятиконечные звезды.

И потому, что сейчас я только случайный гость, я вежлив, как французский маркиз, что видно уж из того, что фельетон этот не бьет никого по голове... не задевает никого лично, и вы в нем не найдете ни намека на имя, фамилию или, упаси боже, на служебное положение кого-либо.

Нет... Это собственно даже не фельетон, а итог всему, что было написано раньше, в те дни, когда после каждого очередного фельетона в редакцию являлся тот или иной гражданин и, направляясь к столу секретаря, спрашивал неизменно:

— Где я могу видеть человека, написавшего вчера бездарный пасквиль на меня?..

Я, привыкший уже к тому, что мой фельетон должен быть *обязательно* бездарен с точки зрения того, чье имя красуется в букете хлестких фраз, вставал из-за своего стола и скромно отвечал, что автор этого во всех отношениях неприятного фельетона есмь я.

Причем иногда чисто литературское любопытство заставляло меня поинтересоваться: «В чем же именно заключается эта самая бездарность?»

Самым характерным из всех уклончивых ответов на этот вопрос был, безусловно, ответ некоего гражданина:

«До сегодняшнего дня я читал ваши заметки с интересом, но сегодня вы допустили недопустимый пасквиль, ибо, прежде чем писать, нужно смотреть, о ком пишешь, а я как-никак не кто-нибудь, а советский работник, и подрывать мой авторитет — это значит подрывать авторитет советской власти, а так как власть у нас советская, значит подрывать советскую власть — это контрреволюционно, а главное, наказуется соответствующими статьями Уголовного кодекса».

Здравствуйте! Пиши, значит, про Бриана*, Муссолини*, так как они в профсоюзе соработников не состоят. Крой вовсю по Чемберлену*, ибо у него нет в кармане ни

пионерского галстука, не говоря уже о кандидатской карточке ВКП(б).

В общем, отдувайся на тех, которых даже трехлетний ребенок беспартийных родителей рисует не иначе, как с фашистским крестом на лбу и с хищно открытым ртом, из которого, по слабости художественной техники, вместо зубов выглядывает по меньшей мере бревенчатый частокол.

Авторитетный сотрудник нам нужен, слов нет. Но этот авторитет должен вырабатываться вдумчивым, а не казенным отношением к своему делу и честным, преданным революции трудом, а не замалчиванием и подкрашиванием часто расхлябанной действительности.

И вот почему я люблю остро отточенную шашку, выкованную из гибкой стали и чеканной строчки.

Вот почему нам наплевать на их истерические выкрики о «подрыве авторитета», ибо наша страна строится не на фундаменте из авторитетов отдельных личностей, а на цемента, который крепко связывает наше революционное стремление с нашим будничным строительством.

...А пока всем тем, которые попали под огонь фельетонных строчек, которые протестовали, злились и комкали нервно газету, которые приходили в редакцию и вместо дельных опровержений тащили длиннейшие столбцы ругательств по адресу фельетонистов, пожелаем напоследок ложку хорошего советского брома, который придется, вероятно, больше к месту, чем холодный лечебный душ газетного фельетона.

А я пока на Юг.

«Звезда» (Пермь), 1926, 25 марта

О КОРЗИНКЕ, ШЛЯПЕ И НРАВСТВЕННОСТИ

Письмо с дороги

Теплая, лунная ночь. Поезд черной, навивающейся змеей заползал все выше и выше в щели скал, столпившихся у подножья снеговых гор. Журчали пересыпанные лепестками отцветших вишен душистые, прохладные ручьи и, звякая медными колокольчиками, похрустывали стебельками сочных трав невидимые, прикипшие к земле верблюды.

И в эту-то прекрасную азиатскую ночь с верхней полки

пассажирского вагона кто-то насовсем спер нашу вещевую корзинку.

Весть о пропавшей корзине начала переходить по всему вагону. Люди, услышав одно из многочисленных слов, которым русский человек определяет факт кражи, начали просыпаться и торопливо осматривать собственные вещи.

— У кого это? — посыпались вопросы.

— Да вот у этих двух*, что на полке лежат.

— А чего ж они молчат? — спросил кто-то недоуменно.

— Курють... — пояснил рязанец из артели мужиков, отыскивающей заработка. — Лежат да курють...

По-видимому, это объяснение показалось малоудовлетворительным большинству пассажиров, потому что тот же хриплый бас изрек из черного угла:

— Брешут, должно... Симуляцию устраивают. Как так можно — корзину сперли, а они... ку-урють?

Вагон ахал, охал, начались бесконечные рассказы о покражах, случившихся по крайней мере на протяжении последнего десятка лет по всем концам железнодорожной сети.

Ругали проводников, жалеющих свечек*. Сочувствовали.

Сочувствие — вещь крайне бесполезная и никакой материальной ценности не имеет. Посему мы предпочли выйти в тамбур.

Огня не было, но лунные лучи, слившись с фейерверком паровозных искр, проносились мимо дрожащего окна и бросали сквозь стекла мутный зеленоватый свет.

В тамбуре стоял человек в старом, истрепанном донельзя пальто, сохранившем однако отпечаток былого шика, и в зеленой, изорванной шляпе, похожей на ту, что носят тамбовские мужики.

Пока он молчал, он казался еще молодым, но едва заговорил — хриплый надтреснутый голос выдал в нем старика.

— Скажите... — потянул он с ноткой почтительности, за которой пряталась едва уловимая усмешка. — Скажите... какой неприятный случай... Есть же такие безнравственные люди и, заметьте, чем дальше, тем больше...

Он замолчал, долго набивал трубку махоркой. Потом заговорил, сразу повышая голос:

— И чем дальше, тем больше. И чего же еще требовать?.. Устои нравственности подорваны, все перевернуто. Чего же вы хотите? Чего же вы хотите в данном случае от мелкого жулика, когда...

Он оборвался, замолчал, потом, резко снижая голос, добавил: устало:

— Не думайте, пожалуйста. Я не контрреволюционер. То есть я ненавижу, но знаю, что ничего не могу. А я имею право.

Потом, опять перескакивая на другой тон, в котором ядовитости было больше, чем силы, он сказал коротко:

— Я — князь Ухтомский... Меня оставили в покое. Я сказал им: «Я ненавижу, но не могу...» Я — знаток коннозаводства. Меня приглашали в Наркомзем*, но там (презрительный жест), там дворовые моего отца... Я сказал: «Нет и нет, я беден, но я горд».

Он замолчал, неторопливо выбил трубку и, раскланявшись, ушел в вагон.

Горы громоздились и, как старые узбеки, хмурились спокойные, перевитые чалмой белого снега.

Мы молчали.

— Да этого не переделаешь, крепок по-своему. Пошли в вагон.

*

Мы спали спокойно, красть у нас, кажется, больше было нечего. Утром, проснувшись, я хотел выйти на вокзал. Посмотрел на вешалку — моей новой фуражки не было.

Вместо нее висела старая дырявая шляпа вчерашнего знакомого.

Ташкент, апрель 1926 года

«Звезда» (Пермь), 1926, 18 апреля

МЫСЛИ О БЮРОКРАТИЗМЕ

Классический тип старорежимного бюрократа встречается теперь как редкость, сохранившаяся разве на какой-либо мелкой должности зав. канцелярии губархива¹,

¹ Г у б а р х и в — губернский архив.

или статбюро¹, или особой комиссии при губземуправлении².

В учреждениях же, которым по роду своего назначения приходится сталкиваться с массами или тесно увязывать свою работу с работой десятка других учреждений применительно к обстановке, выработался и новый тип советского бюрократа.

Бюрократы бывают активные и пассивные.

Пассивный менее вреден. Он молча и любезно выслушает просьбу, предложит подать заявление по одной из пятнадцати установленных форм, провести его через входящую и зайти за ответом через неделю, после чего через исходящую возвратит его обратно с аккуратно наложенной резолюцией о том, что таковая адресована не по адресу, а следует обратиться с ней туда-то и туда-то.

Он свято чтит раз установленную форму, боится всякой ломки, не любит говорить по телефону и, упаси боже, объясняться с кем-нибудь лично, а если и приходится, то говорит тихо, искренно, с ноткой сожаления о «невозможности исполнить», с ссылкой на соответствующие параграфы, пункты, разделы и так далее. Это наиболее распространенный тип, доставшийся нам по наследству от старого.

Активный бюрократ не таков. Он, наоборот,— имеет пристрастие к телефонам, электрическим звонкам в курьерскую и личным переговорам. Он сочувственно относится к «НОТ»³, часто носит значок «Лига времени», любит анкеты с заковыристыми вопросами, никогда не обороняется, а всегда нападает.

Он первый враг всевозможных непорядков, и это ему пришла блистательная идея отдать швейцару приказ, чтоб пальто сотрудникам не выдавались до тех пор, пока они не принесут справку от завканца⁴ об окончании работы. Он не затягивает ответов на неделю, а почти что не глядя накладывает резолюцию на всякую подsunутую бумагу. И его резолюция — камень, ибо, раз наложенная, она не терпит противоречий, хотя бы имеющих здравый смысл.

¹ Статбюро — статистическое бюро.

² Губземуправление — губернское земельное управление.

³ НОТ — научная организация труда.

⁴ Завканц — заведующий канцелярией.

И активные и пассивные бюрократы бывают часто ведомственниками.

Эта самая вредная, самая ядовитая разновидность. Проникнутые сапаристским* духом, забившиеся в глубину кабинетов, они воображают, что смысл всей революции заключается именно только в том, чтобы дать возможность жить возглавляемому ими учреждению. Их любимая фраза: «это нас не касается», «а какое нам дело» и «обратитесь по назначению». Они шарахаются от всякой бумаги, подписанной не их прямым начальством, часто уподобляются собакам на сене и не способны ни на малейшую жертву во имя здравого смысла, если таковая не предусмотрена присланным свыше циркуляром.

Много в Перми всяких учреждений, контор, представительств, трестов. И когда мне случается бывать в одном из них, я прохожу мимо заваленных бумагами комнат, всматриваюсь в лица, и я готов поручиться головой, что всякий склонившийся над столом зав или пред¹ счел бы личным оскорблением, если бы кто-нибудь спросил его: не присущи ли ему если не все, то хоть некоторые из указанных здесь бюрократических черт?

Печатная строка колом по голове не бьет. Но ничего. Мы раскачаем еще и еще раз, будем сообща бить тараном в каменную стену бюрократизма, издеваться над бюрократизмом вообще, издеваться над бюрократами в отдельности, рыскать гончими по трущобам волокитных зарослей, по закоулкам трестовских канцелярий, вытравливая закопавшихся в бумажную листву бюрократов.

И результаты... читатель увидит в ближайших номерах «Звезды».

«Звезда» (Пермь), 1926, 25 июля

СКАЗКА О БЕДНОМ СТАРИКЕ И ГОРДОМ БУХГАЛТЕРЕ

Жил да был в деревеньке Ягвинской, Ильинского района, бедный мужик Егор Макрушин. И такая у этого мужика мытарная жизнь была, что как ни бился, как ни крутился, а не было ему от судьбы удачи,— хотя ковырялся он

¹ Пред — сокращенно от «председатель».

в земле с утра до ночи, и старуха по дому работала, и даже бесхвостая Шавка огурцы в огороде стерегла от разбойных мальчишек, у которых своих огурцов сколько хочешь, а нет — подай им стариковы.

И вот однажды доняла старика горькая бедность, собрала ему старуха котомку, и пошел старик искать счастья-работы. Вернулся старик через несколько месяцев, не принес с собой ни денег, ни подарка, но зато принес старик хорошее слово для бабки.

— Был,— говорит,— я в славном городе Чермозе, работал у богатого хозяина Камметалла, заработал денег столько, что хоть на целую корову не хватит, но на телушку вполне, да еще на поросенка в придачу. А только за деньгами велели приходить опосля, когда БАЛАНС ВЫВЕДУТ*.

Пошел старик в сельсовет и спрашивает, что это за штука «баланс» и долго ли его выводить надо? Почесал председатель голову и говорит:

— Точно сказать не могу, но, по всей видимости, долго, потому что это хитрая штука и ее в канцелярии ученые люди выводят.

Ждал-пождал старик; напекла ему бабка лепешек, положила в мешок три луковицы, и пошел старик за шестьдесят верст, в город Чермоз, к хозяину Камметаллу заработок получать.

Сидит в Камметалле человек гордой наружности, а вокруг него столько бумаги, что целой деревней в год не перекурить. Посмотрел он на старика и говорит:

— Иди, добрый человек, обратно. Зайдешь недели через три. А сейчас нам КРЕДИТЫ НЕ ОТПУЩЕНЫ*.

Запечалился старик, обул покрепче ноги и поплелся обратно. Вернулся домой и зашел в сельсовет.

— Что,— говорит,— такое означает «кредиты не отпущены»?

Почесал ухо председатель и отвечает:

— А точно сказать не могу, но, вероятно, уж что-нибудь да означает.

Подождал три недели старик и опять попер в город пешедралом. Пришел в Камметалл и видит: сидит там прежний человек в чине бухгалтера, а вокруг него треск от счетов стоит, и так ловко люди счет ведут, что в один миг всю деревню обсчитать могут.

И говорит гордый бухгалтер старику таким же тоном:

— Иди, старик, обратно и приходи недельки через

три, у нас сейчас РЕОРГАНИЗАЦИЯ. ПРОВОДИТСЯ.

Запечалился старик еще пуще прежнего и попер обратно. А старуха на него закричала и ногами затопала.

— Если,— говорит,— в следующий раз не принесешь, я тебя из избы выгоню! Одних только лепешек сколько задаром я на тебя израсходовала, да лаптей десять пар лишних стоптал.

Пошел старик в четвертый раз и видит: сидит прежний человек, а вокруг него народу столько, что повернуться некуда, и у каждого в руках папки с бумагами. Замахал на старика руками бухгалтер.

— Уходи,— говорит,— отсюда обратно. Приходи сюда недельки через три. Иль не видишь, что у нас РЕВИЗИЯ ИДЕТ?

Взвыл тогда старик печальным голосом:

— Помилосердствуйте, господин начальник! Не пустит меня старуха в дом без денег. Третий месяц хожу. Лепешек старухиных без счету израсходовал, все лапти в износ пошли, почитай ПЯТЬСОТ ВЕРСТ за своими деньгами проходил. Имейте же жалость к моему положению.

Замахали тут руками контролеры-ревизоры за эдакие дерзостные слова, зазвенели звонки, забегали курьеры. Испугался старик шума-грома, схватил сумку и подался в дверь поспешно.

Сел тогда гордый бухгалтер на свое место, помешал ложечкой чай в стакане, затянулся папиросой и угостил покурить всех контролеров-ревизоров. И опять защелкали счета и пошел над бумагами сладкий дым.

«Звезда» (Пермь), 1926, 21 ноября

ПРОКЛЯТАЯ ДОЧЬ

Есть за городом возле оврага, возле маленькой речки Ягошихи, старое кладбище. Там, посередине, возле белой пустой церкви, торчат памятники над могилами умерших купцов, почетных граждан, убитых и просто мирно скончавшихся полковников и прочих знатных и видных горожан. Но чем дальше забираешься вглубь к краям кладбища, тем гуще и беспорядочней выбивается дикий кустарник, тем меньше мраморных плит и железных решеток.

Покосившиеся кресты рассыпаются сухой мертвой пылью, растрескавшиеся кирпичи затянуты язвами серой плесени.

Долго бродил я по узеньким тропкам, всматриваясь в надмогильные надписи, стихи и изречения, но по большей части эти надписи были схожи между собой, как обезличенные временем, состарившиеся кресты, как могилы двух близнецов, похороненных рядом, ибо оставшиеся в живых по большей части преподавали все один и тот же совет умершим в том смысле, что: «Спите, мол, спокойно, а мы не забудем вас», что, в сущности говоря, просто ложь и следует ее понимать так: «Спите спокойно, а мы будем жить».

Однако веками освященный обычай заставлял штамповать на памятниках привычную формулу, давно утратившую всякий смысл, так же, как твердо устанавливал, что над могилой каждого скончавшегося христианина даже «тати ношной»*, даже «душегуба и вора» — только не святотатца*, отверженного церковью, должен быть поставлен крест как символ окончательного расчета с земными судьями и здешними законами.

Возле церкви, наклонившись за тем, чтобы сорвать желтый цветок одуванчика, я остановился и отдернул протянутую руку — внизу лежала чугунная змея. И если бы здесь ползла настоящая кобра, то и это, вероятно, не так бы поразило меня, как то, что я увидел перед собою.

Втиснутая краями вровень с землей, лежала в траве заржавленная чугунная плита; и шершавая, грубо высеченная змея, мертвым кольцом охватывая плиту, кусала себя за хвост, а с плиты глядели вверх провалы круглых глаз, треугольного носа и оскаленные зубы страшной рожи.

Я содрогнулся. Я не мог понять: над кем это на христианском кладбище мог быть поставлен такой издевающийся, странный памятник?

С трудом разобрал полустертые буквы:

«1812 год. Анастасия,— про́клятая дочь Пермского исправника».

Долго не мог я оторвать глаз от мрачной могилы, запечатанной чугуном отцовского проклятья, и не заметил, как подошел ко мне какой-то человек и спросил, присаживаясь рядом:

— Смотрите? Да, этот памятник всех поражает, он слишком тяжел и мрачен. От него веет диким средне-

вековьем. Я не знаю, как было дело, но, говорят, что дочь исправника полюбила кого-то и у ней, у невенчанной, родился ребенок. Тогда отец проклял ее, и она умерла с горя.

Я спросил:

— Но почему же ее не похоронили где-нибудь с краю, а здесь на почетном месте, возле самого входа в церковь?

— Именно не на почетном. Затем, чтобы после смерти ее топтали ногами идущие молиться христиане.

Человек ушел скоро, я же долго еще сидел и думал:

«У ней, у невенчанной, родился ребенок. Ее заклеями проклятьем при жизни, и после смерти ее должны были топтать до тех пор, пока не сотрется чугун 15-пудовой плиты.

Почему же плита заржавела? По-видимому, ни у кого не хватает смелости вытирать ноги о страшное лицо еще нестершейся плиты. Не потому ли, что прежде чем успел стереться надмогильный чугун, многое стерлось и смелось навеки пролетевшими ураганами последнего десятилетия?»

«Звезда» (Пермь), 1926, 26 ноября

ЦЕНА ЖИЗНИ

Писать на врачебные темы трудно. Писать надо с большой осторожностью и осмотрительностью.

Во-первых, потому, что по большей части врачи — народ крайне болезненно реагирующий на всякую замечку, усматривая в ней травлю и подвох и не желая понять того, что раз навсегда заранее отказаться от освещения того или другого ненормального явления во врачебной практике — мы не можем и не должны.

Во-вторых, — болезнь явление сложное. И если придет ко мне посетитель и скажет, что у него аппендицит, а врач ему выдал справку о том, что у человека просто болит живот, то тут я бессильно разведу руками, ибо здесь ни через РКИ*, ни через местком, ни путем запроса вышестоящей профсоюзной организации — проверку произвести невозможно.

Но тем не менее, когда вчера мне передали материал о ребенке, приговоренном к смерти, я — медицинские по-

знания которого ограничиваются только умением отличить йод от касторового масла — запротестовал резко и бесповоротно. Ибо вопрос был чисто принципиальный, ибо в данном случае, по-моему, были нарушены самые элементарные правила врачебной этики.

Студент Булатников в течение долгих месяцев обивал пороги тубдиспансера, ожидая момента, когда, наконец, будет помещен в детскую санаторию «Подснежник» его девятилетний сын Витя.

С мая месяца по ноябрь он не только не смог получить ответа, но тубдиспансер даже не потрудился провести обследование жилищных условий больного. Наконец, долгожданный день осмотра был назначен и отец получил письменный ответ, гласящий, что, в виду «безнадежности» больного и невозможности облегчить его положение, прием в санаторию «Подснежник» бесцелен».

Это решение, ставящее крест над ребенком, было как гром с чистого неба на голову отца. Дело в том, что у него на руках были справки Детской клиники и заключение профессора Парина, в котором ничего не говорилось о безнадежности и, наоборот, подчеркивалась необходимость лечения ребенка в санаторных условиях. Не зная, что думать, Булатников обратился к самому директору клиники профессору Пичугину, который осмотрел ребенка и выдал справку, подтверждающую необходимость дальнейшего санаторного лечения.

Однако доктор Яхлаков не согласился с этим заключением и ребенок принят не был.

Компетентность столкнувшихся по данному вопросу врачей несомненна и, очевидно, вопрос действительно спорный. На каком же тогда основании тубдиспансер так решительно вычеркивает имя (сына) Булатникова из списков живущих? Не говорит ли здравый смысл, что если случай спорен, то нужно принять все меры к тому, чтобы направить разрешение его в наиболее благоприятную для больного сторону?

И не кажется ли здесь бесспорным, что доктор Яхлаков, будучи даже несогласным с мнением профессоров, — должен был поступиться собственным задетым самолюбием, покупаемым дорогой ценою — ценой настоящей человеческой жизни?

СЛУЧАЙ МАССОВОГО ГИПНОЗА

Некий молодой человек, 1906 года рождения, после долгого размышления о смысле жизни записал в свой дневник следующее, на первый взгляд, странное замечание: «С настоящего момента я даю себе слово всегда следовать указаниям Высшего Разума и законам магнетизма».

Или эта фраза действительно пропитана глубоким философским смыслом, или просто на свете дураков много, но благие результаты твердого и неуклонного пользования «законами магнетизма» начали сказываться тотчас же с необыкновенной ясностью.

Вооружившись нетерпением, молодой человек начинает действовать. Первое его выступление относится к ноябрю 1925 года, когда он, явившись в кабинет директора Надеждинского завода, назвал себя инженером-электромехаником первого разряда, окончившим Кунгурский техникум.

Директор завода посмотрел на юношу, на его безусое двадцатилетнее лицо, хотел было попросить предъявить соответствующие документы и дипломы, но глаза юноши глядели столь честно и открыто, что директор, мысленно обругав себя за бюрократические замашки, написал записку о том, чтобы инженера Черноусова зачислили в штат завода.

Однако через самое непродолжительное время кой у кого начинают возникать подозрения относительно действительности наличия звания инженера у Черноусова, и последний, обидевшись на сослуживцев, переводится в распределительное бюро механика того же завода, но здесь, заполняя анкету, он пишет уже, что окончил Томский технологический институт.

И только в марте месяце, когда уже для всех с достаточной ясностью видно, что инженер вовсе не инженер, а мошенник, авантюрист, то спохватившаяся администрация намекает на то, что недурно бы «проверить документы» и диплом Черноусова. Но, конечно, у инженера Черноусова документов никаких нет, и, вторично обидевшись на недоверие администрации, он уезжает дальше проявлять свои магнетические способности над крепкими головами советских хозяйственников.

В апреле мы уже застаем его в качестве инженера

Туринского завода с солидным окладом и переправленной анкетой, в которой значится, что ему лет не двадцать, а двадцать шесть и окончил он Омский техникум.

Так же, как и раньше, документов у него никто не спрашивал, и поверили человеку на слово. Через некоторое время результаты его работы были таковы, что он решил срочно покинуть завод.

В чем дело — покинуть так покинуть, деньги получены! А завод?

Мало ли у нас в СССР хороших заводов и плохих заводов.

Едет инженер в Баранчи, в один момент поступает на завод «Вольта», а в следующий расписывается в получении 150 рублей подъемных и сейчас же, сразу же, не задерживаясь, — дальше. Затем мы застаем инженера уже в Свердловске, мимоходом заходящим в «Торгмет» и получающим подъемных 160 рублей. На следующий день мы его видим уже в управлении Пермской железной дороги, где, отрекомендовав себя инженером службы связи, он тотчас же и без всякой волокиты получает назначение в Пермь помощником начальника участка связи.

Однако в Перми дело обернулось несколько сложней. Инженеру предложили представить «схему включения реостата с электрическим двигателем трехфазного тока». Казалось бы, положение действительно безвыходное, но Черноусов верит в силу магнетизма и под непосредственным руководством «Высшего Разума» составляет какую-то бессмысленную ерунду и отправляет ее в Свердловск.

Свердловские спецы, рассмотрев чертежи, ахнули и развели руками. Но Черноусова с работы не сняли и даже, несмотря на очевидную безграмотность составителя проекта, документов никаких не потребовали, а, наоборот, дали ему ответственную командировку в Кунгур по выяснению причин взрыва воздушного баллона.

Но Черноусов, верный своей тактике и почувствовавший на себе пристальные и подозрительные взгляды, предпочитает из командировки не возвращаться вовсе.

За несколько месяцев мы видим его то предлагающим свои услуги в Чусовском заводе, то в Челябинске — заводу сельскохозяйственных машин, то в Емшановском, затем застаем его в должности инженера, заведующего наружной электрической сетью города Челябинска, и, наконец, 8 декабря он приезжает в Пермь, а уже 9-го

назначается инженером по производству электрических работ Мотовилихинского завода, но... на этом и кончается его карьера. 10 декабря железнодорожное ГПУ арестовывает этого талантливый и неуловимый самозванец.

Будет суд, будет приговор, все это так. Но нас интересует не это, нас интересует магнетизм. Действительно ли это такая непреодолимая сила, что ни один из хозяйственников не мог додуматься до мысли, сколько вреда и сколько ущерба может принести один авантюрист при благосклонном попустительстве и халатности десятка намагнетизированных директоров?

«Звезда» (Пермь), 1927, 18 января

3000 ВОЛЬТ

Как-то раз редактор одной из провинциальных газет* призвал меня к себе и начал отчитывать следующими словами:

— Что это вы, дорогой товарищ, все больше сенсационными разоблачениями занимаетесь, пишете все в отрицательном смысле, совершенно игнорируя светлые стороны текущего момента? Все это говорит о том, что вы еще недостаточно прониклись духом пролетарского мирозерцания, а поэтому поезжайте сейчас же на собрание месткома кулечной фабрики и на заседания фабзавкома и РКК*. Это вдохнет в вас бодрость, и вы, как прозревший слепой, увидите светлые стороны, как они есть, в натуральном виде.

Но вышло так, что на кулечной фабрике решали вопрос о необходимости поставить вентилятор и выдать два года обещанную прозодежду, а на фабзавкоме горячо спорили о неправильном снижении расценок и необходимости поднятия производительности труда.

С обоими положениями я был вполне согласен, вставил даже одну реплику во время прений, но ушел подавленным, разочарованным, чувствуя, что напрасно истратил семь гривен на извозчика, ибо ничего особенного на этих собраниях я не увидел.

— Очень печально,— покачав головой, сказал мне редактор.— Тогда поезжайте сейчас же на спичечную фабрику наблюдать поднятие производительности труда,

а потом на съезд уполномоченных, чтобы увидеть собственноручно «столбовую дорогу к социализму» — то есть кооперацию.

Там случилось со мной то же самое.

Это было давно, и тогда на почве высказанных мною пессимистических взглядов у меня с редактором вышли серьезные разногласия*.

Вчера в 3 с половиной часа дня техник Силанов подошел к доске генераторного пульта, спокойно повернул рычажок, и 3000 вольт, бесшумно ударив провода, полились непрерывным горячим потоком на заводы Свердловска. Не было сказано по этому поводу ни одной торжественной фразы, ни обширного доклада о международном положении и кознях английских соглашателей, не было ни одного лишнего человека, кроме 8 очередных рабочих, незаметно распылившихся по разным концам огромного, сверкающего огнями здания.

Была деловая напряженность, простая и четкая, как ток, проходящий через мраморную доску пульта.

И эта глубокая простота еще ярче и еще резче выступает после того, когда узнаешь, сколько труда было затрачено, для того чтобы на краю болота, среди хмурого леса построить новую электростанцию. Первые кирпичи подвозились на лодках, первые бревна срубленных деревьев подтаскивались вручную. Первые сроки, к которым должна была быть пущена станция, назначались почти наугад.

Прошлomu горсовету рабочими был дан наказ — пустить станцию. Горсовет делал все, что мог, и, несмотря на целый ряд затруднений, добился все-таки, что в последний день, в тот день, когда его полномочия истекали и начинались новые перевыборы — новые наказания, с электростанции брызнул в город первый ток.

И все-таки, несмотря на то, что даже лошадь, в последнюю секунду взявшая приз у финиша, всегда вызывает бурю аплодисментов, — здесь аплодисментов не было, и не были они нужны ни инженеру, ни старику механику, впившемуся глазами в измерительные приборы, ни огромной турбине, бешенством 3000 оборотов в минуту посылающей ток в провода.

Люди (их всего-то восемь человек) растаяли. Люди уступили первенство машинам, и еще ярче и еще подчеркнутей становится видной эта простая, почти суровая

скромность тех, которые влили сегодня в проволочные жилы города живительную электрическую кровь.

Уходил я с электростанции с неохотой, хотелось остаться дольше, но не было времени. И я подумал, кто прав, кто виноват — дело темное, но только здесь гул машин, запертых рукой человека в полупустом замке, молчаливый поворот рычага рабочей рукой заставил меня почувствовать дух эпохи гораздо сильнее, нежели на торжественных заседаниях, скучных докладах и однотонных собраниях, в которых я не мог уловить того, чего от меня требовали.

«Уральский рабочий» (Свердловск), 1927, 11 февраля

ЧЕЛОВЕК НА ВЕРЕВКЕ

Просвещение внедряется в самую толщу масс. Например, во многих деревнях поставлены громкоговорители, проведено электричество, не говоря уже об интенсификации сельского хозяйства при помощи всяких машинных приспособлений.

Поглядишь, с внешнего вида, на такую деревню под новым названием «Заря социализма» или еще как — и ахнешь. «Что, — подумаешь, — это такое? Да разве ж это прежние «Кривые овражки»?..» Так, постоишь-постоишь, восхищаясь, и уйдешь с тем, чтобы начать писать двухтомный труд о «психологическом сдвиге деревни за годы революции» и о неоспоримом влиянии культуры на быт и нравы ее обитателей.

Если же и запротестует кто: «Как такое, — скажет, — чтобы целые два тома, на основании поверхностных наблюдений?» — так это очень даже глупо. Что же прикажете автору по всем хлевам, что ли, пройти, или на скотном дворе изучать бытовые вопросы?

Хлев, он хлевом и останется. В хлеве грязь и прочие неприятные детали, а скотный двор — учреждение абсолютно нестоящее внимания, ибо, право, он подобен английскому парламенту в том отношении, что психику твердолобых баранов революция вряд ли зарядила большей подвижностью, чем мозги «твердокаменных» консерваторов, слепо отрицающих процесс революционизирования «Великой Британии».

Но заглянем все-таки и на скотный двор, ибо часто,

при обысках, характерные документы прячутся именно в тех местах, где можно менее всего предполагать.

В деревне Коновалово, Уральской области, Свердловского округа давно когда-то, еще когда «гнали» новобранцев на великую империалистическую бойню, когда в пьяном угаре прощались рекруты с оставленными женами и, нудно надрываясь, выворачивала нутро пьяная от самогона гармошка, у местного кулака Михалева Михаила сошла с ума после тифа двухлетняя дочь. Будучи человеком религиозным, заказал он молебен об «изгнании нечистого духа», но так как вышеозначенный дух, не вняв заклинаниям местного ерея*, не покинул заболевшего ребенка, то кулак Михалев Михаил вывел ее в хлев, ввинтил крепкое кольцо в стену и, размотавши вожжу, привязал на нее двухлетнего ребенка, с тем расчетом, чтобы она могла сделать два шага вперед, два шага в сторону, но не более.

И так шли годы.

Грохотали орудия далекого германского фронта. Орали солдаты — «Соловей, соловей, пташечка, канареечка жалобно поет», росла злоба умирающих по фронтам людей и все чаще и чаще раздавались крики: «Долой царизм!» — а ребенок рос.

И так шли годы.

Розовыми бантами окуталась февральская земля (1917 года.— *Ред.*), и серые солдаты кричали: «Да здравствует свобода!» и «Долой десять министров-капиталистов!», а мужики, захватив землю, жгли имения помещиков и мстили за вековой гнет. А веревка только чуть побтерлась, и глаза сумасшедшей девчонки из голубых стали серыми.

И еще так шли годы.

Ударил тревожным набатом гулкий Октябрь. Дрогнула земля. И железными строчками пулеметных очередей, мертвым изгибом занесенных шашек схватились в окончательную и за право жить два непримиримых врага. Но... не было уже больше девочки, а была девушка с выцветшими, каменного цвета, глазами и лицом белым, как росток подсолнечника, выросший в подвале.

Потом организовалась комячейка, появился женорганизатор, сельскохозяйственные машины, радиоприемник, волисполком, ячейка ВКП(б), ячейка ВЛКСМ, начала вестись культработа, открылась изба-читальня,

но... и до сегодняшнего дня в хлеву кулака Михаила Михалева крепко привязана за шею бледная тень цепного человека, питающаяся куриным месивом.

И когда кричат петухи, приветствуя зарю, она тоже тихонько смеется безумным странным смехом.

И жутко что-то от этого смеха становится. Жутко потому, что до сих пор ни ячейка ВКП (б), ни ячейка ВЛКСМ, ни волисполком не задумались еще над тем — не пора ли взмахом ножа перерезать веревку, не пора ли дать амнистию человеку — деспотическою волею кулака десять с лишним лет привязанному к стене, к мертвой стене, к стене глухой тупости, дикости и средневекового невежества.

«Уральский рабочий» (Свердловск), 1927, 18 февраля

ЯРЛЫК

Объявить здорового человека сумасшедшим в сущности не так трудно. Стоит только обратить внимание окружающих на ту или иную привычку человека, на его походку, на странную манеру как-то особенно громко сморкаться или на подозрительный способ зажигания спичек о подошву. Ну мало ли еще на что? И тотчас же найдется масса людей, которые не только согласятся с самым абсурдным заявлением, но больше того, — тотчас же будут утверждать, что они *сами уже* давно замечали, подозревали и т. д.

И стоит тогда подозреваемому человеку потянуться рукой за зажигалкой, как найдутся очевидцы, которые будут утверждать на всех перекрестках: что зажигалка вовсе не зажигалка, а финский нож, и что глаза у человека горели в тот момент безумным и явно злодейским блеском.

Пропадет тогда человек ни за что, ибо чем больше он будет злиться, спорить, доказывать, тем меньше ему будет веры.

Однажды некая уктусская комсомолка зашла в местный магазин и, энергично проталкиваясь к кассе, заметила, что впереди ее очутилась маленькая худенькая девчурка лет 11—12. Комсомолка попробовала было вытеснить девчонку, но та, будучи уже дважды отталкиваема взрослыми от кассы, продолжала настойчиво пробираться к

кассе, с упорством зажимая в руке пятак. Тогда комсомолка решительно оттолкнула маленькую покупательницу и, назвав ее сумасшедшею, стала на ее место.

Вероятно, дело этим и ограничилось бы, если бы эта комсомолка, встретившись с заведующей уктусской школой, гр. Кузнецовой, по пути, для красного словца, не приврала ей, что видела сейчас в лавке девчонку Екатерину Никитину, которая «так нахально толкалась, что, вероятно, сошла с ума».

По странному стечению обстоятельств, Никитина оказалась ученицей школы Кузнецовой и не просто ученицей, а дочерью той самой «негодной матери», которая недавно имела смелость публично бросить обвинение преподавателям школы в том, что подготовка учеников хромает и преподавание ведется крайне небрежно.

Воспользовавшись полученным заявлением о ненормальности девочки, зав. школой Кузнецова приступила к действию.

Через некоторое непродолжительное время девочку посадили на заднюю парту, а все учащиеся ребяташки были информированы о том, что среди них есть сумасшедшая.

«Сумасшедшую» начали травить, за ней ходили ватагами, улюлюкали, дергали ее за руки, щипали и били, а когда однажды выведенная из себя она попробовала было сопротивляться, то учительница Кузнецова взяла ее за руку, провела через весь класс и, бросив ее на пол, приказала ей лежать, а сама, усевшись среди ребяташек, прочитала им короткую популярную лекцию: «О вреде сумасшествия и об опасности совместного с ними пребывания».

В продолжение всего этого девчурка лежала на полу, не смея подняться, и плакала, но... слезы — это еще не аргумент, а особенно слезы маленькой девчонки, к тому же еще объявленной ненормальной.

Не помогли и справки известных докторов-специалистов, *категорически отрицавших всякую ненормальность девочки*. Не помог приезжавший из РайОНО специально присланный товарищ, приказавший прекратить эту травлю. Было созвано совещание школьного совета, на котором матери Никитиной объявили, что ее ребенок исключается из школы *за ненормальность*.

Причем, воспользовавшись удобным случаем, матери Никитиной громогласно заявили, что *девочке, конечно,*

нечего делать в той самой школе, на порядки которой с возмутительной дерзостью нападала мать!..

То есть: расчет был произведен полностью на все сто процентов, ибо, как это говорится, каждому воздастся по его заслугам, а мораль отсюда — держи язык за зубами!..

Девочке этой сейчас лет одиннадцать-двенадцать и, вероятно, с этого времени на ней навсегда останется ярлык «сумасшедшей», крепко приклеенный тяжелой рукой Кузнецовой. Впрочем, в будущем, возможно, ярлык этот будет вполне соответствовать содержанию, ибо, если самого здорового человека — хотя бы вас, читатель — упорно и настойчиво изо дня в день объявлять сумасшедшим, то рано или поздно, а все-таки человек надолго, всерьез и по-настоящему сойдет с ума.

«Уральский рабочий» (Свердловск), 1927, 17 апреля

ПАСХАЛЬНЫЕ НАСТРОЕНИЯ

Пасха близка. За стеною мой сосед по квартире — прядильщик Кунцевской фабрики «Сакса» — говорит жене:

— Калоши подождем покупать. Конечно, грязь... против этого не говорю, однако, приближаются расходы. Гости к пасхе будут*, угощение... выпивка... понимаешь, все это денег стоит. Я, конечно, насчет религии не особенно чтобы... но все-таки не нами было заведено, не нам и отменять.

Сосед у меня пожилой. Ему лет 40. А жене его — 26.

Минуты две за стеной молчание. Видимо, жена колеблется. Затем из-за стены слышится ее нерешительный голос:

— Васенька!.. гости... все это хорошо, но ведь башмаки. Мишутке надо, а кроме этого, галош две пары... Гости — что. Гости на один день. Поели, попили и ушли. Да хорошо еще, когда просто ушли. А то, помнишь, прошлый год стекло в окне испортили? Да еще Васюков спяну папиросой одеяло прожег. Боюсь я, Васенька, чтобы и на сегодняшний раз опять того же не было.

— Ну и будет!.. будет! — раздраженно отвечает муж. — Однако пасха не каждый месяц бывает. Ну по-

жмемся. Мишка и без ботинок обойдется. Подумаешь, не барин, сможет и босиком побегать. Да и галоши тоже необязательно. Без галош все-таки можно, а пасху не справить нельзя. Уж кроме всего прочего, товарищи засмеют. Жадный, скажут. Пасха Христова... Можно сказать, и Иисус воскрес, а у них дома ни одной бутылки. Конечно, не в Иисусе дело... я и сам насчет Иисуса не особенно... Но ведь обычай такой... привычка. Придется, Маня, пожалеться. Ну, потерпим как-нибудь... Нельзя же от людей отставать.

«Нельзя отставать от людей»,— думал я. Поэтому вчера у соседа на обед только картошку с луком жарили. Поэтому жена его хлюпает по кунцевской грязи без галош, а сыну Мишке отец кричит:

— Подвяжи, идол, подметку веревкой, а то оторвется вовсе. Тут и без тебя расходов много. Тут пасха на носу... праздник. На гостей не меньше пятнадцати стратить придется. Где тут выкроишь тебе на ботинки? Подвяжи пока веревкой, сопливый черт.

Мишка долго прикручивает бечевой отставшую подошву и, хлюпая по грязи, бормочет:

— Пасха... Чтобы она пропала. Водки две четверти купили... Чтобы не хуже людей.

«Не хуже, как у людей»,— все заразились этим. Я знаю, что банкаброш* Федор Симаков прямо заявил жене:

— Будем после пасхи на соленых огурцах сидеть... капусту жрать... экономить. А чтобы пасха у нас на ять прошла. Чтобы водкой и закуской всех соседей забить.

А присучальщик* Малинкин еще резче жене заявил:

— Ты, Танечка, возьми из сберкасы деньги, которые мне на костюм копишь. На костюм наплевать, обходился я без него, обойдусь и еще. Пасху чтоб не хуже людей встретить.

Странные, смешные люди. Они отрывают рубли и копейки от самого необходимого. Они раскошеляются, вытаскивают с трудом заработанные, пропахшие потом зеленые трехрублевки, синие пятерки и посылают своих жен за покупками к пасхе.

«Голос текстилей» (Москва), 1928, 6 апреля

ПЕРЕСЕКРЕТНИЧАЛИ

Конечно, осторожность никогда не мешает. Знаете, — всякие там подозрительные личности с иностранным акцентом. Распустишь язык — глядишь, на хозяйственный шпионаж нарвался!

Однако до крайности секретничать нельзя, а то смешно получится и нелепо. Как, например, было на Моршанской фабрике, Тамбовского уезда.

Приходит однажды зав. отделом экономики труда фабрики т. Розенкранц к зам. директора. В руках бумажку держит, и видно сразу по походке, что окончательно волнуется человек.

— Вот, — говорит он таинственным голосом, — запрашивают с нас сведения...

— Сведения? — нахмурился зам. директора. — Какие еще такие сведения? У нас никаких сведений нет! Наверно, всякие темные личности хотят к секретам производства подъехать!..

— Да не темные, — уныло поправил его зав. отделом экономики труда, — и не личности, а соседний Рязанский губотдел текстильщиков просит... Ну, как бы в виде товарищеского одолжения...

— Губотдел?.. Гм! Конечно, губотдел не личность, а все-таки, знаете, осторожность соблюдать надо. Мы, скажем, сообщим в губотдел, а в губотделе, может, машинистка в иностранного агента влюбится, а тот агент через тую любовь сведения выкрадет. Мало ли подходящих случаев в кино показывают? А отвечать кто будет? Мы будем!

— Да ведь обидится губотдел, хоть он и чужой губернии, ежели отмолчатся на ихнюю просьбу.

— А вы знаете что? — догадался директор. — Вы поделикатнее как-нибудь. Отпишите в том смысле, что мы бы, конечно, с удовольствием для ихнего удовольствия, но, опасаясь вызвать неудовольствие вышестоящих органов, просим вас адресоваться прямо в гострест грубых сукон, а ежели он уже разрешит, то тогда мы к вашим услугам. А дальше — с товарищеским приветом и т. д.

Бумажку такого содержания как раз и получил в ответ Рязанский губотдел текстильщиков.

Может быть, теперь читатель захочет узнать: что ж

это были за «секретные сведения», к которым подбирался хитрый Рязанский губотдел?

В том-то и дело, что секретов никаких он не выпрашивал и всего-то навсего просил сообщить ему для сравнения «ШТАТ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРСОНАЛА И СЛУЖАЩИХ КОНТОРЫ».

И больше ничего!

«Голос текстилей» (Москва), 1928, 12 сентября

ТАБЕЛЬ О РАНГАХ*

Раньше было проще. Упомянутый табель ясно указывал чиновнику его место в запутанной канцелярии Российской империи. Каждый сверчок знал свой шесток. И с этого исторического шестка он или «покорнейше» свиристал, обращаясь к особам, восседавшим выше него, или громоподобно рычал на тех, кои волею судеб занимали нижние ступени иерархической лестницы.

Ставший теперь нарицательным именем, достопримечательный титулярный советник, имея необходимость обратиться к высокой особе, начинал приблизительно так:

«Ваше Высокопревосходительство! Имею честь покорнейше просить соизволить обратить благосклонное внимание» и т. д.

Если письмо писалось не к превосходительству, а просто к благородию, то можно было с успехом, не нарушая правил чинопочитания, пропустить из упомянутого обращения слова «покорнейше», «соизволить», а также можно было похерить и «честь». Благородие — не велика шишка, обойдется и без «честь». Если же обращение адресовалось к лицу маленькому, незначительному, то соответственно этому менялся и тон письма. Например: «Городовому Гапкину.

Их высокоблагородие приказали предупредить: если от тебя будет и впредь разить водкой и луком, а от сапог твоих колесным дегтем, то он турнет тебя, мерзавца, всыпав предварительно суток двадцать ареста».

Коротко и ясно. И на сем понятном языке хорошо и спокойно пересвистывались титулованные насекомые со своих насиженных шестков.

«Табель о рангах» ныне уничтожен, но сами чиновники живучи и, следовательно, чиновничьи традиции — тоже. Правда, хитрый чиновник не растерялся и составил, так сказать, неписанный табель.

Скажем, председатель губисполкома — это вроде губернатора. Военный комиссар — воинский начальник. Председатель горсовета — глава городской управы: Завгубсоцстрахом — попечитель богоугодных заведений*. Завженотделом... гм... это, конечно, труднее. Ну, скажем, дама-патронесса — председательница общества призрения одиноких женщин и т. д.

И, руководствуясь указанной классификацией, советские чиновники свято блюдают иерархические обычаи. Подумать только, сколько голов задумывается над тем, как составить бумажку: «прошу» или «предлагаю», «приказал» или «распорядился», «к выполнению» или «к руководству».

И часто, отыскивая форму наиболее подходящего обращения, эти чиновники забывают о сути и смысле бумаги, соблюдая лишь, чтобы сама формула строго соответствовала достоинству переписывающихся учреждений или лиц.

Что получается, когда кто-либо, не искушенный в тонкостях чинопочитания, допустит промах, с достаточной ясностью показывает следующий факт.

Обыкновенный и не слишком ученый рабочий, председатель месткома транспортников № 9, составил корявую, но дельную бумажку и направил ее начальнику разъезда Шелекса. Он указывал, что почта и газеты, адресованные в местком, выдаются начальником кому попало и поэтому часто пропадают. Причем предместкома неосторожно «предложил» начальнику выдавать корреспонденцию только лицам, снабженным соответствующими удостоверениями.

Гнев и ужас охватили изумленного начальника. Нарушены все правила субординации. Попраны устои неписаного табеля о рангах. Подан пагубный пример для общественной нравственности. Открыто пахнет духом анархии и безначалия — ему, титулярному начальнику разъезда, «предлагают»! Имеет ли право местком предлагать, в то время, когда в силу своего незнатного происхождения он может только «покорнейше просить»?!

И рьяный начальник, не входя в деловое обсуждение

вопроса, дает достойный ответ забывшимся месткомовцам. Вот дословно его резолюция, торопливо написанная ядовитым жалом оскорбленного пера:

«Предлагать вы можете:

1. только своей жене.

2. своим подчиненным, если у вас таковые имеются...»

Засим следует точка и подпись с росчерком. За подписью же следует наше недоумение: почему начальник оказался столь мягким, что ограничился только отповедью? Надо было привлечь местком к суду за оскорбление, надо было раз навсегда отбить охоту у неискушенных людей обходить законы канцелярских традиций. Надо было, чтоб «действительные тайные» и «действительные явные» бюрократы воспрянули духом и почувствовали, что их корпоративная честь находится не только под охраной неписаных, но и писаных законов. В конце концов, можно внести соответствующие дополнения в уголовный кодекс.

Чтобы каждый рожденный «просить» не имел права «предлагать». Чтобы беспартийный, например, не смел хитро подписаться в конце письма «с коммунистическим приветом».

Надо разделить приветы на категории: 1) простые, 2) гражданские, 3) товарищеские, 4) коммунистические. Разбить просьбы на: 1) простые, 2) почтительные, 3) покорнейшие.

И надо строго регламентировать, кто и каким обращением имеет право пользоваться. Тогда не будет недоразумений и головоломок.

Если неудобно будет провести это в законодательном порядке под видом положения «о советском чиновничестве», то можно попробовать протащить под маркой рационализации и стандартизации канцелярских взаимоотношений.

«Волна» («Правда Севера») Архангельск, 1929, 3 января

ДВЕСТИ ВЫСТРЕЛОВ

Скромный человек — нынче редкость, а прихвастнуть при случае почти всякий горазд. Особенно когда разговор гражданской войны коснется — такая уж это благоприятная тема.

Иной как будто бы и тихий, и членские взносы аккуратно платит, и фланелевый набрюшник носит, ну, вообще скромный и непьющий человек. А послушаешь этого непьющего человека после того, как оглушит он полбутылки на интимной вечеринке товарищеских воспоминаний, прямо удивишься. Властные движения. В глазах блеск. В голосе металл. В руках стальное лезвие перепачканного горчицей ножа.

— Ну, Атилла!* — скажешь. — Ну, Тамерлан!* Ну, окончательно Буденный в ночь перед знаменитой битвой у Хопра.

— Я, — говорит, — бегу. Пулеметы строчат понизу. Аэропланы шмыгают поверху, а с середины батарея вдарила. Ну, — думаю, — вдаряй, наемница международной буржуазии. Пронизывай снарядами мое пролетарское тело, все равно не удержать тебе моего революционного бега.

Конечно, почти всегда найдется в компании скептик и спросит ехидно, якобы с наивностью:

— А позвольте, дорогой товарищ, в каком направлении ваш революционный бег понимать следует? То есть в сторону противника или обратную от расположения онного?

Вообще, полезный народ эти скептики. Хвастуна вовремя оборвут, а настоящий герой, так сказать, по природе всегда скромен. Он и так распространяться не будет.

Возьмем хотя бы Жолобова А. В. Человек он мрачный, скупой на слова. Боевое прошлое вспоминать не любит, разных там интервью и расспросов тоже, а между тем какая яркая, огневая, в прошлом, жизнь.

1918 год. Неприятель врывается в Емецк. Жолобов окружен. Жолобов почти захвачен. Скромный летописец емецких событий так красочно описывает этот случай:

«И тогда, будучи почти пойманным, он, как тигр, разнобразно вооруженный до зубов, выскочил в дикой ярости и, глянув в лицо врагам, сиганул через забор, направляя свой вольный бег к свободным просторам. Более 200 выстрелов раздалось ему вслед. Но гордый организатор не-

удавшегося восстания исчез в темноте с тем, чтобы в дальнейшем с новой силой и энергией продолжать свою борьбу».

«Разнообразно вооруженный тигр» — это, конечно, не больше, как поэтическая метафора. Но согласитесь сами, что если один раздавшийся за спиной выстрел может вызвать у вас некоторое смятение духа, то что должен был испытать Жолобов, чувствующий за собою зловещий свист целого килограмма посланного вдогонку свинца?!

Дальше, описывая последующие подвиги Жолобова, тот же скромный летописец повествует о том, как Жолобов храбро дрался на фронте и как за особые боевые заслуги он был награжден двумя орденами и почетной грамотой. А затем, покрыв себя неувядаемой славой, из огней гражданской войны вышел на дорогу мирного социалистического строительства. И, наконец, как советская власть, памятуя прежние жолобовские заслуги, выдвигает его неуклонно по работе мирного фронта.

«Но позвольте, позвольте, — завопят тут некоторые читатели. — По-видимому, это речь идет о том самом Жолобове, который сейчас состоит председателем 1-го месткома союза строителей? Но почему мы никогда не слыхали от него самого истории его замечательных подвигов? Почему, наконец, мы никогда не видали на его груди тех двух орденов, о которых вы упоминаете? Это уже не просто скромность, это какая-то болезненная скромность. Может быть, товарищ раньше на фронтах надорвался? Может быть, извините, у него какой-нибудь травматический психоз на почве 200 выстрелов и прочих бытовых неприятностей? В чем тут дело?»

А дело вот в чем.

200 выстрелов — не выдумка. Но пущены они были красными по убежавшему руководителю кулацкого восстания Жолобову.

Ордена — не выдумка. Но пожалованы они были белогвардейцами заядлому миллеровцу Жолобову.

Выдвижение — не выдумка. Выдвигает его профсоюз в губотдел строителей.

Выдумка только одна — будто бы советская власть вознаграждает Жолобова за прошлые славные дела

Награждают его тупые бюрократы из профсоюза, которым, как и всем окружающим, хорошо известно прошлое мате-рого белогвардейца.

А настоящий расчет и настоящая награда — впереди.

*«Волна» («Правда Севера») Архангельск,
1929, 20 января*

СОРОК ВОПРОСОВ

Выдумали какую-то «Викторину». Очень несуразная, по-моему, игра. Задают человеку вопрос: кто такой Буцефал?

«— Извиняюсь,— отвечает тот,— не могу припомнить, что это за личность. Возможно, что какой-нибудь контрреволюционный генерал по подавлению колониальных восстаний, а возможно, что есть этот тов. Буцефал самоотверженный революционер, томящийся в тюрьмах мирового фашизма.

— Нет,— возражают хитроумные люди.— Во-первых, Буцефал — это не современный политический деятель, ибо сдох он невообразимое количество веков тому назад. Во-вторых, это не личность, а исторический скот, то есть конь древнего царя Александра Македонского»*.

Будьте живы, здоровы! С какой же это стати должен человек загромождать свою голову именами исторических жеребцов или напрягать память, припоминая кличку любимой кошки младшей дочери первого фараона третьей династии? Абсолютно несуразная и никчемная, по-моему, игра. Если вы хотите по-настоящему тренировать мозги, укреплять память и доказывать гибкость своего ума, то не играйте в «Викторину», занесенную с гнилого Запада, а играйте только в здоровую пролетарскую «Докладину».

Сия новая и поучительная «Докладина» изобретена архангельским губернским Союзом деревообделочников и выгодно отличается тем, что затрагивает вопросы исключительно современные и злободневные. Начинается эта игра примерно так: вывешивается на стену извещение —

«ПОВЕСТКА ДНЯ

ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА СОЮЗА ДЕРЕВООБДЕЛОЧНИКОВ

на 26 января 1929 г.»

На повестке дня стоит 40 вопросов (сорок). Если на каждый вопрос затратить только по 10 минут, то пришлось бы просидеть на заседании без перерыва около 7 часов. Поэтому между докладчиками начинаются состязания на быстроту изложения сути затрагиваемого вопроса. Скорость получается подчас изумительная, например: приступая к докладу о пятилетнем плане промышленности, оратор закуривает папиросу, пепел стряхивает уже во время развернувшихся прений и отбрасывает в урну окурки как раз в тот момент, когда садится на стул, закончив заключительное слово.

Из сорока вопросов, значащихся на повестке, по крайней мере пятнадцать таких, которые в обычных условиях ставятся только по одному на заседание. Перечисляем только некоторые из них:

1. Доклад о мероприятиях по снижению себестоимости.
2. Пятилетний план промышленности.
3. Как провести смотр красной казармы*.
4. Доклады завкомов о ходе ликвидации неграмотности.
5. Рассмотрение смет клубов.
6. О срыве лесозаводами производственной программы.
7. Обсуждение нового колдоговора* и т. д.

Припомнить, кто был такой Буцефал или в котором году прорезался первый зуб у теперешнего председателя Совнаркома,— это все-таки не такая мудреная штука. Есть на это энциклопедические словари и биографические справочники. А вот в течение пяти минут послушать доклад, выяснить причины и наметить практические меры к устранению невыполнения производственной программы — это куда сложнее. Так же как сложнее проработать колдоговор в срок, необходимый только для того, чтобы выпить стакан чаю или, чихнув от табачного дыма, успеть начать и закончить доклад о «задачах Союза в деле обороны страны», раньше чем сосед спохватится сказать «будьте здоровы».

Мы горячо приветствуем игру, изобретенную президиумом Союза деревообделочников. И мы надеемся, что, натренировавшись, деревообделочники покажут нам еще большие достижения, то есть еще увеличат в недалеком будущем число вопросов и еще укоротят сроки выступлений для докладчиков. Тогда будет совсем превосходно.

Поднимется с места председатель и объявит:

— Заседание считаю открытым. Докладчики имеют по

3 минуты. Выступления в прениях 30 секунд и заключительное слово 1 минута. Вопрос 1-й — доклад тов. Иванова: «Проблема мировой революции и задачи нашего Союза». Так как на повестке дня стоит еще 99 не менее важных вопросов, попрошу ораторов строго придерживаться установленного регламента.

*«Волна» («Правда Севера») Архангельск,
1929, 5 февраля*

ПРОФСОЮЗНЫЕ ИСПАНЦЫ XIV ВЕКА

До сих пор я думал, что ведьмы, колдуны и черти окончательно лишены права союзного гражданства и существуют только кое-где в воображении наиболее темных и отсталых обитателей глухих углов нашей обширной страны.

Оказывается, ничего подобного. В Архангельске настоящая, нефальсифицированная ведьма может поступить через биржу труда на службу, а доподлинный средневековый черт имеет право числиться членом профсоюза любой секции — от металлистов до просвещенцев включительно.

Несколько рабочих барака № 52 то ли по невежеству, то ли из озорства отослали в фабзавком при лесозаводе № 2 заявление, в котором просили уволить уборщицу в виду того, что она ведьма, страдает заразными кожными болезнями и занимается колдовством.

В чем именно конкретно выражалось это малопочтенное занятие, в заявлении не указано. Но это и не так важно, ибо святые отцы и достопочтенные испанцы — инквизиторы средних веков* — путем увещевания дыбою, плетями и огнем достоверно допытались, что неблаговидное поведение означенных ведьм заключается в том, что на метле, в ступе и на прочих безмоторных планерах оные женщины направляют свой полет на вершины избранных гор и, очутившись среди преступной компании чертей и колдунов, занимаются легкомысленным и греховным времяпрепровождением.

Фабзавком лесозавода № 2 был в это время загружен вопросами о ликвидации неграмотности и необходимости поднятия культурного уровня масс, а поэтому он не обратил достаточного внимания на нелепость заявления и вместо того, чтобы объяснить рабочим всю глупость их

заблуждения, наложил резолюцию, в которой предлагал комиссии охраны труда разобрать этот вопрос и дать свое заключение.

Нам неизвестно, как именно производила обследование упомянутая комиссия. Вероятно, она сняла точные показания: сколько раз в неделю совершаются полеты? Совершаются ли они в дни отдыха в качестве законной праздничной экскурсии или имеют место в рабочие дни и тем самым способствуют увеличению прогулов? Как обставлена техника самого полета, то есть дается ли старт с аэродрома или по принципу автожира* аппарат взвивается прямо через трубу без разбега? И, наконец, оборудованы ли летательные аппараты, т. е. метла или ступа, в соответствии с обязательными требованиями безопасности, как, например, прожекторами, звуковыми сигналами и прочими достижениями современной техники?

Но во всяком случае, комиссия охраны труда выяснила, очевидно, все относящиеся к этому делу факты весьма добросовестно и зафиксировала это в своей резолюции, с удовлетворением принятой к сведению завкомом. Резолюция эта дословно гласит следующее:

«Факт заболевания кожными болезнями не подтвердился, что же касается колдовства, то поставить это ей (ведьме.— А.Г.) на вид...»

Я не знаю, чему после этого удивляться? Тому ли, что профсоюзные испанцы ограничились только тем, что объявили ведьме профсоюзный выговор, а не постановили, по примеру своих испанских предшественников, устроить публичное сожжение, распределив на присутствие при оном билеты через завком и месткомы? То ли тому, как велики еще залежи глупости и невежества даже в таких, казалось бы, культурных учреждениях, какими должны быть комиссии охраны труда и фабзавкомы?

*«Волна» («Правда Севера») Архангельск,
1929, 7 апреля*

ДАЛЬТОН-ПЛАН* В ВОЛОГДЕ

Если верить энциклопедическому словарю, то выходит, что древний мудрец Пифагор* положил основание педагогике как науке о воспитании детей.

Правда, он проповедовал некоторые, на первый взгляд очень странные, идеи. Например, он утверждал, что розга, ремень или кулак — это еще не суть необходимые атрибуты достойного уважения воспитателя.

Кроме того, он излагал подозрительные мысли о том, что необходимо достигнуть надлежащего равновесия между душевной и телесной стороной воспитываемого ребенка.

В общем, совершенно очевидно, что старик был добр, чудаковат, но заражен духом вредного идеализма, отнюдь не пригодного к применению в практике работы хотя бы Вологодского окрОНО.

То, что бытие определяет сознание, известно уже каждому пионеру. Но то, чтобы б и т ь е определяло сознание и готовило детей к почетной роли завершителей построения социализма, об этом знает пока только группа воспитателей Комельского детдома да Вологодское окрОНО, с молчаливого согласия которого проверяется на воспитанниках детдома правильность вновь открытой теории.

Скажем, воспитанник Копылов коварно и злоумышленно похитил из детдомовского огорода морковку. Если следовать учению идеалиста Пифагора, то, пожалуй, пришлось бы вызвать похитителя, объяснить ему всю неблагоприятность его поступка, заставить почувствовать стыд, угрызение совести и ощущение поколебленного душевного равновесия. Как видите, вся эта процедура отнимет довольно много времени и вряд ли приведет к положительным результатам.

В Комельском детдоме дело обстоит значительно проще... Там воспитатель Лебедев приказывает изловить правонарушителя и в присутствии выстроенных для благоназидания воспитанников заставляет «грабителя» съесть морковку вместе с куском земли, на каковом оное огородное растение произрастает.

С педагогической точки зрения комельских воспитателей, понуждением к съедению похищенной морковки достигается следующее:

1. Похищенная морковь рационально используется.
2. Съеденная вместе с морковью земля должна была возбудить в юноше любознательность по поводу характера почвы, на которой она морковь произрастает.
3. Вкусовое ощущение съедобной почвы должно вызвать условный отрицательный рефлекс и заставить юношу впредь галопом проноситься мимо огородов, засе-

янных не только морковью, но и прочими съедобными овощами.

Таким образом, наказание содержит в себе 3 диалектических и педагогических обоснованных момента: рациональное использование похищенного, лабораторный метод исследования грунта и залог неповторения в дальнейшем упомянутого преступления, содержащий одновременно доказательство правильности теории условных рефлексов академика Павлова*.

Из одного этого примера становится совершенно ясным, насколько далеко современная вологодская педагогика опередила наивные идеи, заложенные в основу учения идеалиста Пифагора.

Примеров таких можно привести десятки:

Воспитанник Приватчук был избит зав. домом Лебедевым и оставлен на трое суток без еды (тренировка к перенесению лишений и невзгод на случай обороны СССР).

Воспитанникам Кленову и Артемьеву были до крови надорваны уши (анатомия, доказательство наличия капиллярных разветвлений...). Воспитанник Логинов был посажен в абсолютно темный чулан (ориентировка ночью в незнакомой местности).

Воспитанник Прокушев был избит до потери сознания (доказательство живучести человеческого организма).

Всех примеров не перечесть. Таким образом, в Вологде под боком у окрОНО группой преподавателей (Лебедев, Арсеньев, Рогозин, Невский), среди которых один бывший белый офицер, проводятся чрезвычайно смелые попытки научно сочетать разумное наказание с лабораторным методом утвержденного ГУС'ом¹ Дальтон-плана.

Мы вправе надеяться, что эта высокополезная работа привлечет к себе пристальное внимание всей советской общественности и что шайка скромных «тружеников науки» будет по заслугам награждена щедрой рукой окрсуда, который не преминет, конечно, выразить свою жесткую благодарность и тем ученым дальтонистам из окрОНО, кои за академическими спорами о преимуществах комплексного метода воспитания перед предметным прозевали это позорное и грязное дело.

**Правда Севера» (Архангельск),
1929, 5 октября*

¹ ГУС — Государственный ученый совет Наркомпроса РСФСР

РАДИОГРАММА С БОРТА ФРАНЦУЗСКОГО ПАРОХОДА «САИДА»

18 ноября 1929 года

Архангельск. Газета «Правда Севера»

«Саида» сидит на рифе серединой. Произведенной отгрузкой для избежания перелома (корпуса.— *Ред.*) приподнята корма. Установлены две мощных помпы для откачки воды из машинного отделения. Водолазами обследован правый борт, наиболее поврежденный. Ночью отгружается бункер (середина).

Работают пароходы «Кия», «Совнарком». «Малюгин» стоит наготове с заведенным буксиром. Если не повторится вчерашний шторм, сильно ухудшивший положение, завтра попытаются снять «Саиду».

Гайдар

РЫБАКИ

Подмерзший песчаный берег был тверд и ровен, как асфальтовая мостовая. Море было спокойно, когда мы поехали осматривать сегодняшний улов. Нас было трое: четырнадцатилетний паренек-рыбак, его мать, крепкая сухощавая старуха в высоких сапогах из тюленьей кожи, и я.

Мы плыли вдоль берега, когда из какой-то рыбацкой избушки вышел человек и что-то закричал нам вдогонку. Я не расслышал, но старуха поняла его. Она сердито рванула веслами и крикнула на берег:

— Будет тебе! Что, на мне креста нету? Сказала — сделаю. Как раз после Михайлова дня кончу*. Сколько раз тебе говорила, что после Михайлова!

Человек на берегу махнул рукой и отошел.

— Что он спрашивал? — заинтересовался я.

— Работу спрашивал, — ответила она. — Сети наказывал скорей плести. Лодка-то эта его. У него их шесть штук, а у меня своей нету. Вот, значит, он дал одну лодку мне, другую еще кому-нибудь, а мы должны на него сети плести.

— А зачем ему столько сетей? Ведь у вас угодья идут по жеребьевке. Ему больше других не дадим.

— А на что ему больше, — хмуро ответила старуха, —

ему больше и не надо. Он отдаст сети в пай одному, другому да третьему. Сам на своем угодые промышляет, а с чужих ему тоже доля идет.

— Артелей у вас нет?

— Нет. Какие тут артели? Вот в Кузомени, говорят, есть артель, да и из той что-то бегут. У нас если артель созвать, то нам вовсе беда будет.

Это неожиданное заключение удивило меня, и я спросил:

— Кому будет беда и от кого?

— А в том беда, что народ у нас, который победнее, ну хоть вроде меня, темный и малограмотный. Если, скажем, мы по две — по три семьи работаем, то тут все дела как на песке видны. А в большой артели они тебе так голову запутают, что и концов не найдешь.

— Кто — они?

— А они, верховоды-то наши. Ну, промышленники, которые покрупнее.

Возле поселка Тетрино, возле Чаваньги и Кузомени вдоль по берегу крепко засело кулачье.

Угодья распределяются жеребьевкой, но выходит как-то так, что все лучшие места бывают захвачены зажиточными рыбаками.

Цена за рыболовные участки разная, в зависимости от места. Если даже по жеребьевке бедняку достанется хороший участок, то у него может не хватить денег внести свой пай, а кулак всегда вносит без задержки или в крайнем случае одолжает денег тому же бедняку, входит в пай, и получается так, что он становится фактически владельцем участка.

Как-то я разговаривал с председателем сельсовета и спросил его: не думает ли он поставить вопрос об организации рыбацкой артели.

— Нет, не думаю,— откровенно сознался он.— У нас с артелью вряд ли что выйдет, у нас народ-то такой несогласный.

— Как так — несогласный?

— А оттого несогласный, что разный у нас народ. У одного — побольше, у другого — поменьше. Ежели, скажем, у нашего Василия четыре лодки да несколько тоней, а у Егора одна, да и то худая, какая же тут может быть артель?

— Так ведь ваш Василий кулак. Не про него и речь идет. А отчего бы бедноте не сорганизоваться?

Председатель усмехнулся:

— Пожалуй, сорганизовывайся. А толку-то что? Снастей нет, лодок нет, бахил нет. Ну что ж, сорганизуются да и будут с песнями по берегу ходить, а в воду-то лезть не с чем.

— А кооперация не кредитует?

— Раньше кредитовала, а нынче нет. Кулака нынче кредитовать не велено, а бедноте кредит не под силу. Не на что ее кредитовать, когда она и так вся на чужом работает.

В Тетрине и в Чаваньге все кулачество кооперировано.

Пай для всех одинаков. Одинаков и для бедняка и для кулака. Есть хозяйства, которые за весь сезон улавливают семги рублей на 100—150. А есть и такие, улов которых оценивается в 400—500 рублей; это только со своего участка, не считая побочных доходов, как, например, сдача лодок, снастей внаем или продажа оленей.

Когда я спросил, почему промысловая кооперация смешивает в одну кучу бедняка и кулака, то мне так прямо и ответили:

— Кулак платит такие же советские деньги. Это дело сельсовета, а не кооперации — ликвидировать кулаков. Кооперация не может вмешиваться не в свои дела. Вот если бы мы делали какое-нибудь преимущество кулаку, тогда другое дело. А у нас преимущества ему нет никакого. У нас на этот счет строго.

Мне случилось заночевать в рыбацкой избушке. Избушка была старая, низенькая и закопченная. Возле нее стоял черный покосившийся крест, поставленный еще стариками на «рыбацкую удачу». Алексей Иваныч, хозяин избушки, за кружкой припахивающего дымом чая рассказывал мне так:

— Это все враки, что артель сорганизовать нельзя. Артель сделать можно. Рыбацкое дело такое, что артелью работать многим удобнее, потому что и снасти дороги и с малым народом трудно управиться. Артель сделать можно, да вся беда в том, что сочувствия к этому делу у некоторых начальников нет. Возьми ты такое дело. Захотело нас четыре семейства положить начало артели. Было это в прошлом году, тогда еще РИКов не было, а волости были*. Послали

мы человека в волость, чтобы дали нам совет, как кредит получить, как устав сделать.

Пришел наш человек в ВИК¹, а ему там и говорят: «Насчет кредита — это вы напрасно. С кредитом и всякий дурной организовать сумеет. А насчет устава — это можно, только у нас его под рукой нету. Валялся где-то один, да его какие-то черти наполовину скурили. Вы погодите немного, пока мы из губернии еще несколько экземпляров получим, тогда мы вам пришлем».

Так и не прислали. Ну, да мы видим, что сочувствия к нам большого нету, что насчет кредита тоже податься некуда, так и бросили это дело. Однако в этот год снова начинать будем. Главное, к нам человек один хороший пришел и из солдат — демобилизованный. Этот не то, что мы, этот грамотный и упорный человек. Он-то достанет. От него уж не отвертись. С ним можно дело сделать.

Мы допили чай. Был уж поздний вечер. Ветер крепчал, и хозяин пошел вытаскивать на берег лодку.

*«Правда Севера» (Архангельск),
1929, 30 ноября*

ШУМИТ МУДЬЮГА

В лесу, недалеко от устья извилистой речки Мудьюги, сошлись кучкой деревни: Кушкушара, Горки, Наволок, Верховье, Патракеево и Кадь.

При въезде в любую из этих деревень, объединяемых Патракеевским сельсоветом, первое, что удивит глаз чужого человека, это множество больших, красивых домов. Они не похожи ни на городские домики рабочих окраин, ни на просторные, тяжелые избы северных деревень. Крытые железом, окрашенные в голубой или серый цвет, разделенные на несколько комнат, заставленных буфетами, шкафами, диванами и этажерками, они напоминают купеческие особняки бывшего уездного города.

Все это дома судовладельцев. Тех самых, которые имели на Мудьюге в прежние времена до 150 парусных судов и ходили за грузом рыбы в Мурманск и Норвегию.

Они были хозяевами моря, ибо это они устанавливали на рыбу продажные цены. Они были хозяевами Мудьюги-

¹ ВИК — волостной исполнительный комитет

реки и Зимнего берега, ибо это они на своих судах содержали матросами почти всю остальную рабочую силу окрестных деревень.

Старые ветры дуют с моря. Старые хозяева гнут к старому. Но по-новому нынче хочет жить рыбацкая промысловая Мудьюга.

Возле колодцев, возле прорубей, где собираются бабы, у сельсовета, в школе, в больнице, на собраниях, в бедняцких избушках и кулацких доминах — повсюду услышит новый человек живое слово:

— Колхоз... насчет колхоза. Скоро ли колхоз?

— Провалиться бы этому колхозу!

— Федор записался уже в колхоз.

— Семен тоже записался.

— Никчемная, по-моему, эта затея.

— Слыхали, а кулак Курконосов сам пришел проситься в колхоз. «Я, говорит, и сам стою за этакое дело».

— Слыхали, а беднячка Копытова записалась, да назад Засмеяли, говорит, соседи.

— А кто у ней соседи? Известно кто!

— Жили и без колхоза.

— Ты, Иван Петрович, жил, ты кулак, тебе что было не жить?

— Ну, ну, потише. Я тебе не кулак, а середняк.

— Знаем мы вас, таких середняков. За таких середняков сельсовету в шею надо бы.

Шумит и волнуется рыбацкая Мудьюга и митингует Кушкушара, собирают сходку Горки, обсуждают план колхоза Наволок. И Верховье, и Патракеево, и Кадь обсуждают тоже.

Нелегко строить колхоз там, где на 400 дворов приходится 36 одних явных кулаков-лишенцев*. 36 крупных морских акул, уже затонувших, но еще не обломавших свои цепкие, хищные зубы. Из 400 дворов эти 36 заплатили 60 процентов всего сельхозналога. Около них группируются кучки хищников помельче. Многие из них пока еще в защитной краске середняка. Многие хищники исподтишка и потихоньку.

— Зачем нам колхоз,— говорят они.— Ведь у нас есть рыбацко-промысловое кооперативное товарищество. Вот где надо объединяться и незачем затевать новое дело.

— Разве не кооперация столбовая дорога к социализму? Надо объединяться вокруг кооперации, а не заниматься выдумкой колхозов.

— Вот,— сказал мне председатель промысловой артели.— Вот вам все личные учетные карточки Рыбаксоюза. Их тут почти полторы сотни. В этой пачке отдельно бедняки, в этой — середняки, а вот здесь кулаки. Кулаков у нас было 5 штук, а теперь нет — вычистили.

Я отложил пятерых кулаков в сторону и взял две оставшиеся пачки и сразу же по весу определил, что бедняки как-то подозрительно легковаты, а середняки крепко потянули книзу.

Бедняков — 37, середняков — 98, кулаков нет, батраков нет тоже.

Было интересно рассматривать карточки и по сумме налога, по обороту от промыслов, по оценке рыболовного инвентаря создавать себе представление о характере незнакомого мне хозяйства бедняка Ивана Федорова или середняка Петра Иванова.

Однако вскоре простая любознательность перешла в удивление, ибо цифры ясно и несомненно показывали, что никакой кооперативной артели нет, а есть группа лиц, объединенных только одним сбытом, группа, в которой каждый член промышляет на свой страх и риск.

По карточкам я нашел членов артели, орудия промысла которых оцениваются в 2 тысячи рублей с копейками.

Еще больше того: я увидел, что есть члены кооператива, у которых орудий лова больше, чем тех, которыми они обслуживают кооперацию. И что допускаются такие случаи, когда член артели одними неводами ловит рыбу как член кооператива, а другими, запасными, как вольный и частный хозяйчик.

За укрепление этой-то промысловой артели и хлопочут многие «середняки». Эту-то самую артель и пытаются они противопоставить вновь организуемому колхозу.

Но удар по артели последовал от низов. Из 37 бедняков 15 сразу же отказались от артели и пошли записываться во вновь организуемый колхоз, ибо они поняли, что только колхоз, где действительно обобществлены все средства производства, и сможет поставить их в условия равноправных членов, а не будет держать их на положении пасынков, о которых вспоминают только в момент необходимости

представить сведения о благополучном классовом составе артели.

Немало явных и тайных врагов у колхоза, особенно с тех пор, как объявил Окрисполком Приморский район районом сплошной коллективизации.

В упор заглянула гибель на хозяйство кулака. Вздыхался и сбросил маску благодушия и лояльности обороняющийся кулак. Прежде чем выступать самому, он завербовал себе помощников, которых давно бы пора перевести в кулацкую категорию.

Эти мощные середняки по-разному пытались угробить идею создания колхоза.

Например, крупный середняк и бывший член партии Копытов выступил с речью, в которой он, в общем, приветствовал почин организации колхоза, но он предлагал внести одну поправку, что для начала колхоз должен организоваться только из середняцких хозяйств, ибо это будет экономически выгоднее, ибо мощному объединению будет больше доверия и больше кредитов. А когда колхоз развернется, то тогда можно будет втягивать (?) и бедноту.

Тогда же некто Гроздников выступил с заявлением о том, что Ленин учил строить социализм в деревне постепенно, а не рывками и что нехорошо и стыдно нарушать заветы дорогого вождя.

Но одним из самых тонких и хитрых ходов, которые были предприняты против организации колхоза частью зажиточных рыбаков (особенно из артели, которая с уходом бедняцкой прослойки оголяла свою классовую сущность), было неоднократно вносимое предложение о том, что товарищества по общественным промыслам с обобществленными средствами производства, скотом и инвентарем создавать не надо. Если создавать, так создавать сразу коммуны с полным обобществлением. Смысл этого хода следующий:

Во-первых, инициаторы нашли удобный «революционный» предлог, которым оправдывалось бы их нежелание идти в колхоз.

Во-вторых, требуя немедленного обобществления всего имущества, они пытались отпугнуть ту часть середнячества, которая собиралась идти пока в колхоз, а не в коммуну.

Этот маневр был вовремя разгадан, и враждебные

колхозу «друзья» коммуны были разоблачаемы на каждом собрании силами местных и приезжих коммунистов и комсомольцев.

Топор революции рубит корни, соками от которых питалось кулацкое хозяйство. Если при промысловой артели часть беднячества еще эксплуатировалась и на промыслах и на вязке снастей, то с организацией колхозов этому наступает конец.

Плохо только то, что на Мудьюге местные партийцы и сельсовет, с головой ушедшие в работу по организации коммуны, забыли на некоторое время про кулака, надеясь на то, что с организацией колхоза кулачество, не имеющее возможности получить рабочую силу, отомрет само собой. Плохо, что не принимается мер против того, что кулак заблаговременно разбазарит имущество и распродаст скот.

С некоторым удивлением (и только) в сельсовете мне сказали:

— Вот ведь удивительное дело! Раньше, бывало, наша местная кооперация никак не могла закупить для лесозаготовок достаточного количества скота. Покупала от случая к случаю. А теперь за день штуки по две, по три скота приводят, и это только сюда, а, вероятно, ведут еще и на сторону.

Но кулачество занимается не только тем, что готовится к самоликвидации. Еще недавно там же, на Мудьюге, 12 кулаков были осуждены на разные сроки за антисоветскую агитацию против лесозаготовок. Еще недавно была избита секретарь сельсовета Титова.

И совсем уже недавно были перерезаны все гужи у обо- за колхозников на лесозаготовках.

В просторных, пустых комнатах было тихо и прохладно. Сидя на диване, бывший судовладелец Шунин говорил мне так:

— Колхоз так колхоз... Ну и пускай колхоз. Захотели люди сообща работать, и пусть их себе работают. Но меня- то зачем трогать? Я колхоза не трогаю, и он меня не должен трогать. А впрочем, это в истории не в первый раз. Были когда-то и христианские общины — то есть коммуны; были и Парижские и еще какие-то там коммуны; мало ли чего в истории не было. Были и ушли... И ушли, — повторил он, выпрямляясь и чуть повышая голос, — и ушли потому,

что человек не рыба, не треска, не селедка, чтобы ему ста- дом ходить. У человека своя голова и свой ум, так что каждый, ежели он честно и по-трудовому работает, никому не мешая и не задевая, должен иметь право жить сам по себе.

И, как бы спохватившись, сразу он засуетился, глаза его потухли, и он забарабанил пальцем по блестящему бронзовому подсвечнику.

Была лунная морозная ночь, когда я вышел от Шунина.

— Здорово! — сказал мне, догоняя, незнакомый человек. — Я вас сегодня на собрании в сельсовете видел, — пояснил он. — Что, к нему ходили? Тоже *жила* был! — добавил он, указывая пальцем на большой голубой дом. — Я с малолетства с ним на судах ходил. С девяти годов... Ну, кашу там варил, посуду мыл, палубу... Ве-се-лая была жизнь! Весной со льдом уйдешь, осенью ко льду вернешься. Получай хозяйскую благодарность — горсть конфет да трешницу денег. Ве-се-лая была жизнь! — усмехнувшись, еще раз повторил он и завернул в проулок, где мелькал огонек, в избу, в которой затянулось до полночи бедняцкое собрание.

*«Правда Севера» (Архангельск),
1930, 8 февраля*

ХОТЕЛИ ПРИСЛАТЬ МИЛИЦИОНЕРА

В лесу навстречу попался всадник. Конь шагал понуро, опустив голову, всадник был не весел тоже.

Он соскочил с тощего коня и сел на сваленное бревно. Тут мы закурили, тут и познакомились.

Это был Бондаренко, заведующий лесоучастком «Лукинская падь».

Он был скучен. Из двадцати девяти тысяч кубометров, — что по плану, — было у него вырублено только шесть. Из этих шести вывезено только две.

Кроме того, ежедневно, вернее, еженощно, с участка скрывались рабочие, навеки унося с собою казенные ва- ленки, спецовку и продукты, предусмотрительно полученные за несколько дней вперед.

— Плохо, — сказал он. — Позавчера мне в бараке чуть-чуть по шее не наступали. Хорошо, что догадался я...

дай,— думаю,— поскорей уйду. Взял да и ушел. Пошел в бюро ячейки: «Так, мол, и так. У меня и без того работы по горло, а тут еще... по шее».

— Ну и что же?

— Ну и ничего же,— уже с ноткой раздражения повторил он.— Посочувствовали. «Только,— говорят,— мы не власть, а ячейка. Мы права ареста не имеем. Вот погоди! Приедет милиционер, он их прожучит».

— Хулиганов много,— добавил он и замолчал, перебирая по пальцам имена и фамилии.— Мне сибиряков прислали 35 человек. И что за наказание, то все было тихо, а теперь, что ни день — скандал. То рабочего избыют, то в столовой тарелкой запустят, то матом облают. Есть у меня такой Пичугин. Здоровый... ему, если на кулак попасть, то наверняка ребра не досчитаешь.

Хоть бы уж скорей милиционеру присылали,— с горечью повторил Бондаренко, звякая ногою о потускневшее стремя.— Я и пишу и нарочного посылал. Как двадцать девять тысяч,— так давай да давай, а как милиционера — так нет и нет.

*

И вот она «Лукинская падь». Бараки, низенькая контора, столовая. Под навесом, среди густого сена, притихшие лошади.

Откуда-то влетает на санях веселый и озорной конюх Ляпунов. Он похож на пьяного, но вернее всего, что он трезвый. С разлета врезается он в чужие сани, опрокидывает их, врывается в другие, запутывается и бросается к ошалелому коню. Сжимая кнутовище, он начинает мордовать тощего, загнанного коня по зубам, по челюсти и по глазам.

Он бьет с яростью и с наслаждением, оглашая воздух самым изысканным матюгом.

И если вслушаться в его выкрики и матюги, то окажется, что во всем виноват не он, Ляпунов, а виновата пятилетка. Что если бы не колхозы, то чужие сани не попались бы ему на дороге, если бы не советская власть, то он не переломал бы оглобель. И что если бы была его, Ляпунова, власть, то он сейчас же пробил бы коню череп или топором, или поленом.

Но так как такой власти ему не дано, он все яростней

и яростней хлещет коня по морде и хлещет так, что проходящая мимо баба — уборщица, для которой все это уж никак не в новинку, — и та испуганно бросается в контору.

Из конторы выскакивают бухгалтер, конторщик и еще кто-то.

— Ишь, как разошелся. Этак недолго и вовсе лошадь изуродовать, — неодобрительно замечает один, держась от конюха подальше.

— Разве же долго, — равнодушно поддерживает другой. — У нас недавно на верхнем участке коню насквозь скулы пробили. А вчера еще лучше: возчик Салов вез бревна, а дело к ночи. Надоело ему... бросил он коня с грузом посреди дороги, а сам пошел в барак, да и лег спать. Спасибо, что люди на коня наткнулись. Что такое, думают, за оказия?.. Стоит конь, а человека нет. Распрягли, заглянули в барак, а человек спит себе, да и спит.

Конюх Ляпунов окончил побоище. Он с ленцой и прохладцей начал распрягать мокрого, тупо опустившего избитую морду коня.

Служащие, позевывая, уходят в контору.

И опять краем уха я слышу уже знакомую фразу:

— Вот погоди!.. Приедет милиционер, он им покажет.

*

В столовой висит стенгазета. В столовую люди приходят усталые — им не до газеты. В столовой читать некогда. В стенгазете читать нечего. Одна-две заметки: такая бригада выполнила, такая-то недовыполнила. Остальное — пустая ерунда.

В столовой читать некому. Днем столовая пуста — люди работают, а лодыри лежат на нарах. В обед столовая похожа на вокзал перед отправлением поезда. Вечером — в столовой темно. Тусклая лампа висит далеко и, кроме жирного заголовка: «Выполним план на 100 проц.», — кто его разберет, что там дальше написано.

В бараках стенгазет нет.

С тех пор как прислали 35 вербованных сибиряков, выделилась из них ударная хулиганская бригада из 5 человек под командой атамана Васенина.

И вот в бараках вспыхнули драки, повис тяжелый мат, увеличились прогулы и с каждым днем расшатывалась и без того некрепкая труддисциплина.

Но вместо того, чтобы слету и размаху броситься в гущу лесорубов, не обороняться от хулигана и кулака, а наступать, все эти случайные вузовцы, совпартшкольцы, комвузовцы, студенты лесного института, мобилизованные комсомольцы закрыли глаза, отдавая всю массу лесорубов под влияние кучки антисоветских хулиганов.

Вот он, совпартшколец. Молодой, боевой, в кубанке. Ну, красный казак, да и только. Вот он входит в барак и видит, что хулиган Васильев отнял у одного паренька сапоги и ударил его кулаком в грудь.

Молодой, боевой останавливается и мнетя. Ему неудобно.

— Это за что же? За что, что же такое?! — спрашивает молодой и боевой. Хотя он отлично видит и что это такое и за что это такое.

— Уйди, — растягивая слова, под гиканье и хохот своих друзей отвечает Васильев. — Уйди, а то я нервный. Я и тебя могу пристукнуть.

И тихонько, тихонько — ах, красный казак — боевая кубанка! — уходит человек из барака. И идет жаловаться в ячейку.

А там тепло и по-дружески сочувствуют:

— Ну, и народ... ну, и сволочь. Вот погоди, приедет милиционер, он им пропишет.

*

Поздно вечером на нижний участок, где контора, где партийцы, вузовцы и комсомольцы, дошел слух о том, что на верхнем участке в бараках, тех самых, где мало партийцев, комсомольцев и вузовцев, избит к ночи один из лучших десятников — Баранов.

Слух этот дошел как раз в ту минуту, когда хороший комсомолец Кардавилевский — такой чубатый и в папаче — играл на гармонике цыганочку. Он играл ее с переборами, чуть-чуть прищурившись, и смотрел налево туда, где сидела какая-то очень хорошая...

В коридоре сказали: «А вот Баранова ударили доской по лицу».

Но гармонь играла так звонко, что все показалось пустяком. Ну, ударили. Ну, не до смерти. И веселая песня о цыганочке стерла этот, какой-то никчемный и мешающий случай.

И случай был вовсе не такой простой.

Утром пришел сухой рапорт.

В этом рапорте корявыми, тяжелыми буквами было изложено, что вечером комсомолец Шуликов ударил доскою десятника Баранова за то, что Баранов приказал снять с довольствия всех тех, кто не вышел на работу.

И сухая справка старика — лесного фельдшера — говорила приблизительно так: «Что касается пробитого чемодана, то он пробит доскою. Что же касается лица, то оно ударено в переносицу, в результате чего глубокая царапина».

*

Но в тот вечер, когда во время «цыганочки» пришел и прошел мимо этот слух, не собралась ни партийная, ни комсомольская ячейка. Может быть, потому, что было поздно?.. И ни на следующее утро, ни на следующий вечер не собрались ячейки. Может быть, тоже потому, что было уже поздно? А вернее всего потому, что тот самый хороший советский милиционер, тот самый, без которого двадцать девять тысяч кубометров — никак нельзя, — он еще не приехал.

*

Тогда товарищеский суд. На суде Васенин — в красной рубашке, в резиновых подтяжках, галстух и красивое хулиганское лицо, и он кричит:

— И не пойду, и не пойдем, давай всё, что по колдоговору! Мало что валенки, мало что спецовка, да и то все старое, а где рукавицы, так вашу в бога перетак?! Сказано было, чтобы давали, а рукавиц не дают. Дали одни, да и те разные.

И вот он, Васильев, тот самый, от которого Бондаренко «дай — думает — лучше уйду».

Пичугин — тот самый, которому, если на кулак, то не будет ребра.

«Комсомолец» Шуликов, который с кривой и наглой улыбочкой, заявляет: «А кто Баранова знает? Может быть, это он сам нарочно пошел на кухню да и стукнулся о полено?»

Вот они: Осокин, Ковешников,— тот, у которого шлем, как у летчика, дружно и организованно орут:

— Правильно!

И товарищеский суд, беспомощный и слабый, уходит в комнату для совещания. Потом, прикрывая свою беспомощность ненужной и фальшивой фразой, выходит из комнаты и тихим голосом командует: «Прошу встать и снять головные уборы».

И дальше: «Именем Советской социалистической и т. д., считать, что дело товарищескому суду не подсудно и передать в уголовном порядке».

То есть: — **чтобы прислали милиционёра.**

*

И еще такой разговор. Секретарь комсомольской ячейки Бабичев.

СЕКРЕТАРЬ. У меня брюки порвались.

БОНДАРЕНКО. Зашей.

СЕКРЕТАРЬ. Мне некогда зашивать, ты мне новые выдай.

БОНДАРЕНКО. Ты с ума спятил. У тебя же, кроме этих, есть другие.

СЕКРЕТАРЬ. Другие не ваши. Ты новые давай.

Тогда:

ЗАЯВЛЕНИЕ БАБИЧЕВА: «Прошу выдать».

РЕЗОЛЮЦИЯ БОНДАРЕНКО: «Отказать».

*

Отказать бы, да **исключить бы!** Да... показать бы рвачу с комсомольским билетом!..

*

И еще разговор на собрании.

Подметальщица:

— Слушай, Сигедин, вот ты партийный, и что это я никак не пойму. Как на собрании,— то ты одно говоришь, а как у нас в бараке, то совсем другое. Разве партийные так делают?

*

Постановление бюро ячейки:

«Признать, что в поступках тов. Сигедина есть элементы, похожие на двурушничество».

*

А в лесу одинокая, никем не поддерживаемая бригада Сапожникова дает день за днем сто двадцать процентов.

Это такая бригада, о которой вспоминают только в сводках. Вот, мол, и у нас есть такая бригада.

Это очень тихая и спокойная бригада, до того спокойная, что о ней позабыли и партийная и комсомольская ячейки.

До того спокойная, что даже не рассердилась она, когда за всю большую, героическую работу премировали ее четырьмя нижними рубашками и пятью кальсонами.

*

Но ведь совсем не так далеко, в с. Малиновом, заседает Вакский леспромхоз. В этом леспромхозе сидит присланный из Имана райпарторг, тов. Долгун. Он сидит и не сердится, когда комсомольская <газета> «Набат молодежи» прямо называет его гастролером, который не любит задерживаться на участках, на лесосеках и в бараках.

И нет дела этому Долгуну до «Лукинской пади».

Но ведь в этом же, в Вакском леспромхозе, там, где коммунисты и комсомольцы без помощи Долгуна и не «дожидаясь» милиционера, сумели организовать и сколотить крепкий беспартийный актив,— там есть и ударные бригады, и соревнование, там вырабатывают по 6 кубометров на человека.

Почему же, кроме маленькой и забытой бригады Сапожникова, нет этого ничего на «Лукинской пади»?

*

Да потому, что не умеют и не хотят идти в массы, организовать передовиков, создать боевой актив. Потому, что надеялись на милиционера: вот кто-то придет, вот кто-то «прижучит» и кто-то все разберет.

Но никто не ехал.

И только недавно прикатил из Малинового секретарь ячейки Ковязин. Но приехал он не за двадцатью девятью тысячами кубометров, а приехал что-то насчет кооператива. И ему сказали:

— А ведь у нас беда. У нас нужно 29 тысяч. У нас срублено пять. У нас вывезено только две. Плохо! Очень плохо у нас, т. Ковязин.

Он посмотрел тогда бодрими глазами и ответил:

— А мы ваши письма получали... Хотели было прислать вам милиционера... Да он что-то не поехал.

*«Тихоокеанская звезда» (Хабаровск),
1932, 28 февраля*

300 РОБИНЗОНОВ

— Итак, товарищи, вперед к победам! Вы смело поплывете по бурным волнам Японского моря и достигнете пустынных берегов острова Римского-Корсакова. 32 тысячи центнеров иваси — вот ваша задача. Что же касается, якобы вам выдали мало продуктов, то это довольно-таки странно. Спецовку вам выдадут. Продуктов же для вас вполне хватит на четверо суток. А за эти четверо суток быстроходные корабли Рыбтреста своевременно доставят вам в изобилии все положенные по колдоговору и продукты и припасы...

Так закончил свою напутственную речь представитель Дальгосрыбтреста, и 300 колхозников-рыболовов, погрузившись на судно, смело отплыли к этому малоизвестному острову.

Высадившись на остров, рыбаки развели костры, разбили палатки, и пароход отчалил к родным берегам, напутствуемый прощальными приветствиями и бодрими выкриками насчет того, что: смотрите, холера вас возьми, не забудьте поскорее прислать продукты!

Однако прошло и два, и три, и четыре дня, а о быстроходных кораблях с продуктами ни слуху ни духу.

Тогда на острове поднялась тревога, тем паче что у оставшихся не было даже лодки, для того чтобы переправиться на берег и донести весть о бедственном положении островитян.

И покинутые робинзоны разбрелись по острову в поисках пищи. Одни занимались ловлей морской капусты, другие надеялись поймать одну, другую преждевременно появившуюся ивасину, третьи точили зубы на Дальгосрыбтрест и питались только мечтами о мести этому виновнику всех злоключений и бед.

Впрочем, были и такие, которые, пробравшись в глубь острова, обнаружили там маленький звероводческий питомник, подвластный Зверокомбинату, и сделали попытку вступить в сношения с вождями и правителями этого немногочисленного племени.

Но хитрые звероводы, напуганные перспективой в течение двух-трех часов быть разоренными и объединенными тремястами незваных пришельцев, поспешили воздвигнуть прочные укрепления из документов и грамот, в коих определенно говорилось о недопустимости вмешательства во внутренние дела и о неприкосновенности скудного запаса этого племени.

А дело было все в том, что в это время в канцелярских водах Дальгосрыбтреста свирепствовал бюрократический тайфун. Он гремел раскатами телефонных звонков, треском пишущих машинок и вздымал расходившиеся волны приказов, отношений и распоряжений.

И в мрачном хаосе разбушевавшейся черной (чернильной) стихии было никак не возможно понять, кто и куда должен плыть и кому нужно доставлять продукты.

Между тем на 7-й или 8-й день отчаявшиеся островитяне, вспомнив обычаи своей родины, решили созвать общеоостровное собрание.

На этом собрании, давшем стопроцентную явку, после выбора президиума секретарь, усевшись на сыпучий песок и примостив протокол на древний, источенный водами и ветрами камень, записал о том, что: заслушав доклад, общее собрание постановило считать свое положение явно неудовлетворительным.

Но собрание решительно отвергло тенденцию некоторых товарищей найти выход путем объявления ультиматума обитателям зверопитомника.

Тем более, что прибывший представитель от звероводов пришел с доброй вестью. Он сообщил, что маленькая радиостанция заработала.

Тут же составили радиogramму, причем большинством голосов отвергнули те поправки по адресу Дальгосрыбтреста, кои были слишком тяжелы для эфира и нарушали требования общепринятой морали и цензуры.

Эта радиogramма была перехвачена большинством береговых радиостанций материка и как аварийная срочно доставлена Дальгосрыбтресту. В Дальгосрыбтресте удивились. Какие продукты и что за люди?

Но, порывшись в архивных документах, признали, что действительно эти 300 человек значатся под именем рыболовной базы на острове таком-то, за номером таким-то.

Тогда, установив долготу и широту этого острова, который, к величайшему изумлению Дальгосрыбтреста, оказался совсем под боком, после долгих и тщательных препирательств на тему о том, кто виноват в этом деле, Дальгосрыбтрест снарядил экспедицию с продуктами, каковая и прибыла наконец к этим изголодавшимся, измотанным и справедливо обозленным людям.

*«Тихоокеанская звезда» (Хабаровск),
1932, 28 апреля*

БРИГАДИР ТОВАРИЩ ВОЛКОВ

1

Вскинув на плечо увесистый молот, выпятив колесом похожую на паровой котел грудь, шагает по дороге здоровый дядя.

Куда он, собственно, шагает, это никому, в том числе и художнику, не известно.

Если он идет на завод, то непонятно, почему, вместо того чтобы получить молот в инструментальной, человек тащит его из дому? Если же он идет с работы домой, то непонятно, как пропустили его через проходную будку, так как всем известно, что уносить казенные инструменты строго воспрещается.

Под этой картиной подпись, из которой мы узнаем, что это ударник.

Но тот человек, о котором эти строки, не был похож ни на одного из таких шагающих в неизвестном направлении железобетонных манекенов.

Голова его неожиданно высунулась откуда-то снизу, из пролета меж досок и балок, опутавших постройку электростанции.

Он поднялся на локтях и, уверенно ступая по зыбкой узенькой настилке, подошел к арматурщикам.

— Слушайте,— добродушно сказал он скороговоркой,— вы что-то слишком долго копаетесь. Слушайте, вам пора бы уже кончать...

Бригадир заглянул внутрь квадратной колонки, из которой торчали рыжие холодные прутья изогнутого железа, и посмотрел в записную книжку.

— Волков,— окликнули его снизу,— железо вышло. Где теперь работать?..

— Ты с кем работал? С Кобыкиным? Ну, иди помогать Ушакову, а Кобыкину скажи — пусть он идет на установку подушек.

— Сейчас отметишь? — спросил все тот же голос.

— Ладно... иди! Иди! Спускаюсь вниз, тогда и отмечу. Опять нет железа,— нахмурился бригадир.— Надо узнать, на какую работу будут перекидывать.

— Землю копать или бочки ворочать?..

— Ну, и что же, опять копать и опять ворочать,— ответил бригадир.

И так же быстро, как и появился, ступая с уступа на уступ, он соскочил вниз и исчез среди бетонщиков, арматурщиков и землекопов, сновавших внизу постройки.

Внизу он натолкнулся на табельщика.

— Все на работе? — спросил табельщик, доставая замусоленный, разграфленный на квадраты листок.

— Нет, не все. Пятаков не вышел. Кто его знает! Говорит, что болен, но я что-то сомневаюсь. В прошлый раз обманул и напился. Ты все-таки ему прогул не ставь, я попозже узнаю, а завтра скажу.

— Смотри скажи! — крикнул вдогонку табельщик.

— Нет, думаешь, покрывать буду,— откликнулся бригадир.— Так-таки ничего и не скажу...

Под навесом, где несколько человек гнули вручную железо, бригадир задержался.

— Опять нет? — спросили у него сразу несколько голосов.

— Есть, да не то. Надо 25, а есть 20. Ну-ка, вот вы, двое, идите на постройку. А Щербаков где?

— Щербаков к тебе пошел.

— Давно?

— Нет, только сейчас пошел.

— Что же это я с ним не встретился?

Двое — те, которых он посылает на постройку, протягивают листки бумаги. Бригадир отмечает: такой-то на работу туда-то.

— Готово, — говорит он, возвращая листки, и спрашивает: — Пятакова видели?.. Ну, и что же... не пьян?

— Говорит, что живот болит.

— Вот беда какая. То с похмелья, то живот. И что за напасть на этого человека!

2

Ему 23 года. В его бригаде 4 звена — 20 человек. Он — бригадир арматурщиков. Когда не присылают железа, он сердится. Но и тогда, когда сердится, он не сидит без дела, а умеет разыскать и использовать старое, из завали.

Когда же нет ничего старого, он сам идет на Пристань-Ветку и, к величайшему удивлению безнадежно охающих нытиков, умеет иногда найти необходимое железо.

Когда ничего нет ни в завали, ни на ветке, его бригада перебрасывается на расчистку, на прокладку железной дороги, на разборку цементных бочек — она идет на любую работу.

Так же, как в бою — где каждый сапер, каждый обозник гордится не тогда, когда закончена наводка моста, когда подвезены боевые припасы, а тогда, когда в результате всех этих усилий выигран весь бой, — так и здесь не холодные каркасы, не все эти хитроумные, но мертвые сетки, железные колонки, плетеные подушки, а первое гудение машины, первый рывок электрического тока — вот она, конечная цель всей ударной работы на ХЭС¹

Нагибая голову, бригадир пробирается меж покрытых опалубкой колонок, тех, на которые должен лечь фундамент для четырех котлов. По пути он поднимает короткую

¹ ХЭС — Хабаровская электростанция.

тяжелую железину, ударяет ею о доски опалубки и слышит звук, глухой, как от падения чурбана на сырой песок.

И вдруг бригадир настораживается. Доска звучит гулко, как крышка пустого ящика.

— Опять, — говорит бригадир, и губы его сжимаются.

Пусть арматурщики работали хорошо, пусть колонки крепко связаны из 19-миллиметрового железа, пусть затянуты они сетью надежной проволоки, но бетонщики плохо сделали свою работу.

Он слышит по звуку, что под опалубкой спрятаны большие раковины, большие и настоящие пустоты. Так и есть — не утрамбовали. Снимут опалубку, а бетон повиснет на прутьях — вот тебе и фундамент.

Отброшенная железина лязгает о камни. Бригадир по уступам и по перекладинам лезет наверх.

— На бюро ячейки... — бормочет он, вытаскивая записную книжку. — Раз ставил и еще раз поставлю.

Наверху из-за Амура ревет ветер. Он свистит сквозь переплеты постройки и ворочает у берегов тяжелые изломанные льдины.

— Лед пройдет — рыбу ловить будем, — говорит бригадир. — Снасти купили в складчину. Наши ребята беда какие рыболовы.

Снизу кто-то кричит:

— Теперь куда?

— Сейчас найдем, — отвечает бригадир. — Иди пока сюда. Пусть они наращивают, ты подавать будешь. А я на минутку в контору, ругаться пойду.

3

А как не ругаться? Это только в стихах получается так, что раз ударник, то он обязательно «бьет молотом» да шагает «железным шагом», а такие вопросы, как, например, обед в столовой, барак, правильный учет и своевременная выдача зарплаты, — это его, ударника, будто бы совершенно не интересует и не задевает.

— Черт его знает! — говорит бригадир. — Вот уже конец месяца, а контора никак не подсчитает, сколько же мы заработали. Ребята очень недовольны. Ну, просто ругаются. И они ругаются, и я ругаюсь. А знаешь что? Было раньше человек 10 арматурщиков. Срывали они по 30 целковых

в сутки. Не дадите 30 — не будем работать. Что же делать? Приходилось давать. Но как встала наша бригада, так их словно ветром сдуло. Четырех из них мы к себе в бригаду взяли. Думали, переработаем. Двое еще так-сяк, поддаются, а двое никак. Например, Пятаков. Ему и говорили, ему и выговор давали,— ничего не помогает... И что это у него вдруг живот заболел?

— Взял бы да и отослал из бригады.

— Чудак человек,— усмехается бригадир.— Значит, нельзя было. Ребята всё молодые, некоторые 10 миллиметров от 20 отличить не могли, а он все-таки квалифицированный. Ну, а теперь подучились. Есть уже такие, что в чертежах мало-помалу разбираются. Теперь и не жалко. Скатертью дорога.

4

— Так что же,— говорит Волков, входя в контору.— Мы кончили. Давайте какую-нибудь работу.

— Работу,— не отрываясь от стола, говорит техник.— Работы мало ли.

— Куда пойдем? Можно, по-моему, землю на третьем котле выбирать.

— Что землю! — уныло отвечает техник.— Ее сегодня выберешь, а завтра опять наташат.

— Чудно, право! Сегодня выберешь — завтра легче будет.

Часы тикают, в комнате тихо. Время показывает 10 минут пятого.

— Ну что же, идти на третий? — переспрашивает бригадир.

— На третий?.. Почему на третий! Нет у меня для вас сегодня никакой работы,— равнодушно и неожиданно доканчивает техник.— Завтра что-нибудь придумаем.

— Когда завтра? Опять, как в прошлый раз. А что я с утра буду делать?

— Придумаем,— отвечает техник.— Подумаем и придумаем.— Он поворачивает голову на часы и добавляет:— Да сейчас и времени много. До конца меньше часа. Скоро шабашить. Какая еще тебе работа.

— Двадцать человек! — неожиданно зло и холодно говорит бригадир.— Двадцать человек за пятьдесят минут...

Ему не нужно доканчивать. Если к нему присмотреться, то он вовсе не такой уже маленький. Если к его словам прислушаться, то он вовсе не такой улыбающийся и мягкий.

Не такой уже маленький, не такой уже добрый и не такой уже тихий — этот бригадир, который упорно плетет железные каркасы для растущих новостроек.

Ему не нужно доканчивать, и технику не стоит дослушивать. Все понятно!

И, получив наряд, бригадир распахивает дощатую дверь.

Свежий ветер, тот самый, который злится в попытках сдвинуть громады упрямого льда, хлещет в лицо.

Бригадир идет против ветра. Он шагает без молота, без выпяченной колесом груди, он идет, чуть наклонив голову и придерживая рукой фуражку.

Он останавливается на краю, там, где упрямые землекопы бьют кирками мерзлую ярко-красную глину, и кричит что-то своим ребятам.

Ветер относит его слова. Он улыбается и машет рукой.

Тогда, захватывая инструменты и на ходу закуривая, арматурщики один за другим направляются за своим бригадиром.

*«Тихоокеанская звезда» (Хабаровск),
1932, 9 мая*

МЫШЬЯКОВАЯ РУДА И МЕДНЫЕ ЛЬБЫ

Группа во главе с т.т. Матвеем Мишкиным и Григорием Прокопенко уже около десяти лет, по своей инициативе, производит разведки рудных ископаемых в Приморье.

За эти годы этой группой было сделано свыше 30 заявок.

Но, очевидно, легче разыскать свинец, цинк, серебро и золото в дебрях лесов, в горных складках и обширных болотах нашего малоисследованного края, чем раскопать заявки на эти рудоносные площади в недрах канцелярии Дальневосточного горного округа и Владивостокского геолкома¹.

¹ Геолком — геологический комитет.

По 16 заявкам этой группы до сих пор еще не было ни разведок, ни даже поверхностных обследований.

9 заявок с 1930 года блуждают от стола к столу, покрываясь коростой бессмысленных бюрократических надписей, отписок и резолюций.

Например, группа, посылая образцы породы, делает заявку на золото. По истечении года группа получает ответ от Дальневосточного горного округа:

«Представленная вами руда является мышьяковым колчеданом с содержанием золота в два грамма на тонну, и поэтому промышленного значения иметь не может». Однако, «руда эта, как мышьяковая, имеет особо важное общегосударственное значение».

Казалось бы естественным — ну, раз золота мало, а мышьяку много и разработка мышьяковых месторождений имеет «особо важное общегосударственное значение» — то нужно немедленно выдать свидетельство на право разведки. Нужно срочно выслать партию ГРУ¹ для обследования указанной площади и нужно, наконец, поставить вопрос о премировании открывших это месторождение.

Как бы не так. Люди-то думали, что они открыли золото, а на деле оказался мышьяк. Ну, так пусть они начинают все сначала, пусть подадут заявку: вот, дескать, просим подтвердить, что открытая нами руда не золотая руда, а мышьяковая.

Всякий разумный человек согласится с тем, что это бессмыслица и что не для чего начинать всю волокиту сначала. Тем паче, что сам горный округ признает, что это не золото, а мышьяк, да еще имеющий для государства такое большое значение.

Но ни горному округу, ни геолкому это бессмысленным не кажется. «Дозволительное свидетельство» не выдается, премия не выдается, хотя округ и признает за группой (но без всяких практических выводов) «право первооткрывателей».

Но что такое значит это платоническое признание права первооткрывателей? Как этим правом расплачиваться по всем расходам, связанным с долгой и трудной работой по разведке месторождений ископаемых? И какой толк от этого права, если оно без всяких прав зарыто в архивах горного округа на такую глубину, что потребуется не очень

¹ ГРУ — геолого-разведочное управление.

легкая работа для того, чтобы извлечь из него хоть какую-либо практическую пользу?

Мы тоже делаем заявку! Мы не претендуем ни на какие «права первооткрывателей», так как то, что мы открываем, было открыто до нас уже не один раз.

Но все-таки мы еще раз делаем заявку на первокачественную волокиту, на твердокаменный бюрократизм, мощные залежи которого находятся в недрах самого Дальневосточного управления горного округа и во Владивостокском геолкоме.

Пусть эта наша заявка будет принята к сведению и будет обследована опытными разведочными партиями из РКИ.

От всяких премий мы заранее отказываемся.

Лучшей премией будет то, что, если в результате такого обследования трудящиеся Дальневосточного края будут, наконец, поставлены в условия, которые позволят им с гораздо большей энергией и настойчивостью продолжать работу по выявлению и использованию скрытых богатств нашего края.

*«Тихоокеанская звезда» (Хабаровск),
1932, 21 мая*

МЕТАТЕЛИ КОПИЙ

Современный бюрократ хитер. Давно прошли те времена, когда, наголовотяпив, сорвав план, угробив срочный заказ, отделавшись от работы заковыристой отпиской, бюрократ тихонько помалкивал, втайне надеясь, что все само собой, как-нибудь обойдется, заглохнет, завязнет в бумагах и скроется в архивах от острых взоров прокуратуры и РКИ.

Нынче бюрократ действует по прямо противоположному методу: Еще не успев до конца набюрократить, он сам же предусмотрительно и заблаговременно поднимет негодующий вопль о том, что его, честного человека, обманули.

Он просил, а ему не дали. Он искал и не обрел. Он стучал, и ему не отворили. Он заказал, а ему не сделали.

И вместо того чтобы найти выход из положения и с действительной, большевистской настойчивостью добиваться

выполнения порученного ему дела, бюрократ спешит умыть руки.

Бюрократ торопится «снять», «сложить» или «переложить» ответственность на кого-нибудь другого, а также запастись как можно большим количеством документов, оправдывающих его собственную бездеятельность.

Но так как ни прокуратура, ни РКИ такого документа ему никогда не выдадут, то современный бюрократ готовит все эти документы в собственной канцелярии.

Пусть только ни у кого не закрадется мысль о том, что он занимается подлогами или, пробравшись ночью черным ходом, при опущенных шторах своего кабинета, тайно готовит искусные фальшивки.

Ничего подобного. Все это делается в часы занятий и совершенно открыто.

Техника такова: предположим, что бюрократу поручено обеспечить отправку такого-то количества товаров в такой-то адрес, тогда бюрократ пишет примерно так:

«Телеграмма. Срочная. Союзтара.

Шлите ящики, мешки, бочки. В случае несвоевременной отгрузки снимаю себя ответственность И ПЕРЕКЛАДЫВАЮ ЕЕ НА ВАС».

Вверху на телеграмме пометка: «Копии: крайпрокуратуре, секретарю крайкома, президиуму крайисполкома, ОГПУ, крайРКИ».

Получив такую телеграмму, бюрократ из Союзтары на лету, с ловкостью фокусника, жонглирующего горячими факелами, подхватывает эту свалившуюся на него ответственность и перекладывает ее дальше примерно так:

«Телеграмма. Срочно. Дальлеспром.

Ускорьте отпуск лесоматериалов для заготовки тары. В случае запаздывания ответственность перекладываю на вас».

Под телеграммой пометка: «Копии: Далькрайисполкому, Далькрайкому, прокуратуре, ОГПУ, РКИ».

Не надо иметь большое воображение для того, чтобы угадать, что сделает со свалившейся на него ответственностью такой же бюрократ хотя бы из того же Дальлеспрома.

С молниеносной быстротой он швырнет ее таким же порядком дальше. И, таким образом, ответственность становится абсолютно неуловимой. Она то мчится в вагонах почтовых поездов, то летит по проводам телеграфа, то

трясется на телеге с пакетом нарочного, чтобы, свалившись на голову какого-нибудь районного работника, стремительно отлететь назад и продолжать свой порочный круг.

Между тем бюрократ считает себя неуязвимым от всяких подозрений в том, что он срывает поставленную перед ним задачу.

Помилуйте, разве он срывает? Он первый сигнализирует, копии его телеграмм имеются во всех учреждениях.

Вызванный в контрольную комиссию, он сможет привести в свое оправдание целую телегу, заваленную копиями оправдывающих его телеграмм.

— Это я-то виноват? — бия себя в грудь, будет возмущаться тот же тов. Французов из Дальрыбснаба, когда ему укажут на то, что он плохо подготовился к выполнению экспортного плана. — Я, который первый сигнализировал?! Да у вас одних моих копий, если поискать, целая куча наберется.

То же самое, вероятно, скажут товарищи Солдатов и Гусев из Дальснабсбыта, Щербак и Берендеев из Дальпромсоюза, Максимов из Крайфу, Гусев из Стальсбыта, а также Поляков из отдела эксплуатации Уссурийской ж. д., который побил рекорд «сигнализаторства», разослав одновременно по одному вопросу:

пять копий спешной почтой,

семь копий «молнией»,

шесть копий телеграфом

и сколько-то простой почтой. А в общем столько, что в один прекрасный день копии с его телеграммы о погрузке нефти были получены чуть ли не всеми учреждениями и организациями гор. Хабаровска, не включая сюда только краевую психиатрическую лечебницу, об-во Друзей детей и Союз воинствующих безбожников.

В своем постановлении от 3 июня президиум КрайКК — РКИ крепко одернул всех упомянутых здесь товарищей и в последний раз напомнил, что подобного рода безобразия никем впредь допускаться не должны, потому что они ведут только к излишнему расходу бумаги, запутывают организации, вносят неразбериху, создают параллелизм в работе обследующих организаций, загружают почту и телеграф.

Всякие попытки отыгаться на таком бессмысленном

и беспредметном «сигнализаторстве», попытки подменить конкретную работу истерическими воплями об одностороннем «сложении» ответственности всегда получали и будут получать от РКИ резкий отпор, к каким бы ухищрениям ни прибегала еще далеко не совсем изжитая бюрократическая прослойка соваппарата.

*«Тихоокеанская звезда» (Хабаровск),
1932, 15 июня*

БЕНЗИН, КЕРОСИН, ЛИГРОИН*

На горе, за Китайской слободкой, стоит старая, позаброшенная кумирня*.

Ржавые, опутанные проволокой заборы, размытые дождями развалины, зловонная мусорная свалка с горами грязного битого стекла — все это отталкивает и заставляет поспешать прочь случайно попавшего сюда человека.

И все-таки подле этой обветшалой кумирни стоит оставаться.

Далеко влево виден Амур. На берегу — лесá строящейся электростанции, правее и выше — трубы Дальсельмаша и узенькая полоска железнодорожной линии, по которой мимо четырех одиноких сопок бегут своей дорогой далекие поезда.

Еще правее, в низине, виднеются приземистые бараки. На покатых склонах — красноватые пятна взрытой земли и рядом, похожие отсюда на обрубки толстых бревен, лежат толстые паровые котлы.

Что здесь строится — не поймешь. Нет ни массивных зданий, не видно громоздких заводских корпусов, не растут прямые стволы тяжелых и стройных дымовых труб.

Но, если говорить словами официального постановления СТО*, перед нами не что иное, как «ударная новостройка, имеющая (всесоюзное. — *Ред.*) значение», — Нефтестрой.

*

Бензин, керосин, лигроин.

Длинный и сложный путь проходит каждая капля горячего, прежде чем рвануть пропеллер улетающего аэро-

плана, прежде чем вспыхнуть на фитиле керосиновой лампы и прежде чем загудеть под чайником, поставленным на керосиновый примус.

Проходит полгода, пока наполненная в Грозном цистерна доберется наконец до Хабаровска и вернется назад за новой порцией горючего.

Семьдесят суток только по Уссурийской дороге осторожно пробирается десятки раз отцепляемая и прицепляемая к хвосту товарных поездов десятитонная цистерна с огнеопасным содержимым.

И, выплеснув каплю, по сравнению с тем, сколько нужно для растущего Дальнего Востока, эта крохотная цистерна порожняком бежит десятки тысяч километров назад, куда-то далеко на Северный Кавказ, в Грозный.

133 тысячи тонн светлых нефтепродуктов нужно будет краю в 1933 году. И все это надо доставить по единственной, сильно перегруженной линии Транссибирской железной дороги. Вот почему перед началом посевной и уборочной, перед началом лесозаготовок и сплава волнуются директор МТС, директор леспромхоза, заведующие нефтескладами и гаражами.

Вот почему скупо светят лампы в избах колхозников, где бутылка керосина расценивается дороже литра хорошего молока.

Вот почему, когда в очередной раз прекращается ток от старой Хабаровской электростанции, то в учреждениях вспыхивают тусклые сальные свечи вместо керосиновых ламп.

А между тем нефть у нас рядом. И вместо того чтобы везти из Грозного бензин, одна тонна которого в Грозном стоит 36 рублей, а после далеких перевозок — у нас 110 рублей, Дальний Восток решил построить свой нефтеперерабатывающий завод.

С восточного берега Сахалина на западный нефть потечет по трубам в баржи. Баржи пойдут вверх по Амуру до Хабаровска. Здесь мощные насосы погонят густую, тяжелую массу нефти в резервуары, на одну из сопок за нефтезаводом.

Из резервуара нефть пойдет в переработку.

Керосиновая колонна вытянет из нее керосин. Печь высокого давления разогреет нефть до 400 градусов. И горячие струи, врываясь в огромную пустую башню эвапора-

тора*, превратятся в клокочущие пары, которые, то охлаждаясь и очищаясь, то вновь разогреваясь, пройдут через сложнейшую, запутанную систему труб, резервуаров и колонок, с тем чтобы разлиться наконец бензином, лигроином, керосином или осесть густым парафином и тяжелым, вязким асфальтом.

Все, что есть ценного, выжмет и высосет из сахалинской нефти крекинговая установка*. И только после этого выбросит остатки, выбросит дешевый мазут для топок, горящих под паровыми котлами фабрик, паровозов и пароходов.

*

Первый крекинг системы Винклер-Коха должен быть пущен к 1 марта 1933 года, второй — к 1 июня 1933 года.

Работы много!

Пока на площадке сделано только 15 процентов от общего плана.

К 1 июля надо вынуть 18 тысяч кубометров земли; для этого необходимо по крайней мере 300 рабочих, а их работает всего немного больше сотни.

Можно было бы недостающую рабочую силу заменить несложной механизацией. Но сколько ни бьется Нефтестрой, он не может получить хотя бы какой-нибудь старый и маломощный двигатель. Ковш для башенного экскаватора и роликовые тележки тоже застряли где-то в необозримых джунглях товарных пакгаузов железной дороги.

То же самое и с кислородом. У Нефтестроля в запасе всего 60 кубометров кислорода. Этого хватит только на 400 метров трубопровода, а кислород нужен для сварки 1800 метров.

*

А помогают Нефтестрою совсем плохо. Тот же АУРТ¹, который, больше чем кто-либо другой, должен быть заинтересован в том, чтобы для речного транспорта отпускалось достаточное количество светлого горючего, и тот ведет нескончаемые споры о том, кто будет перекачивать нефть с пристаней в резервуары. А также не очень-то готовится к

¹ АУРТ — Амурское управление речного транспорта.

перевозке 50 тысяч тонн сахалинской нефти, которую нужно перевезти уже в течение этой навигации, потому что первый крекинг будет пущен ранней весной, то есть тогда, когда реки будут еще подо льдом.

*

А комсомол? Давно ли Хабаровский горком комсомола сказал о том, что им сделано многое, для того чтобы помочь Нефтестрою?

Неумелая организация приема прибывших на стройку комсомольцев, совсем недостаточная работа по разъяснению исключительно важного значения этой новостройки — разве все это не вызвало целый ряд серьезных неполадок? Разве все это не мешало росту, не угрожало темпам и не срывало установленные сроки?

Мешало, срывало, угрожало, угрожает в значительной мере и сейчас и будет мешать в дальнейшем, если только хабаровская организация комсомола не уделит этой новостройке такого внимания, которого она заслуживает по праву.

*

Сколько растрчено нервов? Сколько исписано бумаг? Сколько испорчено телефонных аппаратов на одних только звонках:

— Давайте горючего для тракторов, давайте горючего для машин.

Сколько потеряно вечеров из-за тусклого мерцания свечей?

Сколько поломано автомобилей из-за немыслимых ухабов и выбоин на мостовых Хабаровска, Благовещенска и Владивостока?

И вот теперь говорят: дадим бензин, дадим керосин, лигроин, первокачественный асфальт. Всё дадим! И дадим скоро, и дадим каждому столько, сколько надо. Но не стойте сложа руки тогда, когда растущий Нефтестрой задыхается от недостатка 200 кубометров кислорода и когда он вынужден лопатами выковыривать землю из-за того, что никто не хочет дать ему займы даже плохонький, старый двигатель.

Поищите Нефтестрой в телефонном справочнике. Его

там нет. Попросите у справочной номер телефона Нефтестроя. Сначала вам дадут нефтесклад, потом, когда вы выругаетесь, вам дадут Сахалиннефть, и тогда, отчаявшись, вы вступите в терпеливое объяснение со справочной «барышней»:

— Нефтесклад — это одно, Сахалиннефть — это другое. А это, гражданка, во-он там!.. под горкой. Знаете... ну, пониже Дальсельмаша. Вот, вот... левее кладбища. Ну, домик эдакий! Разные там ямы... железина — вот это и есть Нефтестрой.

И только тогда телефонная трубка, помолчав минутку-другую, назовет вам наконец номер этой «ударной и имеющей всесоюзное значение стройки».

Стыдно. Глупо. И странно...

*

И все-таки весной 1933 года Нефтестрой перестанет быть Нефтестроем и станет нефтезаводом.

Всем этим нефтезаводом будет управлять только один дежурный инженер-оператор с помощью нескольких рабочих.

Он будет стоять возле контрольного щита, и на этом щите, как в зеркале, отразится все то, что делается в артериях крекинговой установки.

*

Один поворот рычага и — поднимется или опустится температура, увеличится или уменьшится давление, откroются или закроются краны, клапаны и трубы.

Так, на сигнальном щите по стрелкам, по цифрам кривыми изломами контрольных записей невидимо пройдет тяжелая сахалинская нефть весь свой путь — от сырьевых баз до резервуаров готового светлого горючего, до складов асфальта и до глубоких амбаров тяжелого мазута.

60 цистерн будет наливать нефтепровод через каждые 2 часа. И тогда бензин, керосин, лигроин пойдут на станции, поплывут по морям, рекам и глухим речонкам, пробивая себе путь в самые дикие уголки нашего индустриализирующегося края.

Вот почему стоит остановиться возле старой, обветшавшей кумирни и внимательно посмотреть в ложину, на низенькие бараки, на небогатые постройки, на разрытую землю у подножия четырех пустых и одиноких сопок, мимо которых бегут своей дорогой далекие поезда.

«Тихоокеанская звезда» (Хабаровск), 1932, 18 июня

«СЕРЕЖА, ВЫДАЙ...»

На столе лежат две толстые пачки разноцветных записок.

Большинство из них — кое-как оторванные клочки случайно подвернувшейся бумаги. Клочок исписанного протокола, использованная желтая квитанция, листок папиросной бумаги, кусок синей промокашки и даже оборотная сторона от порожней папиросной пачки.

Всего сто девяносто четыре штуки.

Все эти записки подписаны или заместителем управляющего Селемджино-Буреинским... приисковым управлением Савченко, или заведующим Экимчанским перевалочным пунктом Кожевниковым.

Все они адресованы в одно и то же место, а именно: на распределительный склад и лавку Союззолото.

Этот склад и лавка хранят и отпускают золотосдатчикам* завезенные через сотни километров бездорожья остродефицитные товары.

Перелистаем же обе пачки потерянных и помятых записок и посмотрим имена и фамилии тех «неутомимых тружеников», которые в чаще дикой тайги «добывают» дорогой металл, так необходимый нашей индустриализирующейся стране.

Самойлов!

Выдайте Корякину чулок женских 6 пар. Фуфайку 1 штуку, а самому Корякину выдайте 1 пиджак.

Кожевников.

Самойлов!

Выдай Цыганенко пять метров мануфактуры.

Выдай Мурашко отрез на брюки, а Цыганенко еще две пачки печенья и шоколаду.

Как будто бы все очень хорошо.

Чета Корякиных — это, очевидно, супруги-золотоискатели. Цыганенко и Мурашко — золотоискатели тоже.

Вероятно, они сдали выработанное золото. Натянули шелковые чулки, надели новые брюки, фуфайки. И после тяжелой таежной работы сели распивать заслуженный чай с печеньем и шоколадом.

Что же! Пусть пьют на здоровье.

Самойлов!

...Отпусти Кононову одну женскую фуфайку и отрез сукна.

...Отпусти Маслову серого сукна.

...Отпусти этой женщине одну черную шаль.

...Отпусти Цыганенко 5 метров мануфактуры.

...Отпусти Беломестнову шоколаду 15 пачек.

...Отпусти Савченко для тов. Мурашко: 1) консервов 10 бан., 2) сахару 2 клгр., 3) печенья 4 пачки, 4) чаю 100 гр., 5) рыбы 4 клгр., 6) мыла 2 куска.

Кожевников.

Здесь уже что-то не совсем ясно.

Ну предположим, что Кононов и Маслов — это золотоискатели. Предположим, что тов. Мурашко сшил себе новые брюки, съел вместе с Цыганенко печенье и шоколад, а теперь забирает продукты, чтобы снова отправиться в тайгу на прииски.

Но что это за таинственная, безымянная женщина в черной шали? И давно ли это тов. Беломестнов превратился в приискового рабочего, в то время, когда всем он был известен как один из руководящих работников Селемджинно-Буреинского района?

Самойлов!

Отпусти этому человеку три метра мануфактуры, необходимой ему для шития трусов.

...Замени Мурашко отрез черного сукна на серое. Кроме того, выдай ему еще один новый костюм.

Самойлов!

Выдай этому зубному технику пряников, шоколаду, конфет и сахару.

...Выдай для Цыганенко фуфайку и отрез сукна, а жене т. Корякина чулок женских две пары.

Что за чертовщина!

Мурашко, оказывается, вместо того чтобы ехать в тайгу, все еще шьет себе брюки и все еще меняет то черные отрезы на серые, то серые на черные.

Скромная золотоискательница Корякина очень подозрительно быстро превращается в гражданку Корякину в жену одного из работников приискового управления

Цыганенко определенно спятил с ума: уже в четвертый раз огребает пиджаки, мануфактуру, костюмы и фуфайки

Некто безымянный собирается в холодную зиму шить себе трехметровые трусы.

А тут еще бог знает откуда взялся зуботехник.

Какой зуботехник? Откуда? С каких это пор зуботехники стали считаться приисковыми рабочими или старателями? Какие он разрабатывает россыпи? Где разыскивает самородки?

Или, может быть, обнаружив золотой зуб во рту пациента, он с веселыми криками собирает свои выдергивательные инструменты, останавливает бормашину и бежит делать заявку на обнаруженную им золотоносную площадь?

Самойлов!

Отфрахтуй и выдай Савину черную шаль, необходимую ему для отвозения и привезения его жены из больницы

Отпусти для Бондарчука, которому нездоровится, одну бутылку спирту

Выдай <через>¹ Савченко т Хеврину для бригады бухгалтеров два литра спирту

Замени Уповову серое сукно на черное

Теперь уж совершенно очевидно, что честные приисковые рабочие здесь совершенно ни при чем. Все эти: Савин, которому «для отвозения и привезения» нужна черная шаль, Бондарчук, которому нездоровится, наконец, эта предводительствуемая Хевриным отчаянная «бригада» бухгалтеров(?), жаждущих дефицитного спирта,— все это, как и все упоминаемое выше, не рабочие и не золотоискатчики, а местные селемджино-буреинские работники

¹ В угловые скобки взяты слова, утраченные в оригинале и восставленные составителем, как необходимые для понимания текста

районных организаций и группового управления Союззолото.

И, наконец, последняя записка. Адресована она, по-видимому, самому Кожевникову. Написана она кривыми и подозрительно качающимися буквами. Подпись отсутствует.

Сержал

Не откажи в просьбе, дай спирту сему подателю. Нужно для одного обстоятельства.

Каково это неотложно требующее спирта «обстоятельство», Сережа понял, по-видимому, и без пояснений.

Следует резолюция:

Самойлов, выдай два литра.

А на отдельной бумажке приписано:

Отпусти еще хлеба, луку, масла экспортного и одну рыбу. Рыбу дай им соленую из бочки.

С января месяца по май тридцать второго года таких записок накопилось в лавке и на складе около тысячи штук.

Было бы неправильным подозревать селемджино-бурейских работников в подлогах и в преднамеренно злостных преступлениях. Ничего подобного! Все это делалось совершенно официально, и на обороте каждой записки пометка: «Отпустить за наличный расчет». И тем не менее это безудержное разбазаривание специальных фондов не может квалифицироваться иначе, как прямая растрата.

Но, может быть, в Селемджино-Бурейском районе собрались такие уже особенно легкомысленные и беззаботные ребята? Может быть, этот район является исключением?

Так ли? А что, если посмотреть, нет ли таких записок и записочек из магазинов и распределителей в других районах?

А что, если мы предложим всем завмагам, завскладами и распределителями опубликовать через печать тексты записок, а также фамилии писавших всякие, по существу, незаконные и вымышленные требования на выдачу остродефицитных продуктов и товаров то «ввиду неотложной

необходимости», то «ввиду отъезда», «ввиду командировки», ввиду очень сомнительных болезней и совершенно несомненного отсутствия понимания всей постыдности таких шкурнических способов самоснабжения?

При острейшем недостатке в крае промышленных товаров мы направляем эти товары на улучшение снабжения рабочих наиболее важных и ответственных участков хозяйства. В то же время находятся и такие мерзавцы, которые растаскивают дефицитные товары, расхищают народное достояние, и такие, которые транжируют, раздают направо и налево доверенные им государством товары. И те и другие срывают нашу работу. Эти «сосуны» народного имущества — враги народа, и с ними нужна жестокая, беспощадная расправа.

Вероятно, при одной мысли о возможности такого опубликования кое-кому станет не по себе, потому что где-либо на складах лежит подшитая к делу и его липовая бумажонка с распиской «о получении черной шали для отвозения», с требованием «отпустить полдюжины женских чулок ввиду острого катара желудка». А то и вовсе какая-нибудь разухабисто-откровенная:

...Сережа, выдай!

Сережа-то, может быть, и выдаст, благо ползучий подхалим еще далеко не отовсюду выведен.

Но что скажут не Сережа, а те рабочие, для которых предназначались расхвачанные товары? Что скажет КК-РКИ* и прокуратура?

...Ой, нет!.. Не надо! Лучше бы Сережа не выдавал!

«Тихоокеанская звезда» (Хабаровск), 1932, 20 июня

ТАРЕЛКА СЛИВ

Будто бы во время оно* произошел такой интересный случай: явилась к одному из хабаровских садоводов Пресвятая богородица* и сказала: «Встань, о праведный человек, и иди в сад, где найдешь ты дерево с райскими плодами».

Упомянутый праведник поспешно вскочил и, предусмотрительно захватив опрыскиватель с бордосской жидкостью*, направился в сад, где и увидел грушу с доселе небывало крупными плодами.

Отблагодарив небо, праведник незамедлительно принялся разводить этот доходный сорт, но впал в грех, был обуян духом корыстолюбия, набрал слуг и прислужниц и по делам своим был раскулачен, кажется, в 1929 году.

Притча эта вот к чему. На каждом углу Хабаровска проворные торговцы бойко продают стаканами кислую ранетку и мелкую желтую сливу. Заплати рубль, подставляй пригоршню и вкушай на доброе здоровье. Ничего, что ранетка кислая и терпкая, как будто бы ее целые сутки продержали в чану для дубления кожи. Ничего, что слива мелкая, толстокожая и толстокостная.

Неприхотливый хабаровский народ платит и вкушает, совершенно напрасно утешая себя тем, что здесь не Крым и не какая-нибудь Тамбовская губерния с их пахучими антоновками, приятными анисами и сочными мирабелями.

А между тем это уже доказано, что без вмешательства богородицы и угодников первосортные сливы, сочные груши и сладкие яблоки могли бы с успехом пышно произрастать и приносить плоды хотя бы в том же Хабаровске.

Есть в Хабаровске такое тихое племя — садоводов-любителей. Это рабочие, служащие, железнодорожники, фельдшеры, телеграфисты, в общем люди самых разнообразных профессий.

Они украдкой копаются в своих карликовых садах. Что-то ковыряют, надрезают, сажают, пересаживают. Втихомолку, почти тайком собираются они возле каких-то невзрачных саженцев, пророчествуя им блестящую будущность. И довольные ходят один к другому — похвалиться новым сортом какой-либо не боящейся весенних ожогов яблони или не вымерзающей сливы.

Но, вместо того чтобы оказывать этим людям помощь и поддержку, вместо того чтобы признать важным и ценным их упорный и кропотливый труд, поставлены эти садоводы в условия дикие и бесстыдные.

Совсем недавно чуть не затравили садовода Мухина — честнейшего работника, премированного ударника, человека, который в своем крохотном садике большими трудами и заботами вывел надежные сорта плодоносящих деревьев.

И не те сорта — причудливые и экзотичные, — которые выводили раньше на потребу обожравшемуся буржуа угодливые садоводы, а те рентабельные, испытанные и

проверенные сорта, которыми можно засеивать десятки и сотни га садов Дальнего Востока.

И вот человека, который без усталости работал днем в больнице (он фельдшер), а вечером до поздней ночи копался в саду — объявили на службе кулаком только на том основании, что у него есть сад в то время, когда почти никто в Хабаровске садоводством не занимается.

По тем же самым соображениям не приняли его в вечерний медвуз, хитро обставив дело так, как будто бы он «не подходит по возрасту».

Ни в Дальснабсбыте, ни через горзо¹ он не мог получить для своего опытного садика ни килограмма парижской зелени, ни литра бордосской жидкости, ни одного кулька известки, чтобы сохранить подопытные плодовые деревья, — на том основании, что он, видите ли, частник.

По этим издевательским бессмысленным фактам нужно резко ударить. Этому нелепому пренебрежению к работе трудящихся, любителей-садоводов, должен быть положен конец.

Необходимо, чтобы садоводы-любители были объединены хотя бы в секцию при Дальневосточном краеведческом обществе. Необходимо легализовать их, признать их труд. Произвести широкий смотр их достижениям, которых, несмотря на все трудности, накопилось не мало. Выявить их опыт, премировать лучших.

И тогда уже не будут мыслимы такие случаи, как те, когда, оставленные на произвол и не встречающие ниоткуда помощи, многие садоводы-любители бросили свое дело, запустили сады с драгоценными саженцами. А в это же самое время, например, то же <потребительское общество> засаживает десятки га привозными крымскими сортами, которые, конечно, тотчас же гибнут и вымерзают...

И ни к чему бесполезные и вредные рассуждения о том, какое нам нужно садоводство.

Дальний Восток должен иметь и крупное промышленное и мелкое индивидуальное садоводство.

К этому есть все возможности.

Нужны и огромные государственные питомники и мелкие садики возле домов, домиков и общежитий рабочих.

¹ Горзо — городской земельный отдел. Ведал садово-парковым хозяйством.

Нужны сотни тонн высокосортных плодов для колхозных базаров, но не плоха и тарелка свежей сливы, собранной к обеду около своего дома или общежития.

Только безответственная голова легкомысленного загибщика да крючкотворная душонка тупого бюрократа способны в запахе вишневого куста, цветущего под окном квартиры, учуять какую-то угрозу основам социалистического садоводства.

Здоровый нормальный человек отворит окно пошире, улыбаясь тому, что жизнь не только торжественно грохает тяжелыми рельсами с прокатных станов, подъемными кранами и могучими блюмингами, но и пышно расцветает она зелеными массивами огромных общественных садов, и вот этой пахучей росистой ветвью, до которой шутя можно дотянуться рукой.

«Тихоокеанская звезда» (Хабаровск), 1932, 11 сентября

НЕЗАВЕРШЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ОБЫКНОВЕННАЯ БИОГРАФИЯ

КНИГА ВТОРАЯ¹

Часть I

В Воронежском военном госпитале я пролежал три недели. Рана еще не совсем зажила, но за последние дни прибывало много [раненых]² шахтеров с линии Миллерово — Луганск — Дебальцево. Мест не хватало.

Мне выдали пару новых, пахнущих свежей сосною костылей, отпускной билет и проездной литер на родину [в городок Арзамас].

¹ Первой книгой А. П. Гайдар считал свою повесть «Школа»

² Слова, зачеркнутые Гайдаром, печатаются в квадратных скобках

Я надел новую гимнастерку, брюки, шинель, полученные взамен прежних — рваных и запачканных кровью, — и подошел к позолоченному полинялому зеркалу [стоявшему в углу приемной].

Я увидел высокого, крепкого мальчугана в серой солдатской папаче — самого себя с обветренным похудевшим лицом и серьезными, но всегда веселыми глазами.

[И узнавал я в себе и не узнавал того озорного четырнадцатилетнего мальчугана, который полтора года тому назад убежал из школы.]

Полтора года прошло с тех пор [когда, обозлившись, из отцовского маузера всадил я в паркетный пол школы пулю] И когда, испугавшись, убежал я из нашего города Арзамаса.

С тех пор прошло многое: Октябрь, Боевая дружина сормовских рабочих, Особый революционный отряд, фронт, плен, гибель Чубука, прием в партию, пуля под Новохоперском и госпиталь.

Я отвернулся от странного зеркала и почувствовал, как легкое волнение покачивает и слегка кружит мою только что поднявшуюся с госпитальной подушки голову.

Тогда я подпоясался. Сунул за пояс тот самый, давнишний маузер, из-за которого было столько беды в школьные годы, и, притопывая белыми, свежими костылями, пошел потихоньку на вокзал. Там спросил я у коменданта, когда идет первый поезд на Москву.

Охрипший суровый комендант грубо ответил мне, что на Москву сегодня поезда нет, но к вечеру пройдет на Восточный фронт санитарный порожняк, который довезет меня до самого Арзамаса.

И еще сердитый комендант дал мне записку на продпункт, чтобы выдали мне хлеб, сахар, селедку и махорку в двойном размере — как отпускнуку-раненому.

Хлеб, сахар и селедку я положил в вещевой мешок, а махорку отдал на вокзале одному товарищу, который был еще раньше ранен и теперь опять возвращался на фронт.

Около года я не получал писем от матери. Сам я написал ей за это время два или три коротеньких письма, но адреса своего сообщить ей не мог, потому что в то время полевых почтовых контор еще не было, да если бы и были, то и это не помогло бы, потому что орудовал наш малень-

кий отряд больше по тылам — сначала у немцев, потом у гайдамаков и у белых.

А из госпиталя, из Воронежа, я не писал нарочно — чувствовал, что мать, узнав о моей ране, только без толку расплачется и разволнуется.

Санитарный порожняк торопился на восток, где в это время шли крепкие бои с Колчаком. Уплывали одна за другою станции, чужие, незнакомые, но все так похожие одна на другую — забитые, грязные, кричащие, звенящие, лязгающие оружием, расцвеченные красными флагами и плакатами.

Мелькнет вокзал, красноармейцы, выстроившиеся с котелками возле дымящейся походной кухни.

Дернет за сердце прорвавшийся через грохот колес напев гармоник, дунет морозный ветер — запахом дыма, сена, лошадиного навоза и карболки.

Врежется в память посиневшее лицо рабочего-дружинника, опоясанного пулеметной лентой на вылинялой кожаной тужурке, отягощенной брезентовым патронташем.

Улыбнется и махнет рукой женщина, вероятно работница. Да и какая там женщина — просто веселая девчонка с наганом у кожаного пояса.

И опять дальше поле, а в поле за сугробами далекие дороги и далекие деревни, села, и в каждой деревне свой Деникин, в каждом селе свой Колчак, свои красные, своя ненависть и борьба.

Поезд прорвался за Муром, и вместе с ударами станционных колоколов сразу зазвучали имена станций, разъездов, полустанков, давно знакомых еще по детству, по школе, по семье... Мунтолово, Балахониха, Костылиха...

Давно ли? Нет, впрочем, давно, очень-очень давно — года четыре или лет пять назад отец взял меня с собой в Костылиху, куда ездил в гости к тамошнему учителю Федору Матвеевичу... Там мы спали на сеновале, потом пили чай с крыжовником, потом мы ходили купаться, и когда шли назад, отец и учитель и еще две какие-то хорошие женщины, то все они пели песню, которую я силился сейчас вспомнить, но никак не мог.

Отец гудел басом, как церковный колокол. А одна из хороших женщин, та, которую звали Маруся, пела так звонко-звонко, что я схватил ее за руку и так прошел с нею всю дорогу — тихонько и молча.

Потом, когда уже дома я рассказывал об этом матери,

мама сказала мне, что эта Маруся нехорошая женщина, и заплакала... И когда отец стал успокаивать мать и стал говорить, что он и сам не находит в Марусе ничего хорошего, то и тогда я остался при своем убеждении, что эта Маруся все-таки хорошая.

Поезд прорвался мимо полустанка Слезевка. Впереди мелькнули бесчисленные церкви и монастыри Арзамаса, они росли, вырисовываясь все ярче, ярче... так что я теперь мог уже различить и [широкую] гору собора, и тонкую как мечеть колокольню Благовещенской церкви, и даже старую пожарную каланчу.

Тогда поезд завернул влево и ушел в лес, в тот самый детский лес, в котором мне были знакомы каждый бугорок, каждая поляна и каждая ложбина.

Кто-то положил мне руку на плечо. Я обернулся. Передо мною стояла красная сестра с поезда.

— Приехали,— мягко сказала она.— Сойдешь, постарайся найти лошадь. А если не найдешь, то иди потихоньку и чаще отдыхай.

— Хорошо,— ответил я,— я потихонечку.— А сам с поспешностью, какую только позволяли мне мои костыли, затопал к дверям останавливающегося вагона.

Извозчиков не было. Стояло несколько подводчиков, приехавших за грузом на станцию. Я задумался. До города было километра четыре — сначала полем, потом через овраг, потом через перелесок. Такой длинный путь с моей простреленной ногой мне было пройти нелегко. Но делать было нечего. Я поправил вещевой мешок за плечами и пошел по гладкой, накатанной дороге. Я шел потихоньку, а мне хотелось бежать. Но когда я пробовал ускорить ход, костыли начинали скользить по обледенелым колеям или проваливаться в снег, а нога начинала неметь и ныть.

— Э-эй! — услышал вдруг я позади себя окрик.

Я хотел посторониться. Но посторониться было некуда, потому что я был в ложбине, занесенной снегом, где только-только могла проехать одна лошадь. А в сугроб свернуть мне было нельзя...

— Эй,— окликнули меня опять сзади.— Дай дорогу!

Тогда я рассерженно обернулся и, опираясь на костыли, встал поперек пути.

С саней соскочил подводчик, подошел ко мне и, разглядев, в чем дело, сказал, смутившись:

— Садись, солдат, подвезу.

Я взобрался на сани, груженные мешками с овсом... и с любопытством посмотрел на подводчика.

Ему было лет сорок, он был небрит, нос его был красен, щеки одутловаты, на голове у него была заячья шапка с ушами, а одет он был в <старую> форменную шинель — такую, какие носили раньше учителя и акцизные чиновники...

«Неужели это он? — подумал я. — Конечно, он!»

— С какого фронта? — спросил подводчик, завертывая толстую сигарку из махорки.

— С Южного, — ответил я ему, улыбаясь. — Александр Васильевич, это вы, а это я.

— Что значит «это вы, а это я»? — удивленно переспросил он, вынимая изо рта сигарку и поднимая на меня мутные маленькие глаза. — Го-о-ориков? — вполголоса вскрикнул он. — Го-о-ориков! — Он снял толстую брезентовую рукавицу и протянул мне руку: — Ну, здравствуйте.

— Здравствуйтесь, — весело ответил я. — Как живы-здоровы, Александр Васильевич?

— Жив... — ответил он, — и жив и здоров... А вы, я как вижу, не совсем?

— Нет, и я совсем! Я тоже и жив и здоров, а это... — и я толкнул рукой костыль, — это пустяк, это временно.

Лошадь тихонько бежала по узкой дорожке через перелесок. Мы оба замолчали. Каждый из нас думал о своем.

Я вспоминал: тишину, черное пятно классной доски, форменный сюртук с блестящими пуговицами и монотонный, ровный голос: «В 1721 году по Ништадтскому миру Швеция должна была признать себя побежденной. Великая Российская империя приобрела устье Невы, Кронштадт и северное начало исторического пути, связывающего Европу и Азию...»

Он, вероятно, думал:

«В 1917 году Великая Российская империя была побеждена и завоевана людьми, приобретшими начало пути, который должен, по их замыслам, связать и Европу, и Азию, и весь мир в одно целое. И вот я, дворянин, коллежский советник Александр Васильевич Воронин, учитель, в порядке трудовинности посланный за овсом на вокзал, везу сейчас раненого большевика, и даже не большевика,

а большевистского мальчишку, которого два года тому назад я учил тому, что Великая империя непобедима».

Он довез меня до самого дома и, хмуро кивнув головой на мое «спасибо», повез сдавать овес в упродком¹.

А я, с опаской посмотрев на окна нашей квартиры, зашагал во двор, радуясь тому, что окна заледенели и через них ничего не видать.

Стараясь не стучать, я поднялся по лестнице, осторожно отставил костыли в угол за шкаф и постучал в дверь.

За дверями послышался мелкий топот. И по пыхтенью я понял, что это Танюшка тужится, открывая крючок двери.

— Мама дома? — спросил я у не узнавшей меня сестренки.

— Нет! — ответила она, и испуганные глаза ее блеснули слезинками.

— А-ах... не-ет! — весело закричал я, подхватывая костыли и вваливаясь в комнату.— А-ах... нет! А ты без мамы и пускать меня не хочешь!..

Я сбросил сумку, шинель и, усевшись на кровати, обнял не совсем еще оправившуюся от испуга девочку.

— Господи, Борька!.. Ну, Борька!.. Ну, какой ты ужасный солдат! Ну, как папа был солдат, так и ты солдат... — стрекотала Танюшка. И, целуя меня, она добавила протяжно и укоризненно: — Бо-о-орька! Борька! И что ты как давно не писал, а уже мама думала, думала. И я тоже думала, думала. Да вот погоди — она сейчас с базара придет — все сама расскажет.

Я оглянулся. Все стояло на старом месте... и шкаф, и кровать, и старый треногий диван. Я посмотрел на стену — там было новое.

Прямо со стены глядел на меня большой портрет отца — в такой же, как у меня, серой папaxe и в такой же шинели, и был тот портрет обведен траурной каймой из красной и черной материи.

— Это тебя на войне убили? — спросила Танюшка, осторожно дотрагиваясь пальцем до костыля.

— На войне! — рассмеялся я и сунул костыли под кровать.

¹ У п р о д к о м — уездный продовольственный комиссариат

— А у нас, Борька, горе какое! Ну такое горе! Такое горе! — И сестра грустно посмотрела на меня.

— Какое еще горе? — встревоженно спросил я, поддвигая ее к себе.

— А такое горе, что Лизочка уже умерла!

— Какая еще Лизочка? — спросил я, не понимая и перебирая в памяти всю веселую ораву моих двоюродных сестричек, живших в деревне неподалеку от Арзамаса.

— Как — какая? — И Танюшка подняла на меня печальные и изумленные глаза. — А наша-то Лизка — кошка такая. Помнишь? Да она-то еще один раз с печки спрыгнула — и молоко опрокинула. Ну, вспомнил теперь?..

— Вспомнил, Танюша!

Пришла мать. Распахнув дверь, она остановилась. Внимательно посмотрела на меня. Поставила на пол корзину и, подойдя, крепко обняла меня. Сбросила платок, холодными от мороза руками взяла мою голову, посмотрела мне в лицо и сказала дрогнувшим голосом:

— Похудел. Побледнел. А вырос-то, а вырос-то! Да встань ты с кровати! Дай я на тебя посмотрю.

— Мне мама, неохота с кровати вставать, — отказался я. — Я бы, пожалуй... да у меня нога немного побаливает.

— Отчего побаливает? — И мать подозрительно посмотрела вокруг. — То-то я слышу, что йодоформом пахнет.

— А оттого побаливает, что еще не зажила. То есть уже зажила, да еще не совсем.

— Он с палками пришел, — вмешалась Танюшка, вытягивая из-под кровати костыли. — Как пришел, так под кровать их спрятал, а сам сидит!

— Ранен? — тихо спросила мать.

— Немножко, — ответил я. — Да ты не думай ничего, мама, все прошло...

Мать провела рукой по моей бритой голове, и с минуты мы просидели молча. Потом она быстро встала, сдернула пальто и бросилась на кухню:

— Бог мой! Да ты, должно быть, голодный!.. Танюшка, беги скорей в сарай — тащи угли! Сейчас самовар поставлю. И куда это я спички сунула?.. Борис, у тебя есть спички?.. Не куришь? Так, ну и хорошо! Да вот они!.. Ты бы сапоги снял и лег. Дай я тебя разую...

Вскоре зашипел самовар. Запахло с кухни чем-то вкусным. Входила и выходила из комнаты раскраснев-

шаяся у плиты мать. Ровно тикали стенные часы да коло-тила метелица в узорчатые морозные окна.

Легкая дрёма охватила меня. Было тепло и мягко на старой кровати, укрытой знакомым стеганым одеялом. И вдруг показалось мне, что ничего не было — ни фронта, ни широких, донских степей, ни отряда, ни боев. Будто бы все то же, что и раньше. Вот она, на стене моя полка с учебниками. Вот в углу выцветшая картина, изображающая вечер, закат, счастливых жнецов, возвращающихся с поля. Через открытую дверь виднеется кипящий самовар на клеенчатом столе — такой же неуклюжий, толстый, с конфоркой, похожей на старую шляпу, сбившуюся набок.

Я полузакрываю глаза... В углу возится Танюшка, тихо напевая древнюю баюкающую песенку — ту самую, которую я слышал от матери еще в глубоком детстве:

На горе, го-о-оре
Петухи поют.
Под горой, горой
Озерцо с водой.
Как вода, вода
Всколыхнулася,
А мне, девице,
Да взгрустнулося.

И мне уже совсем начинает казаться, что ничего не было, что все по-старому, по-школьному, по-давнишнему.

— Борис! — кричит мне мать. — И соседей кликать?.. Боря, тебе чай к кровати дать? Или ты сюда придешь?

Я вздрагиваю, и опять я вижу черно-красную каемку возле отцовского портрета, свою шинель, папаху на вешалке и слышу, как пахнут смолой костыли у моего изголовья.

Нет, все было.

После обеда, когда мать ушла на дежурство в больницу, а я, вдоволь насмотревшись и наговорившись, лежал в кровати, раздумывая о том, куда мне завтра пойти и кого повидать, в дверь постучали. И в комнату неожиданно вошел мой школьный товарищ Яшка Цуккерштейн. Он вошел улыбаясь, и в то же время видно было, что он старается казаться серьезным и солидным.

Яшка был на год моложе меня, следовательно ему

было сейчас пятнадцать. Мы были с ним одноклассниками и дружили когда-то давно, еще до революции, до тех пор, пока не был приговорен к смерти мой отец, и до тех пор, пока ко мне не была прилеплена кличка «дезертиров сын».

После всего этого я разошелся со всеми товарищами, кроме Тимки Штукина. С одними, как, например, с Корневым или с Федькой, у меня была открытая вражда, с другими — в том числе и с Яшкой — вражды не было, но был взаимный холодок и отчужденность.

Но так как все это было очень давно и так как с тех пор изменилось многое, то я хотя и удивился, но и обрадовался Яшкиному приходу.

— Здравствуй, Гориков,— сказал он, называя меня по фамилии.

— Здравствуй, Цуккерштейн,— в тон ему ответил я.— Садись! А я устал с дороги и полежу немного.

— Что ты! Что ты! Конечно, лежи! — быстро проговорил он, поглядывая на мою ногу, под которую заботливая мать перед уходом положила подушку.— А мы узнали, что ты приехал,— продолжал он, усаживаясь на стул и держа в руках форменную фуражку с сорванной кокардой.— Вот ребята и говорят мне: «Пойди, Яшка, узнай: как он, откуда, надолго ли?.. Ну, вообще, говорят, пойд и узнай...» Вот я взял да и пошел.

— И хорошо сделал! — ответил я, не совсем понимая только, какие это именно ребята могли попросить Яшку узнать обо мне, потому что с отъездом Тимки Штукина на Украину никаких школьных товарищей у меня не осталось.

— Ты с фронта приехал? — спросил Яшка.

— С Южного,— ответил я, внимательно разглядывая прежнего товарища и удивляясь тому, как вырос и возмужал он за эти полтора года.

— Ты был ранен?

— Да, в бок и в ногу!

— Ты надолго приехал?

— У меня отпуск на три недели...

— А потом?

— А потом опять на фронт...

— На какой?

— Не знаю! На какой пошлют, фронтов много.

Разговор не завязывался никак. Он спрашивал. А я отвечал неохотно. И все-таки, несмотря на все это, не-

смотря на то, что нам обоим хотелось попросту поговорить,— какая-то неуловимая черта, начинавшаяся еще где-то далеко в прошлом, лежала между нами.

— Ребята просили! Если ты сможешь, то приходи завтра к нам. У нас завтра в семь часов вечер в клубе. Там много наших встретишь — они будут рады.

— Цуккер... — спросил я, — вот ты мне все говоришь: «Ребята послали, ребята просят» — какие это ребята? Ну, например, кто?..

— Как — кто! Васька Бражнин, Васька Суханов, Гришка, Федор... я, Пашка Коротыгин — ну, вообще все наши одноклассники, комсомольцы...

— Как? — Я повернулся так быстро, что нога моя соскочила с подушки и больно и сладко заныла. — Как ты сказал? Комсомольцы! Разве Гришка комсомолец?.. Разве ты, Яшка, комсомолец?..

— А ей-богу же, Борька, комсомолец! — обиженно и искренне вскричал Яшка, впервые называя меня по имени и так же по-прежнему, по-мальчишески оттопыривая губы, за что его и прозвали в школе Яшка-теляшка. — Уж скоро полгода, как комсомолец... Да хочешь, я тебе билет покажу?

— Ой-ой-ой-ой! — захохотал я, вырывая и отбрасывая его фуражку, которую он без толку крутил в руках. — Ой, и чудак же ты, Яшка! Чего же это ты мне просто не сказал? А то сидит, как китайский посол, и тянет что-то... «меня послали... тебя просили...». Сел бы да и говорил просто!

— А черт тебя знал, Борька, как с тобой разговаривать! — откровенно сознался Яшка. — Твое, можно сказать, такое положение, да еще с фронта, да еще раненый! Мне ребята говорят: «Гориков приехал, сходи ты, Яшка». Я спрашиваю: «Почему я? Пускай Гришка идет или Васька». Васька говорит: «Мне что, я схожу. А только Яшке лучше, он и раньше у него бывал». Ну, я и пошел...

Все прошло. Исчез холодок. Разговор стал простым и теплым — таким, какой может быть только между двумя давно не видавшимися после ненужной и случайной ссоры товарищами.

Я мало рассказывал, больше спрашивал. Потом мы начали вспоминать:

— А помнишь?

— А помнишь?..

Много таких светлых и коротких «помнишь» накопилось у двух ребят за время дружбы, которая началась чуть ли не с шестилетнего возраста.

Он рассказывал мне о моих школьных товарищах и о врагах, о том, кто из них учится, кто уехал, кто вступил в комсомол. И я с огромным вниманием и радостью слушал о том, что Кольку приняли было, да вскоре исключили. А что Васька оказался хорошим парнем. И что другой Васька тоже в комсомоле... И что Петька подал заявление...

[Ко всему тому, что я был рад за них, как за ребят, которые пошли по хорошей дороге, примешивалось особое чувство — гордости и волнения за то, что я оказался прав и что моя дорога, которую многие когда-то не понимали и даже осуждали, оказалась настоящей дорогой, к которой пришли и они.]

И только один раз я нахмурился. Это когда я узнал, что Федька Башмаков тоже в комсомоле — и, мало того, один из первых вступивших в комсомол.

Это больно задело меня. До сих пор еще во мне жила глухая, крепкая вражда к Федору.

И хотя я не сказал ничего об этом Яшке, но он и сам почувствовал это и перевел разговор на другое.

Яшка долго еще просидел у меня, и когда он уходил, то у обоих у нас горели щеки, глаза блестели молодым, свежим задором. Мы условились встретиться завтра на вечере в клубе укома...¹

Был последний вечер первой недели, которую я провел в Арзамасе.

Я, Васька Бражнин, Яшка и еще две наши девчонки сидели на диване в клубе укома. Яшка только что сдал Ваське ночное дежурство. Васька нацепил на пояс огромный «Смит и Вессон» и деловито осматривал принятое под расписку оружие: четыре винтовки разных систем и две гладкоствольные берданки.

Две девчонки — Маруся и Зойка — возвращались домой из госпитальных бараков, что за городом, завернули на минутку передохнуть да и застряли в клубе. А я зашел повидать Сережу Шарова, председателя укома. Но мне сказали, что он все еще на вокзале.

Ночью мимо Арзамаса должен был пройти на восток

¹ Уком — уездный комитет, в данном случае — комсомола.

эшелон с муромским рабочим батальоном, и наши комсомольцы еще с обеда грузили в вагоны фураж, чтобы батальон мог, не задерживаясь, катить дальше на фронт. Поэтому-то в клубе сегодня было так спокойно и тихо.

Васька окончил шелкать затворами и потащил винтовки в деревянную стойку. Гнезд в стойке было восемнадцать, а винтовок — всего шесть, и чтобы они не ютились в одном уголку, он расставил их вдоль всей подставки — через два гнезда в третье.

— Васька! — сказала Зойка. — Ты бы хоть печь затопил. Смотри-ка, холодина какая...

— Затоплю, — ответил Васька и подошел к телефону. — Штаб охраны города! — попросил он, отворачиваясь, чтобы нам не было видно его лицо. — Это штаб? Дай дежурного по гарнизону... Дежурный по гарнизону?.. Говорит дежурный по комсомолу Василий Бражнин. Дежурство принял. Налицо шесть винтовок и сто два патрона... С 10 вечера до 8 утра... Ночуют в комсомоле четверо..

Он отрапортовал это, потом спросил уже совсем обиженным голосом:

— Это ты сегодня дежуришь? Слушай, я ведь тебя еще в прошлый раз просил... Ну неужели у вас к итальянской $\langle$ винтовке $\rangle$ не найдется хоть десяток патронов?. Ну да, для винтовки Гра. Поищи, пожалуйста, а то у нас на нее всего одна обойма...

Он повесил трубку и подошел к большому синему плану города, висевшему на стене, взял листок с адресами и стал что-то рассматривать.

— Васька! Затопи печку, — повторила Зойка, укутываясь покрепче в пальто и подбирая ноги на диван.

— Затоплю, — ответил он, тыкая пальцем в расчерченный на квадраты план и бормоча вслух: — Первое отделение... Анохин, есть... Второе — угол Ореховской и Ильинской — Колька, есть... Слушай, — спросил он Яшку, — почему у нас по боевому расписанию выходит, что... Голубев, который живет на Новоplotинной, должен бежать чорте куда — на Попов переулок к Шанину и к Ильину? А Конопляников, который живет... на Поповом, на Большую к Ведеркину и Самойлову — то есть под самый бок к Голубеву? Тоже... расписание называется!

— Васька! Затопи печку, — повторила Зойка. — Как твое дежурство, так ты все с винтовками, да с планами, да с сигналами, а в комнате уже мерзнут...

— Затопи, Васька! — поддержала Зойку молча сидевшая Маруся. — Что ты там мудришь? Какая тревога? Восстание ожидаешь, что ли?..

— Дура! — серьезно, но не сердито ответил Васька и, обратившись ко мне, пояснил: — Восстание не восстание, а когда в прошлом месяце вызвали на охрану спиртового завода в Ломовку... то три часа прошло, пока половина собралась... Вот тебе комсомольская дружина... Сейчас затоплю, — сказал он, доставая из угла большой топор. — Дров только еще наколоть надо...

Он вышел во двор. И через минуту послышался сухой треск раскалываемых поленьев.

— Затопит — тепло будет! — сказала Зойка. — Я и так намерзлась сегодня. Веселое дело — выбрали нас с Муркой в санитарную комиссию. Пришли мы в госпитальные бараки. На складе грязь, одеяла — как половики, простыни тоже... «Что ж это, говорим, товарищи! Да ведь это мы можем и акт составить».

А там только рукой махнули: «Составляйте, говорят. Прислали нам все это добро из расформированного полевого лазарета. А прачек нет... тут (их) по крайней мере двадцать нужно... А у меня всего и по штату шестеро, а налицо четверо. Вы бы, вместо чем акты составлять, помогли как-нибудь...»

А как поможешь? — Тут голос у Зойки стал унылым и жалобным. — А как поможешь? Вот... собрали мы с Муркой девчат одиннадцать человек... да сегодня шестой день и стираем! Надоело... ужас как. Она помолчала, подула на застывшие руки и добавила:

— Я бы уж лучше на фронт пошла... А ты как, Мурка?

— А что там делать? — подумав немного, спросила Маруся.

— Как — что? Воевать!

— Разве что воевать! — улыбнулась Маруся [и как-то хитро посмотрела на подругу].

Тут они обе хитро переглянулись и ни с того ни с сего рассмеялись.

Вошел Васька и бухнул возле печки большую вязанку расколотых сосновых поленьев.

Со станции позвонил Сережа Шаров и сказал, что погрузка окончена и ребята идут в город.

Вскоре запылал огонь, сразу стало теплее и светлее. Мы подвинули диван к печке.

— Расскажи, Борис, что-нибудь про фронт! — попросила Зойка. — Ну вот, например, идет ваш отряд — вдруг... Ну, и так далее...

— Как это, Зойка, и вдруг... и так далее? — удивился я.

— Обыкновенно как... Как всегда рассказывают. То-то и то-то... потом вдруг так-то! И так-то! Так-то и так-то. Вдруг еще как-нибудь.

Все рассмеялись.

— Дуреха! — снисходительно вставил подсевший к нам Васька. — Ну, спросила бы про бой или про атаку, ну там про фронтальную или про фланговую... — (Васька спокойно и солидно произнес эти два слова.) — А то «вдруг да вдруг...» На военном кружке — так их нет! И потом и спросить-то у человека толком не умеют. «Вдруг да вдруг».

И Васька посмотрел на меня, как бы говоря: «А что с них спрашивать?.. Разве же они понимают!»

Однако, по правде сказать, если бы я стал рассказывать, то мне много легче было бы рассказывать по Зойкиной схеме: вдруг — так, а вдруг — этак, чем описать картину «фронтальной или фланговой» атаки. Потому что я и сам не знал, когда у нас была фронтальная, когда фланговая, когда еще какая. И, во всяком случае, если они и были, то уж никак не похожи на те, о которых вычитал Васька в старых уставах... Однако я хитро подмигнул ему — что, конечно, мол, мы-то понимаем, — но рассказывать отказался, сославшись на то, что надоело и расскажу когда-нибудь потом.

— Ты, Борис, храбрый? — спросила Зойка.

— Очень! — ответил я.

— Ну, какой храбрый? Есть же все-таки и храбрей тебя?

— Мало! — коротко ответил я [стараясь не улыбнуться].

— Это хорошо, что ты «очень»! — задумчиво сказала Зойка. — А вот мы с Маруськой — ой, какие трусихи!..

Тут девчонки опять переглянулись и снова дружно рассмеялись.

— Домой бы идти надо, — сказала Зойка, — и неохота. А нужно еще кое-что почитать, выспаться. А завтра у нас в десять кружок. [Бебеля читаем.] «Женщина и социализм» разбираем... Ты как, Борис, согласишься на женский вопрос? Тебе все понятно у Бебеля?..*

Зойка подтолкнула валенком высунувшееся из печи шипящее полено и, повернув раскрасневшееся от огня лицо, посмотрела на меня. И я смутился. Дело в том, что на женский вопрос я как-то еще никак не смотрел, да и фамилию-то Бебеля услышал только что впервые.

Я хотел как-нибудь уклониться от ответа.

Зойка сразу догадалась об этом. Она укоризненно покачала головой, сбросила на спинку дивана подбитый черной овчиной полушубок и спросила опять:

— Ты Карла Маркса читал?.. Нет?.. Ой-ой-ой! Ой-ой-ой! А еще коммунист!

— Ему некогда было читать! — вступился за меня Васька. — На фронте не до чтения... Как там загрохочут двадцать батарей... так тогда не до чтения.

— Конечно, если двадцать, то не до чтения, — покорно согласилась Зойка, — какое тогда чтение.

Тут уж я рассердился не на Зойку, а на Ваську. Никогда я не слыхал, как грохочут двадцать батарей. Две-три — еще может быть, а никак не двадцать. Кроме того, не читал я, уж конечно, вовсе не из-за батарей и вовсе не потому, что было некогда, или потому, что не попадались книги. Времени свободного было сколько хочешь; не одну, так другую книгу тоже достать было можно. А не читал я просто так — ну, просто не читал, да и все.

— Прочитаю еще, — хмуро ответил я. — Соберусь как-нибудь и прочитаю.

— Тебе обязательно надо, — серьезно поддержала Зойка. И, опять хитро переглянувшись с Марусей, задорно добавила: — Мы-то еще комсомольцы, а ты ведь уже коммунист.

Зашумело, загрохотало на лестнице, распахнулась дверь — и в клубах пара, осыпанные инеем, с побелевшими от мороза бровями, ввалилось в комнату около десятка человек. Они, точно по команде, оглушительно затопали, стряхивая с сапог и с валенок рыхлый снег, посбрасывали полушубки, шинели, куртки; некоторые скинули обувь и задвигали стульями, пробираясь к огню...

— Ну и мороз, Борька! — сказал Сережа Шаров, присаживаясь рядом со мною и бесцеремонно оттискивая в угол дивана Зойку. — Ну и мороз! Три вагона нагрузили... Только последний тюк бросили, как прибежал комендант:

— Ну, как, ребята?

— Готово! — говорю.

— Вот,— говорит,— выручили. А мне сейчас позволили, что эшелон уже из Мухталова вышел. Через час у нас будет. Вы бы,— говорит,— подождали: может, приветствие какое-нибудь, ну, там митинг... И они вам спасибо за фураж скажут.

Как слышали наши ребята про приветствие да про митинг (какое там приветствие... какое там спасибо...) и один за другим ходу: кто в барак греться, кто в дежурку.

— Ну,— говорю,— товарищ комендант, приветствие вы им сами передайте... а спасибо нам ихнего не надо. И то сказать, с обеда мешки ворочали. Какое уж тут спасибо... Зойка! — спросил он, оборачиваясь к притихшим девчонкам,— тебя сегодня в укове Васильев ругал? Ты прикреплена к приюту? Скажи, пожалуйста... а ты была хоть один раз в детраспределителе*? Н-ет? Ну, и паскудная же ты, я скажу тебе, девка.

— Сереженька! — уныло и присиротевшись начала Зойка.— Солнышко ты мое любимое, золотой мой!.. Я в госпитале... сейчас занята? Занята! А до госпиталя я каждый день на вокзал три километра — в распределители пленбежа* бегала? Бегала! А до пленбежа — на подразверстку в Пановскую волость... с Анохиным ездила? Ездила. Ой, как люблю я тебя, дорогой мой! — лукаво закончила она, обнимая Сережку за шею.

— Ну-ну, любишь! — заворочался Шаров, разжимая своими крепкими лапами ее руки.— Да что ты прихвати-лась, как пиявка.— Он отсадил ее в угол дивана и сказал, чуть запыхавшись: — Балаболка! Я так и сказал: «Не разорваться же ей». А в приют мы завтра Ленку пошлем.

— Ленка не пойдет! — вставила молчаливо гревшаяся у огня Маруся.

— А кто спрашивать будет? — удивился Шаров.— Постановим — значит, пойдет!

— Ленка не пойдет. Она на днях замуж выходит и к мужу в вокзальный поселок переедет. А оттуда далеко...

— Замуж?.. Далеко?.. — переспросил Шаров, и на лице его появилось такое неподдельное негодование, как будто бы ему сообщили не о том, что Ленка замуж выходит, а о том, что Ленка уходит... в белогвардейскую банду.— Ну ладно! — добавил он уже сдержанно.— Это мы еще обсудим, кто замуж, а кто куда!.. Бориска! — негромко сказал он, оборачиваясь ко мне.— Пойдем в другую комнату, нам ведь с тобою поговорить нужно...

Серее Шарову было семнадцать. Он был на год старше меня. Раньше я его не знал совсем. (Перед революцией я мельком слышал о нем, когда в слободе он пытался <организовать> Союз молодежи III Интернационала,— но это уже было перед самым моим побегом (на фронт.— *Ред.*).

Он был из беженцев — откуда-то из Белоруссии. Отец его — солдат — был в плену, мать работала на камвольной фабрике, а сам он учился во время войны в столярном отделении ремесленного училища.

У него были умные озорные глаза, черные жесткие волосы, и через левую щеку его тянулся длинный ножевой шрам, старый след от буйных забав, когда по свежему льду дрались парни и мальчишки из Выездной слободы, что за Тешею,— с арзамасскими мастеравыми: корзинщиками, бондарями, колесниками, что жили на низу, на болоте, у моста.

— Ты ведь не куришь,— сказал Сережа, усаживаясь и завертывая козью ножку.— А я так давно смолю... еще мальчишкой. Отец поймает, вздерет...— убежишь за сарай и еще слаще покажется... Ты что сегодня — с одним костылем?.. Проходит?.. Ну, и хорошее дело. Когда уезжать будешь — мы вечеринку устроим — к тому времени сплясать можно будет.

Все это говорил он по-дружески. И вдруг озорные глаза его потухли, он закурил, сел напротив меня и спросил просто:

— Что такое у вас, Борис, с Федькой?

— С Федькой у меня ничего нет,— ответил я, насторожившись и догадываясь, к чему он клонит разговор.

— Ничего?.. Вот это-то нехорошо, что ничего. Ну, подумай сам: вы оба комсомольцы. Хотя ты и коммунист — но ведь ты еще комсомолец. Ну, оба из одной организации. Оба хорошие... парни. И вдруг враги. И до чего дело доходит... до чудного, право. Мало того, что не разговариваете... Так нет... Федька... сунется в клуб — видит, что около тебя ребята собрались — повернет и уйдет...

СИНИЕ ЗВЕЗДЫ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Ранним утром взорвался только что разожженный третий горн*, и погиб на работе один хороший человек.

На другой день пришли в больницу товарищи, принесли венок, красные флаги. И под печальную музыку проводили они гроб на далекое кладбище.

Очень сильно плакали и жена и сестра. Плакал и Кирюшка — сын этого человека.

Тут и так столько горя, что не перескажешь, а тут еще прохватило на похоронах Кирюшку ветром — закашлял он, поднялась температура, и было с ним много хлопот целых три дня и две ночи.

А на третью ночь утих кашель, заснул Кирюшка спокойнее и видел такой сон: приснилось ему широкое поле, прыгали по этому солнечному полю веселые зайцы, и очень звонко распевали в кустах разноцветные птицы. Одни птицы были совсем незнакомые, а две птицы были совсем знакомые. Это толстая черная ворона и хитрая серая галка, за которыми часто охотился Кирюшка возле помойной ямы, близ заводской ограды.

«Карр! — закричала хитрая остроглазая галка, поспешно взлетая с нижних ветвей на верхние сучья. — Карр... берегитесь! Это идет опасный человек Кирюшка с рогаткой в руках и с камнями в кармане».

И, услышав такое тревожное карканье, разом умолкли испуганные птицы, скрылись в норах трусливые зайцы, а толстая, заспанная ворона в страхе взметнулась к небу и улетела прочь.

«Неправда,— рассмеялся Кирюшка.— Давно уже сломалась рогатка, и давно уже разорвала и сожрала резинку от рогатки наша хромоногая собака Жарька».

Вот какой сон увидел Кирюшка. А так как во сне он что-то шептал и улыбался, то мать подошла к нему и положила руку на его все еще горячую голову.

— Мама? — спросил тогда, открывая глаза, улыбнувшийся Кирюшка.— Знаешь что, мама, давай и мы с тобой поедем тоже в широкое поле.

— Поедем! Поедем!.. Спи, Кирюшка,— торопливо ответила мать и тихонько потянулась к столику с градусником.

*

Еще через три дня как будто бы поправился Кирюшка. А пока он лежал в постели, совсем покривилась и завалилась снежная гора на площадке у второго корпуса, высохли тротуары. А это значило, что была зима и прошла зима.

Собрали и Кирюшку на улицу. Вышел он за ворота, и прямо ему под ноги выскочила хромоногая собака Жарька. В другое время он припомнил бы ей, как жрать резинку от рогатки, а сейчас ничего не сказал. Погладил он прожорливую Жарьку, и пошли они дальше вместе.

Встретили заводской грузовик, на котором еще недавно ездил Кирюшка с отцом на базу за сортовым железом. Остановился Кирюшка и долго смотрел грузовику вслед. Хороший грузовик!

Встретили высокого рябого кузнеца Матвея, который приходил с женой под Новый год в гости. Ел у них пирог и пил с отцом пиво. Постоял Кирюшка, посмотрел ему вслед: хороший кузнец Матвей Миронович!

И дошли они с Жарькой до проходной будки завода.

— Заходи, Кирюшка,— позвал его старый табельщик.— Заходи, милый! Сейчас кипятик принесу, чай попьем. Посиди минутку, а я сейчас вернусь.

Зашел Кирюшка в будку, а за ним потихоньку и Жарька. Сел Кирюшка у печки на толстую прокопченную лавку. В печке потрескивал огонь. В будке было жарко. Снял он шапку и задумался.

«Динь-дон!.. Динь-дон!» — услышал Кирюшка среди заводского шума далекие знакомые перезвоны.— «Динь-дон! Дзаг-бах! Буух-уух!»

— Тише,— строго сказал тогда беспокойной Жарьке побледневший Кирюшка.— Ляжь, проклятая собака! Слышишь, как наша кузница работает.

И оба замолчали, прислушиваясь, как звенели наковальни и первого и второго горна, как лязгало сбрасываемое с вагонеток железо и тяжело ухал могучий паровой молот, тот самый, вблизи которого совсем еще недавно так неожиданно погиб Кирюшкин отец.

Кирюшка опустил голову и вспомнил: много яркого, гудящего огня, раскаленные брызги, кожаный фартук, железные щипцы, влажное закопченное лицо и веселый окрик отца: «Эй, берегись! Прожжешь пальто — задам трепку!» Это было в прошлом году, в такой же веселый день, когда купили ему, Кирюшке, вот это, уже потрепанное пальтишко. Это было перед хорошим праздником 1 Мая, на который так дружно вышли они с отцом из дома в светлое раннее утро.

И мать завернула им тогда по куску пирога — один отцу, другой Кирюшке.

Когда старик табельщик вошел с горячим чайником, он увидел, что Кирюшка лежит на лавке, уткнувшись лбом в стену, а хромая собака Жарька, жалобно повизгивая, тычется глупой мордой в его спину и тихонько помахивает куцым хвостом.

*

И ночью с Кирюшкой опять было что-то неладное. Жару не было, но бредил он и бормотал всякую бессмыслицу. То ему снилось, что из-за дыма и огня надвигается проклятый паровой молот и стучит в ворота своим железным кулаком. То, перепутав все на свете, видел он, как в широком поле поют на деревьях веселые зайцы и скачут по норам трусливые птицы.

Вот тогда-то всем — и матери и соседям — показалось, что Кирюшка крепко болен.

С раннего утра побежала мать и в завком и к директору, а в полдень прислали Кирюшке какого-то незнакомого, не заводского доктора.

Доктор этот сел возле Кирюшкиной кровати и стал расспрашивать про то да про се, как будто приехал он вовсе не по делу. Даже про хромоногую Жарьку спросил и тоже смеялся, когда узнал, что эта несчастная Жарька сожрала резинку от Кирюшкиной рогатки.

Потом он попросил Кирюшку закрыть и открыть глаза. Потом стукнул по Кирюшкиному колену резиновым молотком. Потом встал и ушел с матерью на кухню.

А о чем они там, на кухне, разговаривали, этого Кирюшка не слышал.

II

На следующий день высокого рябого кузнеца Матвея позвали в завком. И Матвей, догадавшийся, зачем это его зовут, нахмурился. Однако решил про себя: раз уж так, то пускай будет так.

В завкоме, кроме самого председателя Бутакова, сидел еще кто-то маленький, рыжебородый, обрызганный засохшей грязью и сильно пахнувший махоркой.

— Давайте, давайте, давайте! — с отчаянием говорил рыжебородый, торопливо и недоверчиво поглядывая на Бутакова.

— Дадим, дадим, дадим! — с досадой отвечал Бутаков. — Сказано тебе, что дадим. Бригада собрана, инструмент выделен, вся задержка была за бригадиром. А ты думаешь, это легко. Дурака послать — сами ругаться будете, а толковые люди и у нас не без счета. Назначили было мы вам бригадира, да ведь сам слышал — убило человека в кузнице.

— Нам же сеять! — скороговоркой твердил рыжебородый. — Ведь мы на вас, как на каменную гору. Дорогие вы мои, у вас одного человека убило, а вы через это всех нас как есть поубиваете.

— Полно городить, — уже дружелюбно ответил Бутаков. — Сами знаем, что сеять... Да вот тебе и новый бригадир идет, — сказал он, показывая на остановившегося у двери кузнеца Матвея. И, оборотившись к Матвею, он сказал не очень-то веселым голосом: — Так ты, брат, того... Не сердись... Придется все-таки тебе ехать. Как ни крути, как ни верти, а больше некого. А дела у них, как я вижу, и на самом деле плоховатые.

— Дела то есть вовсе никудышные! — заерзав по табуретке, весело закричал рыжебородый. — Один слесарь жениться уехал. У двух машин гусеницы сорваны. У «клетрака» какая-то штуковина треснула. Председатель сам не свой — корова сдохла. А конторщик запил и все одно заладил: «Хочу, говорит, в монахи идти». Я его стыжу:

«Куда тебе, пьяная морда, в монахи? Тебе надо в ГПУ, а не в монахи»*. А ему хоть бы что. «Я, говорит, не царь, не вор и не разбойник, и в ГПУ мне делать нечего. А вот отработаю свой контракт и пойду куда глаза глядят правду искать». Ну, что ты с таким человеком делать будешь?

— Сам ты кто? — спросил Матвей, с любопытством оглядывая этого тщедушного говорливого человечка.

— А я тамошний, — охотно ответил рыжебородый. — Тамошний мужик — колхозник. А сейчас я на тракторной базе вроде как бы завхоз. Настоящего-то завхоза у них нет пока, — добавил он со вздохом. — Настоящего-то как раз под крещение районная милиция по какому-то делу забрала, так и до сей поры все еще не выпускают. Давайте! Давайте! Давайте! — опять заторопился он, ерзая по табурету. — Давайте, старший бригадир... Сделайте хорошее дело. Выезжайте завтра вечером!

— К завтраму не справимся, — ответил Матвей. — Инструмент проверить надо, запаковать тоже, самим собраться. Послезавтрего как раз в аккурат.

*

И точно, были уже сумерки следующего дня, когда Матвей, забив последний гвоздь и затянув последний шпагат поверх упаковочной рогожи, выходил из ворот завода.

Он был сердит, потому что хотел есть, но знал, что дома ничего не приготовлено, так как жена, Варвара, обозлившись на его неожиданный отъезд, еще с утра уехала к матери и пообещала вернуться только завтра.

Он поколебался, не зайти ли закусить в соседнюю пивную, но пожалел денег и хмуро повернул к дому.

Возле угла он встретился с Кирюшкиной матерью.

— Ты куда, Матвей? — тихо спросила она, задерживая его руку.

— Домой, Катя, поесть охота. Варвара-то моя совсем одурела. Тут собираться надо, то да се, а она рассердилась да к теще и уехала.

— Матвей... — не сразу сказала Катерина, шагая с ним рядом. — Что это люди говорят... Как это так ни с того ни с сего и вдруг взорвалось? Я и сама не пойму. Как это десять лет не взрывалось и вдруг взорвалось?

— Не знаю я, Катя. Там инженеры смотрели... Комиссия. Может быть, с углем что-нибудь попало... может быть, среди старого железа. Помнишь, как Парашкиного мальчишку убило. Нашел он в огороде какую-то балбешку, стал расковыривать, а она как ахнет!

— Матвей! Ты завтра уезжаешь? Надолго?

— Вечером, Катя. Надолго... На всю весну.

— Возьми с собой Кирюшку,— дрогнувшим голосом неожиданно попросила Катерина, и холодными влажными пальцами она крепко сжала кисть его загрубелой руки.

— Что ты, Катя, городишь! — воскликнул Матвей, заглядывая в ее заплаканное, осунувшееся лицо.— Куда я его возьму? Что я с ним делать буду?

— А ты ничего не делай. Ты просто возьми. Он уже большой — девять лет... Вот доктор говорит: «Сейчас же подальше уберите его от квартиры, от завода. Лучше в деревню... в поле. Там обживется, позабудет...» А куда в поле? В какое поле, когда я сама всю жизнь возле города и завода. Возьми, Матвей. Одежда у него есть, ботинки я с утра новые куплю, у нас как раз дают по талону. Ну что тебе не взять? Жалко мальчишку. Помнишь, как я... когда Николай, когда ты... помнишь, когда вы из солдат... больные, рваные...

Высокий рябой кузнец остановился, и казалось, что под напором этих горячих, бессвязных слов он даже покачнулся.

— Катя,— растерянно ответил он.— Да ты постой... Как же это так сразу? Это дело такое... Подумать надо... Да возьму, возьму! — совсем растерявшись, заговорил он, неловко поддерживая ее за руку.— Экая ты, право. Ну что ты?.. Сказал — возьму, значит, возьму... Доктор! — со спокойной досадой продолжал он немного спустя.— Тоже! Нет чтобы человеку микстуру или порошок. А он — в деревню... В поле... Он, доктор-то, думает, что нынче в поле спокой. Нынче нигде нет покоя.

— Он, может быть, лучше знает,— робко возразила Кирюшкина мать. И, обрадованная, благодарная, она настойчиво тянула Матвея за рукав: — Заходи, Матвей! Ну, пожалуйста, заходи. Я самовар взгрею. Картошка в духовке стоит. Селедку очищу.

— И то разве зайти,— согласился Матвей. И опять, вспомнив про свое, он рассердился: — Вот дура баба

Варвара! И скажи, какой характер! Мужика в дорогу собирать, а она — на тебе!.. К теще!

Вот так и случилось, что послали Кирюшку в широкое поле.

*

Багаж был сдан, места в вагоне заняты, и до отхода поезда оставалось совсем немного, а одного бригадника все еще не было.

— Кирюшка! — несколько раз говорил обеспокоенный Матвей, разбирая и рассовывая вещи. — Выдь на площадку, посмотри, не идет ли этот балда Шарабашкин. Он, может быть, номер вагона позабыл.

— Пройдет по составу и найдет, — отвечал слесарь Федор Калганов. — Что он — дите, что ли?

— Выйди, Кирюшка, — через несколько минут опять приказывал Матвей. — Да смотри от вагона не отходи — отстанешь... Не сломается... Пусть бегают, — кивая головой в сторону уходящего Кирюшки и вытирая платком рябой мокрый лоб, объяснил Матвей. — Боюсь, не заревел бы. А так: туда, сюда — глядишь, и некогда.

Ударил второй звонок, и запыхавшийся, взволнованный Кирюшка протискался в вагон.

— Нету Шарабашкина. Я и вперед смотрел и назад. Нигде нет.

— Может быть, хватил он немного лишнего на проводах? — осторожно предположил второй слесарь, Дитятин, который давно уже молча сидел в углу, сонно похлопывая глазами.

— Непьющий. Не как некоторые, — коротко ответил Матвей, искоса поглядывая на осоловевшего Дитятину.

— Наверно, дома замешкался, — успокоил Федор Калганов. — Ну, догонит со следующим поездом!

Вагоны застучали. Кирюшка сразу же взобрался на верхнюю полку и вытянул голову к окну.

Долго еще не кончался этот огромный город. Долго еще гроыхали стрелки, мелькали семафоры, шумели паровозы, дымили заводские трубы.

Потом зачастили дачные поселки с зубчатыми желтыми платформами, но поезд с ревом проносился мимо них, потому что это был не дачный, а дальний поезд.

На какой-то большой станции принесли кипятку. Пить

чай в качающемся вагоне Кирюшка не привык. То ему вода из кружки лезла на подбородок, то плескалась к носу. Но выпил он с удовольствием. Съел кусок сахара и толстую ватрушку с луком, из тех, что напекла ему на дорожку поднявшаяся еще спозаранку мать.

После этого он положил в изголовье сумку, укрылся пальтишком и притих.

Внизу Федор Қалганов неторопливо доканчивал чайник. Слесарь Дитятин, который, вероятно, на проводах и сам перехватил лишнего, крепко спал, а Матвей читал газету.

— Что пишут? — спросил Федор, выплескивая остатки чая. — Я эти два дня со сборами и газеты не видел.

— Разное пишут, — ответил Матвей, подвигая остывшую кружку и отхватывая, как клещами, кусок сахара. — Опять же, Япония с Китаем воюет. В Германии тоже что-то неладно. А большая у них сила, в Германии *, — добавил он, поднимая на Федора голубые удивленные глаза. — И что за сила? Их жмут, их давят, а они все свое.

— Кого это? — не понял Федор.

— Ну, кого? Коммунистов ихних, а то кого еще? Большая у них сила! — с уважением повторил Матвей, покачивая головой. — И когда это только набралась такая сила?

— Про паспорта ничего не пишут? * — спросил Федор.

— Писали уже. Каждый день, что ли?

— Надо думать, днями и у нас на заводе выдавать начнут. Мы-то как получим?

— Приедем и получим, — равнодушно ответил Матвей. — Нам этого дела дожидаться некогда.

Он расстегнул пояс, снял сапоги и, чтобы не украли, положил их за мешок под изголовье.

— Спит мальчонка? — спросил Федор.

— Спит, — ответил Матвей. И, как бы только что вспомнив, он добавил с удивлением и досадой: — Вот дура баба Катерина! Навязала человека на мою голову!

— Это верно, — равнодушно согласился Федор и, позевывая, спросил: — За харчи-то она тебе как? Высылать, что ли, будет?

Но такой вопрос не понравился Матвею. Даже при скудном пламени сальной свечи можно было видеть, как рябое открытое лицо его покраснело. Он пробормотал что-то неясное и заворочался, уставляя постель.

Устроившись, он встал, поправил съехавшую Кирюшкину голову, подоткнул ему под бок свисавший край пальтишка, потом лег и закурил.

III

Ранним утром высадились они на маленькой, пустынной станции. Кое-как успели свалить вещи и сгрузить багаж. Поезд двинулся дальше, а Матвей пошел узнавать, где остановились высланные за ними подводы. Ходил он недолго и вернулся сердитый, потому что подвод не оказалось, а до Малаховки оставалось целых восемнадцать километров. Решили ждать. Но случилось как-то, что вскоре всем стало хорошо и спокойно.

Вероятно, потому, что в маленьком помещении вокзала было почти пусто, и они широко, удобно расположились и пили чай в самом чистом и солнечном углу.

День наступал яркий, весенний. Куда ни взгляни — всюду волнистый простор, голубое небо, далекие холмы и рощи. А над всем этим властвовала такая непривычная для них тишина, что через распахнутую дверь слышно было журчанье бесчисленных ручьев и даже звонкие крики веселого петуха, доносившиеся из маленькой, точно игрушечной, деревушки. Две подводы пришли уже после обеда.

— Что не ко времени? — спросил Матвей у седого старика, обутого в новые грязные сапоги и одетого в прожженную солдатскую шинель.

— Да ведь время-то нынче какое? — добродушно ответил старик, указывая на мокрые, запачканные голенища. — Время-то, сам видишь, какое. Распута!

— Завхоз ваш когда... вчера, что ли, приехал? — спросил Матвей.

— Это какой? — не понял старик. — Это дирехтор?

— Зачем дирехтор! Не дирехтор, а завхоз. Ну, маленький такой, борода рыжая.

— А-а! Этот вчера — это Калюкин. Он вчера, — непонятно улыбнувшись, ответил старик, — Семен Калюкин. Какой он завхоз! Так он у нас... актив...

— Кто? — переспросил Матвей.

— Активф, говорю, — повторил подводчик. — Это его у нас мужики прозвали — активф да активф.

— Почему же это актив? — опять переспросил не понявший Матвей.

— А этого я вам не могу сказать, — немного помолчав, серьезно ответил старик. — Это ему уже, верно, от бога. Характер такой. А родители у него все спокойные были... Лошадей пойду покормлю, — добавил он, поворачиваясь к двери. — Тут-то пока пойдет сухо. А дальше, за Чарабавским лесом, дорога круто тяжелая.

*

В первую телегу сели подводчик, Федор Калганов, Дитятин, а на вторую — Матвей и Кирюшка.

Только что тронулись, как из-за поворота со свистом вылетел пассажирский поезд.

— Стой! — крикнул Матвей. — Подержи-ка, Кирюшка, вожжи, а я сбегаю посмотрю: вдруг Шарабашкин подъехал.

Он прошел на платформу и остановился, вглядываясь вдоль по составу.

Слезли четверо. Слепой старик с хромой старухой, толстый мужик с узлом, которого тотчас же принялась ругать встречавшая его баба, да какой-то широкоплечий, в кожаной фуражке, с солдатским мешком за спиной. Шарабашкина не было.

— Вот балда! — выругался Матвей, забираясь на телегу. — На улице, что ли, его задавило?

И он сердито дернул вожжами, потому что первая подвода была уже далеко.

Отдохнувшие кони бойко рванули под гору, колеса зачвакали, разбрасывая грязь, и Кирюшка, который сидел на ящике спиной к Матвею, крепко ухватился за торчавший стоймя рогожный сверток.

— Матвей!.. Дядя Матвей! — закричал Кирюшка, толкая Матвея в спину и еще крепче цепляясь за рогожу. — Дядя Матвей! Да обернись ты... гляди-ка, кто-то нас догоняет!

Матвей обернулся. И точно, вслед за ними от вокзала прямо по грязи бежал человек, что-то крича и размахивая руками.

Матвей остановил коней и вскоре узнал в догонявшем того человека в кожаной фуражке, который только что слез с поезда.

— В Малаховку? — спросил, подбегая, запыхавшийся человек. — Ах, черти! Чуть было не отстал. — Он поспешно

сбросил мешок, вскочил сам на телегу и спросил: — Это ты бригадир? Ну, здорово! Тебе от Бутакова записка. Заболел Шарабашкин, меня за него послали.

— Го-го! — загоготал Матвей. — Вот оно что! А я смотрю, кто это по грязи, как козел, скачет? Ах ты, Шарабашкин! Молодец Бутаков! Ну, теперь все хорошо... Трогаем!

*

Новому бригаднику было лет под пятьдесят. Кожаная фуражка была ему не впору: мала. От этого лысая голова его казалась еще круглее.

Но больше всего удивило Кирюшку то, что у бригадника была только одна бровь. Другой брови не было, и от этого лицо его казалось сбитым из двух разных половинок.

— С сыном едешь? — спросил бригадник, забирая у Матвея вожжи. — Сын-то ростом не в батьку... Н-н-о, хорошая! — задорно крикнул он, подстегивая шуструю буланую пристяжную. — Получай овсеца с другого конца! Тпру... дура!.. — озабоченно остановил он и, соскочив на землю, уверенно направился к лошадиной морде. — Как же это ты, бригадир, едешь, едешь, а у тебя вожжа под чересседельник пропущена?!

— Скажи ты! А мне и ни к чему! То-то, я смотрю, все вертится, проклятая, — оправдывался Матвей. И теперь уже совсем дружелюбно посмотрел на нового товарища, прикидывая, что с этим, вероятно, работа пойдет ладно.

Телега затарахтела дальше, а Кирюшка с еще большим любопытством и даже с уважением посмотрел на этого однобрового человека.

— Что смотришь? — спросил тот. — Али я знакомый?

— Отчего это? — нерешительно спросил Кирюшка, показывая на безбровый глаз.

— Это, брат, смолоду. Дитем еще был. Дед под горячую руку кипятком в лицо плеснул. Зачем, говорит, сел за стол, лба не перекрестивши. Спасибо еще, что глаз-то цел остался... Ну, хорошая! — задорно крикнул он буланой коняге. И, сжимая вожжи между коленей, он сказал, оборачиваясь к Кирюшке и подмигивая ему голым глазом: — Вот, брат, у нас какое в детстве бывало, — это тебе не с пионерами в барабан бить.

Ехали полем, ехали лесом. Перед самой Малаховкой дорога подняла круто в гору.

Первая подвода остановилась, поджидая отставшую вторую.

— Ну, доехали! — крикнул Матвею посиневший и продрогший Федор. — Все нутро растрясло. Куда останавливаться поедem?

— В контору поедem, там скажут. Далеко ли, старик, контора?

— Контора-то? Контора-то не больно далеко. Да кто его знает, не поздно ли в контору. Я лучше вас до Калюкина свезу. Он уже все объяснит вам — и куда и что.

— К Семену, что ли, или к Якову? — неожиданно спросил у подводчика подошедший новый бригадник.

— К Семену, к Семену, — подтвердил старик, поднимая удивленные глаза на спрашивавшего. — К Якову зачем же? То Яков — он ни к чему, — а то Семен... Александр Моисеевич! — протяжно заговорил вдруг старик, уставившись на нового человека. — Александр Моисеевич! Вас ли привел господь бог встретить?

— Бог не бог, а как видишь, — ответил бригадник, здороваясь с подводчиком. — А ты, дядя Пантелей, не стареешь и не молодеешь. Ну, к Калюкину так к Калюкину. Где он? Все там же, на Овражках?

— Нету, Александр Моисеевич: он да Григорий Путятин теперь в костюховском доме живут. Давно уже живут.

— А сам Костюх где?

— Костюх? — И старик еще с большим удивлением посмотрел на спрашивавшего. — Выслали Костюха*, Александр Моисеевич, — задумчиво и протяжно добавил он. — Какой там Костюх! Да у нас за эти годы делов-то, делов-то сколько переделалось! Какой там Костюх! — повторил старик и, недоуменно улыбаясь, махнул рукой.

— Бывал ты, что ли, здесь? — спросил у нового товарища Матвей, когда зашагали они рядом с подводами вдоль села.

— Бывал ли? А ты у него спроси, — улыбнувшись, ответил бригадник, кивая на старика. — Вот что, бригадир, — сказал он, останавливаясь. — Вы прямо к Калюкину ступайте, а я тут к знакомым заверну. Все равно у же

скоро ночь. А я вас завтра чуть свет разыщу, тогда и за работу.

— Здешний он, что ли? — спросил у старика Матвей, когда новый товарищ, круто свернув в проулок, исчез из виду.

— Александр Моисеевич? — спросил старик. — Ба-альшая голова! Это он наш колхоз собрал. Вон, видишь, как раз на горке домик с радио: это раньше он здесь жил. Как же! — все так же задумчиво повторил старик. — Как же!.. Здешний! Первый наш председатель!

Матвей хотел было расспросить подробней, но тут подводы остановились у калюкинского дома, и удивленные бригадники увидели следующее.

Возле трех порожних подвод стояли два насупившихся подводчика и толстая баба, которая крепко держала в руках два больших еще горячих каравай хлеба. А возле этой бабы сердито и беспомощно кружился и прыгал сам маленький рыжебородый Калюкин.

— Давай, Маша, давай! — быстро говорил он, пытаясь схватить каравай хлеба. — Давай, Маша! Видишь, людям некогда. Я тебе завтра чуть свет из пекарни такие же принесу.

— Не дам! — сурово и громко отвечала баба. — У меня хлеб сеяный, а ваш пекарь норовит с отрубями испечь; у меня хлеб как хлеб, а у него то с подгаром, то с закалом. У меня чистая мука, а ему недолго и песку в квашню подвалить. На черта мне сдался ваш пекарский хлеб!

— Ты бы хоть людей постыдилась, Маша! — завопил увидавший бригадников Калюкин. — Какой песок? И как тебе не совестно?.. Давай лучше, Маша, давай! Сама видишь, людям некогда.

Но тут толстая баба и сама заметила подъехавших незнакомых людей. Она сердито плюнула в сторону отскочившего Калюкина, с сердцем швырнула оба каравай в крайнюю подводу и быстро пошла в ворота, одергивая на ходу высоко подоткнутую юбку.

Обрадованный Калюкин закричал подводчикам, чтобы они поскорее уезжали, и побежал навстречу подъехавшим.

— Это ничего, — объяснил он, здороваясь с Матвеем. — Это Маша... Жена моя... Тут, знаете, хлеб в пекарне запоздал, а людям на станцию надо — бензин подвозим. Вот она, Маша, и сердится.

— Так ты хлеб у нее своровал, что ли? — рассмеялся догадавшийся Матвей.

— Зачем своровал? В займы взял, — обиделся Калюкин. — Завтра отдам. А это она врет, что с песком. И подумать только — сболтнет со зла такая дура, а там и пойдет: с песком да с песком. Заходите, заходите, заходите! — опять весело зачастил Калюкин. — Вот и хорошо, что приехали.

— Маша! — вскоре как ни в чем не бывало распоряжался он в избе. — Вздуй-ка, дорогая Маша, для гостей самовар.

— Самовар! — спокойно и укоризненно отвечала толстая баба. — И сколько раз я тебе говорила: отдай, Семен, в кузницу. Долго ли кран починить? А теперь — самовар! Эх, ты! — с досадой добавила она насмешливо и добродушно. — Эх, ты! И правда, что одно слово — актив.

И, опять подтыкая юбку, она сердито закричала высокой чернобровой девке Любке, чтобы та вздула огонь и поставила чайник.

Матвей и Кирюшка ночевали у Калюкина.

Перед тем как лечь спать, Матвей вспомнил о записке от Бутакова. Бутаков писал: «Посылаю тебе кузнеца из утильцеа — Александра Моисеевича Сулина. Работает он у нас недавно, но человек, кажется, толковый. Спасибо, что выручил и вызвался поехать взамен Шарабашкина».

Кирюшке постлали на сундуке, на печке. Сквозь окно виднелась лунная пустая улица. В темной избе пахло теплым хлебом, березовыми вениками. Где-то в головах стрекотал сверчок, а за стеною ворочалась и постукивала скотина.

Проснулся Кирюшка оттого, что в окошко громко застучали. Сквозь зеленое стекло он разглядел лошадиную морду и голову человека в мохнатой папахе.

Калюкин вышел. Вскоре Кирюшка увидел, как в избе напротив зажегся огонь, а по улице пробежали двое или трое.

— Уж не пожар ли? — с тревогой спросила толстая Калюкиха и, проворно соскочив с постели, вздула лампу.

Проснулся и Матвей. В сенях застучало — упала метла, и в избу вошел Калюкин.

— Вот беда, — заговорил он, поспешно натягивая сапоги. — Дай-ка, Маша, шапку. Вот беда, — объяснил он

Матвею.— Возле Куракина — это восемь верст повыше по реке нашей, по Согве,— затор. Льду поперек набило — прорва. Вода вширь пошла. Спасибо еще, куракинский председатель нарочного верхового прислал.

— А вам что за беда? — спросил Матвей.

— А то беда: кабы не затор, то прошла бы вода мимо. А теперь вот-вот прорвет, и двинет вода поверх берегов. У нас этак уже годов шесть тому назад было.

— И что, затопит? — затягивая штаны, спросил Матвей.

— А то затопит, что как раз вашу кузницу затопит, да и амбары с зерном как бы не захватило.

Оба они, и Матвей и Калюкин, сейчас же ушли. Толстая Калюкиха вскоре погасила лампу. По улице пробежало еще несколько человек. Протарахтели колеса. И наконец, тяжело гроыхая и заставив задрожать всю избу, протарахтел мимо трактор с прицепом. Потом все стихло.

Кирюшка уже почти засыпал, как услышал что-то такое, отчего он насторожился и повернул голову к окну. Кто-то быстро шел по улице, подпрыгивая и подпевая:

Тари-тира-та,
Всюду темнота;
Тари-тири-ри,
Эй... смотри...

Голос напевавшего этот не ко времени веселый мотив был чист и звонок. И удивленный Кирюшка сразу же угадал, что поет это не взрослый, а кто-то из ребят — вероятно, мальчуган.

— Любка! А Любка! — сонным голосом позвала Калюкиха дочку.— А никак, это Фигуран?

— А то кто же? — равнодушно ответила девка.— Фигуран... Фигуран и есть.

— И скажи, что за паршивец! — зевая и почесываясь, удивилась Калюкиха.— Ни свет ни заря, а он вон что. Был бы отец, он бы показал ему хворостиной ти-ра-ра.

— Драли уже, да что толку-то,— неохотно ответила Любка.— Спите, маманя. Мне утром на скотном и за себя и за Соньку работать. Да и арифметику я нынче из-за гостей что-то вовсе плохо выучила.

Было уже солнечно, когда раскрасневшаяся у печки Калюкиха разбудила Кирюшку.

— Вставай, парнишка! — сказала она. — Сбегай к речке, спроси у мужиков, придут чай пить или нет. Я уже и так чайник два раза доливала.

Кирюшка оделся, сунул в карман теплую лепешку и выбежал во двор. Но во дворе, у самой калитки, стояла сильная черная собака. И, насторожив уши, она смотрела на него зелеными злыми глазами.

— Собачка... — робким и ласковым голосом позвал ее Кирюшка. — Собачка... Шарик... Уу, ты, моя хорошая!..

Собака стояла, не шелохнувшись, и не спускала глаз с незнакомого мальчугана.

— Собачка... — еще ласковее позвал струсивший Кирюшка. — Фю... фю... Хочешь, я тебе лепешечки дам. На, возьми!

Собака тихонько подошла, осторожно обнюхала кусок лепешки, и вдруг, вместо того чтобы сожрать кусок и дать Кирюшке дорогу, она с рычаньем отбросила лапой лепешку и злобно оскалила страшные белые зубы.

— Я тебя! Я тебя! Ах ты негодник! — распахивая окно, закричала на собаку Калюкиха. — Иди, сынок, не бойся. Ты только не кидай ему ничего. Его это в прошлом году чуть было не отравили; так он с той поры от чужих и крошки не возьмет.

«Вот проклятая собака! Это тебе не то что Жарька. Той что ни кинь, все сожрет», — подумал Кирюшка, проскочив сквозь калитку. Он сунул в рот оставшийся кусок лепешки и быстренько побежал под гору — туда, где чуть виднелись суетившиеся у берега люди.

Матвея он нашел у кузницы.

— Чай пить иди. Тетка зовет, — позвал его Кирюшка.

— Уйди, Кирька... зашибу, — ответил Матвей, нагибаясь и принимая на спину большой кузнечный мех.

Повертевшись около кузницы, Кирюшка пошел к амбару, где стояли подводы. Тут он наткнулся на Калюкина.

— Чай пить иди, твоя тетка зовет, — передал ему Кирюшка, — а то, говорит, она и так два раза чайник доливала.

— Ты куда кладешь? Ты как мешок кладешь? — бро-

саясь к телеге, писклявым голосом заорал Калюкин.— Клади дырой вверх. Куда зерно в грязь сыплешь!

И, сдернув с головы шапку, он поставил ее под желтую струйку высыпающегося из прорехи овса.

— Что за чай? — сердито ответил он Кирюшке.— Какой тут чай?!

Он обернулся, прикидывая, куда бы это высыпать из шапки овес, но в это время его крикнули, и, сунув шапку с зерном Кирюшке, он исчез среди народа, толпившегося у амбаров.

Кирюшка постоял, постоял, но вскоре стоять ему надоело, и он прошел на пригорок, где в толпе увидел ссутулившегося Федора Калганова.

Отсюда, с пригорка, хорошо было видно, как в четырех крайних избах поспешно выволакивали все пожитки.

Седая и очень кроткая с виду старуха тяжело поднималась в гору. В одной руке она бережно несла старую, разбитую икону, а другой цепко держала рыжего, злобно мяукавшего кота.

Позади старухи две бойкие девчонки тянули за рога упиравшуюся козу. А за ними, пушистой вербовой хворостиной подгоняя пару гусей, шагал уже знакомый Кирюшке подводчик дед Пантелей.

Поравнявшись с Федором, дед остановился и поздоровался.

— Твоя хата? — спросил Федор, показывая на самую крайнюю избенку.— А ведь недолго, пока и затопит.

— Затопит,— беззлобно согласился старик.— Нас это со старухой годов шесть назад уже топило. И как затопило — ночью. Сами еле выбрались. Лошадь вывести не успели. Телка пропала... Поросяенок да две, что ли, курицы... Ариша,— виновато спросил он у отпустившей кота старухи,— что у нас тогда, две или три курицы потопло?

— Три курицы, старый дурак! — неожиданно очень злым голосом ответила старуха.— Три курицы да один петух, чтоб на твою голову хвороба села! Говорила я тебе, не трогай икону — сама сниму. Так нет. Полез. Разбил стекло, раскокал лампадку. Вот погоди...— злорадно пригрозила она,— погоди, снесет избу в реку — пойдешь по миру, тогда узнаешь, как за иконы браться.

— Все от бога,— смущенно пробормотал дед Пантелей, оборачиваясь к Федору.— А я что же...

— Зря сердиться, старая,— успокоил Федор.— Как

так — по миру? Нынче нет такого закона, чтобы колхозник да вдруг — по миру!

— Я ведь тоже понимаю, что зря,— приободрившись от хорошего слова, заговорил старик.— Мне шестьдесят годов, а у меня семьдесят трудодней на колхоз выработано, да по ночам — сторожем — керосин при тракторах стерегу. Да у старухи восемнадцать дён — овец стерегла. А она, глупая баба, что понимает... Весна,— добавил он, улыбнувшись и показывая на голубой сверкающий горизонт.— И до чего же хорошее времечко это — весна!

— А никак, пошла.

— Пошла, пошла,— слышались вокруг Кирюшки озабоченные голоса.

И точно из-за реки с раскиданными по ней островками дунул холодный ветер. Льду еще не было видно, но вода поперла с большой, все увеличивающейся силой.

В течение нескольких минут она заняла двор крайней избенки и, взметнув мусор, остатки дров и соломы, хлынула дальше, подбираясь к амбару, от которого только что отъехали последние, груженные зерном подводы.

— Кирюшка,— спросил потный и красный Матвей,— ты что это шапку держишь? А тебя Калюкин ищет.

— А зерно куда? — спросил Кирюшка.— Я, дядя Матвей, пересыплю зерно в карманы, а то у меня и так на холоду все руки занемели.

— Сыпь да беги скорей.

Набив зерном карманы, Кирюшка побежал разыскивать Калюкина. Но вскоре он остановился возле кучки мужиков, баб и ребятишек, обступивших какого-то лохматого и горбатого мальчугана.

Этот лохматый и горбатый, воткнув посреди круга кривую палку и притопывая возле нее, спокойно и гордо распевал такую песню:

Дело было на заре
У Семена во дворе,
Он лопатою копал,
Что-то по земле искал.

Дружный и непонятный для Кирюшки хохот раздался при этих словах вокруг певца. А он, спокойный и уверенный, прошелся с вывертом вокруг палки, топнул ногою, как заправский танцор, и продолжал:

Если б солнышко не грело,
Не просохла бы вода.
— Отчего изба сгорела?
...Тири-ри да тара-та.

И хотя опять Кирюшка не нашел в словах этой песни никакого смысла, кругом зашумели и засмеялись.

— Ишь ты! Фигуран фигурует,— услышал Кирюшка снисходительно-насмешливый голос.— И скажи, что за человек!

Вспомнив ночной случай, Кирюшка с любопытством сунулся поближе. Но, не глядя под ноги, он споткнулся и упал, растянувшись почти посередине круга. При этом из всех карманов его потекло пересыпанное с Калюкиной шапки зерно.

— Вор,— спокойно и почти торжественно изрек Фигуран, показывая пальцем на смущенно поднявшегося Кирюшку.— Вор и расхититель колхозного имущества. Начнемте же, колхозники, суд над расхитителем.

Он подошел к Кирюшке и молча потянул его за рукав, вытаскивая на середину круга.

Но тут, не дожидаясь суда, испуганный и озлобленный Кирюшка рванул руку и со всего размаху съездил Фигурана кулаком по голове. Фигуран покачнулся. Он покачнулся и снова выпрямился, насколько позволял ему горб, и с молчаливым удивлением посмотрел на приготовившегося защищаться Кирюшку.

— Дерни ему палкой по башке.

— Ишь ты, какой выискался! — заорали вокруг Кирюшки незнакомые и поэтому враждебные к нему ребята.

Фигуран подумал, схватил за рукав одного из кричавших и, подтолкнув его к Кирюшке, сказал равнодушно:

— Дай ему за меня, Степашка. И бей в мою голову до самой смерти.

Услыхав такое, Кирюшка побелел, еще крепче сжал кулаки и губы; но теперь уже совсем непонятно было ему, отчего загоготали и засмеялись ребята.

— Лодку давай! — внезапно гаркнул от берега чей-то могучий встревоженный бас.

— Лодку давай!.. Лодку! — суматошно и визгливо заорали другие голоса.

— Льдом-то, льдом-то дернет, вот тебе и будет лодка.

— Эге-ей! — громко заорал бас, пытаясь перекричать шум ветра и треск надвигавшегося льда.

Почувяв что-то неладное, окружавшая Фигурана толпа кинулась к берегу. Сам не зная как, очутился на берегу и Кирюшка.

Сначала, еще не остыв от гнева и обиды, Кирюшка не мог ни рассмотреть, ни понять, почему тревога, шум и крики. Но вскоре понял и он.

С шумом и яростной быстротой вода заливала островки, подминая густой мелкий кустарник. Позади, сдерживая еще больший водяной вал, надвигалась широкая полоса льда.

И в это время по берегу одного из еще не затопленных островков со всех ног бежал захваченный врасплох человек.

Он бежал к мысу, по-видимому собираясь броситься отсюда в воду и переплыть протоку до подхода льда. Но, добежав до самой стрелки, он остановился, закрутился, и вдруг совсем неожиданно кинулся в противоположную сторону, в тот проток, который был и бурливее и шире.

— Куда, черт? Куда, дурак? — заорал надрывающийся бас.

— Сдурел. А и есть сдурел,— заохали и заахали бабы.— Ему бы сюда кидаться, а он — вон что.

На короткое время голова пловца чуть видна была над водою. Потом она скрылась за кустарником острова.

С треском и хрустом лед прошел мимо бугра. Как ножом срезало плетень и баню. Ударив по углу, вышибло два бревна у амбара и выкинуло тяжелую сверкающую льдину к самой двери кузницы. Потом лед двинул дальше кромсать и рвать острова. А за ним хлынула мутная, пенистая вода.

Долго еще не расходились мужики, бабы и ребятишки. Долго всматривались они в опушку противоположного берега, однако незнакомого пловца уже нигде не было видно.

*

В этот день Кирюшка на улицу решил больше не выходить — опасался, как бы не поколотили.

Но и дома ему не было скучно. Изба была большая, наглухо перегородженная на две половины. В одной жил Калюкин, в другой — еще кто-то. За двором начинался

вишневый сад. Туда можно было пройти и через ворота за сараем, и через маленькую ветхую калитку под темным навесом, возле входа в коровник.

В саду, кроме вишен, росла густая, пушистая верба. А в сторонке, за вербами, стояла пахнувшая смолою и дымом старая, черная баня. Заглянул Кирюшка и в баню. Там было полутемно и сыро.

У маленького закоптелого окошка в предбаннике пригретая сквозь стекло весенним солнцем тихо барахталась крупная лимонно-желтая бабочка.

Обрадованный Кирюшка вынес ее в сад, открыл ладонь, и бабочка тяжело вспорхнула, сверкая на солнце, как настоящая золотая. Но не успела она подняться над вишнями, как с пушистой вербы сорвались сразу две пичужки, и одна из них, ловко схватив летунью, проворно юркнула в кусты. Сначала Кирюшку очень огорчило это дело, и он схватил с земли камень. Но так как пичужка все равно уже исчезла, то он сердито швырнул камень в стайку веселых воробьев и утешил себя тем, что эти вредные бабочки жрут капусту, огурцы и еще что-то, и в прошлом году ему самому досталось при дележке вовсе червивое яблоко.

Уже к вечеру через сломанный забор Кирюшка выбрался на край неглубокого оврага. Внизу бурлил пенистый ручей. Рядом пролежала уже подсохшая дорога, и по ней бойко катила удаляющаяся от села подвода.

В стороне от дороги виднелась на опушке рощи одинокая церковь с маленькой колоколенкой.

«Почему там церковь? — удивился Кирюшка. — Ни села возле нее, ни поселка; даже домика сторожа и то что-то не видно. Вероятно, кладбище», — решил он. Но опять-таки и это показалось ему странным: для чего кладбищу быть так далеко.

Усталый Кирюшка присел на пенек и посмотрел на тот край поля, куда опускалось вечернее солнце.

И теперь отчего-то показалось ему широкое поле пустым и печальным, а красноватое солнце — тяжелым и холодным. Он крепче запахнул пальтишко, съежился, задумался и притих.

«Отчего это бывает смерть? — глядя на покосившийся крест над колоколенкой и вспомнив отца, подумал Кирюшка. — Ну вот живет человек, живет, и что же от него после смерти останется? Ничего не останется».

И он стал припоминать.

Он вспомнил знакомого заводского кучера Семена Харламова, смерть которому пришла оттого, что треснули его в пьяной драке по голове пивной бутылкой.

Потом он вспомнил соседку по квартире — кривую, сердитую бабку Евдокию, смерть которой пришла ни от чего, а просто от старости.

Потом вспомнил монтера Николая Николаева, который погиб во время прошлогоднего наводнения, когда, бросившись в воду, он доплыл до столба и перекусил кусачками какие-то провода, чтобы не случилось какого-то замыкания и не испортилась какая-то нужная машина.

И, вспомнив, отчего пришли эти три знакомые ему смерти, Кирюшка задумался над тем, что же от каждой смерти осталось?

И тогда он вспомнил, что от кучера Харламова осталась в третьем корпусе свободная комната, куда тотчас же въехал бригадир-комсомолец Сиваков, который жил раньше в бараке.

От бабки Евдокии остался сын, рыжебородый мастер из котельного цеха, которому недавно подарили часы и бесплатный трамвайный билет через переднюю площадку.

От Николая Николаева остались та самая нужная машина да черноглазая трехлетняя девчонка Нинелька, которая на похоронах нисколько не плакала и свалила со стола красивый венок, притянув его за широкую красную ленту.

«А от отца что? Ну, я остался», — подумал Кирюшка.

И хотя это было бесспорно так, но этого показалось Кирюшке мало. И ему захотелось, чтобы от отца осталось еще что-то. И он чувствовал и знал, что осталось еще что-то нужное и важное. Но что именно, этого Кирюшка не знал и не мог сказать, потому что сквозь горе и слезы плохо тогда слышал и понял он, что говорили над могилой товарищи отца и ораторы.

Крупная слеза скользнула по его щеке. И, вероятно, Кирюшка опять, как в тот раз в проходной будке, горько и безудержно расплакался бы. Но тут из-за поворота слышался топот, и перед Кирюшкой оказался верховой.

— Эй ты, пионер! — гаркнул всадник запыхавшимся и сердитым басом. — Ты давно тут сидишь?

— Давно, — с удивлением, но без испуга ответил Кирюшка, узнавая в этом толстом рыжем человеке того са-

мого, который так беспокоился на берегу и так громко орал, чтобы давали лодку.

— Не видал ты, не проезжала ли по этой дороге — чтобы у ней колеса посвернулись! — парная подвода?

— Проехала,— ответил Кирюшка.

— Лошади серые?

— Серые,— подтвердил Кирюшка.— Только давно проехала и, должно быть, теперь уже далеко.

— Вон они куда,— пробормотал рыжий и подстегнул коня.— Эй ты, пионер! — крикнул он, опять останавливаясь.— Поди сюда. Вот что: беги к Еремееву и скажи, что я поскакал догонять подводу на Куракино. Коли догоню в Куракине, то вернусь скоро, а коли не догоню в Куракине, то вернусь, когда догоню. Понял? Да смотри передай, а не то я рассержусь,— предупредил он, дергая повод и пускаясь вскачь.

Конь затопал, а Кирюшка, у которого разом вылетели все печальные мысли о кладбище и о смерти, остался в сильном недоумении.

Во-первых, он совсем не знал, кто такой этот Еремеев и где его искать.

Во-вторых, он не успел спросить, от кого надо передать.

А в-третьих, он же решил сегодня не выходить на улицу, опасаясь, как бы его не вздули за утрешнее.

Он постоял, покрутился, но приказание рыжебородого было слишком твердым. Да и самому Кирюшке уже надоело торчать весь день в саду. И он решил выполнить поручение, но сначала забежать в избу и спросить у Калюкихи, кто же этот Еремеев и где он живет.

*

Но Калюкиха ушла к соседке, и дома он застал только Любку. Эта здоровенная Любка сидела у стола и, неуклюже ворочая карандашом по тетрадке, высчитывала вслух кормовые нормы на скотину.

— Значит,— бормотала она,— еще надо прибавить 19 килограммов отрубей, 7 килограммов жмыха... 19 да 7 — это будет... будет 26. Да 11 турнепсу, да 21 картофелю... Господи! Куда же это? Обожраться, что ли? 11 да 21 — это будет... 10 да 21 будет 31 да еще 1 — будет 32. И, значит, если теперь сложить 32 и 26...

— Любка,— перебил ее Кирюшка, увидав, что

эта арифметика, кажется, затянется надолго.— Скажи мне, пожалуйста, где это у вас на селе живет такой человек — Еремеев?

— Отстань,— не глядя, ответила Любка.— 32 да 26... Вот еще, сбил только. Выдь пока, Кирюшка, побегай на улице.

— 32 да 26 — это будет 58,— подсказал ей Кирюшка.— Сейчас уйду. Ты только скажи, Любка.

— Ну, верно 58,— согласилась Любка.— Еремеев Михайло — это на Овражках. Старик такой... блажной. Он раньше в церкви псаломщиком был. Да как-то с колокольни пьяный свалился и с той поры вроде как бы не в своем уме.

— Любка,— постояв немного, спросил озадаченный Кирюшка,— а нет ли какого-нибудь другого, чтобы не с колокольни... и в своем уме?

— Такого другого нет,— коротко отрезала Любка.— Такой другой есть только Семен Павлович Еремеев. Так это не наш деревенский, а помощник директора тракторной станции.

— Вот он-то, должно быть, и нужен мне,— укоризненно сказал Кирюшка.— А ты мне какого-то — с колокольни. Эх, ты! А еще комсомолка. Любка,— продолжал он,— а ты не знаешь ли, кто это такой рыжий?

— Какой еще рыжий? — рассердилась Любка.— Уйди ты от меня или я сама за тобой дверь захлопну!

— Ну, какой? Рыжий, здоровый, верхом на лошади.

— Еще что... Рыжий! Мало ли у нас рыжих? Сел рыжий на лошадь, вот тебе и верхом. Слез — вот тебе и пешком. Тоже спрашивает, как дурак. А еще пионер.

«Ладно, корова, я тебе припомню»,— подумал Кирюшка и выбежал во двор.

*

В конторе, кроме самого Еремеева, Кирюшка застал Матвея, Калюкина и Александра Моисеевича Сулина.

То и дело хлопала дверь: подходили всё новые и новые люди. Еремеев показывал, очевидно, только недавно полученную телеграмму.

Что было в той телеграмме, Кирюшка, конечно, не мог знать. Но он сразу же догадался, что телеграмма эта хорошая, веселая, потому что, прочитав ее, одни ра-

достно восклицали: «Го!», другие: «Га!», а некоторые хотя и ничего не восклицали и даже начинали ругаться, что, дескать, давно бы пора, но Кирюшка видел, что рады они и сами не меньше других.

— Тебя зачем принесло? — спросил Матвей у Кирюшки.

— Рыжий прислал, — буркнул Кирюшка. И, протискавшись к столу, он слово в слово пересказал то, что ему было приказано.

— Молодец Бабурин! — похвалил рыжего Еремеев, и, обратившись к Матвею, он спросил: — А это кто? Твой сын, что ли?

— Та-к... племянник, — сурово соврал и тотчас покраснел Матвей, которому и неохота, да и не время сейчас было объяснять, как и почему попал с ним Кирюшка в деревню. И, приказав Кирюшке бежать домой, Матвей быстро перевел разговор на то, что для ремонта борон на складе нет двухдюймового железа, да и шинного тоже только-только на три дня работы.

— Читал телеграмму? — успокоил Еремеев. — Теперь все получим. Пошлем на приемку Калюкина, да и ты сам поезжай.

— Мне нельзя, — отказался Матвей, — мне кузню налаживать надо. Водой сегодня все переверотило.

— Ну, тогда пусть Сулин поедет. Он, говорят, человек здешний, бывалый. Его не проведешь.

— Меня не проведешь, — согласился Сулин. — А на приемке они, поди-ка, всю заваль всучить нам попробуют.

— Зачем заваль? — обиделся Калюкин. — Что же они, жулики, что ли?

— Кто сказал — жулики? — удивился Сулин. — А доведись до тебя, неужели ты бы им получше отдал, а себе похуже оставил?

— Я бы по совести, — убежденно ответил Калюкин. — Что у нас для государства, то и у них для того же.

— Конечно, если по совести!.. — усмехнулся Сулин. И, хлопнув Калюкина по плечу, он сказал добродушно и снисходительно: — Совесть что! Так... культурное слово! А вот насчет государства, это ты как раз в самую точку!

Когда Кирюшка выбежал на улицу, то крепко удивили его луна и звезды. Звезды — еще туда-сюда. Но такой большой, сверкающей луны в городе он не видал никогда.

Пока он раздумывал, как это так и почему, сам того не заметив, он очутился на незнакомой кривой улочке, возле шаткого мостика. Но воротаться назад, в гору, ему не захотелось, и он пошел через мостик, рассчитывая свернуть где-нибудь влево.

Шел он не торопясь, на ходу заглядывая в незавешенные окна старых изб.

Через одно окно он мельком разглядел худую бабу, которая кормила толстого горластого дитенка.

В другой избе он увидел, как два бородатых мужика укоряют в чем-то один другого, а третий, лысый, пьет чай и читает газету.

Потом — седую бабу и пятнистого теленка.

Потом — красивую девку, которая сразу делала три дела: качала ногой люльку, вязала чулок и слушала через наушники радио.

Потом еще издали услышал он рев и подивился на то, как сердитый дядёк дерет ремнем какого-то вертлявого черного парнишку.

И, вероятно, много еще интересного рассмотрел бы Кирюшка на своем пути, если бы кем-то ловко брошенный комок глины не угодил ему прямо в спину. В страхе отпрыгнул Кирюшка, обернулся, но никого не заметил.

Он хотел было пуститься наутек, но здесь улочка кончалась тупиком. Справа зияли черные дыры проломанных заборов, торчал сарай без крыши и валялась телега без колес. Справа скрипела распахнутая калитка, за которой что-то мычало, что-то рычало, — в общем, плохо было дело... Второй ком глины шлепнулся о доски где-то совсем рядом, и Кирюшка понял, что неизвестный враг прячется в темной нише, у ворот, напротив.

Тогда, увидев, что деваться некуда, перепуганный Кирюшка схватил увесистый булыжник и изо всех сил запустил им в ворота. Потом ему попала под руки мокрая чурка, потом суковатая палка — все это полетело туда же.

И почти тотчас же из темноты раздался жалобный вой. Очевидно, палка крепко ударила по невидимой цели.

Но этот вой еще больше испугал Кирюшку, особенно после того, как хлопнула дверь и кто-то, встревоженный ударом булыжника, грозно спросил, отчего стук и крик.

Тогда, не дожидаясь, как оно будет дальше, Кирюшка юркнул в дыру забора, и, спотыкаясь о кочки, цепляясь за колючки, он проворно полез куда-то в гору.

Кирюшка очутился на полянке, поперек которой стояла низкая изба; рядом с избой — двор, а за двором уже стучала колесами улица.

Запыхавшийся Кирюшка осмотрелся: нельзя ли как-нибудь выбраться на улицу, минуя чужую усадьбу? Но оказалось, что нельзя никак. Тогда, крадучись вдоль стены, Кирюшка направился через двор. Но едва он добрался до освещенного окошка, как впереди, за углом избы, что-то заскреблось, заворочалось.

— Собака! — ахнул Кирюшка и притих.

Так простоял он с минуту, не решаясь двинуться ни назад, ни вперед.

Он уже заглянул в окно, чтобы крикнуть на помощь хозяев, но не крикнул, так как увидел следующее.

На постели, широко раскинув руки, лежал могучий седой старик и храпел так, что слышно было даже через окошко. По-видимому, он был пьян.

За столом возле керосиновой лампы сидел горбатый Фигуран и что-то писал, время от времени искоса поглядывая на старика.

Рядом с Фигураном лежали большой нож, сапожная колодка и точильный брусок.

Вдруг старик двинулся, заворочался и закашлял. Фигуран ловко сунул лист бумаги за пазуху и, схватив нож, зачиркал им о точило.

Старик откашлялся, грузно перевалился к стене и опять захрапел.

Фигуран оглянулся, отложил нож, отодвинул брусок и опять вытащил бумагу.

На некоторое время оробевший Кирюшка забыл даже о собаке. Но тут за углом опять что-то заскреблось, заворочалось. Кирюшка съежился, сжался. И вдруг из-за поворота вместо собаки вышел косматый, рогатый козел и, остановившись перед Кирюшкой, противно замечаял: «Ме-е! М-я-я-а!»

— Ах, чтоб тебе пропасть! — рассердился Кирюшка. И, дав козлу пинка, он быстро проскочил через калитку на улицу.

*

Дома Матвей и Калюкин уже кончали ужинать.

— Ты откуда? — строго спросил Матвей у Кирюшки, который боком пробовал юркнуть за печку.

— Так мне же, дядя Матвей, мать сама наказывала, чтобы я не сидел дома, а больше гулял,— быстро вывернулся Кирюшка.— Вот я пошел гулять и все гуляю, гуляю. Даже надоело!

— Гулять тоже надо с толком, а не когда попало,— ответил Матвей и, подозрительно оглядев Кирюшку, спросил: — А отчего это у тебя пальто глиной заляпано и вроде как бы поперек рожи царапины?

— Пальто... Это оно просто так... А царапина? Царапина это оттого, что где-нибудь обцарапнулся,— поспешно объяснил Кирюшка и быстренько нырнул за печку раздвигаясь.

Его позвала Калюкиха и налила ему миску щей. Пока он хлебал, Матвей и Калюкин курили и разговаривали.

— Рядом кто живет? — спросил Матвей, показывая на толстую бревенчатую стену.

— Путятин Егор. Он — многосемейный. А там большие горницы,— ответил Калюкин. И, вспомнив что-то, он, подскочив к стене, постучал кулаком и закричал: — Егор, а Егор!

— Нету Егора,— чуть слышно ответил из-за стены бабий голос.— Тебе что?

— Он на третьем участке пашет, что ли?

— Нет, не на третьем, а на втором. На третьем Мишка Бессонов.

— Голову оторвать этому Мишке надо,— оборачиваясь к Матвею, сказал покрасневший Калюкин.— Я после обеда поехал на мельницу, в амбары зерно перегружать. Гляжу... мать честная!.. На пашне шесть огрехов насчитал. Да огрехи-то какие — борзой кобель не перескочит. Разве ж это работа?

— И что тебе, Семен? Больше других надо! — ворчливо вмешалась Калюкиха.— Чем чужие огрехи считать, ты бы лучше рассказал, как недавно два мешка овса своим керосинищем изгадил. Уж я и холодной водой мыла и теплой. Куда там! Свинья и та морду воротит.

— Я за тот овес, Маша, и сам болею,— смутился Калюкин.— Я за это своих последних полтора мешка в амбар свез. А так, как Мишка Бессонов пашет, это тоже не пахота... Бо-о-льшие горницы,— продолжая прерванный разговор, начал Калюкин.— Сам-то Костюх на той половине жил. А здесь сын его Василий.

— Богатый был Костюх?

— Надо думать, богатый. Конь-то, правду, у него один был, коровы две. Не любил он скотину, но торговал шибко. Хлебом торговал, кожи скупал. Он да еще тут один старик с ним в компании. Костюха-то выслали, а того старика оставили. У нас на Овражках живет, сапожничают.

На дворе сердито гавкнула собака, и кто-то зашаркал в сенцах, старательно вытирая ноги. Вошел дед Пантелей.

Еще у порога он снял было шапку, но, вспомнив, что иконы в избе нет, он нахлобучил опять шапку и добродушно погрозил пальцем ухмыльнувшейся девке Любке.

— Луна,— сказал дед Пантелей, указывая палкой на окошко.— Иду это я... смотрю, стоит поперек проулка корова. Чья же это, думаю, корова? Подошел, гляжу, а это Николихина корова.— Дед Пантелей опять снял шапку и неторопливо сел на лавку.— Зачем, сынок, звал? Чай пить али по делу?

— Какой тут, дедушка, чай? — сердито перебила Калюкиха.— Уж я ему сколько раз говорю: отдай, Семен, самовар в кузницу, долго ли кран починить? А он: ладно да ладно!

— Ты оставь, Маша! Сказал — отдам, значит, отдам. Человек по делу, а ты: самовар. Я тебе говорю, олова на ремонт нету, а ты: самовар... да самовар! — рассердился Калюкин, обувая сапог, докуривая сигарку и доставая с гвоздя лохматую баранью шапчонку.— Вот что, дедушка! Возьми с утра лошадь да съезди в Чарабаевскую рощу, лозы нарежь. У меня на складе двадцать бутылей-двухведерок, а оплетки нету. Потом как-нибудь сядешь да сплетишь мне для бутылей оплетки.

— Ладно, коли так,— согласился старик.— Нарядил бы ты со мною какого-нибудь парнишку. Вдвоем-то ловчей управимся.

— Пускай мальчонка с тобой поедет,— кивнув на ослонившего Кирышку, предложил Калюкин.

— И то дело,— согласился Матвей.— Катай завтра, Кирышка, с дедом за лозой. Нечего тебе зря без дела шататься.

Вскоре дед Пантелей ушел. Вслед за ним, накидывая на ходу поддевку, направился и Калюкин.

— А ты куда? — окликнула его Калюкиха.— Спать-то когда придешь? Опять к полуночи?

— В школу, Маша... в школу. Там нынче второй бригады собрание; надо думать, директора ругать будут.

— Да тебе-то что? — почти жалобно спросила Калюкиха. — Кабы тебя ругали, а то директора.

— Как можно, Маша?.. Что ты! Раз я сейчас вроде как бы завхоз, значит, и мне тоже... значит, и я тоже, — уже захлопывая дверь, забормотал Калюкин. И слышно было, как он быстро протопал вниз по лесенке.

*

После того как уснул Кирюшка, лег и Матвей.

Но, несмотря на то что он встал до зари, ему не спалось, и он долго ворочался, припоминая все то, что случилось за сегодняшний день.

Тракторная станция, обслуживавшая Малаховский колхоз, была небольшая, только с осени выделенная от другой, крупной, Каштымовской МТС. И случилось так, что попали сюда тракторы потрепанные, разномастные, к тому же без запасных частей и почти без ремонтного инструмента.

Всю зиму просили, грозили, требовали. Но каштымовцы упирались. И только сегодня, как раз после того как проехал заезжавший по пути каштымовский директор, была из края получена телеграмма, в которой каштымовцам строго-настрого было приказано снабдить новую МТС запасными частями, материалами, инструментами.

И вот вдогонку за каштымовским директором поскакал секретарь ячейки Бабурин, тот самый рыжий верховой, который встретился Кирюшке на дороге.

«Надо Сулину сказать, чтобы он круглого железа побольше выбрал, — вспомнил Матвей. — Борон целая груда, а все зубья повыврваны. Камни ими, что ли, ворочали?.. Он достанет, — думал Матвей. — Мужик, видать, толковый». И уже совсем засыпая, Матвей вспомнил, что за всеми сегодняшними хлопотами он позабыл расспросить у Калюкина, как и почему уехал Сулин совсем из деревни.

В избу потихоньку вошла Любка и, не зажигая огня, стала раздеваться.

— Ты откуда? — спросила с кровати Калюкиха.

— В клубе была. Там сегодня кино, — закидывая на печь валенки и задергивая занавеску, ответила Любка.

— Отца видела?

— В школе он. Ругаются. Ему, маманя, Мишка Бессонов чуть в рожу не плюнул.

— И поделом! — с досадой откликнулась Калюкиха. — И скажи только, что за человек! В свое, не в свое дело — всюду ему сунуться нужно. Ты помани мое слово, что когда-нибудь ему и вовсе шею наколотят.

— Так колотили уже, да что толку-то, — заваливаясь на скрипучую кровать, ответила Любка. И вдруг огрызнулась: — А за что колотить? За Мишку Бессонова? Этого Мишку у нас на прошлом собрании поделом в комсомол не приняли. Попробуй поколотить! Говорите вы, маманя, а что, сами не знаете!

Обиженная Калюкиха лежала, помолчала, но ей не лежалось и не молчалось. Она закричала, заворочалась и с хитростью спросила у притихшей Любки:

— А что, Любка, правда это бабы говорят, будто Мишка Бессонов собирается какую-то вашу комсомолку сватать?

— Спите, маманя! — уже грозно ответила Любка. — У вас бессонница, а у нас завтра на скотном ветеринарный осмотр будет. Инструктор, что ли, какой-то приехал.

*

Утром Кирюшка побежал к деду Пантелею.

После вчерашнего паводка возле избенки сверкали лужи. Проломанный плетень был смят и повален. Повсюду валялась щепка и торчали косматые охапки еще мокрой соломы.

Пригретые ясным солнышком, суетливо бродили по грязи хлопотливые куры. Из стойла высовывал морду добрый теленок, и даже злобный рыжий кот и тот, ласково жмурясь, тихо полз по крыше, подбираясь к стайке беспечно горланивших воробьев.

У крыльца седая и уже не сердитая бабка развешивала широкие дедовские штаны. А сам дед Пантелей кончал запрягать лошадь.

— Пришел, — улыбнулся дед Пантелей. — А я смотрю, что не идешь? Или, думаю, не придет, да нет, думаю, должно быть, придет. Погода-то нынче вон какая. Светлая. Ну садись. Как тебя звать-то?.. Кирилл?.. Залезай, Кирилла, на телегу. Поехали...

И как только выехали в поле, пахло таким непривычным, невиданным простором, что Кирюшка сразу притих.

— Слышишь? — спросил дед, корявым пальцем указывая в небо. — Глянь-ка вон туда, под облако... Гурлы... Гурлы. Это дикие лебеди-кликуны потянули.

Задрав голову, долго смотрел Кирюшка, как высоко-высоко, под самыми облаками, вытянув прямые длинные шеи, плавно и стремительно летела стая больших белых птиц.

«Как же это так? — задумался Кирюшка. — Был завод, школа, отец, мать, знакомая улица, автобус № 5, трамвай № 17, — а сейчас никого рядом и ничего».

И потому, что рядом не сидел даже Матвей, который был все-таки свой, городской, Кирюшке вдруг как-то почудилось, что вот уже поехал и он не в Чарабаевскую рощу за ракитовой лозой, а тронулся в какой-то новый и далекий путь.

Тогда он сощурил заслезившиеся от солнца глаза, и стало ему грустновато.

«Эх, папка, папка! — укоризненно подумал Кирюшка. — И что тебе стоило немного, ну совсем немножечко подвинуться, а не стоять на том самом месте? И тогда пролетели бы разорванные кирпичи мимо или еще в кого-нибудь».

Он вздохнул. Но тотчас же вспомнил, что если бы отец не стоял на том самом месте, у парового молота, то там обязательно стоял бы кузнец Матвей.

И Кирюшке стало жалко Матвея, он сейчас же захотел, чтобы и Матвей тоже подвинулся.

Но если бы не стоял Матвей, то встал бы туда Иван Караулов, девчонка у которого, Катюшка, была веселая, черноволосая, и это ей он, Кирюшка, подарил однажды хорошее, но только немножко червивое яблоко.

Тогда ему стало жалко и отца, и Матвея, и Ивана, и еще кого-нибудь, кто обязательно стоял бы на этом месте, потому что это такое твердое место, где всегда кто-нибудь должен стоять. И, конечно, стоит кто-нибудь уже и сейчас.

«Нельзя всем двигаться, — смутно решил Кирюшка. — И я бы тоже не подвинулся. Раз поставили — значит, стой!»

— Что, Кирила, задумался? — окрикнул дед Пантелей. — Вот она и Чарабаевская роща. Помещик тут раньше жил, Константин Ермолаевич Чарабаев. Гордый был человек... Сильный. Беда, сколько земли поднимал!

Это заинтересовало Кирюшку. Он и сам, бывало, в

цирке видел, как поднимают гири, видел, как поднимают людей. А однажды видел даже, как один молодец взвалил себе на спину невысокую лошадку. Но, чтобы землю поднимали, этого он еще не видел никогда. Как ее поднимешь — в мешки насыпать, что ли?

— И сколько он поднимал? — осторожно спросил Кирюшка, недоверчиво поглядывая на старика.

— А вот сколько. Вон, под солнышком, вроде как бы гору видишь? А теперь гляди дальше, за речку, туда, где наши трактора идут. А теперь глянь в ту сторону, до самого края, где чуть-чуть лес синеет. Это все его земля была. Но теперь поворачи голову назад и смотри как раз от речки до того села... до Балаихи — это и был наш деревенский куток. Вот, брат Кирила... как тебя по батюшке-то величать, не знаю... так-то и жили.

Старик неожиданно рассмеялся, подстегнул конька, и телега весело вкатилась в Чарабаевскую рощу, из-за голых деревьев которой уже виднелись развалины старой барской усадьбы и невысокая церковка с покосившимся крестом, та самая, которую заметил Кирюшка еще вчера, перед закатом.

*

Прямо за одичалыми развалинами, цепляясь один к другому, раскинулись заглохшие и заболоченные пруды. По берегам густо разрослись вербы, ольха и ракитник.

Дед Пантелей дал и Кирюшке острый нож. Он показал, какая нужна лоза и как ее срезать, чтобы не обрезать. А так как мудреного в этом было мало, то Кирюшка с азартом полез в самую гущу.

Через час работы на телеге лежала большая груда гибких пахучих прутьев.

— За глаза хватит. Довольно! — скомандовал красневшему Кирюшке дед Пантелей. — Давай садись, отдохни. Да и я сяду, табачку закурю. А то на ходу курить тряско.

Но Кирюшке не сиделось. Пока старик поправлял воз, пока он свертывал да закуривал, Кирюшка шмыгнул на узенькую тропку и вскоре очутился перед развалинами чарабаевского имения.

Одиноко и печально торчали потрескавшиеся стены. Повсюду валялись поросшие травой кирпичи. Тяжело

бабахнувшись, лежала расколотая и наполовину вросшая в землю каменная колонна. Тут же, неподалеку, высилась уцелевшая колоколенка без колоколов и небольшая церковь с тяжелой дверью, на которой вместо замка был замотан узел ржавой проволоки.

Рядом с кучей муравейника валялась чья-то позеленевшая мраморная голова, но без уха, с отбитым кончиком носа. И по этой неживой голове тихо лазили только что выползшие после зимовки, еще полусонные муравьи.

Так же как путешественник, который задумчиво останавливается перед обломками древних гробниц, перед руинами средневековых башен, так и Кирюшка, который слышал о помещиках только по рассказам, с молчаливым удивлением рассматривал остатки этой самой обыкновенной барской усадьбы: так вот где они жили!

Он постучал носком о выступ скользкого крылечка и провел пальцем по холодной истрескавшейся стене.

Заслышав шорох, он обернулся и невдалеке от себя увидел человека.

Человеку этому было лет под пятьдесят. Бородатый, ссутулившийся, с тяжелой дубинкой в руке, он стоял, прислонившись к стволу гнилой липы, и, по-видимому, уже давно наблюдал за Кирюшкой.

«Сторож», — подумал Кирюшка. Но так как он никуда не залез, ничего не украл, то безбоязненно посмотрел на незнакомого человека.

— Видать, нездешний парнишка? — негромко спросил человек, и, подойдя поближе, он сел на каменную ступеньку.

— Нездешний, — подтвердил Кирюшка. — Мы с дядей Матвеем из города приехали.

— В Малаховку, что ли? — И, не дожидаясь ответа, чернобородый неожиданно попросил: — А что, паренек, у тебя покурить нет ли?

— Так я еще малый! — с негодованием ответил покрасневший Кирюшка. — Разве же такие курят!

— Всякое бывает! Бывает нонче, что и такие. Кто вас разберет?

— Это только хулиганы курят, — убежденно возразил Кирюшка. — А разве я хулиган? — Он подумал, запнулся и уже с задором добавил: — Я пионер, а не хулиган. А правда, дядя, есть в нашей школе один, Пав-

лушка Кукушкин, и стал он курить, а мы его взяли да из пионеров и выгнали.

Кирюшка остановился, ожидая, что за это толковое рассуждение незнакомец похвалит его или просто улыбнется. Но угрюмый человек не похвалил и не улыбнулся. Внимательно посмотрел он на Кирюшку и не сказал ничего.

Это не понравилось Кирюшке, он захотел тотчас же отправиться восвояси, но все-таки задержался и услужливо предложил:

— А вы, дядя, пойдите со мною да у деда Пантелея попросите. Он тут, рядышком, возле лошади. Мы с ним лозу резать приезжали. Он как раз сидит возле телеги и курит.

— Это какой Пантелей? Малаховский? — быстро переспросил бородатый человек.

— Малаховский. Он живет да бабка, да больше у них никого нет. У них, дядя, вчера избу чуть-чуть льдом не сдернуло.

Бородатый постоял, по-видимому раздумывая, пойти или нет в ту сторону, откуда уже дед окликнул Кирюшку. Потом, не сказав ни слова, бородатый повернулся и быстро пошел через кусты в противоположную сторону.

«Тоже, курильщик!..» — подумал обиженный Кирюшка и вприпрыжку побежал к поджидавшему его деду Пантелею.

На обратном пути они встретили целый обоз. На передней подводе сидели Калюкин и Сулин.

— Нарезали? — еще издали заорал Калюкин, увидав телегу с грудой лозы. — Ну давай, давай, дедушка, плети, поторапливайся.

— Все в аккурат будет, — не спеша ответил дед и, сняв шапку, поклонился Сулину. — Далеко ли, Александр Моисеевич, поехали?

— В Каштымово, старик. В Каштымово... — ответил Сулин и, подмигнув Кирюшке, спросил: — Что, брат, и ты трудодни зарабатываешь? Ну, работай, работай... Это тебе не с пионерами трубы трубить.

«И что тебе дались эти пионеры?» — подумал смутившийся Кирюшка. Но пока он искал, что ответить, коңи дернули, и весь обоз со стуком и грохотом прокатил мимо.

— Вес-селый человек, — задумчиво пробормотал дед Пантелей. — Баа-льшая голова.

Справа, на залитых лугах, два рыбака ставили ме-
режи. Лодчонка у них была маленькая, вертлявая, и
Кирюшке казалось, что вот-вот она опрокинется.

— Ничего им не сделается,— объяснил дед Панте-
лей.— Это старик Сидор и Ермила хромой. Они сроду к
воде привычные. Ермила-то вовсе без одной ноги. Ногу ему
в солдатах оторвало. А как плавает! Одной ногой по воде
тырк, тырк, тырк, да так затыркает, что иной и с двумя
за ним не угонится.

— Дедушка? — спросил Кирюшка, вспомнив про вче-
рашнее.— А кого это на островке водой захватило? Он
бежит, бежит, добежал, повертелся да как кинется, а лед
хрр... хрр... А зачем он, дедушка, в ту сторону кинулся?
Я бы в эту, а он в ту...

— А кто его знает? Ошалел, должно быть, человек.
Я и сам не разберу: охотник — не охотник. Рыбу у нас
там тоже не ловят. И жилья там никакого нет, только
что оставался шалаш от покоса. Кто его знает? — от-
казался догадываться старик.— Кто-нибудь чужой, а не
наш, деревенский.

Они подъезжали к Малаховке. С треском и лязгом
навстречу выкатил трактор. Лошадка шевельнула ушами,
скосила глаза и, раздувая ноздри, зафыркала.

— Здорово, дед Пантелей, счастливый человек! —
озорно крикнул молодой кудрявый тракторист и крутанул
рулем, уступая дорогу.

— Здорово, Михайло Бессонов, непутевая голова! —
сердито ответил старик и стеганул заупрямившуюся ло-
шадь, чтобы бежала быстрее.

— Это и есть Мишка Бессонов? — спросил Кирюшка,
вспомнив вчерашние калюкинские ругательства.

— Он самый! — с сердцем ответил старик.— И всем
бы хорош... И сам собой и в грамоте силен. А вот, пойд
ты... Такой оголтелый! На рождество достал он где-то, пес
его возьми, монашью рясу, нацепил под клобук* волосы
и приходит в избу. Стал у порога и славит: «Рождество
твое, Христе боже наш, воссияй миру свет разума...»
Ну, кончил славить. Поздравил с праздником... Я, конечно,
и говорю старухе: проси к столу, как заведено, закусить,
конечно... выпить. Выпил он стопку, выпил другую, покло-
нился, да и марш дальше. А потом, когда моя старуха
узнала, так чуть меня со свету не сжила. А я-то при чем?
Ну монах, думаю, и монах...

Но Кирюшка, которому очень понравилось такое забавное дело, громко рассмеялся. И вдруг ему показалось, что, может быть, этот Мишка Бессонов вовсе уж не такой плохой человек.

Улыбнулся и дед Пантелей. Он погрозил Кирюшке кнутовищем и, останавливая лошадь, сказал:

— Ну, я здесь отверну. А ты беги. Приходи в другой раз... корзины плести научу. Да только смотри: в избу в шапке не заходи, а то у меня бабка беда какая строгая. Сразу выгонит.

По пути Кирюшка заглянул на скотный двор. Там, возле злого рогатого быка, он увидел Любку. Бык крутил мордой и пытался боднуть Любку, которая поливала его спину какой-то зеленой жижей и растирала жижу щеткой.

— Иди помогать. Подержи-ка ведро,— предложила Любка, и, ловко увернувшись, она крепко стукнула кулаком по могучей бычьей шее.

Но Кирюшка таких рогатых быков не любил. Он показал Любке язык и побежал домой, потому что очень захотелось ему поесть.

Только что завернул он за пожарный сарай, как увидел, что прямо навстречу катит Степашка — тот самый паренек, который вчера по приказанию Фигурана должен был бить его, Кирюшку, «до самой смерти».

Заметив Кирюшку, Степашка остановился. А Кирюшка с полного хода повернул обратно и, преследуемый победными криками Степашки, стремительно помчался куда глаза глядят.

Опомнился он только возле кузницы.

В непросохшей кузнице было чадно и дымно. Кроме Матвея, там работали еще двое.

— Что тебе? — спросил Матвей у Кирюшки, который потихоньку остановился в углу.— Иди, иди, тут тебе нечего толкаться.

Запыхавшийся Кирюшка стоял молча, и на глазах у него заблестели слезы.

— Что тебе? — уже мягче спросил Матвей.— Тебе доктор толком гулять велел, а ты... то ночью обляпанный да разодранный приперся, то в чаду да в дыму торчишь... Тоже, кузница!.. — с досадой добавил он, вытирая рукавом замазанный лоб.— В такой кузнице только при царе Ду-даре чертям вилы ковали.

— Мальчишка там,— негромко ответил Кирюшка.—

Я бегу домой, а он бежит навстречу и драть меня хочет.
— Это дело серьезное,— согласился Матвей. И, кинув в горн железную полосу, он подошел к Кирюшке.— Большой мальчишка?

— Большой, дядя Матвей.

— А как большой?

Кирюшка запнулся.

— Ну, какой я, такой и он.

— Вот что, Кирилл,— сказал Матвей, провожая Кирюшку до двери,— ты мне голову не морочь. Я тебе в няньки не нанимался, да и ты не генеральское дите. У меня и без тебя дела много. Сам видишь... это что?

И Матвей показал туда, где возле стены лежала целая грудa борон с вырванными зубьями, разобранные плуги, диски, колесные шины и еще какие-то кривые, почерневшие железины.

— Беги,— приказал Матвей,— да скажи хозяйке, что обедать я только к ужину приду.

Кирюшка нахлобучил шапку и покорно побежал в гору. У пожарного сарая он остановился, настороженно оглядываясь по сторонам. Нечаянно обернулся он назад и тут увидел, что Матвей все еще стоит у двери дымной кузницы и пристально смотрит вдогонку.

Весело гикнул тогда Кирюшка и смело примчался к дому, где добрая Калюкиха навалила ему целую миску жареной картошки и налила в чашку холодного молока.

Днем Кирюшка соснул, а к вечеру, когда болтливая Калюкиха ушла к соседке, он достал чернила, бумагу и сел за письмо.

Письмо вышло бестолковое. Начал он с того, как влезли они в поезд. Но вскоре решил, что это не самое главное, и, не дожидаясь отправления поезда, он перескочил на малаховскую дорогу.

Однако путь в Малаховку от станции был не близкий, и, еще не доехав полпути, Кирюшка остановился посреди самой грязи и решил, что пусть дальше мать сама добирается как хочет. Потом он взялся описывать наводнение. Здесь дело шло складно и споро.

Но тут, испугавшись курицы, которая сердито клюнула его в хвост, вертлявый серый котенок вскочил на стол и опрокинул чернильницу. Чернила залили и острова, и хату деда Пантелея, а вместе с ними и всю Кирюшкину охоту продолжать это неудачливое письмо.

Тогда он коротенько дописал: «До свиданья, дорогая мама. Крепко целую и кланяюсь, а скоро напишу еще».

Потом он запечатал конверт, сунул в карман и полез под стол за паршивым котенком, чтобы потыкать его мордой в пролитые чернила.

Из-под стола котенок шмыгнул под лавку. Из-под лавки скакнул за печку. Из-за печки — на печку. Но все равно не уйти бы ему от разгневанного Кирюшки, если бы в избу не забежала Любка.

Она крепко осадила Кирюшку, сбросила грязный кожух, сдернула с гвоздя чистую поддевку. И, наспех поправляя растрепанные косы, спросила, где мать.

— У соседей,— ответил Кирюшка и, надувшись, спросил: — Ты чего толкаешься? Думаешь, если здоровая, так и толкаться? Я вот скажу дяде Матвею, он тебя толкнет...

— А провалишься ты со своим дядей Матвеем! — огрызнулась Любка.

Зачерпнув воды, она быстро сполоснула испачканные кровью ладони, накинула поддевку и, хлопнув дверь, выскочила на улицу.

«Что это дядя Матвей долго не идет? — с тревогой подумал Кирюшка.— И Любка как ошалелая. Отчего это руки в крови? Бык ее забодал, что ли?»

Кирюшка покосился на темное окошко.

Небо в тучах. Ни вчерашних звезд, ни золотой луны не было.

«То ли дело в городе,— вспомнил Кирюшка.— Глянешь на улицу — фонари. Трамвай — трры-трыы... Автобусы — буу...уу... А здесь темно, тихо... Хоть бы Калюкиха скорее пришла».

Хитро щурясь, с печки смотрел зеленоглазый котенок.

— Кисынька, кисынька,— жалобно поманил Кирюшка, которому очень захотелось, чтобы хоть котенок посидел с ним рядом.

Но котенок не шел. Должно быть, боялся, как бы не потыкали.

Тогда Кирюшка запустил в котенка валенком и тотчас же кинулся вытирать со стола чернила, потому что услышал приближающиеся голоса.

Вошли Калюкиха, Любка, а за ними Матвей.

Пока Матвей умывался, Любка рассказывала, и Кирюшка так ее понял:

Вышла Любка к околице, вдруг слышит — кто-то идет и охает. Подняла Любка палку и окликнула, кто такой охает? Смотрит, а это тракторист Мишка Бессонов. И голова у него вся в крови. Задрожала тогда Любка и спрашивает: «Что с тобой, Мишка? Или спьяну?» — «Нет, — говорит Мишка, — не спьяну. Беги, Любка, кликни народ. У амбара замок сбит. Два чувала зерна в грязи лежат*. Да какой-то дьявол меня сзади камнем по башке двинул».

И сорвала тогда Любка платок, завязала Мишкину голову, а сама скорее побежала сзывать народ.

— Мишке-то к ночи какое у амбара дело было? — недоверчиво спросила Калюкиха, кидая на стол полкаравая хлеба и плюхая миску с пересохшей картошкой.

— А он, маманя, с отцом вчера поругался. А сегодня, когда окончил норму, поехал на вчерашний участок — дай, думает, на самом деле посмотрю, неужели и правда, что шесть огрехов? Тут у него с трактором что-то случилось. Пока провозился, уже темно, а трактор ни тпру ни ну! Пошел Мишка пешком какой-то инструмент доставать. Проходит мимо амбара, а там вон что.

— «Ни тпру ни ну!» — передразнила Калюкиха. — Так и все у вас — ни тпру ни ну! А я вот думаю, как бы теперь отец в ответ не попал. Скажут то да се... да закрыл плохо, да замок худой...

Калюкиха промолчала, загремела по столу деревянными ложками и покосилась на Любку:

— А тебя, дуру, зачем к околице понесло? Или от туда к дому ближе?

Но Любке не понравился такой вопрос.

Любка сердито глянула на мать и, усаживаясь за стол, коротко отрезала:

— К болоту ходила — лягушек слушать. До соловьев-то, маманя, еще далеко.

*

Матвей молчал. Он нехотя ел картошку, и Кирюшке показалось, что он думает о чем-то своем.

Так оно и оказалось. Когда Любка исчезла, а Калюкиха вздула фонарь и пошла поить скотину, Матвей закурил и сел на край Кирюшкиной постели.

— Люди! — пробормотал он и крепко сплюнул в угол.

Он повернулся к Кирюшке и спросил: — Это не ты, Кирилл, случайно, из амбара два чувала с зерном выволок?

— Нет, дядя Матвей!..— испуганно отказался Кирюшка.— Я все время дома, я к матери письмо... я даже и не знаю, где амбар.

— Я и сам думаю, что не ты,— успокоил Матвей.— Вот подковные гвозди тоже... Как перетаскивались от воды, был мешочек, этак кило в пять. Искал, искал сегодня — нету мешочка. Вот, брат Кирилл! Доктор сказал, чтобы в поле... где покой. А сдается мне, что не туда мы с тобой заехали. Поле это — тут оно. А покоя я что-то мало вижу.

Матвей замолчал. Кирюшка молчал тоже. И вдруг показалось Кирюшке, что от Матвея чуть-чуть припахивает не то пивом, не то вином.

— А сегодня зашел я на базу,— продолжал Матвей.— Народ толкается не разбери-бери. Кто по делу, кто без дела. Вижу — умывальник. Снял я пиджак и умылся. Тут меня Федор окликнул. Подошел я к нему, поговорили. Вернулся, надел пиджак. Елки зеленые, что это карман легкий? Сунулся — бумажника нету. А в бумажнике билет профсоюзный да двадцать пять целковых денег. Вот тебе и широкое поле!

— Воры завелись,— сочувственно поддержал Кирюшка.— А ты бы, дядя Матвей, в милицию...

— Что милиция,— пробормотал Матвей.— Тут не в одной милиции дело.

Он бросил окурок в лохань и потрепал Кирюшку по плечу.

Это обрадовало Кирюшку. И ему тоже захотелось сделать Матвею что-нибудь хорошее.

— Дядя Матвей,— предложил он,— мне мать на дорогу пять рублей дала, да своих у меня рубль двадцать было. Ты возьми. На что они мне? А в город вернемся, тогда, может быть, отдашь.

Матвей встал и неожиданно рассмеялся.

— Спи, Кирюшка. Спасибо.— Он опять улыбнулся и посоветовал: — А мальчишек ты не бойся и не прячься. Кто прячется, тех всегда бьют. А ты сам напирай крепче. Все равно, мол, наша возьмет!

— Все равно наша возьмет! — на бегу размахивая палкой, гордо восклицал Кирюшка. — Врангеля* разбили, Деникина* разбили, Магнитострой построили, и еще кого-то разбили, и еще что-то построили. Так неужели же теперь бояться какого-то несчастного длинноухого Степашки!

Кирюшка бойко завернул к почтовому ящику и тут увидел Фигурана, который слюнявым пальцем заклеивал конверт.

Фигуран торопливо сунул письмо в щель и молча уставился на Кирюшку.

Это смутило Кирюшку. Он неловко затолкал письмо в щель и тоже остановился, не зная, как же теперь начать разговор.

— Что ты за человек? — совсем не обращая внимания на Кирюшкину палку, хладнокровно спросил Фигуран. — Вор ты или честный человек? По делу приехал или без дела? Умный ты или дурак? Говори смелее и не бойся.

Кирюшка обиделся:

— Разве дураки такие бывают? Это сам ты ночью как полоумный козел скачешь да орешь. Вот они какие бывают. А Степашке твоему дядя Матвей уши нарвет. Он кузнец. Он как грохнет кувалдой по наковальне, только огонь сверкнет. У меня отец тоже кузнецом был и мать — ударница. А у тебя отец кто? Пьяница! Сам я видел, как он пьяный ворочался. Я к тебе не лезу, и ты ко мне не лезь.

Фигуран дернул плечом, скривился и с издевкой спросил:

— Какой еще отец? Когда ты его видел? Да у меня и отца-то никогда не было.

— Так не бывает, — твердо возразил Кирюшка. — Бывает, что каких-нибудь дядей или тетей не бывает. А отец и мать у каждого человека обязательно бывают.

— Нет у меня отца, — упрямо повторил Фигуран и, сплюнув на носок своего рыжего башмака, со злорадством добавил: — И отца нет и матери нет. А есть у меня только один дед, да и тот кулак*.

— Значит, и сам ты кулак! — зло отрезал Кирюшка.

— Значит, и сам я кулак! — громко повторил Фигуран и, насвистывая какой-то несуразный, озорной мотив, отошел прочь.

Однако, когда за обедом Кирюшка рассказал о своей встрече, Калюкиха неожиданно вступилась за Фигурана:

— Врет он, какой там кулак! Мальчишке двенадцатый год, отец его пастухом был. Отца нет, мать в больнице лежит. Ну вот и закрутился. Дед этот, правда, раньше в кулаках ходил, а мальчишка горбатый, слабосильный, жрать надо. Вот он возле деда вроде как бы за работника и пристроился — колодки ему строгают, дратву сучит. Только дед он ему не родной.

— Он меня убить хотел, — пожаловался Кирюшка. — «Бейте его, говорит, до самой смерти».

— Что ты, что ты! — ахнула Калюкиха. — Ну и озорник! Да ты ему не верь, парнишка. Он такой выдумщик... Он здоровых мужиков иной раз так на смех поднимет, что дальше некуда. Всюду вертится, крутится. Чуть что заметит, раз-два — составит песню. А ее ребятишки перехватят... Глядишь, и нет человеку прохода... Ах ты негодник! — продолжала волноваться Калюкиха. — Нет, обязательно надо деду сказать. Пусть отдерет хорошенько. Убить... Разве же такими словами шутят?

Сначала Кирюшка обрадовался. Но вдруг он заворочался, поперхнулся кашей и, запинаясь, отказался есть.

— Не надо деду... Вот еще! — Тут он покраснел еще больше, замотал головой и, отвернув лицо к окошку, сердито добавил: — Не надо деду... Вот еще!.. Не хватало, чтобы за нас кулаки заступаться стали. — Он вытер рукавом показавшиеся от кашля слезы и виновато объяснил: — Что мне дед? Я и сам пионер. Он, Фигуран, горбатый, а у меня мускулы... во!..

Тут к воротам подкатила телега, и обрадованная Калюкиха бросилась к печке, потому что во двор вошел только что вернувшийся из Каштымова Калюкин.

Он был встревожен и неразговорчив.

Наскоро похлебав горячего, он отказался от гречневой каши и побежал разыскивать Мишку Бессонова.

Кирюшка был мастер. Он достал стамеску*, ножик и принялся выстругивать водяную мельницу-вертушку. Мельница вышла что надо.

Он замел веником щепки, стружки и через дверку коровника, через вишневый сад, мимо старой бани, сквозь

дыру забора выбрался к овражку, по которому протекал уже знакомый ему ручей.

Весело закрутилась и загудела Кирюшкина мельница. А Кирюшка-мельник притащил доску и стал налаживать плотину.

Скоро у него захолодали руки. Он натаскал сухих щепочек, немножко соломы, огляделся, достал спички и вздул костер.

Никогда раньше в городе не приходилось ему вздывать костер, и теперь Кирюшка рад был безмерно.

То он грел руки, то поправлял мельницу, то укреплял плотину, то рыскал, подбирая топливо.

Но вот костер зачал, затих и затух. Бросившись на колени, Кирюшка изо всех сил принялся дуть на оставшиеся угольки. Лицо его разгорелось и рот был полон дыма, когда костер затрещал и пламя вспыхло снова. Кирюшка поднялся, протирая обкуранные дымом мокрые глаза. Тер он долго, и когда наконец глаза открылись, он увидел, что наверху овражка, рядом с дырой в заборе сада, стоит все тот же Фигуран и смотрит вниз, на Кирюшкину работу.

Фигуран постоял, ничего не сказал и юркнул в дыру калюкинского сада.

— Черт его туда понес! — выругался испуганный Кирюшка. — Уж конечно, ябедничать за костер побежал. То-то теперь Калюкиха ругаться будет. Да и Матвей опять рассердится.

Он затоптал костер, двинул ногой плотину так здорово, что с шумом рванувшаяся вода свалила мельницу и бурливый ручей, покачивая на гребнях пены, унес ее навеки от печального Кирюшки в неведомые реки и моря.

Вернулся домой Кирюшка не скоро — все боялся, как бы не заругали. Вошел он потихоньку и очень обрадовался, что ни самого Калюкина, ни Матвея не было дома.

Но Калюкиха спросила его, не промочил ли он ноги и не хочет ли хлеба с молоком. И это показалось Кирюшке странным, потому что никогда не бывает так, чтобы сначала давали поесть, а ругаться начинали потом, а всегда сначала отругают, а потом уже дают поесть.

«Значит, Фигуран не нажаловался. Молодец Фигуран!» — похвалил Кирюшка, позабыв о том, что только недавно он и сам наябедничал на Фигурана Калюкихе.

Было уже совсем темно. Мужики еще не приходили.

Вдруг черная собака во дворе громко зарычала и зазвенела цепью.

— Это кого еще несет? — с неудовольствием спросила прилегшая отдохнуть Калюкиха.

Собака залаяла еще громче, но с улицы в окошко никто не стучал и хозяев не вызывали.

— Кого еще принесло? — уже с тревогой пробормотала Калюкиха, соскакивая с постели и торопливо распахивая окошко во двор.

Во дворе, заливаясь озлобленным лаем, черная собака яростно рвалась с цепи, но не к улице, не к калитке, а в сторону темного сада.

Калюкиха прикрикнула на собаку и захлопнула окошко.

— Зря брешет. Должно быть, чужой пес в сад забежал. Летом — тогда мальчишки за вишнями лазят. А сейчас кому там надо?

Собака притихла. Калюкиха улеглась. Кирюшка спрятался на свое место, за печку.

Вскоре пришли Матвей и Калюкин.

Калюкин был веселее, чем за обедом.

— Все цело, — рассказывал он, — даже два порожних мешка в прибытке. Я эти мешки от грязи вымыл и высушил. Мешки крепкие, новые. Не иначе, как тоже где-либо сворованы.

— Воры-то не на примете? — спросил Матвей. — У меня на заводе папиросный окурочек не пропадал. А тут... на-ка, бумажник сперли!

— Вот народ! Вот народишко! — рассердился Калюкин. — У своих прут, у чужих воруют. А не думаю я на наших... Обязательно это кто-либо из городских.

— Из каких городских? — не понял Матвей. — Городских-то у вас на селе, кроме нас, много ли?

— Что ты... Что вы! — смутился и обиделся Калюкин. — Разве я про таких? Я про тех, что когда стали у нас с трудоднями нажимать: кто, мол, не работает, тому и нет ничего, — так мало ли, думаешь, лодырей в город утекло. А в городе — сам знаешь... Туда он сунется, сюда. Там паек урвет, там спецовку, здесь задаток. А вот нынче, когда стали заводить паспорта, то и спрашивают: «Где работаешь? Сколько работаешь? Ах, и там и тут без году неделю?» Да как турнут их всех обратно, по домам. Москва, говорят, хотя город и богатый, а

дармоедов крепко не любит... Разбуди-ка ты меня, Маша, пораньше,— попросил он Калюкиху.— Мне завтра опять в Каштымово. Там хлопот, надо думать, на целую неделю. А дорога плохая. Сегодня у Куракинской роши два ящика чуть в ручей не угодили.

— Сулин когда вернется? — спросил Матвей.— Мне без него не с руки. Вы бы его поскорей оттуда...

— Нельзя поскорей. Он человек хитрый, напористый,— быстро раздевшись и шмыгнув под одеяло, ответил Калюкин.— Дня через три, надо думать, вернется.

И Калюкин проворно повернулся к стене, укрылся с головой и почти тотчас же захрапел.

В избу с корзиной вошел дед Пантелей.

— Спит, что ли? — спросил он, кивая бородой на Калюкина.— Ну пускай спит. Корзину я оставляю. Встанет, пусть посмотрит, такая ли. А то наплетешь, ан и задаром.

— Отдохни,— предложил Матвей,— садись, старик. Куда торопишься?

— Мне не время,— присаживаясь на лавку, ответил дед Пантелей.— Мне на караул идти. Ночью я керосин караулю. Паяк мне за это, тридцать пять рублей да зимой тулуп с валенками. Посидишь в избушке, выйдешь — хорошо, тихо. Обошел — опять в избушку. Керосин — не хлеб: тут воров бояться нечего. Как затарахтят колеса, выйдешь к подводчикам: «Эй, ребята!.. Гляди, с куревом потише!» Те, конечно, сигарки в рукав, коней кнутом. А там кури в поле сколько душе мило. Я и сам раньше потихоньку этим делом баловался. Да как-то старуха табак нашла, чуть из хаты не выгнала. Крепко сердитая она в тот год ходила.

Дед Пантелей тихо рассмеялся и поднялся с лавки.

— А в нынешнем году подобрела она, что ли? — спросил улыбнувшийся Матвей.

— Как не подобрать? И теперь год, да, гляди, не тот. На сытой жизни всяк поболеет. Хлеба заработали, свинью завели, козу. Старуха — а восемнадцать трудоней заработала. Жизнь теперь у нас кругом тихая, мирная.

— А замок у амбара отбили!.. Это что же, мирная?

— Что замок,— не задумываясь, ответил дед Пантелей,— так это озорство. Должно быть, парни спьяну покуражились. Кабы теперь голод! А то давай работай — пуза не нарастишь, а сыт, одет будешь... Так спроси,

милый человек, про корзины. Я тогда скоренько наплету. Гривен, думаю, по семи положит. Семь на двадцать — это четырнадцать... Да козу продам, да еще как-нибудь — вот тебе и телка. Коза, сколько ее ни корми, все козой останется. А из телки, глядишь, и корова.

— Душевный старик, — сказала Калюкиха, когда дед Пантелей вышел. — Все-то ему хорошо, всему-то радуется. И то сказать, — заваливаясь в постель, добавила она, — работников у них нет: он да старуха. Мы-то еще, может, как-нибудь, а ему, если как бы по-старому, то одна дорога: срубил две клюки, сшил две сумы, да и пошел со старухой по миру... Вот чертова девка Любка! — неожиданно рассердилась Калюкиха. — И где-то ее каждый вечер носит?

— Дело молодое, пусть гуляет, — снимая сапог, объяснил Матвей.

— Замуж, боюсь, не выскочила бы, — помолчав немного, ответила Калюкиха.

— Ну и пусть выходит. Тебе-то что?

— Жалко, — созналась Калюкиха. — Кабы за хорошего человека, это еще туда-сюда. А то ведь сама атаманка да приведет еще, как это говорится, с черного крыльца веселого молодца! Куда я тогда с ними, с такими, денусь?

— Она девка толковая, — успокоил Матвей. И, раздумав ложиться, он опять обулся.

— Это что и говорить, — согласилась довольная Калюкиха. — Девка — огонь... Умница. На скотном дворе у нас — первая ударница.

Спать Матвею не хотелось никак. Он вышел на улицу и пошел наугад. Кое-где еще в окнах блестели огоньки. Где-то очень далеко играла гармошка. Лаяли собаки. А черное небо сверкало неисчислимым множеством удивительно ярких звезд.

Постепенно непонятное и беспокойное чувство глубже и крепче охватывало Матвея. Он растерянно высморкался, но это не помогло. Тогда он закурил, откашлялся, сплюнул, но и это не помогло тоже.

— С чего бы так? — удивился Матвей и, внимательно осматриваясь по сторонам, пошел дальше.

У пригорка, где чернели две корявые березы, он остановился. Гармоника играла тише. Собаки лаяли глуше. И только небо горело звездами все так же ярко.

Только тут Матвей вспомнил, что много лет назад

так же вот, при звездах, но и при винтовке, настороженно оглядываясь, шел он в разведку по чужому, незнакомому селу.

«Черт те что! А ведь долго просидел я в городе,— понял Матвей.— А в городе из-за фонарей звезды плохо видны».

Он зашагал дальше. Беспокойство прошло, но что-то осталось. И через минуту Матвей уже думал о том, что завтра же надо поговорить с председателем колхоза, который, с тех пор как сдохла у него корова, не то ослеп, не то сдурел, а только плохо что-то смотрит он по сторонам.

*

Когда Кирюшка продрал глаза, то увидел, что на столе лежит картофельная лепешка, коровий студень и печеная репа. Все это очень понравилось Кирюшке.

Поэтому он быстренько оделся, умылся и сел на лавку. Тут в окошко стукнула какая-то баба. Калюкиха отворила фортку. Что-то ей там сказали, и Калюкиха, накинув платок, кликнула Кирюшке, чтобы он подождал Любку, а сама пошла к соседке.

И это Кирюшке понравилось еще больше.

Для начала он решил съесть лепешку, потом репу, а самый вкусный студень оставить напоследок.

Он сидел перед столом, спиной к двери, и уже доканчивал лепешку, как в сенях послышались шаги.

«Любка идет»,— подумал Кирюшка.

Он торопливо проглотил последний кусок и решил, перескочив через репу, приняться сразу же за студень, так как знал, что эта Любка и сама поест не дура.

Он потянулся к миске, выбирая кусок получше. Выбрал, торопливо поддел ножом и потащил. Но трясущийся кусок, как нарочно, хлюпко шлепнулся на середину стола. Кирюшка виновато улыбнулся и увидел, что никакой Любки нет, а прямо у порога стоит и смотрит на него Фигуран.

И это уж совсем не понравилось Кирюшке.

— Тебе чего? — грозно крикнул испугавшийся Кирюшка, вообразив, что Фигуран нарочно прятался всю ночь в саду, поджидая, пока он, Кирюшка, останется один.

— Деньги подавай,— спокойно ответил Фигуран.

— Какие деньги? — с дрожью переспросил Кирюшка, решив, что этот проклятый Фигуран уже как-то успел разузнать про ту самую пятерку, которую подарила Кирюшке на дорогу мать.

— Четыре с полтиной за сапоги, вот какие, — невозмутимо продолжал Фигуран. — А то дед пьяный лежит: скажи, говорит, коли тебе не отдадут, то сам приду.

— Нет хозяев, — важно ответил успокоенный Кирюшка и потянулся к упавшему куску студня.

— А коли не ты хозяин, так зачем же орешь? «Чего тебе да чего?» Ладно, я подожду, — добавил Фигуран и сел за стол напротив Кирюшки.

Кирюшка отложил студень и молча принялся за репу. Фигуран тоже замолчал, и занятому едой Кирюшке не было заметно, с каким аппетитом посматривал Фигуран на богатый Кирюшкин завтрак.

Вдруг Фигуран облокотился на стол и, глядя куда-то вкось, на вешалку, что ли, равнодушно сказал:

— А здорово ты тогда палкой Степашку свистнул. Уж он выл, выл! Да еще отец ему тычка дал. Вы, говорит, разбойники, все окна мне булыжниками повышибаете.

Кусок студня так и задрожал в Кирюшкиной руке. Недоверчиво, но радостно посмотрел он на Фигурана. Не врет ли? Но, по-видимому, Фигуран не врал.

— Так это... это разве был Степашка? — взволнованно и почти заискивающе спросил Кирюшка у Фигурана, который вдруг показался ему очень хорошим человеком на этом свете.

— А то кто же? — все так же бесстрастно продолжал Фигуран, лениво поднимая со стола кусочек студня и рассеянно запихивая его в рот. — Он самый и был. Он в тебя глиной — раз, раз... а ты как свистнул палкой, так прямо ему по шее. Сам приходил, жаловался: «Ох, говорит, и здорово!..» — Фигуран улыбнулся, подобрал еще крошку и насмешливо посоветовал: — А ты его не бойся. Он и сам тебя боится.

— Я и не боюсь, — твердо ответил Кирюшка. И, запнувшись, он предложил: — Если хочешь, ты тоже ешь студень. Мы немножко сами поедим, немножко и Любке оставим.

— И то разве съесть? — согласился Фигуран и жадно хапнул кусок пожирней и побольше.

Но Кирюшке теперь было все равно. Гордый своей

неожиданной победой над Степашкой, он подобрел, заулыбался и охотно рассказал Фигурану почти всю свою жизнь.

Рассказывал он горячо, но бестолково. То про отца, то про собаку Жарьку, то про свой огромный завод, то про таинственный темный планетарий, где послушно движутся луна, солнце, кометы и звезды. Потом научил Фигурана, как можно пробраться без билета в кино. Потом рассказал про грозный октябрьский парад, где скакала на конях, гудела на аэропланах и гремела танками могучая Красная Армия. А кстати похвалился и тем, что видел он однажды настоящего, живого Ворошилова. И хотя тут Кирюшка приврал немного, потому что видел он Буденного, однако это уже не так важно, потому что Буденный хотя и не Ворошилов, но все равно... Пусть только попробуют нас тронуть! Он тогда — и Буденный им тоже... Ого-го!

— Студень-то мы весь сожрали,— неожиданно перебил Фигуран.— Вот придет Калюкиха, она теперь задаст.

Раскрасневшийся Кирюшка замолчал. Действительно, ни лепешки, ни репы, ни студня на столе не было. Он смутился, почувствовал, что нечаянно получилось оно как-то не так. Но горевать было уже поздно. Он сдвинул брови, подумал и вполголоса предложил:

— А ты беги пока, Фигуран, будто ты еще не приходил. А я крошки на пол покидаю и сам пойду на двор играть. Она придет, а я скажу: «Не знаю... Должно быть, это ваша кошка сожрала».

— Кошки такой студень не жрут. Собака — та еще сожрет, а кошкам он ни к чему.

— Вкусный ведь,— недоверчиво возразил Кирюшка.— Там и кожа и мясо.

— Там перцу напихано, чесноку да луку. Разве же это кошачье? Ты уж лучше сиди и не ври... А вон и Калюкиха идет.

Но, к счастью, Калюкиха была чем-то расстроена. Она сердито сунула Фигурану четыре с полтиной, схватила ведро и вышла во двор.

Воспользовавшись этим, Кирюшка кое-как накинул пальтишко и вслед за Фигураном выскочил на улицу. Здесь они оба остановились.

Теперь оставалось или идти вместе, или расставаться. Кирюшке хотелось вместе. Фигуран молчал.

Кирюшка сунул в карман руку и нащупал там два куска сахара. Он положил сахар на ладонь и протянул Фигурану, чтобы тот выбрал сам.

Не раздумывая, Фигуран схватил кусок побольше, сунул его за щеку и нахмурился.

— Ты добрый, только ты дурак! — сердито пробормотал он. И не успел еще Кирюшка обидеться, как Фигуран решительно дернул его за рукав: — Пойдем. Я только забегу, деду деньги отдам. А там прихватим еще кого-нибудь и айда в Чарабаевскую рощу — на льдинах кататься.

Кривыми улочками, через чужие дворы, через разгороженные сады они быстро добежали до того самого домика, возле которого очутился Кирюшка после ночного боя.

— Подожди, — приказал Фигуран. — Я скоренько.

Кирюшка остановился. Теперь он увидел, что изба эта вовсе не такая маленькая, какой показалась ему ночью. Изба была узкая, но длинная, перегороженная на две половины. Окна второй половины были наглухо забиты, а дверь, выходившая к саду, крест-накрест заколочена трухлявыми досками.

Кирюшка постоял, посмотрел на голубей, которые суетливо ворковали у края проломанной крыши. Поймал черную муху, выползшую погреться на солнце. Подразнил прутиком толстого гуся, который важно шел вперевалку, как какой-нибудь генерал или царь, а Фигурана все не было.

«И чего копаются?» — нетерпеливо подумал Кирюшка.

Он зашел во двор и заглянул в окошко. И тут он увидел вот что: опять, как и в прошлый раз, лежал на кровати могучий пьяный старик. У изголовья стояла табуретка. На табуретке — стопка, пустая бутылка и огрызок огурца.

Вдруг дверь из сеней отворилась, и очень осторожно вошел Фигуран. Он нес целый огурец и две бутылки: пустую и почти полную. Потихоньку поставил Фигуран на табуретку пустую бутылку, положил рядом огурец, потом отлил немного водки из полной бутылки в пустую, откусил кусок огурца и, заткнув пробкой остаток водки, понес ее обратно.

Ничего не понял из всего этого Кирюшка, но ему показалось, что самое лучшее будет убраться от окошка подальше.

Вскоре выскочил и Фигуран. Молча, но весело махнул

он Кирюшке. Опять через мостики, овражки, сады — и ребята остановились перед воротами, за которыми слышалось какое-то похлопывание.

— Погоди! — сказал Фигуран и приткнулся глазом к щелке. — Ага!.. Тут он. Ну ладно!..

Лицо Фигурана сразу сделалось серьезным... Пожалуй, даже торжественным. Он выставил ногу вперед, поднял голову и громко запел:

Степашка, Степашка,
проклятый человек!..
Степашка, Степашка,
проклятый человек!

Хлопанье во дворе сразу прекратилось. Фигуран замолчал тоже. Кирюшка двинулся было посмотреть в щелку, но Фигуран потихоньку оттолкнул его за уступ.

Во дворе опять захлопали.

— Степашка, Степашка, проклятый человек! — снова громко и торжественно запел Фигуран.

— Ну, что тебе? — послышался из-за ворот жалобный и негодующий отклик.

Фигуран молчал.

— Ну, что тебе? — завопил из-за ворот тот же голос. И кто-то быстро побежал к калитке.

— Чего дома сидишь? Выдь на минутку, — позвал Фигуран.

За воротами помолчали.

— Выдь, говорю, на минутку. Дело есть.

— Да!.. А ты опять чего-нибудь...

— Чего опять? Чего, чего?.. «Чего-нибудь»! — передразнил Фигуран. — Выдь, говорю. На бугре ребята ждут. Айда в Чарабаевскую рощу — на льдинах кататься.

— Я бы пошел, — высовываясь из калитки, заныл Степашка, — да меня мать перины выбивать заставила.

— А ты залетай в избу да и заори: «Маманька, маманька, я уже все выбил, больше не выбивается». Да что с тобой разговаривать? Не хочешь, и без тебя пойдем.

Но Степашка никуда не стал залетать. Он кинулся во двор, схватил висевшее у крыльца пальтишко, прошмыгнул под окошком, выскочил на улицу и прямо столкнулся с Кирюшкой.

— Стойте! — грозно приказал Фигуран. — Нынче драки не будет. Нынче будет игра.

Кирюшка посмотрел на Степашку, Степашка на Кирюшку, и оба нахмурились.

Но так как Фигуран уже тронулся, то раздумывать было некогда. И оба они, суровые, непреклонные, гордо понесли рысью в гору.

По пути встретили какого-то длинноносого Саньку, потом толстого Павлушку, потом еще сразу трех, потом еще сразу четырех. И целой ватагой пронеслись в поле.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Очень звонко трепетали в небе первые жаворонки.

Очень ярко сияло весеннее солнце.

И очень смело ринулся отряд ребят туда, где синела Чарабаевская роща, на тенистых прудах которой тихо плавали еще не растопленные солнцем, тяжелые голубые льдины.

Выбравшись к берегу, разделились на четыре флотских экипажа.

— Командовать буду я, — предупредил длинноносый Санька, подтягивая шестом громоздкую и неуклюжую льдину. — У вас — как хотите, а у меня — ледокол «Красин»*. А ну, матросы, запрыгивай на ледокол.

Матросы запрыгнули, но Фигуран обиделся.

— Почему — ты? Разве ты выдумал? Плевал я на твою команду!

— Я буду командовать, — строго повторил здоровенный Санька. — Уж не ты ли? Подумаешь, какой командир выскался.

Санька согнулся и, закинув голову, опустил руки, передрознивая горбатого Фигурана. Ребята засмеялись.

— Ладно, командуй, — пробормотал Фигуран и, кликнув Кирюшку со Степашкой, повел их вдоль берега.

Вслед за первой отчалила вторая льдина, потом третья, которая прихватила короткое бревно вместо мины. И давно уже вся эскадра ушла на средину пруда, а Фигуран со своим экипажем все еще возился у берега. Они выбрали совсем небольшую льдинку с высоким острым носом и добыли рваный рогожный парус.

— Мала очень,— замялся было осторожный Степашка.— У них вон какие махины... а у нас что?

— Стой да помалкивай! — огрызнулся Фигуран.— У них колоды, а у нас крейсер.

— Стой да помалкивай,— поддакнул догадавшийся Кирюшка и кинулся за Фигураном подбирать комья, чурки и палки.— Громить будем? — тихо спросил Кирюшка.— Так им и надо. Не они придумали.

Быстро и дружелюбно глянул Фигуран на взволнованного Кирюшку и молча кивнул головой.

Притащили на берег целую грудку всякой всячины. Оттолкнулись от берега, растянули по ветру рогожный парус, и легкий голубой крейсер быстро помчался догонять не поспевавшую измены эскадру.

— Что так долго? — повелительно окликнул Санька.— Не лезьте вперед, идите в хвосте, самыми последними.

Фигуран молча выпрямился, ловко метнул чурку и угодил Саньке прямо в живот. Санька взвыл, заскакал, но снарядов ни у него, ни у других кораблей не было.

Дважды с трех сторон окружала эскадра восставший крейсер. Но, подгоняемый ветром, легкий, увертливый, он прорывался через кольцо, не переставая беспощадно громить неприятеля.

На третий раз крейсер едва не погиб. Только что бледный, запыхавшийся артиллерист Кирюшка метко бабахнул по капитанскому мостику, как вдруг шест из рук Степашки выскользнул. И крейсер, неловко закрутившись, застопорил на месте.

— Мина! — отчаянно заорал Кирюшка.— Берегись, мина!

Но было уже поздно. Пока Степашка перехватывал шест, пока отталкивался, тяжелое, чуть виднеющееся над водой бревно ударило о левый борт. Крейсер накренился, и вся команда полетела на палубу.

— Бей из всех батарей! — закричал Фигуран и, схватив тяжелую палку, грохнул по опасному миноносцу.

Но это получалась уже не игра. Палка треснула Павлушку по затылку и сбила его фуражку в воду. В ответ с миноносца метнулся тяжелый шест и едва не сшиб Кирюшку за борт.

— Упадем! — захныкал Степашка.— Теперь поймают, крепко бить будут.

— Пусть сначала поймают,— буркнул Фигуран.— На-

тягивай парус. Стой, Кирюшка, и чуть что — бей остальных комьями.

Крейсер вздрогнул и под озлобленные выкрики преследователей быстро понесся в ту сторону, где виднелось устье неширокого канала.

— Уйдем,— подбадривал Фигуран.— Пойдем по каналу, завернем на круглый пруд, оттуда — к мостику. Когда еще они туда дотяпают!

И чтобы показать, что он нисколько не боится, Фигуран поднял шапку на шест и, гримасничая, подпрыгивая, громко заорал тут же сочиненную песню:

Санька жулик, Санька вор,
Санька курицу упер...
Это было в прошлом годе
На колхозном огороде!..

— Ловко я его? Ишь, как ругается. Так тебе и надо, куриный обжора! — громко заорал Фигуран.— Я еще не про такие твои дела спою.

Однако положение крейсера оказалось совсем неважным. Едва вошли в канал, как на пути появился плавучий лед. Пока лед попадался редко, кое-как еще маневрировали. Но когда завернули вправо, то сразу очутились посреди густого ледяного поля. А тут еще крейсер, уже поврежденный ударом мины, при первом же толчке содрогнулся, и поперек палубы протянулась угрожающая трещина.

— Пробиваемся к берегу! — скомандовал Фигуран.— А ну, нажимай, Степашка.

— Бить будут,— захныкал покрасневший от натуги Степашка.— Говорил — игра, а сам — по башке палкой.

Кирюшка молчал. Все еще не опомнился он от боевой горячки, все еще булькала перед ним вода, хлопал рогожный парус и обжигали лицо брызги холодной сверкающей воды.

Уже у самой земли льдина треснула пополам, и Степашка, неловко поскользнувшись, провалился по пояс в воду. Кое-как вытащили его на берег.

И было самое время. Уже догадавшиеся о том, что крейсер попал в беду, с шумом и грохотом вынеслись из за поворота преследователи.

Слева — вода, справа — кустарник и залитые водой

ямы: увильнуть было некуда. Окоченевший, мокрый Степашка в тяжелых, разбухших сапогах бежал медленно и жалобно вопил, чтобы его не бросали.

— Не ори, дурак! Не бросим! — зашипел Фигуран и, обернувшись, увидел, что долговязый Санька уже мчится вдоль берега впереди своей разъяренной команды. — Сюда! — напрягая последние силы, крикнул Фигуран и полез напролом через ямы, через обломки и груды мусора туда, где стояла посреди развалин заколоченная церковь Чарабаевского имения. — Сюда! — раздвигая сухой кустарник, показал Фигуран.

Они остановились перед узким решетчатым окошком почти у самой земли. Фигуран распахнул ржавую решетку и спрыгнул. Вслед за ним — Кирюшка и Степашка. Задвинули изнутри засов и по маленькой лесенке пробрались внутрь холодной, полутемной церкви.

— Пускай поищут, — сказал измученный Фигуран. — Не хнычь, Степашка. Скинь сапоги, выплесни воду.

Кирюшка сел на перевернутый ящик. Высоко, под куполом, пробиваясь сквозь разбитое окошко, блестели острые яркие лучи и озаряли пышную бороду седого и грозного старика. Рядом со стариком были нарисованы маленькие люди без ног и без живота, а только с головами да с крыльями. И Кирюшка сразу же догадался, что старик — это и есть самый главный поповский бог, а крылатые головы — это его ангелы.

С любопытством рассматривал Кирюшка яркие облупившиеся стены, позолоченные деревянные ворота и великое множество всяческих икон и картин.

На одной картине был изображен закутанный в простыню тощий черноволосый дяденька, который по длинной, как пожарная, лестнице проворно забирался на самое небо. На другой — какой-то генерал, а может быть, и царь, стоял перед святой девицей. И надо думать, что девица эта крепко ругала и царя и его гостей, потому что один гость становился уже на колени, а другой так и обалдел, разинув рот и сжимая в руке жареную гусиную ногу.

Потом он увидел картину, где святого старца запихивали головой в печку. И еще картину, где кого-то стегают плетью. И еще и еще разные забавные священные картины со святыми, с палачами, с ангелами и с хвостатыми и зубатыми зверьми.

— А где же черт? — заинтересовался Кирюшка.

Однако черт, вероятно, спрятан был где-либо в темном месте, и на глаза Кирюшке он не попадался.

Тогда Кирюшка спросил об этом у Степашки. Но Степашке сейчас было не до черта. Мокрый до пояса, грязный, продрогший, он никак не мог натянуть разбухшие сапоги.

Слышно было, как снаружи взбешенная Санькина команда старательно обыскивает кусты и закоулки вокруг церкви.

— Вот дурак! — рассердился Фигуран. — Мы на берег, а он — хлоп в воду! И что ты за несчастный человек, Степашка! То тебе палкой по шее, то в воду, то прошлой осенью голым местом в крапиву сел... А ты что рот разинул? — накинудся он на Кирюшку. — Костер разводить надо.

— А спички?

— Есть у меня спички. А щепок на полу сколько хочешь.

— А Санька?

— Плевали мы на Саньку. Что он, решетку вырвет, что ли?

— А сторож?

— Какой сторож?

— Ну, черный такой, бородатый, с дубинкой.

— Какой еще с дубинкой? Тут никакого сторожа нет. Ангелов ему сторожить, что ли?

Наломали трухлявых досок, наташили раскрашенных деревяшек, положили на каменную плиту и подожгли. Тысячами огоньков заискрилось и отразилось пламя на узорчатой позолоте разноцветной люстры, на посеребренных иконостасах, на подсвечниках и на пыльных стеклышках разноцветных лампадок.

— Снимай штаны и залезай на ящик! — скомандовал Фигуран. — Выжми да к огню — разом просохнут. Ну, что ты? Глаза выпучил?

— Да-а!.. А как же я без штанов? — покосившись на образа, завопил опечаленный Степашка. — Разве же здесь баня?.. Тут церква...

Фигуран плюнул.

— А что тебе церковь? — возмутился Кирюшка. — Бога нет. Святые — обманщики. Попы — жулики. У нас на заводе — в церкви кино, а на колокольне прожектор.

— Да ведь то кино... а то штаны скидывать, — засомневался Степашка. — Ну я скину, а в чем же? Так, что ли, голый?

— В мое пальто завернешься,— позволил Кирюшка.— А мне и так возле огня тепло... В бога только глупые верят. Да которых попы обманули,— усаживаясь рядом со Степашкой, продолжал Кирюшка.— Ну-ка, скажи, если бы был бог, разве позволил бы он советскую власть? Он грохнул бы молнией, да громом, да ветром затряс бы землю. Так бы все и повалилось. А то ничего не валится.

— А учитель рассказывал, что где-то на Кавказе один раз земля дрогнула и что-то там повалилось.

Кирюшка насупился:

— Так это что? Ну, дом какой-нибудь повалился, заборы. Так на их месте новые еще могут построить. Это просто землетрясение. А советскую власть все равно никогда не стрясет.

— А у нас к одной бабке пришел монах, попросил милостыню, а баба его тронула,— не унимался Степашка.— Вот он обернулся и говорит: «Баба, баба, не будет тебе теперь житья от бога!» И что ты думаешь? Прошло года три или четыре. Она уже совсем и позабыла. Пошла баба на свадьбу. Песни пела, с мужиками плясала. Одного только вина почти целый литр выпила. А ночью схватило у нее живот, да на другой день и померла. Вот он ей как правильно предсказал!

Но тут же Кирюшка совсем рассердился. Он облизал губы и сунул Степашке фигу:

— Вот еще предсказатель!.. Кабы она сразу грохнулась, а то через четыре года... Этак и я тебе сколько хочешь давай предскажу.

— А ну, предскажи,— ухмыльнулся Степашка.

— И предскажу. Все в точку. Ну вот... Вернешься ты сегодня домой, а мать увидит мокрое пальто да взбучку задаст. Не правда, что ли?

— Может, не заметит,— поеживаясь, возразил Степашка.

— Обязательно заметит,— злорадно продолжал Кирюшка.— Ну вот... придет лето — будешь ты по чужим садам да огородам лазить. Хозяева поймают да крапивой, да крапивой хорошенько. Ну, потом вырастешь, а потом обязательно помрешь. Всё, всё в точности предсказываю! — с азартом закончил Кирюшка.— Об чем хочешь давай спорить, что все так и будет. А ты мне «монах да монах»! У нас из города всяких монахов давно повыгнали. Это вот возле таких дураков, как ты, только им и житья осталось.

Взглянув на Фигурана, Кирюшка замолчал. Фигуран насторожился, приложив ладонь к оттопыренному уху, и показал ребятам кулак.

— Что ты? — шепотом спросил, испугавшись, Степашка и поспешно двинулся к костру за своими штанами.

— Кажись, Санька у решетки возится, — тихо ответил Фигуран. — Пусть попробует, все равно снаружи не отпереть.

Фигуран поднялся и на цыпочках, размахивая длинными руками, пошел к лесенке. Он спустился до половины, постоял и вернулся назад.

— Нет никого, — успокоил он. — Должно быть, кто-то торкнулся и ушел.

— Фигуран, — добродушно спросил Кирюшка, — а если твоя мать выздоровеет, ты все равно у деда будешь жить?

— Какой он мне, к черту, дед! — тихо и злобно ответил Фигуран и отошел прочь.

Ходил он долго, выбирая из рухляди чурки и щепки, а когда вернулся, то сел рядом со Степашкой и неожиданно предложил:

— Давай, брат Степашка, споем военную песню. А если он слов не знает, то пусть подхватывает.

— Да... А в церкви-то... — опять заколебался Степашка.

— Ну, балаболка, заладил: в церкви да в церкви... — И, чтобы подзадорить Степашку, Фигуран похвалил: — Ты, брат Кирилл, не смотри, что он с лица такой, как будто бы его чурбаком по макушке стукнули. А голос-то, голос... соловей-птица. Ну, запеваем! Как за синим лесом гром-гроза... — затянул Фигуран и резко подтолкнул Степашку локтем.

— Командир Буденный красным сказал, — даже неожиданно до чего звонко подхватил Степашка и, сощурив подслеповатые глаза, грозно нахмурился:

— Все ли вы на месте?

Скоро бой.

Трусы, с коней слезьте!

Храбрые — за мной!

Хорошая это была песня. Всегда от таких песен смелее шагал и прямее смотрел Кирюшка. А однажды, в Первомайский праздник, залез он на высокую стену, чтобы рас-

править красный флаг. И упал. И больно расшибся. И не плакал.

«Что плакать? Люди не от такого и то не плакали».

Под конец Степашка взял так высоко, что зазвеневшее эхо метнулось к самому куполу и вместе с парой испуганных ласточек стремительно умчалось через солнечный пролет разбитого окошка.

— А ты еще наврал мне, что кулак,— пристыдил Фигурана раскрасневшийся Кирюшка.— Это хорошая песня, советская. А кулак хоть сто лет пой, все равно у него такая не споется.

Внезапно Степашка взвизгнул и, выскользнув из-под пальто, кинулся к своим штанам.

— Черти! — отчаянно завопил он.— «Давай песню... песню»! А на задуг углем вон какую дыру прожгло. Теперь уж мать обязательно заметит.

— И что ты за несчастный человек? — опять удивился Фигуран.— И всегда тебе если не в лоб, то по лбу. А ну-ка, надень штаны.

Степашка натянул еще сырые, но уже теплые штаны и повернулся спиной к свету. Действительно, не заметить было трудно. Подштанников на Степке не было, и сквозь дыру очень ясно просвечивало голое тело.

— Гм,— откашлялся Фигуран.— Это действительно... — Он облизал языком губы, приумолк и вдруг придумал: — А мы возьмем да намажем под дырой сажей. Штаны черные, и кожа будет черная. Вот и не заметно. Потом придешь да потихоньку зашьешь. Наскреби-ка, Кирюшка, сажи. Дай я ему сам смажу.

— Да-а! По голому-то! А все ты... «Песню да песню»! А теперь — сажей,— растерянно бормотал Степашка.

— Так оно надежней будет,— успокоил Фигуран.— Ну вот и готово, совсем как у негра. Айда, ребята! Теперь домой можно.

Затоптали костер, и в церкви опять стало темно и холодно.

— Завтра опять соберемся,— предложил Кирюшка,— игру какую-нибудь выдумаем, шайку!

— Завтра мне никак нельзя,— твердо отказался Фигуран.— К завтраму дед проспится, а я еще дратвы да деревянных гвоздей не наготовил.

— И мне нельзя,— добавил Степашка,— завтра в Каштымове ярмарка. Отец с собой взять обещался.

Фигуран остановился. По-видимому, такое Степашкино сообщение отчего-то ему совсем не понравилось.

Он помолчал, потом молодежато присвистнул:

— Подумаешь, ярмарка! Ну что там интересного, на ярмарке? Грязища, мужики все на работе, какая там ярмарка — одни семечки! Я лучше завтра скоренько отделаюсь, а потом махнем все втроем к кривому Федору, на рыбалку: он ухой накормит, Кирюшка дома сахару стырит, чаю поьем — интересно...

— Карусель на ярмарке! — возразил заколебавшийся Степашка.

— Нету там никакой карусели, я вчера еще одного каштымовского спрашивал. И карусели нет, и тира нет. Говорю тебе, одни семечки. А не хочешь на рыбалку, так черт с тобой. Мы с Кирюшкой сами сбегает. Ты только, Кирюшка, стащи побольше сахару, мы там с тобой уху, чаю, а он — пускай за семечками по пузо в грязи шлепает. Сегодня штаны прожог, завтра вовсе сапоги потеряет, а послезавтра пускай ему Санька шею наколотит. Раз он от нашей компании отбивается, значит, и мы за него заступаться не будем.

— Да я не отбиваюсь, — уныло запротестовал Степашка. — Тогда и я тоже на рыбалку.

— Ну, раз тоже, значит, нечего и рассусоливать. Пошли, ребята.

Кирюшка немножко удивился тому, как быстро передумал Фигуран засесть завтра за работу. Однако на рыбалке он никогда еще не был и поэтому остался очень доволен.

Они спустились по лесенке, и Фигуран потянулся к решетке. Он постоял, посмотрел на ржавый засов и что-то пробормотал. Потом он обернулся и недоуменно взглянул на ребят, опять сунулся к решетке, запыхтел, присвистнул и развел руками.

— Ну, что ты? — нетерпеливо крикнул Степашка. — Давай вылазь поскорее.

— Кирюшка, — спросил Фигуран, — я в своем уме или без памяти?

— Н-не знаю... Должно быть, в своем, — не очень уверенно ответил Кирюшка, с удивлением поглядывая на точно обалдевшего Фигурана.

— Когда мы прыгнули, я засов задвинул?

— Задвинул.

— А ты, Степашка, видел, что я задвинул?

— Да видал же,— уже с дрожью ответил Степашка. И опасливо оглянулся в сторону темного коридорчика, который вел от заколоченного хода прямо за алтарь.

— Ну, так скажите мне, если все видели, что я задвинул, почему же сейчас засов стоит отодвинутый? Кто его трогал: бог ли, черт ли, ангелы?

Не дожидаясь ответа, Степашка распахнул решетку и одним духом вылетел наружу. Поспешно выбрался вслед и встревоженный Кирюшка.

— Бежим скорее! — подсказывая на месте и размахивая кулаками, торопил товарищей Степашка.

Но Фигуран не спешил. Он захлопнул решетку, лег на живот и просунул руку, примеряясь, можно ли внутренний засов отодвинуть снаружи. Оказалось, что нельзя никак. Тогда он поднялся, отряхнул с живота репье, мусор и, подойдя к глупому Степашке, постучал ему пальцем по взмокшему лбу:

— Ты, брат Степашка, не робей. Он верно говорит: и бога нет и черта нет, а чертовщина и от людей случается.

*

К обеду из Каштымова прикатил Калюкин. Он слегка прихрамывал, но под испытующим взглядом Калюкихи молодецкато прошел к столу.

— Это пустяки, мама. Там машина новая. А шофер молодой, глупый, как рванет да чуть не на зубья бороны. Ну, я, конечно, скорей... Ну, она, конечно, меня... Да что ты, мама, уставилась? У них керосину двадцать тонн не вывезено, а он покрышки прорежет... Любанька! Уважь отцу, истопи баню. Мне завтра с утра опять обратно, а все тело зудит, да и шею я дегтем где-то измазал.

Вошел Матвей. Увидев Калюкина, он улыбнулся:

— Здорово, ударник! Ну как, кончили?

— Завтра к вечеру всё кончим. Еще кое-что забрать осталось: фонари, провода, ключи, свечи, магнето... Здорово, дедушка Пантелей! Давай заходи! — высываясь в окно, закричал Калюкин.

Тут он насупился и потянулся свернуть сигарку. Но Калюкиха отодвинула пачку с махоркой и сунула ему ложку.

— Оно, конечно, слов нет, Сулин — человек башко-

витый. А я с ним не работник, — неожиданно заявил Калюкин. — Характеры у нас разные. Только сегодня каштымовский кладовщик со склада на минуту выскочил, а он мигнул да из ихней кучи связку поршневых колец выхватил, а им из нашей что похуже сунул. Тут вошел кладовщик. Я стою, лицо горит. И ругаться — себя срамить — неохота и совестно. Так я, будто бы у меня живот схватило, повернулся — и за ворота. А потом Сулин моими же словами смеется: «Что взбеленился? Не для себя взяли. Что у них для государства, то и у нас то же». А я ему отвечаю: «Вот именно, что у нас для государства, то и у них то же. А тебе, как и по-старому: только бы свой кусок засеять». Плюнул да и пошел, а рассердился он на меня, видать, крепко.

— Вам хватит, — успокоил дед Пантелей. — Нынче время такое быстрое, богатое. Сегодня нет, а завтра — на; получай — работай. Трактор у нас первый давно ли прошел? Как загрохотал, моя старуха на крыльцо выскочила, плюнула, три раза перекрестилась. А теперь их вон сколько. Я это-то сижу, спрашиваю: «Посмотри-ка, Ариша, Васька, что ли, на «фордзоне»* поехал?» А она высунулась да и отвечает: «Эх, старый, старый, какой же это «фордзон»? Он на «хетезе»* либо на «сетезе»* поехал. Видишь, что труба высокая». — Дед Пантелей покачал головой и тихо рассмеялся.

— Сулин у вас раньше председателем был? — спросил Матвей. — Дома у него кто остался? Семья, что ли?

— Никого не осталось. Сын у него на Сахалин уехал. Жена померла. Дом он как раз перед самой коллективизацией продал. Поеду, говорит, Днепрострой строить. А он по кузнечному мастер. Кузница наша раньше костюховской была. А он у него вроде как бы исполу работал*. Ссорились. Костюх напьется: «Моя кузница». А Сулин: «Мало что твоя, да я в ней хозяин». Один раз Костюх чуть ему шкворнем* башку не просадил. Зато уж потом, когда попал Александр Моисеевич в председатели, так он на Костюха с налогами насел, что Костюх взвыл только. Сразу за сулинского сына дочку свою замуж отдал. А раньше было ни в какую...

Разговор был прерван неожиданным шипеньем и грохотом. С печки слетел деревянный ушат, за ним с жестянкой на хвосте скакнул на спину Матвея ошалелый котенок, а вслед высунулось сконфуженное лицо Кирюшки.

— Все балуешься, дьяволенок! — сбрасывая котен-

ка, крепко выругался Матвей. — Тебя доктор со мной для баловства послал? Тебе сказано, чтобы спокой, а ты — вон что.

Ошалелый от звона жестянки, котенок птицей метнулся на шкаф, не удержался и, зацепив когтями старые колюжинские штаны, вместе с ними свалился в порожнюю кадку из-под капусты. А покрасневший, как пареный бурак*, смущенный и оскорбленный Кирюшка выскочил в сени. Все рассмеялись.

— Вот еще золото! — пробурчал Матвей и позвал Кирюшку.

Кирюшка не откликнулся.

— Не идет! Как бы реветь не начал, — забеспокоился Матвей. — Кирюшка! Поди сюда. Сейчас вместе в кузню пойдем... — И, как бы оправдываясь, он объяснил: — С ним нельзя строго. Доктор не велел. Да и так жалко мальчишку. Отец у него хороший человек был, свой, рабочий... Пойди сюда, Кирюшка, — уже совсем мягко позвал Матвей. — Вон Калюкин говорит, чтоб я тебя в Каштымово на ярмарку отпустил.

— Врать-то! — после некоторой паузы послышался из-за двери недоверчивый голос.

— Зачем врать? — подтвердил Калюкин. — Я и на самом деле возьму. Утром поедем, к вечеру вернемся. Ярмарка большая. Сегодня видал: карусель налаживают.

Это становилось интересным. Особенно после того, как Фигуран уверял, что никакой карусели не будет.

Кирюшка тихо высунулся из-за двери и, надувшись, не глядя ни на кого, подошел к Матвею.

— Рева! — удерживая его за руку, укоризненно сказал Матвей. — Не в отца пошел. Тот человек был крепкий... камень. Ну, иди. — Отпустив Кирюшку, Матвей повернулся к Калюкину: — Мы с его отцом в германскую в одном полку служили. Так, согласишься ли, окопы, грязь, тоска, голод, холод... Иные совсем обалдели как скоты. Куда идут? Куда ведут? А он, бывало, хлопнет меня пятерней по плечу — а пятерня здоровая: «Не робей, Матвей! Шагай крепче, а наша правда все равно наружу выйдет». Смелый был человек. Вот однажды послали нас с ним в соседнюю роту для связи. А погода была темная, грязная... Вдруг окликает нас офицер...

Почувствовав, что кто-то сжимает ему локоть, Матвей обернулся, поперхнулся и почти испуганно замолк.

Поблудневший Кирюшка стоял рядом и, широко открыв глаза, с огромной жадностью ловил каждое сказанное слово...

Да... Гм... Вот идем это мы, значит... Гм!.. А подайка мне, друг Калюкин, табачку... закурить... Что-то нынче табак плохой пошел, слабый: куришь, куришь — как солома... О чем это я... Да! Так пускай, Калюкин, он с тобой завтра на ярмарку поедет. Там то да се... Карусель. Беги-ка, Кирюшка, посмотри: кажись, чужая собака во двор забежала... Ду-рак! — выругался Матвей, когда Кирюшка тихо и послушно вышел за дверь.— Нельзя при нем про отца рассказывать. Болеет. Видали, как он глаза-то разинул?.. Хороший у него отец был,— скороговоркой dokonчил Матвей.— На таких-то людях советская власть строилась.

*

Кирюшка был очень обрадован. Правда, сначала смущал уговор идти завтра на рыбалку. Но он успокоил себя тем, что, во-первых, на рыбалку можно каждый день, а на ярмарку — не каждый. Во-вторых, Степашка и Фигуран бывали, конечно, на ярмарке уже сто раз, а он — еще ни разу.

Ему не терпелось, и он хотел, чтобы ночь пришла поскорее. Тотчас же после обеда он вычистил сапоги. Потом развязал узелок, достал чистую рубаху и раз десять вытаскивал подаренную матерью пятерку.

Калюкиха попросила его купить на ярмарке три иголки, а Любка наказала поискать полметра резиновой тесьмы и взять на почте два конверта.

Гордый оказанным доверием, Кирюшка важно переписал все поручения на листок и деловито сунул его в свой клеенчатый бумажник.

*

Вечером, уже после того как вымылся Калюкин, пришел Матвей и позвал Кирюшку в баню.

После бани, когда Матвей еще одевался, Кирюшка выскочил в сад.

Вечер был тихий, сырой, теплый.

На пригорке мерно поскрипывала старая мельница, и ее распластанные крылья показались Кирюшке лохматы-

ми и такими длинными, будто бы доставали они до самого неба.

«Как в сказке про великанов»,— подумал Кирюшка и покосился на черную гущу кустарника, где что-то хрустнуло, пискнуло и замолкло.

Рядом жалобно свистнула ночная пичужка, и, точно в ответ ей, совсем из другого угла три раза сердито каркнула чем-то потревоженная ворона.

И эта длиннокрылая мельница, и птичий разговор, и черный кустарник, и запах прелых листьев, и наполненная незнакомыми шорохами тишина — все было еще ново, непривычно и даже немножко страшновато.

«А что, если бы и на самом деле были черти, ведьмы, разные страшили? — подумал Кирюшка.— В городе им негде: там светло, трамваи, милиционеры. А здесь темно, тихо».

Он запахнул пальтишко и негромко позвал:

— Дядя Матвей, ты скоро?

Матвей не отвечал.

«А как открылся железный засов...— вспомнил охваченный страхом Кирюшка.— Разве же засовы сами открываются?»

Кирюшка быстро скакнул назад к бане, но тотчас же остановился, потому что под ногами громко треснула сухая ветка.

Вдруг через просвет кустарника он увидел в поле далекие движущиеся огоньки и услышал слабый, но очень знакомый шум.

— Трактора на пашне,— сам не зная почему, обрадовался Кирюшка.— Смотри, какие хорошие! — улыбнувшись, прошептал он.— С фонарями пашут.

И, прислушиваясь к ровному бодрому шуму машин, машин, к которым он привык на заводе с глубокого детства, Кирюшка рассмеялся над своими пустыми и случайными страхами.

— Может быть, это Фигуран нарочно отодвинул, чтобы попугать Степашку. Он, Фигуран, хитрый. Бога нет, черта нет. Степашка трус. А я буду смелый... Как папа...— добавил Кирюшка, вспомнив обрывок из недоконченного Матвеева рассказа.

— Ну! Что кричал? — появляясь из-за кустов, спросил запарившийся и отдувающийся Матвей.

— Так... ничего,— уклонился Кирюшка. Он взял

Матвея за руку и, шагая с ним рядом, неожиданно спросил: — А что, дядя Матвей! Ведь скоро у нас всего много будет. И отец мне говорил, что много, много...

— Чего много? — не понял Матвей.

— Ну всего: машин, аэропланов, стратостатов*.

— Конечно, все будет. И машины и стратостаты. А главное, чтобы жизнь хорошая была.

— И будет!

— Обязательно будет! — подтвердил Матвей. — Сам видишь, как кругом люди стараются.

И хотя Матвей сказал это так, вообще, но Кирюшка понял его по-своему и обернулся туда, где мерцали далекие огоньки и откуда все ясней и ясней доносился ровный, не-смолкающий шум.

Под однотонное ворчанье Калюкихи, которая не переставая поругивала опять запропастившуюся Любку, скоро и тихо заснул раскрасневшийся и усталый Кирюшка.

Поздно уже пришла запыхавшаяся и веселая Любка.

Прежде чем мать успела открыть рот, Любка сама выругала ее и за то, что на ночь не открыла форточку, и за то, что мать развесила в избе стиранные калюкинские подштанники.

— Работаем, как люди, а живем, как свиньи, — грубовато упрекнула она.

Сунула руку в карман, выложила перед матерью яблоко, горсть каленых семечек и, захватив с подоконника жестяную коптилку, собралась в баню.

— Керосину долей. Там на донышке. То-то промоталась! Поди-ка, вся баня остыла.

Любка потрясла коптилку: там чуть булькало. Но лезть в чулан за керосином ей не захотелось, она схватила узелок и ушла.

*

Проснулся Кирюшка не сразу. Сначала толстая Калюкиха выскочила в сени. Потом, громко стуча наспех обувью сапогами, выбежал Матвей, за ним — Калюкин.

Остервенело рванулась спущенная с цепи собака. Босиком заскочила в избу мокроволосая Любка и, накинув Матвеево пальто, умчалась обратно.

— Что же такое! Почему такое! — потирая глаза, забормотал Кирюшка. — Дядя Матвей! Любка!..

А случилось вот что.

Еще не успела Любка вымыться, а коптилка уже за-
чадила и потухла. Кое-как вымывшись, Любка села расче-
сывать мокрые волосы.

Вскоре наружная дверь скрипнула. В предбаннике
чиркнула, но не зажглась спичка, и Любка решила, что
это пришла мать и принесла свечку. Только что хотела
Любка ее окликнуть, как дверь отворилась и кто-то, тяже-
ло кашлянув, ввалился в мыльную.

Подумав, что это вернулся позабывший что-либо Мат-
вей, Любка окликнула, но в эту же минуту сверкнула и по-
гасла спичка, и при короткой вспышке Любка увидела
какого-то совсем чужого человека.

Тогда, не растерявшись, Любка схватила попавшуюся
под руку кочергу и со всей силой ударила перед собой.

Послышался крик, и, опрокинув кадку со щелоком, ноч-
ной гость выскочил в сад.

А Любка, высадив кочергой окошко, заорала так гром-
ко, что ее сразу услышали и Калюкиха и Матвей, а за ними
и сам Калюкин.

Когда все вернулись домой и мало-мальски успоко-
ились, то стали гадать, что бы это все могло значить.

— И какого черта носит в потемках,— тяжело дышала
и охала Калюкиха.— Недавно собака ночью так и рвалась
к саду. Говорила я тебе, Семен, сделать замок к коровни-
ку. А ты... ладно да ладно... Сведут корову, будешь тогда
помнить.

— Так разве-то Любка корова? — оправдывался Ка-
люкин.— Разве же в баню за коровами лезут?

Опять прикидывали и так и этак. Наконец порешили,
что это схулиганил кто-либо из парней. Благо в этот день
был праздник и кое-где ребята крепко подвыпили.

— И здорово ты ему кочергой съездила? — заинтере-
совался Кирюшка.

— Уж попомнит! — злорадно ответила Любка.— Не
знаю только, по плечу или по голове ему стукнула. А ко-
черга тяжелая.

Вскоре улеглись и потушили свет. Кирюшка уже спал,
когда на постель к нему тихонечко запрыгнул котенок. Ки-
рюшка втащил его под одеяло, положил около шеи и
погладил. Котенок ласково замурлыкал. Тут они оба по-
мирились за утреннее и крепко уснули.

В Каштымове Калюкин и Кирюшка заехали в «Дом колхозника» и здесь, в столовой, встретили Сулина, который пил чай.

Он был весел. Дал Кирюшке мятный пряник. Спросил про Матвея и предложил, чтобы Кирюшка обратно поехал на его телеге:

— У меня конь быстрый. Приходи часам к трем. Живо докатим.

Тут подошел и затараторил Калюкин. Кирюшка не успел ответить ни да ни нет и решил, что потом будет видно, с кем ехать.

— Значит, к трем часам! — предупредил Калюкин. — А если зачем-нибудь понадобится, то я на базе буду. Вон на горке красный сарай. Там на складе спросишь.

Они ушли, и Кирюшка остался один.

Заложив руки в карманы, Кирюшка неторопливо протискивался через ярмарочную толпу. Со столба хрипло и невнятно орало радио. На возах визжали поросята и гоготали связанные гуси. Взобравшись на сколоченный из фанеры автомобиль, какой-то дяденька громко убеждал покупать билеты Автодора.

Возле карусели уже толпились нетерпеливые ребятишки. Но карусель еще не вертелась, потому что куда-то запропастился музыкант, а без музыки никто не садился.

Сначала Кирюшке было не скучно. Но, проштатавшись с час, он почувствовал, что ему и не очень-то весело.

Он повертелся. Купил в палатке стакан орехов. С трудом осилил целую бутылку клюквенного квасу, остановился и задумался.

Повсюду шныряли ребятишки, они сталкивались, о чем-то советовались, спорили и опять разбегались.

И только Кирюшка стоял один, никому не нужный и не знакомый.

Он подошел к добродушному парнишке, который, сидя возле телеги, караулил мерку картофеля и оранжевого петуха, хотел заговорить и предложить орехов. Но паренек этот, очевидно, заподозрил в Кирюшке жулика и так серди-

то насупился, что глубоко оскорбленный Кирюшка поспешно отошел прочь.

Тогда, вспомнив о своих поручениях, Кирюшка решил разыскать для Любки полметра тесемки, а Калюкихе иголки.

Но, к великому огорчению, разыскивать не пришлось.

Тесьмы во всех палатках было сколько угодно, иголок — тоже.

«Плохо, когда один — и нет никого. То ли дело с товарищами», — размышлял Кирюшка.

С досады он выпил через силу еще стакан морсу и лениво побрел покупать марку.

На почте была толкучка. Кирюшка стал в очередь и вдруг увидел Фигурана.

Кирюшка до того растерялся, что выронил из рук двугривенный, и монета исчезла где-то среди чужих калош, ботинок, лаптей и сапог.

Фигуран сидел к Кирюшке спиной и, склонившись над столом, что-то писал.

Лукаво улыбнувшись, немножко рассерженный на обманщика, но больше обрадованный, Кирюшка заглянул через плечо и увидел, что Фигуран надписывает почтовый перевод на двадцать пять рублей.

Почувяв за собой постороннего, Фигуран обернулся, сдернул переводной бланк и взглянул на Кирюшку с такой злобой, будто бы Кирюшка был вор, негодяй, жулик, а не товарищ.

— Ты что? Тебе что тут?

— А ты что? — обозлился Кирюшка. — Сам на рыбалку звал, а сам сюда. Карусели, сказал, нет, а карусель есть. Сам ты жулик и врун.

— А ты кто? Ты тоже врун, — рассмеялся Фигуран. — Выходит, что один Степашка — честный человек. Попер, дурак, на рыбалку. Ты думаешь, это я на тебя крикнул, — уже дружелюбней объяснил Фигуран. — Я слышу, кто-то сзади подкрался... Может быть, и правда жулик. Ты зачем пришел? За маркой? Стало быть, в очередь, а я скоренько. Это дед одному человеку в Тулу посылает. А потом побежим на ярмарку... У тебя деньги есть?.. Хорошо! И у меня трешница. То-то будет весело!

Не очень-то поверил про деда Кирюшка, так как успел он разглядеть на бланке, что не в Тулу вовсе, а в Моршанск. Но до этого ему не было дела: хоть в Америку!

И обрадованный тем, что ссориться не из-за чего, он проворно затесался в очередь.

Вдвоем оказалось куда веселее.

А тут еще, пробираясь мимо возов овощного ряда, они наткнулись на Степашку.

Этот проклятый врунишка Степашка тоже, вместо того чтобы быть на рыбалке, сидя на возу, посматривал вниз так гордо, как будто бы сидел он не возле кадки с капустой и солеными огурцами, а охранял несметные и невиданные сокровища.

Через минуту, подскакивая и задирая встречных мальчишек, три друга мчались к карусели, откуда уже доносились шумный звон бубна и веселая музыка.

Плохо ли троим мальчуганам в солнечный день вдали от дома, на бойкой ярмарке!

Под гром буденновского марша лихо понеслись они на крутогривых конях.

Горбатый Фигуран, подбоченься, сидел орлом — ну прямо герой Котовский! С Кирюшки слетела на скаку шапка. А вообразивший себя казаком-джигитом Степашка вертелся в седле, как будто его посадили на горячую плиту.

Потом сбежали в тир.

Дважды убил Кирюшка толстомордого генерала. Крепко расправился Степашка с хищным тигром. И наконец метко бабахнул Фигуран по самому главному буржую — и свесил буржуй гнусную голову на свои набитые золотом мешки.

Потом захотелось есть, и они прошли в столовую. Как заправские гуляки, они заняли с краю отдельный столик, заказали на троих тарелку щей, шесть стаканов чаю и бутылку сладкого шипучего лимонаду.

Сидели долго. Уже несколько раз обертывался Кирюшка: «Не пора ли?» Но часы на глаза не попадались, а тут еще пришли слепые баянисты. И хорошо, что турнул ребятишек официант, чтобы они зря не занимали столик.

Расторговавшийся Степашкин дяденька уже нетерпеливо поджидал запропастившегося племянника. Ярмарка быстро пустела.

— Поедем с нами, — предложил Фигурану Кирюшка. — Калюкин добрый: он и тебя подсадит.

Они побежали в гору, но на базе им сказали, что Калюкин уже уехал.

Кирюшка спросил:

— Сколько времени?

Оказалось, что уже половина четвертого; как же так уже половина четвертого, когда еще совсем недавно было утро?

Помчались к «Дому колхозника», но там узнали, что и Сулин тоже только что уехал.

Кирюшка пал духом. Конечно, Калюкин решил, что Кирюшка поехал с Сулиным. А недождавшийся Сулин понадеялся, что Кирюшка с Калюкиным.

— Айда! — предложил Фигуран. — Мы догоним.

— Пешком-то?

— Пешком догоним. Они по тракту, а мы возьмем по тропке, прямо через кладбище, через овраг. Нам версты три, а им верст восемь. Как раз поспеем. Еще дожидаться придется.

Через полчаса ребята поднялись на бугор. Дорога в Малаховку пролежала вдоль опушки. Но, насколько хватало глаза, ни позади, ни впереди подвод не было.

— Говорил я тебе, дожидаться придется, — сказал Фигуран и лег на охапку теплой сухой травы.

— А может быть, уже проспали?

— Садись. Никуда не проспали. На автомобилях что ли?

Фигуран лежал и, чуть улыбаясь, смотрел в небо, как будто бы видел там что-то интересное.

Кирюшка тоже задрал голову, но ничего, кроме голубого, на небе не увидел.

— Ты чего, Фигуран?

— Что — чего? Ничего!

— Ну, ничего, — а все-таки?

Фигуран повернулся на бок и спросил:

— А что, Кирюшка, если бы ты был богатым, что бы ты сделал?

— Я бы не был богатым, — отказался Кирюшка. — На что мне богатство? Я и так работать буду.

— А я вот не могу работать. Какой из горбатого работник? Если бы я был правителем, я бы всех горбатых велел утопить. Какой с них толк: ни землю пахать, ни на аэроплане летать, ни в Красную Армию... Человек должен быть прямой, а не скрюченный... Обязательно всех, всех велел бы в речку покидать! — уже со злобой закончил Фигуран и пристально посмотрел в глаза Кирюшке.

— Тебя бы в сумасшедший дом посадили,— убежденно ответил Кирюшка.— У нас на заводе тоже был один истопник, так он разделся голый, залез в бочонок с мазутом и поёт, и поёт. Взяли его тогда и посадили.

— Дурак ты! — и рассердился и рассмеялся Фигуран.— Ему про одно, а он про... бочку.

— Ничего не дурак,— спокойно ответил Кирюшка и еще убежденнее заговорил: — А вот у нас на заводе Шама-рин — техник, тоже горбатый, а ему пятьсот рублей премии дали, орден да в парке статую с него слепили. Так прямо горбатого и поставили. Как живой... смеется. Он американский станок в слесарном поставил; никто не смог, а он смог. Что же, значит, по-твоему, и его утопить?.. Это пусть лучше буржуи тонут или лодыри, а рабочему человеку зачем? Он горбатый, а у него дочка не горбатая... Валька. У нас есть безрукий один — буденновец, и все его уважают: и директор и Бутаков. Это у буржуев так: им не жалко. На что им такой, когда у них и здоровенные не жравши ходят. Я все читал. У меня в школе за всю зиму ни одного неуда* не было, и только раз из класса за дверь выставили. Да и то понапрасну. Он думал, что это я Мишке Мешкову на затылок плюнул, но это вовсе не я, а Ванька Хомяков. А я только сидел сзади, подтолкнул и говорю: «Посмотри-ка, Мишка, у тебя на затылке плюнуто».

Все это Кирюшка выпалил с азартом, и сам, очень довольный, горделиво глянул на Фигурана.

Оттого ли, что было так солнечно и тихо, что почти торжественно звенели невидимые, будто прозрачные жаворонки, что пахло на земле первой травой, смолистыми почками, теплой весной, Фигуран вдруг как-то размягчился.

Сбежала прочь постоянно недоверчивая усмешка, и он улыбнулся просто, как все люди.

— Учиться нужно,— сказал Фигуран.— Я сам знаю. Мать у меня — прачка в Моршанске. Хорошо мы жили. Она да я — двое. Потом спину зашибло — давно в больнице лежит, второй год. Теперь пишет: скоро выздоровеет. Уйду я скоро отсюда, Кирюшка,— сознался Фигуран.— Обворую деда и уйду.

— Разве же можно обворовывать? — смутился Кирюшка.— Вот у Калюкина из амбара два мешка стянули... это разве хорошо?

— Сравнил попа с кобылой! — грубо ответил оскорбленный Фигуран.— Белобандит я, что ли: то амбар, а то

дед. Все равно он мне ничего за работу не платит.— Фигуран отвернулся.

Внимание их теперь было привлечено вышедшим из лесу человеком. Человек стоял далеко, и разглядеть его было трудно.

Вдали, на горке, показалась трусившая рысцой подвода. Человек отошел в сторонку и сел за кустом на пенек.

— Сулин едет! — воскликнул Кирюшка.— Это его лошадь белая. Побежим навстречу.

— На что? Сам подъедет. Давай ляжем, будто бы нас и нет вовсе.

Подвода приближалась. Вон проехала она через мосток, миновала разбитую березу, поравнялась с кустом и сразу остановилась перед заграждавшим ей дорогу человеком.

Видно было, как Сулин соскочил с телеги и развел руками. О чем-то они долго разговаривали, и, как показалось Кирюшке, Сулин ругался.

На горизонте показалась вторая подвода. Сулин оглянулся, оттолкнул незнакомца и вскочил на телегу.

Человек что-то крикнул, погрозив Сулину кулаком. Сулин опять прыгнул и, схватив коня под уздцы, круто свернул в лес.

Озадаченные ребята переглянулись и, выскочивши из засады, помчались вдогонку...

1934 <Москва — поселок Ивня Курской обл.>

Конец второй части.

ТАЛИСМАН

(Семен Бумбараш)

Повесть

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Бумбараш солдатом воевал с Австрией* и попал в плен. Вскоре война окончилась. Пленных разменяли, и поехал Бумбараш домой, в Россию. На десятые сутки, сидя на крыше товарного вагона, весело подкатил Бумбараш к родному краю.

Не был Бумбараш дома три года и теперь возвращался с подарками. Вез он полпуда сахару, три пачки светлого офицерского табаку и четыре новых полотнища от зеленой солдатской палатки.

Слез Бумбараш на знакомой станции. Кругом шум, гам, болтаются флаги. Бродят солдаты. Ведут арестованных матросы. Пыхтит кипяtilьник. Хрипит из агитбудки облезлый граммофон*.

И, стоя на грязном перроне, улыбается какая-то девчонка в кожаной тужурке, с наганом у пояса и с красной повязкой на рукаве.

Мать честная! Гремит революция!

Очутившись на привокзальной площади, похожей теперь на цыганский табор, Бумбараш осмотрелся — нет ли среди всей этой прорвы земляков или знакомых.

Он переходил от костра к костру; заглядывал в шалаши, под груженные всяким барахлом телеги, и наконец за углом кирпичного сарая, возле мусорной ямы, он натолкнулся на старую дуру — нищенку Бабуниху.

Бабуниха сидела на гряде битых кирпичей. В руках она держала кусок колбасы, на коленях у нее лежал большой ломоть белого хлеба.

«Эге! — подумал изголодавшийся Бумбараш. — Если здесь нищим подают колбасою, то жизнь у вас, вижу, не совсем плохая».

— Здравствуйте, бабуня, — сказал Бумбараш. — Дай бог на здоровье доброго аппетита! Что же вы глаза выпучили, или не признаете?

— Семен Бумбараш, — равнодушно ответила старуха. — Говорили — убит, а живой. Что везешь? Подай, Семен, Христа ради... — И старуха протянула заграбастую руку к его сумке.

— Бог подаст, — отодвигая сумку, ответил Бумбараш. [Ишь ты, как колбасу в мешок тыркнула.] — Нету там ничего, бабуня. Сами знаете... что у солдата? Ремень, бритва, шило да мыло. Вы мне скажите, брат Василий жив ли?.. Здоров? Курнаковы как?.. Иван, Яков?.. Варвара как? Ну, Варька... Гордеева?

— А не подашь, так и бог с тобой, — все так же равнодушно ответила старуха. — Брат твой по тебе давно панихиду отслужил, а Варвара... Варька твоя в монастырь не пошла... Лежа-ал бы! — протяжно и сердито добавила старуха и ткнула пальцем Бумбарашу в грудь. — А то нет!.. Поднялся!.. Беспокойный!

— Слушайте, бабуня, — вскидывая сумку, ответил озадаченный Бумбараш, — помнится мне, что дьячок вам однажды поломал уже ребра, когда вы слезали с чужого чердака. Но... бог с вами! Я добрый.

И, плюнув, Бумбараш отошел, будучи все же обеспокоен ее непонятными словами, ибо он уже давно замечал, что эта проклятая Бабуниха вовсе не так глупа, какой прикидывается.

До села, до Михеева, оставалось еще двадцать три версты.

Попутчиков не было. Наоборот, оттуда, с запада, подъезжали к станции всё новые и новые подводы с беженцами.

Говорили, что банда полковника Тургачева и полторы сотни казаков идут напролом через Россошанск, чтобы соединиться с чехами*.

Говорили о каком-то бешеном атамане Долгунце, который разбил Семикрутский спиртзавод, ограбил монастырь, взорвал зачем-то плотину, затопил каменоломни. Рубит головы направо и налево. И выдает себя за внука Стеньки Разина.

«Хоть за самого черта! — решил Бумбараш. — А сидеть и ждать мне здесь нечего».

Верст пять он прокатил на грузовой машине, которая помчалась в Россошанск забирать позабытые бочонки с бензином.

У опушки, на перекрестке, он выбросил сумку и выскочил сам.

Подпрыгивая на ухабах, отчаянная машина рванула дальше, а Бумбараш остался один перед тем самым веселым лесом, который с детства был им исхожен вдоль и поперек и который сейчас показался ему угрюмым и незнакомым.

Он прислушался. Где-то очень-очень далеко грохали орудия.

«А плевал я на красных, на белых и на зеленых!» — решил Бумбараш и, стараясь думать о том, что он скоро будет дома, зашагал по притихшей лесной дороге.

Смеркалось, а Бумбараш прошел всего только полпути. Но он не беспокоился, так как знал, что уже неподалеку должна стоять изба кордонного сторожа.

Навстречу Бумбарашу мчалась подвода. Лошадь неслась галопом. Мужик правил. На возу сидели две бабы.

Бумбараш, выскочив из-за кустарника, закричал им, чтобы они остановились. Но тут та баба, что была помоложе — рыжеволосая, без платка, — вскинула ружье-двустволку и не раздумывая выстрелила.

Заряд дробы со свистом пронесся над головой Бумбараша. И Бумбараш с проклятием отскочил за ствол дерева.

«Это не наши! — решил он, когда телега скрылась за поворотом. — Нашей бабе куда!.. Вот проклятый характер! Это, наверно, с Мантуровских каменоломен. Ишь ты, чертовка!.. Стреляет!»

Сумка натерла плечо, он вспотел, устал и проголодался. Он поднял палку и свернул с дороги. Кордонная изба была рядом.

Миновав кустарник, он прошел через огород. Было тихо, и собаки не лаяли. Бумбараш кашлянул и постучал о деревянный сруб колодца. Никто не откликнулся.

Он подошел к крыльцу. Перед крыльцом валялась разбитая стеклянная лампа, и трава пахла теплым керосином. Дверь была распахнута настежь.

Откуда-то из-за сарая с жалобным визгом вылетел черный лохматый щенок и, кувыркаясь, подпрыгивая, кинулся Бумбарашу под ноги.

— Эх обрадовался! Эх завертелся! Да стой же ты, дурак! Ну, чего пляшешь?

Бумбараш вошел в избу. Изба была пуста. Видно было, что покинули ее совсем недавно и что хозяева собирались наспех.

В углу валялась разорванная перина. По полу были разбросаны листы газет, книги; на столе лежала опрокинутая чернильница. Вся глиняная посуда в беспорядке была свалена в кучу. Печь была еще теплая, и на шестке стояла подернувшаяся салом миска со щами.

Бумбараш постоял, раздумывая, не лучше ли будет обратиться отсюда подальше.

Он заглянул в окно. Ночь надвигалась быстро, и небо заложили тучи. Он отодвинул заслонку печки. Там торчала позабытая крынка топленого молока.

Тогда Бумбараш сбросил сумку и скинул шинель.

— Ну, ты, черный! — сказал он, подталкивая собачонку носком рыжего сапога. — Раз хозяев нет, будем хозяйничать сами.

Он вынул из сумки ковригу хлеба, достал крынку молока и поставил на стол миску со щами. Ложка у него была своя — серая, алюминиевая, вылитая из головки шрапнельного снаряда.

— Ну, ты, черный! — пробормотал он, кидая собачонке кусок размоченного в молоке хлеба. — Мы ни к кому не лезем, и к нам пусть никто не лезет тоже.

По крыше застучал дождь. Бумбараш захлопнул окно, запер на задвижку дверь. Лег на рваную перину. Положил сумку под голову. Накрылся шинелью и тотчас же уснул.

Черная собачонка вытащила из-под печки рваный башмак. Потрепала его зубами, поворчала, уронила кочергу, испугалась и притихла, свернувшись у Бумбараша в ногах.

Вероятно, потому, что в избе было тепло и тихо, потому, что не мозолило бока жесткими досками вагонных нар и его не трясло, не дергало, не осыпало пылью и не обжигало искрами паровозных топок, спал Бумбараш очень крепко.

И, когда наконец его разбудил собачий лай и быстрый стук в окошко, он вскочил как ошалелый.

— Что надо? — заорал он таким голосом, как будто был здесь хозяином и его сон потревожил назойливый нищий или непрошенный бродяга.

— Командир здесь? — раздался из-за окна нетерпеливый скрипучий голос.

— Здесь! Как же! — злобно ответил Бумбараш. — Что надо?

— Бумагу возьми! — И чья-то рука протянулась к окошку.

— Какую еще бумагу?

— А черт вас знает, какую еще бумагу! Приказано передать — и все дело!

— Давай, чтоб ты провалился! — нехотя ответил Бумбараш и, просунув руку в фортку, получил измятый шершавый пакет. — Давай! Да проваливай!

— «Проваливай»! — передразнил его обиженный голос.

Потом затарахтела телега, и уже издалека Бумбараш слышал:

— Я вот скажу ему, что ты пьяный нарезался, лежишь и дрыхнешь. Я все расскажу!

Бумбараш повертел пакет. Но ни свечки, ни лампы в избе не было.

— Носит вас по ночам! Не дадут человеку и выспаться! — проворчал Бумбараш и цыкнул на собачонку, чтобы не гавкала.

Он зевнул, потянулся, по солдатской привычке сунул пакет за обшлаг рукава шинели и снова завалился спать. Долго ворочался он, но теперь ему не спалось.

В окошке уже брезжил рассвет, а вставать Бумбарашу не хотелось.

Он потянулся за махоркой, закурил, услышал, как под крышей застрекотали сороки. И вдруг, как-то разом, очнулся. Он вспомнил, что до родного села, до Михеева, осталось всего-навсего только десять коротких верст.

Он вскочил, сполоснул голову возле дождевой кадки и снял со стены осколок зеркала.

Лицо свое ему не понравилось. Нос был обветренный, краешний, щеки шершавые и заросшие бурой щетиной. Кроме того, под левым глазом еще не разошелся синяк. Это кованым каблуком ему подсадил в темноте отпускной артиллерист, пробиравшийся через головы спящих к двери вагона.

— Морда такая, что волков пугать,— сознался Бумбараш.— А уезжал... провожали... Эх, не то было...

Он утешил себя тем, что придет домой, выкупается, побреется и наденет синие диагональные пиджак и брюки — те, что купил он, когда сватался к Вареньке, как раз перед войной.

По привычке Бумбараш пошарил глазами, не осталось ли в покинутой избе чего-нибудь такого, что могло бы ему пригодиться. Забрал для раскурки лист газетной бумаги, вынул из кочерги палку и вышел на дорогу.

«Изба,— думал он,— раз. Жениться — два. Лошадь с братом поделить — три. А земля будет. Земли нынче много. Революция».

Занятый своими мыслями, он быстро отсчитывал версты, не обращая внимания на черную собачонку, которая бежала за ним следом, тыча носом в бахромчатую полу его пропахшей [дымом] шинели.

<Бумбараш> чему-то иногда улыбался. И что-то веселое бормотал.

Часа через два он вышел из лесу и остановился перед мельничной плотиной.

На кудрявых холмах, в дымке утреннего тумана, раскинулось село Михеево.

— Будьте здоровы! — приподымая серую папаху, поклонился Бумбараш.— Провожали — плакали. Не виделись долго. Чем-то теперь встретите?

С любопытством осматривал Бумбараш знакомые улицы.

Мост через ручей провалился. Против трактира — новый колодец. У Полуваловых перед избой раскинулся большой палисадник, а сарай и заборы новые... На месте Фенькиной избы осталась одна закопченная труба — значит, погорела.

Акации под церковной оградой, где часто сидел он когда-то с Варенькой, сплошной стеной раздались вширь.

Бумбараш завернул за угол и [вытаращив глаза] остановился. Что такое? Вот он, пожарный сарай. Вот она,

изба Курнаковых. Вот он и братнин дом со старой липой под окнами. Однако справа, рядом с братниным домом, ничего не было.

Перед самой войной Бумбараш затеял раздел и начал строиться. Он поставил пятистенный сруб и подвел его уже под крышу. Уходя в солдаты, Бумбараш наказал брату, чтобы тот забил окна, двери, сохранил гвозди, кирпич, стекла и присматривал, чтобы тес не растащили.

А сейчас не только тесу, но и самого сруба на месте не было. Да что там сруба — даже того места! Как провалилось! И все кругом было засажено картошкой.

Сердце вздрогнуло у Бумбараша, он покраснел и, не зная, что думать, прибавил шагу.

Он распахнул дверь в избу и столкнулся с женой брата — Серафимой. Серафима дико взвизгнула, уронила ведра и отскочила к окну.

— Семен! — пробормотала она. — Господи помилуй! Семен! — И она крепко вцепилась рукой в скалку* для теста, точно собираясь оглоушить Бумбараша.

Бумбараш попятился к порогу и наткнулся на подоспевшего брата Василия.

— Что это? Постой! Куда прешь? — закричал Василий и схватил Бумбараша за плечи.

Бумбараш рванулся и отшвырнул Василия в угол.

— Чего кидаться? — сердито спросил он. — Протри глаза тряпкой. Здравствуйте!

— Семен! Вон оно что! — пробормотал, откашливаясь, Василий. — А я, брат, тебя не того... Серафима! — заорал он на оцепеневшую бабу. — Уйми ребят... Что же ты стоишь, как колода! Не видишь, что брат Семен приехал!

— Так тебя разве не убили? — сморщив веснушчатое лицо, плаксивым голосом спросила Серафима и подошла к Бумбарашу обниматься.

— На полвершка промахнулись! — огрызнулся Бумбараш. — Одна орет, другой — за шиворот. Ты бы еще с топором выскочил!

— Нет, ты... не подумай! — сдерживая кашель и торопливо отыскивая что-то за зеркалом, оправдывался Василий. — Серафима, куда письмо задевали? Говорил я тебе — спрячь. Голову оторву, если пропало.

— В комод оно. От ребят схоронила. А то недавно Мишка квитанцию на лампе сжег... У-у, проклятый! —

выругалась она и треснула притихшего толстопузого мальчишку по затылку.

— Нет, ты не подумай,— торопился [оправдываться] Василий.— Тут не то что я... а кто хочешь!.. Мне староста... Как раз Гаврила Никитич,— сам письмо принес. Смотрю — печать казенная. «Что же,— спрашиваю я,— за письмо?» — «А то, что брат твой Семен, царство ему небесное, значит... на поле битвы...»

— Как так на поле битвы! — возмутился Бумбараш.— Быть этого не может...

— А вот и может! — протягивая Бумбарашу листок, сердито сказала Серафима.— Да ты полегче хватай! Бумага тонкая — гляди, изорвешь.

И точно: канцелярия 7-й роты 120-го Белгородского полка сообщала о том, что рядовой Семен Бумбараш в ночь на восемнадцатое мая убит и похоронен в братской могиле.

— Быть этого не может! — упрямо повторил Бумбараш.— Я — живой.

— Сами видим, что живой,— забирая письмо, всхлинула Серафима.— У меня, как я глянула, в глазах помутилось.

— Избу мою продали? — не глядя на брата, спросил Бумбараш.— Поспешили?

Василий кашлянул и молча развел руками.

— Чего же поспешили? — вступилась Серафима.— Раз убит, то жди не жди — все равно мертвый. Да и за что продали! Нынче деньги какие? Солома. Гавриле Полуvalову и продали. Баню новую он ставил... сарай... Варька-то Гордеева за него замуж вышла. Поплакала, поплакала да и вышла.

Бумбараш быстро отвернулся к окошку и полез в карман за табаком.

— О чем плакала? — помолчав немного, хрипло спросил он сквозь зубы.

— Известно о чем! О тебе плакала... А когда панихиду справляли*, так и вовсе ревмя ревела.

— Так вы и панихиду по мне отмахали? Весело!

— А то как же,— обидчиво ответила Серафима.— Что мы — хуже людей, что ли? Порядок знаем.

— Вот он где у меня сидит, этот порядок! — показывая себе на шею, вздохнул Бумбараш. И, глянув на свои заплатанные штаны цвета навозной жижи, он спросил:

— Костюм мой... пиджак синий... брюки — надо думать, тоже продали?

— Зачем продали,— нехотя ответила Серафима.— Я его к пасхе Василию обкоротила. Да и то сказать... материал — дрянь. Одна слава, что диагональ, а раз постирала — он и вылинял. Говорила я тебе тогда: купи костюм серый; а ты — синий да синий. Вот тебе и синий!

Бумбараш достал пару белья, кусок мыла. Ребятишки с любопытством поглядывали на его сумку.

Он дал им по куску сахару, и они тотчас же молча один за другим повывлетали за дверь.

Бумбараш вышел во двор и мимоходом заглянул в сарай. Там вместо знакомого Бурого коня стояла понурая, вислоухая кобылка.

«А где Бурый?» — хотел было спросить он, но раздумал, махнул рукой и прямо через огороды пошел на спуск к речке.

Когда Бумбараш вернулся, то уже пыхтел самовар, шипела на сковородке жирная яичница, на столе в голубой миске подрагивал коровий студень и стояла большая пузатая бутылка с самогонкой.

Изба была прибрана. Серафима приоделась.

Умытые ребятишки весело болтали ногами, усевшись на кровати. И только тот самый Мишка, который сжег квитанцию, как замороженный стоял в углу и не спускал глаз с подвешенной на гвоздь Бумбарашевой сумки.

Вошел причесанный и подпоясанный Василий. Он держал нож и кусок посоленного свиного сала.

Как-никак, а брата нужно было встретить не хуже, чем у людей. И Серафима порядок знала.

В окошки уже заглядывали любопытные. В избу собирались соседи. А так как делить им с Бумбарашем было нечего, то все ему были рады. Да к тому же каждому было интересно, как же братья теперь будут рассчитывать.

— А я смотрю, кто это прет? Да прямо в сени, да прямо в избу,— торопилась рассказать Серафима.— «Господи, думаю, что за напасть!» Мы и панихиду отслужили, и поминки справили... Мишка недавно нашел где-то за комодом фотографию и спрашивает: «Маманька, кто это?» — «А это, говорю, твой покойный дядя Семен. Ты

же, паршивец, весь портрет измуслякал и карандашом исчеркал!»

— Будет тебе крутиться! — сказал жене Василий и взялся за бутылку. — Как, значит, вернулся брат Семен в здравом благополучии, то за это и выпьем. А тому писарю, что бумагу писал, башку расколотить мало. Замутил, запутал, бумаге цена копейка, а теперь сами видите — вота, разделявайся как хочешь!

— Бумага казенная, — с беспокойством вставила Серафима. — На бумагу тоже зря валить нечего.

Самогон обжег Бумбарашу горло. Не пил он давно, и хмель быстро ударил ему в голову.

Он отвалил на блюде две полные пригоршни сахара и распечатал пачку светлого табаку.

Бабы охнули и зазвенели стаканами. Мужики крикнули и полезли в карманы за бумагой.

В избе стало шумно и дымно.

А тут еще распахнулась дверь, вошел поп с дьячком и прямо от порога рявкнул благодарственный молебен о благополучном Бумбараша возвращении.

— Варька Гордеева мимо окон в лавку пробежала... — раздвигая табуретки и освобождая священнику место, вполголоса сообщила Серафима. — Сама бежит, а глазами на окна зырк... зырк...

— А мне что? — не поворачиваясь, спросил Бумбараш и продолжал слушать рассказ деда Николая — (отца Серафимы. — *Ред.*), который ездил на базар в Семикрутово и видел, как атаман Долгунец разгонял мужской монастырь.

— ...Выстроил, значит, Долгунец монахов в линию и командует: «По порядку номеров рассчитайся!» Они, конечно, монахи, к расчету непривычны, потому что не солдаты... а дело божье. К тому же оробели, стоят и не считаются... «Ах, вон что! Арихметику не знаете? Так я вас сейчас выучу! Васька, тащи сюда ведро с дегтем!»

На что ему этот деготь нужен был — не знаю. Однако как только монахи услышали, ну, думают, уж конечно, не для чего-либо хорошего. Догадались, что с них надо, и стали выкликаться.

В аккурат сто двадцать человек вышло. Это окромя старых и убогих. Тех он еще раньше взашей гнать велел.

«Ну, говорит, Васька, вот тебе славное воинство. Дай ты им по берданке. Да чтобы за три дня они у тебя и

штыком, и курком, и бонбою упражнялись. А на четвертый день ударим в бой!»

Те, конечно, как услышали такое, сразу и псалом царю Давиду* затянули — и в ноги. Только двое вышли. Один росошанский — булочника Федотова сын. Морда — как тыква, сапогом волка зашибить может. Он еще, помнится, до монашества квашню с тестом пуда на три мировому судье на голову надел... А другой — тощий такой, лицо господское, видать — не из наших.

Долгунец велит: «А подайте им коней!» Гаврилка как сел, так и конь под ним аж придыхнул. А другой подобрал ряску да как скочит в седло, чуть только стремя коснулся.

Тогда Долгунец и говорит: «Васька, таких нам надо! Выдай им снаряжение, а рясы пусть не снимают.. А вы, божьи молителы,— это он на остальных,— поднимайтесь да скачите отсюда куда глаза глядят. Кого на дороге встречу — трогать не буду. А если кого другой раз в монастыре застану — на колокольню загоню и велю прыгать.. Васька, вынь часы, сядь у пулемета. И как пройдет три минуты пять секунд — дуй вовсю по тем, кто не ускачет».

А Васька — скаженный такой, проворный, как сатана,— часы вынул да шасть к пулемету.

Так что было-то! Как рванули табуном монахи. До часовни Николы Спаса одним духом домчали, а там за угол да врассыпную...

Монахов Бумбараш и сам недолюбливал. И рассказ этот ему понравился. Однако он не мог понять, что же этому Долгунцу надо и за кого он воюет.

— Натуральный разбойник! — объяснил Бумбарашу священник.— Бога нет, совести нет. Белых ему не надо, на красных он в обиде. Разбойник, и повадки все разбойничьи. Заскочил в усадьбу к семикрутовскому управляющему. Обобрал всё дочиста, а самого-то с женою, с Дарьей Михайловной, в одном исподнем оставил и говорит: «Изгоняю вас, как господь Адама и Еву из рая. Идите и добывайте в поте лица хлеб свой насущный.. Васька, стань у врат, как архангел, и проводи с честью». Васька, конечно,— тьфу, мерзость! — шинель крылами растопырил и машет, и машет и пляшет, а сам поет матерное. В одной руке у него пистолет, в другой — сабля. Ну те, конечно,— что будешь делать? — так в исподнем и пошли.

— У Адама и Евы хоть вид был! — вставил охмелев-

ший дед Николай.— А это же люди в теле. Срамота!

И этот рассказ Бумбарашу понравился, однако он опять-таки не понял, куда этот Долгунец гнет и что ему надо. Мимо окон рысцой проскакали пятеро всадников. Одежда вольная, сабель нет, но за плечами винтовки.

— Это красавинские...— объяснил Бумбарашу священник.— Самоохрана называется. Молодцы парни! И у нас тоже есть. Гаврила Полувалов за главного. К нему, должно, и поехали.

— Руки и ноги им поотрывать надо! — неожиданно выкрикнул охмелевший дед Николай.— Ишь что сукины дети затеяли...

— Молчал бы, старый пес!..— огрызнулся кто-то.

— А что молчать? — поддержал деда щуплый, кривой на один глаз дьячок.— Да и вы-то, батюшка: говорить говорите, а к чему это — неизвестно. Наше дело — раздувай кадило и звони к обедне. Помилуй, мол, нас, господа. А вы вон что!

Надвигалась ссора. В избе переглянулись. Василий поспешно взялся за бутылку. Звякнули стаканы. Кругом зачихали, закашляли. Разговор оборвался.

— Яшка Курнаков идет,— пробормотала Серафима.— Принесло черта...

Быстро в избу вошел высокий парень в заплатах голубой рубашке. На нем были потертые галифе, заправленные в сапоги. Смуглое, как у цыгана, лицо его было выбрито. Кепка сдвинута на затылок. Левая рука наспех завязана тряпицей.

— Семка! — засмеялся он и крепко обнял Бумбараша.— Ах, ты черт бессмертный! А я сижу наверху, крышу перебираю. Идет Варька. Я смотрю на нее. «Семен, говорит, вернулся». Я ей: «Что ты, дура!..» Она — креститься. Я рванулсЯ. А крыша, дрянь, гниль, как подо мной хрустнет, так я на чердак пролетел.

Мать из избы выскочила.

— Что ты,— кричит,— дьявол! Потолок проломишь...

Я схватил тряпку, замотал руку да сюда...

— Эк тебя задергало! — сердито сказала Серафима.— Батюшке локтем в ухо заехал. Да не тряси стол-то! Еще самовар опрокинешь...

Священник, и без этого обиженный грубыми словами кривого дьячка, поднялся, перекрестился, и за ним один по одному поднялись и остальные.

Когда изба опустела, Яшка Курнаков схватил Бумбараша за руку и потащил во двор. Мимо огорода прошли они к обрыву над рекой. Там, в копне на лужайке, где еще мальчишками прятались, поедая ворованный горох, огурцы и морковку, остановились они и сели.

Бумбараш рассказывал про свои беды, а Яшка его утешал:

— Придет пора — будет жена, будет изба! Дворец построим с балконом, с фонтанами! А Варьке голову ты не путай — раз отрублено, значит, отрезано. За тебя она теперь не пойдет. А чуть что Гаврилка узнает, он ее живо скрутит. Он теперь в силе. Видал, верховые к нему поскакали?

— Охрана?

— Банду собирают. Я всё вижу. Это только одна комедия, что охрана. На прошлой неделе под мостом в овраге упродкомиссара нашли: лежит — пуля в спину. Недавно у мельницы Ваську Куликова, матроса, из воды мертвого вытащили, мне и то ночью через окно кто-то из винтовки как са́дет! Пуля мимо башки жикнула! Посуду на полке — вдрызг, и через стену — навывлет. Скоро хлебную разверстку сдавать. Ну вот и заворочались.

— А красные что? Они где заняты?

— А у красных своя беда. На Дону — Корнилов. Под Казанью — чехи.

Яшка зажмурился. Точно подыскивая трудные слова, он облизал губы, пощелкал пальцем и вдруг напрямик предложил:

— Знаешь, Семен! Давай, друг, двинем с тобой в Красную Армию.

— Еще что! — с недоумением взглянул на Яшку озадаченный Бумбараш. — Да ты, парень, в уме ли?

— А чего дожидаться? — быстро заговорил Яшка. — Ну, ладно, не сейчас. Ты отдохни дней пяток... неделю. А потом возьмем да и двинем. Нас тут еще трое-четверо наберется: Кудрявцев Володька, Шурка Плюснин, Башмаковы братья. Я уже все надумал. У Шурки берданка есть. У меня бомба спрятана — тут на станции братишка у одного солдата за бутылку молока выменял. Ему рыбу глушить, а я забрал... Ночью подберемся, охрану разоружим, да и айда с винтовками.

От таких сумасшедших слов у Бумбараша даже хмель из головы вылетел. Он поглядел на Яшку — не смеется ли? Но Яшка теперь не смеялся. Смуглое лицо его горело и нахмуренный лоб был влажен.

— Так... так... — растерянно пробормотал Бумбараш. — Это, значит, из квашни да в печь, из горшка да в миску. Жарили меня, парили, а теперь — кушайте на здоровье! Да за каким чертом мне все это сдалось?

— Как — за чертом? Чехи прут! Белые лезут! Значит, сидеть и дожидаться? — И Яшка недоуменно дернул плечами.

— Мне ничего этого не надо, — упрямо ответил Бумбараш. — Я жить хочу...

— Он жить хочет! — хлопнув руками о свои колени, воскликнул Яшка. — Видали умника! Он жить хочет! Ему жена, изба, курятина, поросятина. А нам, видите ли, помирать охота. Прямо хоть сейчас копай могилы — сами с песнями прыгать будем... Жить всем охота. Гаврилке Полувалову тоже! Да еще как жить! Чтобы нам вершки, а ему корешки. А ты давай, чтобы жить было всем весело!

— Не будет этого никогда, — хмуро ответил Бумбараш. — Как это — чтобы всем? Не было этого и не будет.

— Да будет, будет! — почти крикнул Яшка и рассмеялся. — Я тебе говорю — дворец построим, с фонтанами. На балконе чай с лимоном пить будешь. Жену тебе сосватаем... Красавицу! Надоест по-русски — по-немецки с ней говорить будешь. Ты, пооди, в плену наловчился. Подойдешь и скажешь... как это там по-ихнему? Тлям... Блям... Флям: «Дай-ка я тебя, Машенька, поцелую»... Как — не будет? погоди, дай срок, все будет.

Яшка умолк. Цыганское лицо его вдруг покривилось, как будто бы в рот ему попало что-то горькое. Он тронул Бумбараша за рукав и сказал:

— Позавчера на кордоне сторожа Андрея Алексеича убить хотели. Не успели. В окно выпрыгнул. Ты мимо сторожки проходил, не заглянул ли?

— Заглянул, — ответил Бумбараш. — Изба брошена. Пусто!

Он хотел было рассказать о ночном случае, но запнулся и почему-то не сказал.

— Значит, скрылся... — задумчиво проговорил Яшка. — А оставаться ему там нельзя было. Он партийный...

Яшка хотел что-то добавить, но тоже запнулся и смолчал. Разговор после этого не вязался.

— Ты подумай все-таки! — посоветовал Яшка. — Сам увидишь: как ни вихляй, а выбирать надо. А к Варьке смотри не ходи, как друг советую. Да! — Яшка виновато замялся. — Ты смотри, конечно, не того... помалкивай...

— Мое дело — сторона, — ответил огорченный Бумбараш. — Я разве против? Я только говорю — сторона, мол, мое дело.

— «Сторона ль моя сторонushка! Э-эх, широко-окая, раздо-ольная...» — укоризненно покачивая головой, потихоньку пропел Яшка. — Ну вставай, пролетарий! — опять рассмеявшись,скомандовал он <самому себе> и одним толчком вскочил с травы на ноги.

Однако Бумбараш Яшкиного совета не послушался и в тот же вечер попер к Вареньке.

Вернувшись домой, чтобы отряхнуться от невеселых мыслей, он допил оставшиеся полбутылки самогона. После этого он сразу повеселел, подобрел, роздал ребятишкам еще по куску сахара, которые, впрочем, Серафима тотчас же у всех поотнимала, и подумал, что вовсе ничего плохого в том, что он зайдет к Вареньке, не будет. Он даже может зайти и не к ней, а к Гаврилке Полувалову. Дружбы у них меж собой, правда, не было, однако же были они почти соседи да и в солдаты призывались вместе. Только Бумбараш скоро попал в маршевую, а Гаврилке повезло, и он зацепился младшим писарем при воинском начальнике.

Бумбараш побрился, оцарапал щеку, потер палец о пёчку, замазал мелом синяк под глазом и, почистив веником сапоги, вышел на улицу.

У ворот полуваловского дома хрустели овсом оседланные кони. Бумбараш заколебался: не подождать ли, пока эта кавалерия уедет восвояси? Но, услышав через дверь знакомый Варенькин голос, он привычным жестом провел рукой по ремню, одернул гимнастерку и вошел на крыльцо.

В избе за столом сидели шестеро. В углу под образами стояли винтовки, на стене висела ободранная полицейская шашка — должно быть, Гаврилкина.

«Эк его разнесло! — подумал Бумбараш. — А усы-то отпустил, как у казака».

Увидав Бумбараша, Варенька, которая раздувала Гаврилкиным сапогом ведерный самовар, не сдержавшись, вскрикнула и быстро закрыла глаза ладонью, притворившись, что искра попала ей в лицо.

Гаврила Полуvalов посмотрел на нее искоса. Обмануть его было трудно. Однако он не моргнул и глазом.

— Заходи, коли вошел! — предложил он. — Что же стоишь? Садись. Пей чай — вино выпили.

Варенька вытерла сапог тряпкой, подала его мужу. С Бумбарашем поздоровалась, но в лицо ему не посмотрела.

«Похудела! Похорошела! Эх, золото!» — не чувствуя к Вареньке никакой злобы, подумал Бумбараш.

Но молчать и глядеть на нее было неудобно. И он нехотя стал отвечать на вопросы, где был, как жил, что видел и как вернулся.

— Лучше было тебе и вовсе не ворочаться, — сказал Полуvalов. — Такой вокруг развал, разгром, что и глядеть тошно. — И, пытливо уставившись на Бумбараша, он спросил: — С Яшкой Курнаковым выдался? Он, собачья душа, поди-ка, тебе все уже расписал?

— Что Яшка! — уклончиво ответил Бумбараш. — Я и сам всё вижу.

— А что ты видишь? — насторожившись, спросил Полуvalов. — Варвара, глянь-ка там за шкафом, не осталось ли чего в бутылке? Дай-ка, мы с ним за встречу выпьем.

Пить Бумбараш уже не хотел, но, чтобы задержаться в избе подольше, он выпил.

Красавинские охранники, не разгадав еще, что Бумбараш за человек и как при нем держаться, сидели молча.

— Дак что же ты видишь? — продолжал Полуvalов. — Говори, послушаем. Мы-то тут ходим, тычемся носом, как слепые. А тебе со стороны, может, и виднее...

— Что Яшка! — опять уклонился от вопроса осторожный Бумбараш. — У Яшки — свое, а у тебя — свое.

— Что же это у меня за «свое»? — враждебно спросил Полуvalов, отыскав в словах Бумбараша вовсе не тот смысл, что Бумбараш вкладывал. — Что мне «свое»? Своего мне и так хватит. Я за всех вас, подлецы, стараюсь... У-у, погань! — скрипнув зубами, пробормотал он и смачно сплюнул, вероятно опять вспомнив ненавистного Яшку.

«Нет, ты не слепой тычешься! — глянув на перекосив-

шееся Гаврилкино лицо и вспомнив рассказ Яшки о пуле, пробившей окошко, подумал Бумбараш.— Таким слепцам на пустой дороге не попадайся!»

— Гаврила Петрович! — закричал снаружи бабий голос.— Беги-ка скорей в волсовет, там какая-то бумага пришла. Тебя ищут.

— Пропasti на них нет! То-то Гаврила Петрович да Гаврила Петрович! А чуть что — все в кусты! А в ответе опять один Гаврила Петрович... Идем! — поднимаясь с лавки, сказал он Бумбарашу.— Теперь не дождешься... я долго...— И, пропустив Бумбараша в сени, он, обернувшись к охранникам, сказал вполголоса: — А вы подождите. Что там за бумага? Я — скоро.

Только что Полувалов скрылся за углом, как Бумбараш быстро шмыгнул через калитку во двор, а оттуда — через коровник в сад, что раскинулся над оврагом.

Ждать ему пришлось недолго. Варенька стояла рядом и с испугом глядела ему в лицо.

— Ты что, Семен? — вздрагивающим шепотом спросила она.— Ты уходи.

— Сейчас уйду, — сжимая ее похолодевшую руку, ответил Бумбараш.— Как живешь, Варенька?

— Как видишь! Так тебя не убили?..

— Бог миловал. Да, смотрю, напрасно... Горько мне, Варенька! Что же ты поторопилась?

— Я не торопилась. А что было делать? Изба сгорела. Мать на пожаре бревном зашибло... Тебя убили... Господи, да кто же это такое придумал, что тебя убили!.. Уходи, Семен! В избе гости, мне идти надо...

— Сейчас уйду. Ты его любишь, Варенька?

— Не знаю. Страшный он. Беда будет...— бессвязно ответила Варенька.— Беги, Семен, он сейчас вернется!

— Он не вернется. Он сказал, что долго.

— Нет, скоро! Я сама слышала! Он хитрый... господи! — с мукой в голосе повторила Варенька.— Да кто же это такое придумал, что тебя убили!

Теплая слеза упала в темноте Бумбарашу на ладонь. Бумбараш покачулся и почувствовал, что голова его быстро пьянеет. Луна слепила ему глаза, и мимо ушей свистел горячий ветер.

— Варенька! — сказал он, плохо соображая, что говорит. — Ты брось его... Уйдем вместе.

— Полоумный! — отшатнулась Варенька. — Что ты мелешь? Как — уйдем? Куда?.. Под пулю?..

«И точно, куда уйдем? — подумал Бумбараш. — Уходить некуда...»

Варенька вырвалась и насторожилась.

— Беги, Семен! Кто-то идет! Сюда не приходи. Не надо!

Она отпрыгнула и скрылась за калиткой. Слышно было, как в коровнике звякнули ведра, и Варенька поспешно вбежала на крыльцо.

Бумбараш стоял, опустив голову, и ничего не сообщал.

На крыльце опять послышались шаги. Если бы Бумбараш не был пьян, если бы он не был ослеплен луною и оглушен свистом ветра, то по тяжелому топоту он сразу бы угадал, что это идет не Варенька — и не один, а двое.

Он шагнул к калитке и наравлся на Гаврилку Полуvalова и старшего из красавинской охраны, которые, чтобы их разговора никто не слышал, шли в сад.

— Стой! — крикнул Гаврилка и схватил Бумбараша за рукав.

Бумбараш двинул Гаврилку коленом в живот, отскочил в кусты и тотчас же получил сам тяжелый удар по голове — должно быть, железным кастетом.

Он зашатался... выровнялся, шагнул к оврагу... опять зашатался... хватаясь за ветви, выпрямился, оступился и, цепляясь за колючки, покатился под откос в овраг.

Очнулся он не сразу. Голова ныла. Лоб был мокрый — очевидно, в крови. Где-то рядом журчал ручей, но луна скрылась, и пробраться через колючки к воде он не сумел. Кое-как выбрался он наверх и задами пошел к дому.

Через огород он вышел к себе во двор. Дома еще не спали. Он торкнулся — дверь была заперта. Он подошел к окошку: в избе сидели Василий, Серафима и ее отец — старик Николай. Говорили, очевидно, о нем — Бумбараше, — об избе, о костюме и о лошади...

— Добрые люди! — говорила Серафима. — Да разве же мы виноваты? У нас бумага.

— Печку растопить этой бумагой! А он скажет: «Вынь деньги да положи!» А где их возьмешь, деньги? Продали, прожили...

— Господи, вот принесла нелегкая! Ему что — он один. Куда хочешь пошел да нанялся. Хоть бы ты чего-нибудь, папанька, сказал, а то сидит бороду чешет! Вино для людей поставили — ан, старый сын, и навалился, и навалился!

Бумбараш постучал в окно. Разговор разом оборвался. Выскочила Серафима.

— Дай-ка мне воды умыться, — не выходя на свет, попросил Бумбараш.

— Ты заходи в избу, там умоешься.

— Дай, говорю, сюда! И захвати полотенце, — настойчиво повторил Бумбараш.

— Давай полью! — сердито сказала Серафима, вынося полотенце и ковшик. — Да куда ты прячешься? Подайся к свету... Батюшки! — тихо вскрикнула она, рассмотрев на лбу Бумбараша струйку запекшейся крови. — Семен, кто это тебя? — И, вдруг догадавшись, она спросила: — Ты у нее был? Гаврилка?..

— Серафима, — сказал Бумбараш, — я под окном все слышал... Вы с братом будете ко мне хороши, и я к вам хорош... буду. Смотрите, чтоб никому ни слова!.. Кинь мне что-нибудь на сеновале. Я там лягу.

— Да зайди хоть в избу!

— Не надо, — заматывая голову полотенцем, отказался Бумбараш. — А отцу скажи — захмелел, мол, Семен и на сеновал спать пошел. А больше смотри ничего...

На следующий день Бумбараш с сеновала не слазил. Если бы Гаврилка Полуvalов увидел его голову <то сразу догадался бы, кто это был вчера в саду, и тогда>, Вареньке пришлось бы плохо.

Бумбараш решил отлежаться, а наутро чуть свет уйти в Россошанск и там переждать с недельку у дяди, который был жестянщиком.

Несколько раз с новостями прибегала на сеновал Серафима.

— Полуvalов к окошку подходил, — сообщила она. — Тебя спрашивал. «Он, говорю, на хутор к крестной по-

шѣл». — «Домой вечер от меня он не пьяный воротился?» — «Да нет, говорю, как будто бы в себе. Поиграл на Васькиной балалайке да и спать лег».

А на селе, Семен, что-то беспокойно. Охранники шмыгают туда-сюда. Люди болтают, будто приказ вышел — охраны больше не нужно и винтовки сдать на станцию. А Гаврилка будто бумагу эту скрывает. Кто их знает? Может быть, и враки? Разве теперь разберешь...

После обеда Серафима появилась опять:

— Варьку у колодца встретила. Вдвоем мы были. Больше никого. Вытянула она ведро да будто невзначай опрокинула. «Набирай, говорит, я передохну». А сама стоит и смотрит и, видать, мучается, а спросить боится... Я ей говорю: «Ты, Варвара, от меня не прячься... Семен дома. На сеновале лежит». У ней, видать, дух захватило. «А что так?» — «Да голова у него малость побита и на лбу ссадина. Тебя выдать боится». — «Серафима! — шепчет она, а сама чуть не в слезы. — Христом богом тебя молю: скажи ты ему, чтобы схоронился он отсюда подальше. Вижу я, что к худому идет дело».

Тут она замолчала, ведро из колодца тянет. Руки, вижу, дрожат, а сама бормочет: «Пусть Семен Яшке Курнакову скажет: беги, мол, и ты, а то беда будет...»

А что за беда, я так и недослышала. Схватила Варька ведра да домой, чуть не бегом.

К вечеру Серафима рассказывала:

— Яшка Курнаков приходил. Тебя ищет. Я ему говорю: «Дома нету, кажись, в рощу, на пасеку к крестному, пошел. Не знаю — вернется, не знаю — там заночует... Яшка, — говорю ему, — ты берегись. Люди думают, как бы тебе от Гаврилки плохо не было».

Как плюнет он на землю, сам озирается, а руку из кармана не вынимает. «Ой, думаю, в кармане у тебя не семечки...»

— Яшке сказаться надо было, — подосадовал Бумбараш. — Если еще придет, ты его сюда пошли.

— А кто тебя знает! Говорил — молчи, я всех и отваживаю. Оставь ты, Семен, не путайся с ними!.. Я вот ему, паршивцу, я вот ему, негоднику! — зашипела вдруг Серафима, увидав через щель крыши, что пузатый Мишка поймал серого утенка и ловчится засунуть его в мыльное корыто. — И этот тебя весь день тоже ищет, — тихонько рассмеялась Серафима. — «Где дядька? Дядька, говорит,

богатый, с сахаром». Ты будешь уходить, Семен, оставь сахару сколько ни то. Сладкого-то у них давно и в помине нету.

— Ладно, ладно! — поморщился Бумбараш. — Вы только глядите помалкивайте...

— Господи, что мы — чужие, что ли? Я уж, кажись, и так — как могила.

Перед тем как лечь спать, он захотел пить, но нечаянно опрокинул чашку с квасом на сено. Спуститься вниз он не решился. В углу крыши зияла широкая дыра, над которой раскинулись ветви густой яблони. Бумбараш встал, сорвал на ощупь яблоко, сунул его в рот и раздвинул влажные листья.

Перед ним раскинулось звездное небо, — и среди бесчисленного множества он теперь сразу нашел те три звезды, из-за которых он попал в плен, болел тифом, цингой, потерял избу, костюм, коня и Вареньку...

Это случилось при отступлении от Ломбежа на Большую Мшанку.

Бумбараш заскочил в хату батальонного штаба, чтобы спросить вестовых, куда, к черту, провалилась восьмая рота. Бородатый офицер, кажется прапорщик, сидя на корточках, кидал в печку остатки бумаг и, чтобы быстрее горели, ворошил их почерневшим клинком шашки.

Он всучил оторопевшему Бумбарашу перевязанный телефонным проводом сверток, вывел на крыльцо и острием шашки показал на горизонт.

— Подними морду и смотри левее, — приказал он. — Иди до околицы, там свернешь вон на эти три звезды: две рядом, одна ниже. Дальше иди прямо, пока не наткнешься на саперный взвод у переправы. Там найдешь адъютанта третьего батальона. Передашь сверток, возьмешь расписку и отдашь ее командиру своей роты.

Бумбараш повторил приказ и, проклиная свою несчастную долю, которая подтолкнула его заскочить в хату, попер полем, время от времени задирая голову к небу.

Он был голоден, потому что шрапнельный снаряд разбил ротную кухню как раз в ту минуту, когда кашевар отвинчивал крышку котла с горячими щами.

Но всего только час назад ему посчастливилось стянуть из чужой каптерской повозки банку с консервами. Банка была без этикетки, и вместе с голодом его одолевало любопытство — рыбные это консервы или мясные?

Выбравшись в поле, он опустился на траву, достал кусок кукурузного хлеба, снял штык и пробил в жестяной крышке дырку. Чтобы не потерять ни капли, он быстро опрокинул банку ко рту.

Липкая, едкая, пахнувшая бензином краска залила ему губы, ударила в нос и обожгла язык. Отплевываясь и чертыхаясь, он вскочил и понесся отыскивать воду.

Долго полоскал он рот, скреб язык ногтем, вытирал рукавом губы и жевал траву.

Наконец, убедившись, что дочиста все равно не отмоешь, еще более голодный и усталый, чем раньше, он зашагал по полю. Надо было торопиться.

Он поднял голову, разыскивая свои путеводные звезды, однако там, куда он смотрел, их не было.

Он вертел голову направо-налево. Ему попадались созвездия, раскинувшиеся и крючками, и хвостами, и ковшами, и крестом, и дыркою... Но тех трех звезд — две рядом, одна пониже — он не мог разыскать никак. Тогда он пошел наугад и через час нарвался в упор на головную заставу австрийской колонны.

Бумбараш съел яблоко и взялся поправлять свое измятое логово. Глухой взрыв ударил по ночной тишине.

Бумбараш вскочил на ноги.

«Бомба! — сразу же догадался он. — Для снаряда слабо, для винтовки крепко. Кто бросает?..»

Почти следом раздались три-четыре выстрела. Потом стихло. Потом уже не переставая, то приближаясь, то удаляясь, редкие выстрелы зашелкали с разных сторон.

«Чтоб вам и на том свете не было покою! — обозлился Бумбараш. — И когда это все кончится!»

Он кинулся на сено, укрылся шинелью и решил назло спать, хотя бы на улицах дрались в штыковую.

— Хватит! — бормотал он. — Я к вам не лезу. Отвоевался...

Однако для сна время он выбрал плохое. Кто-то забежал во двор и тихонько постучал в форточку. Вскоре на сеновал взобралась запыхавшаяся Серафима.

— Семен! — позвала она. — Вставай, Семен! Скорее!

— Что надо? — огрызнулся Бумбараш. — Убирайтесь вы к черту! Я спать хочу!

— Вставай, очумелая башка! — ахнула Серафима.— Слезай! Бери сумку. Внизу Варька.

Одним махом Бумбараш слетел на кучу навоза, и тотчас же из темноты к нему подскочила Варенька.

— Беги! — зашептала она.— Тебя ищут! Яшка Курнаков бросил бомбу. Забрали три винтовки... Шурку Плюснина убили... Гаврилка думает, что ты с ними заодно. Найдут — убьют!

— Погоди! — вскидывая сумку за плечи, пробормотал разгневанный Бумбараш.— Я еще вернусь! Я ему убью! Дай только разобраться...

Выстрелы раздавались все ближе и ближе. Но стреляли, очевидно, наугад, без толку.

— Ну, бог с тобой, уходи, уходи! — заторопила Серафима.— Мимо воробьевской бани ступай, прямо через речку, вброд — там мелко.

— Через мельницу не ходи,— прошептала Варенька,— там наши... банда. Пусти, Семен, теперь уже нечего! Она вырвалась и убежала.

В избе захныкали потревоженные ребяташки.

Бумбараш выломал из плетня жердь и, не сказав ни слова, зашагал через огородные грядки к спуску на речку.

Серафима перекрестилась и юркнула в избу.

Через минуту в окошко застучали. Серафима молчала. Тогда забарабанили громче и загрохали прикладом в калитку.

Серафима с яростью распахнула окно и плюнула прямо кому-то в морду.

— Ах ты, бесстыжая рожа! — взвизгнула она на всю улицу.— Ты, Пашка, чего безобразишь? С постели соскочить не дают! Мужик больной, детей до смерти перепугали! Ты бы еще оглоблей в стену!.. Ну, чего надо? Нету, говорю, Семена! Так вам с утра еще было и сказано. Идите ищите! Нам он и самим как прошлогодний снег на голову... Да что ты мне своим ружьем в грудь тычешь? Так я твоей пули и испугалась!

Проснулся Бумбараш под стогом сена верстах в десяти от Михеева и в тридцати — от Россошанска.

Утро было теплое, солнечное. На речке гоготали гуси. Под горою, на лугу, ворочалось коровье стадо.

По дороге тархтели телеги, и с котомками за плечами шли мирные путники.

И чудно было даже вспомнить и подумать, что по всей этой широкой, спокойной земле, куда ни глянь, куда ни кинь, упрямо разгоралась тяжелая война.

Бумбараш подошел к ручью, умылся, напился, а позавтракать решил в деревне Катрёмушки, до которой оставалось уже недалеко.

И странное дело... Шагая по мягкой проселочной дороге, пропуская обгонявшие его подводы, здороваясь с встречными незнакомыми пешеходами, под лучами еще не жаркого солнца, под свист, треньканье и бренчанье лесных пичужек, впервые ощутил Бумбараш совсем неведомое ему чувство — безразличного покоя.

Впервые за долгие годы он ничего не ждал и сам знал точно, что и его нигде не ждут тоже. Впервые он никуда не рвался, не торопился: ни с винтовкой в атаку, ни с лопатой в окопы, ни с котелком к кухне, ни с рапортом к взводному, ни с перевязкой в лазарет, ни с поезда на подводу, ни с подводы на поезд. Все, на что он так надеялся и чего хотел, — не случилось. А что должно было случиться впереди — этого он не знал. Потому что не был он ни ясновидцем, ни пророком. Потому что из плена вернулся он недавно и то, что вокруг него происходило, понимал еще плохо.

Вот почему, подбитый, небритый, одинокий, Бумбараш шагал ровно, глядел если не весело, то спокойно и даже насвистывал, скривив губы, австрийскую песенку о прекрасной герцогине, которая полюбила простого солдата.

На перекрестке, там, где дорога расходилась влево — на Семикрутово, прямо — на Россошанск, вправо — к станции, — не доходя с версту до деревни Катремушки, стояла на холме прямая, как мачта, спаленная молнией береза.

Береза была тонкая, гладкая, почти без сучьев, и было совсем непонятно, как и зачем у самой обломанной вершины ее кто-то сидел.

— Эх куда тебя занесло! — останавливаясь возле дерева и задирая голову, подивился Бумбараш. — Глядите, какой ворон-птица!..

То ли ветер качнул в это время надломленную вершину, то ли «ворон-птица» не так повернулся, но только он по-человечьи вскрикнул, и неподалеку от Бумбараша упал на траву железный молоток.

«Плохо твое дело! — подумал Бумбараш. — Эк тебя занесло! Теперь возьми-ка, спускайся...»

— Дядька, здравствуй! — раздался сверху пронзительный голос. — Дядька, подай мне молоток!

— Дура! — рассмеялся Бумбараш. — Что я тебе, обезьяна?

— Я бечевку спущу, а ты привяжи...

— Если бечевку, тогда дело другое, — согласился Бумбараш и, скинув сумку, стал дожидаться.

Прошло несколько минут, пока бечевка с сучком на конце опустилась и остановилась сажени за две до протянутой руки Бумбараша.

— Не хватает! — крикнул Бумбараш. — Спускай ниже.

— Сейчас, погоди. Надвяжу пояс.

Сучок опустился еще немного, но и этого было мало.

— Не хватает! — опять закричал Бумбараш. — Спускай ниже, а то уйду...

— Сейчас! — донесся встревоженный голос.

Видно было, как мальчуган, осторожно перехватываясь за корешки сучьев, снял рубашку и надвязал пояс к рукаву.

— Все равно не хватает. Давай, что еще есть!

— Что же мне — штаны скидавать, что ли? — послышался сердитый ответ.

— Да ты давай сам подлезь маленько.

— Еще не было нужды!

Однако и на самом деле обидно было не достать конец бечевки, до которой оставалось не больше чем два аршина.

Бумбараш скинул шинель и, вспомнив солдатскую гимнастику, полез вверх.

Сунув молоток в петлю, обдирая гимнастерку и руки, он соскользнул на землю.

— Дядька, спасибо! — поблагодарили его сверху. — Куда уходишь? До свиданья!..

Но Бумбараш не уходил еще никуда. Просто опасаясь, как бы сорвавшийся молоток не брякнулся ему на голову, он отошел к опушке и сел на пенек, собираясь посмотреть, чем же теперь все это дело кончится.

Видно было, как мальчишка прижимает телом вдоль ствола какой-то темный жгут и как, раскачиваясь на ветру, он ловко орудует молотком.

Вот он забил последний гвоздь, торжествуя вскрикнув, опустил жгут, и большое полотнище красного флага с треском взметнулось по ветру.

Зачем на перекрестке лесных дорог должен был торчать флаг — этого Бумбараш не понял никак. Так же как не поняла, по-видимому, и проезжавшая на возу баба, которая всплеснула руками и поспешно ударила вожжей по коняшке, очевидно рассуждая, что раз тут затевается что-то непонятное, то лучше убраться — от греха подальше.

Не дожидаясь, пока мальчишка слезет, Бумбараш двинул дальше и скоро очутился в деревне Катремушки, которая, как он увидел, была занята отрядом красноармейцев.

Красным Бумбараш ничего плохого не сделал, и потому он смело зашел в дом, где жила знакомая старуха.

Но старуха эта, оказывается, давно померла, и дома была только рябая баба — жена ее сына, которая занималась сейчас стиркой. Бумбараша она не знала.

Он спросил у нее, можно ли остановиться и отдохнуть.

— Чай, хлеб, баба, твой, — сказал Бумбараш, — сахар мой, а пить будем вместе.

Услыхав про сахар, баба вытерла о фартук мыльные руки и в нерешительности остановилась.

— Уж не знаю как, — замылась она. — В горнице у меня какой-то начальник стоит. Да и углей нет. Разве что лучиной?

— Эка беда — начальник! — возразил Бумбараш. — Что мне горница, я попью и на кухне. А лучину наколоть долго ли? Это я и сам мигом.

— Уж не знаю как, — оглядывая с ног до головы грязного Бумбараша, все еще колебалась баба. — Да ты, поди, и про сахар не врешь ли?

— Я вру? — доставая из сумки пригоршню и потряхивая ею на ладони, возмутился Бумбараш. — Да мы, дорогая моя королева, внакладку пить будем!

Рябая баба рассмеялась и пошла за самоваром.

Вскоре нашлись и теплая вареная картошка, и хлеб, и молоко... Бумбараш позавтракал, напился чаю и почувствовал, что его клонит ко сну.

В самом деле, всю ночь, мокрый и грязный, он был на ногах, заснул у стога сена только под утро и спал мало.

«Торопиться некуда. Дай-ка я посплю,— решил он.— А пока сплю, пусть баба выстирает гимнастерку и брюки. Хоть к дядьке приду человек человеком. Да пускай заодно и воротник у шинели иглой прихватит, а то болтается, как у богатого».

Он пообещал бабе десять кусков сахара, и она показала ему во дворе плетеную клетушку с сеном.

— Тут и спи,— сказала она.— А в чем же ты спать тут будешь? Нагишом, что ли?

— Давай поищи что-нибудь из старья мужниного. Спать — не на свадьбу.

Баба покачала головой. Долго рылась она в чулане. Наконец достала такую рванину, что, разглядев ее на свету, и сама остановилась в раздумье.

— Уж не знаю, чего тебе. Разве вот это?

— Не нашла лучше! Пожадничала...— пробурчал Бумбараш, напяливая на себя штаны и пиджак, до того изодранные, излохмаченные, что годились бы разве только огородному пугалу.

— Экий ты стал красавец! — забирая одежду, рассмеялась баба.— Ложись скорей, а то вон начальник идет. Глянет да испугается.

Спал Бумбараш долго. Когда он проснулся, то во дворе рябой бабы уже не было. Рядом с клетушкой, у скамьи под яблоней, разговаривали двое — командир и мальчишка.

— Дурак ты был, дураком и остался,— со сдержанной досадой говорил командир.— Ну скажи: зачем тебя понесло на дерево и зачем ты приколотил флаг? Вот прикажу сейчас красноармейцам, чтобы достали и сняли.

— Разве же кто долезет? — усмехнулся мальчишка.— Да им в жизнь никому не долезть! Там наверху сучья хрупкие. Как брякнется, так и не встанет.

— Это уж не твоя забота. Раз я прикажу, значит, достанут... Ну что ты тут вертишься? Добро бы, какой сирота был. Иди домой! Ты думаешь, у нас всё гулянки? Вот пойдут бои, на что ты тогда нам сдался?

— Вот еще! Дали бы мне винтовку, и я бы с вами. Я смелый! Спросите у Пашки из третьего взвода. Он гово-

рит: «Дай-ка я над твоей головой раза три из винтовки бахну — сразу штаны станут мокрые». А я говорю: «Хоть все пять, пожалуй!» Стал я у стенки. Он раз — бабах! Два, три! А я стоял и даже не моргнул глазом.

— Я вот ему покажу, сукину сыну! — рассердился командир. — Я ему дам штук пять не в очередь! Тоже, балда, нашел дело!

— Наврал я про Пашку, — помолчав немного, ответил мальчуган. — Это я вас хотел раззадорить. Думаю: может, разоидется. «Ах, скажет, была не была, давай приму».

— Куда приму?

— Известно куда. К вам в отряд.

— Опять на колу мочала, начинай сначала. Меня твоя мать о чем просила? «Гоните, говорит, его прочь, пусть лучше делом займется, а не шатается, как безродный».

— Так ведь она же глупая, товарищ командир! Разве же ее переслушаешь?

— Это ты на родную мать-то... глупая? Хорош гусь! Пошел с моих глаз долой! Слушать тебя и то **противно**.

— Конечно, глупая, — упрямо повторил мальчуган. — Недавно зашел к нам на квартиру какой-то комиссар, что ли, а с ним девка с бумагами. «Сколько, — спрашивает он, — детей? Да кто был муж? Да сколько денег получаешь?» А она стоит и трясется. Я ей говорю: «Мама, ты чего трясешься? Это же советский». Все равно трясется. А чего бояться! Вот вы, например, начальник, однако же я стою и не боюсь.

— Послушай, ты, — помолчав немного, спросил командир, — как тебя зовут?

— Иртыш, — подсказал мальчик.

— Постой, почему же это Иртыш? Тебя как будто бы Иваном звали... Ванькой...

— То поп назвал, — усмехнулся мальчишка. — А теперь не надо. Ванька! И название-то какое-то сопливое. Иртыш лучше!

— Ну ладно, пусть Иртыш. Так вот что, Иртыш — смелая голова, в отряд я тебя все равно не возьму. А вот, если хочешь сослужить нам службу, я тебе дам пакет. Беги ты назад в Россошанск и передай его там военному комиссару.

— Да вы, поди, там напишете какую-нибудь ерунду. Так только, чтобы от меня отделаться, — усомнился Иртыш. — А я и понесусь как дурак, язык высунувши.

— Вот провалиться мне на этом месте, что не ерунду,— побоялся командир.— Так, значит, сделаешь?

— Ладно,— согласился Иртыш.— Только, если обманете, я вас все равно найду. Стыдить буду.

Когда они ушли, заспанный Бумбараш вылез из своей берлоги. Надо думать, что вид его был очень страшен, потому что, увидев его, бежавшие по двору ребятишки с воем бросились врассыпную.

— Отоспался?—высовываясь из окна, спросила его рябая баба.— Заходи в избу, щей налью. Мы отобедали.

Бумбараш сел за стол и вытащил свою ложку.

— Ушел командир? — спросил он, прислушиваясь к тиканью часов в горнице.— Командир, я смотрю, у вас добрый.

— Добрый,— согласилась баба. И, зевнув, она добавила: — На кого как. Вчера вечером у нас тут под оврагом шпиёна одного расстреляли. Хлюпкий такой шпиён, а в мешке три бомбы...

На кухню вошел красноармеец, но, судя по нагану у пояса, тоже какой-нибудь старшой.

— Командир здесь?

— Нету. Сказал, что скоро придет.

Красноармеец сел на лавку и внимательно посмотрел на хлебавшего щи Бумбараша.

— Это что же, здешний? — не вытерпев, наконец спросил он.

— Нет. Прохожий,— ответила баба.

— А...

Опять посидели молча.

— А это чья? — спросил красноармеец, показывая на висевшую в углу шинель.

— Моя шинель,— ответил Бумбараш.— А что надо?

— Ничего. Так спрашиваю.

Баба выдернула из стены иголку и сняла шинель, собираясь зашить порванный воротник.

— Экая у тебя шинель поганая! — укоризненно сказала она,— выворачивая грязные карманы и обшлага.— Таковую шинель только перед порогом постлать на подтирку... Это что у тебя за рукавом, бумага? Нужная?

Бумбараша передернуло. Это был тот самый пакет, который бог знает зачем взял он от мужика ночью в кордонной избушке. А кому был этот пакет и что еще в нем было написано — этого он так и не знал.

— Нет,— грубо ответил он.— Брось на растопку.

Красноармеец быстро поднял с шестка пакет и распечатал.

Лицо его сразу же покрылось потом, он читал про себя, по складам, не переставая наблюдать за движениями Бумбараша и не спуская руки с расстегнутой кобуры нагана.

— Поднимайся! — сказал он таким хриплым голосом, как будто бы его душили за горло.

Баба взвизгнула и уронила шинель. Бумбараш хотел было объяснить, кто он и откуда, но красноармеец глядел на него глазами, горевшими такой дикой ненавистью, что Бумбараш смолчал и решил, что лучше будет держать ответ перед самим командиром.

Он взял сумку и, в чем был, так и пошел впереди вынужденного своего нагана конвоира, возбуждая всеобщий страх и любопытство.

У крыльца штаба была привязана верховая лошадь. На ступеньках, облокотившись о винтовку, сидел молодой красноармеец.

— Проходи! — скомандовал конвоир Бумбарашу.— Встань, Совков, дай дорогу!

— К командиру нельзя! — не поднимаясь, ответил красноармеец.— Командир заперся с каким-то партийным. Видишь, лошадь...

— Сам ты лошадь! Видишь, дело важное!

— Ну иди, коли важное. Он тебе шею намылит.

Конвоир замаялся.

— Совков,— сказал он,— покарауль-ка этого человека. А я зайду сам, доложу. Да смотри, чтобы не убег.

— Пуля догонит,— самоуверенно ответил Совков.— Давай проходи. Да глянь на часы — много ли время.

Не поворачивая головы, Бумбараш зорко осматривался. Ворота во двор штаба были приоткрыты. Забора на той стороне не было, недалеко за баней начинался кустарник, потом овражек, потом опять кустарники — уже до самого леса.

«А кто его знает,— как еще рассудит командир? — с тревогой подумал Бумбараш, вспомнив рассказ хозяйки о расстрелянном шпионе.— Да и пойдика докажи ему, что пакет не твой. Доказать трудно... А пуля не догонит,— решил он, приглядываясь к лицу красноармейца.— Не та у тебя, парень, ухватка!»

Он наклонил голову, поднес ладонь к глазам, как будто

бы протирал веки, и, вдруг выпрямившись, ударил красноармейца ногой в живот.

Научили Бумбараша австрийские пули и прыгать зайцем, и падать камнем, и катиться под гору колобком, и, втискивая голову меж кочек, ползти ящерицей.

И оказался он под стеклом командирского бинокля уже возле самой опушки. Видно было, как он остановился, поправил сумку и, пошатываясь, ушел в лес.

Опасаясь погони, он не пошел по Россошанской дороге и долго плутал по лесу, пока не вышел на ту, что вела в Семикрутово.

Уже совсем стемнело. Через дыры его лохмотьев проникал сырой ветер. На траву пала роса. Нужно было думать о ночлеге, о костре, а тут еще, как нарочно, оказалось, что оставил он не только шинель, но и в кармане ее — спички.

Он шел, зорко оглядываясь по сторонам — не попадет ли хотя бы стожок сена, и вот заметил далеко, в стороне от дороги, мигающий огонек костра.

«Раз костер — значит, и люди», — раздумывал Бумбараш.

Однако, вспомнив, что за все последнее время, начиная от лесной сторожки, каждая встреча приносила не одну, так другую беду, он решил подобраться незаметно, чтобы узнать сначала, что там у костра за люди и чего от них можно ожидать плохого.

Добравшись до мелкой дубовой поросли, он опустился на четвереньки и вскоре подполз вплотную к костру, возле которого — как он разглядел теперь — сидели два монаха.

«Семикрутовские! — решил Бумбараш. — От Долгунца бегают».

И он затих, прислушиваясь к их неторопливому разговору.

— Ты еще этого не помнишь, — говорил черный монах рыжему. — Был у нас некогда пекарь — брат Симон. Человек, надо сказать, характера тихого, к работе исправный, но пил.

— Помню я, — отозвался рыжебородый. — Он из просфорной два куля муки стянул да осколок медного колокола цыганам продал.

— Эх, куда хватил! То был Симон-послушник, вор, бродяга! Его после, говорят, в казанской тюрьме за разбой повесили... А этот Симон был уже в летах, характера тихого, но, говорю, пил. Бывало, игумен*, тогда еще отец Макарий, ему скажет: «Симон, Симон! Почто пьешь? Терплю, терплю, а выгоню».

А брат Симон кроткий был. Как сейчас вот помню: стоит он пьяненький, руки на животе вот так сложит, а в глазах мерцание... этакое сияние. «Прости, говорит, отец игумен, к подвигу готовлюсь». А отец Макарий характера был крутого. «Если, говорит, сукин сын, все у меня к подвигу через пьянство будут готовиться, а не через пост и молитву, то мне возле трапезной кабак открывать придется».

Рыжебородый монах ухмыльнулся, подвинул свои короткие ноги в лаптях к огню и покачал плешивой, круглой, как тыква, головой.

— А ты не осуждай! — строго оборвал его рассказчик. — Ты раньше послушай, что дальше было. Вот стоим мы единожды у малой вечерни* с канонем. Служба уже за середку перевалила: Уже из часослова* «Буди, господи, милость твоя, яко же на тя уповаем» проскочили. Вдруг заходит брат Симон, выдать — выпивши, и становится тихо у правого крылоса*.

А надо сказать, что крепко-накрепко было игуменом наказано, что если брат Симон не в себе — не допускать в храм спервоначалу увещанием, а ежели не поможет, то гнать прямо под зад коленкой.

И как он смело через дверь прошел — уму непостижимо. А от крылоса гнать его уже неудобно. Шум будет. Стою я и думаю: «Ну, господи, только бы еще не облевал!»

А служба идет своим чередом. Только возгласили ирмос*: «Ты же, Христос, господь, ты же и сила моя», как наверху треснет, как крикнет! Стекла, как дождь, на голову посыпались. А у нас снаружи на лесах каменщики работали. Возьми леса да и рухни! Одно бревно, что под купол подводили, как грохнуло через окно и повисло ни туда ни сюда. Висит, качается... Как раз над правым приделом. А сорвется [а под ним икона] — все сокрушит вдрызг. Мы, братья, конечно, кто куда, в стороны. Смалодушествовали...

Вдруг видим, брат Симон — к алтарю, да по царским вратам*, с навеса на карниз, да от того места, где нынче

расписан сожской великомученицы Дарьи лик,— и пошел, и пошел...

Карниз узкий — только разве кошке пробраться, а он лицом к стене оборотился, руки расставил — в движениях легкость такая, как бы воспарение. Сам поет: «Тебя, бога, славим». И пошел, и пошел... Господи! Смотрим — чудо в яви: добрался он до окна, чуть бревно подтолкнул, оно и вывалилось наружу. Постоял он, обернулся, видим — качается. Вдруг как взревет он не своим голосом да как брякнется оттуда о пол! Тут он и богу душу отдал. Так потом сколько верующих на леса к тому карнизу лазили! Один купец попытался. «Дай, говорит, я ступлю». Ступил раз-два да на попятную... «Нет, говорит, бог меня за плечи не держит... Аз есмь человек, но не обезьяна, а в цирке я не обучался». Дал на свечи красненькую* и пошел восояси.

Рыжебородый опять покачал головой и усмехнулся.

— Чего же ты ухмыляешься? — сердито спросил черный.

— Да так... сияние... воспарение... Вот, думаю, заставил бы Долгунец всех нас подряд с колокольни прыгать — поглядел бы я тогда, какое оно бывает, воспарение... Господи, помилуй! Кто там?

Тут оба монаха враз обернулись, потому что из-за кустов выполз лохматый, рваный, похожий на черта Бумбараш.

— Мир вам,— подвигаясь к костру, поздоровался Бумбараш. [Слышал я нечаянно ваш рассказ. У нас на деревне в старину с цыганом тоже вроде этого случилось.]

— И тебе тоже,— ответил рыжебородый.— Говори, чего надо? Если ничего, то проваливай дальше.

— Земля широка,— подхватил другой.— Места много... а мы тебя к себе не звали.

На коленях у рыжебородого лежал тяжелый посох, а рука черного очутилась возле горящей с одного конца головешки.

— Мне ничего не надо,— злобно ответил Бумбараш.— Глядим мы с товарищами — горит огонь. Говорят мне товарищи: «Пойди узнай, что там за люди и что им здесь на нашей земле надо».

Монахи в замешательстве переглянулись.

— Садись,— поспешно освобождая место у костра, предложил чернородый.— А кто же твои товарищи и на чью землю мы попали?

Бумбараш усмехнулся. Он развязал сумку, достал оттуда позолоченную пачку табаку — такого, какого давно в этих краях и в глаза не видали. Свернул сигарку и только тогда неторопливо ответил:

— А земля эта вся на пять дорог — Россошанскую, Семикрутовскую, Михеевскую, на Катремушки и до Мантуровских хуторов — дана во владение нашему разбойничьему атаману, храброму Ивану Иванюку [над которым нет другого начальника, кроме самого преславнейшего Долгунца].

Монахи еще в большем замешательстве переглянулись. Рыжебородый опрокинул вскипевший чайник, черный быстро глянул на свои пожитки, тоже собираясь сейчас же вскочить и задать тягу.

И только похожий на черта Бумбараш важно сидел, поджав ноги, выпуская из носа и рта клубы пахучего дыма, и был теперь очень доволен [что он так ловко поджал хвосты негостеприимным монахам].

— Ты скажи им, — медленно подбирая слова, заговорил чернобородый, — что мы с братом Панфилием двое странствующие. Добра у нас [никакого] нет — вот две котомки да это [он показал на черный сверток]... монашья ряса — от брата нашего Филимона, который скончался вчера, свалившись в каменоломную яму, и был сегодня погребен. А через это задержались мы и не дошли, где бы постучаться на ночлег. И скажи, что тут бы пробыть нам только до рассвета. А чуть свет пойдут, мол, они с божьей помощью дальше.

— Ладно, — вытягивая из костра печеную картошку, согласился Бумбараш. — Так и скажу.

Но пока он, обжигая пальцы, счищал обуглившуюся кожуру, рыжебородый, который все время сидел и вертел головой, вдруг подмигнул черному и незаметно помахал толстым пальцем над своей плешивой головой. Очевидно, им овладело подозрение. И хотя курил Бумбараш табак из золоченой пачки, но был он для разбойника слишком уж худо одет, оружия при нем не было. Кроме того, для владельца разбойника с пяти дорог с очень уж он большой жадностью поедал картошку за картошкой.

— А где же твои товарищи? — осторожно спросил рыжебородый.

И Бумбараш увидел, что толстый посох опять очутился

у рыжего на коленях, а рука черного снова оказалась возле обуглившейся головешки.

— Да,— подхватил черный,— а где же твои товарищи? Ночь темная, прохладная, а ни костра, ни шуму...

— Вон там,— неопределенно махнул рукою Бумбараш и уже подтянул сумку, собираясь вскочить и дать ходу.

Но на этот раз счастье неожиданно улыбнулось Бумбарашу. Далеко, в той стороне, куда наугад показал он рукой, мелькнул вдруг огонек — один, другой... Шел ли это запоздалый пешеход и чиркал спичкой, закуривая на ветру сигарку или трубку. Ехали ли телеги, шел ли отряд, но только огонек, блеснув два раза яркой сигнальной искрой, потух.

И снова монахи в страхе глянули один на другого.

— Вот что, святые отцы,— грубо сказал тогда Бумбараш, забирая лежавший рядом с ним широкий подрясник покойного отца Филимона,— я ваши ухватки все вижу! Но уже сказано в священном писании: как аукнется, так и откликнется.

Он заложил два пальца в рот и пронзительно свистнул. Озорное эхо откликнулось ему со всех концов леса, и не успели еще ошеломленные монахи опомниться, как он скрылся в кустах.

Но этого ему было мало. Отойдя не очень далеко, он загогокал протяжно и глухо... Потом засвистел уже на другой лад... потом, перебравшись далеко в сторону, приложил руки ко рту и загудел, подражая сигналу военной трубы, затем поднял чурбак и принялся колотить им о ствол дуплистой сосны.

Наконец он утомился. Переждал немного и крадучись вернулся к костру. Монахов возле него не было и в помине. Он набросал около костра травы, положил в изголовье сумку, укрылся просторным подрясником и, утомленный странными событиями минувшего дня, крепко уснул.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

С пакетом за пазухой, с ременной нагайкой, которую он нашел близ дороги, Иртыш — веселая голова смело держал путь на Россошанск.

В кармане его широких штанов бренчали три винтовочных патрона, предохранительное кольцо от бомбы и пустая

обойма от большого браунинга. Но самого оружия у Иртыша — увы! — не было.

Даже по ночам снились ему боевые надежные трехлинейки, вороненные японские «арисаки», широкоствольные, как пушки, итальянские «гра», неуклюжие, но дальнобойные американские «винчестеры», бесшумно скользящие затвором австрийские карабины и даже скромные однозарядные берданы. Все они стояли перед ним грозным, но покорным ему строем и нетерпеливо ожидали, на какой из них он остановит свой выбор.

Но, мимо всех остальных, он уверенно подходил к русской драгунке. Она не так тяжела, как винтовки пехоты, но и не так слаба, как кавалерийский карабин. Раз, два!.. К бою... готовься!

Иртыш перескочил канаву и напрямик через картофельное поле вошел в деревеньку, от которой до Россошанска оставалось еще верст пятнадцать. Здесь надо было ночевать.

Он постучался в первую попавшуюся избу. Ему отворила красивая черноволосая, чуть постарше его, девчонка с опухшими от слез глазами.

— Хозяева дома? — спросил Иртыш таким тоном, как будто у него было очень важное дело.

— Я хозяйка, — сердито ответила девчонка. — Куда же ты лезешь?

— Здравствуй, коли ты хозяйка! Переночевать можно?

— Кого бог принес? — раздался дребезжащий голос, и дряхлая, подслеповатая старушонка высунула с печки голову.

— Да вот какой-то тут... переночевать просится.

— Заходи, батюшка! Заходи, милостивый! — жалобным голосом взывала старуха. — Валька, подай прохожему табуретку. Ох, и беда у нас, батюшка!.. Садись, дорогой, разве места жалко..

— Дак он же еще мальчишка! — огрызнулась на старуху обиженная Валька. — Ты глаза сначала протри, а то... батюшка да батюшка! Вон табуретка — сам сядет!

Но старуха, очевидно, была не только подслеповата, но и глуховата, потому что она не обратила никакого внимания на Валькину поправку и продолжала рассказывать про свое горе.

А горе было такое. Ее сын — Валькин отец — поехал еще позавчера в Россошанск на базар купить соли и мыла

и по сю пору домой не вернулся. На базаре односельчане его видели. Видели и в чайной уже незадолго до вечера. Однако куда он потом провалился — этого никто не знал. А время было кругом беспокойное. Дороги опасные. Вот почему бабка на печи охала, а у Вальки были заплаканные глаза.

— Вернется! — громко успокоил Иртыш. — Он, должно быть, поехал в Мантурово, покупать телку. Или в Кожухово, сменить у телеги колеса. Ведь телега-то у вас, поди, старая?

— Старая, батюшка! Это верно, что старая! — радостно завопила обнадуженная бабка и от волнения даже свесила ноги с печки. — Достань, Валька, из печки горшок... миску поставь. Ужинать будем.

Валька подернула плечами, бросила на Иртыша удивленный, но уже не сердитый взгляд и, забирая кочергу, недоверчиво спросила:

— Что же это он колеса менять бы вздумал? Он когда уезжал, про колеса ничего не говорил.

— А это уже характер у него такой, — важно объяснил Иртыш. — Станет он обо всем с вами разговаривать!

— Не станет, батюшка, — слезая с печи, охотно согласилась старуха. — Это верно, что характер у него такой крутой, натурный. Валька, слазь в подпол, достань крынку молока. Ах ты боже мой! Вот послал господь утешителя!

Утешитель Иртыш самодовольно улыбнулся. Он помог Вальке открыть тяжелую крышку подпола, наточил тупой нож о печку и вежливо попросил Вальку, чтобы она подала ему воды умыться.

Валька улыбнулась и подала.

После ужина они были уже почти друзьями.

Бабка опять залезла на печку. Валька насухо вытерла стол и сняла со стены жестяную лампу. Иртыш взял с подоконника Валькину тетрадь и огрызок карандаша.

— Хочешь, я тебя нарисую? — предложил он. — Ты сиди смирно, а я раз-раз — и портрет будет.

— Бумагу-то портить! — недоверчиво ответила Валька. А сама быстро поправила волосы и вытерла рукавом губы. — Ну, рисуй, если хочешь!

— Зачем же портить? — самоуверенно возразил Иртыш. И, окинув прищуренным глазом девчонку, он зачертил карандашом по бумаге. — Так... Ты сиди, не во-

рочайся!.. Вот и нос готов... сюда брови... Вот один глаз, вот другой... Глаза-то у тебя опухли, заплаканные...

— А ты не опухлые рисуй! — забеспокоилась Валька.— Ты рисуй, чтобы было красиво.

— Я и так, чтобы красиво... Ты кончик языка убери. А то так с языком и нарисую! Ну вот волосы — раз... раз, и готово! Смотри, пожалуйста, разве не похожа? — И он протянул ей портрет красавицы с тонкими губами, с длинными ресницами и гибкими бровями.

— Похоже,— прошептала Валька.— Эх, как ты здорово! Только вот нос... Он как-то немного кривой... Разве же у меня кривой? Ты посмотри поближе... Подвинь лампу.

— Что нос? Нос — дело пустяковое. Дай-ка резинку... Нос я тебе какой хочешь нарисую. Хочешь — прямой, хочешь — как у цыганки с горбинкой... Вот такой нравится?

— Такой лучше,— согласилась Валька.— Ой, да ты же мне и сережки в ушах нарисовал!

— Золотые! — важно подтвердил Иртыш.— Постой, я в них сейчас бриллианты вставлю! Один бриллиант — раз... другой — два... Эх, ты! Засверкали! Ты в городе бываешь, Валька?

— Бываю,— не отрываясь от портрета, тихо ответила Валька.— С отцом на базаре.

— Тогда найду!.. А вон и ворота скрипят. Беги, встречай батьку!

— Ты колдун, что ли? Ой! А ведь правда, кто-то подъехал.

В избу вошел отец. Он был зол.

Вчера в лесу его встретили четверо из долгунцовской банды, вскочили на телегу и заставили свернуть на Семикрутово...

Против двухсот пехотинцев, полусотни казаков и двух орудий у города Россошанска было только восемьдесят два человека и три пулемета.

Однако отбивался Россошанск пока не унывая. Стоял он на крутых зеленых холмах. С трех сторон его охватывали поросшие камышом речки Синявка и Ульва. А с четвертой — от поля — на самой окраине торчала каменная тюрьма с четырьмя облупленными башенками.

День и ночь тут дежурила сторожевая застава. Пули за каменными бойницами были ей не страшны, а тургачевские орудия по тюрьме не били, потому что сидели в ней заложниками жена Тургачева и ее сын Степка.

Было еще совсем рано, когда Иртыш подбежал к ограде и застучал в окованные рваным железом ворота.

— Что гремишь? — спросил его через окошечко надзиратель. — Кого надо?

— Трубников Павел в карауле? Отворите, Семен Петрович. Беда как повидать надо!

— Эх, какой ты, молодец, быстрый! А пропуск? Это тебе, милый, тюрьма, а не церква.

— Так мне же нужно по самому спешному и важному! Вы там откиньте слева крючок, а засов ногою отпихните. Я быстренько. Мне только к Пашке Трубникову... к брату...

— К брату? — высовывая бородатое лицо, удивился надзиратель. — А я тебя, молодец, спросонок и не признал. Так это, говорят, ваша компания у меня в саду две яблони-скоропелки наголо подчистила?

— Бог с вами, Семен Петрович! — хлопнув рукой об руку, возмутился Иртыш. — С какой компанией? Какие яблоки? Ах, вот что! Это вы, наверно, приходили недавно в сад. Где яблоки? Нет яблок. А все очень просто! Когда в прошлую пятницу стреляли белые из орудий, он — снаряд — как рванет... В воздухе гром, сотрясение!.. У Каблуковых все стекла полопались, трубу набок свернуло. Где же тут яблоку удержаться? Яблоки у вас сочные, спелые, их как тряханет — они, поди, и посыпались...

— То-то, посыпались! А куда же они с земли пропали? Сгорели?

— Зачем сгорели? Иные червь сточил, иные ёж закатал. А там, глядишь, малые ребяташки растащили. «Дай, думают, подберем, все равно на земле сопреет». А чтобы мы... чтобы я?.. Господи, добро бы хоть яблоко какое — анисовка или ранет, а то... фють, скоропелка!

— Мне яблок не жалко, — отпирая тяжелую калитку, пробурчал старик. — А я в нынешнее время жуликов не уважаю. Люди за добрую жизнь головы наземь ложут, а вы вон что, шелапутники!.. Ты лесом бежал, белых не встретил?

— У Донцова лога трех казаков видел, — проскаль-

зывая за ограду и не глядя на старика, скороговоркой ответил Иртыш.— Ничего, Семен Петрович... мы отобьемся!

— Вы-то отобьетесь! — закидывая тяжелый крюк, передразнил Иртыша старик.— Ваше дело ясное... Направо иди, мимо караулки. Там возле бани, где солома, спит Пашка.

В проходе меж двумя заплесневелыми корпусами дымила походная кухня. Тут же, среди дров, валялись изрубленные на растопку золоченые рамы от царских портретов, мотки колючей проволоки и пустые цинки из-под патронов. На заднем дворике сушились возле церковной решетки холщовые мешки и поповская ряса.

В стороне, возле уборной, разметав железные крылья, лежал кверху лапами двуглавый орел.

Кто-то из окошка, должно быть нарочно, выкинул Иртышу на голову горсть шелухи от вареной картошки. Иртыш погрозил кулаком и повернул к бане.

Раскидавшись на соломенных снопах, ночная смена еще спала. Иртыш разыскал брата и бесцеремонно дернул его за полу шинели.

Брат лягнул Иртыша сапогом и выругался.

— Давай потише,— посоветовал отскочивший Иртыш.— Ты человек, а не лошадь!

— Откуда? — уставив на Иртыша сонные глаза, строго спросил брат.— Дома был? Где тебя трое суток носило?

— Всё дела,— вздохнул Иртыш.— Был в Катремушках. Ты начальнику скажи — совсем близко, у Донцова лога, трех я казаков видел.

— Эка невидаль! Трех! Кабы триста...

— Трехсот не видал, а ты скажи все же. Дома что? Мать, поди, ругается?

— Бить будет! Вчера перед иконой божилась. «Возьму, сказала, рогаль и буду паршивца колотить по чем попало!»

— Ой ли? — поежился Иртыш.— Это при советской-то?

— Вот она тебе покажет «при советской»! Ты зачем у Саблуковых на парадном зайца нарисовал? Всё шарлатанишь?

Иртыш рассмеялся:

— А что же он, Саблуков, как ~~на~~ митинге: «Мы да мы!» — а когда в пятницу стрельба началась, смотрю — скачет он через плетень да через огород, через грядки, мет-

нулся в сарай, из сарая — в погреб. Ну чисто заяц! А еще винтовку получил! Лучше бы мне дали...

— Про то и без тебя разберут, а тебе нет дела.

— Есть,— ответил Иртыш.

— А я говорю — нет!

— Есть,— упрямо повторил Иртыш.— А ты побежишь, я и тебя нарисую.

— И кто тебя, такого дурака, сюда пропустил? — рассердился брат.— В другой раз накажу, чтобы гнали в шею. Постой! Матери скажи, пусть табаку придет. За шкапом, на полке. Да вот котелок захвати. Скажи, чтобы еды не носила. Вчера мужики воз картошки да барана прислали— пока хватит.

Иртыш забрал котелок и пошел. По пути он толкнул ногой железного орла, заглянул в пустую бочку, поднял пустую обойму, и вдруг из того же самого окна, откуда на голову ему свалилась картофельная шкурка, с треском вылетела консервная жестянка и ударила по ноге, забрызгав какую-то жидкой дрянью.

Сквозь решетку Иртыш увидел вытиравшего о тряпку руки рыжего горбоносого мальчишку лет пятнадцати.

— Барчук! Тургачев Степка! — злобно крикнул Иртыш, хватая с земли обломок кирпича.— Где твое ружье? Где собака? Сидишь, филин!

Камень ударился о решетку и рассыпался.

— Стой! Проходи мимо! — закричал Иртышу, выбегая из-под навеса, часовой.— Не тронь камень, а то двину прикладом... Уйди прочь от решетки, белая гвардия! — погрозил он кулаком на окошко.— Ты смотри, дожدهшься!

Из глубины камеры выскочила такая же рыжая горбоносая женщина и рванула мальчишку за руку.

— Врет, он не выстрелит,— отдергивая руку, огрызнулся мальчишка.— Нет ему стрелять приказа!

Он плюнул через решетку, показал Иртышу фигу и нехотя отошел.

— Ишь, белая порода! Ломается! — выругался часовой.— То-то, что нет приказа. А то бы ты у меня сунулся!.. Беги, малый,— сердито сказал он Иртышу.— Видел господ? Мы вчера всухомятку кашу ели. А он, пес, фунт мяса да полдесятка яиц слопал. Не хватает только пирожного да какава!

— За что почет? — спросил Иртыш.— Жрали бы хлеба.

— Бойтся комиссар — не сдохли бы с горя. Разобьет тогда Тургачев тюрьму пушками. Она, тюрьма, только с виду грозна. А копнуть — одна труха. В церкви на стене писано — еще при Пугачеве строили. Сорви-ка лопух да штанину сзади вытри. Эх он тебя, пес, дрянью избрызгал.

— Я его убью! — пообещался Иртыш. — Мне бы только винтовку достать. У вас тут нет лишней?

Часовой усмехнулся:

— Лишних винтовок нынче на всем свете нет. Все при деле. Беги, герой! Вон разводящий идет, смена караула будет.

Отбежав на бугорок в сторону, Иртыш видел, как смеялись часовые. Старый сказал что-то новому и показал на Иртыша, потом на окошко.

Новый злобно выругался и вскинул винтовку к плечу. Разводящий погрозил новому пальцем и кивнул на караулку — должно быть, обещал пожаловаться начальнику. Новый скривил рот, вероятно показывая, что начальника он не испугался. Однако, когда разводящий поднес к губам свисток, новый сердито ударил прикладом о землю, скинул шинель, повесил ее на гвоздь под деревянный навес, молча стал на пост.

Старого часового Иртыш не знал. Новый, Мотька Звонарев, истопник и кухонный мужик с тургачевской усадьбы, был Иртышу немного знаком. Когда Мотька хоронил дочку Саньку, которая утонула в пруду, испугавшись тургачевских собак, Иртыш был на похоронах и даже нес перед гробом крест.

С пригорка Иртышу был виден подкравшийся к решетке Степка Тургачев. Иртыш постоял, любопытствуя — высунется теперь Степка из окна или нет. Степка постоял, посмотрел, но когда Мотька поднял голову, то он быстро отошел прочь.

Иртыша выпустили за ворота. Он решил выйти на свою улицу напрямик, через луг и огороды, и быстро шагал по мокрой, росистой траве.

«Давно ли? — думал он. — Нет, совсем еще недавно, всего только прошлым летом, его поймали в Тургачевском парке, где он ловил в пруду на удочку карасей. По чистым песчаным дорожкам, меж высоких пахучих цветов, его провели на площадку, и там перед стеклянной террасой, сидя в плетеной качалке, вот эта самая важная горбоносая женщина кормила из рук булкой пушистого козленка. Она

объяснила Иртышу, что он потерял веру в бога, честь и совесть и что, конечно, уже недалеко то время, когда он попадет в тюрьму...»

Иртыш обернулся и посмотрел на грозные тюремные башенки.

— А как повернулось дело? — задумчиво пробормотал он. — Трах-та-бабах! Революция!

Ему стало весело. Он глотал пахнувший росой и яблоками воздух и думал: «Столб, хлеб, дом, рожь, больница, базар — слова всё знакомые, а то вдруг — Революция! Бейте, барабаны!» Он поднял щепку и громко забарабанил в закопченное днище солдатского котелка:

Бейте, барабаны,
Трам-та-та-та!
Смотри, не сдавайся
Никому никогда!

Получалось складно.

Бейте, барабаны,
Военный поход!
В тысяча девятьсот
Восемнадцатый год!

Одинокая пуля жалобно прозвенела высоко над его головой. Иртыш съежился и скатился в канаву.

Высунувшись, он увидел, что это стреляют свои. С тюремной башенки часовой-наблюдатель показывал рукой, чтобы Иртыш не бродил полем, а шел дорогой.

Иртыш запрыгал и замахал шапкой, объясняя, что ему нужно пройти огородами. Часовой посмотрел — увидал, что мальчишка, и махнул рукой. Иртыш свистнул и уже без песен помчался через грядки.

Высоко над землею сияло солнце. Звенели над пустыми полями жаворонки.

Прятались в логах злобные казаки. Приготовились к удару тургачевские пушки. И все на свете веселому Иртышу было ясно и понятно.

Это был июль 1918 года. Сады, заборы, загородки для выпаса скота были оплетены ржавой колючей проволокой. Лучину на растопку утюгов, самоваров щепали военными тесачами. Крупу, пшено, махорку скупотмерно на базарах походным котелком. А гремучие капсюли, головки от снарядов, латунные гильзы, обоймы, шомпола, а то и целую бомбу — на страх матерям — упрямо тащили ребятишки домой, возвращаясь с походов по грибы, по ягоду, по орехи.

Спасаясь от собаки и разорвав штанину о проволоку, Иртыш выбрался через чужой огород на улицу и на стене каменной часовенки увидел рыжее, еще сырое от клейстера объявление, возле которого стояло несколько человек. Это был, кажется, уже четвертый по счету приказ ревкома населению — сдать под страхом расстрела в 24 часа все боевое, ручное и охотничье огнестрельное оружие.

Иртыш, не задерживаясь, пробежал мимо. Он уже знал заранее, что все равно никто ничего не сдаст.

Было еще рано, но осажженный городок давно проснулся. Неуклюже ворочая метлами, под присмотром конвоира буржуи подметали мостовую. Неподалеку от пожарной каланчи, наполовину разбитой снарядами, городская рабочая дружина — человек двадцать пять — наспех обучалась военному делу.

По команде они вскидывали винтовки «на плечо», «на руку», «наизготовку», падали на булыжник и, распугивая прохожих, с криком «ура» скакали от забора к забору.

Мимо разрушенных и погоревших домов, сданных и брошенных купцами лавок Иртыш подошел к розовому двухэтажному дому купца Пенькова, где стоял теперь военный комиссариат.

У крыльца уже толкались люди; из окна, выбитого вместе с рамой, торчал пулемет. Пулеметчик, сидя на широком каменном подоконнике, грыз семечки и бросал шелуху в пузатую, как бочка, золоченую урну.

У главного входа, возле каменного льва, в разинутую пасть которого был засунут запасной патронташ, стоял знакомый часовой. И он пропустил Иртыша, когда узнал, что Иртышу надо.

Иртыш прошел по шумным коридорам и наконец очутился в комнате, где уже несколько человек ожидали комиссара. Какой-то бойкий военный молодец, а вероятно всего-навсего вестовой, потянулся к Иртышу за пакетом.

— Нет! — отказался Иртыш. — Отдам только самолично.

— «Отлично самолично»! — передразнил его молодец. — Да что же ты, дурак, прячешь за спину? Дай хоть подержать в руках.

— Вон умный — возьми да подержись, — указывая на дверную медную ручку, ответил Иртыш. — А это тебе не держалка!

Зашуршала и приоткрылась тяжелая резная дверь — кто-то выходил и у порога задержался.

По голосу Иртыш узнал комиссара — товарища Гринвальда. Другой голос, хрипловатый и резкий, тоже был знаком, но чей — Иртыш не вспомнил.

— Как наставлял наш дорогой учитель Карл Маркс, — говорил кто-то, — то знайте, товарищ комиссар, что я готов всегда за его идеи...

— Карл Маркс — это дело особое, а бомбы зря бросать нечего, — говорил комиссар. — То разоружили бы мы Гаврилу Полувалова втихую, а теперь подхватил он свою охрану — да марш в банду. Иди, Бабушкин, зачисляю тебя командиром взвода караульной роты. Постой! Я что-то позабыл: семья у Гаврилы большая?

— Сам да жена. Жена у него, надо думать, товарищ комиссар, его злобному делу не сочувствует.

— Это мы разберем — сочувствует или не сочувствует.

Дверь отворилась, вышел комиссар Гринвальд, а за ним — коренастый, большеголовый человек в старенькой шинели, с винтовкой, у которой вместо ружейного ремня позвякивал огрызок собачьей цепи.

Иртыш сразу узнал михеевского мужика Капитона Бабушкина, которого в прошлом году за грубые слова драгуны сбросили вниз головой с моста в Ульву.

— Посадить дуру, конечно, следует, — согласился Капитон Бабушкин. — Как завещал наш дорогой вождь Карл Маркс, трудящийся — он и есть труженик, а капитал — это явление совсем обратное. И раз родилась она бедного происхождения, то и должна, значит, держаться своего класса. Я эти его книги три месяца подряд читал. Цифры и таблицы пропускал, не скрою, но смысл дела понял.

Капитон вышел. Комиссар оглянулся.

— Эти двое не к вам, — объяснил вестовой. — В канце-

лярии сидят по вызову, а к вам коммерсант с жалобой да вон — мальчишка...

— Что за коммерсант? А-а... — нахмурился комиссар, увидев бородатого старика, который, опираясь на палку, стоял не шелохнувшись. — Садись, купец Ляпунов. Я тебя слушаю.

— Ничего, я постою, — не двигаясь, ответил старик. — Совесть, говорю я, в нашем городе уже давно не ночевала. Контрибуцию мы вам дали. Лошадей дали. Хлеба двести пудов для пекарни дали. Дом мой один под приют забрали — хотя и незаконно, ну, думаю, ладно — приют дело божье.

А сегодня, смотрю, в другом доме на откосе рамы выставили, в стенах ломом бьют дыры, антоновку яблоню да две липы вырубili. Говорят, якобы для кругозора обороны. «Что же, — кричу им, — или вы слепые? Вон гора рядом. Бери заступы, рой окопы, как честные солдаты, строй фортификацию. А почто же в стенах бить дырья?»

Мы с вами по-хорошему. В других городах народ за ружье хватается, бунт вскипает. Мы же сидим мирно, и как оно будет, того и дожидаемся. Вы же разор чините, злобу. Заложников десять человек почти взяли. У людей от такой невидали со страху язык отнялся. Семьи сирые плачут. Вдова Петра Тиунова на чердаке удавилась. Это ли есть правое дело?

— Врет он, Яков Семенович! — ляпнул из своего угла Иртыш. — Вдову Тиунову они сами удавили. Она была... как бы сказать... блаженная, ей петлю подсунули, а теперь по всем базарам звонят!

Старик Ляпунов опешил и замахнулся на Иртыша палкой.

Иртыш отпрыгнул.

Комиссар вырвал и бросил палку.

— Ты кто? — строго спросил комиссар у Иртыша.

— Иртыш Трубников. Гонец с пакетом от командира Лужникова.

— Сиди, гонец, пока не спросят... Вот что, папаша, — обернулся комиссар к Ляпунову, — тебя слушали, не били. Теперь ты послушай. Хлеба дали, контрибуцию дали — подумаешь, благодетели!.. Врете! Ничего вы нам не давали. Хлеб мы у вас взяли, контрибуцию взяли, лошадей взяли.

Где нам рыть окопы, где бить бойницы — тут вы нам

советчики плохие. Заложников посадили, надо будет — еще посадим. Сорок винтовок офицер Тиунов из ружейных мастерских ограбил. Сам убит, а куда винтовки сгнули — неизвестно! Отчего вдова Тиунова на другой день на чердаке оказалась — неизвестно. Однако догадаться можно...

А чью ночью через Ульву лодку захватили? А кто спустил воду у мельницы, чтобы дать белым брод через Ульму?.. Я?! Он?!. (Комиссар ткнул пальцем на Иртыша.) Может быть, ты?.. Нет?.. Николай-угодник!..

Иди сам, сам запомни и другим Расскажи. Да, забыл! Что это у вас в монастыре за святой старец объявился? Поет, как ангел... сияет... проповедует. Я не бандит Долгунец. Монастыри громить не буду. Но старцу посоветуй лучше убраться подальше.

Прочти ему что-нибудь из священного писания, иже, мол, который глаголет все¹ разные словесы насчет того, какая власть от бога, а какая от черта, то пусть лучше отыдет подальше, дондеже² не выгнали его в шею или еще чего похуже. Ступай!..

Там тебе я утром сегодня повестку послал. Сорок пар старых сапог починить надо. Достаньте кожи, набойки, щетины, дратвы.

— Где? Откуда?

— Поищите у себя сначала сами, а если уж не найдете, то я своих пошлю к вам на подмогу.

— Бог! — поднимая палец к небу и останавливаясь у порога, хрипло и скорбно пригрозил Ляпунов. — Он все видит! И он нас рассудит!

— Хорошо, — ответил комиссар, — я согласен. Пусть судит. Буду отвечать. Буду кипеть в смоле и лизать сковородки. Но кожу смотрите не подсуньте мне гнилую! Заверну обратно.

Старик вышел.

Комиссар плюнул и взял у Иртыша пакет и сердито повернулся к дверям своего кабинета.

Иртыш побледнел.

Отворяя дверь, комиссар уже, вероятно, случайно увидел точно окаменевшего, вытянувшегося мальчугана.

— Что же ты стоишь? Иди! — сказал он и вдруг грубовато добавил: — Иди за мной в кабинет.

¹ Глаголет все (церк.-слав.) — говорит без надобности.

² Дондеже (церк.-слав.) — доколе, покуда.

Иртыш вошел и сел на краешек ободранного мягкого стула. Комиссар прочел донесение.

— Хорошо,— сказал он.— Спасибо! Что по дороге видел?

— Трех казаков видал у Донцова лога. Два — на серых, один — на вороном. Возле Булатовки два телеграфных столба спилены... Да, забыл: из Катремушек шпион убежал. По нем из винтовок — трах-ба-бах, а он, как волк, закрутился, да в лес, да ходу... Дали бы и мне, товарищ комиссар, винтовку, я бы с вами!

— Нет у нас лишних винтовок, мальчик. Самим нехватка. Дело наше серьезное.

— Ну, в отряд запишите. Я пока так... А там как-нибудь раздобуду.

— Так нельзя! Хочешь, я тебя при комиссариате рассылным оставлю? Ты, я вижу, парень проворный.

— Нет! — отказался Иртыш.— Пустое это дело.

— Ну, не хочешь — как хочешь. Ты где учился?

— В ремесленном учился на столяра. Никчемная это затея — комоды делать, разные там барыням этажерки...— Иртыш помолчал.— Я рисовать умею. Хотите, я с вас портрет нарисую, вам хорошую вывеску нарисую? А то у вас какая-то мутная, корявая, и слово «комиссар» через одно «с» написано. Я знаю — это вам маляр Васька Сорокин рисовал. Он только старое писать и умеет: «Трактир», «Лабаз», «Пивная с подачей», «Чайная». А новых-то слов он совсем и не знает. Я вам хорошую напишу! И звезду нарисую. Как огонь будет!

— Хорошо,— согласился комиссар.— Попробуй... У тебя отец есть?

— Отца нет, от вина помер. А мать — прачка, раньше на купцов стирала, теперь у вас, при комиссариате. Ваши галифе недавно гладила. Смотрю я, а у вас на подтяжках ни одной пуговицы. Я от своих штанов отпороть велел ей, она и пришила. Мне вас жалко было...

— Постой... почему же это жалко? — смутился и покраснел комиссар.— Ты, парень, что-то не то говоришь.

— Так. Когда при Керенском вам драгуны зубы вышибли, другие орут, воят, а вы стоите да только губы языком лижете. Я из-за забора в драгун камнем свистнул да ходу.

— Хорошо, мальчик, иди! Зубы я себе новые вставил.

Иным было и хуже. Сделаешь вывеску — мне самому покажешь. Тебя как зовут? Иртыш?

— Иртыш!

— Ну, до свиданья, Иртыш! Бей, не робей, наше дело верное!

— Я и так не робею,— ответил Иртыш.— Кто робеет, тот лезет за печку, а я винтовку спрашиваю.

Иртыш побежал домой в Воробьеву слободку. С высокого берега Синявки пыльные ухабистые улочки круто падали к реке и разбегались кривыми тупиками и проулками.

Все здесь было шиворот-навыворот. Убогая колокольня Спасской церкви торчала внизу почти у самого камыша, и казалось, что из сарая бочара Федотова, что стоял рядом на горке, можно было по колокольне бить палкой.

С крыши домика, где жил Иртыш, легко было пробраться к крыльцу козьей барабанщицы, старухи Говорухи, и оттуда частенько летела на головы всякая шелуха и дрянь.

Но зато когда Иртыш растоплял самовар еловыми шишками, дым черным столбом валил кверху. Говорухины козы металась по двору, поднимая жалобный вой. Высоывалась Говоруха и разгоняла дым тряпкой, плевалась и ругала Иртыша злодеем и мучителем.

Жил на слободке народ мелкий, ремесленный: бондари, кузнецы, жестянщики, колесники, дугари, корытники. И еще издалека Иртыш слышал знакомые стуки, звоны и скрипы: динь-дон!.. дзик-дзак!.. тиу-тиу!..

Вон бочар Федотов выкатил здоровенную кадку и колотит по ее белому пузу деревянным молотком... Бум!.. Бум!..

А вон косой Павел шаркает фуганком туда-сюда, туда-сюда, и серый котенок балуется и скачет за длинной кудрявой стружкой.

«Эй, люди,— подумал Иртыш,— шли бы лучше в Красную Армию».

Он отворил калитку и столкнулся с матерью.

— А-а! Пришел, бродяга! —злым голосом закричала обрадованная мать и схватила лежавшую под рукой деревянную скалку для белья.

— Мама,— сурово ответил Иртыш.— Вы не деритесь. Вы сначала послушайте.

— Я вот тебе послушаю! Я уже слушала, слушала, все уши прослушала! — завопила мать и кинулась к нему навстречу.

«Плохо дело!» — понял Иртыш и неожиданно сел посреди двора на землю.

Этот неожиданный поступок испугал и озадачил мать Иртыша до крайности. Разинув рот, она остановилась, потрясая скалкой в воздухе, тем более что бить по голове скалкой было нельзя, а по всем прочим местам неудобно.

— Ты что же сел? — со страхом закричала она, уронив скалку, беспокойно оглядывая сына и безуспешно пытаясь ухватить его за короткие и жесткие, как щетина, волосы.— Что ты сел, губитель моего покоя. У тебя что — бомба в ноге? Пуля?

— Мама,— торжественно и печально ответил Иртыш.— Нет у меня в ноге ни бомбы, ни пули. А сел я просто, чтобы вам на старости лет не пришлось за мной по двору гоняться. Бейте своего сына скалкой или кирпичом. Вот и кирпич лежит рядом... вон и железные грабли. Мне жизни не жалко, потому что скоро все равно уже всем нам приблизится смерть и гибель.

— Что ты городишь, Христос с тобой! — жалобно спросила мать.— Откуда гибель? Да встань же, дурак. Говори толком!

— У меня горло пересохло! — поднимаясь с земли и направляясь к столу, что стоял во дворе под деревьями, ответил Иртыш.— Был я в деревне Катремушки. И было там людям видение... Это что у вас в кастрюле, картошка?.. И было там людям видение... подвиньте-ка, мама, соли!.. За соль в Катремушках пшено меняют... Пять фунтов на пуд... Ничего не вру... сам видал. Да, значит, и было там людям видение — вдруг все как бы воссияло...

— Не ври! — сказала мать.— Когда воссияло?

— Вот провалиться — воссияло!.. Воссияло!.. Ну, сверху, конечно. Не из погреба... Вот вы всегда перебиваете... А я чуть не подавился... Вам Пашка котелок прислал — возьмите. Табаку спрашивает. Как нету?.. Он говорит: «Есть на полке за шкапом. Без табаку,— говорит,— впору хоть удавиться». Говорили вы ему, мама: «Не кури — брось погань!», а он отца-матери не слу-

шался, вот и страдает. А я вас слушался — вот и не страдаю...

— Постой молоть! — оборвала его мать... — Ну, и что же — видение было?.. Глас, что ли?

— Конечно, — протягивая руку за хлебом, ответил Иртыш. — Раз видение, значит, и глас был. Я, мама, к вам домой бежал, торопился — за проволоку задел, штанина дрызг... Вон какой кусок... Вы бы мне зашили, а то насквозь сверкает, прямо совестно... Хотел было вам по дороге малины нарвать... да не во что!..

Помните, как мы с отцом вам однажды целое решето малины нарвали. А вы нам тогда чаю с ситным... А жалко, мам, что отец помер. Он хоть и пьяница был, но ведь бывал же и трезвый... А песни он знал какие... «Ты не стой, не стой на горе крутой!» Спасибо, мама, я наелся.

— Постой! — вытирая слезы, остановила его мама. — А что же видение — было?.. Глас был?.. Или все, поди, врешь, паршивец?..

— Зачем врать?.. Был какой-то там... Только что-то неразборчиво... Одни так говорят, другие этак... А иной, поди, сам не слышал, так только зря брешет. Дайте-ка ведра, я вам из колодца воды принесу, а то у вас речная, как пойло.

И, схватив ведра, Иртыш быстро выскользнул за калитку.

Мать махнула рукой.

— Господи, — пробормотала она. — Отец был чурбан чурбаном. Сама я как была пень, так и осталась колода. И в кого же это он, негодный, таким умником уродился? Ишь ты... видение... сияние...

Она вытерла слезы, улыбнулась и начала среди барахла искать крепкую ткань своему непутевому сыну...

«ХУЛИГАНЫ»

(Глина)

Глава первая

ПАВЛИК-ЯБЕДА ПОДСЛУШИВАЕТ ИНТЕРЕСНУЮ НОВОСТЬ

Воспользовавшись тем, что мать вышла во двор, Павлик быстро выудил из супового горшка большой жирный кусок мяса. В это время в сенцах что-то стукнуло. Обжигая пальцы, Павлик торопливо сунул мясо в карман. Однако мать не показывалась. Вероятно, это за дверью завопил у кормушки поросенок Хрюк.

Павлик обозлился на Хрюка, из-за которого он перепачкал растопленным жиром карман новых штанов. Он хотел выйти и дать Хрюку пинка, но тут досада его обернулась на младшего, двухлетнего братишку Гошку.

Этот хитрый, измазавшийся Гошка стибрил с Павликовой тарелки половинку творожника и, затолкав в рот, спокойно пережевывал его, раздувая красные, замасленные сметаной щеки.

Сгоряча Павлик хотел треснуть Гошку и поднялся уже со стула. Но хитрый Гошка, заметив этот маневр, уже заранее открыл рот, собираясь заорать во всю свою горластую глотку.

Тогда Павлик переменял решение. Он с грустью посмотрел на оставшуюся половинку творожника. Вздыхнул, незаметно снизу смазал творожник горчицей и нарочно на глазах у Гошки сверху густо посыпал сахаром.

— Ешь, Гошенька! — радушно предложил Павлик. — Я наелся. Кушай на здоровьице.

Не закрывая рта и хитро скосив маленькие круглые глаза, Гошка недоверчиво посмотрел на Павлика. Но жадность пересилила в нем осторожность. Кусок был такой аппетитный, да и лицо Павлика улыбалось так искренне и приветливо.

Гошка сунул кусок в рот, и почти тотчас же глаза его заслезились. Он отплюнулся, показал Павлику язык и только после этого глубоко вздохнул и заревел.

Реветь Гошка был мастер. Он никогда не кричал до хрипоты, захлебываясь и закашливаясь, как орут многие глупые дети. Гошка набирал полные легкие воздуха и начинал однотонно и басисто:

— А-а-а-а-а...

Потом делал коротенькую передышку и начинал опять снова:

— А-а-а-а-а...

Таким образом, экономно расходуя свои силы, Гошка мог орать очень продолжительное время.

Заранее радуясь тому, что, вернувшись, мать, вероятно, выдерет Гошку после того, когда тот дойдет ее своим воем, Павлик скромно отошел в угол и сел на лавку, приготовившись наблюдать за дальнейшим ходом интересных событий. Но тут дверь распахнулась, и вместо матери в комнату вошел неожиданно вернувшийся из города отец.

Это совершенно меняло дело. Толстый Гошка был любимец отца, и, вспомнив это, Павлик, ерзав, прыгнул со скамьи к оравшему братишке и быстро заговорил вкрадчиво и ласково:

— Ну-ну, будет, Гошенька! Ну, что ты?.. Вот наш дорогой папочка приехал. Ну, что ты орешь? По маме соскучился? Сейчас, сейчас придет мама...

Но ни Гошку, ни отца эта хитрость не провела.

Гошка заорал еще громче, а отец защемил Павликино ухо и, жестким пальцем постучав сына по голове, спросил сердито:

— Ты у меня, пустая башка, будешь помнить, как к ребенку приставать?

Однако, так как Гошка говорить еще не умел и никаких доказательств Павликиного преступления не было, он, вероятно, отделался бы только внушением. Но тут отец обратил внимание на большое жирное пятно, просочив-

шееся через оттопыренный карман, и потащил Павлика к свету.

Минутой позже вернулась мать, и уличенный в покраже супового мяса, огорченный Павлик, к превеликому восторгу переставшего орать Гошки, был выдран ремнем и отослан на кухню со строгим приказанием не показываться оттуда на глаза раньше вечера.

Забравшись на теплую печку, Павлик подложил вальяный сапог под голову, укрылся старым овчинным полушубком и, вдоволь наплакавшись, утих, раздумывая о том, как бы это получше отомстить отцу и Гошке. Так, незаметно для себя, он уснул. Снилось ему, будто бы он, Павлик Алалыкин, уже большой и будто бы его назначили взамен Семена Семеновича главным народным судьей. И вот приводят к нему на суд Гошку.

«А...— говорит Павлик-судья.— Так это вы, гражданин Гошка? О-о-очень хорошо! А помните, как вы мой творожник сожрали? А помните, как из-за вас меня отец выдрал? О-очень хорошо, гражданин Гошка! Назначаю вам сорок лет каторги... Уведите его с моих глаз, товарищи милиционеры, и не давайте этому паршивцу никакой пощады!»

Вероятно, от удовольствия Павлик потянулся. Лежавший под головой валенок сдвинулся и задел сушившийся в углу веник. Веник шлепнул Павлику в лицо. Павлик сердито фыркнул. Он не желал просыпаться и хотел досмотреть сон с дальнейшими злоключениями справедливо осужденного Гошки. Но тут до слуха Павлика из соседней комнаты донесся негромкий разговор.

Павлик же был любопытен. И вообще он был твердо убежден в том, что самое интересное и важное можно не услышать, а только подслушать. Подслушивать тоже нужно умеючи. Прежде всего притвориться спящим. Но на это нужно свое время. Днем, например, за столом никак не уснешь — не поверят да еще выругают. Ночью же то неудобство, что или отец с матерью спят, или самому на самом деле спать охота. Можно также спрятаться, чтобы подумали, будто бы ушел. Только в это время нельзя кашлять или чихать. Летом подслушивать удобно под окошком. Но зимой это не годится — холодно.

Павлик свесил с печки золотушную рыжую голову, приложил к уху трубочкой руку, и тотчас же голоса за тонкой перегородкой приобрели большую звучность и четкость.

— Ну, галоши — раз: это два рубля сорок копеек, — сказал отец и щелкнул костяшкой счетов. — Гошке ботинки — два. Это еще пятерка.

— Пашке фуражку бы надо, — подсказала мать.

— А прошлогодняя? Летом ведь только покупали.

— Мала она ему. У него голову, как тыкву, распирает. И подумать только... Сколько жрет, а худющий, как церковный огарок. Одна голова растет. Уж не знаю, умный, что ли, будет очень?

— То-то и дело, что, кажется, дурак, — хладнокровно ответил отец и еще раз щелкнул костяшкой. — Ну, шут с ним, фуражка — два рубля. Итого, мать моя, мы с тобой насчитали шестнадцать рублей сорок копеек. Вот тебе и пашка!.. А ты еще занавески хотела!

За стеной отец зевнул, чиркнул спичкой. Слышно было, как мать брнчит стаканами, приготавливая чай.

Довольный Павлик шмыгнул носом и облизнул губы. Вероятно, в другое время обидное замечание отца задело бы его, но сейчас он не обратил на это никакого внимания, потому что обещанная фуражка с лакированным козырьком крепко уселась на его голову и овладела его мыслями.

— Я вот насчет Пашки, — продолжал отец. — Скоро конец ему придет за собаками гонять. В городе, в исполкоме, сегодня учителя встретил. Назначают к нам вместо покойного Ивана Яковлевича. Спрашивает меня: «Ну, как у вас ребята?» Я говорю ему: «Ежели по совести сказать, то хуже наших вряд ли где найдешь. Сплошное хулиганье!» — «Ничего, говорит, вот именно-то поэтому меня к вам и посылают».

— За что же это? — заинтересовалась мать.

— Да ни за что. Ты думаешь, что ему в наказание? Вовсе нет! Это специально такой учитель. Он где-то раньше хулиганов обучал. Он в такой оборот их возьмет, что не пикнут. Да... — продолжал отец, понижая голос. — Комната ему будет нужна. Я намекнул, что у нас, дескать, снять можно. Так что ты пока помалкивай про учителя, а то еще, неравно, как кто свою предложит. Глядишь — десять целковых из кармана вылетели.

За стеной замолчали. Зашипел самовар, и кипяток с урчаньем побежал в чайник.

Сколько ни обрадован был Павлик известием о предполагаемой покупке фуражки, но все же даже эта новость ему показалась мелкой и неважной по сравнению с тем, что услышал он от отца о назначении нового учителя.

Павлик перевернулся и сбросил полушубок. Ему стало жарко. Он открыл рот и учащенно задышал. Было похоже на то, что кто-то посторонний тянет его с печи за ноги. Павлик не мог больше ни минуты оставаться на месте. Заполученная им важная новость рвалась на волю. Сознание того, что только он один — Павлик Алалыкин, по прозвищу Ябеда,— обладает этой новостью, приятно волновало и в то же время мучило его.

Нужно было бежать и сообщить обо всем мальчишкам. Нужно рассказать им подробно. Если подробностей не хватит, можно выдумать их или, вернее, не выдумать, а допридумать. Какой учитель? Почему он не простой, а особенный? Когда приедет? Молодой или старый?

Павлик обул валенки, накинул ватное, перекрашенное из шинели пальто, схватил облезлую заячью шапку и тихонько выскользнул в сени.

Теплые мартовские сумерки мягкой влагой лизнули лицо. Выбежав на улицу, Павлик остановился, раздумывая, куда ему направиться: на Гончары или на Горки? Поколебавшись, он завернул на Гончары, потому что было ближе.

Павлик бежал вприпрыжку по истоптанной, порыхлевшей дороге. Возле церковной ограды четверо маленьких ребятишек лепили снежного болвана. Заметив Павлика, они с визгом и смехом схватились за руки и, приплясывая вокруг недолепленного болвана, громко запели неприятную для Павлика песню:

Павлик-Ябеда беда,
Козлиная борода!
Он кошек жрет,
Про мальчишек врет!

— Я вот вас! — пригрозил Павлик и наклонился за снежком.

Ребятишки, как воробьи, прыснули врассыпную. Павлик показал им вдогонку кулак и пошел дальше, будучи, в сущности, весьма доволен тем, что есть в местечке и такие ребятишки, которые и его, Павлика, боятся.

— Ябеда! — спокойно оклинул кто-то Павлика.

Павлик обернулся и увидел у церковной ограды Володьку Рыбакова. Павлик направился к Володьке, но, сделав два шага, он остановился и только сейчас сообразил, какую ошибку допустил он, направившись на Гончары, вместо того чтобы бежать на Горки.

Охваченный желанием скорее поделиться с кем-нибудь новостью, он совсем позабыл о том, что беспощадный Володька при первой же встрече непременно будет его бить — и бить за дело, потому что еще только на днях Павлик съездничал своему отцу, секретарю местечкового совета, о том, что это Володька на прошлой неделе выколупал стекло из памятника над могилой председателя бабушки.

— Ябеда, пойдй сюда! — повторил Володька. — Если не подойдешь, то догоню, хуже будет.

— Бить будешь, Володька? — заискивающе и жалобно поинтересовался Павлик.

— Буду, — хладнокровно ответил мальчуган и сплюнул на снег.

— А ты — не надо, — еще жалобней заныл Павлик. — Кто тебе велит драться? Ты ведь вон какой здоровый! Ты здоровше всех мальчишек, а я нет.

Последние слова Павлик сказал с тонким расчетом польстить врагу и воздействовать на его великодушие.

Но результат получился как раз обратный. Черный стройный мальчуган зло рассмеялся и, сощуривая глаза, крикнул:

— Ишь, какая сирота казанская! Драться — так маленький, а ябедничать — большой. Поди сюда тотчас же!.. Или нет: встань на колени и ползи ко мне на четвереньках. Ну, раз... два...

Прядь темных волос выбилась из-под смятого картуза Володьки Рыбакова. Постукивая тонкой палкой по носку своего худого сапога, он чуть-чуть подался туловищем вперед, и Павлик понял, что еще секунда промедления — и он будет жестоко и беспощадно избит.

— Володька! — уныло завопил Павлик, оглядываясь по сторонам и неловко опускаясь на корточки. — А я тебе что скажу... Если не будешь драться, я тебе такое скажу, какое ни один мальчишка еще не знает. Я и сам только что узнал. Такое интересное, что ежели это сказать хоть кому хочешь, хоть Кольке Горшкову, то он так и ахнет!

На этот раз намекая на то, что Колька Горшков может первым узнать что-то очень важное, Павлик поступил хитро и умно.

Рыбаков выпрямился, поправил сбившуюся фуражку и, за презрительной гримасой стараясь скрыть овладевшее им любопытство, согласился:

— Ну ладно, выкладывай! Что еще такое ты подслушал?..

— А встать с четверенок можно? — робко спросил Павлик.

— Можно. Только ежели наврал и не очень интересное, то тогда и вовсе на пузо ляжешь.

Поднявшись, Павлик несколько раз подпрыгнул, разминая заходявшие колени, и начал передавать Рыбакову свежие важные новости.

По мере того как он говорил, смуглое, пересеченное шрамом лицо Володьки становилось все серьезней, а тонкая, гибкая палка в его руках резче и злей чертила по снегу кривые узоры.

— Холостой или женатый? — задавал он короткие вопросы.

— Холостой... то есть он женатый, только жена его в другом городе... и дочка тоже в другом. А сын у него был, да только помер,— с азартом допридумывал Павлик, опасавшийся, что слишком короткий рассказ не удовлетворит Володьку и тот снова вернется к решению драться.

Когда совсем оправившийся от испуга Павлик кончил говорить, Володька положил ему на плечо худую, но цепкую пятерню. Павлик понял это как знак дружбы и признательности за сообщенную новость. Польщенный этим, он радостно хихикнул и в порыве благодарности хотел было дополнить свой рассказ новыми подробностями об учительной бабушке, о его наружности, о прежнем месте работы, но тут он почувствовал, что Володькина пятерня крепче и крепче давит ему плечо, и это не понравилось Павлику.

— Если ты, Ябеда, об этом расскажешь еще кому-нибудь, то буду я бить тебя и за старое и за новое. Понял?

Не дожидаясь ответа, Володька потряс Павлика, толкнул его в сугроб, затем свистнул и легко перескочил через церковную ограду.

Убедившись в том, что опасный собеседник исчез, Павлик выкарабкался из сугроба. Отряхнул заячьей шап-

кой комья налипшего снега, оглянулся и, по-видимому подражая Володькиной манере говорить, прищурил глаз, опустил уголки губ и, посмотрев в сторону церковной ограды, на которую уселась черная галка, сказал, презрительно растягивая слова:

— Па-а-а-думаешь! Так я тебя и испугался!

Глава вторая

«РОДНОЙ КРАЙ»

Чудно постороннему человеку смотреть на поселок Черепково. Ни деревня, ни город.

Дома старые, обветшалые. Крыши ржавые, некрашенные. Церковь большая да облинялая. Выцвели лица божьих угодников. Обвалилась штукатурка из-под трона грозного старика — бога, и хороводы глиняных ангелов покрылись плесенью и птичьим пометом. Да и сами-то ангелы выглядели неважно. У того ноги не хватало, у того крыло отбито.

Пройдет вдоль ограды священник отец Памфил, посмотрит, колупнет палочкой осыпающуюся штукатурку, поглядит на пустые грачиные гнезда, густо разляпанные по ветвям пригнувшихся березок, и вздохнет: «Плохо!»

И народу в церковь ходит немало. В воскресный день протиснуться трудно. Каждый старик со своей нуждой, каждая баба со своим горем, а вот свечку копеечную поставить и то не всякий горазд. Обеднял народ — плохо.

Напротив церкви — большой двухэтажный дом. Нижний этаж каменный, но внизу окна забиты накрест драными досками, и ветер и снег свободно кружатся меж пустых осклизлых ото льда стен.

Крыша дома осела, как хребет заезженной лошади, жиденькие зацветшие стекла окон верхнего этажа во многих местах заклеены порывевшей бумагой. Забор вокруг дома давно сломан и растащен. Это школа.

Выйдет из каменной клетушки, похожей на большую собачью конуру, сторож Григорий, зевнет, посмотрит лениво на стаю галок, роющихся в помойной куче, на закопченную трубу с вывалившимися кирпичами и покачает головой — скверно дело!

И не то чтобы учить было некого. Куда там. Ребят пол-

ны улицы, отчаянные к тому же ребята. А так... Средств нет. Опустился народ — спился.

С тех пор как взыграло в весну двадцать первого года широкое Лесное озеро, прорвало плотину и затопило от края до края благодатный Глиняный Лог, заглохло и зачахло некогда богатое Черепково. Поразорились гончары, горшечники, игрушечники и посудники. Хлеб сеять негде, болото кругом. Железная дорога далеко. В городе заработать нечего — и всего-то в городе одна кошмовальная фабрика* да свечной завод на 30 рабочих. Куда кинешься?

Наискосок от школы крытый черепицею широко распластавшийся по земле крепкий дом. Почерневшие бревна его сруба прочно вросли одно в другое. Из выбеленной известью трубы весело валил кудреватый черный дым. У крыльца хрустели сеном и овсом заиндевелые лошади. Клубы серого теплого пара вырывались из-за больших, обитых драным войлоком дверей. Вкусно пахло жареной свиной, луком и теплым ржаным хлебом.

Над крылечком большая — желтым по зеленому — вывеска. В ее правом углу, как герб старинного города, размалеван, окруженный венком березовых веток, узористый, глиняный горшок. Сбоку надпись: «Трактир-чайная с подачей пива «РОДНОЙ КРАЙ».

Выйдет на крылечко хозяин — Иван Федорович, откашляется, крикнет подъехавшему мужику, чтобы вязал лошадь не к забору, а к столбам. Пихнет ногой бродячую собаку, увивающуюся у дверей и, несмотря на холод, снимет теплую баранью шапку, приветливо кланяясь компании приближающихся знакомых посетителей:

— Милости просим!

Хорошо!

Двое вошли в трактир. Отец Павлика — секретарь (сельского.— *Ред.*) совета Семен Алалыкин и только что вернувшийся с заработков из далекого губернского города черепковский старожил Никифор Горшков.

Отыскивая свободное место, через пар и махорочный дым они разглядели в углу деревянный столик, за которым сидел только один человек.

Два обстоятельства могли вызвать у постороннего

неподдельное удивление. Во-первых, несмотря на то, что человек сидел за чайником, он был уже крепко пьян, и его опьянение увеличивалось с каждым лишним стаканом выпитого чая.

Во-вторых, то, что на рваном нагольном полушубке невзрачного посетителя тускло мерцал потемневший серебряный венок и помутневшая эмаль ордена Красного Знамени.

Перед человеком стоял белый чайник, стакан, а на бумаге лежала наломанная кусками серая булка и порция говяжьего студня, обильно смазанная жидкой горчицей.

— Подвинься-ка малость, Егор Михайлович, — сказал секретарь, усаживаясь на хлюпкий скрипучий стул. — Ты, как я вижу, чай пьешь?

За показной вежливостью в тоне секретаря не трудно было почувствовать прямую насмешку. Но человек в полушубке не обратил на это внимания. Он поднял на подошедших тусклые, глядевшие мимо глаза. Молча подвинул булку и студень, опустил голову на подставленную руку и ответил спокойно:

— Самогон я пью, а не чай. Может быть, и ты хочешь, Сенька, полстаканчика?

— Ну, ну, ну! — оборвал секретарь, поджимая полные, отвислые губы. — Ты не очень-то, Рыбаков, я тебе не Сенька, а товарищ Алалыкин. Пора бы запомнить.

— Алалыкин так Алалыкин, — равнодушно согласился тот. — Можно и Алалыкин... Один черт.

Секретарь отвернул голову, посматривая, нет ли где другого свободного столика. Как лицо официальное, он не любил, чтобы с ним обращались фамильярно.

И если бы к нему таким непочтительным образом обратился не Рыбаков, а кто-либо другой из обывателей, то секретарь, безусловно, нашел бы, что ответить и как одернуть забывшегося гражданина.

Но это был как раз Рыбаков, тот самый, на которого давно уже все махнули рукой и который доставлял немало хлопот всему совету. Никак его (этого Рыбакова) нельзя было с толком раскусить.

Раньше это был искусный горшечник. В германскую войну попал на фронт, а вернулся уже по окончании гражданской. Где он был, с кем воевал, и не поймешь. Вернувшись, с полгода не слезал с печи — отсыпался. И решили про него, что непутевый это человек.

Вернулся не в чинах, одежда плохая, да и документы что-то не в порядке. Хотели уже районный военкомат запросить: точно ли Рыбаков был у красных и не ходил ли он в дезертирах?

Вдруг — в совет бумага. На ней герб — Москва, круглая крепкая печать. К бумаге — орден и другая бумага: назначается Рыбакову пособие — 25 целковых в месяц.

Вот тебе и дезертир!

Думали: «Ну, теперь пойдет Рыбаков в гору — быть ему председателем. Шутка ли — орден!»

Опять ошиблись. Запил Рыбаков. Напившись, не буянил, но пил крепко и упорно. Одна беда была за ним. Когда напьется, то такие опасные мысли начнет высказывать, что не раз и не два приходилось отправлять его вытрезвляться в каталажку, чтобы не смущал окружающих людей.

Так прошел год, два, и совсем опустился человек. Перестал его секретарь Егором Михайловичем величать. Не велика шишка, сойдет просто и за Егора.

Потом опять на короткое время возвеличился Рыбаков. Ехала через Черепково какая-то важная комиссия из Москвы. Сообщали о ней чуть ли не за месяц и письмами, и отношениями из уезда, что если, мол, захочет произвести смотр, чтобы было все в лучшем виде.

Приехали. Остановились на час лошадей покормить. Полуграмотный председатель, секретарь с папкой и члены (совета. — *Ред.*) около главного московского представителя так и увивались:

— Может, обревизуете? Чаю не хотите ли? Может, закусить? Может, передохнете с дороги?

Ничего тот не захотел — некогда.

Шел в это время по улице Рыбаков навеселе. Рассмеялся и прямо к представителю.

— Здравствуй, — говорит.

— Здравствуй, — ответил тот и улыбнулся.

Поздоровались, обнялись.

— Помнишь? — спросил Рыбаков.

— Я-то, — ответил тот, — помню, а ты-то не позабыл ли?

Тут как раз лошадей подали, но отошел московский гость в сторонку — задержался. Поговорили они о чем-то и опять обнялись, прощаясь.

— Будешь, заходи.

— Где уж мне,— глядя в землю, ответил Рыбаков и тихо покачал головой.

Только отъехала комиссия, обступили все Рыбакова. Подходит председатель и спрашивает почтительно и вежливо:

— Вы что же, Егор Михайлович, раньше с товарищем знакомы были?

— Да,— неохотно ответил Рыбаков.— Был немного.

Больше ничего не сказал. Другой бы на его месте такие турысы развел*. В лучшем бы виде себя бы выставил. «Вот, мол, я каков. Вот со мной кто...» А этот ничего. Только пошел в трактир и крепче, чем всегда, напился. И вскоре опять на нет сошел этот человек.

Подали две пары пива, густо посыпанную резаным луком селедку и блюдечко моченого гороха. Угощал Горшков. Тот, кто знал хитрого и расчетливого старика, мог бы догадаться, что щедро выставленное пиво свидетельствует лишь о том, что у Горшкова к секретарю есть дело.

Потягивая пиво, старик повел осторожный разговор, иногда искоса поглядывая на совсем захмелевшего соседа. Было не совсем понятно, почему Горшков говорит так тихо, часто не доканчивая фразы и ограничиваясь намеками на какой-то предыдущий разговор. Непонятно потому, что речь шла, по-видимому, только о том, чтобы ему, Горшкову, совет разрешил прирезать к огороду кусок земли, освободившийся после разборки на дрова старых кирпичных сараев.

Старик тянул пиво маленькими глотками и больше говорил. Втайне он рассчитывал к тому времени, когда будет раскупорена четвертая бутылка, разговор закончить.

Но секретарь поступал как раз наоборот. Он больше молчал и чаще наклонял бутылку, с бульканьем наполнявшую его опорожненный стакан. И вышло так, что, когда секретарь откашлялся, собираясь, наконец, говорить, пива уже больше не было.

Старик Горшков неодобрительно крякнул и поднялся, заказывая еще пару.

— Что ж, товарищ Алалыкин,— опускаясь на стул, заговорил Горшков с плохо скрываемой досадой.— Сидим

мы с тобой, почитай, час, а дело не порешили. На чем-нибудь кончать-то надо.

— Дело сложное,— глубокомысленно ответил секретарь, вынимая большой зеленый платок, вытирая мокрые губы и забрызганные пивной пеною усы.— Дело серьезное. Это как председатель и члены сельсовета. Разве за мной остановка? Я человек подчиненный, что прикажут, то и делаю.

Концом грубого бумажного шарфа Горшков протер запотевшие очки и посмотрел молча на секретаря.

«Врешь ты все,— казалось, говорил его недоверчивый взгляд.— Знаю, где у тебя сидит председатель, а про членов и говорить нечего. Хитришь, брат. И уж, наверное, оттого виляешь, что землю кузнецу пообещался».

Но он не сказал этого. Он подозвал хозяйского малого, чтобы расплатиться. Замотал шарфом длинную, жилистую шею и поднялся со стула.

— Домой идти пора. Дела там разные. Да коня хочу в кузницу вести подковать. Ну, пока прощения просим, Семен Борисович. Значит, в случае чего, я на вас надеюсь. А за мной дело не станет.

При напоминании о кузнице секретарь перестал жевать моченый горох. Его ползучие, точно прилизанные маслом брови сошлись у переносицы. Он потянул носом воздух и, как бы почуяв запах чего-то нехорошего, поморщился.

— Что ж, Никифор Иванович. Пойди, подкуй,— ответил он и очень хитро подмигнул правым, заметно косившим глазом.— Подкуй, дело хорошее.

Когда Горшков вышел, секретарь подозвал прислуживавшего хозяйского малого.

— Дашь еще пару,— небрежно приказал он, глядя в сторону.

Парень замялся.

— Подогретого нету больше, Семен Борисович. Все вышло. Одно холодное осталось, только с морозу.

— Ну, ну,— пригрозил пальцем секретарь.— Я тебе дам с морозу, ты мне сам чушь не морозь.

Бойкий парень потоптался, потом изогнулся и, наклонившись к уху Алалыкина, почтительно прошептал:

— Не могу, Семен Борисович. За вами и так шесть рублей семь гривен записано. Вот папаша сейчас со двора вернется... Как уж он распорядится. А я без него не могу-с.

Малый кинулся на окрик к соседнему столу. Озадачен-

ный такой дерзостью, Алалыкин не нашелся даже, что ответить, и забарабанил пальцем по столу, придумывая, чем бы это такое поскорей и покрепче отплатить трактирщику за такое непочтение к особе, занимающей официальное положение.

В это время сонный Рыбаков поднял со стола отяжелевшую голову и с любопытством, точно увидав в первый раз, уставил мутные глаза на секретаря.

— Петька, а Петька,— промычал он.

— Я, кажется, не раз говорил...— начал было секретарь, но Рыбаков не дал ему докончить.

Он привстал, опустил руку на плечо отодвинувшегося Алалыкина и спросил пьяным, бессмысленным голосом:

— Это ладно... Ты не двигайся. Ты вот что мне скажи... Взятки ты берешь или нет? Вот у меня какое есть интересное сомнение.

Алалыкин быстро оглянулся и скинул руку с плеча. Лишившись точки опоры, Рыбаков, роняя стулья, грузно опустился на пол, где тотчас же заснул, приладив голову на жестяную плевательницу.

— Я вам покажу, голубчики,— пробормотал секретарь, взбешенный и отказом в подаче пива и неповторяемой дерзостью Рыбакова.— Я вас обоих за один раз.

Он кликнул проходившего мимо окна милиционера.

— Чурбаков,— строго приказал секретарь, когда милиционер приблизился к столику.— Составляй протокол.

Тут секретарь понюхал воздух, поднял чайник и вылил на руку несколько оставшихся капель самогона.

— Составляй два протокола: один на хозяина — за допущение незаконного распития спиртных напитков, другой на гражданина Рыбакова — за распитие, а также за хулиганство. После, как составишь, отведешь пьяного гражданина в каталажку. Пусть там вытрезвится.

— Чего, чего встреваетесь,— гаркнул милиционер на сдвинувшихся любопытных.— До вас это дело не касается. Вы за собой поглядывайте.— Он был недоволен, потому что грамоту знал плохо и над составлением двух протоколов должен был теперь просидеть не меньше трех часов.

Трактир быстро опустевал. Никому не хотелось попасть в свидетели. В углу хозяин ругал сына. Сын стоял понуро и отговаривался:

— Отчего не подавал? Все оттого... Вы же сами, папаша, наказывали.

— Я наказывал, я наказывал!.. Кликнул бы прямо меня. Мало, что наказывал. Наказ тоже к месту исполнять надо.

Приказав милиционеру, чтобы тот принес завтра протокол на проверку в совет, секретарь вышел, не ответив на низкий поклон притихшего трактирщика. На улице он подумал, что недурно бы попить чаю. Но домой ему идти не хотелось. Он знал, что так как сегодня будний день, то расчетливая жена к чаю ничего вкусного не даст. А после пива ему хотелось чего-нибудь кислого: например, клюквенного варенья.

Тут он вспомнил, что вчера встретил в городской лавке кузнеца, покупавшего к пасхе чернослив. И секретарь решительно зашагал на Горку, собираясь заодно порасспросить — точно ли за тем, чтобы подковать лошадь, отправился хитрый Горшков в кузницу.

Проходя мимо церковной ограды, он небрежным кивком ответил на приветствие возвращавшегося от вечерни отца Памфила. Но тут он вспомнил, что есть дело.

— Вы, батюшка, освободите сарайчик,— останавливаясь, сказал он.— Нам самим теперь нужен. На дрова для школы. Так что, будьте добры,— поторопитесь...

— Как же это так? — оторопел отец Памфил.— У нас же договор. Там прямо сказано, что до начала следующих школьных занятий. А занятия осенью — в сентябре или октябре. И деньги я вперед внес.

— Ну, так и выходит до начала занятий,— насмешливо согласился секретарь.— А занятия-то у нас через неделю начнутся. Оказывается, нового учителя присылают. Мы тут не виноваты. Раз приказано свыше, так потрудитесь не задержать.

Оставив изумленного Памфила в полном смятении и негодовании, секретарь пошел дальше, размышляя о том, как вывернуться с доставкой дров для школы.

Дело же было в том, что когда месяц тому назад умер прежний учитель, школу закрыли. Предполагая, что до осени занятий не будет, оставшиеся школьные дрова совет продал церковному приходу, а вырученными деньгами покрыл перерасход, вызванный частными поездками секре-

таря и председателя в город. Надо было как-то изворачиваться и что-то придумывать.

Эти неприятные хозяйственные размышления секретаря были прерваны шорохом. Сначала секретарю показалось, что в сугроб прыгнула кошка. Но он тотчас же понял, что это не кошка, а брошенный ком снега, пролетевший мимо.

— Га!.. — гаркнул кто-то из-за угла неестественно резким, фальшивым голосом.

— Карр!.. — мрачно каркнул из-за сломанного забора — другой. И жирный снежный ком мягко плюхнулся в спину секретарской поддевки.

— Я вот вас! — закричал секретарь, пятась к противоположной стороне улицы и пытаясь по голосам угадать хулиганивших.

Но тут целый град крупных, крепко отжатых снежков полетел в него <из-за забора>.

— Я вот вас, негодяев!.. — закричал секретарь и, втянув в воротник толстую голову, мелкой рысцей побежал к сверкнувшему невдалеке огоньку кузнецова дома.

Когда он скрылся — вышли трое. Навстречу шел четвертый.

— Эгей! Володька!.. — окрикнул четвертый, останавливаясь издалека.

— Это мы, Мишка! Кати сюда.

— Вы что тут?

— А так, гуляем. Тебя ждали.

— Зачем звал? — спросил подошедший сутулый мальчуган в огромных стоптанных валенках.

— К нам айда... домой...

— А батька?

— Батьки нету. Батька опять в каталажке сегодня ночует. Сами хозяйничать будем...¹

1928(?)

¹ На этом обрывается рукопись повести. По счастливой случайности, сохранилась заявка А. П. Гайдара на книгу «Хулиганы» (Глина). Заявка позволяет увидеть, как должны были развиваться дальнейшие события. (См. комментарии — с. 457 наст. т.)

ДНЕВНИКИ

«ТОВАРИЩ»

Календарь для учащихся на 1917—1918 учебный год

ВОСПИТАННИКА Арзамасского реального училища Аркадия Голикова

АДРЕС: Новоplotинная, 25*

Если кто найдет, прошу вернуть по адресу.

МОЕ РОЖДЕНИЕ: Льгов Курской губернии... 1904 г.*

МОЙ ЛЮБИМЫЙ ПИСАТЕЛЬ: Гоголь, Пушкин, Толстой, Жюль Верн.

МОЕ ЛЮБИМОЕ ЗАНЯТИЕ: Книга.

РАСПИСАНИЕ ДЕЖУРСТВ.

Понедельные дежурства в алфавитном порядке. Дежурный не отвечает за поломки и повреждения классного имущества, случившиеся после уроков <Постановление (классного.— Ред.) комитета>.

НОМЕР ВИНТОВКИ: 302939.

НАЧАЛЬСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Г-Н МИНИСТР — меняются.

КОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ — зачеркнуто: «Керенский»*. Вписано: «Крыленко»*.

ДИРЕКТОР — Иван Алексеевич Смирнов*

ИНСПЕКТОР — Дмитрий Николаевич Лебяжьев

КЛАССНЫЙ НАСТАВНИК — Николай Николаевич Соколов*

ГОСПОДА ПРЕПОДАВАТЕЛИ IV ОСНОВНОГО КЛАССА:

ЗАКОН (божий.— *Ред.*) — отец Иван*

РУССКИЙ ЯЗЫК — Николай Николаевич Соколов

МАТЕМАТИКА — Михаил Нестерович Онищенко*

ФРАНЦУЗСКИЙ — Софья Вацлавна Бернатович*

НЕМЕЦКИЙ — Эльза Карловна Шмит*

ЧЕРЧЕНИЕ, РИСОВАНИЕ — Николай Викторович Роговицкий*

ЗООЛОГИЯ, ГЕОГРАФИЯ — Константин Иванович Калиновский*

ИСТОРИЯ — Александр Алексеевич Пронин*

ТЕМЫ ДОМАШНИХ СОЧИНЕНИЙ

Когда задано	Срок подачи	Заглавие	Балл
30 сент	3 окт	„Разница прозы и поэзии“	5

ТЕМЫ КЛАССНЫХ СОЧИНЕНИЙ

Когда писали	Заглавие	Балл
сент 28 окт 14	„Из школьной жизни“ „Аллегория“*	

7 нед. 10—16 сентября 1917

- 11/24 Пн. Были все 5 уроков. Новую французженку зовут Софья Вацлавна Бернатович.
12/25 Вт. Были вопросы о выборе комитета.
13/26 Ср. Общая молитва отменена. Запись уроков в бальнике необязательна.
14/27 Чт.

8 нед. 17—23 сентября 1917

- 23/6 Сб. Выбрали после уроков комитет.
Голиков — 20 голосов*.
Доброхотов Б., }
Мешалкин } 14 гол.
Доброхотов }
Степанов } 11 гол.

9 нед. 24—30 сентября 1917

- 24/7 Вс. Первое собрание комитета у Ник. Ник. Вопрос об отсутствующих, о развлечениях и другие.
27/10 Ср. Было задано сочинение на тему: «Из школьной жизни», по плану.

10 нед. 1—7 октября 1917

- 3/16 Вт. Комитет постановил требовать от класса полнейшего спокойствия на всех уроках, главное — французском, законе и истории.
4/17 Ср. Первый день сегодня начались мелкие дожди.
6/19 Пт. Была на последнем уроке (французском) икона (урока не было).
7/20 Сб. Один голубь был подстрелен, 2 ранены (улетели).

11 нед. 8—14 октября 1917

- 8/21 Вс. 1 голубь подстрелен, пули вышли.
9/22 Пн. Географии не было. Старый урок заменили русским, разбирали (слепой закон).

- 10/23 Вт. Купил книгу («географию»).
- 11/24 Ср. «Калевала»* Емцетимт Лакафецхей¹.
- 12/25 Чт. Приезжал Кузьма Васильевич от папы. Был у нас от 8 до 1 час. дня. Много рассказывал о папе и наконец уехал, дав обещание заехать на обратном пути за посылкой. Написал письмо папе.
- 13/26 Пт. Написал письмо папе и послал его.
- 14/27 Сб. Был у Рейста*. «Ночь на границе». Интересно. Написал стихотворение.
- 15/28 Вс. Гадер мобезад здегадфол ф «Со зфапатю»².

13 нед. 22—28 октября 1917

- 22/4 Вс. Был на эсеровском митинге.
- 23/5 Пн. Не было французского урока, отпустили.
- 24/6 Вт. Не было закона, с последнего урока отпустили.
- 25/7 Ср. Меня и Шнырова директор заметил, когда мы дрались на палках. И безрар моз танай³.
- 28/10 Сб. Будет письменная по алгебре.

15 нед. 5—11 ноября 1917

- 5/18 Вс. Кадетская лекция не была.
 Был на съезде крестьянских депутатов.
- 8/21 Ср. Был у Рейста* на «Примадонне».
- 9/22 Чт. Не было рисования. Я выпросил пустой урок; были танцы.
- 11/24 Сб. Не было рисования, и 7 ноября были пустые уроки. Масса листов раздавалась с кадетскими прокламациями.

16 нед. 12—18 ноября 1917

- 12/25 Вс. Сегодня выборы в Учредительное собрание.
- 14/27 Вт. Как я и думал, вечером приехал Кузьма Васильевич.

¹ Некоторые записи в дневнике Аркадия Голикова сделаны придуманным им шифром. Фраза переводится: «Инцидент. Роговицкий».

² Хотел написать стихотворение в <газету> «За свободу».

³ И послал нас домой (что считалось серьезным наказанием.—Ред.).

- 15/28 Ср. Был Кузьма Васильевич. Мы отдали ему массу писем. Пластинок (фотографических.— *Ред.*) нету нигде.
- 18/1 Сб. Буран.
- 24/7 Пт. Сильный мороз. Катины именины*.
- 28/11 Вт. Пришли мы сегодня в школу и нас отпустили — первый день выборов в Учредительное собрание.

19 нед. 1—10 декабря 1917

- 2/15 Сб. Был на вечере. «Лес». До 3 часов ночи. Было весело.
- 3/16 Вс. Был на вечере. «Лес». До конца не дождался.
- 4/17 Пн. Был наш вечер, сошел благополучно, наш 4 кл.
- 5/18 Вт. Был у Рейста (Вильгельм).
- 7/20 Чт. Было 4 урока. У меня заболела голова, и я отпросился.
- 9/22 Сб. Занимался вечером по алгебре.

20 нед. 10—16 декабря 1917

- 10/23 Вс. Играл в шахматы.
- 14/27 Чт. Сегодня годовщина декабрьского восстания (1905 года.— *Ред.*), в училище не был.
- 15/28 Пт. Был на вокзале и собирал в пользу солдат.
- 16/29 Сб. Отпустили после 3 уроков на каникулы.
- 31/13 Встретили Новый год.

24 нед. 7—13 января 1918

- 2/15 Был на вечере и купил р-----р¹.
- 9/22 Вт. Сегодня учились, несмотря на 9 января.
- 11/24 Чт. Было собрание по вопросу об обзаведении класса своим журналом*.
- 13/26 Сб. Я играю гусара Глова из комедии Гоголя «Игроки». Аресты кадетов.

25 нед. 14—20 января 1918

- 14/27 Вс. Был на 3-х собраниях. Делегации отказали в просьбе освободить кадетов.
- 15/28 Пн. Учились, забастовки не было.

¹ Револьвер.— *Ред.*

- 18/31 Чт. Я не хожу на уроки закона божьего, было всех 4 урока.
20/2 Сб. Было 4 урока. Я играю чиновника особых поручений.

26 нед. 21—27 января 1918

- 26/8 Пт. Я именинник.
27/9 Сб. Были гости.

27 нед. 28 января — 3 февраля 1918

- 28/10 Вс. Был Варнава. Большевики преданы анафеме*.
30/12 Вт. Было классное 2-х часовое сочинение на разные темы. Был в Совете.

28 нед. 4—10 февраля 1918

- 6/19 Вт. Я сегодня не был в классе, потому что нет сапог.
7/20 Ср. Был на собрании редакционной комиссии (газеты «Молот». — *Ред*).
10/23 Сб. Сегодня вечером собралась толпа около милиции и требовала выдачи убийцы.

29 нед. 11—17 февраля 1918

- 11/24 Вс. Был на танцевальном вечере.
15/28 Чт. Меня ранили ножом в грудь на перекрестке*. Был в Совете.
16/1 Пт. Не был на двух уроках.
17/2 Сб. Получил разрешение от Революционного Штаба присутствовать на улицах в ночное время.

32 нед. 4—10 марта 1918

- 9/22 Пт. Поехал к папе в Пензу.

33 нед. 11—17 марта 1918

- 11/24 Вс. Приехал к папе в Пензу. Был вечером в народном доме, «Старческая любовь».
17/30 Сб. Уехал папочка в Пензу.

37 нед. 8—21 апреля 1918

- 8/21 Вс. Митинг сорван...
9/22 Пн. В городе стрельба. 5 раненых с нашей стороны.
10/23 Вт. Ночью идет стрельба. Мы с Березиным* ходим патрулем. Осадное положение.
11/24 Ср. Ночью мы стреляли в собор, оба попали в окна.
12/25 Чт. Ночь на дежурстве.

38 нед. 15—21 апреля 1918

- 21/4 Сб. Наши вернулись, у Неймана прострелен палец. Ночь дежурил.

50 нед. 8—14 июля 1918

- 9/22 Пн. Мы отрезаны от Муром, Нижнего, Ардато-ва, Лукоянова. Все вооружены. Чувырин идет с отрядом.
10/23 Вт. Ночь в Совете.
11/24 Ср. В Совете.
12/25 Чт. Вокзал.
13/26 Пт. Ардастов. Белая гвардия, едет Лихачев.
14/27 Сб. Лазили и обошли все окраины города (восток). Патруль.

51 нед. 15—21 июля 1918

- 15/28 Вс. Дежурил в Совете, ночью ходил на вокзал к начальнику интернациональной дружины <нрзб> Кану, ночевал на вокзале.
24/4 Вс. Засада около (церкви.— *Ред.*) Всех Святых. Пулемет. 35—40 человек скрылись...

29 июля — 1 августа 1918

- 1/14 Ср. К нам приехал штаб Восточного фронта. Жизнь в Арзамасе очень оживилась, совсем не та атмосфера. Военное обучение понемногу налаживается. Прошли рассыпной строй, скоро — к стрельбе.

11 января 1917 года были произведены аресты кадетов, 14-го была выслушана делегация и 15 вечером отправлена в Москву.

* * *

Моя азбука: «ц» не меняется, «й» не меняется.

ЧТО СЛЕДУЕТ ПРОЧЕСТЬ

Заглавие	Почему следует и кто советует
„Обрыв“ Гончарова Писарев* „Анна Каренина“ Дарвин* „Король Лир“ Шекспира „Преступление и наказание“ „Критический очерк Пушкинского периода“ Бокль „История цивилизации в Англии“*	Для ознакомления

МОЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ

Имя и фамилия адресата	Куда послано	Когда написано	Когда получен ответ
Папа	Рига, 11 сибирск. стрелк. пехотн. полк	4 октября 13 октября 14 октября 6 декабря	

Днем по городу носятся автомобили, изредка пролетают аэропланы, ночью прожектор внимательно осматривает небо.

Жизнь Совета идет своим чередом. Скоро учиться.

«За свободу» — ученическая газета. Написать что-либо.

Сдать: «Новые приключения Тома Сойера».
В субботу будет письменная по алгебре. На-
до подготовиться.

Газета, второй номер, «За свободу» —
«Обыватель».

В понедельник письменная по-немецкому...
№ 3 «За свободу». Простуда...

Шар — это фигура, образованная отрезка-
ми, исходящими из одного центра.

Треугольник — часть плоскости, ограничен-
ная 3-мя прямыми.

Извержение — это выделение на поверх-
ность земли расплавленной лавы.

Радость — это чувство, которое случается
видеть у человека, который удовлетворен.

Разочарование — чувство — неудавшиеся
замыслы, неудовлетворение там, где надеялся
получить полное удовлетворение.

Ухо — это орган, воспринимающий звук, то
есть колебание воздушных частиц.

Альтруизм — правило, призывающее чело-
века заботиться о других.

Школа — это общественное учреждение,
ставящее себе целью дать образование моло-
дому поколению...

Надо спросить про билеты у Цыбышева*.

КНИГИ, ПРОЧИТАННЫЕ МНОЮ

Автор	Заглавие	Заметки
Толстой	„Казаки”	
Марк Твен	„Том Сойер”	

ТЕТРАДЬ ЗА 1931 ГОД

«ДАЛЬНИЕ СТРАНЫ»¹

1931—7—22

Крым

Гурзуф

Артек

Выехали из Москвы с Тимуром 16-го. Прибыли в Артек к ночи 18-го.

Шли пешком по берегу моря. Думали. Разговаривали.— «У моря другого берега нет» (Тимур).

Шли, шли и пришли наконец.

В — «Дальние страны».

Говорят, что «Дальние страны» — очень милая и грациозная повесть. Но надолго... останется в памяти у меня отъезд в эти страны.

19 <июля>

Прощальный костер пионеров. Разъезжаются. 24-го приезжает новая смена. Запомнился пионер Колесников — угловатые плечи, жест — рукой к земле. Говорил крепко и хорошо.

*

Физкультурник. Опытен, — но опыт построен на изучении до тонкости техники воздействия на ребят, но не на понимании самих ребят. Похож на тореадора и на бывшего офицера.

¹ Название дано А. П. Гайдаром.— *Ред.*

*

Культурник — этот свой, ведет хорошо и непринужденно.

*

Был в Гурзуфе.

20—21—22 <июля>

Писал письма — есть такие, о которых жалею — напрасно отослал.

*

Костер у вожатых — плохо. Ни чутья, ни политического такта. Декламация — «Красное знамя — знамя свободы, равенства, братства, любви» и т. п. чушь.

Красное знамя — знамя диктатуры пролетариата — и это устроителям невдомек.

*

Тимур в отряде. Он уверен, что я записал его в пионеры. Он спит в общей палате, становится на линейку — и вообще ведет себя как гордый своим званием образцовый пионер.

Любят его все очень. Он самый маленький и забавный.

*

Работаю над концом «Дальних стран». Последние события в Москве... жалко испортили хорошую книгу.

*

24 <июля>

Был на Ай-Гурзуфе.

П. — очень прилипчивый.

Тома маленькая — всегда работает.

27 <июля>

Был в Гурзуфе — наложили мне швы на разорванный о колючую проволоку бок.

26-го — встреча с сууксукцами*.

Военизированный лагерь под Севастополем.

*

Все дни настроение было хорошее. — А сегодня опять тревожно.

*

29 <июля>

Пионеры рассказывали друг другу про свою жизнь.

*

Волейбол — Айя — стройная, с свободными, немного мальчишескими хватками.

*

Пристань в Гурзуфе — ленивое море — матросы.

*

Холодная вода в верхнем источнике.

*

Воздушки — Тимур с подушкой и полотенцем.

*

Москиты.

*

В давние годы там, где сейчас стоит Артек, доживала дни своей бурной жизни графиня де Ламот, та, о которой писал Дюма (Чертов домик на берегу моря)...

*

У некоторых ребят попадают мои книги. У одного «Обыкновенная биография» с моим портретом*, где я снят в военной форме 11 лет назад. И они ходили за мной и рассматривали.

*

30 <июля>

Федор Федорович Шишмарев*—30 лет среди ребят:

— «Я не обращаю внимания и не слышу детского шума».

*

Доканчиваю «Дальние страны».

*

- Петька
- стог сена
- усталость
- (сказать или не сказать)
- Иван Михайлович
- Песня Ермолая
- А ведь это Ермолай убил Егора...
- Похороны.

1 авг.

Очень много работал над концом «Дальних стран».

Я твердо уверен, что, имея я возможность поработать над книгой еще 2 недели в спокойной обстановке, книга была бы намного лучше... Однако торопят — телеграмма за телеграммой, да и нужны деньги. Мне очень-очень жаль, что из-за последней истории я не смог ее закончить в Кунце.

*

Костер: тема 1 августа. Неважное выступление красного командира. Айя у знамени.

*

Мариам, или, как Тимур говорит, «Муриам».

Кроме того, он говорит *мурская* лодка вместо морская.

*

Что-то дадут завтра газеты о сегодняшнем дне первого августа.

*

Прочел интересную статью о ферросплавах...

*

Хотел ехать в Севастополь на моторке — да нельзя из-за рукописи.

*

2 авг.

Очень много работал над «Д. С.» — с утра до ночи.

*

Всю ночь мучили сны:

— И я разбил льдинку на тысячи мелких кусков, и она разлетелась на тысячи сверкающих льдинок. Но перед тем, как разбиться, она крикнула: «Глупый, когда взойдет теплое солнце, я опять сольюсь в одно целое!»

3 авг.

Ночью я закончил наконец «Дальние страны». Итого получилось немного более пяти печатных листов.

Я очень боялся за эту книгу. Мне сорвали работу над ее концом, и иногда мне хотелось отбросить ее в сторону. Но тогда скандал был бы огромный, потому что я заключил договор, как на законченную и сданную книгу. Да и жалко было... Так сумели сложиться обстоятельства...

*

Очень дергают разные недоразумения и неполадки то с высылкой путевки, то с переводом за нее денег. Был в Гурзуфе, дал довольно резкую телеграмму.

В сущности мне надо, чтобы меня все оставили в покое и дали мне возможность дальше работать.

*

У меня нет ни клочка бумаги. Исписал всю на «Дальние страны». Купить негде. Просил прислать — не шлют. Дергают эти мелочи очень.

*

...У меня только одно желание — работать и работать, чтобы сколько возможно успеть сделать все нужное и важное.

*

Обращение ЦК (партии. — *Ред.*) о том, что по инициативе М. Горького будет печататься 10—15-томник «История гражданской войны».

*

4 авг.

Пришел Лялин, хороший парень...*

5 авг.

Ночь — огни — беседка.

Вчера получил очень теплое письмо из «Молодой гвардии» от Лядовой*.

Немножко удивился.

*

Линейка. История с грушами.

«Выйдите теперь те, кто рвал шишки».

«Да мы уже выходили».

*

История с девочкой, которая украла 22 рубля* и приносила по 3, по 5 рублей.

*

Я попросил перевести Тимуренка за хулиганство в другую палату.

*

Отправил письмо Лядовой.

7 августа

— Арзамас
Похороны Яшки
— Зойка
— Поезд командующего
— Серпухов
— У Главкома
(нрзб) Срыв...
Больница.

Федька*.

8 <августа>

Пробовал работать — сорвано.

9 <августа>

Не могу работать.

17 <августа>

Хватит. Опять начинаю работу.

*

Море, скала, шторм. Мы с Тимуром на берегу. Кидали камни и хохотали, когда брызги долетали до лица.

*

Статья... о хозрасчете, обезличке и уравниловке.— Я был прав, что еще тогда, когда слово «обезличка» только-только появилось в приложении к паровозу, то записал, что дело тут не только в паровозе и что ликвидация «обезлички» — это первое звено очень важной цепи.

Работаю:

Похороны.

(Война).

— Адъютант

Вагон... Второй срыв...

Командные курсы...

Случайно становлюсь комиссаром отряда

выше... выше...

а после (боковая фигура) Тимка. И точка на том мальчугане.

*

...Выезжаем (с Тимуром.— *Ред.*) в Москву.

ТЕТРАДЬ ЗА 1932 ГОД

20 января 1932 года

Северный вокзал. 17 ч. 55 м. Я стою у ярко освещенного окна транссибирского поезда Москва — Владивосток. Гудок. Сквозь толстое холодное стекло я вижу — как самый хороший мой товарищ, мой маленький командир — Тимур Гайдар — улыбается — и поднимает руку, отдавая прощальный салют.

*

1 мая. Хабаровск

Парад принимал командующий Особой Краснознаменной Дальневосточной армией — Блюхер*.— Четыре ордена «Красного Знамени» — пятый «Красной Звезды». Много бодрых крепких полков.

*

10 мая

Отправил телеграмму в ПУР — Николаю*. Письмо в Пермь — Милицыну*, в Москву Рубановскому...*

*

Приехал я из Москвы в Хабаровск 30-го января — за все это время был уже в лесах на Имане, и на границе Маньчжурии — на берегах озера Ханка.

*

В 11 часов вечера — пришла телеграмма. Убит русским белогвардейцем Горгуловым* президент Франции Думер*. Тардье* — обвиняет III Интернационал. Переверстывали 4-ю полосу.

*

14 мая

Позавчера отправил открытку Пашке Омелянчуку. Из Москвы я не получал еще ни одного письма. Был на съезде изобретателей. Радиоход(?).

*

15 мая

Убит японский премьер-министр Инукая. Был я на Черной речке. Вечер. Рыба.

*

Между прочим, я только недавно понял, почему я охотно соглашался на командировки на юг и на восток дальневосточного края и с какой-то неприязнью относился ко всем западным районам: они лежат по пути в Москву — и я, очевидно, подсознательно отталкивался от этого пройденного пути.

*

18 мая

Был на субботнике. Ворочали бревна и копали ямы. Очень важное постановление ЦК о мясозаготовках*.

Вечером поспорил с Титовым* и с нашим художником. Титов зачастую наивен (*приписка рукой Гайдара*: «Он не наивен, а скрытен и хитер»). А художник живет в каком-то нереальном, им же самим созданном мире, в котором сталкиваются и борются не люди — а абстрактные понятия и отвлеченные истины. А в общем он много лучше многих «реальных» сволочей...

*

20 мая

Написал большой очерк о мясной проблеме — вернее, не очерк, а памфлет о кроликах*. Писал и подклеивал листы. Получилось 3 аршина.

Дождь.

Наконец-то получил первую за 4 месяца телеграмму из Москвы. Тимур у Лили*.— Милый мой славный маленький командир.

*

«Парень с Миссури».

«Школа» вышла уже четвертым изданием.

*

Мы с Титовым — не обращая ни на кого внимания — нахально разговариваем по-французски. Дело подвигается. Получаем: «Journal de Pekin» и «Journal de Changhai», понемногу разбираюсь.

*

На днях умер один из лучших и храбрейших командиров Красной Армии комкор¹ Ст. Вострецов*.

¹ Комкор — командир корпуса. Это звание присваивалось высшему командному составу Красной Армии.

*

За последние дни в Хабаровске спокойнее. Немного улеглись толки о возможности войны*. А все-таки тревожно. Все чего-то ждут.

*

Надо собраться и написать для «Молодой гвардии» книгу. Крым, Владивосток. Тимур, Лиля — все это связать в один узел, все это перечувствовать еще раз, но книгу написать **совсем** о другом.

*

Был несколько раз в Китайском квартале. Вечер на площади под дикую музыку — танцы на ходулях. На окраине старая заброшенная кумирня*.

*

Не забыть: озеро Ханка, покрытое зеркальным льдом, и автомобиль, скользящий по льду...

*

Шацкий* на посевной на Имане...

Страна Наир. Сорок четыре каменных одноглазых чижа — звонко свистели вдогонку, и я в страхе бежал, низко опустив голову (это старый сон).

Письмо Филову в Ростов*, Кольке в Севастополь*
НЕФТЕСТРОИ **ДОЖДИ**

Надо начать книгу

«Такой человек*»

Постановление ЦК о мясозаготовках и хлебозаготовках гораздо важнее, чем многим это кажется.

Отослал 3 дня тому назад большое письмо Тимуру — письмо иллюстрировал художник.

«Вот такая луна светила над Черным морем».

*

29 мая

Солнце — тучи. Настроение хорошее. Но живем сильно голодно-вато. Плевать. С Японией — напряженно — но то ли привыкли — никто не ахает.

Вчера отправил письма: 1) Лиле... 2) Талке. 3) И почту — справку.

Во сне видел **Котовского***. В 1921 году на Антоновских бандах, ночью — в Бенкендорф — Сосновку — он прискакал с бригадой.

Я командовал тогда сводным отрядом. Странно теперь вспоминать. Все это — давно, давно было. Помнится мне, что это было как раз в конце мая, — 11 лет тому назад.

*

Помню **Тухачевского*** — осенью в Моршанске я командовал, а он принимал парад.

*

Дзиалтовский (1919) — Где он?

Абрамов — тоже не знаю.

*

Левандовский — 9 армия Кавфронт.

*

Меженинов* — поезд командующего Особым военным округом — я был дежурным и получил выговор. Он добродушный — огромный.

*

Александров — ком<андующий> Ч.О.Н. Респ<ублики>... Он назначил меня ком<андующим> 23.— Где он? И кем он... Давно о нем ничего не слышать.

Подвойский*... он выдвинулся в Октябре на первое место...

Помню Киев... Рассвет... Вымершие улицы, цепи кур-

сантов. Он на автомобиле, лицо хмурое. Смотрит на часы и отдает приказание.

Тогда наша батарея начинает громить Бендерские казармы* 9-го Багумского полка.

*

Данилов Степан Степанович — член Р.В.С.Р. Он, как медведь, он как-то косолапо-добродушно похлопал меня по плечу и сказал, улыбаясь: «Только в революцию могут происходить такие вещи». А я стоял худой и взволнованный, вытянувшись в струнку.

*

Фрунзе*. Я сидел в приемной Р.В.С.— он вошел, проходя к себе в кабинет. Все встали. Через 10 минут Медянцеv вышел из кабинета и сказал мне: «Ну, вот — приказ подписан».— Это было, кажется, 14 апреля 1924 года. Этим приказом я зачислялся в резерв при Г.У.Р.К.К.А.

*

Командующий войсками охраны и обороны железных дорог Республики Ефимов. Салон-вагон. Гомель. Серпухов. Ставка. В поезде Главкома.

Вацетис...* январь 1919. Все как-то стирается и расплывается... Все это очень давно.

*

8 июня

Кролики.

Москва упорно молчит. Письмо Тимуру...

*

9 июня

Сегодня принимали американского журналиста — м-р Хунд. Он хотел видеть Блюхера.— Блюхер занят... Здоровый хитроватый дядя. Везили его в колхоз.

А в общем немножко смешно.

Лето — пасмурное.

К Титову приезжает жена из Харбина. Мы с Борисом переберемся в соседнюю комнату.

*

Утес — воду крутит воронками — на лодке пересечь трудно.

*

«Банда» — Киселев и Завьялов — каждый вечер ходит к нам ужинать.

*

Горячимся в волейбол.

*

Колхозный базар в Завитой. Очевидно, вскоре вплотную встанет задача укрепления рубля.

*

Авербаха* — в оргкомитете нет. Селивановского* — из «Лит. газеты» поперли. — Мальчики зарвались. В сущности в РАППе* всегда было очень много мелкого политиканства.

*

Ромашин — часто играет с нами в волейбол — очень горячится.

*

...Вспоминаю смутно — Пермь. Голубой дом. Лильку — девочку в ярком сарафане. Тени — смутные далекие-далекие.

Милый

Сапоги с крутым обрезом, военная шинель, серый костюм.

15 июня

Получил наконец письмо от Пашки Ом <елянчука> — в нем две строки о Тимуре. — Тимур где-то в Жаворонках...

Получил записку от Ани Трофимовой*. — Все они меня еще помнят.

Ответил Пашке и Ане.

*

Сюда приезжает на работу Ховес... Очень рад. Отправили ему в Ростов телеграмму «Ждем с нетерпением. Гайдар, Кулыгин*, Шишакин*».

Шацкий — таким образом вместе с художником и не считая Митьки Попеля*, — из «Правдосеверистов» нас здесь будет 7 человек.

16 июня

Борька Шишакин вылетает сегодня аэропланом на Сахалин. Между прочим, в «Известиях» статья о том, что американское агентство Херста назначило крупную сумму тому журналисту, который «докажет связь СССР с генералом «Ма». В свете этого сообщения, у многих из нас закрались подозрения относительно действительных целей проезда через Дальний Восток м-ра Хунда.

Он, как известно, работает у Херста.

*

Был ночью, после дежурства, у Рябоконя, пили чай с клюквенным вареньем, ломали яйца.

*

Были вчера с Титовым в саду Дома Красной Армии. — Теплое солнце. Всякие разноцветные женщины. Ландыши, сирень. Через открытое окно услышали — рояль. Все это как-то странно. За последние годы — особенно за последнее время — отвык я, и странно — что есть какая-то жизнь, кроме походной.

*

Весь Хабаровск — мне представляется только как какой-то перевалочный пункт. Все люди — приезжие и отъезжие.

*

В связи с последними постановлениями ЦК о хлебо-заготовках, о колхозной торговле, — о роспуске РАППа — о **встречном потоке** промтоваров ширпотреба — намечается некоторое оживление...

В общем, дотянуть <бы> до осени — и без войны, а тогда можно будет сказать, что один из длительных, сложных и очень трудных этапов — пройден.

*

Очерк о Нефтестрое*. Старая кумирня.

Отослал справку-запрос — где адрес Ильюши Рубановского.

21 июня

Наконец-то приехал из Калининского района Шацкий. Это хорошо. Вероятно, на днях куда-то поеду.

*

Фельетон — «Сережа, выдай»*.

На днях послал открытку В. Донникову* в Ташкент и открытку в Пермь.

*

25 июня

Вчера выходной. В редакции побелка. Наконец-то мне письмо от Лили — четыре фотографии.

Славный Тимуренок. Написал ему письмо: «Это летчик получает по аппарату военный приказ — «вот что висит на стене над кроватью». Борис иллюстрировал.

26 июня

Опять обратная расписка. Получает письма Талкины какая-то Егоркина... Но где сама Талка, почему она молчит?

Фельетон «Будет суд — будет приговор»*.

*

Вчера совещание по ширпотребу.

*

〈Судно〉 «Совет» идет на остров Врангеля.

*

«Ига-хитряга». Это Борькин мальчуган и Шацкого Вольт.

1 июля

Вчера экспедиция на «ту сторону». — Борисов — новый зам. — хороший парень. Шурка Баженова, Марченко, Сизов с Любой. Костер. Наш художник в плавках похож на грешника из картины страшного суда. Сильно сгорели на солнце.

*

Получил дней пять тому назад письмо от Лили и фотографии Тимура Гайдара. Милый родной маленький командир. Он бережет мои «военные секретные» письма и крепко меня помнит.

*

И получил письмо от Талки: «Я принесла твое письмо Тимуру уже поздно, когда он спал, и мы не стали будить его. Твое письмо к Тимуру прочла Лилия, и когда она читала его, то из глаз ее катились почему-то слезы. Очень странно».

Ничего странного нет. Жили все-таки долго и есть о чем вспомнить. А в общем, дело прошлое.

*

Комнату выкрасили в дикий цвет.

*

Даже Бергавинов* и тот оказался втянутым в нашу игру в волейбол. Но он зверски дул по мячу рукой в крагах, так что мяч летел как бомба.

*

Говорят, что какая-то моя книга вышла в Москве дорогим изданием в тисненном переплете. Какая — не знаю. То ли это «Школа», то ли «Дальние страны».

*

Ольга вышла замуж* за Богова — теперь оба Волины.

*

Развертываем колхозные базары.

*

Шацкий остался доволен фельетоном об крайпрокуроре. — «А то, — говорит, — давно уже редакция ни с кем не ссорилась».

Фельетон «Ничего не вымышлено».

Всюду новое слово «ширпотреб».

*

Письмо-заявление по закону Вебера-Фехнера и Крафта-Эбинга о сумасшедшей раскраске нашей комнаты — хохотали*.

*

Только что узнал, что сегодня уезжаю во Владивосток и на Сучан.

Тимур в Емце на Севере...

*

Уезжаем отдельным вагоном. Вечером.

Отослал: в «Молодую гвардию» выправленный экземпляр «Школы», письмо Разумовской* и открытку Лядовой.

*

Купил для командировки огромные сапоги.

*

Поезд во Владивосток — завтра.

Миллионка —...Трепанги — матросская шутка. Судно «Совет» — Кангауз. Ночные переходы. Японское море. Буря. Перевал Сихотэ-Алинь. Татарский пролив.

*

Впрочем всего не перескажешь.

А в общем вернулся — из путешествия 29 июля.

В бухте Золотой Рог — перед отправлением судна в экспедицию на остров Врангеля, был у Сельвинского*. Говорили с ним о московских литературных новостях.

Первое августа 1932

Сегодня даю телеграмму в Москву о том, что кончил писать книгу и через месяц приезжаю.

И только **сегодня** начинаю писать эту книгу. Она вся у меня в голове, и через месяц я ее окончу — тем более что отступать теперь уже поздно.

Это будет повесть. А назову я ее «Мальчиш-Кибальчиш» (Военная тайна). Каждая строчка этой книжки (нрзб) Марице Маргулис и моему любимому сынишке Тимуру Гайдару.

*

Вывранные страницы — это кусок из «Мальчиша-Кибальчиша», который я сразу же выбросил.

Гайдар.

*

У меня из Мальчиша-Кибальчиша было написано 25 страниц и все шло хорошо. Я лег и стал перечитывать — а когда перечитал, то зачёркнул все, сел и снова написал всего 9 страниц — стало гораздо лучше. Но сначала зачеркивать было жаль, и зачеркивал, скрепя сердце.

*

Натка —————	Борис + Алик = малыш
дядя	Марица
лагерь	Маргулис
ребята	Сказка о Мальчише-
старший вожатый	Кибальчише

НЕНАВИСТЬ

Все хорошо, но вот беда с водою — описание... лагеря, и описание приемки. Натку просят заменить — вожатую... Встреча с Борисом Алексеевичем...

Алька отдадут под шефство...

«Да он же еще малыш» — (Алька сердито посмотрел на нее).

Начало походов Иоськи Розенберга... — прививка оспы.

Три дня Натки. Приемка. Отряд.

1/Натка и дядя.

2/Встреча в вагоне.

По дороге в лагерь Натке попадает журнал с фотографией убитой комсомолки Марицы Маргулис.

Этот журнал позабыл на столе человек с мальчиком. Натка наблюдает за ними, и ей кажется, что где-то этого мальчугана она встречала.

В лагере — идет приемка новых ребят... Описать приемку и запутанные тропы лагеря.

Старший вожатый Павел Николаев (мельком).

Как проходить — вдруг вынырнули домики.

Володька Рыбаков — отец его красный партизан.* Рыбаков, пьяницы... Иоська Розенберг, Роза Ковалева.

Иоську было в первые дни назначили звеновым, да потом ахнули (звеновые занятия Иоськи). Иоську убрали — впрочем, он несколько не обиделся.

Рельса, в которую кидали камнями...

Иоська — и Толька мелкие проказники... от них много беспокойства — Володька... балуется крупно и хитро — но он может их сдержать. Его назначили звеновым. Абрам, Абдул, Юсуп, Ингулов, девочка Тайка, мордвин Христиан (?)

Так. А между тем дело разворачивается в таком порядке — на третий день Натка встречает Бориса с сыном — они стоят у моря и кидают камни.

— Кто это?

— Это Борис Алексеевич — инженер: он обследует бассейны для воды (?)

На другой день Натку назначают вожатой санаторного отряда...

Тут начинаются похождения Иоськи и Тольки (и подзреваемые Володей). Мальчиша Альку присоединяют к отряду. Мальчишу нравится — немножко прибаловался. Женат («Почему он с отцом — а почему не с матерью?»).

Натка замечает некоторые странные и непохожие отношения мальчиша и Бориса.

Сказка о Мальчише-Кибальчише

«Откуда ты знаешь такую странную сказку?» — «Это не сказка, а это правда», — сказал Алька... презрительно сказал.

«На кого же он похожий?»

«А я... знаю. Это инженер... у него есть жена». — «Нет ее. Я что-то краем уха слышал, что жена его... где-то убита».

Марица Маргулис

— **Заводы вставляйте.** Папка, отчего, когда я пою эту песню, ты всегда хмуришь глаза?

Натка возвращается несколько взволнованная — встречает ребят... а рассказать вам сказку...

(Сказка о Мальчише-Кибальчише)

А между тем дела разворачиваются таким порядком — инженер ночью опаздывает... потому что у него нелады на верхнем участке земляных работ. Нелады с десятиником — (все это очень прекрасно — но не забывать Наткину отрядную работу).

Разговор Натки... с Павлом... («Что еще за сказки? Рассказала бы им про пионера, который предотвратил

железнодорожное крушение». — «Да не слушают. Ну что: ну шел, ну увидел что... гайка развинтилась... подумаешь какое дело».)

Разговор... Натки с Борисом...

«Почему же раньше — можно, — было про царей про тюрьмы?»...

«Он тебя любит». — «Да он жил всегда со мною без матери...»

(вставить главу о лагере)

*

Песня «Плыл кораблик голубой». — Полусонный Алька проговаривается все же: «Знаешь, Натка... а нашу мамку один раз я все-таки видел... долго видел... целую неделю...»

— Когда? — спросила Натка.

— Нет, не скажу... Это наша с папкой военная тайна...

Смерть

Приказ

Дорога

Далекий поезд

Кто же был Мальчиш-Кибальчиш?

— Прием. — Ванная. Плачущая девочка... Иоська Розенцвейг... У красного домика...

Кто это?.. И зачем они здесь?

Луна — все спят

(«Сто батарей» — папка я никогда еще не слышал)

После этого нужно как-то перекидывать мостики и переключать внимание на ребят.

— Инженер идет в горы (сцена в горах)

— Прошло три дня

х — Утренний — звонок... воздушки...

1/ — Разговор о крутом обрыве...

Замок. Разговор о графах — (Толька и Егорка... вызываются отнести вниз, а сами идут по тропе)

1/ Натке приводят Альку...

Инженер приходит прощаться с Алькой.

2/ Инженер идет в горы (указать на перебои в старом источнике)

— Утренний звонок... душ... зарядка

— воздушки, разговор на воздушках...

Прошло еще три дня, а Корчагин не выздоравливал. Лагерь укомплектован полностью. Вожатых вызывают на совет лагеря. Жизнь вступает в свою колею...

— Инженер отправляется в горы...

Сцена в горах...

Неудачная попытка пробраться в замок.

Алька...

Алькина сказка...

Костер...— Куда пропали Толька и Рыбаков...

Так, а на сегодня:

Подъем флага — пробуждение, зарядка, линейка...— выход... ровные ряды... Ворошиловцы.

10 августа

Дела мои двигаются. Упорно работаю. Между прочим, лежу я в... больнице. Но это наплевать, все равно работаю. Настроение у меня очень хорошее, и на все плохое мне наплевать потому, что голова моя занята только книгой.

*

Итак, что на сегодня дальше...

— Разговор о матери? «У тебя есть мама?» — «Нет. Она умерла». — «Нет?» — Дальше Натка не спрашивает и поэтому правды не узнает.

А перед этим: «Здесь высокие горы?» — «Да...» — «Выше, чем на Урале?» — «А ты был на Урале?..» — «Да, мы с папой там были...» — Натка, помолчав: «...Вы с папой?.. А у тебя есть мама?»

Доверчиво. Измена! (в большом глубоком смысле)

*

Работаю над Мальчишем-Кибальчишем. Обстановка для работы не очень-то подходящая, ну, да наплевать.

Из Москвы телеграмма: «Поляковых в Москве нет будут 19-го», подписана телеграмма «Ида».

Заброска промоины. Неудача. Второй прорыв. Встреча с Корчагиным и Гитаевичем. Динамит. Севастополь.

Он возвращается грязный, усталый, ведет в поводу коня и встречается Альку и Натку.

12 августа

Сегодня первый день, когда я не выполнил нормы, то есть не написал шести страниц. Но зато у меня есть несколько страниц в запасе, это те, что я писал сверх нормы. Кроме того, сегодня я разрабатываю наметку... И вся повесть лежит теперь передо мною, как на ладони.

Стоят светлые солнечные дни. Может быть, оттого, что именно в эти дни — ровно год тому назад — я был в Крыму, мне легко писать эту теплую и хорошую повесть.

Но никто не знает, как мне жаль Альку. Как мне до боли жаль, что он в конце книги погибнет. И я ничего не могу изменить. Я могу только сделать все, что в моих силах, чтобы оставить крепкую память, горячую любовь к этому маленькому и «Верному человеку».

*

I

Звеновые занятия. Толька и Иоська. Толька считает Альку «верным человеком». Натка на работе.

II

Волейбол... (Натка сама по себе) Возвращение... Записка... «На кого же он похож?»

III

«Сказка о Мальчише-Кибальчише», — это рассказывает Алька.

IV

Песня. Крепкая дружба связывает этих двух людей. (Борис и Алька.) Возвращаясь... Натка встречается ребят и повторяет сказку.

V

Костер. Гитаевич. Марица Маргулис. Борис озабочен сообщением.

VI

Разговор с Алешей. «Что еще за сказка? Ты бы рассказала им про пионера, который шел и т. д.». Ошибочный поступок Тольки на линейке (яблоки)

VII

Митинг в татарской деревне.

IX

Толька, в сущности, завидует Иоське... Толька и Алька. Проходит Иоська. Толстый парень, сочувствуя Тольке, презрительно говорит про Иоську... Конечно, «жыд»... Драка. Кровь на рубашке. Невольное купание. Натка все видит. За купание — выписка, таков неумолимый закон.

Алька идет к Натке. Натка его не поняла и отослала. Исчезновение Альки... Поиски.— Алька находится...

X

Разговор Натки с Борисом. Сначала про Тольку. Потом переходит разговор на Альку.— Сказка! Да пусть все, пусть и сказка... «Он видел мать?» — «Нет...»

XI

На утренней линейке Тольку не вызвали...
На вечерней не вызвали тоже.

XII

Речь Натки на кружке. Вечером песня «Плыл кораблик...». «А знаешь, Натка, я свою мамку все-таки один раз видел...» Шумит вода...

Два дня шла вода...

СМЕРТЬ АЛЬКИ

14 августа

Тень сказки. Флаг. Сжатые губы. Толька плачет...

15 августа

Телеграмма... Ветер с Румынии. Украденная карточка. «Зачем ты взял?..» — «Он другую себе достанет». Губы Тольки вздрагивают.

16 августа

В ту осень пахло свежими лесами, расплавленным асфальтом, цементом новостроек, грозами и войнами. Поезд мчался мимо Донбасса.

— Борис, Алька видел Марицу?

— Видел.

— Она убежала из тюрьмы, а ее потом... через год... значит.

— Ничего, Наташа, не значит.

Шрамы на шее.

17 августа

Встреча. Шебалов. Гориков. Автомобиль. «Ты один?.. Жена есть, дети?.. А помнишь... табор?..»

17 августа

Следующий день... Кто же Мальчиш-Кибальчиш?.. Как ее звали... Почему он Кибальчиш?..

19 августа

Далекий поезд. Вокзал. Военная форма. Командиры. Последний салют.

20 августа

Огни... красные зеленые желтые... капли холодного дождя — много, много огней... КОНЕЦ.

Солнце. Пишу быстро и уверенно. Удивляет молчание «Молодой гвардии». Впрочем, и на это мне пока наплевать. Сейчас самое главное — это писать.

Как я сейчас живу: весь в книге — весь около тени Марицы Маргулис, около Альки и Натки. И <лица> больных мне невидимы или безразличны.

Иногда, подойдет какой-нибудь идиот — хуже всего, если из здоровых — фельдшер или фельдшерица...

— Пишете? — Пишу. — Поди, стишки сочиняете? — Нет, не стишки. — А я знаете стишки люблю: «Последняя туча рассеянной бури, одна ты несешься...» Нет... Нынче так не пишут. Нынче все про заводы да про колхозы... А у вас о чем, тоже поди-ка?.. Что же, конечно... дело нужное... У нас вот тоже один больной лежал, все пишет и пишет... Портной один, хорошие костюмы шил. Нашему завхозу брюки и пиджак сшил... Тоже, бывало, все пишет и пишет.

Очень хочется часто крикнуть: «Идите к чертовой матери!» Но сдержишься. А то переведут еще вниз в третье <отделение>, а там много не напишешь. Там у меня за одну ночь украли папиросы и разорвали на раскурку спрятанную под матрац тетрадку. Хорошо еще, что тетрадка была чистая.

За свою жизнь я был в лечебницах раз, вероятно, 8 или 10 — и все-таки это единственный раз, когда — эту Хабаровскую — сквернейшую из больниц, — я вспомню без озлобления, потому что здесь будет так неожиданно написана повесть о «Мальчише-Кибальчише».

Вспомнил:

Ночью на Миллионке... — гуляли моряки с какого-то австралийского парохода...

Высокий матрос в робе табачного цвета. Ящик, в который запихали пьяного... Огни жаровен — шипенье, пар... Цветные фонари. Много — все-таки где побывал я за свою жизнь, и она еще не окончена.

*

19 августа

Сегодня — трудная — не очень ясная для меня глава.

*

— С каким это маленьким мальчуганом ты все ходишь?..

— Это мой сын (отвечает шутя Натка)

20 августа

Сегодня ходил в отпуск в город. А то в этой больнице можно подохнуть с голоду. Дают только хлеб да вареную ячменную крупу.

Был у Шацкого — разговаривали мирно. Вернулся, устал и поэтому написал мало. Дал две телеграммы — в «Молодую гвардию» и Талке.

*

Что на завтра?

Подготовка к костру.

Иоська — Владик Пальчицкий

21 августа

Бывают сны интересные и скучные, веселые, страшные, осмысленные и бессмысленные. Но все они скоро забываются, и днем теряют свой интерес, страх или смысл. Но иногда, очень редко — бывают сны, которые надолго, иногда на целые годы остаются в памяти, и волнуют — так же, как сразу при пробуждении.

Из таких снов я помню восстание у Тихого озера. Сорок четыре каменных одноглазых чиж, которые, склонив голову на бок, свистели мне вдогонку. И, наконец, сон о трех (чужих) сестрах, о Тимуре и обо мне. Это, пожалуй, самый законченный и сильный сон из всех, которые я когда-либо видел. С огромной фантастической ясностью прошла передо мною вся будущая жизнь моя, Тимура и этих странных, хороших, но так и не нашедших своего настоящего места трех сестер.

•

Как на экране — передо мною же — проходили мои же и их годы, со всеми радостями, успехами, но главное со всеми ошибками.

Я видел себя еще молоденьким командиром полка; видел себя писателем, видел проходящие и совершаемые мною и ими гибельные ошибки; видел себя и многих... многих друзей и знакомых — собравшихся за большим столом, — уже далеко-далеко, за половиной прожитого, — и спокойно обсуждающих итоги своей жизни.

Трех сестер я видел с ранней юности, с пятнадцатилетних — с той самой минуты, когда я, громыхая шпорами, столкнулся с одной из них — веселой, резвой и умной, на широкой лестнице какого-то огромного дома.

С тех пор их будущая жизнь тесно переплеталась с моею, но никогда и ничем и ни с кем из них не была прочно связана. Видел их и уже старухами, близкими к смерти, и видел свою смерть.

И помню, что когда наступила смерть и долго раздумывал я (уже после смерти) о том, что жизнь прошла, не так как надо, и что тогда-то нужно было поступить так или иначе.

Одна из мертвых старух вдруг встала, сбросила с себя — как маскарадный костюм — всю эту смерть и старость. И я рванулся тоже, и две другие — и стали все такими же, как в ту минуту при первой встрече, еще перед тем, как сделать первую из бессмысленных ошибок.

«Так могло бы быть! — звонко и взволнованно крикнула одна, схватила меня за руку — перед тысячами изумленного народа. — Так могло бы быть и так **может** быть, но этого пока нет».

«Быстрая машина... ошибка в книге... армия... «отдельный батальон» — случай в клинике, которая похожа на вокзал. Карандаш и зубы. Стихи Бодлера*. Встреча у круглого стола. Огни, глаза и мимо.

Станный сон — но, конечно, его никак не перескажешь. Станный, хороший и волнующий сон — но тревожный и с каким-то с «пророческим» намеком.

Впрочем, пророчество одно — насчет книги, которую я пишу, — оказалось очень кстати, потому что сразу же, проснувшись, я понял, что указание на ту ошибку, которая была сделана мною в книге во сне, очень кстати служит мне предупреждением, чтобы я не сделал ее и на самом деле.

*

А в общем после этого сна я чувствую себя крепко и уверенно — хочется жить и работать. Хороший и нужный сон.

21 августа, вечер

Сегодня много работал. Доктор Харченко достал мне еще одну толстую клеенчатую тетрадку. Пишется хорошо. Написал уже не мало — и по ходу повести видно, что кое-что вначале надо изменить:

1) **Разработать волейбол — и совершенно изменить разговор с Боровиковым** (лишняя линия)

2) Там, где перепутаны Толька и Владька, — выправить — и дать для **характеристики Владьки** несколько **штрихов**. Дать не дядю, а **сестру Владика**. И вообще, что-то вставить — что, еще точно себе не представляю.

А в общем я еще ни разу не перечитывал того, что написал, — все откладываю.

*

Итак, что на завтра — сцена с телеграммой... Сказка (вскользь) и подслушанный разговор.

Крепкая дружба.

23 августа

Сегодня я неожиданно, но совершенно ясно понял, что повесть моя должна называться не «Мальчиш-Кибальчиш», а «Военная тайна». Мальчиш — остается мальчишем — но упор надо делать не на него, а на «Военную тайну» — которая вовсе не тайна.

*

Сейчас мне звонили по телефону из редакции. Из Москвы от «Молодой гвардии» мне телеграмма: «Перевели телеграфом 500. Ждем с нетерпением привет Лядова».

Солнце. Золотая осень. Прошлый год — черкеска Тимура и его красная матросская бескозырка. **Севастополь.** Тревога... нарастающая по часам по минутам тревога... Степка, Колька... И опять тревога — молчаливая, спрятанная внутрь, невидимая и непонятная никому, кроме моего родного мальченыша Тимуреныша.

— Папка! Ну, что ты все молчишь? То говорил, а то молчишь? Ну, папочка?

На минуту вспомнил сейчас я этот Севастополь — и не хочу больше.

Как хорошо, что все это уже прошлое и все прошло!

Работаю — сделано за день семь страниц.

Но не в этом вся ценность дня. Ценность в том, что уже под самый вечер я случайно наткнулся на **ружье** — а это ружье и есть недостающее звено во всей повести, в деле проведения второй параллельной линии — Владик — Толька — Дягилев.

Итак, на завтра:

— Борис говорит о палатках

— Борис встречает двух: русского и татарина, вспоминающих Керченские каменоломни.

Сговор Тольки и Владика...

Сказка о Мальчише-Кибальчише...

Вставить главу о проделках Владика.

Подготовка к костру.

*

Отправил телеграмму: «Шлю Тимур Гайдару крепкий военный дальневосточный привет».

*

Интересно: как будет читать и понимать он мою «Военную Тайну»? Ведь Алька — это он сам.

*

...Вообще в... лечебнице до черта всякой сволочи — которая живет, укрывшись здесь, годами, а для рабочих места нет.

Стена высокая — никто не заглянет. Главврач... завхоз... и др.— это банда паразитов, самоснабжающихся за счет <больных>.

Выйду из больницы — шарахну по ним хорошенькую статью поядовителей*.

*

А все-таки в Москву я приеду не тем, каким уехал. Крепче, тверже и спокойнее.

*

Жаль, что я почти ничего не записывал из моих путешествий по Дальнему Востоку.

Чего стоит, например, то, как я заблудился в тайге (пишу про тайгу, а думаю о Москве) и наткнулся на охотничью землянку.

Или как я ездил на лошади в Китай-город.

*

Не забыть мне никогда и переход через Сихотэ-Алинь. И как З. обыскивали на том основании, что где-то поблизости бродит банда.

З.— ничего парень, но он трусоват и поэтому не давал мне остановиться и закурить всю дорогу. А когда я все-таки отстал — то он перепугался.

*

Когда-нибудь я все-таки — из «Лесных братьев» и «Лбовщины» — сделаю интересную книгу.

*

Доктор Харченко — читал мне начало своей повести (под «Записки врача» Вересаева*). Бог мой! Вот он и

известный психиатр, и культурный человек, но до чего же фальшивы, безвкусны и неправдоподобны его герои и поступки.

*

25 августа

Видел плохой сон. Столкновение мчащихся поездов... И что это снится мне всякая тревожная ерундовина...

*

Из Москвы от Талки помеченная 4 августа довольно путаная открытка. Отправил ей телеграмму.

*

26 августа

Сегодня много написал, но очень много и зачеркивал. Дело в том, что неожиданно выплыл **Гейко**.

Не забыть потом еще сократить и улучшить главу с Гейко. История с купанием.

27 августа

Был в городе. Из Москвы от Талки телеграмма: «Телеграфируй куда перевести деньги» — вот чудачка. Да туда, куда всегда — в редакцию.

Очень боюсь, как бы из-за этого деньги не запоздали к отъезду.

*

Переделать главу о Гейко.

Итак, на завтра:

Натка рассказывает октябрятам сказку о Мальчише-Кибальчише.

28 августа

...Вчера я написал очень мало.

Сегодня у меня рекорд — написал 12 страниц, работал с обеда до позднего вечера.

29 августа

Был к вечеру в городе. Разговаривали с Титовым — об Амуре и Биробиджане...

Дал две телеграммы: «Молодая гвардия» Лядовой. Проверьте телеграфируйте когда высланы деньги» и другую Талке: «Москва срочная уведомление срочным телеграфом, телеграфируй когда сколько высылаешь».

30 августа 1932 года

Написал только две с половиной страницы. Очевидно, немного устал, надо чуть передохнуть. Сегодня выписываюсь из больницы.

День — хрустально-осенний, — первые уже сухие листья. **Итак, год прошел.**

С огромным облегчением думаю об этом. Это был тяжелый и странный год.

Но в общем, ничего особенного не случилось, жизнь идет своим чередом, и в конце концов теперь видно, что не такое уж непоправимое было у меня горе.

Москвы я больше не боюсь.

6 сентября

1-го я выписался и с тех пор пока больше не пишу.

Измотал все нервы телеграф и бессмысленное молчание «Молодой гвардии». Деньги мне будто бы высланы еще 19-го, а до сего дня еще их нет.

18 сентября

Восьмые сутки в курьерском поезде № 1 Владивосток — Москва. Запомнился Яблоневого хребет.

28 октября 1932 года

Два месяца не притрагивался к повести «Военная тайна». — Месяц в Москве прошел как в чадy. Встречи, разговоры, знакомства... Ночевки — где придется. Деньги, безденежье, опять деньги.

Относятся ко мне очень хорошо, но некому обо мне позаботиться, а сам я не умею. Оттого и выходит все как-то не по-людски и бестолково.

Вчера отправили меня, наконец, в дом отдыха Огиза дорабатывать повесть.

Сосны. Светлый чистый домик со стеклянной террасой, всего в доме 11 мест. Тишина потрясающая, особенно после последнего грохочущего месяца. Сегодня прихожу в себя, — осваиваюсь.

Завтра-послезавтра начну работать.

*

Олеша* и я у Габриловича*. Оскар Асен и его стихи о маузере. Видел Колю Харитонову. Ночные маршруты с Володькой (адъютантом). Монастырь, огни и провалы. «Сказка о военной тайне» выходит отдельно.

Потерянная «маньчжурка».

Выступал по радио — о себе.

Лиля в больнице — операция.

Путешествие с Тимуром и Левкой*.

У Злобина*.

А в общем сутолока, вечеринки... И все оттого, что некуда мне девать себя, не к кому запросто зайти, негде даже ночевать. В сущности, у меня есть только — три пары белья, вещевой мешок, полевая сумка. Полушубок — папаха — и больше **ничего и никого**, ни дома, ни места, ни друзей.

И это в то время, когда я вовсе не бедный, и вовсе уже никак не отверженный и никому не нужный.

Просто — как-то так выходит.

*

Солнце яркое теплое, под окном — серебристая елка.

31 октября 1932 года

К своему глубокому огорчению, перечитав **впервые** все то, что мною уже написано, я совершенно неожиданно увидел, что повесть «Военная тайна» никуда не годится. И надо переделывать все с самого начала.

11 ноября

Октябрьские праздники прошли хорошо. Проводили здесь их мы всего впятером — я, Дегтярев, его жена и Попов с женою...

Приезжала провести меня Лядова, да однажды вечером пришел Серафимович*.

Много гуляли по лесу: плутали. Потом остался я в доме отдыха **совсем один**.

*

Насчет «Военной тайны» — это все паника. И откуда это я выдумал, что повесть «никуда не годится» — хорошая повесть.

*

Вчера поздно вечером бродил по лесу, разыскивая общежитие радиоуправления. Зашел к Иоффе. От нее узнал, что Лиля выздоравливает, скоро встанет.

*

Одна «мадама» жаловалась мне: «Ну, какую теперь молодой человек приятную открытку послать может? Раньше — «Любовь, сердце со стрелой, розы и т. д.», а теперь на почтовой открытке лозунги: «Бей крыс капканами, чтобы не портить шкуры» или «Собирайте мусор и старье, это все утильсырье» — и т. д.

*

8 декабря

Был большой перерыв.

Встреча на банкете с Салтановым* — хорошая и теплая.

*

А в общем, жизнь у меня неустроенная и жгу я себя бестолково.

*

С Салтановым мы не виделись 13 (тринадцать) лет. А все-таки каждый остался — тем же.

— «Бей крыс капканами» — это теперь вспомнил я и засмеялся.

10 декабря

Эта тетрадь оканчивается. Прошел почти год. Год был крутой. Дальний Восток тоже уже далеко позади.

*

Что бы там ни выдумывали, а хороший и чуткий человек В. Н.

*

Ясно вижу, что могу многое сделать, если сумею... наладить жизнь...

ТЕТРАДЬ ЗА 1933—34 ГОДЫ

МОСКВА 1933

Достать брошюры:

1. «Памятка трактористу».
 2. «Уход за скотом».
 3. О посевной.
 4. Какое железо идет на бороны?
-

Вставить слова: «Был бы хороший отец».

3 декабря

Мороз с утра 26 градусов.
Надо садиться за «Синие звезды».

Значит: Кирюшка бежит к директору МТС*. Там он узнает, что пришла телеграмма о том, чтобы выделили запасные части.

На обратном пути он слышит, как поют девки — среди них он узнает и Любку. Встреча с Алексашкой, который припускается бежать.

Кирюшка слышит позади себя смех — знакомство с Фигураном.

В первый же вечер Кирюшка узнает о том, что Калюкин и Сулин уезжают на приемку.

Какие же дела у Кирюшки с Фигураном? А дела вот какие...

Дед Фигурана. **Фигуран стыдится** своего деда. Фигуран говорит: «Я уйду в город — ну, какой из меня тут работник?» Фигуран делает деду колодки и деревянные гвозди. (Что они прячут в бане?)

Схема: Костюх прячется — Сулин и Костюх.

Фигуран презирает деда. Фигуран пишет письма.

Тайна Фигурана в том, что он хочет уехать. За письмами он бежит в соседнее село.

Фигуран крадет у Кирюшки трешницу.

«Это не дело», — говорит Кирюшка.

Дед Пантелей любит Фигурана

Следовательно — Фигурану нужны деньги на дорогу (но об этом узнает и Костюх).

Следовательно. Дед Фигурана — пьяница — кустарь — сапожник. Фигурану нужны деньги на поездку. Он пишет письма и ворует у деда, что попало, **но только** у деда, которого он ненавидит. Кирюшка узнает об этом — и в этом их тайна.

Достают географическую карту. В связи с этим рассуждения о СССР.

Воет собака. А перед этим какой-нибудь случай с оплошностью Калюкина.

6 декабря

Вечером вчера гулял с Эрккой и Светкой*. Девчонки дразнят Эрку прогульщицей. Позавчера купил портрет Ворошилова*.

7 декабря

Вчера вечером пришел Ваня Халтурин*. Пошли вдвоем к Желобовскому.

8 декабря

А значит — Алексашка — сын кулака.
Матвей, Калюкин — разговор о Сулине

9 декабря

Матч Флор — Ботвинник*. Пока 2—4 в пользу Флора. Позавчера статья — «Колхозная торговля и политика цен». Задача закупок — у кооперации нелегкая.

10 дек. 1933

Вчера вечером был у Разумовской. Дела в Детгизе — пока неважные. Смирнов крепко всё ломает*, но книги пока лежат.

За эти дни — купил лыжный костюм. Были с Нюрой в театре. Смотрели «Рекламу».

18 декабря

Ботвинник отыграл две партии у Флора.

По Дальнему Востоку отменены хлебозаготовки на 10 лет.

26 декабря

Следовательно, Кирюшка видел Фигурана за письмом. Кирюшка получил ком в спину. Кирюшка, вернувшись, слышит разговор о Мишке Бессонове. Кирюшка едет наутро с дедом Пантелеем за лозою.

*

Разговор об утопленнике.— Воеет собака.

*

Следовательно — Кирюшка и Пантелей едут за лозою. Чарабаевское имение. Обратный путь, их догоняет Фигуран. («Дедушка, кто этот Фигуран?» — «Он сирота».) Потом встречается целая кавалькада — это Сулин — Калюкин и подводчики едут на приемку.— Возвращение. Воеет собака...

«Нельзя двигаться»

«Раз поставили — значит, стой».

А в конце книги: «И этот тоже не подвинулся».

Кирюшка
о смерти
отца

27 декабря

Был на вечере Злобина и на заседании оргкомитета (по подготовке I Всесоюзного съезда советских писателей.— *Ред.*). Реплики... Кожевников*.

На 4 число (имеется в виду январь 1934 г.— *Ред.*)—
днем в школу.

На 10 число — днем.

27 декабря

Работал хорошо. Только что пришла Аня и сказала о том, что умер А. В. Луначарский*. Это человек — целая эпоха.

Калюкин на суде бросает Сулину реплику*:
— Врешь — такие рабочие не бывают!

Мишка Бессонов — встает неожиданно за Калюкина (на суде).

28 <декабря>

Видел замечательный сон — сказку.

Будто бы я солдат не то какого-то полукаторжного легиона, не то еще кто-то.

Потом — подарок от волшебницы из сказочного дворца. Потом бегство на пароходе. Феерия и наконец пожар — я хватаю Тимура, а волшебница в гневе кричит: «Ан все-таки он тебе дороже, чем я». Потом опять другой океанский пароход. Гибель Тимура. И потом я — весь в огнях, в искрах — огни голубые, желтые, красные — тут мне и пришел конец.

Очень хороший тревожный сон.

*

Встал рано, все еще спят. Сажусь за работу.

Следовательно: Кирюшка перед развалинами.

— Встреча с незнакомым человеком.

— Рыбаки ставят мережи*. Разговор об утонувшем охотнике.

Встреча с Сулиным и подводчиками.

Ночью воеет собака...

Следовательно: встречаются подводы.

1934

11 марта

В дом отдыха не поехал, а спрятался дома и думаю к середине апреля закончить «Синие звезды».

Приезжала Талка.

25 февраля обо мне большая хорошая статья в «Правде»*.

Ваня Халтурин в «Пионере» (больше.— *Ред.*) не работает.

Отправил письмо Тимуру.

Пустой флакон из-под духов находит в мусорном ящике девчонка.

14 марта

Либретто для детской кинокартины.

Цыплята. Колхозная ферма.

«Плохой человек». «Злища — птица». «Охотник — рабочий» и его товарищ (девчонка).

Когда забирают ружья, то у толстого охотника маленькое ружьишко, а у маленького охотника — здоровенное ружье.

Птица ворует цыплят вместе с лукошком — в лукошко попадает утенок (утенок прыгивает и попадает в болото или в речку).

По пути с ними разные приключения: день, солнце, ночь, луна, звезды — гроза (гроза как гроза, луна как луна).

25 марта

Мыло земляничное — пахнет оно весной и дорогою — это, вероятно, потому, что выдали мне (такой же.— *Ред.*) кусок перед отъездом на Кавказский фронт.

*

1. Посмотреть расписание.
2. Доверенность.
3. Куртку или плащ.
4. «Вкусы»*.
5. Письмо Ивантеру*.
6. Карту, карандаши, тетрадь.
7. Продуктовый мешок.
8. Одеяло, подушка.

29 марта

25 марта — как и всегда сразу — рывком я уехал из Москвы в Ц. Ч. О.¹

Купил хорошую серую шинель. Ржава. Обоянь. Машиной до «свертки», дальше пешком с сумкой за плечами. К вечеру — подошел к Ивне.

Полуразрушенный дворец графа Клейнмихеля*. Церковь, раскопанные вывороченные гробницы. Парк. Весна, — тысячи и тысячи грачей.

Радостная была встреча с Тимуром.

Днем — солнечно, тихо. Только грачи кричат. Квартира среди развалин — хорошая, светлая, просторная. Под окном лохматые елки.

Внизу большой пруд.

Был в Верхопенском у начполита Ивочкина Семена. С ним мы подружились. Хорошо мне здесь — ни забот, ни ссор — сиди да работай.

*

Кузница — обсечка. Ребятишки. Гаврюшка в... цветных чулках. «Садись, хозяин, гостем будешь».

Шофер, который сильно боится за машину, когда за руль садится начальник. «Конь чужой, кнут не свой, погоняй, не стой».

Мужики сидели на солнышке у дороги.

30 марта

Отправил 3 письма и одну открытку в Москву (Лядовой, Плаксину, Трофимовой и Ивантеру). Вечером написал частушки для политотдельской газеты.

Важное постановление о льготах единоличникам, вступающим на работу в совхозы.

¹ ЦЧО — Центрально-черноземная область. В 1928—34 гг. в нее входили Воронежская, Курская, Орловская и Тамбовская губернии.

2 апреля

Сегодня опять солнце. Дописал до места — ребята в церкви.

Приехала Любка Воронкова — смешная девчонка. Встаю, завтракаю, иду гулять в парк — потом работаю. Тимурка посадил в консервную банку подснежники.

*

Пошли ты им здоровья множество лет,
Великий и праведный боже.
Товарищу Плаксину — крепкий привет.
Товарищу Лернеру тоже.
Подъемлю во здравие полный бокал,
Бокал дорогого портвейну,
Чтоб счастья всевышний без меры послал
Наташе, а так же Брунштейну.
И, выпив до дна, помолившись опять,
Налил бы я снова и снова
За то, чтоб во здравии мне увидеть
С портфелем тугим Житенева.
А вы вспомните о доле моей,
Воскликните радостно вместе:
«Пошлемте ж скитальцу, друзья, поскорей
Рублей этак сто или двести.
А если же триста — тогда на Суде
Запомнит бог щедрость такую.
Ошую посадит всех жадных людей.
А вас всех подряд — **одесную***.

3 апреля

Ходили с Тимуром на бугры, на поляну, и долго лежали, загорая на солнце. Вырыли кустик подснежников и маргариток.

Хорошо поработал. Переписал начисто главу, где ребяташки спрятались в церкви.

*

Хороши развалины, в которых мы живем. То-то, должно быть, красота летом.

ПЕСНЯ ФИГУРАНА

Как за лесом синим гром-гроза.
Командир Буденный красным сказал:
— Все ли вы на месте? Скоро бой.
Трусы, с коней слезьте! Храбрые — за мной!

*

6-го в Верхопенье у Ивочкина.
Отослал материал в «Пионер». 7-го верхом обратно
в Ивню. 8-го моросил дождик.
Тимурка достал маленького кролика — Трусика.

*

Надо писать смелее, а я все чего-то побаиваюсь.

*

Кирюшка, дед Пантелей, Сулин — Фигурана отсы-
лают. Фигуран замечает, что кто-то в избе, где запчасти.
Общее собрание колхозников.

К вечеру возвращается разобиженный Калюкин. Люб-
ка идет мыться в баню. Калюкин говорит: «Как же такое?
Значит, и я отвернусь, у меня пропадет тоже?»

Четыре штуки магнето свалились в кусты.

*

Сулин по приезде останавливается возле Калюкина и
перекладывает четыре штуки вместо потерянных. Сулин
говорит: «Свези подводу сам».

Калюкин сдает и замечает, что у него не хватает.
(Калюкин без дела после собрания, но сидеть так сло-
жа руки он не может.)

Кирюшка и Фигуран бегут тропой.
А в Каштымове ярмарка, карусель.

10 апреля

Солнце. Я, Тимур в бумажной треуголке и кролик под елочкой.

*

Значит: Кирюшка возвращается домой — приезжает Калюкин, заходит дед Пантелей, Кирюшку берут на ярмарку. Любка идет мыться в баню.

10 апреля. Вечер

Теплый хороший весенний вечер.

11 апреля

Вчера отослал письмо домой и в «Пионер». Вечером ходил на озеро. Старик ловит рыбу.

12 апреля

Очень тепло. Гимнастика моя подвигается. Загораю. Отослал письмо Ивантеру с просьбой прислать тетрадь. Работаю ровно.

Значит, **сегодня**:

Кирюшка хочет предупредить Фигурана, что он не поедет на рыбалку. Вечером засыпает и думает.

Случай с Любкой.

*

Мне тридцать лет — годы не старые, но и не малые. Скорее, скорей надо кончать повесть.

*

Днем человек работает, дома вежлив, спокоен, а ночью во сне матерится.

14 апреля

Вчера приезжал Ивочкин.
Летчики спасли уже 57 челюскинцев*.
Сильный ветер. Гимнастика.
Сегодня надо писать главу «Ярмарка».
Смелее!

15 апреля

Тимуренок-Гайдаренок.
После обеда ходил в лес. Фиалки. Шуршат сухие листья. На опушке трактор.
У Тимуренка, кроме кролика, появился маленький серый зайчонок.

*

Все челюскинцы спасены летчиками.

*

Значит, Фигуран рассказывает Кирюшке свою историю.
Сулин сворачивает в лес.

18 апреля

Вчера получил телеграмму, что меня премировали часами. Даешь часы.

Отправил вчера телеграмму Ивантеру, письмо ему же и письмо Лядовой. Сегодня отправляю письмо Плаксиной* и домой. А также кусок «Синих звезд».

Вечером вчера — узкий месяц — такой, при котором погибла испанская принцесса.

На днях выезжаю в Ростов.

19 апреля

Вчера у меня день отдыха. Вечером играл в волейбол. Ночью был в лесу.

Сегодня просматривал «Военную тайну». Может получиться хорошая книга*.

*

У Ивочкина беда — подожгли конюшню. Сгорело 26 лошадей.

*

Значит: они бегут в лес. Подвода опрокидывается... возвращение. *Матвей*. Приезжает Калюкин. Потом — Сулин.

*

Уже опять **Москва**. Приехал из ЦЧО 24-го (апреля.— *Ред.*).

*

Восьмого у Анютки операция.

Май — жара.

Очевидно, «Синие звезды» должны быть закрыты тучами.

10 мая

Очень устал...

13 июня

Послезавтра месяц, как мы живем на даче в Клязьме. Последняя неделя хорошая. Все спокойно, сию работаю.

*

Скоро приезжает Талка.

*

Вчера в лесу я, Нюрка, Талка и Светка нарвали огромные охапки цветов. Хорошие зеленые поляны, напоминающие детство...

*

«Военная тайна» будет хорошей книгой. «Синие звезды» пока отложил, пусть полежат.

Погода неустойчивая — облака, солнце, ветры — и так целый месяц.

*

В «Правде» передовая «За Родину» — это хорошо.

27 августа

Последние дни крепко работал.

Наконец-то кончаю «Военную тайну».

Эта повесть моя будет за Гордую Советскую страну.

За славных товарищей, которые в тюрьмах.

За крепкую дружбу.

За любовь к нашим детям.

И просто за любовь.

Сегодня **впервые** я иду на съезд писателей, хотя съезд подходит уже к концу.

Очень, очень странно, что на днях я все-таки заканчиваю повесть.

*

Эти рисунки я дарю Дальнему Востоку только за то, что он верит в «Военную тайну»*.

Арк. Гайдар

Р. С. Ден — спор будет разрешен через 1 год.

*

«— Он любит детей?

— Он всех любит. Он только белых не любит.

ТЕТРАДЬ ЗА 1939 ГОД

29 марта

Очень тепло. Работать нельзя никак: мешают. Прошлый год в это время я уезжал в Одессу и пробыл на юге до 21 июня. С этого дня и начались все мои несчастья. Проклятая «Судьба барабанщика» крепко по мне ударила*.

Снег почти стоял.

*

8 апреля

Вчера выписался из «Сокольников» — был туман мозга. Сегодня очень тепло, солнце. Читаю «Историю древних германцев».

25 апреля

Дни проходили хорошо и весело. — «Барабанщик» печатается. Опять дела с кино*. 28-го еду с Дорой в Ялту*. Настроение бодрое.

Ялта. 2 мая — 16-я комната

Паустовский*, Каверин*, Фин*, Диковский*, Тренев*, Вирта*, Уткин*, Евг. Петров*, Асеев*, Лагины* и др.

9 мая

Очень много все дни работал. Писал диалог к чужому сценарию «Личное дело». Сценарий прескверный.

«Анатолий Федорович» — 5-ти лет, разбил себе нос. Солнце печет. Сегодня заканчиваю работу. Дора с Паустовским ушла в Ливадию.

*

Награждены орденами сельские учителя — это хорошо. Я люблю это племя.

12 мая

10-го отослал «Личное дело» режиссеру. В тот же день очень весело проехали на машине... за Аю-Даг! Красивые скалы.

Вчера написал десять писем! Сегодня с утра ушел с Диковским «на беседку». Съемка монумента. (Съемка для потомка.)

О Пастернаке* — «небожитель».

*

«Молитва рыбака» — письмо в Солотчу, к Рувцу.

15 мая

Тринадцатого ездили в Симферополь... Было нас шестеро: Петров Евгений, Диковский, Вирта, я и Дора и зав. домом отдыха...

На обратном пути заехали в Бахчисарай и в Гурзуф. Кан — мертвый город. Изумительны (нрзб). Спускались к Ялте со стороны Ай-Петри. Отмахали всего 250 км.

14-го были в Алушке... Получил телеграмму от Разумного...*

Погода все же неважная. Жду сегодня телеграмму от Андриевского* и его приезда, денег и писем.

Дора читает Гоголя.

17 мая

Вчера получил письмо от Сережи Розанова* и К. Пискунова*. «Барабанщик», кажется, будет печататься в «Красной нови». «Дым в лесу» подписан к печати.

Получил деньги. Отправил 200 р. в Клин и 400 Талке*. Купил часы и компас.

К вечеру приехал Лоскутов*. Разговор с Шнейдером о сценарии.

Жить становится легче.

18 мая

Играем вечерами в волейбол. Вчера получил телеграмму. Андриевский выезжает 22-го. Очень хорошо. Погода установилась ясная, летняя...

23 мая

Были на днях в ущелье Уч-Кош. Было весело. Ходили 22-го на концерт — Гилельс Эмиль* и его сестра. Хорошо... Разговор с Асеевым. Ему мои замечания понравились.

Путник и дорога как целое — при одних обстоятельствах, а при других — дорога его не касается, он касается ее только подошвами. Вообще мир разорван — при одном восприятии и собран при другом. Второе выше.

В Крыму буду до 5 июня. Завтра жду Андриевского. Разговор с Перцовым о «Телеграмме»*.

Ужасного встретил на пляже доктора: «Вы писатель? Очень рад: массу могу предложить вам материала. О чем пишете? — О войне. — Есть у меня в Севастополе знакомые. Могут рассказать из жизни морского флота. Ах, это не интересует! Ну тогда, может быть, нужен *материальчик* курортно-бытового характера?»

Очень многие еще дела нашего не понимают.

Один из самых страшных вопросов — это когда человек интеллигентный и начитанный задает вопрос: «А скажите, как вы пишете? Из жизни материал берете или больше выдумки?» Очень становится от такого вопроса уныло.

Прошлый год в это время я работал над «Барабанщиком» (сценарий) в Одессе. Завтра приедет Андриевский. Очень рад...

*

Не забывать о красной нитке. Если я об этом забуду — горя мне опять будет немало...

24 мая

На днях с большой помпой справляли день рождения Осипа Резника*. Заготовили лавровый венок. Диковский сочинил академическую речь с латынью. Вечером погасили свет и зажгли свечи. Много было хохота.

Вчера Гира-Литовец* читал стихи... Асеев читал стихи. Уткин тоже. «Однофамильцы». Уткин об охоте на уток. Остроумно!..

*

<Газета> хвалит Н. Шпанова за повесть о будущей войне*. Но статья полкового комиссара что-то подозрительна, ибо цитаты он приводит очень неудачные.

*

27 мая

Приезжал Андриевский. Дела мои хороши. Вчера были с Дорой в Суук-Су, в Артеке. Встреча с ребятами была теплая. Подарили нам много пышных роз. Завтра приступаю к работе над «Барабанщиком»...*

Диковского проводили в Коктебель. Уехал он на «Армении»... Начинаю скучать по России... Пятилетний Анатолий Федорович очень со мной дружит. Подарил ему звезду, свисток и пистонный револьвер. Он командует над собаками — Цыганом, Цезиком и Машкой.

В газетах временное затишье. Но тревожно на свете.

28 мая

Вчера до глубокой ночи спор после вечера чтеца Журавлева* — Асеев, Перцов, Козин — я остался при своем... Сегодня сажусь за работу.

*

В. будет жить нелегко. Славы много, а пишет пока плохо. Он излишне самонадеян. Хорошо, если это только результат молодости.

30 мая

Работаю. Позавчера смотрели татарский ансамбль, вчера украинских бандуристов.

Послал Андриевскому телеграмму: «Гей, гей, не робей, замечательную сцену закатил я вчера в семье у Половцевых тчк Шлите деньги или я буду вынужден остаться в Крыму навеки»...

Получил от Сережи (Розанова.— *Ред.*) телеграмму. Бумагу он мне выслал.

*

Выслать книгу — Ялта, Черноморский пер., № 1, кв. 7 — 9, Вильвовскому — Лене, Данцеву Виктору. Это ребята, которые дали мне «Голубую чашку».

*

1 июня

Вчера была гроза, потом — опять солнце. Разговор с Козачинским* о его водевиле — это плохая услуга Лагина. Вечером — новые дорожки в парке. Проводы Уткина и Козина у фонтана. Когда-то я необъяснимо ненавидел Уткина. Теперь присмотрелся — нет. Человек как человек.

*

Нравится мне В. Перцов. Человек культурный и душевный...

*

Давно в Москве...

13 июня

Бинокль с сеткой. Рынок. Сапоги. Кино. Сборник. Спиннинг. Последний раз «Барабанщик».

26 июня

Живу в Солотче вместе с Борькой*. Сегодня из Москвы приезжает Рувим (Фраерман. — *Ред.*). Дора осталась в Клину. Приезжала в Москву Талка. Надо работать — над чем еще не решил.

*

Письмо в Клин. Телеграмму в Хабаровск.

29 июня

Вчера в газете: 120 японских самолетов перелетели границу, 95 советских приняли бой*. 31 японский самолет был сбит — советских 12. Позже еще 60 самолётов, опять бой. Сбито японских 25, советских 2.

Тревожно на свете, и добрым дело, видать, не кончится.

*

Ловили с Рувимом на маленьком озере. Поймал я большого окуня. Ходили на Канаву. Комары — как тигры. Сегодня переставил стол в маленькую комнату, пора начинать работу.

1 июля

На монгольской границе беспрестанно воздушные бои.

*

Вчера я, Рувим, Борис, Валя ночевали в лесу на берегу Прорвы. Огромная сверкала луна. Пчелка гонялась за куликами. Сенокос. Возвращение бригад с поля.

2 июля

Вчера чинил у Рувима велосипед. Странная идея у Рувима — снять камеру, не снимая колеса. Ездили на Канаву. Клевало хорошо. Рувим поймал здорового окуня. Луга в цвету.— Тревога...

4 июля

Весь вчерашний день провели с Борисом на Канаве. Утро, летчик над лугами. Оборвал у спиннинга две блесны. Варили борщ. Рыбы поймали мало.

Сплю плохо. Тревожные варианты старых снов. Надо работать, но я что-то растерялся.

Послал вчера Доре письмо со стихами.

14 июля. Клин

В Москву приехал пятого. Наконец-то вышла «Судьба барабанщика».

Шестого гуляли с Дорой. Были в кино и в музеях. 11-го уехали в Клин. От Дальгиза есть телеграмма. Разговор с Гавриловым об обмерах приусадебных участков.

13 августа

За этот месяц только и сделал хорошего, что написал для сборника небольшую сцену в двух картинах «Прохожий». Говорят, что получилось хорошо...

...Сегодня на душе у меня невесело... Впрочем — плевать. Нервы в руки. Не распускаться. Смеяться. Работать.

*

<Старая Руза. Дом отдыха писателей.>

*11 октября 1939 года**

Яркий солнечный день... Говорил недавно с Москвой по телефону.

12 октября

Солнце. Читал вчера Куприна* — «Штабс-капитан Рыбников». Вещь сырая.

14 октября

Отправил письмо Доре. Тревожные сны по схеме № 3. Интересно. В «Путешествии» Яна Стрейса* он часто упоминает о том, что его «объял страх». А между тем его поведение показывает как бы обратное: «Приблизившись, меня объял превеликий страх и, схватив дубину, я начал колотить разбойников».

15 октября

Получил письмо от Доры и журнал «Детская литература».

ТЕТРАДЬ ЗА 1940—1941 ГОДЫ

1940

1 апреля

Батуми, 4-го марта. После месяца в санатории «Сокольники», уехал на Кавказ, в Цхалтубо... Цхалтубо, Разумный, позже Ермолов*...

Много работали над «Тимуром и его командой». Вчера налетел циклон — застал нас в парке. Ночью выехали в Батуми... В Батуми остановились в гостинице «Интурист». Шторм на море...

...Тбилиси — опоздали на поезд. Пансионат. Беспокойные дни. Потом (санаторий,—*Ред.*) В.Ц.С.П.С. Работа. Источник № 3. Дерево — радиоворон. «Братья — разбойники». Опять — сахарин*. Хорошая статья Роскина о Шолохове.

2 апреля

Гуляли с Разумным по городу. На пристани сгружают в бочки свежий улов рыбы. Два базара. Букет цветов. Вечером вчера отработали кадры — «Поимка шайки Квакина».

День сухой, серый. Море стихает. Встреча с ребяташками — цветы учительнице. Мексиканские шляпы. Морская свинка нам гадает — расход полтинник.

3 апреля

Вчера вечером много работали. Поставили на место главную сцену — «Выходной день в роще». Днем взяли билеты на «Армению». Снимались — я на коне, потом — оба в картонной лодке. Турчанки на базаре. Лодка с битым тюленем. Портной Голодайло и доктор Гигиенишвили...

5 апреля

4-го в 16 часов выехали на теплоходе «Армения» в Одессу. Погода была серая. Зашел в тир — выбил 41 очко. На пароходе — «знатный американец». Утром в Сухуми — погода светлая... Купил на базаре семян цветов. В Гагры приехали к 14 часам.

Окончил всю работу над «Тимуром». Осталась только «Походная песня».

Речь (доклад) наркомфина Зверева — касается и нашего брата*.

Сейчас стоим в Гаграх. Здесь я был в 1925 году, 1934. В 1938 с Семеном Ниловичем, а в Сочи — в 1920, 1925, 1927, 1934, 1938.

Надо написать для Детиздата рассказ.

6 апреля

Вчера вечером закончили основную разработку режиссерского сценария.

Таким образом — вещь сделана.

Утром были в Новороссийске. Получил от Доры радиogramму. Кафе с звонками, похожими на пожарную тревогу. Вспомнил: — лето — Геленджик — ночь — вода светится голубыми искорками.

Прочел умную статью Роскина о Шолохове. Был несколько удивлен. Роскин суховат — статья теплая.

Где-то Рувка? Коста?* Скоро пора разматывать удочки.

7 апреля

Утром в Ялте.

Встретили Ж. Шнейдера, он снимает «Отчаянную голову»; Журавлева — «Гибель «Орла»*.

Забегал в Дом писателей. Там — Гехт*, Смеляков*, Ленч*, Симонов*. Хохотали, когда я им рассказывал, как мы ехали с знатным американцем. Это, оказывается, был американский посол Штейгарт. В Ялте он слез, стало веселее.

9 апреля

Вчера утром приплыли в Одессу. Ночью от Евпатории море было беспокойное.

Был вчера на кинофабрике. Вечером был в театре на «Иване Сусанине».

Смотрел картину «Петрушка» — груба. Съемка с дорисовкой — хорошо.

Были с Александром Ефимовичем (Разумным.—*Ред.*) в книжной лавке. Купил атлас...

На пароходе случай с киношником, разговор которого показался одному дураку подозрительным. Общий хохот.

Июнь, 14-е, Клин

Было немало. Сижу в Клину*.

...Написал «Советская площадь» и «Поход» — маленькие новеллы. И весна и лето неровные. Огород. Ирис — высокие, как гвардия, цветы. Собаки — Игрун и Жулик. Машина с детьми на Головково.

Сегодня начал «Дункан», повесть.

Война гремит по земле. Нет больше Норвегии, Голландии, Дании, Люксембурга, Бельгии. Германцы наступают на Париж. Италия на днях вступила в войну.

29 июля

Давно уже Франция разбита.

СССР — это уже Бессарабия, Литва, Латвия, Эстония.

Пишу «Тимур и его команда», работа идет неровно, рывками. Был вчера в Поваровке, в детдоме.

Разумный снимает картину на Волге.

27 августа

Сегодня закончил повесть о Тимуре — больше половины работы сделал в Москве, за последние две недели.

Был у Ванюшки Халтурина...

29 ноября

20 ноября 1940 года — опять... санаторий «Сокольники».

22-го в «Московском большевике» статья Ивича* о «Тимуре и его команде»...

На земле тревожно. Греки неожиданно теснят в Албании итальянцев.

Вчера, 28-го, написал письмо Рувиму*. Мучает меня совесть, а о чем — точно не знаю...

Реутово (полупобег)
Лекция о Лермонтове.

Опять смотрел «Цирк»*. Все-таки хорошо — особенно с акцентом «Петрович», «Ваничка» — есть теплота.

Читал письма Толстого*. Потом Щедрина*. Ужаснулся — загрустил.

Сегодня 29-е — рубят в нашем саду сосны.

*

17 лет тому назад:

«И пока не придут со сменой,
не уйду я сам с поста.
Не нужны ценой измены мне
ваша ложь и красота!»

Глупо, но искренно. Оттуда же —

«Все прошло. Но дымят пожарища,
Слышны рокоты бурь вдали.
Все ушли от Гайдара товарищи.
Дальше, дальше вперед ушли*».

30 ноября

Попробую вспомнить товарищей по школе, по классу.
Арзамас, 1916 год — 24 года тому назад...

А кто и где
из них — я
не знаю, ни об одном.

Теперь вспомнить I взвод **Шестых киевских командных курсов** — 1919 год: Ситников, Лебедев, Ключев, Галкин, Рябинкин Николай, Цыпленков, Грибов, Боденко-Яшка.

Оксюз Яшка — убит при мне, я его заменил*. 27 авг. 1919 г. Станция Боярка.

Больше не помню.
Комиссар — Бокк*.

Очень дымное, тревожно — счастливое время — людей не помню — помню события.

Бой Кременчуг — Крюково (Григорьев).

Бой Коростень — Новоград-Волинск (Соколовский).

Бой Боярка — Фастов — Киев (Петлюра).

*

Конно-казацья бригада — Бровары. 9-й Богунский полк... — Керосинные казармы.

Киевская лавра — какой-то бандитский караульный полк...

*

Вспомнить когда-нибудь дорогу на Кавказский фронт — начиная с Курского вокзала...

*

Дорогу на Польский, здесь дальше есть провал, никак одни события не вяжутся с другими. Этот фронт — темная, неясная, непоследовательная цепь. Путаются — глубокий, по пояс, снег — и совершенно ровное, покрытое сухой травой поле.

Вообще-то порядок фронтов был такой:

1) Петлюровский: Киев, Коростень, Гребенка, Александрия, Кременчуг, Фастов.

2) Польский: Борисов, Лепель, Полоцк, Улла.

3) Кавказский: армия Морозова, Сочи, Веселое — Пиленково, Кубань; Гейман, Хвостиков.

4) Антоновщина: Тамбов, Моршанск, Бенкендорф — Сосновка, Атманов Угол, Плоская Дубрава, Пахотный Угол.

5) Банды Башкирии — Тамьяно-Катийский кантон (это ерунда).

6) Хакасия, Сибирь — граница Тана-Тувы — банды Соловьева.

1 декабря

11 градусов мороза, солнечно...

*

Прошлый год в это время, после поездки в Рязань, я взялся за работу над «Тимуром». Позапрошлый в декабре, кажется, писал «Чук и Гек». Время для меня было крутое.

Декабрь 1939 — Москва — Болшево.

1938 — Клин — Москва.

1937 — Спасопесковский, разрыв, деревня Головково — «Судьба барабанщика».

1936 — Дмитровка, деньги из Саратова, — цветы, взрыв.

1935 — Москва (перед Арзамасом), Малеевка — «Голубая чашка».

1934 — Москва после «Военной тайны», перед Арзамасом.

1933 — Ильинское — после Дальнего Востока.

1932 — тяжелая зима на Ордынке... перед Дальним Востоком.

1931 — Кунцево.

1930 — приезд в Архангельск.

*

Нет, что-то немного напутал.

7 декабря

5-го и 6-го был в городе.

Смотрел «Тимура» — применение на практике так называемых «советов профессора Кронфельда».

На днях для доработки «Коменданта (снежной крепости». — *Ред.*) я, А<лександр> Е<фимович> и Крепс* должны будем приехать на десять дней в Болшево.

Был у Рувима, отдал часть долга.

Встреча у Разумных с Кандыбиным. Он был в Воронеже предгубчека в то время, когда я командовал там же 23 полком.

*

Ошибка «Тимура».

Ольга сразу берет неправильный тон. Пленники очень плохо выходят при освобождении. Но это мелочь. Засорен диалог. Надо впредь работать лучше.

Перестроить всю манеру (актерскую) разговора. Надо проще.

13 декабря

Вчера приехал на десять дней в Клин... Надо резко перестроить «Снежную крепость».

Мороз, снег. Меховые унты.

Интересно: а что если образ Нины — это русская широкая песня?

14 декабря

Очень хорошо начал работу — продумал ночную смену часовых. Диктую в местной редакции. Послал Разумному телеграмму.

Привезли дров. Купил на базаре свежих окуней. Приехала вчера Наташа. Женюрка больна корью.

*

Важная статья «Правды» о военном воспитании детей и молодежи*.

*

Читал замечательный сценарий «Вива — Вилла» Бена Хекта. Замечательно! И я сразу упал духом...

17 декабря

Вчера вечером приехал А<лександр> Е<фимович> (Крепс придет 19-го). Ночевал у меня, а остановился в гостинице — номер «люкс».

*

18 декабря

Вечером вчера смотрел «Брат героя» Кассиля*. Задумано было хорошо. Но поставлено легковесно.

Вчера же вечером придумал важный поворот в «Комманданте крепости».

Крепость взята и разрушена...

*

Ночью сон. Нина Никитина — девочка, которую я и и р а з у не вспоминал тридцать лет — и ее семь сестер. Светло-оранжевые платья, все похожи одна на другую.

Бог мой! И чего только в голове у человека не запрятано. Позавчера я ни за что бы не вспомнил даже ни ее, ни как ее зовут, ни ее фамилии.

*

Достать Горнфельда — «Муки слова»*, хвалил Горький.

19 декабря

Потеплело. Ночью долго не мог заснуть. Волновала сцена у разгромленной крепости. Печальный Тимур и песенка Жени: «Гори, гори, моя звезда!»...

На земле — все то же. Англичане и немцы сильно бомбят города. Итальянцам наклали греки.

*

В «Комсомолке» хорошая статья о Тимуре. Хвалят Разумного*. Это хорошо, ему нужна поддержка.

*

Вернулся с Камчатки отслуживший срок красноармеец — вот он сидит уже в штатском, рядом — родные, знакомые, а я смотрю и вижу, что люди его уже не знают и не понимают. Не понять им — как далеко он был, что испытал и видел, — а сам он никогда этого рассказать не сумеет...

*

...Кино. Тревога!

Только иногда я в страхе начинаю понимать, какие еще сильные и опустошительные бури могут неожиданно пронестись по сердцу.

*

Приезжала Дорик, подарила мне смешную хорьковую куртку, и стал я похож на медведя.

24 декабря

Все дни много работал — вчера начерно окончил второй вариант. Крепс и Разумный живут в гостинице. Ходили как-то с ними на клинский базар. Погода мягкая. Собака Жулик — симпатичная, но неприличная...

*

25 декабря

Несколько тревожат меня настроения А. Е. и Крепса. (Разговор о картине и оловянных солдатиках.) А. Е. отрицает, но у меня смутное подозрение, что в новом сценарии он и я видим не совсем одно и то же.

Оба они дали мне много дельных замечаний — за это спасибо! Но чувствую я у них иногда какую-то осторожность, скованность при подходе к тем эпизодам, которые я считаю с а м ы м и главными и которые мне больше всего нравятся. Это опасно.

*

Снимался с ребятами в редакции.

*

Работал вчера с утра до трех часов ночи с небольшими перерывами. Основную диктовку второго варианта окончил.

29 декабря

Вчера ночью окончательно выправлен «Комендант». Таким образом, знаменитый «люкс» в клинской гостинице опустевает. Сегодня Александр Ефимович, Крепс, я и Наташа уезжаем в Москву.

Погода морозная, солнечная. Хорошо!

31 декабря

Москва. Все идет хорошо. Меня опять берут на военный учет*. О «Тимуре» много хороших статей, в том числе в «Правде»...*

Мороз 25 гр. Был в ЦК (ВЛКСМ.— *Ред.*) у Михайлова...*

8-го в ЦКмоле будет обсуждение нового моего сценария.

Новый год встречаем у Разумного...

*

Итак, что у меня было в прошедшем сороковом? Весна — Цхалтубо — Батум. Работа над режиссерским сценарием, потом Клин — повесть о Тимуре. Немного Малеевка. Потом опять Клин — «Комендант снежной крепости». Немного Болшево, Сокольники.

*

На земле тревожно — но в новый год я вступаю твердым, не растерявшимся.

1941

14 января

Новый год встречал у Александра Ефимовича, подарили мне хороший портсигар, потом был в ДСП¹, дальше у Олеси и позже у Андрея Старостина*.

На несколько дней опять уехал в Сокольники...

Картина прошла с успехом, но много в ней недостатков.

Сегодня и завтра доделываю последние поправки к «Коменданту». Больше не буду.

Приезжала Талка. Случайная встреча через 23 года с М. Трениным*. Елка в Колонном зале.

20 января

Все переворачивается куда-то к черту. А. Е. ставить мой сценарий не хочет. По-видимому, ему мешают.

Мне звонок от Храпченко о «Государственном заказе»*. «Комендант» пошел в Комитет. С чем-то вернется оттуда? С удовольствием уехал бы. Надо хоть на короткое время голове отдохнуть, потому что опять близка работа — какая, еще не решил.

¹ ДСП — Дом Союза писателей. В настоящее время — Центральный дом литераторов им. А. А. Фадеева.

22 февраля

Прошел месяц. 25 января интересное совещание в ЦКмоле о военном воспитании...*

29-го поехал в санаторий «Сокольники».

С «Комендантом» дела темные... Получил хорошее письмо из Детиздата...*

На дворе погода мягкая. Солнышко. Идет XVIII партконференция...

*

Война идет своим уныло разрушительным чередом. Итальянцев греки жмут, и все рады*.

*

Купил Женюрке канарейку в большой клетке. Гостит у нас Алька — смехотворная девка...

*

Читал статьи Л. Толстого. Тревожно мне и досадно было.

*

Надо написать 150—90 строк для «Пионерки».

4 марта, Клин

...Пасмурно, сильно тает. Прошлый год в это время я уезжал в Цхалтубо.

Сижу — думаю. Раньше я был уверен, что всё пустяки. Но, очевидно, я на самом деле болен. Иначе, откуда эта легкая ранимость и часто безотчетная тревога? И это, очевидно, болезнь характера.

Никак не могу понять и определить, в чем дело? И откуда у меня ощущение большой вины? Иногда оно уходит, становится спокойно, радостно, иногда незаметно подползает, и тогда горит у меня сердце и не смотрят людям в лицо глаза прямо.

*

...«Жулик» вырос, бегаёт, гремит цепью, будка в сугробах. Алька копошится с куклами, ей четыре года. Недавно заявила: «Если Аркадий Петрович умрет, то и я убьюсь тоже» — очень забавная девчурка.

*

Надо скорей хвататься опять за работу. Во время работы тревога (личная) уходит, приходит озабоченность общая — она осмысленней.

5 марта

Написал короткую автобиографическую справку для «Пионерки». Но сколько ни бился — больше четырех строк из обещанного короткого рассказа написать не мог никак.

«Завтра Ильке Артамонову должно было исполниться 9 лет, и еще с вечера он твердо решил с утра начать жизнь по-новому».

Вот странно! И о чем писать знаю, а испортил 10 листов и не мог с этих заколдованных строк сдвинуться ни на букву!

Купил и повесил на стену большую политическую карту Европы.

6 марта, Клин

Германия ввела войска в Болгарию, по-видимому в тыл грекам.

*

В 1941 году должно быть нами заложено 2995 новых предприятий, шахт, заводов, ГЭС и т. д.

*

«15-летний план развития промышленности СССР» — мне будет 52 года. Что же, увидеть еще можно!

ПИСЬМА. ТЕЛЕГРАММЫ. БОЕВЫЕ ДОНЕСЕНИЯ.
НАДПИСИ НА КНИГАХ И ФОТОГРАФИЯХ.
ОТВЕТЫ ЧИТАТЕЛЯМ.
(1915—1941)

П. И. ГОЛИКОВУ

Арзамас, апрель 1915(?) года.

Здравствуй, дорогой папочка!

Ты пишешь, что от меня ты не получил писем. Жаль, я тебе два послал.

Я смотрю, что ты мне не отвечаешь в своем письме на мои вопросы.

Видно, письма задерживаются. Так досадно мне, я тебя спрашивал: какая у вас погода, видал ли ты аэропланы? И вообще про войну. Папочка, я знаю, что некоторые присылают винтовки с фронта в подарок кому-нибудь, как это делается? Может, можно как-нибудь и мне прислать? Уж очень хочется, чтобы что-нибудь на память о войне осталось.

Полковник — Аркадий Голиков...*

Крепко целую.

П. И. ГОЛИКОВУ

Арзамас, весна 1917(?) года

Милый папочка!

Как хорошо сейчас у нас, светит солнышко, все зелено, весело. Цветет черемуха, так хорошо, хорошо. И мне невольно вспоминаются наши прогулки летом, весною; помнишь, вместе с Якимовыми, на мызу к берегу Оки, и узенькая тропочка, и лес, и самовары? Все так хорошо приютились в моих воспоминаниях.

Передо мной букет черемухи, мне так жаль, что у тебя, должно быть, ее нет.

Мне сейчас ужасно хочется куда-нибудь ехать далеко-далеко, чтобы поезд меня уносил подальше, туда, за тобой, по той же линии, где ехал ты, с того же вокзала, где я так горько плакал. Бедный папочка, как у меня сжимается сердце и как мне тяжело при каждом воспоминании этого мимолетного сна.

Когда я был у тебя, все разобрано мною до мельчайших подробностей: выстрел, Покровка, и дальше глубже, а особенно последняя так и встают картины одна за другой. Эти тихие, теплые вечера, когда мы брали извозчика и ехали в город, лето — встают они одна за другой, заставляя снова переживать моменты.

Помню, когда рота остановилась, я залез на гору, и я смотрел на тебя и сдерживал слезы: «Неужели,— пронеслось в голове,— неужели,— подумал я,— неужели его могут убить?» Точно сдавленный рыдающий стон вырвался у меня...

А поезд уходил все дальше и дальше, мерно стучал он по рельсам, и отрывалось от души что-то и уносилось вдаль за поездом к нему, милому и дорогому.

Это один отрывок из дневника моей души. Пиши, дорогой! Цветет черемуха, цветут цветы, расцветает великий красивый цветок «Свободной России», все, кажется, должно бы цвести, а не умирать, как умирают там, на войне.

Прощай, пиши. Крепко целую.

Напиши мне хотя вкратце содержание письма пропавшего.

Любящий Аркадий Голиков

П. И. ГОЛИКОВУ

Арзамас, лето 1917 года

Милый, дорогой папочка!

Пиши мне, пожалуйста, ответы на вопросы:

1. Что думают солдаты о войне? Правда ли, говорят они так, что будут наступать лишь только в том случае, если сначала выставят на передний фронт тыловую буржуазию и когда им объяснят, за что они воюют?

2. Не подорвана ли у вас дисциплина?

3. Какое у вас, у солдат отношение к большевикам и Ленину? Меня ужасно интересуют эти вопросы, так как всюду об них говорят.

4. Что солдаты, не хотят ли они сепаратного мира?

5. Среди состава ваших офицеров какая партия преобладает? И как вообще они смотрят на текущие события? Какой у большинства лозунг? Неужели — «Война до победного конца», как кричат буржуи, или «Мир без аннексий и контрибуций»?

Как ты живешь, милый папочка, нет ли чего у тебя нового?

Если ты приедешь после сентября, привези мне чего-нибудь с войны, а то Тренину прислали винтовку, а у Хоматьяна их 8 штук.

До свиданья, дорогой.

Тороплюсь потому, что надо идти к раненым на беседы «О мире». Крепко целую. Твой сын

Аркадий Голиков

Пиши мне на все ответы, как взрослому, а не как малютке.

П. И. ГОЛИКОВУ

Арзамас, 25 июля 1917г.

Дорогой папочка!

Я тебе давно не писал, но теперь напишу за все. Жизнь у нас идет своим чередом, особых личных новостей почти нет, разве только то, что я занимаюсь геометрией, французским и историей вперед. Между прочим, занятия у нас начинаются с 11 сентября, чему я не особенно рад, так как это лето идет довольно однообразно, а там интересней, там товарищи, беготня, шалости и чувствуешь себя в своей атмосфере.

И хочется видеть, неужели же наша школа в самом близком будущем ничем не изменится от старорежимной, сухой и чиновничьей школы! Ах, папа, к нам всякие новшества проникают с большим трудом и вообще Арзамас представляет из себя не что иное, как яму. И в самом деле, чтобы здесь люди жили общественной жизнью, чтобы их захватили текущие события — да никогда!

Например, у нас в училище все учителя — кадеты*, ну

и столкнись с ними. Они всячески стараются оградить школу от всего нового. Мы, ученики, отвоевали себе право устраивать комитеты и передавать на суд его большинство классных недоразумений, жалоб учителей и на учителей. Постараемся, чтобы нам удалось провести в этом году, чтобы один представитель от нашего четвертого класса присутствовал на родительском совете, хотя бы с правом совещательного голоса.

Не знаю, пройдет ли это, ибо учителя и родители (некоторые) заявят, как это полагается в этих случаях: «мы ваши отцы, а вы наши дети» и прочее и прочее, что они однажды заявили ученикам седьмого класса, когда те потребовали, чтобы им разрешили присутствовать на учительском совете. И все боятся, как бы их учить не стали, да никто их учить и не собирается. Не могут понять, что должны же ученики знать, что делает этот совет, и только. Ведь о учениках же решают, как же ученикам не знать того, что о них решают?

Я бы с удовольствием уехал отсюда.

Кажется, писать больше нечего. Напиши, когда приедешь. Стосковался я по тебе. Вот когда ты был мне нужен.

Целую крепко, крепко.

Аркадий Голиков

Скоро ли кончится война, скоро ли будем мы все вместе?

Проходят точно сон кошмарный

Тяжелые года,

Но миг настанет лучезарный —

Мы будем вместе навсегда.

25 июля 1917 года

Аркадий Голиков

П. И. ГОЛИКОВУ

Арзамас, 4 октября 1918 года

Крепко целую моего милого папочку и надеюсь, что он простит меня за то, что я давно не писал.

В ученье я уже давно втянулся, и классная жизнь идет у нас своим чередом. Я тебе еще не писал, что я выбран в (классный. — *Ред.*) Комитет и получил большинство голосов (20). Наш Комитет состоит из пяти членов. Комитет у нас работает довольно много. Много вынесено резолюций, которые исполняются классом довольно охотно. Наш Комитет без председателя, но самую высшую

должность, а именно делегат в различные учреждения, занимаю я.

Наш Комитет требует от класса беспрекословного подчинения и доверия ему. Пишу я тебе об этом, надеясь, что тебе интересно знать, каковы наши первые организации. Ведь у вас полковые комитеты не диво: там все взрослые, между тем как у нас все еще только ученики IV класса.

Нас теперь не оставляют «без обеда»*, а всякие классные инциденты разрешает Комитет.

Больше доверия ученикам, больше автономии!

Так, например, ученик теперь не приносит записки об отсутствии «от родителей», а расписывается в особой книге, заведенной Комитетом, о причине своего отсутствия (постановление Комитета)...

Ну, а как ты живешь, папочка? Что новенького? Напиши мне, пожалуйста, что-нибудь из окопной или боевой жизни. Буду очень благодарен...

Крепко целую и жду ответа.

Аркадий Голиков

Писал я тебе мелко, потому что пишу чертежной маленькой ручкой. Десять минут восьмого, вечер. Пора готовить уроки — немецкий, история, геометрия, закон (божий.— *Ред.*), рисование.

П. И. ГОЛИКОВУ

Арзамас, январь (?) 1920 года

Дорогой папочка, для того, чтобы в 1920 году ты не совсем забыл о моем существовании, я решаюсь напомнить о нем этим письмом, хотя почти что уверен, что оно дойдет по назначению чуть ли не в 1921 году.

Но это ничего, «Vaut mieux tard qu'jamais»¹, как это было в прошлом году, когда около года мы почти не знали друг о друге.

Пишу из Арзамаса, куда прибыл на несколько дней в отпуск, несколько уставший от непрерывной работы и фронта. Я, однако же, возвращаюсь опять к ним, как только заживет моя рана, полученная на фронте три недели тому назад (рана пустяковая, в левую ногу, кость не тронута, скоро смогу бросить костыли), так что ты не

¹ Лучше поздно, чем никогда (*франц.*).

беспокойся. Да и какое может быть беспокойство. Ты сам, прошедший несколько лет на фронтах, сам знаешь, что на войне конфетами не кормят.

Ну, ладно! Ты, я думаю, хочешь узнать сначала официальное мое пребывание на службе, начиная с 1 января 1919, то есть со времени моего поступления на военную службу?

Вот оно:

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК

Прохождение службы	Год	Месяц	Число
Адъютант командующего войсками ж. д. обороны и нач. ком. связи его штаба	1918	Декабрь	28
Курсант 7-х советских пехотных курсов командного состава	1919	Март	20
Курсант 6-х советских киевских имени Подвойского курсов командного состава	1919	Апрель	7
Заместитель комиссара и Председатель комячейки курсов	1919	Июнь	20
Комиссар партизанского отряда курсантов, действовавшего на внутренних фронтах Украины	1919	Июнь	23
Курсант тех же курсов	1919	Июль	1
Комиссар отряда курсов, усмирявших кубанских казаков	1919	Август	17
Красный офицер взвода	1919	Август	23
Полуротный 6-й роты сводного маневрового полка бригады курсантов	1919	Август	25
Ротный командир 6-й роты того же полка	1919	Сентябрь	8
По расформировании бригады прикомандирован к Смоленским пехотным курсам в качестве инструктора	1919	Сентябрь	25
По собственному желанию отправился на Западный фронт в 468 пех. полк	1919	Октябрь	1
Главным Военным управлением Военно-учебных заведений прикомандирован в Высшую стрелковую офицерскую школу	1920	Январь	1

Список довольно большой для годичного пребывания в Красной Армии. Здесь не помечено, что я был на Григорьевском, Ангеловском, Соколовском фронтах, с тов. Под-

войским при взятии Жмеринки, на Петлюровском, Деникинском и Польском фронтах, изучил довольно хорошо Украину, ее строительство, армию и белопартизанщину.

В общем, я собою доволен. Немножко устал, но это пустяки. Я думаю, что сейчас неуставших и нет.

«На смену старшим, в борьбе уставшим — спешите, юные борцы» — вот клич теперешней молодежи, но я опередил его и пошел на фронт раньше, чем наш союз РКСМ мобилизовал свои силы под ружье.

Враг сломлен. Мы взяли пример с вашего востока, но всегда нужно быть начеку. Да не повторится тот кровавый урок, данный нам, благодаря разгильдяйству, генералом Деникиным, но «La fin couronne l'oeuvre»¹, и только тогда будем почивать на лаврах.

Целую. Как крепко, должен догадаться сам.

А. Голиков

Н.П. ГОЛИКОВОЙ

Кубань, август (?) 1920 года

Как-то поживает моя Талочка? Отчего это она не пишет мне хотя бы несколько строчек? Не знаю, но жду с нетерпением, как от тебя, так и от мамы потому, что уже полгода, как я не знаю об вас ничего.

Работаешь ли ты в союзе (нрзб)? Быть может, нет? Напиши, пожалуйста.

Как живет Шурка? * Он тоже ни черта мне не пишет. Разве ты не помнишь, Талочка, как дружно мы с тобой жили, когда я приезжал домой, как весело и хорошо проходило у нас время? Я и сейчас часто вспоминаю про него.

Я нахожусь сейчас на Кубани, на внутренних фронтах против белых. Хорошо здесь, — красивая природа, богатая растительность, вообще обильная, но беспокойная страна.

Я хотел бы, Талочка, чтобы ты увидела все сама, но не в таком воинственном виде, а в мирное время. Отсюда иногда виднеются снежные вершины Кавказских гор, на которых красиво играет заходящее солнце. Кругом целые бугры кавунов, груш (кавказского бергамота), да таких крупных и вкусных, что мне даже обидно делается, почему

¹ Конец венчает дело (франц.).

их у вас нет; сладкие, как сахар, сорта дынь заставили и меня полюбить их, несмотря на то, что в России я их не любил, их нельзя и сравнить даже с русскими.

Хорошо здесь: и реки, и заросли, и ручейки — а чего-то не хватает: не хватает сознания, что обо мне кто-либо когда вспомнит и напишет теплое и хорошее письмо, да и свои-то письма опускаешь в полковой ящик все равно как в бездонный.

Где работает мама* и учатся детишки* — они должно быть порядочно выросли? Были ли у вас письма от папы, если были, то непременно напишите и о нем.

Может быть, письма неправильно ходят, тем более надо больше их отсылать, то что для каждого из вас является 15-ти — 20-ти минутной тратой времени на это, вполне окупается тем удовольствием, с которым я буду их читать.

Я сильно втянулся в обстановку фронта и еще долго-долго не увижу никого.

Скучать здесь некогда, но, занятые разрушением во имя строительства, мы иногда между делом находим минутку поделиться с товарищами о себе, о «своих» или известиями, пришедшими из дома, и только двое — трое есть таких, вроде меня, до которых никому нет дела.

Пока прощай, передай всем моим друзьям товарищеский привет. Тебя крепко целую, только пиши про всех.

Голиков

П. И. ГОЛИКОВУ

Москва, 21 февраля 1921 года

Дорогой друг!

Не все выходит так, как предполагаешь! Я писал в одном из писем к тебе, что пробуду здесь до июня, но этому сбыться не суждено, ибо я уже окончил Высшую стрелковую школу и завтра уезжаю с поездом нового командующего Орловским военным округом — т. Александровым на один из внутренних фронтов Республики.

Все это вышло так быстро и неожиданно: по какому-то приказу РВСР произвели экзамены и лучшую 1/5 часть выпустили для замены старого комсостава, по большей части бывшего деникинского офицерства, действующего не всегда на руку идее укрепления советской власти.

Вот почему я сижу сейчас в ЦК партии и жду окончательного назначения — я и еще пять товарищей краскомов¹. Через ЦК мы проходим потому, что командированы через ПУР² в распоряжение т. Александрова — теперешнего члена президиума и заведующего отделом ЦК.

К сожалению, я не получил даже возможности побывать дома у детишек, хотя мне очень хотелось этого. Между прочим, когда я проходил через штаб округа, в это время у меня было сильное искушение — попасть в число 400 лиц комсостава в 5-ю армию*, но я этого не сделал, ибо был определенно назначен на фронт, и проситься было неудобно, хотя и возможно.

Жаль, право, что у вас там все спокойно и нет банд и шаек, а то бы я наверняка увидел тебя, я не люблю никогда много с собой таскать всего в армию, так как три раза у меня уже все пропадало — на Петлюровском, Польском и Крымском фронтах, хотя на последнем я был не больше 17-ти дней, и потому уже вполне готов в поход.

Еду, как и всегда, охотно, с твердой уверенностью в конечной победе нашей армии, но жаль немного Москву — никак не удастся мне получить оседлость в ее черте.

Да еще морозы тово... довольно крепко зацепились за февраль, в этом отношении они никак не признают новый стиль. Буду писать тебе с фронта, делиться впечатлениями и переживаниями, которых всегда бывает много в сфере боевой опасности. Знаешь, я до некоторой степени люблю войну — она приучает нас любить и ценить свою жизнь, а также и не быть слишком требовательными к окружающей обстановке.

Пока прощай, мой друг, пожелай мне счастья и удачи, как ото всей души искренно желаю я тебе, закопанному в глубоких недрах Сибири, но я убежден, что даже и там можно отыскать его, стоит только поставить себе цель и неуклонно преследовать ее, — а целей слишком много, только бы хватило снарядов, да не износилось орудие, — будем бить верно и метко, всегда до последнего выстрела, и мы победим...

Крепко жму твою руку и пока прощай.

А. Голиков

¹ К р а с к о м — красный командир.

² П У Р — Политуправление Красной Армии и Красного Флота.

П. И. ГОЛИКОВУ

Воронеж, 11 марта 1921 года

Дорогой папа!

Пишу тебе из Воронежа, с Юго-Восточного вокзала, на запасном пути которого стоит наш вагон.

Я недолго здесь пробыл, но у меня произошло уже довольно много перемен по службе.

Был командиром батальона 10-й дивизии, чуть-чуть не попал в Шигры* в гарнизон 6-й, а сейчас сижу и размышляю над той работой, которая предстоит с завтрашнего дня мне, вступающему в командование 23-м запасным полком, насчитывающим около 4-х тысяч штыков. Работа большая и трудная, тем более что много из высшего состава арестовано за связь с бандами, оперирующими в нашем районе, во всяком случае, при первой же возможности постараюсь взять немного ниже — или помкомполка, или полк полевой стрелковой дивизии не такого количества и организации, да и не люблю я, по правде сказать, оставаться в запасе.

Крепко жму твою руку и кончаю. Желаю скорейшей ликвидации всей сволочи, которая снова заводится в Сибири — я думаю, что вы сумеете это сделать. Письма пиши по адресу: Воронеж, 2-я бригада, 23-й запасной полк, командиру — мне.

Прощай и будь бодр.

А. Голиков

19^{II}
III 21

ПРИКАЗ ПО 23 ЗАПАСНОМУ ПОЛКУ. ГОРОД ВОРОНЕЖ

18 марта 1921 года

§1. Категорически запрещаю командирам батальонов, рот являться ко мне по каким бы то ни было вопросам, не имея на руках подробных сведений о состоянии своих частей. Кроме того, основные цифры, как-то: число по списку, налицо и нехватка, должны всегда иметься в памяти командира.

§2. Командира 4-й роты Голубченко Филиппа, бывшего 17 марта с. г. караульным начальником, арестовываю на 3 суток при гарнизонной гауптвахте за то, что не объяснил часовым их обязанности.

Комполка А. Голиков

ПРИКАЗ ПО 23 ЗАПАСНОМУ СТРЕЛКОВОМУ ПОЛКУ.

№ 76

Конец марта 1921 года

Ввиду появившихся случаев холеры* предлагаю под личную ответственность командиров, комиссаров, старшего врача, сантровок и начальников отдельных частей и команд принять решительные меры к приведению в полный порядок дворов... и очистке помещений...

Для проведения этого приказа даю недельный срок, после чего бригадная санитарная комиссия объедет все помещения и где будут обнаружены дефекты — виновные будут преданы суду военно-полевого трибунала как за невыполнение боевого приказа.

Приказ вступает в силу со дня получения на местах.

Комполка А. Голиков

П. И. ГОЛИКОВУ

Моршанск, 9 апреля 1921 года

Два с половиной года прошло с тех пор, как я порвал всякую связь, мой друг, с тобой. За это время я не получил ни одного письма, ни одной весточки от тебя, мой славный и дорогой папа.

Да я и не мог получить, благодаря той беспокойной жизни, которую приходилось и приходится мне вести все время.

Не удивительно, что на это время я успел потерять ту нить, которая связывала нас с тобой во время германской войны и дома.

Время, переживаемое нами, так или иначе за такой срок должно отразиться и наложить свой, характерный отпечаток на каждом из нас. Я ушел в армию еще совсем мальчиком, когда у меня, кроме порыва, не было ничего твердого и определенного. И, уходя, я унес с собой частичку твоего

миропонимания и старался приложить его к жизни, где мог, и кажется мне — смог.

Теперь же, когда прошло столько времени, мне трудно представить и логически уяснить твое отношение ко всему происходящему, как общему, так и личному.

И потому я оторвался от тебя, а ты от меня и думаю, что еще долго пробуду в таком состоянии, пока не приобрету хотя бы некоторой оседлости.

Сейчас я пока командир 23-го запполка, но вскоре бригада переходит на трехполковой состав, и крайний полк расформируется. Вот и попробуй тут наладить связь с тобой. И всегда так. Только наладишься работать, вдруг — бац! — и летишь опять куда-либо затыкать дырку, благо в этом отношении с красками не церемонятся.

Но пока работаю, как могу. Осенью, по всей вероятности, уеду держать экзамен в академию, но только вряд ли выдержу, если не дадут месяцев 2-х отпуска для подготовки по общеобразовательным предметам, а то ведь что и знал, то позабыл все.

Ты, конечно, мечтаешь все уйти с военной службы, завести огород, корову, садик, пасеку. И я во многом теперь сочувствую тебе, ибо военная служба, в особенности в период затишья, приедается... но... мне кажется, я еще непременно увижу тебя в солдатской тужурке, а не на работе в какой-либо коммуне или артели. Ведь ты, кажется, всегда был любитель таких начинаний. Не так ли?

Пока прощай. Мне, конечно, не пиши, ибо я неуловим, и письмо опускаю, как в бездонный ящик. Или напиши основное письмо для меня домой, которое мне перешлют всегда скорее или я сам за ним туда пришлю.

Крепко жму твою руку и желаю скорейшей ликвидации бандитизма в вашей стороне. В этом отношении мы в одинаковых условиях.

Еще раз прощай.

Отсылаю сразу три больших письма — тебе, домой и маме.

Мой славный и дорогой друг, будь бодр.

А. Голиков

9 апреля 1921 года
Моршанск

(Запись телефонного разговора)

Город Белорецк, 20 сентября 1921 года

— Товарищ Лобов! Здравствуйте. Говорит комбат Голиков.

— Здравствуйте! Слушаю вас, товарищ Голиков...

— Прибывшим частям после некоторых боев, как вам известно, местными революционными Советами и фабричными комитетами постановлено устроить обед и выдать по осьмушке табаку для тех, кто находится в Белорецке. А для тех, кто не в самом городе, а в кантоне, по 1 — 2 пачки махорки и по 2 коробки спичек. Прошу вас санкционировать это постановление.

— Согласен, товарищ Голиков!

— Это еще не все. Мною также разрешено в силу чрезвычайного момента выдать 200 пар сапог для красноармейцев, выступающих для подавления бандитов. Добровольцам-коммунистам, совершенно не имеющим обмундирования, также отпущено 300 аршин мануфактуры. Прошу и это санкционировать.

— Ваше решение одобряю. Разрешаю. Что еще?

— А теперь о положении дела по существу. Все меры по подавлению бандитизма приняты. Все банды распылены. Сейчас остается лишь экспедиционная работа по вылавливанию остатков мелких групп разбежавшихся бандитов. Прошу вас дать кантону указание, согласно имеющихся прав и положений, принять чрезвычайные меры по ликвидации бандитизма в Белорецком районе.

— Действуйте, товарищ Голиков. Мы одобряем и поддерживаем ваши мероприятия. До свидания. Звоните.

ИЗ ПИСЕМ К А. В. ПЛЕСКО

Граница Грузии. Июль 1920 года

«...Сзади и спереди зеленые банды... Я далеко! Мне часто вспоминается ваш союз*, его дружная жизнь».

Село Кабардинка под Геленджиком. Август 1920 года

«...Я живу по-волчьи, командую ротой, деремся с бандитами всюю».

*Моршанск Тамбовской губернии
1 августа 1921 года*

«...Воевать кончено. Мною уничтожены банды Селянского, Жирякова и Митьки Леденца. Работы много. В течение всего лета не слезал с коня. Был назначен врид командующего боевого участка... * Живу хорошо. Хромать перестал*.

Собираюсь в Академию Генерального штаба, в Москву.

Привет вашему губкому (комсомола.— *Ред.*). Когда вырасту, буду работать лучше. Мы еще пока резерв...»

ПРИКАЗАНИЕ

*по батальону 6 Сводного отряда Сибири
Село Божье-Озерное. 27 марта 1922 года*

Я сего числа вступил во временное командование батальоном* 6 Сводного отряда Сибири.

Все ранее отданные распоряжения строевого и оперативного характера бывшим комбатом остаются так же в силе.

Справка: Предписание Комсводсиба 6 за № 750.

Подлинное подписал: Комбат Голиков

КОМАНДИРУ ПЕРВОЙ РОТЫ ТОВАРИЩУ ШМАРГИНУ

Село Божье-Озерное. Конец марта(?) 1922 года

С получением сего доложить, какой красноармеец был обезоружен бандой во время его охоты и именно когда и где, а также после того, какие с Вашей стороны принимались меры для достижения банды, обезоружившей красноармейца, а если нет, то почему?

И вместе с сим опросите предварительно красноармейца, как его обезоружили, как-то: держал он какую оборону или нет?

И впредь ставлю на вид, что одиночным порядком

красноармейцев на охоту не отпускать и путем его опроса примите меры по достижению банды, так как таковая где-нибудь вблизи.

Об исполнении и принятии мер — доложите.

Комбат Голиков

КОМАНДИРУ 6 СВОДНОГО ОТРЯДА ЧОН ТОВАРИЩУ КУДРЯВЦЕВУ

РАПОРТ КОМБАТА А. ГОЛИКОВА

Село Божье Озеро. 1 апреля 1922 года. 6 час. 10 мин.

Доношу, что 31 марта в 20 часов я вернулся из района Простокишино — Саратогюль. По дороге в Саратогюль в палатке обнаружены следы пребывания нескольких бандитов. В Саратогюле взят один подозреваемый в связи с ними.

〈В〉 5 часов утра I.IV мне донесли, что банда Родионова* около 50—55 человек по моим следам произвела налет на Простокишино. Забрала хлеб и лошадей, количество невыяснено, и скрылась в неизвестном направлении.

〈В〉 6 часов 30 минут I.IV выступаю с 24 штыками при одном пулемете включительно для преследования.

Мною отдано распоряжение начальнику отряда Измайлову* прибыть с отрядом в Божье-Озерное.

Выпал свежий снег*.

О результатах донесу дополнительно.

Комбат Голиков

КОМАНДИРУ 6 СВОДНОГО ОТРЯДА ЧОН ТОВАРИЩУ КУДРЯВЦЕВУ

Село Божье Озеро, 1 апреля 1922 года. (Дневное сообщение)

Тов. Кудрявцев! Дня через два мне необходимо уйти в тайгу для обследования таежных дорог по Кучкурюту, так как по замеченным мною приметам отсюда недавно ушли бандиты шайками частного характера, и мне надо лишь два-три дня, пока точно ознакомлюсь с дальнейшими действиями(?) с их стороны, а потому прошу временно (дня на три) усилить отряд и придать ему человек десять пехоты и кавалерии.

Отмечаю, что местопребывание бандитов (по всем

соображениям /20—25/ верст в глубь тайги от конечного пункта санной таежной дороги... делает невозможным (нрзб) двигаться дальше нормальным путем.

Очень прошу, лучше снимите кое-какие никчемные гарнизоны, дабы мне можно было полностью обследовать таежные дороги, а потому жду до 3 апреля приказаний по существу моего сообщения, после чего уйду с отрядом Измайлова в тайгу, самостоятельно возлагая на себя ответственность за предпринятые меры.

Комбат Голиков

Дополнительно сообщаю, что отряд Измайлова, 15 штыков, только что прибыл по моему вызову из (нрзб). Задерживаю его у себя, о чем доношу.

1 апреля 1922 года. Голиков

КОМАНДИРУ 6 СВОДНОГО ОТРЯДА ЧОН ТОВАРИЩУ КУДРЯВЦЕВУ

Село Божье Озеро, 4 апреля 1922 года

Я 5.IV 22 г. <в> 6 часов утра с отрядом <в> 40 штыков при пулемете выступаю <?> в оперразведку к верховьям реки Кучкюрют для обследования (нрзб) дорог и для нахождения следов местопребывания банды.

Прошу выслать точную дислокацию с указанием разведдействий кавэскадрона.

Комбат Голиков

КОМАНДИРУ 6 СВОДНОГО ОТРЯДА ЧОН ТОВАРИЩУ КУДРЯВЦЕВУ

Село Божье Озеро. 4 апреля 1922 года. (Дневное сообщение)

Только что получил Ваши приказания от 2 апреля за № 456—2/ап. Как раз вовремя, так как я сейчас уезжаю. Коротко отвечаю по пунктам:

1) В палатке, что в двух верстах... <от> дороги с Простокишино на Саратогюль найдены две обоймы, 10 стреляных патронов и полотенце.

2) Сведения о нападении банды <на> Простокишино получены от председателя (сельсовета.— *Ред.*) в 5 часов

утра — по истечении 7 часов со времени ухода шайки в тайгу.

3) Банда была в деревне пешая. По выходе оттуда стала на спрятанные в лесу лыжи.

4) Взято 9 лошадей, из коих две вернулись, 10 пудов муки и тряпье.

5) Так как я являюсь только начальником своего отряда в 40 человек и действовал с таковыми полностью, то заместителя оставлять считаю лишним, приказав полученные за время моего отсутствия сводки пересылать непосредственно к Вам, к указанным срокам.

6) Разведка агентурного характера была выслана под управлением простокишинского председателя в составе 5 человек. В настоящее время вернулась, о результатах будет сообщено после личной проверки.

7) Количество (бойцов. — *Ред.*), время выступления, направление отряда указываю.

8) Снег по тайге по пути к банде в среднем полтора аршина — по грудь.

Сейчас выступаю. Всего хорошего.

Комбат Голиков

КОМАНДИРУ 6 СВОДНОГО ОТРЯДА ЧОН ТОВАРИЩУ КУДРЯВЦЕВУ

Село Божье Озеро, 5 апреля 1922 года

Доношу, что 5 апреля 1922 года в 12 часов я прибыл в село Божье-Озерное.

Сообщаю следующее: в 6 часов утра 4 апреля 1922 года я выступил с 40 человеками и пулеметом. Ехали по дороге, ведущей из Б.- Озерного в тайгу.

Продвинувшись 20 верст до места первой стоянки бандитов, санный путь окончился. Оставив пулемет и 14 человек, в 12 часов двинулся с 26 человеками дальше.

Пройдя 8 верст, дошел до второй стоянки бандитов, на которой валялись обрывки разных вещей, ящик из-под патронов и рваное тряпье.

Очевидно, отбиралось, что с собой брали. Еще одну версту далее — кровь от заколотых лошадей.

Далее всякая возможность идти окончилась из-за глубокого рыхлого снега.

Причем сообщаю, что по утоптанной лыжне вполне можно пройти двум человекам. Под большим количеством снег оседает пластами.

Замечателен также тот факт, что кто-то из деревни имеет с ними сообщение, так как вплоть до самого места второй стоянки виден след лошади и легких санок, каковой ведет потом обратно.

Вернувшись к 6 часам к месту стоянки пулемета, я продвинулся вверх по реке Кучкюрют на простокишинскую тропу, которая постепенно перешла в дорогу.

В 9 часов прибыл в Простокишино, откуда была послана разведка из 3-х человек из числа местных ограбленных крестьян и одного спутника, которые, вернувшись к 12 часам утра, донесли о пути своего следования на 15 верст, который отмечен на прилагаемой карте. Причем донесено, что на протяжении всех 15-ти верст бандиты гнали с собой 6 лошадей, несмотря на то что совершенно вязли в снегу и падали.

Отсюда вывод:

Во-первых, что лошади нужны им живыми, не для закола.

Во-вторых, все-таки гарантируется постоянное их местопребывание не слишком далеко, о чем и доношу до вашего сведения.

Прилагается карта относительной точности*.

КОМАНДИРУ 6 СВОДНОГО ОТРЯДА ЧОН ТОВАРИЩУ КУДРЯВЦЕВУ

(Пояснения к карте)

Село Божье Озеро, 5 апреля 1922 года

1. Дорога от села Дума до места, обозначенного двумя крестами, равна 20 верстам, ведет между гор и редкой тайги. По масштабу не совпадает, так как идет изгибами, а нанесена прямой.

2. Место, помеченное двумя крестами, означает стоянку бандитов. Отсюда идут следы лыжные, но с трудом проехать на лошади еще можно. Дорога сразу же идет стиснутая густою, но мелкой тайгой. Удобна для засад = 8 верстам.

3. Место, отмеченное двумя кружочками,— место стоянки бандитов. Всякая дорога обрывается, а в гору идет только лыжный след, могущий выдержать не более 3-х человек. Под большим количеством, даже идущим на дистанции,— оседает пластом. На месте валяются обрывки и разное тряпье.

4. (В месте, отмеченном крестиком.— *Ред.*) на 1¹/₂ версты видна кровь от заколотых лошадей.

5. (Точками обозначен.— *Ред.*) путь следования бандитов: по данным разведки, <след> идет до горы Березовой — верховья Кучкурюта и сразу поворачивает на северо-запад. Глубина снега — 1 аршин.

Далее идет покат, не пригодный для постоянной остановки.

Предположение: последняя <возможна> около верховья истока Сютика, но не особенно далеко. По дорогам еще некоторое время можно пройти на лыжах, приблизительно еще дней 10. Пешим порядком абсолютно невозможно, особенно к вечеру.

Командир батальона Голиков

Н. П. ГОЛИКОВОЙ

Москва, 13 ноября 1922 г.

Дорогой Талченко!

Наконец-то пишу с уверенностью, что письмо в скором времени дойдет до тебя, если только ты в Арзамасе. Послезавтра я уезжаю опять в Сибирь, так как сюда приезжал на несколько дней по делам, но уезжаю уже с определенной целью <вернуться> сюда в Москву...

В Москве я получаю готовую квартиру с отоплением и освещением... оклад жалования в 300. 000. 000* и годичный отпуск, разрешенный мне Р.В.С.Р для поправления расшатанной нервной системы за четыре года службы в армии.

Пиши мне сейчас же по получении этого письма по адресу: Москва, Главный почтамт, до востребования. Я надеялся сейчас найти там несколько писем от тебя и от девочек, но ничего не нашел.

Обязательно узнай у М. А. адрес Н. Н.*, так как в Москве я теперь надолго и прочно обоснуюсь.

Где папа? С тех пор, когда я его видел в Иркутске, о нем не знаю ничего. Я был болен сильным нервным расстройством и сейчас поправляюсь...

Пиши подробно обо всем: вышла ли ты замуж или нет, что собираешься делать и не намерена ли ты жить в Москве, а то жили бы вместе, вот было бы славно...

Пока всего хорошего. Целуй папу, если ты знаешь его адрес, и детишек. Мне страшно хочется пожить спокойно и отдохнуть, да это и необходимо. Думаю, что скоро увидимся.

Голиков

Если Талочки в Арзамасе нет, то ОЧЕНЬ прошу Зину* сообщить мне по указанному адресу ее точный адрес и переслать ей это письмо. Буду очень и очень благодарен.

Голиков

Н. П. и П. И. ГОЛИКОВЫМ

Красноярск, 14/1 1923 г.

Дорогие Талченки и папа!

Опять сажусь за письмо, чтобы не откладывать его в долгий ящик...

Сегодня 14-е число, прошли праздники в общем незаметно... я отдыхаю и занимаюсь, подготавливаясь в Академию... *

Живем мы ничего, нельзя сказать, чтобы хорошо, но сносно. Я получаю паек, 200 р. жалованья и приблизительно столько же зарабатываю, между прочим, небольшой корреспонденцией. Состояние нравственное у меня сейчас весьма хорошее — сильно отдыхаю и чувствую себя совершенно независимым...

С тех пор, когда мы виделись с вами*, прошло более полутора лет, время достаточное для того, чтобы успеть основательно соскучиться. Думаю, что весной, и во всяком случае осенью, буду непременно... у вас, если вы будете в Арзамасе...

(Конец письма утрачен)

Н. П. ГОЛИКОВОЙ

Красноярск, 17 января (?) 1923 года, вторник

Дорогая сестренка... никто еще из нас в хандру впадать не собирается, хотя мне и приходится уехать на месяц в Физиобально-терапевтический институт в Томск.

На днях по поручению губкома был созван консилиум и врачи определили: истощение нервной системы в тяжелой форме на почве переутомления и бывшей контузии, с функциональным расстройством и аритмией сердечной деятельности.

Я-то сам знал об этом уже давно. Летом все-таки непременно буду у вас. Через три дня уезжаю...

П. И. ГОЛИКОВУ

Красноярск, 28 января 1923 года

Итак, мой дорогой друг, ты опять и, по-видимому, надолго обосновался в Арзамасе, все в том же городишке, в котором я рос, учился, из которого бегал «на войну»* и о котором у меня осталась масса светлых и тусклых, счастливых и тяжелых воспоминаний.

Восемь лет времени, промелькнувшего в период с 1914 по 1923 год, теперь иногда образно представляются мне яркой, захватывающей, но промелькнувшей в один сеанс кинолентой.

Был Арзамас в то время, когда в «Мираже» или «Рейсте»* начиналось первым отделением из цикла «Бури» или «Ураганы», а когда окончилась красочная и дававшая иллюзию действительности картина, то растревоженный не на шутку обыватель с радости узрел все тот же облик знакомого города, ту же «Сальникову улицу»*... и, вообще, все то, что было и стало «во веки веков» арзамасской историей.

И возрадовалась душа смиренного обывателя, что за три гривенника и неведомые чудные действия суеты людской посмотрел и сам в спокойном благополучии обретається.

Вторит его мыслям «вечерний звон» и отголоски колоколов тридцати шести церквей богоспасаемого града да ежечасный бой часов на каланче, неопровержимым аргу-

ментом уходящего времени относит в область преданий дела давно минувших дней.

Но все это ерунда. Жизнь идет своим чередом, и ей до того нет дела. Так-то, мой друг.

Получил сегодня в первый раз после нашего с тобой свидания в Иркутске обстоятельное письмо, чему очень обрадовался. Как и всегда, как и всякое наше письмо, оно содержало много нового. Жаль только то, что Талочка не написала пока ничего, жду и от нее.

О твоей службе я знал уже, и меня нисколько не удивило то, что ты выступаешь в роли краскупа¹, ибо если по торговой части у тебя возможны были бы промахи (а у кого их нет), зато кое по каким другим частям на тебя положиться можно больше, чем на кого-либо другого.

А все-таки чудно, право, чем черт не шутит: был ты и учителем, и чиновником, и солдатом, и офицером, и командиром, и комиссаром, а теперь, нá тебе, — новый номер — краскуп...

(Конец письма утрачен)

Н. П. ГОЛИКОВОЙ

Арзамас, 9 октября 1923 года

Живем ничего, по-прежнему. Коля ходит ко мне каждый день*. Я пишу*. Писем ни от кого не получали...

Всего хорошего, целуем
Голиков

Н. П. ГОЛИКОВОЙ

Арзамас, 10 февраля 1924 года

Дорогой Татусик!

Я приехал из Ленинграда вчера. Книжишку дорабатываю теперь дома*, скоро кончу начисто, через месяц, наверное.

В Ленинграде хорошо и интересно, но по дому и по всем глупкам* соскучился здорово. Жалко, что не видел я тебя.

¹ К р а с к у п — красный купец. Так называли партийных работников, направленных служить в сферу торговли или кооперации.

Ну, что же еще? Да, Шурка Плеско прислал письмо. Он женился, и у него есть дочурка (честное слово), которую; как он пишет, страшно любит....

Крепко-крепко тебя целую
Голиков

10 февр.

Н. П. ГОЛИКОВОЙ

Арзамас, июнь (?) 1924 года

Милый Татусик!

Получил ваше письмо и страшно обрадовался. Потянуло сразу как-то к вам, и мне страшно обидно было, что поездка сейчас к вам невозможна*. Дело в том, что через месяц истекает срок договора с Госиздатом и к этому времени я окончательно должен обработать книгу.

Осенью может быть и приеду. Говорят, что в Крыму в сентябре еще хорошо...

Поцелуй от меня крепко маму, Катыша и Зикурюпу. Осенью я их всех все-таки перецелую сам.

Передай привет Шуре* и себе.

Твой Адик

О. П. и Е. П. ГОЛИКОВЫМ

Ленинград, октябрь (?) 1924 года

Дорогие человечки!

Дела мои идут замечательно хорошо. Прием переработанная книга встретила исключительно хороший. Такого я даже не ожидал. Но по чисто техническим причинам выйти в свет она может только к 25 декабря. И потому мои денежные расчеты с вами несколько затянулись. Пока получаю сам небольшими суммами и так как из армии я вышел, то переобмундировываюсь.

Квартиры здесь все же сравнительно дороги. Я нашел хорошую комнату, но с меня как с литератора и, следовательно, лица свободной профессии будут драть 20 рублей.

Я познакомился очень хорошо с писателями Слонимским*, Садофьевым*, Семеновым* и еще с некоторыми*

Интерес к моей вещи у них очень большой, и они предполагают, что первый выпуск скоро разойдется.

Я очень много работаю. В следующем месяце я вам пришлю уже кое-что напечатанное.

В Крым ехать нет никакой возможности потому, что не могу оторваться от редактирования рукописи.

На днях буду в Москве на день или на два, окончательно разделяваясь с армией.

Не подумайте, пожалуйста, что я не считаю себя вашим должником. При первой же возможности я пришлю вам денег, хотя бы по частям. Крепко целую Татусика и папу. Настроение у меня удивительно бодрое.

Арк. Голиков

Р. С. Только одно тяжело страшно... терять маму теперь*.

Н. П. ГОЛИКОВОЙ

Ленинград, февраль (?) 1925 года

Милая Татусик! Получил твое письмо и очень ему обрадовался. Сейчас вечер, я сижу и пишу рассказ «Коммendant станции Раздольской»*. У меня уже много вещей, есть и напечатанные*. По литературе я иду сильно в гору. С огромным удовольствием работаю. Отношение ко мне со стороны всех известных писателей очень дружеское. На днях вышлю «Ковш»*. Сейчас посылаю мелочи. Я написал большой рассказ для юношества, он выходит отдельной книгой и называется «Р. В. С.».

Я страшно рад, что окончательно засел в Ленинграде, а не в Москве. Здесь очень хорошо. Снега нет нисколько, температура все время от 2° холода до 2° тепла и солнце каждый день.

Живу я ничего, у меня две комнаты, но стоят они не сколько дорого — 6 червонцев в месяц с отоплением и освещением. Комната для меня — это самое главное, потому что только в совершенно спокойной обстановке могу я работать. Работаю порядочно, иногда устаю, говорят, что немного похудел, но на это наплевать...

(Конец письма утрачен.)

Н. П. ГОЛИКОВОЙ

Ленинград, март (?) 1925 года

Милая Татусик, я вовсе от тебя не «отказался» и тоже с удовольствием думаю о том времени, когда мы с тобой увидимся. К сожалению, вряд ли это будет очень скоро...

На днях вышлю тебе «Ковш» — альманах ленинградских писателей — там ты прочтешь мою вещь.

Целую крепко-крепко.

О тебе мы сообщаем еще что-нибудь подумаем и летом устроим.

Твой Адик

С. А. СЕМЕНОВУ

Владикавказ, 12 апреля 1925 года

Дорогой Сережа, шлю привет из Владикавказа. Еду дальше. С места пришлю письмо*. Работаю. Пишу роман «Взрыв»*. Здоровье очень неважное. Пока кончаю. Звонки (нрзб). Целую ручки Наташе...*

С. А. СЕМЕНОВУ, Н. Г. ВОЛОТОВОЙ

Украина. Июнь (?) 1925 года

Милым моим, славным друзьям от неисправимого бродяги теплый привет.

Случайная остановка, прохладная тень школьного сада, полуденная жара, смешанная с запахом поспевающих дынь, а внизу, под горою, дорога, ровная и гибкая, та самая, по которой лежит мой завтрашний путь.

До Донбасса еще далеко, но сапоги мои еще крепки, в кармане еще звякает рубль с гривенником денег, и кисет с махоркой полон до отказа — жить можно.

Был я на Кавказе: в Абхазии, в Гаграх, отдыхал, тянул кислое вино, восторгался опасной красотой интеллигентных грузинок и помогал грузчикам стаскивать мешки с золотисто-рассыпчатой кукурузой.

По ночам писал.

Был я в Харькове, тосковал о Ленинграде, о зиме, яркой и приветливой, о накуренной шумной комнате на шестом этаже Госиздата, о Наташе и о тебе.

Ходил в клинику и с идиотским выражением лица сидел на табуретке, выжидая, когда на разгоряченную голову выльется положенное количество электрического дождя.

Писать не мог помногу.

По ночам не спал. Или спал, но видел беспокойно-красные сны и зарева далеких, ласковых и, к сожалению, прошлых пожаров...

И я устал отчего-то, бросил на время писать, и не потому, что голова не работает, а потому, что скоро изработывается. Я прожил немного в уездном городишке Щигры у своей тетки, которую увидел в первый раз за всю жизнь. И когда взбаламутил всю ее семью, закрутив помимо своей воли голову своей двоюродной сестрице, когда помог разгрузить угол одной из комнат от ветхозаветной позолоты, смазанной лампадным маслом, то мне дано было почувствовать, что ни родство, ни мое эффектное, но мало понятное звание литератора не служит достаточным основанием к дальнейшему пребыванию в сием богоспасаемом доме.

И я ушел посвистывая, потому что у меня был еще червонец в кармане, табак в кисете и неизменная трубка во рту.

«И было неважно, что ничего другого не было». В кармане у меня письмо к одному заву в Донбассе и в душе надежда получить хорошее спокойное место рабочего.

Я ненавижу канцелярии, пропитанные плесенью чернильных пятен и запахами пудры стареющей регистраторши. Я не могу работать так же, как работал прошлый год потому, что у меня не совсем еще здорова голова. Я не умею ничего, кроме того, как гоняться и рыскать с отрядом за бандою по горам, по тайге ли, или как перестроить колонну полка из резервной в походную. Но у меня зато сильные бицепсы и железная хватка гибкой пятерни.

И пусть будет пока так. Я знаю хорошо, что я еще выплыву наружу и что не моя вина в том, что я ухожу в резерв на несколько месяцев. Мне много и много есть, о чем писать, и я ни на минуту не перестаю верить «В совместный долгий и славный путь».

Я очень люблю тебя, Сергей, и Наташу — обоих одинаково, но за разное и по-разному. Тебя за то, что ты первый у меня, а главное более близкий мне, чем кто-либо другой

из литературной семьи. Наташу за то, что на нее должна быть похожа моя будущая жена. И если я долго не писал и опять долго писать не буду, то это ничего не значит.

Подвожу письмо к концу. Писал его не торопясь, спокойно заканчивая, оттачивая фразы и не растягивая — так, как когда-то учил ты.

Душно. Лоб у меня влажный и немного пыльный и несколько капель пота падают на бумагу. На крыльце стоит мой хозяин, на сеновале которого сегодня я ночую. Из большой медной кружки он пьет холодный грушевый квас. Глотка у меня пересохла, и то удовольствие, с которым и я потяну сейчас ледянисто-сладкую жидкость, отзывающую немного прелостью кадочных досок, — превосходит даже то, которое дает стакан хорошего ленинградского пива.

И кончаю.

Когда, где, увидимся? Не знаю и сам. Во всяком случае не раньше, чем я кончу свою новую повесть. Раньше увидеться со всеми и приехать в Ленинград мне было бы стыдно.

Мне вспоминается почему-то... большое зеркало вашей столовой и в нем высокая темная фигура в кожаной куртке, кожаных перчатках и сросшееся с английской трубкой слегка улыбающееся лицо — но... как все это далеко, далеко.

Крепко, крепко стискиваю ваши руки и желаю всего самого хорошего. Мы еще встретимся.

Ваш Арк. Голиков.

Привет всем товарищам!

Н. П. ГОЛИКОВОЙ

Украина. Лето 1925 года

Моя милая славная Татик!

От бедного брата, блуждающего по проселочным дорогам Украины, — привет*. Я страшно рад, что получил твое письмо.

Милая Татик, не показывай никому это письмо... и никому ничего не говори про меня. Все вышло как-то не так, как я думал. Я приболел немного и потому не кончил ничего...

Но мне наплевать, у меня полный кисет махорки, одна смена белья, солдатская сумка и трубка. Мне один человек

дал письмо на завод Донбасса, там поступлю рабочим. Денег на билет нету, и я затопал пешком, идти осталось еще больше 100 верст.

Но ты не вздумай беспокоиться за братишку, потому что он не пропадет... Только не говори ни к о м у, ни к о м у о б э т о м, потому что твой братец всегда помалкивает, когда ему круто приходится, и всегда вывернется сам.

Будешь в Москве — купи себе в магазине Ленгиза против Страстного монастыря второй номер «Ковша» (если хочешь), там напечатан конец моей повести («В дни поражений и побед». — *Ред.*).

Крепко-крепко тебя целую. Я все равно свое возьму. Всего-всего хорошего, моя сестришка...

Б. Н. НАЗАРОВСКОМУ

Ашхабад, 20 апреля 1926 года

...Боричка!

Письмо это пишется на лужайке сквера, где мы валяемся и греемся на солнышке. Настроение у нас превосходное. Ведем бродячий образ жизни, много впечатлений и приключений.

В попадающихся городах останавливаемся по причине любознательности, а так же и отсутствия денег. Заходим в редакцию... Печатают меня весьма охотно, за самый малюсенький фельетон, не торгуясь, дают десятку. «Правда Востока» взяла сразу шесть штук, а в «Туркменской искре» на стене висит мой фельетон (последний), наклеенный над столом на стене — вырезанный из «Звезды»*.

Дня через три будут деньги, и мы дальше — к Каспийскому морю...

В Пермь мы вернемся не раньше, чем через месяц, ибо нам надо побывать еще на Кавказе и в Крыму.

Теперь деловое: на отдельном издании «Лбовщины»* поставьте только — **Гайдар**.

«Р. В. С.» проверяйте и по смыслу и по форме, ибо вы... печатаете с черновика* — отделяйте строчки и выправляйте шероховатости.

Пока все. Привет всем ребятам.

Гайдар

Ашхабад, 26 апреля 1926 года

Боричка! Непьющая твоя голова!

Сейчас вечер, играет в саду музыка...

Сегодня послали вам телеграмму, черт вас знает, что у вас за манера голову морочить. Телеграфировали бы просто: «да» так «да», а «нет» — так «нет».

Живем мы хорошо, но стали настоящими бродягами, ночуем когда на вокзале, когда в разваленном доме... а когда и просто на улице.

Зарабатываю я хорошо, платят дороже, чем у вас, вдвое и втрое, но деньги я получаю сразу после каждого фельетона и на выезд никак не наберу.

Жить здесь негде, пятьдесят домов размыло весной ливнем, и жилищный кризис очень остер...

У нас украли шахматы. Жалко — ужас.

Жму ваши лапы. Читайте «Правду Востока» и «Степную правду» и «Туркменскую искру» — фельетоны мои идут ходко — но скучаю на Востоке, Боричка.

Вчера видел начало «Р. В. С.», есть ошибки. Проверяйте лучше...

Вечер сегодня роскошный — Колька грустит, а я хочу. Я здорово окреп и поправился. Колька черен, как араб.

Гайдар

Сдыхаем от жары.

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

16 июля 1926 года

Уважаемый тов. редактор!..

Вчера я увидел свою книгу «Р. В. С.» — повесть для юношества (Госиздат). Эту книгу теперь я своей назвать не могу и не хочу. Она «дополнена» чьими-то отсебятинами, вставленными нравоучениями*, и теперь в ней больше всего той самой «сопливой сусальности», полное отсутствие которой так восхваляли при приеме повести госиздатовские рецензенты.

Слащавость, подделывание под пионера и фальшь проглядывают на каждой ее странице.

«Обработанная» таким образом книга — насмешка над детской литературой и издевательство над автором.

Арк. Голиков-Гайдар

ТИМУРУ ГАЙДАРУ

(Трех с половиной лет)

Кунцево под Москвой. 1930 год

Время близко к ночи. Мрачен темный лес.

Я да мой сыночек — маленький черкес*.

Месяц непотушенный на небе блестит.

Злюшина-лягушина у ручья сидит.

Злишина-совишина хлопает крылом.

Зледина-медведина дышит тяжело...

Только нам не страшно: мы с Тимуром двое,

Оба мы Гайдары, оба мы герои.

Он рукою смелою вытащит кинжал —

Злюшины-зверюшины мигом задрожат.

Ой ты, поле чистое, ой ты, темный лес.

Милый мой мальчишка — маленький черкес.

Б. Н. НАЗАРОВСКОМУ

Москва, 1 сентября 1930 года

Здравствуй, Борис!

Вот ты сейчас получил письмо, посмотрел на конверт и, вероятно, не угадал почерка. От кого бы это такое могло быть это письмо? И решил, вероятно, что это дело темное, — почерк что-то немного знакомый, и, вероятно, пишет тебе какая-нибудь давно забытая «она» — или тихая девушка с грустными глазами, или веселая мимолетная любовница, одна из тех, с которыми проводил ты немногие минуты своего досуга в бытность свою в Москве.

А пишу это вовсе я — Арк. Гайдар — проведав от добрых людей, что работаешь ты в Перми — жив, здоров — холост, а посему спокоен и мудр.

Боренька! За эти два года — что мы не видались — постарел я также ровно на два года, и сейчас мне не боль-

ше и не меньше как 26 годов и сколько-то там месяцев. Много за это время я ездил по Северу, а теперь вот уже полгода, как живу в Москве. Не работаю пока в газете нигде, но скоро буду работать — потому что долго без газеты скучно.

За это время в ГИЗе у меня вышла повесть «Школа» — десять печатных листов, и в «Молодой гвардии» — «На графских развалинах». Кроме того, в «Роман-газете» (для ребят. — *Ред.*) печатается (первую часть посылаю) та же «Обыкновенная биография».

Лиля (Раля) жива, здорова и работает редактором радиопионерской газеты. Тимур — нигде не работает — все больше бегает, загорает и задает вопросы приблизительно такого рода: «Что такое батарея?» — «А это, вот, одна пушка, да другая пушка, да еще пушка, вот тебе и батарея». — «А почему лес — не деревья, а лес?» — «А это одно дерево — значит дерево, а другое дерево, да третье дерево, да еще деревья — вот тебе и лес». (Пауза) — «А если батареи с лесом смешать (???), то что тогда получится?» и т. д.

Был у нас на днях — проездом из Старого Оскола (из отпуска) в Ташкент — Грегуар с женой* и дитем. Грегуар стал очень ученым человеком и написал какую-то статью, до того мудреную, что, как он уверяет, никто из его друзей, кроме тебя, ее не поймет — из чего ты можешь заключить, сколь высоко ценит он твои познания...

Интересно, остался ли в «Звезде» хоть один человек, который при мне или при котором я работал? Счастливое, хотя и немного слишком озорное было время.

Боренька! У меня к тебе огромная просьба исключительной важности. Не можешь ли ты мне помочь в ней. На Урале сейчас сидит писательница... и пишет книгу о Лбове. Но ведь все равно лучше меня не напишет... — и здесь одно очень почтенное издательство должно в срочном порядке издать мою повесть («Лбовщина» переработанная вместе с «Давыдовщиной»).

Но вот вся беда — у меня нет ни рукописи, ни одного экземпляра «Лбовщины» («Давыдовщина» есть), и достать ее нигде здесь нельзя. А дело очень спешное. Может быть, ты достанешь в Перми и пришлешь мне эту книжку? Может быть, у тебя остался экземпляр? Пришли, пожалуйста. В магазинах здесь нет. «Книга — почтой» не высылает, а нужно до зарезу...

Пришли, пожалуйста, по адресу: Москва — Кунцево, Большая Кунцевская, дача № 24, Гайдару...

Если бы я не знал, что ты добр, как Христос и Магомет*, вместе взятые, я был бы уверен, что, прочтя сии строки, ты злорадно сказал бы:

— Ага, сукин кот, то не писал, не писал, а то как понадобилась книга, сразу нашел и время и средства для отправления письма, так вот, пусть и т. д.

Но остерегись, Борис, так поступать. Ибо как ты, человек, изучавший диалектику и философию, должен помнить слова св. Нафанаила-постника, который писал о царе Егудииле: «Всуде сей человек к госуду возносит очи, моля — Господи, даждь мне — ибо очерствело сердце его (Егудиила), многажды проклинаемое всяк день всуде просящими его».

Боренька! Посылаю тебе портрет двух Гайдаров, один теперешний, другой будущий...

А пока крепко жму твою лапу и остаюсь в ожидании твоего ответа, известный тебе

Арк. Гайдар.

*1/IX 1930
Москва*

Б. Л. СОЛОМЯНСКОМУ

Москва, 6 сентября 1930 года

...Письмо твое получили. У нас был Игорь с женой и дочерью. Дочь у него особа неглупая, довольно развита для своих молодых лет. Тимур был с ней вежлив, как сын французского маркиза, хотя и затаил в душе на нее некоторую обиду...

Тимур здоров, оптимистичен и весел.

Он с презрением вспоминает о тех днях своей юности, когда он говорил «Лала» и «Байдал» — а не так, как теперь, т. е. «Ррраля» и «Гайдарррр», из чего ты можешь заключить о теперешнем его моральном и общем уровне.

Мы очень жалеем, что ты не приехал к нам погостить. Мы бы ничего не имели против, если бы ты вообще переехал к нам и здесь учился бы или работал.

Если вздумаешь, то будем рады. Лиля сейчас в отпуску. Она выглядит довольно солидно — как и полагается выглядеть для женщины еще не старой, — но и не первой мо-

лодости. Хотя у нее и бывают кое-когда огорчения, когда в трамвае или в очереди к ней — почтенной матери семейства — вдруг обращаются в таком смысле, что дескать: «Девочка! моя очередь за вами» или: «Барышня, подвиньтесь немножко». Тогда она, уязвленная, доказывает невеждам, что она не то, за что ее принимают, а то, за что ее не принимают...

О себе писать много нечего — постарел, полысел, но еще моложусь и выгляжу сносно. Но еще каких-нибудь 15—20 лет, и перемена будет довольно значительна. Сейчас работаю дома. Скоро буду, вероятно, работать в газете.

Как тебе понравилась «Школа»? Если будешь писать, то приложи к оному письму свои критические замечания.

Кстати, напиши, не встречал ли ты Пантелеева*, Качалина* и т. д. — кто где?

На этом я окончиваю письмо. Очень было бы неплохо, если бы ты на него ответил не позже, чем через шесть месяцев — что, судя по предыдущему письму — весьма с твоей стороны возможно.

Будь жив-здоров... Жму руку и остаюсь, весьма ожидая твоего ответа

Арк. Гайдар.

6.IX.1930

Москва. Кунцево. Б. Кунцевская 24

Б. Н. НАЗАРОВСКОМУ

Москва, 17 сентября 1930 года

Боренька!

Большущее тебе спасибо за книги. Что-то это такое, однако, ты не удосужился приписать хоть несколько строк.

Я опять вернулся в лоно журналистики и работаю сейчас фельетонистом в «Рабочей газете» (редактор Филов, замред Цехер!)*.

Читай при случае и восторгайся.

Вчера видел после долгого перерыва «Звезду», подписанную твоим именем, хотя и не твоим почерком. Возрадовался. Посмотрел на тираж — 34 000. В мои времена было только 14.

Боря, интересно — есть у тебя борода, или ты бреешься, или еще как?

Возможно, что мне случится скоро быть на Урале, — будет по дороге или нет, а в Пермь я заеду обязательно.

Настроение и самочувствие у меня хорошее (еще лучше после получения «Лбовщины»). Погода в Москве пока превосходная, но бутылка постного масла стоит 12 рублей без сдачи...

Крепко жму твою руку.

Арк. Гайдар

17/IX 1930

«ГАЙДАР ОТВЕЧАЕТ»

(Открытое письмо читателям повести «Обыкновенная биография»)

Москва. Весна (?) 1931 года

Тов. Московский спрашивает: «Как могли принять в партию 15-летнего мальчугана?»

На это я отвечаю:

Если 15-летний мальчуган наравне со взрослыми мог в передовых цепях защищать дело партии, то в виде исключения он мог быть и принятым в эту партию.

Я согласен с тов. Петропавловским: странно появился, странно и погиб хороший Цыганенок. И не только командир, но и никто из товарищей не обратил на это особенного внимания, потому что гибло тогда много, появлялось взамен еще больше.

И эти вновь появившиеся вместе с уцелевшими шли вперед все с той же упорной мыслью — сломать все неслетные преграды, которые стояли на пути к новой и так не похожей на прежнюю жизнь.

К той самой, за которую продолжается и по сей час борьба под боевым вызовом: «Пятилетка в четыре года». К той самой, у которой и сейчас есть свои боевые знамена, свои поражения, свои победы, свои герои — такие же, как и в те, давно уже прошедшие, но никогда не забываемые годы.

Те товарищи, которые указывают на то, что «Обыкновенная биография» как будто бы не закончена, правы, потому что в 8 и 9 номерах («Роман-газеты для ребят» за 1930 год. — *Ред.*) была напечатана только первая книга.

К осени я закончу продолжение этой повести*. Там будет и о том, что случилось с Тимкой, куда пропал и чем кон-

чил Федя и как по-чудному сложилась судьба Бориса Горикова.

Вероятно, продолжение это будет напечатано в «Роман-газете для ребят».

Через редакцию я получил много хороших отзывов. Это меня очень обрадовало, хотя еще тогда, когда я писал эту книгу, я знал, что ребятам она должна понравиться, потому что писал я ее, часто улыбаясь, часто глубоко задумываясь и припоминая самого себя и таких же подростков — мальчуганов в те годы, когда грохнула империалистическая война, и в те, когда поднялись первые красные знамена революции.

В. Н. ДОННИКОВУ

Кунцево, 19 июня 1931 года

...Дорогой Васенька... я был очень рад получить от тебя открытку...

Васенька — какой черт занес тебя в Андижан? Почему Владикавказ? Почему Красноводск? Объясни, пожалуйста, в письменном виде и поподробней.

До вчерашнего дня я работал разъездным (корреспондентом.— *Ред.*) радиогазеты «Пролетарий». Вчера ушел... я только что окончил новую книгу*.

На днях встретил Кулыгина. Он секретарь «Правды Севера».

Митька П. там же. Он теперь известнейший эксперт по лесозаготовкам. Изучил английский язык — около ста слов — и говорит почти исключительно по-английски.

Тебе, может быть, покажется это несколько неправдоподобным, потому что в английском языке вообще-то больше ста слов. Но дело в том, что Митька выбрал зато самые важные и необходимые слова, как например: «хау ду ю ду», «иес», «виски», «мистер» и т. д.

Из всего этого ты можешь заключить, что тяжелым трудом, твердостью характера и прочими присущими этому достойному человеку добродетелями он добился крепкого и заслуживающего всякого уважения положения.

Что касается Кольки П., то, по слухам, это милое и еще не испорченное жизнью голубоглазое дитя лодырничает все с прежней наивной хитростью. И за неимением шоко-

лада забирает в кредит из буфета тройные порции бутербродов...

Я очень люблю этого человека, который, по свойственному ему ротозейству, однажды засадил пулю в чужое окно на том основании, что якобы на подоконнике сидел воробышек, и мне очень жаль, что повидать его, кажется, не представляется случая.

С. здесь. Он работает в Москве, в «Труде», женился... Он по-прежнему аккуратен. Еще более, чем прежде, бережлив. Воротнички его мерцают добропорядочной белизной и на их фоне еще лучше выделяется его благообразное лицо — лицо честного советского труженика... не забывающего ни дня именин своей жены, ни дня Первого мая.

В бытность мою на Кавказе, в глухом уютном местечке, где, точно сошедшие из второразрядной пивной, пальмы приветливо манят под свою мирную сень, где ажина, шиповник и тихое бытие здесь же рожденных и здесь же умирающих обитателей, — на обрывках вылинялой на заборе афиши я прочел, что эти места посетил известный популярный путешественник.

И хотя фамилия этого путешественника отсутствовала, ибо была, очевидно, сожрана вместе с бумагой бродячими козами, но по сохранившемуся конспекту, вернее, по разделам лекции я угадал, что автор ее не кто иной, как наш друг Е. В..., ибо там были пункты: «Я и профессор Визе»*, «Мы с Самойловичем* спускаемся на землю», «Как я убил медведя» и т. д.

Друг Донников, поскорбим об участии доверчивых слушателей, но да не осудим этого человека. Ибо то, что ему неведомо чувство меры, — это скорее его болезнь, чем что-либо другое, ибо парень он все же неплохой, в компании веселый и, пожалуй, даже любопытный своей безобидной и рассчитанной только на дураков наглостью.

Он был здесь недавно проездом из Кузбасса — бог весть куда. И случайная встреча наша была кратковременной, но теплой.

Больше ни о ком ничего не знаю.

О себе уже сообщил, что вчера оставил работу — и опять, как и прошлый год, хочу быть предоставленным только самому себе.

Литературные дела мои двигаются. Моя повесть «Школа» («Обыкновенная биография») вышла отдельной книгой вторым изданием, тройным тиражом. Скоро выйдет

небольшая — «Четвертый блиндаж» — и большой сборник рассказов «Дальние страны».

Если тебе случится встретить афиши, приглашающие тебя в кино на фильм «Будьте такими», то плюнь и пройди мимо, ибо фильм этот не что иное, как обезображенный режиссером мой рассказ «Р. В. С.»...

Васенька! Первого июля я и Лиля уезжаем в санаторий «Артек» (это около Гурзуфа), вернемся оттуда в начале августа.

Живем мы сейчас под Москвой на даче, а в Москве у нас небольшая комната, которую к весне 1932 года обещают переменить на большую.

Живем мы хорошо и ладно...

Напиши мне, как ты живешь... Напиши мне толком, и тогда, может быть, в сентябре или октябре, я приеду навещать тебя и наставить на путь благочестия и истины.

Сейчас я человек свободный, в Средней Азии у меня много знакомых да и давно уже я там не был.

Пиши мне по адресу: Москва, Б. Ордынка, д. № 49, кв. 3 — Гайдару. И я отвечу тебе с превеликой охотой.

Крепко жму твою лапу.

Лилия тебе не шлет привет только потому, что ее нет — она в командировке на Кавказе.

Тимур жив, здоров, бегают, купается и загорает.

Будь жив-здоров и ты.

Твой Арк. Гайдар

Н. П. ГОЛИКОВОЙ-ПОЛЯКОВОЙ, О. П. ВОЛИНОЙ,
Е. П. СТАДУХИНОЙ

Хабаровск, 18 марта 1932 года

Дорогие сестренки!

Не писал — не знаю почему. Все время в дороге. Край интересный, а время очень горячее. В общем, я очень хорошо сделал, что уехал на Дальний Восток.

Напишите мне, пожалуйста, о Тимуре. Я еще не получал ни одного письма. Пожалуйста, скажите ему, что я его очень люблю, а так же расскажи ему, Талик, что-нибудь про японских буржуищинов, про их хитринства и гадостинства. Напиши мне, где он и как живет?

Напиши, кто живет в моей прежней комнате, и вообще все напиши.

Уже месяц, как я не был в Хабаровске,— сейчас я... недалеко от Владивостока. На днях вернусь в Хабаровск, потом пошлют еще куда-то.

Здесь весна. Снегу нет. Тепло...

Пишите мне. Буду ждать.

Крепко целую всех сестреноч. Привет Лиле.

Гайдар

8/III

Хабаровск, «Тихоокеанская звезда». Гайдар

С. В. МИЛИЦЫНУ

Хабаровск, 10 мая 1932 года

Здравствуй, Степа!

Вот уже четвертый месяц, как я работаю на Дальнем Востоке.

Работаю разъездным (корреспондентом. — *Ред.*). Сегодня получил письмо от Кольки. Чтобы не пересказывать — пересылаю. Все это: Крым, Севастополь, наша встреча*, — осталось далеко-далеко позади, как и многое еще другое.

Жизнь здесь у нас странная. Ветер с Тихого океана дует очень горячий*.

Я недавно был на берегах озера Ханка... Был в лесах у подножья очень дикого хребта Сихотэ-Алиня. Вскоре поеду (поплыву) на Сахалин.

...Здесь я неожиданно встретил одного человечка из Перми. Может быть, помнишь, был у нас такой тихий, скромный правщик некий Г. Печорин. Он работает здесь редактором одной из районных газет.

Степа, напиши мне о Перми. Какая она теперь? Что находится на тех местах, которые посещали мы в дни далекой неповторимой молодости?..

Напиши, Степа! Где Борис? Если он в Перми — то передай ему от меня самый теплый привет. Может быть, ты встретишь какого-либо убежденного сединой старца, который еще помнит наши минувшие подвиги. Поклонись тогда от меня этому почтенному человеку, и да пошлет ему господь-бог мир на его беспутную голову. Где сейчас редакция — в том ли доме или нет?..

Будь жив-здоров.

Арк. Гайдар

Дальневосточный край, г. Хабаровск. «Тихоокеанская звезда». МНЕ.

Напиши: — ведь когда-нибудь еще встретимся.

Н. П. ГОЛИКОВОЙ-ПОЛЯКОВОЙ

Хабаровск, 27 мая 1932 года

Талочка!

Телеграмму твою получил. Больше пока на сегодняшний день не получал ничего и ни от кого. Странно это — **пятый месяц и о Тимуре ни слова**. Если увидишь Лилю — передай ей, что я очень удивлен. Скажи ей, что интересно, как бы она чувствовала себя на моем месте...

Странно это и не похоже на нее. На днях я прислал Тимуре через тебя большое письмо.

Обязательно сходи к нему и поговори с ним обо мне. Передай ему от меня горячий привет. Расскажи ему что-нибудь о Дальнем Востоке и напиши мне о нем большое письмо...

Напиши мне: кто живет в моей прежней комнате? Если не забрали все, то возьми к себе все мое, что там осталось. Все равно комната эта за мной не останется, а вернусь я не скоро. Работает ли приемник?

Сколько раз в жизни начинал я «устраиваться», а потом все летело к черту. Ну, да ничего. К осени закончу книгу*, а тебе пошлю доверенность и инструкцию, на каких условиях ты подпишешь за меня договор.

Здесь бешеная, совершенно невиданная дороговизна. Жизнь интересная, но килограмм картофеля стоит два рубля.

Впрочем, я живу в общежитии, столовая у нас своя, при редакции — а я, как ты знаешь, очень и очень малотребователен.

Много работаю и читаю.

Эх, и далеко я, Талка, от Москвы! Только когда едешь сюда, когда почувствуешь, что Иркутск и тот всего только на полдороге к Владивостоку, тогда понимаешь, как далеко заехал...

*

Вчера пришла газета — и я прочел о том, что Иринка трагически погибла на Кузнецкстрое*. Помнишь — **мы ее встретили за день до моего отъезда?..** Я даже вздрогнул от неожиданности. — Судьба.

*

Напиши мне длинное толковое письмо обо всем и обо всех. Можешь писать его несколько дней, но напиши обязательно.

Настроение у меня крепкое, бодрое.

Будь здорова — целую сестренку, Левочку, привет Коле.

Крепкий, крепкий привет Тимуренку.

Твой Гайдар

1932/V 27

Дальний Восток, Хабаровск, «Тихоокеанская звезда» — мне.

А. Я. ТРОФИМОВОЙ

Владивосток (?). Лето 1932 года

Аня, здравствуй!

За письмо спасибо. Весна и лето хороши не только в Москве — а везде. В том числе и здесь.

Прошлый год — в это время — я писал «Дальние страны». Теперь урывками пишу другую, назову ее вероятно: «Такой человек». Какой это человек? И кто этот человек? Это будет видно потом.

Я работаю разъездным корреспондентом. Интересно очень. Как мы живем — об этом когда-нибудь позже. Живем весело. Не хватает только одного, хорошего такого человека — Тимура Гайдара. Но — ничего. С ним-то мы еще встретимся.

В Москву вернусь еще не очень скоро. Нечего мне сейчас там делать. А здесь хорошей работы — много...

Крепко жму твою руку. Будьте все здоровы.

Гайдар

С. Т. ГРИГОРЬЕВУ

*(Дарственная надпись на книге «Школа»)
Осень (?) 1932 года*

Старику Григорьеву — за то, чтобы у каждого человека вечно была своя «тайна Анны Гай»*.

Старику за то, чтобы никогда не угасала тайна.

Милому товарищу Григорьеву — за теплое хорошее слово.

Гайдар

А. Я. ТРОФИМОВОЙ

*Ильинское под Москвой
Дом отдыха Огиза
Ноябрь 1932 года*

...Жив, здоров. Приехал, развернул тетради, стал читать. Читаю, что за черт, сплошная ерунда. Два дня ходил печальный. Сел на третий день — перечел. Вот, думаю, дурак, откуда ты это выдумал, что ерунда? Очень даже хорошо. Теперь работаю.

А. Я. ТРОФИМОВОЙ

*Станция Ржава Курской области
28 марта 1934 года*

Слез на маленькой станции. Кругом удивительная тишина, солнце и весна. Сухо. Кричат грачи — и кажется впервые за очень долгое время я себя чувствую совсем хорошо.

Гайдар

А. Я. ТРОФИМОВОЙ

Ивня Курской обл., 10 апреля 1934 года

Здравствуй, Анюта!

Живу в старом, разваленном доме графа Клейнмихеля. Работаю*. Вчера дернулся вниз головой с седла.

А в общем, тишина, покой и никаких бурь в стакане воды.

Приеду в Москву, вероятно, к Первому мая — точно пока не знаю.

Привет Ванюшке. Как-то он там сиротствует?..

Гайдар

Ц. Ч. О. Ивня. Политотдел совхоза. Мне.

СВЕТЛАНЕ ТРОФИМОВОЙ

(Пяти лет)

Село Ивня,

10 апреля 1934 года

Светлячина-пороссячина, в нашем лесу живут настоящие волки, очень зубастые и хвостаые. А ночью на деревьях кричит птица филин-злийн.

Здесь уже совсем тепло, выросли всякие цветочки — и желтенькие и синие, а красные еще не выросли.

Как поживает твоя дорогая сестричка Эра и часто ли она стучает тебя по затылку?

Близко от нас есть большое озеро, и в этом озере водятся всякие рыбины. Одну рыбину мы поймали, сжарили и слопали.

Когда я приеду, то привезу вам «вкус» и еще что-то.

Пока до свиданья. Привет вашей дорогой подруге Розяке.

Гайдар

10/IV 34

СВЕТЛАНЕ ТРОФИМОВОЙ

Ивня Курской обл., 17 апреля 1934 года

Здравствуй, Светлячина!..

Вчера я поймал ежика. Очень веселый ежик. Выпил он целое блюдечко молока и слопал морковку...

Есть ли у вас в Москве ночью луна и звезды? Должно быть, нет — одни только фонари. А здесь у меня есть одно солнце, одна луна и сто миллионов звезд. Вот сколько много!.. Я и тебе хотел достать с неба одну звездочку — лез, лез — не долезу...

Пусть Эра напишет мне письмо... А ты нарисуй мне на письме злищу-брыщу. Только страшную — с тремя рогами и двумя хвостами.

До свидания.
Гайдар

Н. П. ГОЛИКОВОЙ-ПОЛЯКОВОЙ

Москва, ноябрь (?) 1934 года

Здравствуй дорогая Талочка!

...Талочка, у нас к тебе есть огромная просьба, если ты хоть как-нибудь сможешь нам помочь в ней, то и мы тебе будем глубоко благодарны.

Узнай, пожалуйста, через кого-нибудь, только поскорей, нельзя ли в Арзамасе снять — рублей за 100—200 в месяц **хорошую** квартиру с кухней?..

Нам очень нужно сейчас уехать, потому что у меня выросла большая тема*. Очень большая, Талочка, не меньше никак «Военной тайны», а Н. А. Семашко* советует нам на год-два уехать...

Крепко-крепко тебя целую.

А. Я. ТРОФИМОВОЙ

Ильинское под Москвой

Дом отдыха Огиза

Декабрь(?) 1934 года

...Буду седьмого, жив, здоров. Жру по четыре кружки молока в день и бегаю на лыжах. К седьмому сдаю для «Ракеты» 1-ю часть «Военной тайны».

Вообще пока все очень прекрасно. Пью каждый день (три раза) какие-то лекарства с содой. Аппетит зверский, наверстываю то здоровье, которое сильно было расстроено за 4 месяца.

Хотел приехать раньше, да хочется уже заодно сдать работу, а то мне все уши прожужжали — когда да когда.

В доме отдыха нас только двое — я и Фадеев*.

С. А. БЕГИЧЕВУ

(Дарственная надпись на книге «Школа»)

Москва, 21 декабря 1934 года

Тов. Бегичеву С. А.

в память о далеких незабываемых днях 1918 года, когда он был командиром отряда в тех местах, где автор этой книги был еще мальчуганом-красноармейцем.

Арк. Гайдар

ТЕЛЕГРАММА А. М. ГОРЬКОМУ

Арзамас, 11 января (?) 1935 года

Алексей Максимович... крепко хочу вас увидеть. Если можно, телеграфьте Арзамас, улица Ракова, 34. Если нельзя, то все равно телеграфьте — Аркадий Гайдар

А. Я. ТРОФИМОВОЙ

Арзамас, 11 января 1935 года

Дорогая Нюруська!

Сегодня был очень хороший солнечный и чуть морозный день. Я вчера переселился на свою квартиру. Все вымыто, вычищено, цветы вынесены. Мне пока оставили кровать с периной. Тишина потрясающая, и глубоко за полночь с огромным удовольствием читал строка по строке и учился страшному, простому мастерству Гоголя.

Утром был огромный базар. Я купил нарочно небольшой (на нас четырех хватит) стол, веревку и тут же рядом салазки для Р. Ф.*, положил стол на салазки, привязал веревкой и очень весело привез домой...

Долго и с удовольствием я бродил по базару; здесь каждый привозит то, чем богат. Привезли уйму мяса и все свинина... Там, где продают веники, — целая гора; там, где щепной ряд, — всякие кадки, корыта, ложки, плошки, лоханки, скалки, санки, каталки, и все так хорошо пахнет свежим морозным, еще сыроватым деревом.

Потом продают очень много всяких валенок и самодельных, но очень хороших бурок на твою, на Эркину и на

Светкину ногу, но я не купил, потому что вдруг увидел хорошие сапоги, целый ряд сапог, настоящие, хромовые, с высокими голенищами и цена им 200 рублей — а уступают за 170 и торгуют ими выездновские мастера.

Тут я решил — где моя не пропадала — очень люблю такие высокие сапоги — но сколько ни мерил, ни один сапог на ногу не идет: у меня высокий подъем, и заказал я тут же одному мастеру на 200 р. еще лучшие сапоги, дал ему задаток 100 р. (мастер знакомый), и теперь у меня будут очень хорошие сапоги.

Потом в шапочном ряду я увидел старика с такими шапками, что сразу чуть не задрожал: белые-белые заячьи с длинными (до пояса) ушами, и мне так захотелось такую шапку, что я чуть не заплакал, что ни одна на мою голову не была впору.

Если купить такие шапки Эрастику и Светлястику, то это будет до того славно, что ты даже и представить себе издадека не можешь.

Потом есть целый ряд, где монашки продают иконы и венчальные свечи, потом — где продают живых гусей, кур, петухов, поросят и кроликов. Потом — где деревенские продают то, на что каждый мастер: там — баба накрашенные тряпичные куклы, там — дед глиняные свистульки и разных гипсовых ушастых зайцев, добрых собачонок и еще всякое.

На такой базар мы со Светляшкой всегда будем ходить и всего там накупим. Я уже купил ей лопату, потому что здесь много белого снегу.

Настроение у меня очень-очень хорошее...

Зайди к Рувиму, поклонись ему в ноги и скажи ему, что... как **только-только** я получу деньги из «Красной нови», я ему сейчас же остаток долга пришлю. Он добрый, он хороший, и он простит.

Очень прошу тебя зайди сама и скажи честно, чтобы не путать человеку голову...

А Светлячине скажи, что если она не будет тебя слушаться, то не будет ей в Арзамасе счастья.

И Эрастику скажи, что если она не будет тебе помогать, то не будет ей в Арзамасе счастья...

11/1 35
Арзамас

(Нарисован смешной человек)

Арзамас, 13 января 1935 года

Здравствуй, милая Нюра!

С большим удовольствием получил и прочел твое хорошее теплое письмо.

Сегодня опять хватил такой крепкий мороз, что дух замирает. Но все равно день по календарю уже прибавился на 32 минуты и до весны вовсе не так уж далеко...

Сегодня я был в комхозе¹, потому что из-за перегруженности электросети дома неслужилых людей выключают. Я попросил, чтобы не выключали и дали разрешение на 100, 50, 25 свечей. Сначала было ахнули, что да почему, а потом вдруг как-то быстро-быстро и все уладилось.

Я был у некоторых папиных знакомых, а больше у знакомых и друзей мамы. Некоторым <делал подарки>, одной старушке — вроде здешнего джемпера и всякое то да сё. Все они были страшно поражены и рады. Это, Нюра, не то что подарить кому-нибудь в Москве.

Например, Мария Васильевна долго и горько плакала — а мать моя была когда-то с ней подруга.

Ростовские денежки я уже почти истратил. А к Лидии Павловне* еще не ходил, потому что тут нужно (и совестно было бы) не подарить ей джемпер, а просто деликатно предложить рублей двести. Это в Арзамасе мой последний долг, и мы его выполним, когда получим деньги из «Красной нови»...

Привези, пожалуйста: 1) фотографию Тимур Гайдара; 2) фотоаппарат; 3) Светланкино кино вместе с диапозитивами (бери все, даже сломанные); 4) зайди, пожалуйста, и скажи слово в слово так, как я просил, Рувиму; 5) отдай шесть рублей Комаровой (я брал) и 6) приезжайте, пожалуйста, скорее.

Вчера меня кормили пирогом с мясом и с луком, сегодня настоящими кислыми блинами, а на обед еще будет гречневая каша (крутая) с луком и шкварками...

(Нарисован человек)

13/1 35

¹ Комхоз — отдел коммунального хозяйства горсовета.

Арзамас, 27 января 1935 года

Дорогой Рувим!

Все на месте. Кончил устраиваться. У нас две небольшие комнаты, рядом старик со старухой. Крылечко, дворик с кустами малины, заваленной сугробами. В пяти минутах — базар, в трех минутах — широкое поле, на столе — керосиновая лампа, а на душе спокойно.

Очень я хорошо сделал, что уехал. Арзамас с тех пор, как я его оставил, изменился не очень сильно — поубавилось церквей, поразбежались монахи, да и то часть встречалась: там на базаре инокиня торгует потихонечку иконами, смоляным ладаном, венчальными свечами, тряпичными куклами; там, глядишь, престарелый Пимен* тянет за рога упирающуюся козу и славословит ее матом или кротко поет хвалу богу и добирает в кружку до пол-литра.

Арзамас — район крестьянский, нет здесь ни Днепростроев через Тешу, ни Магнитогорска на месте старых кирпичных сараев. Зато много кругом хороших колхозных сел и деревенок. Веселые здесь дважды в неделю бывают базары — свиней понавезут на возах целыми тушами. Там целые горы березовых веников. Вozy с золотым арзамасским луком, овчина, валенки, крупа, мука, овес — в общем, все недорого и всего вдоволь.

Девочкам я купил санки* и выстроил им во дворе большую снежную крепость с бойницами. Вчера там был впервые поднят военный флаг. Девчонки героически отражали мои бешеные атаки, причем я получал контузии прямо в рот.

Послезавтра оклею обоями комнаты, тогда буду совсем свободен, и можно будет подумывать о работе. Что-то близко вертится, вероятно, скоро угадаю.

Как-то поживаете вы?

Зачем ты едешь на Кавказ? Если это по своей воле, тогда еще так-сяк. Но боюсь, что просто, пользуясь твоим добродушием и мягкостью, тебя втравили в поездку, против твоего желания.

На перевале в Тубан я был в 1919 — дорога туда зимой очень нелегкая, хотя и красоты неописуемой. Когда лошадами будешь проезжать станицу Ширванскую (а ее ты никак не минувешь), ты увидишь одинокую, острую, как

меч, скалу; под этой скалой, как раз на том повороте, где твои сани чуть уж не опрокинутся, у меня в девятнадцатом убили лошадь.

Крепкий привет Вале и всем моим любимым друзьям. Если выберешь время, то черкни еще до отъезда или с дороги. Обязательно напиши твой адрес — я ведь не знаю номера дома.

А. П. ГАЙДАР ОТВЕЧАЕТ ЖУРНАЛИСТУ

(Из статьи «Писатель А. Гайдар в Арзамасе»)

Арзамас, февраль 1935 года

В беседе с вашим корреспондентом тов. Гайдар сообщил о целях своего приезда в Арзамас:

— Я получил годичную творческую командировку и избрал Арзамас, как самое подходящее место для работы над второй частью «Школы».

Сюда герой повести (Борис Гориков.— *Ред.*) возвращается с фронта и некоторое время проживает здесь. Юношеский романтизм сменяется зрелым пониманием жизни и своего места в ней.

Дальнейшая жизнь моего героя — это обыкновенная биография в необыкновенное время, создавшее хороших, нужных стране людей...

— *Над чем еще Вы собираетесь работать в Арзамасе?*

— Помимо второй части «Школы», я буду заканчивать свою повесть «Синие звезды».

Более подробного творческого плана на этот год я пока еще не имею...

*Газета «Горьковская коммуна» (Горький),
1935, 11 февраля*

С. Д. РАЗУМОВСКОЙ

*Арзамас Горьковской обл.
11 февраля 1935 года*

Дорогая Соня!

...Жизнь моя устраивается ладно. Скоро закончу всякий ремонт и хозяйственные дела и тогда возьмусь за работу. Здесь мне очень хорошо и нисколько не скучно.

А вчера мы спекли в русской печке такой замечательный пирог с гречневой кашей, с луком и печенкой, что все вы должны взвыть от черной зависти...

Скоро ли выйдет «Военная тайна»?.. Внимательно ли Вы прочли гранки? Помните, чуть что плохо, я буду валить на Вас — это, мол, она мало черкала.

Поцелуйте от меня Веру Натановну*. Я люблю ее крепко по-прежнему и никогда не позабуду всего того, что сделал для меня этот милый друг и товарищ...

Как только кончу устраиваться, так сейчас же допишу Оболенской рассказ*, — я уже обещал его и в «Мурзилку», и в «Красную новь», — он, вероятно, подойдет и туда, и сюда...

Ваш Гайдар

Арзамас Горьк. края,
Ул. Ракова, 34
11/II 35

С. Д. РАЗУМОВСКОЙ

Михайловское, 16 февраля 1935 года

Дорогая Соня!

Спутешествуйте в «Конотоп» и испросите у тамошних подвижников благословения мне* на новый трудный путь. А также укажите мне имя современного гения, глядя на чьи недостижимые образцы, я мог бы трудиться и совершенствоваться...

Вы были очень милы, когда в последний раз мы редактировали с Вами «Военную тайну». Я был восхищен Вашим вкусом и тактом, с которым Вы делали относящиеся к книге замечания. Правда, было бы еще лучше, если бы это было сделано годом раньше...

Уходить из Детгиза я Вам не советую ни в коем случае. Не говоря уже о том, что лично я был бы огорчен глубоко и искренне. Я просто считаю, что в другом месте Вы были бы не на своем месте. После того, как Вы приобрели уже и опыт и вес (как бы Вы ни возражали против последнего) — начинать все сначала где-либо в ГИХЛе¹ или «Молодой гвардии» было бы просто глупо.

¹ ГИХЛ — Государственное издательство художественной литературы.

Затем пока до свидания. Прошу меня не забывать, ибо во время работы я становлюсь мнителен и недоверчив...

Покупают ли Рувим и Роскин велосипеды?.. Уже пора думать. Дружеский привет Игнатию.

Неизменно Ваш

Аркадий Гайдар

16/II 35

Михайловское

С. Д. РАЗУМОВСКОЙ

Арзамас, 27 февраля 1935 года

Дорогая Соня!

...На дворе почти весна, кругом так замечательно хорошо...

Ко мне как к писателю, особенно как к автору «Школы», относятся исключительно хорошо — нет ни одной большой конференции, слета, чтобы меня не выбрали — в глаза или за глаза — в президиум. Здесь много школ, педтехникум, пединститут, отовсюду ко мне приходят люди...

Из окошка видна почерневшая дорога, поле, обозы, воробьи и галки... И я крепко верю, что я напишу еще одну, вероятно, немного странную (то есть не очень похожую на меня), но хорошую книгу. И тогда, как после «Военной тайны», мы достанем много цветов, соберем друзей...

Скоро ли выйдет «Военная тайна»?

Посылаю Вам протокол обсуждения «Военной тайны», который мне прислали из Ростова* — это они без меня читали еще не правленную мною, оставленную им рукопись.

Не правда ли, здорово?!.. Насчет другого конца вы им не верьте. Это им не другой конец нужен — это им Альку жалко. А сделай я шаблонный конец — и вся книга крепко потускнела бы. Мы-то с Вами это хорошо понимаем.

Будьте все живы-здоровы.

Ваш Аркадий

27/II 35 Арзамас

Арзамас. 5 марта 1935 года

Дорогие ребята!

Мне из Москвы переслали ваши письма и отзывы на мою повесть «Военная тайна».

Конечно, был я очень обрадован. Повесть выйдет отдельной книгой недели через две. Я уже распорядился, чтобы тотчас же по несколько экземпляров были высланы в Ростов — библиотеке им. Сталина, имени Величкиной и на «Сельмаш».

Прочтете, обсудите, и тогда напишите еще. Одно дело, когда такую совсем не маленькую повесть вам читали вслух по частям, и совсем другое, когда каждый ее прочтет сам.

Я отвечаю вам на два главных вопроса: зачем в конце повести погиб Алька. И не лучше ли, чтобы он остался жив. И второе: почему повесть называется «Военная тайна».

Конечно, лучше, чтобы Алька остался жив. Конечно, лучше, чтобы Чапаев остался жив. Конечно, неизмеримо лучше, если бы остались живы и здоровы тысячи и десятки тысяч больших, маленьких, известных и безывестных героев.

Но этого в жизни не бывает... Далеко не все так легко, беззаботно и просто достается, как хотя бы фальшивые и надуманные победы «Красных дьяволят»*.

Вам жалко Альку. Некоторые ребята в своем отзыве пишут мне, что им даже «очень жалко». Ну, так я вам откровенно скажу, что мне, когда я писал, было и самому так жалко, что порою рука отказывалась дописывать последние главы*.

И все-таки это хорошо, что жалко. Это значит, что вы вместе со мною, а я вместе с вами будем еще крепче любить и Советскую страну, в которой жил Алька, и зарубежных товарищей, тех, которые брошены на каторгу и в тюрьмы.

И будем еще больше ненавидеть всех врагов: и своих, домашних, и чужих, заграничных, — всех тех, что стоят поперек нашего пути, и в борьбе с которыми гибнут наши лучшие большие и часто маленькие товарищи.

Вот вам ответ на первый вопрос.

Почему «Военная тайна»? Конечно, по сказке. В сказке Буржуин задает три вопроса: первый из них — нет ли у побеждающей Красной Армии какого-нибудь особого военного секрета или тайны ее побед? Тайна, конечно, есть, но ее никогда не понять главному Буржуину. Дело не только в вооружении, в орудиях, танках и бомбовозах. Всего этого немало и у капиталистов. Дело в том, что наша армия знает, за что она борется. Дело в том, что она глубоко убеждена в правоте своей борьбы. В том, что она окружена огромной любовью не только трудящихся Советской страны, но и любовью миллионов лучших пролетариев капиталистических стран.

И, наконец, вспомните те строки из повести, где Натка задумывается над тем, что теперь она по-новому, по-иному поняла и спокойные глаза Альки, и упрямую хватку Баранкина, и холодный, беспощадный взгляд Владика*.

Что же она, в сущности, поняла?

Да то, что в помощь Красной Армии подрастает такое поколение, которое поражений знать не может и не будет.

И это у Красной Армии — тоже своя военная тайна.

А каково это поколение — как оно пока живет, что делает, что думает, — обо всем этом я и написал, все это и попробовал раскрыть в своей повести.

Вот вам ответ на второй вопрос.

Этим письмом, чтобы не повторяться, я отвечаю сразу ребятам библиотек имени товарища Сталина и имени Великой.

Всем крепкий привет: Мите Белых, Вите Зарайскому и вообще всем, у кого на плечах толковая голова*.

Я жив, здоров. Живу сейчас в городе Арзамасе и работаю, пробуду здесь еще несколько месяцев.

Осенью, вероятно, буду на Кавказе, и тогда, возможно, на день-два опять встретимся.

Будьте живы и здоровы и вы.

Ваш Аркадий Гайдар

5/III 1935 г. Арзамас

Арзамас, 28 марта 1935 года

Здравствуй, Жан!..

Жизнь наша вступает в новый период. Из Арзамаса мы уезжаем в район. Там, в деревне... на берегу реки, мне уже доканчивают ремонтировать пустой дом. Кругом поля, луга — и первого апреля мы туда переезжаем.

Помещение у нас просторное — приезжайте летом все, кто хотите, — водки не обещаю, но настоящей брагой угощу вволю.

И вообще, Жан, если тебя обижают... то гордо собери в мешок все свое движимое имущество и, гордо распростишься с коварными друзьями... кати сюда — в нашу веселую цыганскую жизнь.

В Арзамасе меня всегда выбирают в разные президиумы, «Горьковская коммуна» поместила такое «интервью»*, что когда я прочел, то глаза на лоб вылезли. «Боже, — думаю, — неужели же я такой умный?»

И слова все так подобраны, с толком... К месту.

«Эге! — думаю, — Роскин*. Что, — говорю, — Ермилов?» То-то! — говорю, — брат Селивановский*».

Совсем было загордился — да все Нюра испортила. «Ничего, — говорит, — этого ты и не говорил, а ты говорил вовсе не это... Я сама через перегородку все слышала». То есть такая злобная женщина! Я, конечно, погоревал-погоревал... Но ведь и радость и горе, Жан, — не вечны. Да, не вечны!

Жан, устрашай Боба Ивантера! — «Синие звезды» загораются уже иным светом*.

Кирюшка больше не сын своего убитого отца: — это только так сначала кажется.

Костюх — ниоткуда не бежал. И вообще — никаких кулацко-вредительских сенсаций. Довольно плакать! Это пусть Гитлер плачет, а мы возьмем посмеемся, похохочем... хотя и не до истерики...

Низко тебе кланяются — Жанна, Эрка и Светланка, которая, кстати, мастерски научилась править лошадей

и твердо решила посвятить всю свою жизнь извозчицкому ремеслу.

О счастливое, безбрежно-глупое дитя!
Всех целую.

Арк. Гайдар

28/III 35 Арзамас

А. Я. ТРОФИМОВОЙ

Арзамас, начало июня 1935 года

Дорогая Нюра!

Очень прошу принести мне сейчас в Арзамас кепку, рубашку, пояс... и полевую сумку вместе с одним экземпляром «Военной тайны». Оставь все это у Марии Александровны...*

Броня (на билет.— *Ред.*) у меня на руках...

Я жив-здоров...

У Марии Александровны меня не дожидайся.

Только, пожалуйста, поскорее.

И. П. МАГИДОВИЧУ

Село Сталино под Арзамасом.
22 августа 1935 года

Дорогой Игнатий!

С первого (сентября.— *Ред.*) начинается учебный год, и числу к 25 августа я перееду в Москву...

Я жив, здоров. Несмотря на чертовскую жару, работаю*, но хорошо ли, не знаю. Мне-то кажется, что хорошо.

Прочел случайно статью Роскина*. Статья, по правде сказать, несколько путаная. Между прочим, никакогоклада в «Военной тайне» никто не ищет. Кроме того, непонятно — худо ли, хорошо ли то, что я пишу просто.

Очень туманен абзац о «словесном мастерстве Гайдара при помощи скромных словесных средств».

Или — «изобразительные средства Гайдара не отличаются ни изощренностью, ни богатством», а несколькими абзацами ниже: — «Простота Гайдара на фоне книг, де-

монстрирующих формализм, изощренность, действует, как освежающий прием».

Тут что-то напутано. Приеду — тогда он мне сам рас-толкует, а пока — не понял.

Очень буду рад, если ты напишешь мне хотя бы коротенько — как у вас и что?..

Пожалуйста, не откладывая, а позови Ирину Сергеевну и хотя бы продиктуй ей несколько строчек. А то обижусь — честное слово.

Передай Жану, что к 25 (августа.— *Ред.*) я буду в Москве. Крепко жму руку.

Аркадий Гайдар

22/VIII Сталино

А. Я. ТРОФИМОВОЙ

Москва, ул. Радио
1 октября 1935 года

...Днем лежал и читал. Настроение совсем неплохое, особенно когда стану думать про хорошую жизнь. Отчего-то я немного волнуюсь — а отчего и сам не знаю... я прямо со страхом прислушиваюсь и присматриваюсь — не при-таилась ли где-нибудь какая-нибудь неожиданная беда... или пожар, или назначат в Детгиз нового заведующего вроде Смирнова.

Очень-очень хотелось бы, чтобы ничего не случилось хотя бы три месяца...

Милая Нюруська! Попроси в библиотеке Детгиза на несколько дней мне «Военную тайну» — скажи, что я лежу в больнице и мне очень нужно.

От нечего делать я перечту — и сделаю для себя несколько заметок — ко второму изданию*. Это легко и голову не утомит нисколько..

Аркадий

ЭРЕ (ИРИНЕ) И СВЕТЛАНЕ ТРОФИМОВЫМ

(Одиннадцати и шести лет)

Старая Руза. Дом отдыха писателей

30 ноября 1935 года

Здравствуйте, злые люди!

Почему вы мне не пишете? Довольно-таки стыдно. Кто мне не напишет сейчас же, тому будут плохие дела. А кто напишет, тому всякие хорошие.

Я жив, здоров, очень много работаю...

Если же вы меня позабыли и приискиваете себе другого Аркадия, с бородой и золотым зубом, то тогда до свиданья, и я удаляюсь от вас в Африканскую страну и буду там лазить по деревьям вместе с обезьянами.

Здесь у нас живут семь собак: Шавка, Гришка, Муртик, Грозный, Кузька, Малявка и Бомба. И двенадцать кошек, а среди них самая главная — «Мурмура».

Если есть мне деловые письма, запечатайте немедленно в один пакет и отправьте мне...

(Вместо подписи — смешная рожица)

А. Я. ТРОФИМОВОЙ

Москва, январь (?) 1936 года

...Пусть Боб Ивантер ни в коем случае не вздумает напечатать ту главу, где мы встречаемся с батареей (глава совершенно не сделана и не имеет значения без другой главы, которую написать я не успел).

Пусть («выправит» — зачеркнуто.— *Ред.*) вычеркнет все лишние слова, которые я и сам бы вычеркнул...

Пока до свиданья. Целую.

Всем привет.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ОРЛОВСКИМ ПИОНЕРАМ —
ЧИТАТЕЛЯМ ТРЕХ ДЕТСКИХ БИБЛИОТЕК:

им. Н. К. КРУПСКОЙ, им. А. С. ПУШКИНА и им. И. С. ТУРГЕНЕВА
Москва. Январь (?) 1936 года

Дорогие товарищи!

Был, конечно, очень рад получить ваше письмо.

В первом номере журнала «Пионер» вы прочтете мой последний рассказ «Голубая чашка», а осенью вы уже, вероятно, будете читать мою повесть «Талисман»*, над которой я сейчас крепко работаю.

В Орел вы меня пока лучше не зовите, потому что эта поездка оторвет меня от работы. Чем смотреть на меня, вы лучше скорее посмотрите на мою новую книжку. Книги у меня все разные, а сам я всегда одинаковый.

Я послал вам длинное письмо с ответом на все ваши вопросы в адрес Центральной детской библиотеки*.

Шлю дружеский привет.

Арк. Гайдар

*Журнал «Детская литература»,
1936 год, № 3—4*

ЭРЕ (ИРИНЕ) И СВЕТЛАНЕ ТРОФИМОВЫМ

Михайловское, 6 февраля 1936 года

Ай, дуду́, дуду́, дуду́.
Расскажу вам про беду.
Сторонись, честной народ,
Эрка Светочку дерет!
И кричит, что будет драть
За какую-то тетрадь.
«А еще ты попляши
За мои карандаши!
И за то тебя избила,
Чтоб не лапала чернила!»
Вдруг Светляшка подскочила,
Кочергу скорей схватила
И подпрыгнула, как зверь:
«Берегись сама теперь!

Ах, ты уха-лопоуха,
Долговязая болтуха!
Ты в мою игру играла,
Мой рисунок разорвала.
Не постлала мне кровать
И вчера мешала спать.
Ты со мною не водилась,
А на мой горшок садилась.
С Мирзой-Фирзою играла,
А меня с собой не брала.
Ну, сейчас я отплачу —
Кочергой отколочу!»
Сразу Эрка тут завыла,
Чтоб сестра ее не била.
Та дала ей раза три:
«Ну, Эрастая, смотри!»

* * *

Набегай, честной народ,
Эрка с Светочкой орет.
Трам, тарám, тарám, тарám!
Обе плачут по углам.

* * *

Здравствуйте, плохие люди!

Почему вы мне не пишете? Напишите про свою жизнь и про мамастую, потому что она сама писать мне что-то не хочет.

Я вчера ходил в лес. Медведя, волка и лисицу не видел, но зато видал на заборе живого воробья.

У нас здесь живут люди с двумя ушами. По ночам они ложатся спать, а днем их кормят сырыми яблоками, вареной картошкой и жареным мясом.

Мыши здесь ночью не ходят, потому что все заперто.

До свиданья...

Как только выйдет первый номер журнала «Пионер», пусть мамастая с е й ч а с же возьмет его у Боба и пришлет мне...

(Нарисован смешной человек и пояснено: «Это Гайдар».)

Ялта, 10 марта 1936 года

Боба, напиши мне какое-нибудь письмо. Я тебя недавно видел во сне, будто ты на базаре продавал сапоги. Я был очень удивлен. Ты же мне объяснил, что это тебе предписал доктор для здоровья.

Боба, почему вы не печатаете сонник — какой, например, сон и к чему?

Боба... а помнишь, Фадеев обо мне написал, что я демократ в лучшем смысле этого слова? * Я думаю, что так как на моей улице праздник *, то ты можешь звонить во все колокола.

Боба, зайди куда-нибудь и узнай, сочетается ли демократизм с аристократизмом духа. Например, я люблю, получивши деньги, заказать «линкольн»... *

Боба, напиши мне, как дела с квартирой?..

Куда ты едешь в отпуск? Давай, Боба, устроим с тобой какой-нибудь высокогорный переход. И еще кого-нибудь с собой сманим.

Дорогой Бобочка! Где ты будешь снимать дачу на лето? Если в хорошем месте и от кого-нибудь узнаешь, что есть дача, я сниму тоже. Для меня это очень сложное дело. А то бы зажили в шабрах (соседях). Я бы тебе даром сочинял стихи и пел по утрам песни.

Я работаю! Однако чертова работа подвигается вовсе не так быстро, как я бы хотел. Но зато подвигается **хорошо**. На этот раз будь твердо уверен, что «Талисман» от тебя не уйдет никуда *.

Боба, почему никто не напишет ни слова в «Литературку» о «Голубой чашке»? Ермилов * вслух при всем честном народе заявил, что «Голубая чашка» — это лучшая новелла, что была написана за последний год...

Боба, не может ли секция (детских писателей. — *Ред.*) меня послать в командировку в апреле на Урал? Я ведь секции не докучал. А на Урал мне нужно по ходу действия, до зарезу! Денег же маловато!

Боба, давай, когда наши дети вырастут, выдадим их друг за друга — тогда мы будем родственники. И история так это и запишет.

Скоро ли выйдет твоя повесть?

Боба, до свиданья. Если... не напишешь, я на тебя сочиню пасквиль, размножу... и отошлю Тусе в «Конотоп»*.

Будь здоров.

Гайдар

10/III Ялта

Б. А. ИВАНТЕРУ

Голицыно, 16 июля 1936 года

Дорогой Боб, мне сказали, что квартиру я получу фондовую. Кто получит не фондовые, не знаю, но если уже никак нельзя <иначе>... то очень прошу тебя, пусть люди имеют совесть и дадут мне хоть фондовую...

Мне сказали, что мне предназначается квартира Луговского*.

Она чуть побольше моей, и это уже все-таки лучше. Но я очень опечалился, когда узнал, что эта квартира находится в Доме Герцена*.

Мой нехороший и с трудом поддающийся исправлению характер ты знаешь... И хотя я не сумел, кажется, толком объяснить это Ляшкевичу*, но я... попросил его, если еще возможно, подыскать что-нибудь другое, хотя бы не в центре. Он обещал.

Скоро у них будет какая-то, кажется, окончательная комиссия. Так как никакого моего заявления там нет и что написать, я не знаю, то очень прошу тебя, напиши ты им от секции какое-нибудь письмо, в том смысле, что страдал этот человек много, а любил мало, что весел и болтлив он в кругу равных друзей и угрюмо-косноязычен перед лицом сильных мира сего, к которым в первую очередь принадлежит, конечно, эта всемогущественная комиссия.

В общем, если уж фондовая, то пускай дадут такую, что побольше и получше...

Будь другом, изложи это все простым русским языком, наклейте марку, отошли — а там уж что бог даст.

О себе — следующее. Сiju работаю. К осени, то есть к тому времени, когда отцветет дача, в Москву вернусь с книгой.

Хотел было я великодушно от чистого сердца дать тебе

в журнал отрывок, но раздумал только потому, что думаю показать тебе всю вещь уже целиком. Кто знает, может быть, она подойдет для журнала и вся.

Если же нет, то я отдам ее, вероятно, в «Красную новь»* — но отрывок предварительно дам тебе.

У меня бы вообще-то не было на этот счет никаких сомнений и раздумий, если бы в «Пионере» не были напечатаны «Синие звезды» — хотя разница довольно значительная*.

Будь жив-здоров. Крепко дружески жму твою руку, часто о тебе вспоминаю и всегда тебя люблю.

Осенью встретимся, а сейчас у меня будет месяц напряженной работы.

Твой Гайдар

1936. 16 июля. Голицыно

СВЕТЛАНЕ ТРОФИМОВОЙ

*Станция Зверев,
14 августа 1936 года*

Здравствуйте дорогая Светлана Светиевна!

Письмо это пишу Вам с широких донских степей. Со станции Зверев.

Был я в татарском городе Казани. Плыл я четыре дня по широкой реке Волге, и сейчас держу я путь в славен город Ростов-Дон.

Случилось у меня недавно превеликое горе, потому что объелся я арбузами и дынями, и у меня заболел живот. Дынь здесь навалены целые горы. И стоит целая дыня с Вашу головешку полтинник, и с мою — рубль.

Видел я из окошка вагона живых верблюдов и заорал во весь голос: «Верблюд! Верблюд! Хочешь соли?» А уплунуть на меня верблюды не успели, потому что поезд наш промчался быстро.

Быстро мчится и время, дорогая Светлана Светиевна. Вот уже скоро вам 7 лет и стремительно пролетает Ваше отчаянное детство. И увы!.. Скоро Вы наденете длинное платье из креп-де-шина и обуеете туфли на французских каблуках. А моя старость совсем не за горами...

Покорнейше прошу Вас, Светлана Светиевна, дайте

Эране два раза по затылку, если она вместе с Вами не напишет мне сейчас же веселое письмо про всю вашу хитроватую жизнь.

Ваш Гайдар

Ростов-Дон. Почта. До востребования

ЭРЕ (ИРИНЕ) ТРОФИМОВОЙ

*Азовско-Черноморский край,
16 августа 1936 года*

Дорогая Ирина Аркадьевна!

Через час, приблизительно, я уезжаю в Новороссийск Азово-Черноморского края. Вероятно, к тому времени, как Вы начнете Вашу учебу, вернуться я еще не успею.

В таком случае искренно желаю Вам всяческого успеха при начале занятий в этом учебном году, который был бы безусловно для Вас труден — если бы не Ваши исключительные способности.

Прошу передать привет Вашей сестре и уверить ее в том, что я все так же отношусь к ней с любовью и уважением, как и к Вам.

Арк. Гайдар

*16/VIII
Азчекрай*

СВЕТЛАНЕ ТРОФИМОВОЙ

Геленджик, август 1936 года

Здравствуйте, дорогая Светлана Светиевна!

...Это письмо пишу Вам на другой день после того, как спустился я с угрюмых скал Геленджика в Солнечную долину пионерского лагеря. Серые туманы окутывали нас почти двое суток. Стремительные ветры да дикие орлы кружились над нашими головами. Мы лезли такими опасными и крутыми тропинками меж гор и пропастей, по каким мне еще не приходилось лазить с далеких времен гражданской войны.

На вершине скалы Ганзури я сидел один и плакал о

потерянной молодости ровно один час и 24 минуты. Вероятно, поплакал бы и больше, если бы снизу от костров не донесся запах чего-то жареного, и мне захотелось поесть. Поспешно тут спустился я в ущелье, и было самое время, потому что все уже успели захватить себе куски получше, а мне достался какой-то костлявый обглодок.

После этого закутался я в свое серое солдатское одеяло и, подложив под голову тяжелый камень, крепко заснул.

Видел я во сне Чудный месяц, который плывет над рекой.

Видел — Теремок у речки над водичкой.

Видел я Обезьяну — черный хвост. И ужасно кричала эта проклятая обезьяна, когда уклюнула ее смелая птичка-синичка.

Вдруг раздался гром, и я проснулся. Перевернулся, а барабанщик ударил тревогу в барабан...

СВЕТЛАНЕ ТРОФИМОВОЙ

Кавказ. Август 1936 года

Дорогая Светлана Светиевна!

...Возможно, что нам не придется с Вами встретиться еще долго: дней десять, недели две или даже дней двадцать. Возможно, что Вы без меня переедете уже в город. В таком случае, прошу Вас, поклонитесь от меня сначала добрым людям Сергею Дмитриевичу и Елене Васильевне. Потом поклонитесь корове Рыжанке и старому коту Пушку Ивановичу, а также всем бабочкам, муравьям, жукам, цветам, елкам, синему небу и светлым звездам — только проклятым осам не кланяйтесь.

И еще прошу Вас, не оставьте на сиротскую долю нашего Киселяна Котеновича, потому что сам я круглый сирота и знаю, как плохо жить в круглом сиротстве. Как только получите это письмо, сейчас же, не медля ни одного дня, пишите по адресу: город Сухум, пристань, до востребования... А пока желаю всего хорошего, дорогая Светлана Светиевна...

Ваш Аркадий Гайдар

А. Я. ТРОФИМОВОЙ

Москва, 22 сентября 1936 года

Дорогая Нюруська!

Получил твою передачу. В палате я был один... и очень громко хохотал, когда добрался до еще теплых раков. Куда ты прислала мне всего такую уйму?

Жаль, что ты позабыла мои книги.

Самочувствие у меня неплохое. Лечусь крепко. Ведь я еще никогда не лечился по-настоящему... * Мне думается, что я вылечусь...

Конечно, это нелегко. Однако это совершенно необходимо, есть смысл, есть кругом жизнь... Есть у меня далеко еще не пропащая голова и все у меня будет, только бы вылечиться...

Я пропустил очень много времени. Очень много важного прошло мимо меня. И все надо будет наверстать обязательно.

Я хочу быть совсем здоровым...

А. Я. ТРОФИМОВОЙ

Москва, 23 сентября 1936 года

Сегодня замечательно светлый день. С утра крепко пилил дрова. В свободное время много и быстро гулял.

Прочел газеты. Черт знает, сколько я успел пропустить за последние годы. Вылечиться нужно во что бы то ни стало и ценою чего угодно. События кругом надвигаются величественные и грозные. Нужно как можно скорее и больше накопить здоровья, знания и сил...

Не забудь принести мне чистую большую тетрадь (в папке), а то второпях вместо нее я захватил другую.

Будь здорова и сама.

Гайдар

ЭРЕ (ИРИНЕ) И СВЕТЛАНЕ ТРОФИМОВЫМ

Открытка — парк в Сухуми

Теплоход Сухуми — Ялта, октябрь 1936 года

Здравствуйте, играстики — Светластики и Эрастики — болтастики!

Плывем сейчас по Черному морю с Кавказа в Крым. Мы познакомились с очень интересным волком, которого зовут «Вовк»... Очень любопытный этот «Вовк» — потом узнаете про него всю историю.

Сейчас же напишите нам в Крым письма и если есть мне письма, то перешлите...

ЭРЕ (ИРИНЕ) И СВЕТЛАНЕ ТРОФИМОВЫМ

Открытка с видом «Артека»

Крым. Почтовый штемпель: 5 октября 1936 года

Здорово, Светлячина и Эрачина!

Вот вам на снимке и Артек... Море здесь такое большое, что если хоть три дня его ведром черпать — все равно не вычерпаешь. Вот здесь какое море! А горы здесь такие высокие, что даже кошка через них не перепрыгнет. Вот здесь какие горы! До свиданья.

Гайдар

ЭРЕ (ИРИНЕ) И СВЕТЛАНЕ ТРОФИМОВЫМ

Гурзуф, 23 октября 1936 года

Здравствуйте, товарищи!

Наше крымское путешествие подходит к концу...

Послезавтра на большом морском пароходе поплывем... в такой город Севастополь. Там стоят в море наши советские боевые корабли, и пушки у этих кораблей такие огромные, что если как бабахнут, то громче самого громучего грома.

Видели мы... немало всяких чудес. Видели мы дерево толщиной чуть ли не с нашу комнату; видели мы камни вышиной с наш дом; видели мы рыбину длиной с наш коридор; видели мы и золотых рыбок, которые на солнце

так и сверкают, что даже глаза зажмуришь; видели хитрую лисичку, доброго ежика и злющую змею, которая ползет под кустами, и все ее, проклятую, боятся, лишь один ежик нисколько не боится и даже может ей так наподдать, что она сразу сдохнет.

Тут живет один старый дед в семьдесят семь лет; живет он со старухой на берегу моря и делает из ракушек хорошенькие коробочки. Я уже снес ему много ракушек и сегодня ходил смотреть. Он уже все сделал, только на крышки ракушек еще не хватило, и сегодня я опять полезу в море и наберу получше, тогда хватит...

Конечно, если когда мы приедем и вдруг окажется, что на столе у меня все перевернуто и в комнатах разгром, а сами вы — грязные, горластые и непослушные, — то не видать вам тогда коробочек...

Ну, а если все будет хорошо, тогда конечно... Можно будет поискать и еще кое-чего, ведь карманов у меня много...

Вчера я видел сон, будто бы учительница отругала Эру за грязные тетради. И скажи только, что за ерунда может человеку ночью присниться.

Гайдар

ЭРЕ (ИРИНЕ) И СВЕТЛАНЕ ТРОФИМОВЫМ

Открытка с видами Крыма

Гурзуф, 24 октября 1936 года

Здравствуйте, Эрастая и Светлаястая!

Вчера ночью над горами пронесся могучий ураган — даже земля дрожала, а деревья так и кланялись чуть не до земли. А потом, утром, взошло горячее солнышко, и все зверюшки запрыгали, все птицы запели, и даже в море рыбины заскакали, а петь они не умеют, а то в рот вода нальется.

Я уже заказал мастеру сделать две хорошеньких коробочки из морских ракушек. Одну для Р. Ф., другую для Э. Б.

Сегодня мы видели змею, пили какао и пели песни, — я потихоньку, а мама во все горло.

До свидания.

Гайдар

А. Я. ТРОФИМОВОЙ

Старая Руза. Дом отдыха писателей

Ноябрь 1936 (?) года

Здравствуй, Нюра!

Нового ничего нет. Одно только могу сказать: работаю хорошо, с увлечением, давно так не работал.

День сегодня был прекрасный, желтые листья, тишина и солнце.

Сценарий ты мне напрасно не прислала. Чем было спрашивать: «Надо ли?» — взяла бы да прислала. Мне заключение дать — час работы. Теперь не присылай. На днях сам буду, но об этом никому не говори. Некогда мне... Приеду — разве что схожу в театр.

Светлане скажи, что если она, негодная девчонка, все еще хулиганит, то ей такое от меня будет... Игрушки отберу, коньки к зиме не куплю. Из угла не будет выходить. Сказки буду рассказывать только Эре. А ее буду гнать с глаз долой. И пусть она тогда сколько хочет говорит, что «я больше не буду». Пусть хоть вся исплчется — все равно не поверю.

«Ага,— скажу,— когда меня не было, и письма я ей писал, чтобы была умной, а то будет плохо, так она не верила. Ну, так теперь ей и я не поверю...»

Так и прочти ей это место с выражением...

Как насчет квартиры? ...Вообще, не зевай и узнавай. Живет ли у вас Бэтка?

Вития Витиевича я частенько вспоминаю. Когда я приеду, надо будет пригласить его в гости.

Ну, будь весела и здорова. Целую.

Гайдар

Ирина Аркадьевна, привет!
Обращаюсь к ней с вопросом:
«Что у ней случилось с носом?
Или он укоротился?
Или на бок своротился?
Иль судьба ей суждена
Нос иметь, как у слона?»

ЭРЕ (ИРИНЕ) И СВЕТЛАНЕ ТРОФИМОВЫМ

Крым, февраль (?) 1937 года

Здравствуйте, веселые люди!

Вчера мы лазили на горы. На горах видели козу-дерезу. На солнце 22 градуса тепла, а в тени было 16. В саду у нас лежит камень в десять тысяч пудов. Я хотел было послать его вам для игры, да потом раздумал — завернуть не во что...

ЭРЕ (ИРИНЕ) И СВЕТЛАНЕ ТРОФИМОВЫМ

Открытка с видом Байдар

Крым, февраль (?) 1937 года

...Я тут одному мастеру велел сделать маленькую серебряную птичку. На днях будет готова. Тогда пришлю. Пишите чаще, а то не пришлю.

Я, вероятно, скоро умру, потому что ем очень мало — только за обедом: две тарелочки супу, четыре котлетинки, тарелочку рисовой каши, два пирожинца, три яблочка, блюдечко с кремом и стаканчик молочка или чаю...

Б. А. ИВАНТЕРУ

Сухуми, 17 февраля 1937 года

Дорогой Боба! — будь христианином, заплати за мою путевку в Литфонд¹. Валя тебе, вероятно, уже рассказала*, сколь много бедствий я претерпел. Больше Робинзона Крузо, Сервантеса и Иова многострадального*.

Отстав от корабля, вдали от родины, среди угрюмых скал Абхазии, на пустынном берегу Черного моря, я был безжалостно обдираем жестоким племенем владельцев гостиниц, ресторанов, автобусов, а также коварными чистильщиками и носильщиками.

Утешительница в скорбях, помощница в бедах, заступница в несчастьях — моя жена — стойко переносит со

¹ Литературный фонд — организация при Союзе писателей СССР. Оказывает материально-бытовую помощь литераторам.

мною все лишения и безропотно съедает каждодневно свою скромную порцию жареной курицы и шашлыка — уже не мечтая об ананасах, кокосах, финиках и прочих тропических фигах.

Часто выходим мы с нею на брег бушующего моря и под рокот волн с молчаливой надеждой гадаем: «Заплатит или не заплатит?» Так, например, если чайка уклюнет в волнах рыбу, или пароход загудит, или если звезда сверкнет из-за туч — то значит заплатит.

И всегда чайка уклеывала, пароход гудел, звезда сверкала, и судьба улыбалась. А против судьбы, Боба, не иди — как друг советую — темно, тревожно, опасно и бесполезно. Лучше уже покорись и, склоня мудрую голову, заплати.

Блаженны платящие — ибо им отплатится.

Неблаженны неплатящие — ибо им тоже отплатится.

* * *

Боба! Я читал Паустовскому и Ермилову (повесть о Бумбараше. — *Ред.*). О, обольстительный Ермилов! Почему мне взрослая слава в уголке «Красной нови», когда меня манит радушный приют в скромной хижине приветливого «Пионера»...

Повесть я тебе сдам хорошую — доволен будешь.

Написал вчера такую фразу — что два часа ходил и улыбался...

Пока до свиданья! Телеграфируй мне на Ялту. Пишу из Сухуми. Жду парохода. Путевка кончается 28-го.

Как расселся наш герой
Под Абхазскою горой,
Смотрит в море и орет,
Что хотѣт идти вперед.

Да здравствует веселый Бумбараш, да здравствует юный человек Иртыш — веселая голова.

Да здравствуют всякие земли, народы, планеты, звезды, реки и вся наша интересная судьба.

Арк. Гайдар

Р. С. Боба, против судьбы не иди.

17/II 1937. Сухуми

Р. И. ФРАЕРМАНУ

*Ялта. Дом писателей
25 февраля 1937 года*

Дорогой Рувим!

Не можешь ли ты передать Бобу Ивантеру, что он мизантроп¹, и от его мизантропства мне приходится совсем невесело?..

Я написал ему три письма, послал две телеграммы, а он — ни слова. А я сижу и не знаю, ехать мне в Москву или нет.

Если же к тому времени, как ты получишь это письмо, он уже сделает то, о чем я его просил (узнаешь у Вали), то тогда... передай ему, что он гений.

Жму руку!
Гайдар

25/II 1937 г.

И. И. ХАЛТУРИНУ

Ялта, 26 февраля 1937 года

Не поедет Ваня в Сочи,
Не поедет Ваня в Крым,
А поедет он в Солотчу*,
Где живет рыбак Рувим.
Там живут простые люди
В первосозданной тиши.
Там вздохнет он и забудет
Злотерзания души.
Злотерзания, зломуки,
Злоключенья злоидей,
Злонегаданные штуки
Злопорядочных людей.
С рыбаком Рувимом кротким,
Сбросив в реку перемет,
За ухой, за стопкой водки
Он вздохнет и отдохнет.

Р

¹ М и з а н т р о п — от греческого слова *misanthrōpia* — человеко-ненавистничество.

И споют они при этом,
Озираючи луну,
Про любовь, про ночь, про лето,
Про минувшую весну.
И, прислушавшись к их вою,
Валя с Верою вздохнут*
И, поникнув головою,
Всё... несчастные поймут.
Светит месяц ярко ночью.
Озаряет дальний путь.
Едет Ванечка в Солотчу —
До свиданья! Не забудь!

26/II 37 г. Ялта

СВЕТЛАНЕ ТРОФИМОВОЙ

Открытка с видом Симеиза. Гора Кошка

Ялта. Почтовый штемпель: 10 марта 1937 года

Светляшка, на этой горе живет страшная кошка. Она таскает из моря рыбу.

Мама приедет к вам одиннадцатого или двенадцатого утром. Приберите квартиру и приготовьте ей «вкус». Смотрите, чтобы все было в порядке. Она едет через Одессу.

Гайдар

ЭРЕ (ИРИНЕ) И СВЕТЛАНЕ ТРОФИМОВЫМ

Ялта, Дом писателей

Март (?) 1937 года

Здравствуйте, детишки, веселые ребятишки! Одна рыжеватая, а другая косматая. Жить нам здесь очень плохо. Погода стоит какая-то дурацкая: ни снега, ни мороза, а сплошная теплынь... Кроме того, из окон нашей комнаты не видно ни сугробов, ни ребятишек с санками, а только одна сплошная зелень да синее море.

Кормят нас здесь тоже плохо: всё разные пирожки да шашлыки, печенье да варенье, а черного хлеба не дали, жадюги, еще ни кусочка.

Хоть бы вы нас, бедненьких, пожалели! А если не пожалеете, то мы рассердимся и снимем на все лето дачу на берегу моря и заставим вас... жить с нами. Вот тогда попробуйте! Сразу завоюете. С одной стороны — море, с другой — горы, с третьей — пальмы, а с четвертой — виноград, мармелад, яблоки, черешни, малина, орешки, персики, бергамот—прямо-таки не знаешь, чего засунуть в рот...

Как вы себя ведете? Ой, смотрите! Мне бабана все расскажет — пропали тогда и Эркины часики и Светкины выкрутасики.

Пишите почаще. Все письма и телеграммы, которые мне приходят, кроме билетов в ДСП, запечатайте в конверт и пришлите сюда...

Гайдар

1937

*Ялта, ул. Кирова, д. № 9
Дом писателей*

Посылаю вам листочки с деревьев, которые растут перед нашими окнами. Тут есть и лавровый лист, и роза, и миндаль.

А. Я. ТРОФИМОВОЙ

*Солотча Рязанской области
Август (?) 1937 года*

Здравствуй, Ньюруська!

...Пишу наспех. Только что вернулись из трехдневного путешествия по озерам. Места дикие. Шли с тяжелым грузом через болота и бурелом. Очень устали, но замысливаем новый поход. Я окреп. Ночуем у костров в палатке, мокнем под дождем и обсыхаем на солнце. Я задержусь здесь еще некоторое время...

За хорошую телеграмму спасибо.

Как живы-здоровы детишки-ребятишки? Хорошо ли ведет себя Светлана? Передай ей, что я вспоминаю и все хорошее и все плохое.

Напиши мне письмо. Не знаете ли, что в Детиздате? Не сняли ли NN?..

Привет Вал. Вл.*

Гайдар

А. Я. ТРОФИМОВОЙ

*Солотча Рязанской области
Конец августа (?) 1937 года*

...Сегодня я кончаю работу*, потому что работаю каждый день регулярно, за исключением тех дней, когда мы уходим в лес. Здесь в лесах такая уйма грибов, что у Черного озера, например, за час можно набрать пуд-полтора. Я их очень люблю, но и то объелся. Живем мы здесь очень скромно. Едим черный хлеб, молоко, творог, сметану, помидоры и рыбу, которую сами наловим.

На днях мы ночевали в палатке в лесу, и ударил страшный град, было очень интересно. Палатка тяжелая, и я ее таскаю за плечами сам — никому не даю.

В общем же, я с удовольствием думаю о наступающей зиме. Было бы только тепло. Приеду я первого потому, что все 1-го отсюда уезжают.

Жизнь здесь сейчас глухая, дачников нет. Летают огромные стаи птиц, осыпаются листья, и время для моей работы самое подходящее...

А. Я. ТРОФИМОВОЙ

Санаторий «Сокольники», 1937 (?) год

...Книгу я одну, «Талисман», все-таки еще, вероятно, напишу, потому что взялся было за нее крепко — но когда напишу, где напишу и чего она мне будет стоить — это все для меня сейчас сплошной туман...

С. А. АНДРЕЕВУ

Москва. Ноябрь (?) 1937 года

Дорогой тов. Андреев!

Остались до конца книги последние страницы* — считанные дни. Очень волнуюсь. Конец получается теплый, сильный — делаю все, что могу.

Мне звонят, меня вызывают, мешают...

Я хочу уехать на месяц в Дом творчества, и даю честное слово, что я наконец привезу вам законченную, отработанную и отпечатанную на машинке рукопись...

Очень Вас прошу — попросите... тов. Иванова, чтобы он выдал мне декабрьские деньги*. Я куплю путевку, оставляю семье и уеду, а к новому году вы уже обязательно будете читать мою новую повесть.

С тов. приветом Арк. Гайдар

Р. И. ФРАЕРМАНУ

Головково, 9 января 1938 года

Дорогой Рувим!

Живу тихо, глухо, одиноко. Взялся за работу. Выйдет ли чего — не знаю! Вернусь, закончив повесть, к первому* — из пяти листов оставляю, кажется, полтора.

Остальное чушь, белиберда. Все плаваю поверху, а нырнуть поглубже нет ни сил, ни умения.

Огромная к тебе просьба. Возьми вложенный здесь пакет. 13-го января к двум часам съезди в Лаврушинский, в Управление по охране авторских прав. Зайди к директору... передай ему лично этот пакет и подожди ответа. Не забудь захватить с собой паспорт, потому что в пакете лежит заявление и доверенность на твое имя...

Милый Рувец, я ведь на самом деле сирота, и друзей у меня очень мало. Сделай, как я прошу, иначе мне придется сорваться с места и мчаться в Москву.

Если что нужно, то сообщи домой мой адрес. Но лучше бы без особой важности мне не писали...

Целую неделю читаю Карла Маркса, кое-что понял; других книг, чтобы не забивать себе голову, не взял.

Передай привет Косте. Бог знает, чем я его обидел. Но если я обидел, то нечаянно.

Крепко жму твою руку.

9 января 1938 г.

Головково, 21 января 1938 года

Дорогой Сереженька!

Заканчиваю последние страницы повести*. К первому вернусь. Живу тихо, как волк.

Работал крепко, кажется, выходит хорошо. Как-то ты живешь, сиротинка моя? Вероятно, костерите меня за одно дело (насчет займа) и в хвост и в гриву. Приеду, паду на колени.

Сережа! Недавно я сделал некоторые открытия. Усидившая работа и одиночество навевают на человека волшебные сны...

Сережа! Завтра — 22 января — мне стукнет ровно без шести лет сорок. Молодость — «э пердю! Ке фер?»¹.

И единственное, что меня утешает, — это яркий и поучительный пример твоей жизнерадостной старости. Дай же мне бог — дотянуть до такой же, сохраняя все те же присущие тебе качества — как-то: бодрость, веселье, умиротворение, мужество духовное и телесное.

В общем же дела мои хороши — повесть кончаю.

Гей! Гей! Не робей!

Тверже стой и крепче бей!

Гайдар

Р. И. ФРАЕРМАНУ

Одесса, май 1938 года

Дорогой Рува!

Где ты? Кого любишь? Кого ненавидишь? С кем и за что борешься? Что ешь и что пьешь?

Я был в Ялте, в Батуми. Летал в Кутаис, на обратном пути — в Одессу. На время стоянки парохода опять заходил в Дом писателей в Ялте, но Косту там уже не застал.

Болтали люди, что Гехт поехал в Одессу. И точно, вероятно, он туда собирался, потому что в «Лондонской» гостинице — у портье — я случайно прочел адресованную на имя Гехта телеграмму, где кто-то сообщал о том, что ему разрешена путевка в дом отдыха с 15 мая. Но сам Гехт в Одессе так и не появился.

¹ Молодость — est perdue! Que faire? (франц.) (Молодость — прошла! Что делать?)

Я живу сейчас в домике на берегу моря. Здесь же меня кормят, усыпляют и умывают.

Я работаю! Нужно в поте лица добывать трудовую копейку — это раз. Во-вторых, надо чем-то оправдывать свое существование перед богом, людьми, зверьми, перед разными воробей-птицами, соловей-птихами, а также перед рыбой карась, линь, головель, лещ, плотва, окунь — а перед глупым ершом и перед злобной щукой оправдаться мне не в чем.

Дорогой Рува! В Одессе я пробуду, вероятно, еще с месяц. К этому времени работу думаю закончить. И знаешь — конечно, море прекрасно, — но скучаю уже я по России. Где мой пруд? Где мой луг? «Гей вы, цветики мои, цветики степные?» Всех я хороших людей люблю на всем свете. Восхищаюсь чужими долинами, цветущими садами, синими морями, горами, скалами и утесами.

Но на вершине Казбека мне делать нечего — залез, посмотрел, ахнул, преклонился, и потянуло опять к себе, в нижегородскую или рязанскую.

Дорогой Рува! Когда ты едешь в Солотчу? Какие твои и Косты планы? Тоскую по «Канаве», «Промоине», «Старице», и даже по проклятому озеру «Поганому» и то тоскую. Выйду на берег моря — ловят здесь с берега рыбу бычок.

Нет! Нету мне интереса ловить рыбу бычок. Чудо ли из огромного синего моря вытащить во сто грамм и все одну и ту же рыбешку? Гораздо чудесней на маленькой, задумчиво-тихой «Канаве» услышать гордый вопль: «Давай подсак!» А что там еще на крючке дрягается — это уже наверху будет видно.

Дорогой Рува! Когда я приеду в Солотчу, я буду тих, весел и задумчив. К этому времени у меня будут деньги. 10 000 рублей я заплачу Матрене, чтобы она за мой долг не сердилась, 50 000 — старухам, 250 рублей отдам Косте, которые я ему должен, 5 руб. дам тебе, а с собой привезу два мешка сухарей, фунт соли, крупный кусок сахара, а больше мне ничего не надо.

Напиши мне, Рува, письмо. Хотя бы коротенькое: как жизнь? кто где? что почему? и все это почему?

Привет Вале — где Миша?* Если же увидишь Косту, то нажми ему от меня на руку.

Твой Гайдар

Одесса, июнь 1938 года

Дорогой Сереженька!

По просьбе К. Д. пересылаю тебе ее карточку. Она сдала уже испытания по интегральному исчислению и по органической химии. Бойтся за сопротивление материалов. Сопротивляемость, говорит она, у меня и у самой-то важная.

Верочка — все та же, холодна, красива, но глупа и думает, что Мадам Бовари* до Айседоры Дункан* была женой Есенина.

Я сижу, крепко работаю. Меня хвалят...

Еще просьба, позвони к Никитину* и узнай от него две вещи:

1) в каком положении «Барабанщик»?

2) — сложнее. Передаю тебе точный текст его телеграммы: «Телеграфируйте согласие печатать «Судьбу барабанщика» в газете «Колхозные ребята» Никитин».

Я ответил: «В газете печатать разрешаю». Но потом мне показалось, что такой газеты как будто бы нет. С другой же стороны, он точно знает, что «Барабанщик» печатается в журнале «Пионер». Значит, ни в каких журналах печатать без Бобкиного разрешения его нельзя...* Я писал ему открытку. Он не ответил.

Выясни, пожалуйста, конечно, по возможности с оборотом в мою пользу.

Вот пока о делах и все.

Получил ли ты мою открытку со стихами? Я приеду числа двадцать первого, а там мы с тобой что-нибудь придумаем...

С. А. АНДРЕЕВУ

Почтовый штемпель: Клин. 31 октября 1938 года

Уважаемый товарищ Андреев!

Очень прошу Вас третьего числа присутствовать на читке моей новой вещи для дошкольного возраста* (час с Вами согласует тов. Кон*).

Вещь совсем небольшая и вместе с обсуждением займет **никак не больше одного часа.**

Это тем более важно, что я боюсь, не перепрыгнул ли я в младший возраст (сотрудники этой редакции будут слушать тоже) и тут на месте решать — кому вещь достанется.

Если я перепрыгнул — беды нет. Я тогда же сяду и напишу другую для дошкольников на такую же нужную тему.

Привет.

Гайдар

Я (живу) работаю в деревне километров в 100 от Москвы.

ЛВУ ПОЛЯКОВУ

Ялта, 1938 год

Рассказать вам был каков,
Некто Лева Поляков?
Рост высокий и прямой.
По характеру герой.
Вьются в кольцах волоса.
Превосходные глаза.
Замечательные уши.
Сам прилежный и послушный,
Только дома за обедом
Он вертлявый непоседа.
Носит ложку мимо рта
(Ах какая срамота!),
Супу есть никак не хочет —
Только даром губы мочит.
Головой вертит упрямо
И не слушается маму.

А. Гайдар

1938, Ялта

ЛВУ ПОЛЯКОВУ

Надпись на фотографии А. П. Гайдара с сыном Тимуром

Москва. Март 1939 года

Здесь уселись рядом пара —
Два товарища — Гайдара.

Интересно б знать, каков
Ростом Лева Поляков?
Сколько Лева весу весит?
Много ль Лева куролесит?
Много ль маме с ним мученья,
Каково его ученье?
В общем, ждем его портрета
И толкового ответа.

Гайдар

ТИМУРУ ГАЙДАРУ

(Двенадцати лет)

Москва, 1 мая 1939 года

Пройдет еще немного лет —
И буду я и стар и сед.
Тогда взгляну, как за меня
Тимур взапрыгнет на коня.
И конь, почуяв сей «запрыг»,
Ногами дрыгнет в тот же миг
И, закрутивши хвост трубой,
Помчит Тимура в смертный бой.

Гайдар

ЕВГЕНИИ ГАЙДАР

(Семь лет)

Крым. Май 1939 года

Уважаемая Евгения!

Плыву сейчас на пароходе по Черному морю. Море это очень глубокое, и если поставить сто домов один на другой, то все равно потонут. В этом море водятся разные злые рыбы, веселые дельфины, блестящие медузы, а коровы в этом море не водятся, и кошки с собаками не водятся тоже.

В кавказских краях я купил чудесных семян, а мы с Вами в Клинку их посадим на грядку, и очень они рас-

цветут красиво. Скоро уже я приеду домой и там посмотрю — кто чего разбил и кто лазил ко мне в ящики...

А. Е. РАЗУМНОМУ

Ялта, 9 мая 1939 года

Уважаемый товарищ Разумный!

Посылаю «Личное дело».

Как Вы увидите, оставив сценарий вполне поташовским, я внес все же значительные изменения. Это, первое: я коренным образом переработал все диалоги. Второе: вставил — вернее, изменил несколько сцен (у директора, в Жигулях, у Зубовых) и, наконец, третье — сократил сценарий, ибо в нем было очень еще много топтания на месте, особенно во второй его половине. Теперь сценарий более подобран и действенен*.

Жму руку. Желаю в работе успеха.

Привет Ал<ександру> Николаевичу*.

Арк. Гайдар

9/V 1939 г.

Р. С.

Посылаю в единственном экземпляре потому, что легче получить в Москве особняк — чем в Ялте хоть одну машинистку со своей копиркой! Вещь это здесь безмерно дефицитная!

А. Г.

ТЕЛЕГРАММА

А. Н. АНДРИЕВСКОМУ

Ялта, 30 мая 1939 года

Гей, гей, не робей, замечательную сцену закатил я вчера в семье у Половцевых*. Шлите деньги или я буду вынужден остаться в Крыму навеки. <Гайдар>

Р. И. ФРАЕРМАНУ

Моеква, санаторий «Сокольники», 3 июня, 1939 года

Дорогой Рува! Только что окончил читать «Иудейскую войну» Фейхтвангера*. Это книга взволновала меня и опечалила. Жизнь Иосифа Флавия — его достоинства, пороки — мелкие и крупные счастья и несчастья — все это перекликается с судьбой другого крепко любимого мною человека — это того самого, о котором писал Стендаль*.

Весь и всем я обязан Гоголю, Гофману, Диккенсу и Марк Твену*. До Стендаля же я боюсь дотрагиваться. Те бури и тот бешеный напор, под которым ходят и живут его люди, понятны мне, но меня страшат и ужасают.

Дорогой Рува! Если ты не читал этой книги, прочти ее. Наверное, тогда ты все-таки поймешь, почему я не люблю Чарли Чаплина*.

Крепко жму твою руку, желаю тебе здоровья и счастья.

Твой Гайдар

3.6.39

Москва, Сокольники

Д. М. ГАЙДАР

Солотча, 26 июня 1939 года

Здравствуй, Дор-Дор!

Пьем мы утром молоко,
Ходим в поле далеко,
Рыб поймали три ерша,
Ну, и больше ни шиша,
Потому что ветер дует,
Солнце с тучками балует,
Волны с пеной в берег бьют,
Рыбы вовсе не клюют...
Впрочем, дело поправимо:
Пронесутся тучи мимо,
Кончит ветер баловать
И домой умчится спать.

Дор-Дор! Мы живем неплохо. У нас в избе комната и два закуточка. Присылать нам пока ничего не надо. Варит

нам хозяйка обед в печке. А чай у нас всегда горячий в термосе.

Напиши нам про свою жизнь,— немножко можешь соврать. А много — не разрешаю.

Как поживают принцессы Евгения и Алевтина*? Сшила ли мне сапоги?*

Борис скучает по Наде* — слезы ежечасно льются из его глаз, а по ночам он горестно бормочет: «О драгоценная, единоутробная сестра. Увы! Я не вижу ни твоего носа, ни твоих глаз и не слышен мне твой утешающий уши голос. О, тяжкая разлука — горше смерти».

Я его успокаиваю, как могу, но он совершенно безутешен. Вероятно, Надежда в Клину рыдает еще горше.

Дор-Дор, пиши мне письмо так: Солотча Рязанской, дом № 174 — писателю Гайдару.

Дор-Дор, я тебе теперь напишу только тогда, когда получу от тебя письмо.

Крепко целую. Гайдар

26 июня

На днях начну работать.

Боюсь, Дальний Восток меня подведет.

Д. М. ГАЙДАР

Солотча, 1 июля 1939 года

Дорогой Дорчик!

Писем от тебя еще не получал — жду сегодня. Вчера с Рувимом и Борькой ночевали в лесу на берегу речки.

Настроение у меня несколько тревожное. Послал две телеграммы на Дальний Восток — не отвечают*. Боюсь, что подведут, и останемся мы с тобою «на хлебце». Я-то человек терпеливый и могу просидеть целый «меснц», а ты можешь зачехнуть, загоревать и ввиду отсутствия на столе конфетно-кондитерских изделий объявить, что мы — не сошлись с тобой характерами.

Дорогой Дорчик! Только что начал я работу. Рассказ я пишу небольшой*, — злата и серебра он принесет нам с тобой немного, но зато он сам будет светлый, как жемчужина.

Мы живем тихо. Питаемся очень просто — суп, молоко и картошка. Но больше — мне, например, ничего сейчас и не надо.

Напиши мне письмо — какова ваша жизнь? Как дела у Веры?* Передай мой привет маме и скажи ей, пусть за грубость мою она на меня не сердится*. Это я тогда наорал на всех сгоряча...

Крепко тебя целую. Жду письма.

Гайдар

С. Я. МАРШАКУ

(Дарственная надпись на книге «Судьба барабанщика»)

Москва, 7 июля 1939 года

Самуилу Яковлевичу Маршаку — старому и строгому другу*.

Арк. Гайдар

1939/7/VII

Москва

А. А. ФАДЕЕВУ

(Дарственная надпись на книге «Судьба барабанщика»)

Москва. Вторая половина 1939 года

Тов. Фадееву
в память о разговорах — на ночных переходах по маршруту Ильинское — Быково*.

Арк. Гайдар

1939

С. Д. РАЗУМОВСКОЙ

(Дарственная надпись на книге «Судьба барабанщика»)

Москва. Вторая половина 1939 года

Милому другу Соне от барабанщика Гайдара.

1939

Д. М. ГАЙДАР

*Старая Руза. Дом отдыха писателей
2 октября 1939 года*

Дора, только что приехал. И письмо отсылаю с человеком, который возвращается в Москву.

День сегодня солнечный. Тишина здесь, как на кладбище — во всем доме отдыха вместе со мной всего трое отдыхающих, верней — работающих.

С непривычки даже страшно. Постараюсь всей головой уйти в работу.

Напиши мне немедленно, завтра же, как у тебя дела с издательством. Если будет какая-нибудь заминка — напиши все равно — я что-нибудь придумаю. Но хочется верить, что все будет как надо.

Работа передо мной очень большая*. Будь умницей — в жизни впереди может быть еще немало хорошего. Надо только стараться понимать друг друга.

Крепко целую.

Мой адрес: станция Дорохово Белорусской ж. д., почтовое отделение Старая Руза. Дом отдыха писателей.

Будь здорова.

2 октября 1939

Д. М. ГАЙДАР

*Старая Руза. Дом отдыха писателей.
Почтовый штемпель: Москва, 9 октября 1939 года.*

Дора, здравствуй!

Несколько дней я прожил в большой тревоге. Никак не мог [найти] подойти к работе. Брало отчаяние, хотелось бросить и вернуться в Москву — а зачем не знаю. И только сейчас в голове прояснилось — работа оказалась и важною и интересною.

Трудно предсказать, но, вероятно, и на этот раз я с работою справлюсь хорошо.

Материально — много она мне не даст. Но я об этом сейчас не хочу даже думать. Бог с ней, материей, — было бы на душе спокойно.

Я вернусь с чистой совестью, что сделал все, что мог, и заживем мы с тобою мирно и дружно.

Здесь очень тихо — живет нас всего четверо, из них одна девица, но вида столь печального и корявого, что сердце твое может быть совсем спокойно.

Как твои дела, как живешь ты?

Дора! Если бы ты знала, сколько мук доставляет мне моя работа! Ты бы много поняла, почему я подчас бываю дик и неуравновешен.

И все-таки я свою работу как ни клянусь, — а люблю и не променяю ни на какую другую на свете.

Как я живу? Я встаю, с полчаса до завтрака гуляю по лесу. Лес желтый, но и зелени еще много. После завтрака сразу же сажусь за работу, за час до обеда кончаю, немного погуляю, сыграю партию в бильярд. После обеда — очень тихо, и я с наслаждением читаю. Вечером, после ужина, я опять работаю, но уже немного. Вчера пошел в лес, зажег костер, сидел и грел руки...

Ну, всего хорошего. Тебя пока к себе не зову — надо крепче разработать. Крепко целую тебя и Женю.

Аркадий

Д. М. ГАЙДАР

Клин. Почтовый штемпель: Москва. 30 ноября 1939 года

Дорчик, работаю хорошо.

Нашел машинистку, но к субботе мне будут нужны 50 рублей за передиктовку (50 рублей я дал еще маме и на 40 купил продуктов).

Посылаю тебе газету*.

Никакого пожелания выступать в школе я не давал. За мной пришли, позвали в редакцию, — и все ахали — как же это они не знали, что «Тимур» был написан в Клину

Как Женюрка?

Крепко всех целую.

Гайдар.

Д. М. ГАЙДАР

*Москва, санаторий «Сокольники»
15 февраля 1940 года*

Дорик-помидорик!

Когда приедешь, принеси мне: 1) хороший карандаш, 2) бумаги, 3) конверты.

Я тебе дам справку, по которой ты получишь 500 рублей в Литфонде.

Очень жаль, что я ничего не знаю о своих делах в кино — это несколько сбивает мои планы*.

Принеси мне французский учебник*. Поцелуй от меня Женьку и свой нос-курнос.

Гайдар

15/II

Д. М. ГАЙДАР

*Цхалтубо. Санаторий ВЦСПС.
10 марта 1940 года.*

Дорогая Дорчик!

Доехал благополучно, но за дорогу очень устал и заявку еще не послал.

Приступил к лечению*, принял уже четыре ванны. Погода пока стоит скверная. Вчера было землетрясение — ночью. Но я ничего не слышал.

В общем, надеюсь, что все будет хорошо.

Крепко тебя целую. Подлечись сама.

Сапоги мои пока еще держатся — не промокают.

Привет Ольге Алексеевне*. Разумный чувствует себя хорошо и ведет себя примерно.

Аркадий

Д. М. ГАЙДАР

Цхалтубо, 21 марта 1940 года

Дорогая Дорчик! Я жив, здоров, веду себя очень хорошо, много работаю. Когда сюда приехал — немного было забаламутился, но быстро выправился.

Дор-Дорчик, лето у нас с тобою будет, вероятно, хорошее. Набери только себе здоровья. Деньги ты, вероятно, уже получила.

Если тебе когда-нибудь попадется просторный брезентовый дождевик, то ты купи мне его, а я тебе куплю что-нибудь тоже.

Погода стоит неровная: то теплынь, то вдруг дунет с гор ветер. У меня все хорошо, только два горя: потерял трубку и все время приходится чинить сапоги. Ну, да как-нибудь дотопаю.

Очень был рад, когда получил твоё хорошее, нацарапанное каракулями письмишко.

После этого письма мне сюда больше не пиши. Очень сюда долго идут письма.

Назад я, вероятно, поеду через Сухум, дальше морем мимо Ялты, но точно еще не знаю. Очень обрадовался я, что ты купила мне шинель...

Как прошел день твоего рождения? Получила ли ты мою телеграмму и когда?.. Обо всем этом ты мне сейчас же напиши и отправь по адресу: г. Сухум, Почтамт, до востребования.

Нет ли каких-нибудь срочных писем и новостей? Напиши сразу, потому что пока письмо дойдет, а в Сухуме я буду, вероятно, только одни сутки.

Вот пока и все. Привет Ольге Алексеевне. Спасибо ей за телеграмму. Поцелуй Женюрку — хитрую фигурку. Кланяйся Наталье Никитичне! Как приеду, так закажу ей вареники с капустой.

Крепко тебя, родненьку, целую.

Гайдар

21/III 1940 Цхалтубо

Д. М. ГАЙДАР

Цхалтубо, 30 марта 1940 года

Сегодня уезжаем через Батум морем — в Одессе мы с Разумным расстанемся. Он поедет прямо в Москву — я заеду по делам в Киев.

Как твоё здоровье?..

Живу — как надо. Много работаю.

Очень прошу тебя — не гоняй без толку взад-вперед,

а лечись, держи диету, иначе я подаю заявление об отыскании других «девис».

Крепко тебя, мою дорогульку, целую.

Скоро и у вас наступит весна, будем жить, ездить, отдыхать, работать и сажать «огуречики».

Дорчик! если я приеду, а тебе все еще не сошьют платье... то тогда я от тебя удалюсь в противоположную сторону.

Ну, будь здорова! Поцелуй Женьку.

Твой повелитель

Гайдар

30 марта 1940

Д. М. ГАЙДАР

Сухуми, 5 апреля 1940 года

Дора!

Еду на Одессу. Оттуда вылетаю по делам в Киев. Очень был огорчен, что не получил от тебя письма на Сухум. Вообще ты мне написала только одно письмо, и ввиду этого я начинаю подыскивать таких, которые своим мужьям пишут. Александр Ефимович уже обещал меня познакомить в Москве с одной девицей, зовут ее Варя... она двоюродная сестра Ольги Алексеевны и служит заместителем инспектора 1-го Госцирка.

Ал. Ефимович говорит, что она будет и писать и плясать. Кроме того, у нее есть патефон с пластинками... и две пары мужниных сапог как раз нужного мне размера.

В общем, дела твои теперь плохи.

Но пока крепко тебя целую.

Посылаю две фотографии... Вот с какими приключениями мы путешествуем! Александр Ефимович хотел сняться верхом на тигре, но тигр оказался злобным и укусил ему одну ногу.

Гайдар

5/IV 40

ЕВГЕНИИ ГАЙДАР

*(Надпись на художественной открытке:
девочка смотрит на игрушечные часики)*

Апрель 1940 года

Распустила две косы,
Смотрит кроха на часы.
— Можно ль мне узнать у вас,
Что сейчас, который час?
И ответила мне кроха:
— Я считать умею плохо.
Или девять без пяти,
Или пять без девяти.

АЛЕВТИНЕ ЗАХАРОВОЙ

(Четырех лет)

Апрель 1940 года

Открытка — лицо девочки. На обороте надпись:

Что за чудная картина!
Вот вторая Алевтина.
Тот же рот, и тот же нос,
И лохматый пук волос.
Так же ходит, так же скачет,
По три раза на день плачет...

ЕВГЕНИИ ГАЙДАР, АЛЕВТИНЕ ЗАХАРОВОЙ

Открытка «Дружба» — котята и щенки.

1940 год

Из жестяной этой миски
Молоко хлебают киски.
Добрый пес на них не лает,
Только хвостиком махает.

Здравствуйте, люди! Мы купили вам чашечки-серебряшечки очень интересные...

М. Н. БОЙКОВУ

*(Дарственная надпись на книге А. Джорданова «Наши крылья»)
Москва, апрель (?) 1940 года*

Лично товарищу Бойкову (летчику), чтобы он посмотрел эту книгу и сказал — или позвонил, или написал мне, в чем неправ автор этой книги.

Гайдар

М. Н. БОЙКОВУ

(Дарственная надпись на книге «Школа»)

Москва, лето (?) 1940 года

Один человек рождения 1904 сказал, что этот год рождения неплохой. В этом году родилось много хороших, честных людей. И Вы, товарищ Бойков, в это верьте.

Гайдар

Р. И. ФРАЕРМАНУ

Клин, Конец июля 1940 года

Рувчик, мне остался десяток дней, и я окончу повесть*. Но хорошего из этого ничего не выйдет, ибо по слабости характера и любви к жизни, а также по всему ее оснащающему я набрал авансов и вот приходит час расплаты. Короче говоря: гони, накручивай дальше...

Дорогой Рувчик — мне исполнилось 36 лет (5 месяцев). Из чего они складываются?

1. Рождение.
2. Воспитанье.
3. Воеванье.
4. Писанье.

Раздели 36 на 4 и жизнь моя будет перед тобой как на ладони, за исключением того темного времени, когда я задолжал тебе 250 рублей денег.

Дорогой Рувчик, крепко тебя целую. Привет Вале.

Арк. Гайдар

Д. М. ГАЙДАР

*Старая Руза, Дом отдыха писателей
Почтовый штемпель: 8 сентября 1940 года*

Дорчик!

Доехал хорошо. Погода сегодня солнечная, но ветер.
Комнатка у меня хорошая. Народу — немного.

Хожу — думаю*.

Напиши мне, как твои дела.

Целую тебя и ученую девицу Евгению.

Гайдар

Д. М. ГАЙДАР

*Старая Руза. Дом отдыха писателей
8 сентября 1940 года*

Здравствуй, Дорик!

Третий день сижу и работаю. Не написал еще пока ни одной связной строчки, но исчертил и разрисовал уже почти всю Женькину тетрадь. На этот раз я работаю несколько иначе, чем всегда*... Я сижу, обдумываю заранее сюжет, положения, события. Все еще пока туманно, но за этим туманом уже слышны и звон, и крик, и неясная музыка.

Дорочка, мне думается, что если я сейчас справлюсь с этой работой — это будет большая победа. К тому времени, как мне вернуться — я думаю план вещи будет готов. Тогда я сяду за самую работу — и опять буду из плана вычеркивать пройденные главы вот такими кругами (нарисован овал.— *Ред.*).

На этот раз будет труднее, потому что задумал я вещь совсем новую. И во что бы то ни стало должен буду — быстро — в 20—25 дней, эту работу окончить. Пусть даже не окончить. Но этот срок я должен вырвать для работы. Тогда будет хорошо...

Тогда я смогу уделять и тебе больше внимания. И только тогда на некоторое время я буду ровен и спокоен. И мы заживем с тобою — как еще не жили — весело.

Плюнь пока на все — и на этот короткий месяц — полтора. Думай только о том, как хорошо будет, если я работу окончу.

Приеду — расскажу тебе важные и хорошие для меня новости.

Я тогда, когда уезжал, был взволнован, сердит. И с тобою говорить не мог, потому что у меня в голове одно, а ты все гнула не впопад и не в ту сторону.

После этой работы на мне не будет, по-видимому, висеть ничего, потому что я получу, очевидно, очень важное и большое задание — с большим сроком. И зиму мы с тобой будем шататься по каткам и театрам.

Но пока голова у меня очень-очень занята, и ты не сердись — что я суховат и раздражителен. Это все пройдет.

Ну, пока все! Крепко тебя целую. Ученую девицу Евгению тоже.

Как-то идет учеба у этой курносой задавалочки?

Вышел сегодня я передохнуть в лес. Он начинается прямо за заборами. Нашел три белых гриба.

Погода стоит хорошая. Вот и осень! Но беспокоен я только за работу, а так — спокоен.

Скажи Наталье — что здесь водятся в хозяйстве индюшки — и что я уже подобрал для ее шляпы одно перо.

Если за это время будешь в Клину, обязательно напиши мне:

1) Как и много ли зацвели «солдаты»?

2) Сильно ли выросли бобы у палатки?

Попроси, чтобы листву не обрывали — приеду и посмотрю — хотя бы поздней осенью.

Идет ли работа с печкой?

До свиданья. Береги здоровье, а то осенью ты иногда начинаешь хикать-кухикать...

Гайдар

8 сент.

Д. М. ГАЙДАР

*Старая Руза. Дом отдыха писателей
10 сентября 1940 года*

Дор-Дорчик! Как живешь?

Целыми днями я работаю. Не написал еще ни одной строки связной. Но каждый день черчу план, и картина передо мной вырисовывается все яснее и яснее... По такому

способу я еще работать не пробовал. Сейчас еще говорить рано, но возможно, что получится хорошо. Схватываю тон, настроения.

Посижу, поработаю, выйду в лес на час — полчаса. Приду — и опять картина проясняется, сижу, чиркаю, рисую, хмурюсь, улыбаюсь...

Письмишко твое получил, очень хохотал от радости... Большое тебе за письмо спасибо. Когда получишь это письмо, напиши еще одно — до пятнадцатого получить его я еще успею.

Новостей у меня особых нет. Да, забыл тебе написать: когда я ехал, чемодан у меня стоял под лавкой. Вдруг — выстрел! Это вылетела пробка из бутылки. К счастью, вся пена ушла как-то в сандалии. И ничего не промокло.

Нет ли чего нового? Не звонили ли откуда-нибудь?

Целую тебя... и высокообразованную девицу Евгению.

Наталье скажи, что перо от индюка я уже достал*. Пусть постоит в очереди за шляпой. Приду — пусть снимется во всем блеске — в фотографии, и Ульяна* тогда умрет от зависти, глядя на благородный наряд своей сестрицы.

Гайдар

10 сент.

Д. М. ГАЙДАР

*Старая Руза. Дом отдыха писателей
13 сентября 1940 года*

Дора, здравствуй!

Сегодня 13-ое, уже ночь. Только что кончил работать. Письма от тебя не получал еще ни одного. И если бы не мои телефонные звонки, то о тебе не знал бы ни слова. Не хвалю.

Работаю я много. Сегодня и вчера работа идет с колоссальным трудом, чего-то не выходит. Но это бывает, и я духом не падаю.

Погода стоит хорошая. Ходил недавно в Рузу, починил сапог. Вообще, жизнь идет ровно. Никаких новостей и событий. Огорчает несколько твоя лень. Помню, что так же уезжал в Солотчу — писем от тебя не было. Ну, да это на совести твоей.

Если хочешь и найдешь время, приезжай в выходной. Билет бери по Белорусской ж. д. до станции Дорохово. Садись в средний вагон — сразу выскакивай и без промедления беги за вокзал, к остановке автобуса на **Рузу** (не стань в очередь на **Верею**, а спроси быстро). Займи очередь (это на всякий случай), а сама тут же оглянись и спроси у шоферов, нет ли машины из Дома писателей.

У нас к поезду там бывает или «пикап» — это маленькая грузовая машинка — или полуторатонка.

Если машина есть, то она довезет тебя прямо до Дома отдыха, который находится в одном километре от Старой Рузы (но не от Новой, которая дальше).

Если же вдруг нет, то поезжай автобусом и обязательно предупреди шофера, чтобы **на пятнадцатом километре**, у поворота в Дом писателей, он остановился.

Дальше — рядом — дойдешь пешком — дорога прекрасная.

Выезжай с поездом в 9 часов 7 минут.

Вот пока и все.

Папирос у меня мало. Денег немного еще осталось.

Здесь наш Дом отдыха продает антоновку по 3 рубля кило. Все почему-то покупают. Ты яблоки любишь.

Да захвати обязательно «Судьбу барабанщика» — я ее никому не отдам — а мне нужно.

Привет. Целую.

Гайдар

«ЕСЛИ ТИМУРОВ СЕЙЧАС МАЛО, ТО ИХ БУДЕТ МНОГО»

(Ответ ребятам — читателям повести «Тимур и его команда»)

Москва, 27 сентября 1940 года

Я всякого здесь слушал — кому надо повесть продолжить, кому ничего совсем не надо. Некоторые замечания были сделаны дельные, на некоторые я должен возразить. Больше всего я должен возразить на выступление первого товарища, который критически подошел. Я его выступления не понял: «Таких Тимуров не бывает».

Может быть, и не бывает, многих не было, но они будут.

Их будет больше, чем Квакиных. Мы должны смотреть, как должно быть, а не как есть.

Мне говорят: «Подумаешь, какое дело — лазать по садам, курить...» Если он это не считает проявлением хулиганства, а считает проявлением хулиганства нож и финку, то я их хулиганами считаю.

Я никогда святым в детстве не был, за мной бед было не меньше, чем за другими, но когда меня ловили, я знал, что я хулиганил. Я не пытался возражать: «В чем тут дело? Я только рвал яблоки».

Когда я изображал Квакина, я изображал человека не совсем исхулиганившегося. Я набросал портреты тех людей, которые чуть сбились с пути, но могут выровняться. В таком плане у меня Квакин.

Здесь говорят: «Как это так Тимур завоевал авторитет? Почему уважает его команда? Кто такой Квакин?»

Квакин лазит по чужим садам, огребает яблоки, курит, играет в карты. Вы слышали, чтоб с такими идеями шли на фронт? Можно с такой идеей создать сколоченную группу? Думаю, что нет.

Тимур любит Красную Армию, для него красная звезда выше всего на свете. Он говорит слова команды, он слушает слова той команды, которую слышали в Красной Армии.

То, что он мал, что он не дерется — не беда. Странно думать, что силен тот, у кого сильнее кулаки. Это далеко не часто бывает. Возьмем командира Красной Армии. Он себе дорогу этим не проьет.

Он (Тимур.— *Ред.*) завоевал авторитет потому, что он безгранично предан одной идее, у него все устремлено к этому. Для этого не нужно быть «давай, жми, дави».

Когда мне было 15 лет, я командовал ротой. У меня в роте были люди с бородами, были люди плохого порядка, были люди, которые не хотели тебя слушать. Чем я мог их держать? Тем, что твердо верил в то, что нужно было делать. И ценой этого я добивался того, что меня слушались.

У Тимура одна идея — Красная Армия, и с этой идеей он ведет за собой других, и потому побеждает он, а не Квакин, так как воровать яблоки — это не идея и этим завлечь нельзя.

Говорят о поступке, когда Тимур сбил замок (чтобы взять мотоцикл отвезти в Москву Женю.— *Ред.*) — это отрицательный факт, хотя он имеет свое оправдание. Но Тимур не мог быть плохим, так как если бы у него было много недостатков, его не стали бы слушаться. Так же и в Красной Армии слушаются того, кто держится образцом и примером для других.

Я скажу только одно — идея Тимура ясна, он зовет вперед, и если Тимуров сейчас мало, то их будет много, а Квакины — если их много, то обязательно их будет меньше.

Р. И. ФРАЕРМАНУ

Почтовый штемпель: Москва, 29 ноября 1940 года

...Рувик!

Я задумал одну вещь — а я упрямый — сделаю... И напишу небольшую книгу. Это будет полусон* — но безо всяких ерундовых аллегорий и ложных значимостей. Это будет теплый, очень далекий от небес и близкий к грешной и милой земле сон немножко расстроенного, чуть усталого, но очень крепкого, веселого и здорового человека.

Крепко жму твою руку.

Верь, что я тебя глубоко ценю, люблю и уважаю. И желаю тебе здоровья сердцу и ясности голове — без которых трудно прожить в наше сложное и опасное для всей земли время.

Твой Гайдар

Д. М. ГАЙДАР

Клин, 16 декабря 1940 года

Дорогая Дора! Как-то ты там поживаешь?

Я живу неплохо, но наработал пока еще мало. Знаешь,— после праздников у всех еще суматошливое настроение. Кроме того, в эти дни дома многовато народу. Впрочем, с завтрашнего дня все разъедутся и разойдутся, и тогда я нажму крепко.

Так или иначе, к 19-му числу работу я закончу во что бы то ни стало*.

Ты не волнуйся,— как бы там ни было, а при хорошей моей работе мы к весне выкрутимся. И надо думать, заживем поспокойней. Да я и раньше что-либо придумаю. Голова у меня не глупая — и если меня не мучают, не дергают — то работать я могу хорошо и крепко.

Здесь выпал снег. Погода ясная, воздух чистый. Вчера ходил гулять (в общерусском, а не клинском понимании смысла этого слова).

Вышел на окраину — хорошо и привольно. Нет,— я по натуре все-таки не москвич! В Москву надо приезжать с хорошим настроением. С хорошо оконченной работой. А работать в Москве трудно...

Ты не огорчайся за телефон, за долги*. Было бы на душе спокойно — и тогда все будет хорошо.

Крепко тебя целую. Привет Тоне и Василию*. Очень они меня шинелью выручили. Ну, да ладно — на крестинах вспомню.

Гайдар

РЕДАКТОРУ ДЕТГИЗА Т СМИРНОВОЙ

Москва, 14 января 1941 года

Уважаемый товарищ!

Я напишу Вам две новеллы (для «Детского календаря» на 1942 год.— *Ред.*) недели через две.

Гайдар

Г. С. КУКЛИСУ

14 февраля 1941 г.

Товарищ Куклис, здравствуйте!

Я до первого марта в лечебнице — лечат меня инсулином*. Это какой-то сильно крепкий медикамент, от которого малодушные люди теряют сознание. Я не терял ни разу.

Вот подходит весна. И первый раз за 15 лет я никому не должен ни одной работы, но счастья от этого меньше, чем я ожидал.

Вот я стою на распутии. Мне звонил т. Храпченко. Мне

советуют бросить мелкие работы, взять так называемый государственный заказ на пьесу к 25-летию советской власти.

Такой же заказ мне предложили через Комитет по делам кинематографии. Почему никаких таких заказов не бывает по линии детской литературы? Сесть бы и, не торопясь, написать большую повесть к двадцатипятилетию Октября. Но на это нужно время. Нужны мало-мальски сносные условия.

Кино — помогает, организует необходимые поездки: хочешь вспомнить или узнать что-либо — поезжай. Негде тебе работать — дает место. Совсем по-особому оплачивает эту работу, а у нас этого ничего нет, и выгадают на этом гроши, а дело такой огромной важности пройдет мимо.

Это что-то несправедливо. Я люблю театр, люблю кино, но больше всего люблю просто хорошо написанную книгу, за нее отвечаешь один, без дураков, всей головою. А такую книгу надо писать, ни о чем другом не думая. И вряд ли ЦК комсомола прогадал бы*, если бы и он дал такой заказ нескольким авторам, которым он доверяет.

Книжки у всех выходят какие-то тонкие — начал и кончил, а надо написать, чтобы человек не успел прочесть в один вечер.

В общем, дела мои пока темные. Ответа до выхода из лечебницы не дал пока никому. Настроение неровное. Надоело быть виноватым одному.

Скоро буду совсем здоров. Жму руку. Привет Ярцеву*.

Арк. Гайдар

ОТВЕТ НА АНКЕТУ Л. В. КУЛЕШОВА:

«ЧТО ВЫ ЛЮБИТЕ В ЖИЗНИ БОЛЬШЕ ВСЕГО?»

Москва, весна (?) 1941 года

Путешествовать вдвоем.

Чтобы считали командиром.

Быстро передвигаться.

Остричь с людьми без вреда для них.

Тайную любовь к женщине (свою, чтобы объект не знал).

Не люблю быть один (не — одиночество).

Г.С. КУКЛИСУ

Болшево. Дом творчества кинематографистов. 22 марта 1941 года

Здравствуйте, тов. Куклис!

Пишу Вам из Болшева. Очень прошу к этому моему письму отнестись всерьез.

Доканчиваю одну, будь она проклята, работу*. В Москве буду двадцать седьмого. С тридцатого для меня и жены есть две путевки в Дом творчества в Крым. Денег, конечно, нет, но идеи есть замечательные. Одна из них такова: двадцать седьмого Вы заключите со мною договор на вторую книгу о Тимуре*. Пять листов...

В Крыму я буду писать для вас книгу. Напишу быстро и постараюсь хорошо.

Деньги мне нужно будет получить двадцать восьмого, потому что билеты заказывают за два дня.

Скажите, чтобы заранее заготовили договор, а то на все свои дела у меня остается очень мало времени.

Срок сдачи поставьте 15 мая.

Жму руку

Арк. Гайдар

22 марта

Р. И. ФРАЕРМАНУ

Ялта. Дом писателей

8 апреля 1941 года

Рувчик, здравствуй!

Сидели с Генькой на солнышке, вспомнили и обругали тебя. Зачем сюда не едешь? Здесь жарко, все в цвету, лежим на камнях, загораем.

...Здесь Твардовский* — это писатель стоящий. Еще здесь поэт революционной молодежи, ветеран комсомола... Саша Жаров*. Он очень хорошо играет в билиард...

Рувчик, скоро вскроются реки и стаи вольных рыб воздадут хвалу творцу Вселенной; ты же, старый хищник, вероятно, уже замышляешь против сих тварей зло.

Увы! И я замышляю тоже!

Рувим! На земле война. Огонь слепит глаза, дым лезет
в горло и хладный червь точит на людей зубы.

Жму руку. Привет Вале.

Твой Гайдар

ЕВГЕНИИ ГАЙДАР

Почтовый штемпель: Ялта, 10 апреля 1941 года

Женечка!

Письмо твое получили. Мамка и я сделали танец от
радости, что у нас есть такая ученая дочка.

Веди себя хорошо. Крепко тебя целуем.

Гайдар

Р. И. ФРАЕРМАНУ

Ялта. Дом отдыха писателей

Апрель — май 1941 года

Из этих теплых крымских стран,
Где вовсе снегу нет,
Рувим Исаич Фраерман,
Мы шлем тебе привет!
Придет пора, одев трусы
(Какая благодать!),
Ты будешь целые часы
На речке пропадать,
Где в созерцательной тиши,
Премудр и одинок,
Сидишь и смотришь, как ерши
Тревожат поплавок...

· · · · ·
Тилим-бом-бом! Тилим-бом-бом!
От ночи до зари
Об этом пели под окном
Нам хором снегири!

*Большево под Москвой
2 июля 1941 года*

Закончив оборонный сценарий, вернусь Москву шестого (июля.— *Ред.*). Не забудьте о моем письме, оставленном секретариате*.

Гайдар

Д. М. ГАЙДАР

Москва, июль 1941 года

Дорчик, я кончил очень важную сцену — пошел в кино повидать Кулешова*.

Если куда будешь уходить, оставляй мне записки — когда ушла и на сколько.

Приду к обеду или раньше — потом буду опять работать.

Аркадий

КОМЕНДАНТУ ГАРНИЗОНА ГОРОДА МОСКВЫ
ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ РЕВЯКИНУ

Москва, 14 июля 1941 года

Уважаемый товарищ Ревякин!

Я — писатель — автор книг «Школа», «Военная тайна», «Тимур и его команда» и ряда других.

По повести и кинофильму «Тимур и его команда» возникло большое пионерское движение помощи семьям ушедших на фронт бойцов Красной Армии. Десятки тысяч детей уже принимали в этом благородном деле самое горячее участие.

Сейчас мною закончен (сценарий.— *Ред.*), а фабрика «Союздетфильм» приступает к съемке второго оборонного кинофильма «Клятва Тимура». Это о том, что должны делать и чем могут помочь взрослым дети во время нынешней Отечественной войны.

Для этого нам необходимы четверо московских ребят, игравших в первой картине главные роли¹...

¹ Фамилии ребят указаны не были.

Они эвакуированы сейчас в Уфу.

Прошу Вашего разрешения на их возвращение в Москву. Так как без них эта оборонная кинокартина снята быть не может.

С товарищеским приветом

Арк. Гайдар

14 июля 1941

Д. М. ГАЙДАР

Записка, оставленная перед уходом на фронт

Москва 20 июля 1941 года

Доре

1) Документы военные старые разделить на две части — запечатать в разные пакеты.

2) В случае необходимости обратиться: в Клину к Якушеву. В Москве — сначала посоветоваться с Андреевым* («Пионерская правда»); потом ...в ЦК (ВЛКСМ. — *Ред.*).

3) В случае если обо мне ничего долго нет, справиться у Владимирова* (К 0-27-00, добавочный 2-10) или в «Комсомолке» у Буркова*.

4) В случае еще какого-либо случая, действовать не унывая по своему усмотрению.

Будь жива, здорова!

Пиши, не забывай.

Твой Гайдар

20/VII 1941

ЕВГЕНИИ ГАЙДАР

(Надпись на книге, подаренной перед отъездом на фронт)

Москва, 20 июля 1941 года

Едет папа на войну
За Советскую страну.
Женя папу поджидает.
Женя книжку прочитает,
Все узнает, все поймет:
Где и как живет народ?

Сколько есть чудес на свете?
Как и где играют дети,
Как запрыгал заяц белый,
Как исчез Ивашка смелый,
Как из лесу, из-за гор
Ехал дедушка Егор...
Женя книжку прочитает
И о папе помечтает.
...Он в далекой стороне
Бьет фашистов на войне!

Арк. Гайдар

20 июля 1941

Д. М. ГАЙДАР

Почтовый штемпель: Клин, 30 июля 1941 года

Милая родненька!
Выехали со всякими приключениями. Ночь были под Москвой.
Ночь, как сама знаешь, была беспокойная*. Крепко тебя, золотую мою, целую.
Будь жива, здорова, береги Женю.
Твой солд... Аркаш'инка*.

Д. М. ГАЙДАР

*Юго-Западный фронт. Киев
Почтовый штемпель: Клин, 16 августа 1941 года*

Роднуличка!
Я жив, здоров.
Наши войска сражаются хорошо. Бои, как ты сама читаешь, идут упорные*, но настроение у войск и у народа твердое.
Дорогусенька! Если сейчас от меня не будет долго писем, ты не беспокойся. Это просто значит, что далеко идти на почту.
Поцелуй от меня Женюрку, маму и всех.
Со мной пока случилось только одно горе — при одном

обстоятельстве пропала моя сумка*, которую ты собирала для меня так заботливо. Ну, да ничего. Получу новую.

Пиши мне по прежнему адресу, — и хотя с опозданием, но письма твои до меня дойдут.

Очень крепко тебя, дорогую, целую.

Твой Аркаш'инка

(Нарисован смешной человек, над головой которого — звезда с расходящимися лучами)

ТЕЛЕГРАММА Д. М. ГАЙДАР

Москва, 18 августа 1941 года

Срочно жду Москве. Гайдар

Д. М. ГАЙДАР

Харьков.

Почтовый штемпель: Москва, 12 сентября 1941 года

Дор-Дорчик!

Подъехал к Харькову. Дальше мой путь будет сложней*, и скоро писем не жди.

Сейчас уже виднеется город. Вспоминаю, как дружно и весело подъезжали мы с тобой к этому городу*, когда ехали в Крым. Далеким-далеким кажется это время.

Крепко тебя, родную, целую.

Не унывай и помни своего военного з а й с а*.

Д. М. ГАЙДАР

Киев, 16 или 17 сентября 1941 года

Дорогая Дорочка!

Пользуюсь случаем, пересылаю письмо самолетом*. Вчера вернулся и завтра выезжаю опять на передовую, и связь со мною будет прервана. Положение у нас сложное — посмотри на Киев, на карту, и поймешь сама. У в а с н а ц е н т р а л ь н о м у ч а с т к е положение пока благополучное.

Крепко тебя целую.

Личных новостей нет. На днях валялся в окопах, про-

студился, вскочила температура, но я сожрал 5 штук таблеток — голова загудела, и сразу выздоровел.

Помни своего з а й с а, который ушел на войну...

Будь жива, здорова.

Эти товарищи, которые передадут тебе письмо*, из одной со мной бригады. Напой их чаем или вином. Они тебе обо мне расскажут.

Гайдар

Целую Женю.

Привет маме и всему вашему табору.

НАДПИСЬ НА ЗАПАЛЬНОЙ ДОЩЕЧКЕ
ОТ БУТЫЛКИ С ГОРЮЧЕЙ СМЕСЬЮ

28.9.41 г.

В лесу у дер(евни)

Семеновка

под Киевом

Коментарии

Четвертый, завершающий том Собрания сочинений А. П. Гайдара по своему составу разнообразен и сложен. Он вбирает в себя:

Автобиографию (1941 г.);

статьи, очерки и фельетоны, опубликованные за период с 1920 по 1932 гг.;

неоконченные произведения, над которыми писатель работал с конца 1920-х по 1940 год;

дневники с 1917 по 1941 гг.,

письма друзьям, родным и близким, боевые донесения с фронтов гражданской войны, надписи на photographиях и книгах — с 1915 (?) по 1941 гг.;

ответы читателям — 1931—1940 гг

Таким образом, впервые собранные вместе, эти материалы освещают 26 лет жизни и литературной деятельности А. П. Гайдара; знакомят с творческой историей повестей «Дальние страны», «Военная тайна», «Синие звезды», «Тимур и его команда»; открывают нам богатый и сложный мир писателя. Из дневников и писем видно, что многие страницы его книг, пронизанные оптимизмом и любовью к людям, создавались в трудных для самого Гайдара условиях.

В дневниках и письмах отчетливо проступает заботливое и сердечное отношение Гайдара к родным, друзьям, к товарищам по профессии. Мы находим тут его оценку многих литературных произведений и видим, что писателя глубоко волновали проблемы внутренней жизни нашей страны и международные события.

Последний том Собрания сочинений, знакомя с малоизвестными страницами жизни и творчества А. П. Гайдара, открывает нам новые грани его личности и его дарования педагога и художника.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Собрание сочинений — имеется в виду: Аркадий Гайдар, Собрание сочинений в 4 томах, Москва, Детгиз, 1955—1956 и все последующие стереотипные переиздания: 1959—1960, 1964—1965 и 1971—1973 гг.

С б. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара» — сборник «Жизнь и творчество А. П. Гайдара» (Составление и общая редакция Р. И. и В. С. Фраерман), Москва, Детгиз (Дом детской книги), 1951, 1954 и 1964 гг.

«История о неуловимом билете» — Арк. Гайдар. «История о неуловимом билете». Рассказы. Очерки. Фельетоны. (Составитель Н. Н. Орлова). Москва, «Молодая гвардия», 1965.

С. Гинц, Б. Назаровский «Аркадий Гайдар на Урале» — С. Гинц, Б. Назаровский «Аркадий Гайдар на Урале», Пермское книжное издательство, Пермь, 1965, 1968.

А. Гольдин «Невыдуманная жизнь» — А. Гольдин «Невыдуманная жизнь» (Из биографии Аркадия Гайдара). Москва, «Детская литература», 1979. (Издание второе).

Б. Камов «Гайдар» — Б. Камов «Обыкновенная биография» (Аркадий Гайдар). Москва, «Молодая гвардия» (серия «Жизнь замечательных людей»). 1971.

Б. Камов «Партизанской тропой Гайдара» — Б. Камов «Партизанской тропой Гайдара». Рассказ — поиск. Москва, «Детская литература», 1973 (Издание третье).

Б. Осыков «Аркадий Гайдар» — Б. Осыков «Аркадий Гайдар» (Литературная хроника). Центрально-черноземное книжное издательство. Воронеж, 1975.

А Г М Г — Арзамасский государственный музей А. П. Гайдара.

И М Л И — Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР (Москва).

И Р Л И — Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (Ленинград).

Ц Г А Л И — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР.

Ц Г А С А — Центральный государственный архив Советской Армии.

«АВТОБИОГРАФИЯ»

(1941 г.)

Это последняя известная нам автобиография А. П. Гайдара. Вместе с автобиографиями 1930, 1934 и 1937 гг., напечатанными в предыдущих томах, она завершает свод того, что А. П. Гайдар писал о себе самом, своем пути в революцию, работе в литературе и книгах, которые он создавал.

Автобиография 1941 г. предназначалась для горвоенкомата.

1 ноября 1924 года приказом РВС № 368 «бывший командир 58 отдельного полка по борьбе с бандитизмом Голиков Аркадий Петрович» по состоянию здоровья был уволен в запас, а в 1926 году был снят с военного учета. Но Аркадий Петрович хотел в случае войны иметь возможность вернуться в строй. Он обратился за содействием в Союз писателей. В его архиве сохранилось письмо:

«Уважаемый товарищ Гайдар!

Президиум ССП просит Вас явиться 25/1-1940 г к 13 часам в помещение ССП — учетный отдел — для дачи необходимых сведений, требуемых Горвоенкоматом.

Секретарь Президиума ССП СССР ФАДЕЕВ»
(ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. 1, ед. хр. 13, л. 2. Публикуется впервые.)

31 декабря 1940 г. Гайдар заносит в Дневник: «Все идет хорошо. Меня опять берут на военный учет» (см. с. 322 наст. т.). На другой день, 1 января 1941 года, и была написана публикуемая Автобиография.

Но в прежнем воинском звании Гайдар восстановлен не был. И поскольку он числился «ограниченно-годным», то призыву в случае войны подлежал в последнюю очередь.

Вот почему, когда в июне 1941 года гитлеровская Германия напала на нашу страну, Гайдара не взяли в армию. И на фронт он смог попасть только в качестве военного корреспондента «Комсомольской правды».

Автобиография (1941 г.) была впервые напечатана в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара». М., Детгиз, 1951. В Собрании сочинений публикуется впервые по автографу (ИРЛИ, ф. 718, ед. хр. 15).

Стр. 6. С к л я н с к и й Э. М. (1892—1925) — советский государственный и военный деятель. Член партии большевиков с 1913 г С 1918 г. — заместитель председателя Революционного Военного Совета.

Стр. 6. Ф р у н з е М. В. (1885—1925) — советский партийный, государственный и военный деятель. Член партии большевиков с 1904 г Неоднократно подвергался царским правительством арестам, приговаривался к смертной казни. В годы гражданской войны командовал рядом фронтов. Руководил разгромом Колчака и Врангеля. С марта 1924 — заместитель председателя, а с января 1925 — председатель Революционного Военного Совета и народный комиссар по военным и морским делам.

ОЧЕРКИ, ФЕЛЬЕТОНЫ, СТАТЬИ

Деятельность А. П. Гайдара-газетчика — интересная страница его жизни и творчества.

Первые его выступления в печати относятся к 1918 году — Аркадию Голикову тогда было 14 лет. «За свободу» — ученическая газета. «Написать что-либо», — читаем мы в Дневнике «Товарищ». — Газета, второй номер, «За свободу» — «Обыватель», — помечено на той же странице (см. с. 256, 257 наст. т.). «Обыватель» — это было, видимо, первое опубликованное стихотворение будущего писателя. Газета «За свободу» печаталась небольшим тиражом в типографии, однако ни одного ее номера не сохранилось.

Первая юношеская публикация А. П. Гайдара, которой мы располагаем, — статья «Памяти П. Цыбышева», напечатанная 15 марта 1920 года в молодежной арзамасской газете «Авангард» (см. с. 8 наст. т.).

В 1923 году, находясь в продолжительном отпуске по болезни, Аркадий Петрович сообщал из Красноярска: «Я получаю... 200 р. жалования и, приблизительно, столько же зарабатываю, между прочим, небольшой корреспонденцией». (Письмо А. П. Гайдара от 14 января 1923 г. См. с. 345 наст. т.)

В газете «Ленинские искры» (Ленинград) Гайдар напечатал в 1925 году свой первый рассказ для детей «Патроны» (т. II, с. 447). Рассказом «Угловой дом» осенью 1925 года началась профессиональная деятельность Гайдара — журналиста в пермской газете «Звезда».

Успех Аркадию Петровичу как газетчику принес первый его фельетон «Адмодделу пермского исполкома», напечатанный в «Звезде». В редакцию начали поступать письма с коротким адресом: «Пермь. Гайдару».

Фельетоны Аркадия Петровича появлялись на газетных страницах почти каждый день. Даже создавая повесть «Жизнь ни во что» (Лбовщина), Аркадий Петрович не прерывал повседневной редакционной работы.

В «Звезде», а также в газетах «Уральский рабочий» (Свердловск), «Правда Севера» (Архангельск) и других Гайдар писал о многом: о том, как опытный литейщик был уволен, а безграмотный мастер участка оставлен («Дело Лабинского»); о том, как при найме землекопов некие головотяпы выдавали аванс, но не спрашивали документы, и восемьсот человек на работу не пришло и разыскать их оказалось невозможно («Кизеловская щедрость»).

В одном из своих фельетонов Гайдар предложил даже создать «Музей человеческой глупости», полагая, что экспонатов для такого музея отыщется предостаточно.

Глупость и душевную лень некоторых работников, готовых переложить ответственность за свое дело на других, Гайдар подметил в очерке «Хотели прислать милиционера» (см. с. 59 наст. т.), который по праву считается одним из лучших в его публицистическом наследии.

Примечательно и то, что Аркадий Петрович много раз выступал в защиту детей и подростков. Он писал о деляге-враче, который отказал ребенку в необходимом санаторном лечении («Цена жизни» — с. 27 наст. т.); клеймил горе-хозяйственников — из-за них дети вынуждены были учиться в нетопленном помещении («Тысячу первый раз о том же» — с. 13 наст. т.); поведал историю девушки, которая много лет прожила в сарае («Человек на веревке» — с. 33 наст. т.); выступил против учителей, которые оклеветали свою ученицу («Ярлык» — с. 35 наст. т.).

* * *

Должность фельетониста требовала мужества, сравнимого с солдатским. Гайдара часто обвиняли в том, что, критикуя госучреждения и «авторитетных руководителей», он выступает, как «элемент антиреволюционный». Писатель отвечал: «Мне на это наплевать. Потому что есть у меня и революционное, и боевое, и всякое такое другое приятное прошлое» («Верите ли вы нам, как государственной организации?»).

27 июля 1926 года в пермской «Звезде» был опубликован фельетон «Шумит ночной Марсель». Гайдар писал в нем о странном совместительстве: судебный следователь города Перми подрабатывал вечерами как музыкант, в ресторане, где собиралась довольно темная публика. Следователь подал на газетчика в суд.

И хотя суд признал «факт недопустимого совмещения работы следователя с игрой в ресторане», однако осудил фельетониста... за фельетонную форму, посчитав ее обидной для следователя-музыканта. А. П. Гайдар был приговорен к «лишению свободы сроком на одну неделю», которое было заменено ему «общественным порицанием» (Госархив Пермской области, ф. 1109, оп. I, ед. хр. 151, л. 93).

В защиту фельетониста выступили областная газета «Уральский рабочий», совещание рабселькоров. О решении суда стало известно в Москве. Мария Ильинична Ульянова, ответственный секретарь газеты «Правда», узнав о приговоре, возмутилась:

«— Да что это такое? Глупость или недомыслие?

Мария Ильинична предложила... запросить все материалы по этому делу и выступить в защиту А. П. Гайдара». (Д. Ершов «Гайдар шагает впереди», «Курская правда», Курск, 1966, 26 октября.)

5 апреля 1927 года в «Правде» появилась статья «Преступление»

Гайдара», в которой говорилось: «Рабочий читатель встал на защиту Гайдара... «Преступление» Гайдара рабочим-читателем воспринято, как его заслуга...»

«ПАМЯТИ П. ЦЫБЫШЕВА»

Статья «Памяти П. Цыбышева» — первая известная нам газетная публикация А. П. Гайдара.

Стр. 8. Петр Петрович Цыбышев (1902—1920) был школьным товарищем Аркадия Голикова (см. упоминание о нем в Дневнике «Товарищ» — с. 257 наст. т.).

Один из организаторов комсомола в Арзамасе, Петр Цыбышев ушел добровольцем на фронт, в 17 лет стал командиром. Раненный в ногу и в грудь, приехал долечиваться домой. И умер от тифа.

Сохранились воспоминания отца Пети Цыбышева, тоже Петра Петровича (с 1919 г. — сотрудника Нижегородского губкома партии):

«...В «Авангарде», в траурной рамке, Аркадий Голиков поместил коротенькую заметку «Петя Цыбышев»... Аркадий Голиков — товарищ Пети. Он служит в Красной Армии и, раненный в ногу, приехал отдохнуть в Арзамас. Здесь он узнал о смерти Пети; он сказал коротенькую речь на его могиле и написал вот эту заметку в «Авангарде». (Запись обнаружена З. Е. Ерофеевой. АГМГ, ед. хр. 3478, л. 202. Публикуется впервые)

В Собрании сочинений некролог «Памяти П. Цыбышева» публикуется впервые по тексту: газета «Авангард» (Арзамас), 1920, 15 марта. (Экземпляр газеты хранится в АГМГ.)

«КАМА»

Очерк публиковался в Собрании сочинений. Печатается по тексту: газета «Звезда» (Пермь), 1925, 22 ноября.

«ИСТОРИЯ О НЕУЛОВИМОМ БИЛЕТЕ»

Фельетон печатался в сб. «История о неуловимом билете». В Собрании сочинений публикуется впервые по тексту: газета «Звезда» (Пермь), 1925, 27 ноября.

Стр. 10. «...восхищался игрой Дугласа Фербенкса». Фербенкс Дуглас (1883—1939) — американский киноактер. Вместе с Ч. Чаплином (см. с. 518 наст. т.) и М. Пикфорд основал кинофирму «Юнайтед артистс».

«ТЫСЯЧУ ПЕРВЫЙ РАЗ О ТОМ ЖЕ»

Фельетон включается в Собрание сочинений впервые. Публикуется по тексту: газета «Звезда» (Пермь), 1926, 20 января.

Стр. 14. «А дети, которым надоело танцевать согревающий фокстрот, принялись за шимми». Шимми — танец, разновидность фокстрота, был моден в начале 20-х годов.

«АЛЬБОМНЫЕ СТИХИ»

Фельетон печатался в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951. В Собрании сочинений публикуется впервые по тексту: газета «Звезда» (Пермь), 1926, 13 февраля.

Стр. 14. «я всегда вспоминаю... сухопарую немку, из-за страха перед которой я однажды пешедралом убежал верст за сто от дома». А. П. Гайдар здесь фельетонно переосмысляет два реальных события: конфликт с преподавательницей немецкого языка (о котором писал в повести «Школа» — см. т. I, с. 111) и другой эпизод, когда он в десять лет действительно убежал из дому, но не от немки, а на фронт к отцу, без которого очень скучал (см. Автобиографию (1934 г.) т. I, с. 35).

«ОТ ПОЕЗДА ДО ПОЕЗДА»

Фельетон публиковался в сб. «История о неуловимом билете». В Собрании сочинений печатается впервые по тексту: газета «Звезда» (Пермь), 1926, 25 марта.

Стр. 18. «Собственно говоря, меня в Перми нет». В феврале 1926 года А. П. Гайдар уехал в Москву и ненадолго вернулся в Пермь, чтобы отправиться в путешествие по Средней Азии.

Стр. 18. Бриан Аристид (1862—1932) — с 1909 по 1931 гг. министр и премьер-министр Франции. В 20-е годы проводил антисоветскую политику. В 1931 году предпринял шаги к сближению с СССР.

Стр. 18. Муссолини Бенито (1883—1945) — фашистский диктатор в Италии в 1922—1943 гг. В 1945 г. был казнен итальянскими партизанами.

Стр. 18. Чемберлен Остин (1863—1937) — государственный деятель Великобритании. В 1927 году был одним из инициаторов разрыва дипломатических отношений с Советским Союзом.

«О КОРЗИНКЕ, ШЛЯПЕ И НРАВСТВЕННОСТИ»

В Собрание сочинений очерк включен впервые. Публикуется по тексту: газета «Звезда» (Пермь), 1926, 18 апреля.

Стр. 20. «Д а в о т у э т и х д в у х». Весной 1926 года А. П. Гайдар отправился в путешествие по Средней Азии и Кавказу с Н. Ф. Кондратьевым.

Стр. 20. «р у г а л и п р о в о д н и к о в, ж а л е ю щ и х с в е ч е к». В 20-е годы в вагонах не было электрического освещения, зажигались фонари, в которые проводники должны были вставлять стеариновые свечи.

Стр. 21. «Я — з н а т о к к о н н о з а в о д с т в а. М е н я п р и г л а ш а л и в Н а р к о м з е м». Первые советские автомобили начали производить в 1924 году, поэтому основные грузы долгое время перевозили на лошадях, которых разводили на конных заводах. Н а р к о м з е м — Народный комиссариат земледелия.

«МЫСЛИ О БЮРОКРАТИЗМЕ»

Фельетон печатался в сб. «История о неувимом билете». В Собрание сочинений включен впервые. Публикуется по тексту: газета «Звезда» (Пермь), 1926, 25 июля.

Стр. 23. «с а п а р и с т с к и й д у х». Са па (от французского *sape*) — ров, траншея. А. П. Гайдар хотел сказать, что бюрократы всячески отгораживаются от людей, которые к ним обращаются.

«СКАЗКА О БЕДНОМ СТАРИКЕ И ГОРДОМ БУХГАЛТЕРЕ»

Фельетон печатался в Собрании сочинений. Публикуется по тексту: газета «Звезда» (Пермь), 1926, 21 ноября.

Стр. 24. «б а л а н с в ы в е д у т». Б а л а н с (от французского *balance*, буквально — весы) — соотношение доходов и расходов.

Стр. 24. «к р е д и т ы н е о т п у щ е н ы». К р е д и т (от латинского *creditum* — ссуда) — предоставление в долг учреждениям и частным лицам денег или товаров. *

«ПРОКЛЯТАЯ ДОЧЬ»

Очерк был перепечатан в журнале «Наука и религия», 1969, № 6. В Собрании сочинений публикуется впервые по тексту: газета «Звезда» (Пермь), 1926, 26 ноября.

Стр. 26. « т а т ь н о щ н а я ». Т а т ь — вор, грабитель.

Стр. 26. С в я т о т а т е ц — человек, совершивший кражу церковного имущества или поругание церковной святыни.

«ЦЕНА ЖИЗНИ»

В Собрание сочинений фельетон включен впервые. Публикуется по тексту: газета «Звезда» (Пермь), 1926, 4 декабря.

Стр. 27. Р К И — Рабоче-крестьянская инспекция — орган государственного контроля в Советском государстве с 1920 по 1934 гг. С 1923 года действовал совместно с Центральной контрольной комиссией ВКП(б), как единый советско-партийный орган. Главные задачи РКИ: контроль во всех областях управления и хозяйства, борьба с бюрократизмом и волокитой, надзор за проведением в жизнь советских законов.

«СЛУЧАЙ МАССОВОГО ГИПНОЗА»

Печатался в Собрании сочинений. Публикуется по тексту: газета «Звезда» (Пермь), 1927, 18 января.

«3000 ВОЛЬТ»

Очерк публиковался в Собрании сочинений. Печатается по тексту: газета «Уральский рабочий» (Свердловск), 1927, 11 февраля.

Стр. 31. «Как-то раз редактор одной из провинциальных газет...» Речь идет о редакторе пермской газеты «Звезда» М. Иванове, который «все чаще советовал Гайдару умерить фельетонный пыл, переключиться на другие жанры». (С. Гинц, Б. Назаровский «Аркадий Гайдар на Урале», с. 227.)

Стр. 31. Р К К — районная контрольная комиссия. Центральная контрольная комиссия ВКП(б) совместно с Рабоче-крестьянской инспекцией действовали, как единый контролирующий орган. РКИ и ЦКК имели свои отделения на местах.

«ЧЕЛОВЕК НА ВЕРЕВКЕ»

В Собрании сочинений фельетон печатается впервые по тексту: газета «Уральский рабочий» (Свердловск), 1927, 18 февраля.

«ЯРЛЫК»

В Собрании сочинений печатается впервые по тексту: газета «Уральский рабочий» (Свердловск), 1927, 17 апреля.

«ПАСХАЛЬНЫЕ НАСТРОЕНИЯ»

В Собрании сочинений печатается впервые по тексту: газета «Голос текстилей» (Москва), 1928, 6 апреля.

Стр. 37. Гости к пасхе будут. Пасха — ежегодный праздник у верующих в бога — христиан. В этот день, по легенде, умерший от страшных мук Иисус Христос ожил, воскрес и был взят богом на небо.

Стр. 38. Банка брош — рабочий ровничной машины, которая изготавливает ровницу — полуфабрикат для пряжи.

Стр. 38. Присучальщик — рабочий текстильного предприятия, присучивающий, то есть присоединяющий, нитку, пряжу в месте обрыва.

«ПЕРЕСЕКРЕТНИЧАЛИ»

Фельетон печатался в Собрании сочинений. Публикуется по тексту: «Голос текстилей» (Москва), 1928, 12 сентября.

«ТАБЕЛЬ О РАНГАХ»

Фельетон публиковался в Собрании сочинений. Печатается по тексту: газета «Волна» («Правда Севера»), Архангельск, 1929, 3 января.

Стр. 40. Табель о рангах был введен в 1722 году Петром Первым. Табель определил порядок прохождения службы чиновниками, которые подразделялись на 14 рангов (или классов). Каждому чину соответствовала строго определенная должность и форма обращения:

«ваше высокопревосходительство», «ваше превосходительство» и т. п. «Табель о рангах» был упразднен после Октябрьской революции.

Стр. 41. Богоугодными заведениями до Октябрьской революции называли больницы, детские приюты и другие учреждения, которые обслуживали бедных и существовали главным образом на частные пожертвования.

«ДВЕСТИ ВЫСТРЕЛОВ»

В Собрании сочинений публикуется впервые по тексту: газета «Волна» («Правда Севера»), Архангельск, 1929, 20 января.

Стр. 43. А т т и л а (? — 453) — предводитель тюркских племен — гуннов. Возглавил опустошительные походы на Западную Европу.

Стр. 43. Т а м е р л а н — см. примечания т. II, с. 549.

«СОРОК ВОПРОСОВ»

Фельетон печатался в Собрании сочинений. Публикуется по тексту: газета «Волна» («Правда Севера»), Архангельск, 1929, 5 февраля.

Стр. 45. А л е к с а н д р М а к е д о н с к и й (356—323 до н. э.) — царь Македонии с 336 года до н. э. Воспитывался известным философом Аристотелем. Создал крупнейшую мировую монархию древности, которая распалась после его смерти.

Стр. 46. К р а с н а я к а з а р м а — так в 20—30-х годах называли помещения рабочих общежитий.

Стр. 46. К о л д о г о в о р — трудовой коллективный договор профсоюзной организации предприятия с администрацией.

«ПРОФСОЮЗНЫЕ ИСПАНЦЫ XIV ВЕКА»

В Собрании сочинений фельетон печатается впервые по тексту: газета «Волна» («Правда Севера»), Архангельск, 1929, 7 апреля.

Стр. 47. «И н к в и з и т о р ы с р е д н и х в е к о в». И н к в и з и ц и я — (от латинского слова *inquisitio* — розыск) — в католической церкви XIII—XIX вв. — судебно-политическое учреждение для борьбы с ересью, то есть отклонениями от догматов (правил) официальной церкви. Судопроизводство инквизиторами велось тайно, с применением

пытках. Чаще всего людей обвиняли в колдовстве. Осужденные приговаривались к сожжению на костре.

Стр. 48. «по принципу автожира». Автожирами в 20—30-е годы называли летательные аппараты типа нынешних вертолетов.

«ДАЛЬТОН-ПЛАН В ВОЛОГДЕ»

В Собрании сочинений печатается впервые. Публикуется по тексту: газета «Правда Севера» (Архангельск), 1929, 5 октября.

Стр. 48. Д а л ь т о н - п л а н — система школьного обучения, разработанная в г. Далтоне (США) в 1919 г., которую пытались применить и в нашей стране. По далтон-плану каждый ученик занимался — в пределах программы — любым предметом в любое удобное ему время, изредка отчитываясь перед педагогом — консультантом. Классы и уроки упразднились. Такая система вела к разрушению общеобразовательной школы. В своем фельетоне А. П. Гайдар назвал «далтон-планом», то есть разрушением всех основ педагогики, порядки в детском доме, о котором писал.

Стр. 48. П и ф а г о р С а м о с с к и й (жил в VI веке до н. э.) — древнегреческий математик, мыслитель, религиозный и политический деятель. Разработал Пифагорову теорему. Создал школу своих последователей.

Стр. 50. П а в л о в И в а н П е т р о в и ч (1849—1936) — выдающийся физиолог, первый русский ученый, удостоенный в 1904 г. Нобелевской премии. И. П. Павлов показал зависимость процессов, которые протекают в организме, от внешних раздражителей.

В своем фельетоне Аркадий Петрович иронизировал по поводу того, что вологодские горе-педагоги жестокими методами обращения с детьми пытались выработать у них «условный отрицательный рефлекс» к растущей на огороде морковке.

РАДИОГРАММА С БОРТА ФРАНЦУЗСКОГО ПАРОХОДА «САИДА»

В ноябре 1929 года в Белом море, недалеко от Архангельска, потерпел аварию французский лесовоз «Саида». Редакция газеты «Правда Севера» послала А. П. Гайдара на место аварии как репортера. Оказавшись на борту «Саиды», Гайдар принял активное участие в спасении судна.

С борта лесовоза и была послана радиограмма, написанная по-русски, но латинскими буквами, чтобы ее мог «отстучать» радист-француз.

Радиограмма была опубликована в «Правде Севера» 21 ноября 1929 г.

В Собрании сочинений печатается впервые по тексту, который сохранился в архиве писателя (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. II, ед. хр. 4).

«РЫБАКИ»

Очерк публиковался в Собрании сочинений. Печатается по тексту: газета «Правда Севера» (Архангельск), 1929, 30 ноября.

Стр. 51. «Как раз после Михайлова дня кончу». Михайлов день — по религиозному календарю, день архангела Михаила. Приходился на 8 ноября.

Стр. 53. «Тогда еще РИКов не было, а волости были». До революции и в первые годы Советской власти самая низшая сельская административно-территориальная единица в России именовалась волостью. Волость входила в состав уезда. Уезд — в состав губернии. В 1923—1929 гг. волости были переименованы в районы. Соответственно волостные исполкомы депутатов трудящихся стали именоваться РИКаами — районными исполкомами.

«ШУМИТ МУДЬЮГА»

Очерк печатался в Собрании сочинений. Публикуется по тексту: газета «Правда Севера» (Архангельск), 1930, 8 февраля.

Стр. 55. Кулак-лишенец. — До принятия Советской конституции 1937 года лишенцами называли тех лиц, которые ранее принадлежали к эксплуататорскому классу или являлись противниками Советской власти и были за это лишены избирательных и других гражданских прав.

«ХОТЕЛИ ПРИСЛАТЬ МИЛИЦИОНЕРА»

Фельетон перепечатывается впервые по тексту: газета «Тихоокеанская звезда» (Хабаровск), 1932, 28 февраля.

«300 РОБИНЗОНОВ»

Фельетон печатался в Собрании сочинений. Публикуется по тексту: газета «Тихоокеанская звезда» (Хабаровск), 1932, 28 апреля.

«БРИГАДИР ТОВАРИЩ ВОЛКОВ»

Очерк печатался в Собрании сочинений. Публикуется по тексту: газета «Тихоокеанская звезда» (Хабаровск), 1932, 9 мая.

«МЫШЬЯКОВАЯ РУДА И МЕДНЫЕ ЛБЫ»

Фельетон перепечатывается впервые по тексту: газета «Тихоокеанская звезда» (Хабаровск), 1932, 21 мая.

«МЕТАТЕЛИ КОПИЙ»

Фельетон печатался в сб. «История о неуловимом билете». В Собрании сочинений публикуется впервые по тексту: газета «Тихоокеанская звезда» (Хабаровск), 1932, 15 июня.

«БЕНЗИН, КЕРОСИН, ЛИГРОИН»

Фельетон печатался в Собрании сочинений. Публикуется по тексту: газета «Тихоокеанская звезда» (Хабаровск), 1932, 18 июня.

Стр. 78. Л и г р о и н — фракция нефти, служит горючим для тракторов. Путем специальной переработки лигроин может быть превращен в высокооктановый бензин.

Стр. 78. К у м и р н я — см. с. 465 наст. т.

Стр. 78. С Т О — Совет Труда и Оборона, орган по руководству хозяйственным строительством и обороной. Был создан в 1920 году поначалу как комиссия Совета Народных Комиссаров РСФСР. В 1923—1937 гг. действовал СТО СССР.

Стр. 80. Э в а п о р а т о р — прибор для выпаривания.

Стр. 80. К р е к и н г о в а я у с т а н о в к а — служит для разложения нефтяных продуктов при температуре 450—550 градусов под высоким давлением и с применением катализаторов (ускорителей)

«СЕРЕЖА, ВЫДАЙ...»

Фельетон публиковался в Собрании сочинений. Печатается по тексту: газета «Тихоокеанская звезда» (Хабаровск), 1932, 20 июня.

Стр. 83. Золотосдатчик — в 30-е годы существовали (и существуют до сих пор) артели старателей, которые добывали золото вручную в таких местах, где применение техники было невозможно. За сданное золото старатели могли получать деньгами или товарами.

Стр. 87. «Что скажет КК — РКИ?» Контрольная комиссия — рабоче-крестьянская инспекция (см. примечания к фельетону «Цена жизни» — с. 441 наст. т.).

«ТАРЕЛКА СЛИВ»

В Собрании сочинений фельетон печатается впервые по тексту: газета «Тихоокеанская звезда» (Хабаровск), 1932, 11 сентября.

Стр. 87. «Будто бы во время оно» — то есть в стародавние времена.

Стр. 87. Пресвятая богородица — богоматерь, дева Мария, Мадонна (подробнее см. т. III, с. 372).

Стр. 87. «бординская жидкость» — смесь раствора медного купороса с известковым молоком. Применяется при болезнях плодовых и овощных культур.

НЕЗАВЕРШЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Литературное наследие А. П. Гайдара сравнительно невелико. При этом весьма значителен список незавершенных и даже утраченных произведений.

В 1925 году в Ленинграде А. П. Гайдар пишет рассказ «Комендант станции Раздольской» (см. письмо А. П. Гайдара к Н. П. Голиковой, февраль (?) 1925 г — с. 349 наст. т.). Дальнейшая судьба рассказа неизвестна.

В апреле 1925 года был начат роман «Взрыв» (открытка А. П. Гайдара к С. А. Семенову от 12 апреля 1925 г. — см. с. 350 наст. т.). Никаких подготовительных материалов к этому произведению не найдено. Видимо, в том же году писатель начал и другой роман — «Последние тучи», который был задуман, как продолжение повести «В дни поражений и побед». Но работа над романом была прервана. В архиве Гайдара сохранились черновики первых глав.

До сих пор неизвестны обстоятельства, при которых была начата, а затем оставлена повесть «Хулиганы» (Глина). Подробнее см. — с. 455 наст. т.

Не удалось Гайдару завершить и вторую книгу «Школы» (см.: «Обыкновенная биография» — с. 91 наст. т. — и примечания к ней)

Не осуществил Гайдар и другой свой замысел — создать роман о революции 1905 года на основе двух документальных повестей: «Жизнь ни во что» (Лбовщина) и «Лесные братья» (Давыдовщина) — см. письмо А. П. Гайдара к Б. Н. Назаровскому от 1 сентября 1930 г. — с. 355 наст. т.

Из тематического плана издательства «Молодая гвардия» мы знаем, что существовал договор на книгу «Керченские каменоломни», 7 печатных листов, которая должна была выйти в «исторической серии» (Б. Осыков «Аркадий Гайдар», с. 89)

Незаконченной осталась книга «Синие звезды», две первые части которой были опубликованы в 1934 году в журнале «Пионер» (см. с. 452 наст. т.)

Была приостановлена работа над повестью «Талисман» (Семен Бумбараш) — подробнее см. с. 453 наст. т.

Аркадий Петрович предполагал написать серию книг о Тимуре — «Тимур в комсомоле», «Тимур в армии» (сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1964, с. 178) В планах киностудий значились сценарии фильмов «Зимняя сказка» и «Пионерия».

Видимо, безвозвратно пропали записи, которые делал Гайдар в партизанском отряде. И среди них «дневник партизанского отряда» и «несколько лирических произведений в форме писем к сыну, к жене», которые Аркадий Петрович читал партизанам. (Из отчета капитана

А. Ф. Башкирова — сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1964, с. 126.)

Был там и «целый рассказ» о том, как сам Гайдар чуть не утонул в болотистой речушке Требеж, но его спас неизвестный красноармеец, и другие, тоже небольшие, но уже законченные вещи (свидетельство лейтенанта С. Ф. Абрамова в кн.: Б. Камов «Партизанской тропой Гайдара», с. 269)

Вот почему большую ценность представляют сохранившиеся рукописи незавершенных произведений, публикуемых в настоящем томе.

«ОБЫКНОВЕННАЯ БИОГРАФИЯ»

Повесть «Обыкновенная биография» была задумана и начата А. П. Гайдаром в поселке Кунцево под Москвой в конце 1930 — начале 1931 г. Она должна была стать продолжением «Школы» — продолжения ждали читатели. Большая подборка их отзывов была опубликована в 1931 году.

«Роман Гайдара...— очень хорошая вещь...— писал Я. Минц из Ленинграда,— очень хочется прочитать дальнейшую жизнь Бориса Горикова». («Страничка читателя», «Роман-газета для ребят», 1931, № 5, с. 31.)

Гайдар ответил открытым письмом (см. «Гайдар отвечает» — с. 359 наст. т.), где обещал к осени 1931 года закончить вторую книгу «Школы».

Она была вновь задумана как автобиографическая. Подобно Борису Горикову, Гайдар в декабре 1919 года был контужен и ранен, попал в Воронежский госпиталь, а затем его послали на долечивание домой, в Арзамас.

Как и Борис Гориков, Гайдар в эту пору проводил много времени с друзьями комсомольцами. И после, уже на фронте, часто вспоминал это время.

Первые главы «Обыкновенной биографии» сохраняли и глубинную связь со «Школой». Так, приехав из госпиталя домой, Борис с удивлением узнал, что бывший его друг Федька Башмаков, который в годы революции стал идейным и личным врагом Горикова, Федька, из-за которого Борису пришлось бежать из дому,— тоже стал комсомольцем.

Мало того, как видно из отрывка, впервые публикуемого в настоящем томе, секретарь уездной комсомольской организации Сережа Шаров пытался помирить бывших друзей (см. с. 107 наст. т.). Чем закончилась попытка примирения,— неизвестно: рукопись внезапно обрывается.

Разрозненные свидетельства и документы позволяют хотя бы в

общих чертах представить, как Гайдар предполагал строить книгу дальше.

В тематическом плане издательства «Молодая гвардия» на 1931 год мы читаем: «Гайдар А. «Школа, часть II. Переход от гражданской войны к мирному строительству. Приключения рабочего-подростка. Путь от школы до вуза».

Значит, после гражданской войны Борис Гориков должен был пойти на производство и, видимо, без отрыва от станка закончить среднюю школу и стать инженером.

Но первыми главами начатой книги Гайдар остался недоволен и отложил их, тем более, что к этому времени возник замысел повести «Дальние страны». А закончив в августе 1931 года «Дальние страны», он тут же вновь обратился к «Обыкновенной биографии». В Дневнике за 1931 год сохранились наброски плана (см. записи от 7 августа и дальше — с. 264 наст. т.), из которых видно, что, приступая ко второй книге «Школы», Гайдар вновь обращался к событиям гражданской войны.

Отъезд из Артека в Москву помешал Гайдару продвинуться в работе. А затем писатель отправился на Дальний Восток.

Живя в 1932 году в Хабаровске, Гайдар задумывает книгу «Такой человек» (другое рабочее название — «Мальчиш-Кибальчиш»). Главный ее герой — уже взрослый Борис Гориков, в прошлом командир, а затем инженер, у которого растет сын Алька. Но в процессе работы над книгой, которая получила название «Военная тайна», Гайдар отказался от намерения сделать ее второй частью «Школы». Борис Гориков стал Сергеем Ганиным.

В 1934 году в Ростове-на-Дону проходило краевое совещание детских библиотекарей. Участвовал в нем и Гайдар. На вопрос: «...Напишет ли он продолжение «Школы», Аркадий Петрович ответил: «Обязательно напишу. Борис будет еще не раз падать и ошибаться, но — в конце концов — станет хорошим человеком». (М. Жак «А. П. Гайдар в Ростове». Рукопись. Архив клуба «Пусть светит» при школе № 5 им. А. П. Гайдара в Ростове-на-Дону.)

В феврале 1935 года, живя в Арзамасе, Гайдар сообщил журналисту: «Я получил годичную творческую командировку и избрал Арзамас, как самое подходящее место для работы над второй частью «Школы». Сюда герой повести возвращается с фронта и некоторое время проживает здесь...» (см. с. 373 наст. т.).

Это было последнее дошедшее до нас упоминание о второй книге «Школы», которая и в Арзамасе завершена не была. Здесь А. П. Гайдар задумал и вчерне написал рассказ «Хорошая жизнь» («Голубая чашка»).

Сохранившиеся главы повести «Обыкновенная биография» при жизни автора не печатались. Впервые, с некоторыми сокращениями, они

были опубликованы в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951 и в том же виде вошли в первое Собрание сочинений.

В настоящем издании «Обыкновенная биография» печатается полностью по автографу (ЦГАЛИ, ф 1672, оп. I, ед. хр. 35)

* * *

Стр. 104. Август Бебель «Женщина и социализм» — (см. т III, с. 362)

Стр. 106. «Ты прикреплена к приюту?.. а ты была хоть один раз в детраспределителе?» Детский приют — так до революции называлось благотворительное учреждение для воспитания сирот и беспризорных детей. Детраспределитель — детский распределитель, специальное учреждение, возникшее в годы революции и гражданской войны, куда присылали детей, которые остались без родителей. Отсюда они поступали в приюты (которые позднее стали называться детскими домами).

Стр. 106. «А в распределители пленбежа бежала?» — Центр пленбеж — декретом СНК от 27 апреля 1918 г. была создана Центральная коллегия о пленных и беженцах, которой была поручена организация отъезда беженцев и военнопленных первой мировой войны на родину.

«СИНИЕ ЗВЕЗДЫ»

Повесть была задумана А. П. Гайдаром в конце 1933 года в Москве. 3 декабря Аркадий Петрович занес в Дневник: «Надо садиться за «Синие звезды» (см. с. 295 наст. т.). А в первом номере журнала «Пионер» за 1934 год уже появилось начало повести. Журнал в иных случаях приступал к печатанию больших вещей известных авторов, имея только общий план и первые главы.

Дневник за 1933—1934 гг. позволяет увидеть важнейшие этапы работы писателя над «Синими звездами». Гайдар тщательно продумывал последовательность эпизодов, компоновку отдельных глав, заносил в тетрадь психологические характеристики действующих лиц, прослеживал мотивы их поступков.

Одна-две строчки в Дневнике перерастали затем в полные драматизма эпизоды повести. Так, запись от 26 декабря 1933 г. — «Нельзя двигаться. Раз поставили — значит стой» (с. 297 наст. т.) — воплотилась в главу о гибели отца Кирюшки и месте каждого человека в жизни

Мы находим в Дневнике и отрывки неосуществленных глав:

«Калюкин на суде бросает Сулину реплику:

— Врешь, такие рабочие не бывают!

Мишка Бессонов неожиданно встает за Калюкина (на суде)» (см. с. 298 наст. т.).

Из набросков видно, что книга должна была завершиться разоблачением Сулина. Но почему же рядом с «умным скрытым врагом» на скамье подсудимых оказался бедняк — активист Калюкин? Ответ мы находим в том же Дневнике: «Сулин по приезде останавливается возле Калюкина и перекладывает четыре штуки (магнето для тракторов.— Б. К.) вместо потерянных. Сулин говорит: «Свези подводу сам». Калюкин сдает (детали.— Б. К.) и замечает, что у него не хватает». (Запись после 8 апреля 1934, с. 302 наст. т.)

Видимо, Сулин свалил вину за исчезнувшие магнето на Калюкина, однако старику на помощь пришел тракторист Мишка Бессонов.

11 марта 1934 года Гайдар записал: «В дом отдыха не поехал, а спрятался дома и думаю к середине апреля закончить «Синие звезды» (с. 298 наст. т.).

Но две недели спустя, 25 марта, Гайдар внезапно, «рывком» уезжает из Москвы в поселок Ивня Курской области, где в ту пору жил его сын Тимур с матерью, Л. Л. Соломянской, которая в ту пору была редактором газеты политотдела МТС.

Здесь он активно сотрудничает в местной политотдельской газете, вникает во все детали того, как идет посевная, знакомится с начальником политотдела совхоза; впоследствии секретарем райкома партии С. Д. Ивочкиным, который оказался хорошим руководителем и прекрасным собеседником. Гайдар стал очевидцем большого несчастья, которое произошло в совхозе: «У Ивочкина беда — подожгли конюшни. Сгорело 26 лошадей» (Дневник от 19 апреля 1934 г. с. 305 наст. т.).

При этом Аркадий Петрович ни на день не прерывал работы над рукописью, отсылая готовые страницы в «Пионер».

24 апреля Гайдар возвратился в Москву. И здесь работа внезапно остановилась. «Май — жара,— отмечает Аркадий Петрович в Дневнике.— Очевидно, «Синие звезды» должны быть закрыты тучами». И 10 мая: «Очень устал...» (см. с. 305 наст. т.).

Печатание повести прервалось. Из трех задуманных А. П. Гайдаром частей «Синих звезд» были опубликованы только две.

Редакция и автор рассматривали этот перерыв, как временный. В феврале 1935 года, в Арзамасе, отвечая на вопросы журналиста, Гайдар сообщил: «Помимо второй части «Школы», я буду заканчивать свою повесть «Синие звезды» (см. с. 373 наст. т.).

Но повесть, как она поначалу была задумана, больше не удовлетворяла автора. Жизнь оказалась сложнее той событийной схемы, которая

легла в основу повести «Синие звезды». Об этой перемене замысла Гайдар в шуточной форме написал И. И. Халтурину (см. письмо от 28 марта 1935 г. — с. 378 наст. т.).

В Арзамасе Гайдар к «Синим звездам» не приступал: его увлек новый замысел: рассказ «Хорошая жизнь» («Голубая чашка»).

Но весной 1936 года Аркадий Петрович вновь обратился к повести. 10 марта он сообщал из Ялты Б. А. Ивантеру: «Я работаю. Однако чертова работа подвигается вовсе не так быстро, как я бы хотел. Но зато подвигается *хорошо*. На этот раз будь твердо уверен, что «Талисман» от тебя не уйдет» (с. 384 наст. т.). «Талисманом» до 1937 года именовались, как было отмечено в издательском договоре, «бывшие «Синие звезды» (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 14, л. 5).

16 июля 1936 г., в другом письме к Б. А. Ивантеру, Гайдар сообщал, что к осени вернется «с книгой» (см. с. 385—386 наст. т.). Но ни в журнале, ни отдельным изданием «Талисман» («бывшие «Синие звезды»), так и не появился. Где находится рукопись, неизвестно.

При жизни писателя «Синие звезды» отдельной книгой не выходили и в сборники его произведений не включались. Повесть была впервые перепечатана в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, и затем — в Собрании сочинений.

Публикуется по тексту: А. Гайдар «Синие звезды», «Пионер», 1934, № 1—13.

Стр. 108. «взорвался только что разожженный... горн». Горн — простейшая печь для плавки металла. Служит также для нагрева заготовок перед ковкой.

Стр. 115. «А большая у них (коммунистов.— Б. К.) сила в Германии». В начале 30-х годов коммунистическая партия была одной из самых многочисленных в Германии, она имела своих депутатов в парламенте (рейхстаге) и даже выдвигала своего кандидата — Эрнста Тельмана — в президенты.

Стр. 115. «А про паспорта ничего не пишут?» Паспорта для всех граждан, достигших 16 лет, постановлением ЦИК и СНК СССР были введены в нашей стране 27 декабря 1932 года.

Стр. 119. «Выслали Костюха». Для кулаков и других лиц, которые мешали колхозному строительству, существовала мера наказания — высылка в отдаленные районы страны.

Стр. 143. Клобук — головной убор монахов, черный высокий цилиндр без полей с покрывалом.

Стр. 147. «Два чувала зерна в грязи лежат». Чувал — мешок.

Стр. 160. «а у меня — ледокол «Красин». Ледокол «Красин» участвовал в спасении экспедиции Умберто Нобиле, который пытался в 1928 году достичь Северного полюса на дирижабле «Италия».

Стр. 170. «Фордзон» — сельскохозяйственный трактор, закупленный в США. ХТЗ и СТЗ — трактора советского производства, построенные на Харьковском и Сталинградском тракторных заводах.

Стр. 170. Работать исполу — значит отдавать кому-то половину своего заработка или урожая.

Стр. 170. Шкворень (или шворень) — здесь — металлический стержень, железная палка.

Стр. 171. «покрасневший, как пареный бурак». Бурак — красная свекла.

Стр. 174. Стратостат — надувной аппарат легче воздуха для полетов на большой высоте. В 30-е годы такие аппараты считались перспективным видом воздушного транспорта.

Стр. 180. «У меня в школе за всю зиму ни одного не уда не было». — Одно время в нашей школе существовала двухбалльная система оценок: «удовлетворительно» и «неудовлетворительно», сокращенно: «уд» и «неуд».

«ТАЛИСМАН»

(Семен Бумбараш)

Титульный лист рукописи с названием повести утрачен. В 1951 году, когда повесть впервые готовилась к печати в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», составители дали ей название «Бумбараш» — по фамилии главного героя. Теперь же на основе газетного интервью (т. II, с. 492), писем к Б. А. Ивантеру и других документов известно, что сам А. П. Гайдар называл свою будущую книгу «Талисман», а в издательском договоре от 9 сентября 1939 г. она именовалась «Семен Бумбараш» (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 12). Поскольку оба названия принадлежат автору, то, готовя настоящий том, издательство сочло возможным их объединить.

Замысел книги «Талисман» (Семен Бумбараш) возник у А. П. Гайдара в конце 1936 года.

В это время он «думает над новой повестью, набрасывает отдельные картины, много говорит о ней с друзьями и даже читает им первые страницы. А ранней весной 1937 года, оставшись в доме отдыха в Ялте один, уже не отрываясь, работает над ней... В ту пору Гайдар, попадая ли

к друзьям в гости или оставаясь один сам с собой, постоянно напевал старинную солдатскую песенку, которую очень любил:

Шел солдат с похода,
Зашел солдат в кабак,
Сел солдат на лавку,
Давай курить табак!»

(Р. Фраерман «Наш Гайдар», сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1964, с. 172.)

Настроение радостного подъема, в котором создавался «Талисман», передают письма. «Повесть я тебе сдам хорошую, — обещал А. П. Гайдар редактору «Пионера» Б. А. Ивантеру, — доволен будешь. Написал вчера такую фразу — что два часа ходил и улыбался... Да здравствует веселый Бумбараш, да здравствует юный человек — Иртыш — веселая голова». (Письмо от 17 февраля 1937 г. — с. 394 наст. т.)

Находясь в доме отдыха писателей, А. П. Гайдар читает страницы повести К. Г. Паустовскому и редактору журнала «Красная новь» В. В. Ермилову, который предлагает опубликовать «Талисман» в своем «взрослом» журнале.

Но летом того же 1937 года вышла повесть В. Катаева «Шел солдат с фронта» («Я — сын трудового народа»). В сюжете книги В. Катаева оказалось много совпадений с «Талисманом». Гайдар прервал работу над повестью. Только полтора года спустя, в 1939 году, он вновь возвратился к ней. В короткой заметке по случаю награждения его орденом Аркадий Петрович писал: «Работаю над повестью «Талисман» — рассказываю о том, как солдат искал счастье» (т. II, с. 492).

Но книга и на этот раз осталась незавершенной.

* * *

При жизни автора главы из повести «Талисман» (Семен Бумбараш) не публиковались.

Под названием «Бумбараш», без последней главы (встреча Иртыша с матерью) и с некоторыми другими сокращениями, повесть была впервые опубликована в сборнике «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951. И в том же виде вошла в первое Собрание сочинений.

Повесть «Талисман» (Семен Бумбараш) печатается по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 33).

Стр. 182. «Бумбараш солдатом воевал с Австрией». — В июле 1914 года началась первая мировая война. С одной стороны в ней участвовали Россия, Англия и Франция (позднее на стороне этих трех стран выступила и Япония). А с другой — Германия и Австро-Венгрия.

Стр. 182. Г р а м м о ф о н — механический аппарат с большой трубой для воспроизведения звука с пластинки (диска).

Стр. 183. «Говорили, что банда полковника Тургачева и полторы сотни казаков идут напролом... чтобы соединиться с чехами». — В 1918 году корпус чехословаков, сформированный из бывших военнопленных, с разрешения Советского правительства перебрасывался через Сибирь и Дальний Восток в Западную Европу. Корпус поднял антисоветский мятеж, организованный агентами западных держав при содействии меньшевиков и эсеров, захватил несколько городов. Мятежники были разгромлены Красной Армией.

Стр. 188. С к а л к а — деревянный валик для раскатывания теста или белья (когда его гладили без утюга).

Стр. 189. «А когда панихиду справляли». Панихида — христианская церковная служба, совершаемая над телом умершего, а также в годовщину его смерти или рождения.

Стр. 192. «Псалом царю Давиду». Правильно — «царя Давида». По библейской легенде, юноша-пастух Давид победил великана Голиафа. За это он был назначен военачальником и позднее стал царем. Псалмы царя Давида — торжественные гимны в честь бога.

Стр. 213. И г у м е н — настоятель мужского монастыря.

Стр. 213. В е ч е р н я — вечерняя церковная служба.

Стр. 213. Ч а с о с л о в — православная богослужебная книга, содержащая молитвы и песнопения, которые должны исполняться в церкви на протяжении суток.

Стр. 213. К р ы л о с — искаженное слово клирос — возвышение в церкви по обеим сторонам алтаря, на котором во время богослужения располагаются певчие.

Стр. 213. «Только возгласили ирмос». — Ирмос — поэтическая строфа, в которой сочетаются библейская песнь с христианскими гимнами.

Стр. 213. «Вдруг видим, брат Симон — к алтарю, да по царским вратам». — Алтарем в древности называли место для жертвоприношений. В христианских храмах с XV века алтарем именуют восточную часть храма, отделенную от остального помещения перегородкой, украшенной иконами, — иконостасом. Двустворчатая дверь в иконостасе, которая ведет в алтарь, называется царскими вратами.

«ХУЛИГАНЫ»

(Глина)

Когда была задумана и начата повесть «Хулиганы» (Глина), неизвестно. В письмах, дневниках, беседах с друзьями А. П. Гайдар об этой вещи никогда не упоминал.

По материалу и проблематике повесть «Хулиганы» (Глина) близка к книге «На графских развалинах» (см. т. III). И вероятней всего, была задумана в то же время — в 1927—1928 гг.

В бумагах писателя сохранился машинописный текст двух начальных глав повести «Хулиганы». Из них до сих пор была опубликована только одна — «Павлик-ябеда подслушивает разговор».

В Отделе рукописей Института мировой литературы им. Горького имеется другой экземпляр тех же глав с правкой автора. К нему приложена от руки написанная заявка А. П. Гайдара на повесть «Хулиганы» с пометкой издательского работника: «Архив. Заключен договор». Дата не указана.

Сохранившаяся рукопись и в особенности заявка, которая ниже приводится полностью, позволяют увидеть, какого масштаба вещь была задумана писателем:

«ХУЛИГАНЫ»

— приблизительно 7—8 печатных листов. Повесть рассчитана на возраст 14—16 лет.

1. Небольшое местечко верстах в двадцати от окружного города. Население крестьянское. Но крестьянствует поневоле. Раньше когда-то шла бойкая выделка кирпича. От кирпича, славившегося своими хорошими качествами, жили главным образом и мужики. В годы гражданской войны и разрухи прорвало плотину обширного лесного озера, и вода затопила низменные места, с которых добывалась первосортная глина.

С тех пор местечко пришло в упадок. Земля кругом плохая. Леса, озера. Одним хлебопашеством не проживешь. Стали мужики искать побочных заработков, уходить на приработки в город. Появилась за местечком дурная слава.

(Это общая обстановка).

2. Школа — плоха. Ребята хулиганят и разделены на две враждующие группы. Постоянное воровство, драки и ссоры... Так как пользовались школьники репутацией негодных и испорченных ребят, то из города прислали им учителя — известного своими педагогически-воспитательными способностями. Он горячо принялся за дело. Но тут оказалось, что подход его, который был бы правилен по отношению к другим детям, в данном случае оказался неправильным. Потому что корни вражды между двумя группами и корни хулиганства лежали вне пределов школы.

Вражда была отголоском борьбы двух половин населения — одной окончательно разорившейся и настаивавшей на переселении всего общества на новые, лучшие места. И другой — привыкшей к старому месту и надеявшейся путем хлопот о прирезке новой земли улучшить свое положение... Но прирезать земли — не обидев соседних исконных крестьян — было трудно. А переселяться далеко еще трудней.

Учитель же — хороший педагог, но не общественник — не мог видеть настоящих причин вражды детей, тем более что эти причины не были самими детьми осознаваемы.

Во главе враждующих партий стоят двое мальчуганов. Оба — типичные хулиганы — с точки зрения и учителя, и родных... Впрочем, партии не всегда враждуют, и когда дело идет о том, чтобы сжечь школу, — обе группы сообща и деловито обсуждают план.

Школа сожжена... Учитель уехал. На местечко махнули рукой и ограничились только тем, что устроили количество милиции.

Но и это не помогло.

3. В это время у матери одного из хулиганистых мальчуганов снимает на лето под жилье сарайчик некий городской человек, все имущество которого заключается в плохоньком ружьишке да двухрядной гармонии.

О человеке этом мы узнаем, что был он студентом, потом был уволен по малоуспешности — вследствие болезни, оставшейся у него после участия в гражданской войне. Потом работал чертежником. Накопив сотню рублей, он уехал в глушь — с тем, чтобы, шатаясь по лесам, подкрепить свое здоровье.

Ни физическими качествами, ни особой храбростью он не обладает. Но он хороший дипломат — он понимает характер и настроения ребят. Ничему их не поучая — многому даже учась у них, — он сумел постепенно завоевать симпатии одного из вожakov. Тонко и умело (переключает) он избыток свободного времени, ушедшего у ребят на хулиганство, на более здоровые, хотя зачастую все еще рискованные соревнования.

Шатаясь по окрестностям, он открывает — нечаянно — в горе пещеру, начало которой служило чем-то вроде штаба для одной из враждебных группировок.

Обладая некоторыми топографическими познаниями и исследовав до конца пещеру, он приходит к заключению, что та работа по осушению затопленных месторождений глины, которая казалась почти невыполнимой (из-за необходимости прорывать большой массив) может быть осуществима своими силами. Для этого требуется только прорыть или взорвать заднюю стену пещеры — и вода сама хлынет тогда по руслу оврага.

Между тем среди враждующих сторон происходят перегруппировки. ...Большинство переходит под влияние студента — меньшинство же во

главе с сильно хулиганистым, но умным и настойчивым вожакom — откалывается.

Однако к тому времени, когда должен произойти спуск воды, вожак враждебной группировки, оставшийся почти в одиночестве, оказывает всем ценную услугу, хотя и гибнет сам при этом.

В повести будет небольшой элемент приключенчества и героизма, но посильного для ребят.

В общем же, повесть бытовая. Главный упор повести будет на то, чтобы показать — как именно удалось переключить хулиганскую разнузданность в русло здорового приключенчества. Как именно надо было подойти к ребятам — казавшимся вконец испорченными и неисправимыми.

Гайдар

Как видно из публикуемых глав и заявки, Гайдар предполагал затронуть большой круг вопросов, но главной должна была стать проблема «трудных подростков».

В рукописи название «Хулиганы» взято писателем в кавычки. Это сразу придает заголовку иронический оттенок. Ирония заключается и в том, что в поединке с этими мальчишками должен был потерпеть поражение «специально такой учитель», который «где-то раньше хулиганов-беспризорников обучал».

Помочь ребятам найти себя призван был как бы случайный человек — бывший студент, явный неудачник, но в его судьбе было обстоятельство, которое, как всегда у Гайдара, вдруг по-особому высвечивало образ: студент-неудачник участвовал в гражданской войне. Там он обрел мудрость и опыт, которые должны были помочь ему пробудить доброе и человеческое в мнимых хулиганах.

Несколько слов о содержании двух сохранившихся глав. Здесь мы знакомимся с персонажами, двое из которых должны были играть в дальнейшем заметную роль: это секретарь сельского совета Алалыкин и краснознаменец (так в 20—30-е годы называли награжденных орденом Красного Знамени), но опустившийся человек Рыбаков.

Алалыкин — умный проходимец и авантюрист, который прибрал к рукам всю власть в поселке. Рыбаков — человек с героической, однако изломанной судьбой.

Видимо, в неосуществленных главах писатель предполагал рассказать, в чем проявился героизм Рыбакова в годы гражданской войны и какая беда, какое неутрахающее горе привели его к тому, что он опустился. Однако важно и другое: короткая сцена в кабаке «Родной край» позволяет думать, что именно Рыбакову предстояло в дальнейшем разоблачить темные дела «всесильного» Алалыкина.

При жизни автора главы повести «Хулиганы» (Глина) не публиковались. Глава «Павлик-ябеда подслушивает интересную новость» печаталась в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара» 1951 г. и в Собрании сочинений.

Фрагменты второй главы — «Родной край» — и заявка на повесть «Хулиганы» печатались в статье С. Шамаевой «Поиски увенчались успехом» (журнал «Детская литература», 1977, № 2, с. 38—46).

Главы повести «Хулиганы» (Глина) и заявка на книгу публикуются по автографу (ИРЛИ, Отдел рукописей, ф. 402, оп. I, ед. хр. 1).

Стр. 241. Кошмовальная фабрика — производила кошму, то есть войлочные ковры из овечьей или верблюжьей шерсти.

Стр. 244. «Другой бы на его месте такие турысы развел». Турысы на колесах — в средние века это было дощатое сооружение на низких колесах. Применялось для осады крепостей. Позднее выражение «нести турысы на колесах» означало хвастаться, попусту болтать.

ДНЕВНИКИ

А. П. Гайдар вел дневники с тринадцати лет (см. Дневник «Товарищ» за 1917—1918 гг.). Но постоянные переезды с места на место не позволяли писателю создавать и беречь свой архив. Сохранилось только несколько дневниковых тетрадей.

Особенно не повезло военным дневникам. В 1922 году, в Сибири, во время погони в тайге за бандами атамана Соловьева, начальник второго боевого района по борьбе с бандитизмом Аркадий Голиков потерял сумку с тетрадями, в которых он делал записи «для себя». (Свидетельство П. М. Никитина. Архив Б. Н. Камова.)

Вел А. П. Гайдар дневник на фронте и в партизанском отряде под Леплявою осенью 1941 года. (Свидетельство А. Ф. Башкирова — сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1964, с. 126.) Местонахождение его неизвестно.

Вполне вероятно, что в частных архивах еще обнаружатся дневники А. П. Гайдара, которые относятся к концу 20-х и второй половине 30-х годов.

«ТОВАРИЩ»

календарь для учащихся на 1917—1918 учебный год.

«Товарищ» — карманного формата книжечка. Для записей в ней отводилось очень мало места — одна строчка на все события дня.

Большую часть страниц (календарь был отпечатан на тончайшей бумаге) занимали разнообразные сведения по физике, химии, астрономии, математике, географии, истории; статистические сведения о России и других государствах.

Сохранила Дневник мачеха писателя, Л. П. Голикова (1900—1973). В 1969 г. «Товарищ» поступил в ЦГАЛИ.

Дневник «Товарищ» со значительными сокращениями публиковался в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951. А затем, в том же виде, был напечатан в первом Собрании сочинений. В настоящем издании публикуется полностью по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. II, ед. хр. 1).

Стр. 249. Флигель на бывшей Новоplotинной улице, 25 (ныне улица Горького), где семья Голиковых жила с 1912 по 1918 гг., сохранился. В нем 22 января 1964 года был открыт — первый в стране — Арзамасский государственный мемориально-бытовой музей А. П. Гайдара.

Стр. 249. В оригинале в графе «Мое рождение» рукой Аркадия Голикова написано: «Льгов Курской губернии, 9 февраля 1904 г.» (по ста-

рому стилю). На самом деле А. П. Гайдар родился 9 января 1904 года. Об этом Аркадий Петрович сообщал, в частности, и своему другу, С. Г. Розанову: «Сережа! Завтра — 22 января — мне стукнет ровно без шести лет сорок!» (Письмо от 21 января 1938 г. — см. с. 400 наст. т.) Но самым убедительным доказательством являются два недавно найденных документа. В обнаруженном З. Е. Ерофеевой «Формулярном списке о службе старшего штатного контролера Нижегородского акцизного управления, коллежского регистратора П. И. Голикова» говорится, что П. И. Голиков «имеет детей: сына Аркадия, родившегося 9 января 1904 г., дочь Наталью, родившуюся 1 апреля 1905 г., дочь Ольгу, родившуюся 1 июля 1908 г., дочь Екатерину, родившуюся 10 января 1910 г.» (Госархив Горьковской обл. ф. 63, оп. 262, дело 198. Публикуется впервые.)

Другой документ найден С. Ф. Кирилюком. Это регистрационная книга поступавших в Арзамасское реальное училище. Там имеется запись: «Мая 1914 г. № 22. Голиков Аркадий, рождения 9 января 1904 года...» (Арзамасский филиал Госархива Горьковской обл. ф. 143, оп. I, ед. хр. 3, с. 97.)

Вот почему, во избежание каких-либо неясностей, редакция сочла нужным дату «9 февраля», ошибочно указанную в Дневнике «Товарищ», опустить.

Стр. 250. Керенский А. Ф. (1881—1970) — член партии эсеров. С лета по октябрь 1917 г. был главой контрреволюционного Временного правительства и верховным главнокомандующим.

Стр. 250. Крыленко Николай Васильевич (1885—1938) — советский партийный и государственный деятель. Член партии большевиков с 1904 г. Входил в состав первого Совета Народных Комиссаров. В 1917—1918 гг. — верховный главнокомандующий Вооруженными Силами Советской России.

Стр. 250. Смирнов Иван Алексеевич — первый и бесменный директор Арзамасского реального училища, основанного в 1904 году. Пользовался всеобщим уважением. Отличался прогрессивностью взглядов.

По отзывам бывших учеников, И. А. Смирнов был врожденный педагог, талантливый администратор, любил детей. Реалисты называли его «наш дедушка». Из числа выпускников училища составилось ядро первой большевистской организации Арзамаса: Е. Гоппиус, Н. Березин, братья Зиновьевы, А. Голиков и др. Многие ученики реального стали позднее видными инженерами, крупными учеными, литераторами, генералами Советской Армии.

И. А. Смирнов оставался директором училища (в 1918 г. переименованного в «школу второй степени») до самой своей смерти.

Стр. 250. Соколов Николай Николаевич принадлежал к числу наиболее образованных преподавателей училища. Он первым обратил внимание на литературные способности Аркадия Голикова и активно содействовал их развитию. Н. Н. Соколов привел Голикова и в клуб большевиков.

После революции Н. Н. Соколов был редактором первой в Арзамасе большевистской газеты «Молот» (секретарем к себе в редакцию он взял Аркадия Голикова), заведовал отделом народного образования, а в 20—30-е годы жил в Ленинграде и работал в Военно-политической академии им. Н. Г. Толмачева.

В книге «Школа» А. П. Гайдар вывел Н. Н. Соколова под именем «ремесленного учителя» Галки. «Галка» — это было прозвище Н. Н. Соколова в реальном училище.

Стр. 250. «Отец Иван». Полное имя законоучителя — Иван Федорович Троицкий. Отличался беззлобным характером, но не терпел вопросов и требовал знания «на зубок» библейских текстов. За оскорбительное высказывание о Л. Н. Толстом был весной 1917 г. уволен из реального училища.

Стр. 250. Онищенко Михаил Нестерович (1881—1980). Сын сторожа. Окончил Московский университет. С 1908 по 1924 г. преподавал в Арзамасском реальном училище, которое позднее стало школой второй ступени. После смерти И. А. Смирнова — ее директор. Был научным сотрудником Академии наук БССР. Преподавал в Горьковском университете, заведовал кафедрами математики в Институте марксизма-ленинизма (г. Горький) и в Горьковском педагогическом институте им. М. Горького. Умер на 99 году жизни.

Сохранились короткие «Воспоминания» М. Н. Онищенко об Аркадии Голикове: «Впервые я познакомился с Аркадием, когда он вместе с Н. Н. Соколовым... пришел ко мне на квартиру с просьбой рекомендовать ему книгу по истории математики древнего и современного периода, что я и выполнил тут же, передав ему элементарную историю математики...

Аркадий интересовался и математикой, ее практическим применением, и историей. Он был постоянным членом кружка физико-математического и естественного...» (М. Н. Онищенко. «Воспоминания». 1968. Рукопись. АГМГ. Ед. хр. 2691—2. Публикуется впервые)

Стр. 250. Бернатович Софья Вацлавна. — «Молодая, красивая, прекрасно владевшая французским языком, она быстро завоевала симпатии всего класса» (А. Гольдин. «Невыдуманная жизнь», с. 15).

У А. П. Гайдара на всю жизнь осталась любовь к французскому языку, которым он продолжал заниматься даже в зрелые годы. Аркадий

Петрович часто писал записки и письма друзьям по-французски, но русскими буквами.

Стр. 250. Ш м и т Э л ь з а К а р л о в н а.— А. П. Гайдар вывел Э. К. Шмит в повести «Школа» под именем «немки Эльзы Францисковны» (см. т. I, с. 111)

Стр. 250. Р о г о в и ц к и й Н и к о л а й В и к т о р о в и ч — окончил Строгановское художественное училище в Москве. Основная профессия — архитектор. По его проекту в 1909 г. было построено здание Арзамасского реального училища (ныне — Дом Советов), где Н. В. Роговицкий преподавал рисование и черчение. После Великой Отечественной войны он работал в проектно-институте в Москве.

Стр. 250. К а л и н о в с к и й К о н с т а н т и н И в а н о в и ч. «Это был жизнерадостный, простой и веселый человек. Он никогда не пользовался книгами на уроках, говорил красочно, живо... По воскресным дням иногда он устраивал просмотр диапозитивов по разным разделам географии. А весной устраивал прогулки с учениками за город...» (А. С. Дунаевский. «Арзамас 1913—1920 гг.» Очерк. Рукопись. АГМГ Ед. хр. 3061. Публикуется впервые.)

В повести «Школа» К. И. Калиновский выведен под именем «учителя географии Малиновского» (см. т. I, с. 84)

Стр. 250. П р о н и н А л е к с а н д р А л е к с е е в и ч выведен в незавершенной повести «Обыкновенная биография» под именем Александра Васильевича Воронина (см. с. 95—96 наст. т.) «А. А. Пронин, которого долгое время принимали за странного, молчаливого чудака, «в 1917 году... удивил... всех своей активностью в Октябрьском перевороте. Он вел колоссальную работу в горсовете, в горкоме партии (большевики.— *Ред.*)... Оказывается, он ненавидел учебник истории (по которому преподавал.— *Б. К.*) и... был молчаливым врагом самодержавия». (Н. И. Козин. «Весна». Рукопись. АГМГ, ед. хр. 4570—13, л. 76. Публикуется впервые.)

Стр. 251. А л л е г о р и я — буквально означает иносказание. В искусстве часто пользуются аллегорией для выражения отвлеченных понятий через конкретный образ. Так, правосудие многие художники изображали в виде женщины с завязанными глазами и весами в руках.

Видимо, на уроках литературы ученики должны были написать о тех примерах аллегорин в искусстве, которые им были известны.

Стр. 251 «Г о л и к о в — 2 0 г о л о с о в». По воспоминаниям школьных товарищей, в классе, где учился Голиков, «были вожаки, и самым авторитетным из них был Аркадий». Зимой, когда замерзала речка

Тёша и молодежь высыпала на лед кататься на коньках и санках, мальчишки из Выездной слободки собирались в большую ватагу «бить городских». Аркадий Голиков «всегда был... командиром, объединявшим городских мальчишек», которые «ему охотно подчинялись». (Письмо С. М. Сокольского к Т. Н. Щегловой от 16 декабря 1973 г. АГМГ. Ед. хр. 3163. Публикуется впервые.)

Стр. 251. «К а л е в а л а» — величайшее произведение финского эпоса — собрание древних легенд, песен, молитв и заклинаний. Одним из главных героев «Калевалы» является Вейнемейнен — богатырь, волшебник, песнопевец.

Стр. 252. «Б ы л у Р е й с т а». «Р е й с т» — кинотеатр в Арзамасе (был так назван по имени своего владельца).

Стр. 253. «К а т и н ы и м е н и н ы». К а т я — младшая сестра Аркадия Голикова.

Стр. 253. По свидетельству А. М. Гольдина, школьного товарища А. П. Гайдара, «Аркадий... организовал классный журнал, был избран его редактором... Вот где надо, по-видимому, искать начало его журналистской деятельности». (А. Гольдин. «Невыдуманная жизнь», с. 31.)

Стр. 254. «В а р н а в а был настоятелем мужского монастыря на Высокой горе... В тот день (о котором идет речь в Дневнике Аркадия Голикова.— Б. К.) в церкви собралось много народу. По всем церковным правилам Варнава предал большевиков анафеме». (А. Гольдин. «Невыдуманная жизнь», с. 29.) На Высокую гору был послан красновардейский отряд. В его составе находился и Аркадий Голиков. В монастыре было обнаружено много оружия, золота, драгоценностей и контрреволюционной литературы. Варнава был арестован.

Стр. 254. «М е н я р а н и л и н о ж е м в г р у д ь н а п е р е к р е с т к е». Покушению предшествовали анонимные письма с угрозами за сотрудничество с большевиками. К счастью, удар оказался несильным. Аркадий Голиков отделался царапиной и испугом.

Стр. 255. Б е р е з и н Н и к о л а й С е р г е е в и ч (1900—1937) — выпускник Арзамасского реального училища, друг А. П. Голикова. Один из первых членов партии большевиков в городе. В 1917—1918 гг.— председатель Арзамасского городского, а затем и уездного комитета РКП(б). В марте 1921 года в числе 300 делегатов X съезда партии участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа. Работал в Наркомате рабоче-крестьянской инспекции. Делегат XVI и XVII съездов ВКП(б). В 1930—1934 гг.— начальник Политуправления Гражданского воздушного флота.

Стр. 256. Писарев Дмитрий Иванович (1840—1868) — русский публицист и литературный критик, революционер-демократ. В 1862—1866 гг. был заключен за революционную пропаганду в Петропавловскую крепость.

Стр. 256. Дарвин Чарлз Роберт (1802—1882) — английский естествоиспытатель.

Стр. 256. Бокль Герберт Томас (1821—1862) — английский историк и социолог. Ни дня не учился в школе. Путем самообразования овладел за короткий срок 19 языками и основами многих наук, став выдающимся ученым. Его книга «История цивилизации в Англии» пользовалась большой известностью, особенно среди молодежи.

Стр. 257. «Надо спросить про билеты у Цыбышева». О Цыбышеве П. П.— см. статью «Памяти П. Цыбышева» (с. 8 наст. т.) и комментарии к ней.

ТЕТРАДЬ ЗА 1931 ГОД

Дневник «Дальние страны» за 1931 год — общая тетрадь. Уезжая в конце 1931 года на Дальний Восток, в Хабаровск, А. П. Гайдар оставил тетрадь вместе с другими своими рукописями в поселке Кунцево под Москвой, у хозяев дачи, которую он снимал в 1930—1931 гг.— Большая Кунцевская улица, 24.

Полтора десятилетия спустя на чердаке этого дома был обнаружен ящик с бумагами А. П. Гайдара, среди которых оказался и публикуемый дневник. Находка была передана в архив. (Б. Рябкин, «Дом на Большой Кунцевской». «Учительская газета», 1964, 18 января.)

Дневник за 1931 год впервые напечатан, с сокращениями, в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, а затем в том же виде — в первом Собрании сочинений. Публикуется по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 23).

Стр. 260. «Встреча с сууксукцами». Сууксу — так по названию местности именовался дворец на территории нынешнего пионерского лагеря «Артек» в Гурзуфе. До 1936 года в этом дворце находился Дом отдыха ВЦИК. Летом 1931 года А. П. Гайдар встретился там с отдыхающими.

Стр. 261. «У одного «Обыкновенная биография» с моим портретом». Это было первое издание «Школы» в «Роман-газете для ребят» (повесть тогда еще называлась «Обыкновенная биография»). Книгу открывала автобиография «Командир отдельного

полка» (см. т. III, с. 5). Тут же был помещен портрет автора в военной форме, с оружием. Текст под снимком гласил: «Арк. Гайдар, 16 лет, командир 4 роты, 303 полка 34 Кубанской дивизии. 1920 год. Кавказский фронт».

Стр. 261. Ш и ш м а р е в Ф е д о р Ф е д о р о в и ч — работал главным врачом и начальником пионерского лагеря «Артек». Погиб в годы войны в блокадном Ленинграде.

Стр. 263. «П р и ш е л Л я л и н, х о р о ш и й п а р е н ь...» Л я л и н Н а т а н А л е к с а н д р о в и ч (род. в 1902 г.) — участник гражданской и Великой Отечественной войн, в 1931 году был главным редактором «Пионерской правды». В настоящее время — персональный пенсионер.

Стр. 263. Л я д о в а В е р а Н а т а н о в н а — известный комсомольский работник. Была главным редактором «Пионерской правды», директором Научно-исследовательского института детской литературы, потом заведовала детским сектором издательства «Молодая гвардия». Оказывала А. П. Гайдару большую поддержку и помощь в издании его произведений (см. также письмо А. П. Гайдара к С. Д. Разумовской от 11 февраля 1935 г. — с. 374 наст. т.).

Стр. 264. «И с т о р и я с д е в о ч к о й, к о т о р а я у к р а л а 2 2 р у б л я». В «Артеке» долго помнили эту историю. Девочка взяла чужие деньги, спрятала их в разных местах, а потом не могла вспомнить где. А. П. Гайдар помог ей отыскать недостающие рубли и приложил немало усилий, чтобы товарищи простили девочку за ее нелепый поступок.

Стр. 264. «Б о л ь н и ц а... Ф е д ь к а». Записи от 7 августа, как и последующие («Работаю. Похороны») — это наброски плана второй книги «Школа» (подробнее см. комментарии к повести «Обыкновенная биография» — с. 448 наст. т.).

ТЕТРАДЬ ЗА 1932 ГОД

Дневник за 1932 год А. П. Гайдар подарил своему другу И. И. Халтурину. В 1976 году, после смерти Халтурина, тетрадь была передана в Каневскую библиотеку-музей А. П. Гайдара.

Отрывки из Дневника за 1932 год были опубликованы в книге В. Смирновой «Аркадий Гайдар». Критико-биографический очерк, М., «Советский писатель», в 1961 и во втором дополненном и исправленном издании в 1972 г.

В Собрании сочинений Дневник печатается впервые с незначитель-

ными сокращениями по автографу, который хранится в Каневской библиотеке-музее А. П. Гайдара.

Стр. 265. Блюхер Василий Константинович (1890—1938) — выдающийся советский военный деятель. Член партии большевиков с 1916 г. Был награжден орденом Красного Знамени № 1.

Стр. 266. «Отправил телеграмму в ПУР — Николаю». Поляков Николай Иванович (1900—1943), командир и политработник, муж Н. П. Голиковой-Поляковой, сестры А. П. Гайдара. Работал в Политуправлении Красной Армии и Военно-Морского Флота.

Стр. 266. Милицын Степан Витальевич (1902—1968), журналист, друг А. П. Гайдара по работе в редакции пермской газеты «Звезда» (см. письмо А. П. Гайдара к С. В. Милицыну от 10 мая 1932 г. — с. 363 наст. т.).

Стр. 266. Рубановский Илья Маркович (?) — редактор издательства «Молодая гвардия». Друг А. П. Гайдара. Ему принадлежат очень интересные воспоминания о первой встрече с Аркадием Петровичем — «Человек в брезентовом пальто» (Альманах «Молодость». Л., «Молодая гвардия», 1927 год). При активном содействии Рубановского в «Молодой гвардии» вышли книги Гайдара «Всадники неприступных гор» и «На графских развалинах».

Стр. 266. Белогвардеец Горгулов, «поклонник Гитлера и Муссолини», стрелял во французского президента, чтобы «вызвать войну между Францией и СССР». Думер Поль (1857—1932) — французский политический деятель. В мае 1931 г. был избран президентом страны. Тардые Андре — французский политический деятель, был противником сближения Франции с Советским Союзом.

Стр. 267. «Очень важное постановление ЦК о мясозаготовках». Речь шла о постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б), опубликованном в мае 1932 г. В документе говорилось о принятом решении «уменьшить вдвое Государственный план скотозаготовок на остающиеся три квартала 1932 г.».

Стр. 267. «Вечером поспорил с Титовым». Титов Елпидифор Иннокентьевич — известный на Дальнем Востоке журналист, заведовал международным отделом газеты «Тихоокеанская звезда».

Стр. 267. «Написал... памфлет о кроликах». 24 мая 1932 г. в «Тихоокеанской звезде» под рубрикой «Мало голосовать за кролика. Кролика надо разводить!» была опубликована статья А. П. Гайдара «От слов — к делу».

Стр. 267. «Тимур у Лили». Соломянская Лия Лазаревна — первая жена А. П. Гайдара, мать Тимура.

Стр. 267. Вострецов Степан Сергеевич (1883—1932) — герой гражданской войны. Был награжден четырьмя орденами Красного Знамени.

Стр. 268. «Немного улеглись толки о возможности войны». В начале 30-х годов японские милитаристы захватили часть континентального Китая — Маньчжурию, готовя плацдарм для нападения на Советский Союз. На границе то и дело возникали опасные конфликты.

Стр. 268. Кумирня — небольшая молельня, где вместо икон выставляли скульптурные изображения богов.

Стр. 268. Шацкий Иосиф Исаакович — журналист и партийный работник. В 1929—1930 гг. — редактор газеты «Правда Севера» в Архангельске. В 1932 — редактор «Тихоокеанской звезды».

Стр. 268. «Письмо Филову в Ростов». (О В. Филове см. примечания к письму А. П. Гайдара к Б. Н. Назаровскому от 17 сентября 1930 г. — с. 494 наст. т.).

Стр. 268. «Кольке в Севастополь» — имеется в виду Н. Ф. Кондратьев (см. примечания к письму А. П. Гайдара к Н. П. Голиковой от 9 октября 1923 г.).

Стр. 268. «Надо начать книгу «Такой человек» — это первое упоминание о замысле повести «Военная тайна».

Стр. 269. Котовский Григорий Иванович (1881—1925) — герой гражданской войны. В 1925 г. был предательски убит.

Стр. 269. Тухачевский Михаил Николаевич (1893—1937) — выдающийся советский полководец, впоследствии Маршал Советского Союза. Командовал войсками при подавлении антоновского мятежа в Тамбовской губернии. Приказом М. Н. Тухачевского А. П. Голиков был назначен командиром 58 отдельного Нижегородского полка.

Стр. 269. Меженинов Сергей Александрович (1890—1937) — советский военачальник. В гражданскую войну командовал армиями на Восточном, Южном и Западном фронтах.

Стр. 269. Подвойский Николай Ильич (1880—1948) — соратник В. И. Ленина, видный советский партийный и военный деятель. Член партии большевиков с 1901 г. Один из руководителей вооруженного

восстания в Петрограде в октябре 1917 г. Участвовал в создании Красной Армии. Был наркомом по военным и морским делам Украины.

Стр. 270. «наша батарея начинает громить Бендерские казармы» — подробности этого боя см. «В дни поражений и побед», т. III, с. 29—31.

Стр. 270. Фрунзе М. В. — см. комментарии к Автобиографии, 1941 г., с. 435 наст. т. Из дневниковой записи видно: вопреки широко бытовавшей легенде, личной встречи и беседы А. П. Голикова с М. В. Фрунзе не было.

Стр. 270. Вацетис Иоаким Иоакимович (1873—1938) — советский военачальник. В 1918 — командир латышского полка и латышской дивизии. В 1918—1919 гг. — главнокомандующий вооруженными силами Республики.

Стр. 271. Авербах Леопольд Леопольдович (1903—1939) — критик, литературный и общественный деятель. Был редактором журналов «Молодая гвардия», «На литературном посту» и генеральным секретарем РАПП. Его деятельность отличалась администрированием.

Стр. 271. Селивановский Алексей Павлович (1900—1938) — литературный критик. Член партии большевиков с 1919 г. Участник гражданской войны. Организатор и первый редактор журнала «Забой». С 1926 г. — один из руководителей РАППа (см. следующее примечание). Допускал в своих работах ошибки вульгарно-социологического толка.

Стр. 271. РАПП — Российская ассоциация пролетарских писателей. Существовала с 1925 по 1932 г. Борясь за партийность литературы, за привлечение в нее рабочих «от станка», руководители РАПП допускали существенные ошибки. В 1934 году, вместо РАПП и других литературных организаций, был создан единый Союз писателей СССР.

Стр. 272. Трофимова Анна Яковлевна (1898—1980) — детская писательница, друг А. П. Гайдара (см. письма к ней в наст. т.).

Стр. 272. Кулыгин Петр Гаврилович, Шишакин Борис Дмитриевич — журналисты, сотрудники «Правды Севера», затем — «Тихоокеанской звезды». Кулыгин в 1934 году летал бортмехаником вместе с Николаем Каманиным и участвовал в спасении челяускинцев.

Стр. 272. Попель Дмитрий Федорович (род. в 1905 г.) —

журналист, сотрудник тех же газет. В годы Великой Отечественной войны — военный корреспондент «Известий».

Стр. 273. Фельетон «Сережа, выдай...» опубликован в наст. томе, с. 83.

Стр. 273. «На днях послал открытку В. Донникову». См. письмо А. П. Гайдара к В. Н. Донникову от 19 июня 1931 г. (с. 360 наст. т.) и примечания к этому письму.

Стр. 274. Фельетон «Будет суд — будет приговор». 27 июня 1932 г. статья была опубликована в «Тихоокеанской звезде» под заголовком «Их дела ждут суровой кары». Это был репортаж из зала суда, где шел процесс над бывшими руководителями строительства автомобилеремонтного завода, которые бездушно относились к рабочим.

Стр. 275. Бергавинов Сергей Адамович (1899—1937). Мальчишкой начал революционную деятельность. В гражданскую войну прошел путь от рядового до комиссара бригады. С 1927 по 1931 год — секретарь Архангельского губкома (позднее крайкома) партии. Затем секретарь Хабаровского крайкома; в это же время в Хабаровске было все «ядро» редакции газеты «Правда Севера» во главе с И. И. Шацким. Позднее С. А. Бергавинов работал начальником политуправления Главсевморпути в Москве.

Стр. 275. «Ольга вышла замуж» — речь идет о родной сестре А. П. Гайдара — Ольге Петровне.

Стр. 275. «Письмо-заявление по закону Вебера — Фехнера и Крафта — Эбинга...» В общежитии, где А. П. Гайдар жил с товарищами, маляр выкрасил комнату в нелепый цвет. Гайдар твердо заявил, что в такой комнате не только работать, но и жить невозможно. «Давайте напишем заявление редактору», — сказал Гайдар товарищам. Был составлен текст, в котором, ссылаясь на закон Вебера — Фехнера о том, что цветовое впечатление пропорционально логарифму раздражения, и на высказывания Крафта — Эбинга о роли раздражения, Гайдар доказывал непригодность оранжево-зеленой комнаты для жилья. Редактор прочел заявление, хмыкнул (что означало у него удивление) и приказал перекрасить.

А на самом деле «законы», на которые ссылался А. П. Гайдар, были им выдуманы.

Стр. 276. «Отослал... письмо Разумовской». См. письма А. П. Гайдара к С. Д. Разумовской за 1934—1935 гг. и примечания к ним.

Стр. 276. Сельвинский Илья Львович (1899—1968) — известный советский поэт.

Стр. 286. Бодлер Шарль (1821—1867) — французский поэт, участник революции 1848 года.

Стр. 289. «Выйду из больницы — шарахну по ним хорошенькую статью поядовитей». 2 сентября 1932 г. А. П. Гайдар напечатал в «Тихоокеанской звезде» статью «За высокой стеной», в которой он разоблачил порядки в хабаровской городской больнице.

Стр. 290. Вересаев (наст. фамилия Смидович) Викентий Викентьевич (1867—1945) — русский советский писатель. В своей известной книге «Записки врача», которая впервые вышла в 1901 году, рассказал о тех трудностях, с которыми столкнулся после окончания медицинского института, начав врачебную деятельность.

Стр. 292. «Олеша и у Габриловича». Олеша Юрий Карлович (1899—1960) — советский писатель, автор романа-сказки «Три толстяка». Габрилович Евгений Иосифович (род. в 1899 г.) — советский писатель. Начинал литературную деятельность как прозаик. В настоящее время — киносценарист, Герой Социалистического Труда. По его сценариям поставлены фильмы «Мечта», «Коммунист», «Ленин в Польше», «Твой современник» и др.

Стр. 292. «Путешествие с Тимуром и Левкой». Лев Поляков — племянник А. П. Гайдара, сын Натальи Петровны. (См. стихотворные послания А. П. Гайдара к Л. Полякову за 1938 и 1939 гг. — с. 403—404 наст. т.)

Стр. 292. Злобин Степан Павлович (1903—1965) — советский писатель. Автор книг «Салават Юлаев», «Степан Разин», «Пропавшие без вести».

«В 1933 году, — вспоминал С. П. Злобин, — я работал старшим редактором детского художественного радиовещания. В то время у нас постоянно бывали многие детские писатели и, конечно, Гайдар, произведения которого или шли в виде радиокomпозиции, или просто передавались по радио. Особенно хорошо его произведения звучали в авторском исполнении — Гайдар читал свои рассказы с удивительным мастерством.

Меня с Гайдаром связывала большая дружба. Иной раз после работы, усевшись рядышком на редакционном столе и отчаянно дымя папиросами, мы читали друг другу только что написанную страничку, требовавшую обсуждения или товарищеского совета». (Ал. Лесс. «История одной фотографии», «Работница», 1964, № 1.)

Стр. 293. Серафимович (наст. фамилия Попов) Александр Серафимович (1863—1949) — писатель, один из

основоположников советской литературы. Широко известен его роман «Железный поток» о героическом походе Таманской армии, созданный в 1924 году.

Стр. 293. «Встреча на банкете с Салтановым». Салтанов Сергей Александрович (1904—1937) — товарищ А. П. Гайдара по Арзамасскому реальному училищу. Один из создателей уездной комсомольской организации в Арзамасе. С 1929 года — второй секретарь ЦК ВЛКСМ.

ТЕТРАДЬ ЗА 1933—1934 ГОДЫ

Дневник за 1933—1934 гг. — общая тетрадь в твердом картонном переплете. В 1934 году А. П. Гайдар подарил ее товарищу по работе в редакции «Тихоокеанской звезды», писателю Д. Д. Нагишкину (1909—1961).

В декабре 1981 года вдова Д. Д. Нагишкина, Г. И. Черная, подарила тетрадь Т. А. Гайдару.

Дневник А. П. Гайдара за 1933—1934 гг. впервые, с большими сокращениями, был опубликован в сборнике «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, а затем — в Собрании сочинений.

В настоящем издании Дневник публикуется с незначительными сокращениями по оригиналу, который хранится в архиве Т. А. Гайдара.

Стр. 295. «Кирюшка бежит к директору МТС». Кирюшка, Любка, Фигуран, Сулин, Костюх, Алексашка, Калюкин — персонажи повести А. П. Гайдара «Синие звезды».

Стр. 296. «Вечером вчера гулял с Эрккой и Светкой». Эра (Ирина) и Светлана — дочери детской писательницы А. Я. Трофимовой, в семье которой А. П. Гайдар поселился вскоре после возвращения с Дальнего Востока (см. письма к Эре (Ирине) и Светлане Трофимовым — в наст. т.).

Стр. 296. Ворошилов Климент Ефремович (1881—1969) — советский государственный, партийный и военный деятель. Один из организаторов и руководителей Красной Армии. Герой гражданской войны. Впоследствии — Маршал Советского Союза, Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

Стр. 296. «Вчера вечером пришел Ваня Халтурин». Халтурин Иван Игнатьевич (1902—1969) — литератор, знаток и редактор детской литературы. Друг А. П. Гайдара.

Стр. 296. «Матч Флор — Ботвинник». Флор Соломон Михайлович (род. в 1908 г.) — советский шахматист и журналист. Международный гроссмейстер. До 1938 года жил в Чехословакии. Ботвинник Михаил Моисеевич (род. в 1911 г.) — советский шахматист. Международный гроссмейстер. Впоследствии доктор физико-математических наук. Трехкратный чемпион мира.

Стр. 296. «Смирнов крепко все ломает». Смирнов Николай Иванович был директором детского издательства.

Стр. 297. Кожевников Алексей Венедиктович (1891—1980) — советский писатель, автор известных романов «Брат океана», «Живая вода», «Солнце ездит на оленях» и др.

Стр. 297. Луначарский Анатолий Васильевич (1875—1933) — выдающийся советский государственный и партийный деятель, соратник В. И. Ленина, писатель, критик, академик АН СССР. Состоял в Российской социал-демократической рабочей партии с 1895 г. Первый нарком просвещения. В 1933 году был назначен послом Советского Союза в Испании.

Стр. 298. «Калюкин на суде бросает Сулину реплику». Это набросок к неосуществленной главе «Синих звезд». Повесть должна была завершиться разоблачением Сулина и Костюха, которые тайно вредили колхозу.

Стр. 298. «Рыбаки ставят мережи». Мережа (или вентерь) — рыболовная сеть, натянутая на обруч.

Стр. 298. «25 февраля обо мне... хорошая статья в «Правде». В газете была опубликована статья В. Лядовой «О героях детской литературы», в которой большое место уделено повести «Школа».

Стр. 299. «Вкусами» А. П. Гайдара в шутку называл вкусные вещи.

Стр. 299. Ивантер Бениамин Абрамович (1904—1942) — журналист, писатель, главный редактор журнала «Пионер», друг А. П. Гайдара. (См. комментарии к письму А. П. Гайдара к Б. А. Ивантеру от 10 марта 1936 г.

Стр. 300. «Полуразрушенный дворец графа Клейнмихеля». В XVIII веке усадьба в Ивне принадлежала А. Н. Карамзину, сыну известного русского историка и писателя. «Новый владелец Ивни — царский придворный, граф К. П. Клейнмихель — поставил среди унылых полей и нищих деревень роскошный дворец... В 1920-е годы в граф-

ском дворце был организован детдом для голодающих Поволжья. Однажды, среди ночи, дворец запылал... Спасли только боковые приделы. В 1934 году в левом приделе — длинном и узком — был клуб совхоза имени Тельмана; в правом, двухэтажном — квартиры работников политотдела Ивнянской МТС. Здесь и поселили А. П. Гайдара» (Б. Осыков. «Аркадий Гайдар», стр. 181—182).

Стр. 301. «Ошую посадит всех жадных людей. А вас всех подряд — одесную». Ошую (правильно — ошуюю) — сажать кого-либо по левую руку, что считалось в древности знаком унижения или даже отвержения. Одесную — сидеть по правую руку — в знак благоволения и особой милости.

Стр. 304. «Летчики спасли уже 57 челюскинцев». В 1933 году на советском ледоколе «Челюскин» была предпринята попытка пройти за одну навигацию по Северному морскому пути от Мурманска до Владивостока. 13 февраля «Челюскин» был раздавлен льдами. Участники экспедиции — челюскинцы — были спасены нашими летчиками. Эти летчики первыми были удостоены звания Героя Советского Союза.

Стр. 304. Плаксина Мария Николаевна — друг боевой юности А. П. Гайдара.

Стр. 304. «Сегодня просматривал «Военную тайну». Может получиться хорошая книга». Повесть «Военная тайна» была задумана и в первом варианте написана в Хабаровске (см. Дневник за 1932 г.). Но Гайдар остался ею недоволен и отложил рукопись. Вновь к «Военной тайне» он обратился через год с лишним. И это явилось одной из причин того, что остались не завершены «Синие звезды» (см. Дневник от 13 июня — с. 306 наст. т.).

Стр. 306. «Эти рисунки я дарю Дальнему Востоку только за то, что он верит в «Военную тайну». Дарственная надпись сделана А. П. Гайдаром на последних страницах Дневника. Уже говорилось, что «Военная тайна» была задумана и в первом варианте написана в Хабаровске. По обыкновению, Аркадий Петрович читал многие страницы повести своим друзьям. Мнения разделились. В Дневнике А. П. Гайдара рукою писателя Д. Д. Нагишкина сделана запись:

«Спор: Гайдар, Житков, Кассиль, Барто, Гр. Замчалов». (Григорий Замчалов — детский писатель.)

Видимо, к этой полемике относится и последняя фраза А. П. Гайдара в том же Дневнике: «Ден (это было прозвище Д. Д. Нагишкина, составленное из первых букв его имени и фамилии — ДН.— Б. К.) —

спор будет разрешен через один год». Через год «Военная тайна» вышла отдельным изданием. Она пользовалась большим успехом у детей и взрослых (см. письмо орловских пионеров к А. П. Гайдару — с. 506 наст. т.).

ТЕТРАДЬ ЗА 1939 ГОД

Дневник за 1939 год сохранился в архиве писателя. Впервые, с сокращениями, тетрадь была опубликована в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, и в том же виде — в Собрании сочинений. Печатается полностью по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 23).

Стр. 307. «Проклятая «Судьба барабанщика» крепко по мне ударила». В начале 1938 года А. П. Гайдар закончил повесть «Судьба барабанщика», о которой сам писал в Автобиографии, 1937 г.: «Эта книга не о войне, но о делах суровых и опасных — не меньше, чем война» (т. II, с. 8). Повесть начали печатать в «Пионерской правде» и готовились выпустить отдельной книгой в Детиздате. Однако по причинам, которые неясны до сих пор, публикация повести прервалась, и книга вышла в свет лишь год спустя (см. Дневник от 14 июля 1939 года — с. 312 наст. т.).

Стр. 307. «О пять дела с кино». А. П. Гайдар весной 1939 года заключил договор на киносценарий «Судьба барабанщика» с московской киностудией «Союздетфильм».

Стр. 307. «28-го еду с Дорой в Ялту». В 1938 году А. П. Гайдар женился на Доре Матвеевне Чернышовой.

Стр. 307. Паустовский Константин Георгиевич (1892—1968) — писатель, друг А. П. Гайдара. В 30-е годы Паустовский создал широко известные книги «Кара-Бугаз», «Колхида», «Судьба Шарля Лонсевиля» и др. Паустовским написаны воспоминания «Встречи с Гайдаром» (сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1964, а также см. — К. Г. Паустовский. «Близкие и далекие», М., «Молодая гвардия», 1967).

Стр. 307. Каверин Вениамин Александрович (род. в 1902 г.) — писатель, автор книг «Исполнение желаний», «Два капитана», «Открытая книга» и др. О знакомстве с А. П. Гайдаром в Ленинграде в 1925 году, о встречах в Ялте весной 1939 года Каверин написал в своих воспоминаниях «Аркадий Гайдар» — В. Каверин, Собрание сочинений в 6 тт., М., ГИХЛ, т. 6, 1966.

Стр. 307. Финн Константин Яковлевич (1904—1975) — драматург.

Стр. 307. Диковский Сергей Владимирович (1907—1940) — писатель, автор книг о пограничниках «Застава №», «Приключения катера «Смелый». Погиб во время войны с белофиннами.

Стр. 307. Тренев Константин Андреевич (1876—1945) — драматург, автор пьесы «Любовь Яровая» и др.

Стр. 307. Вирта Николай Евгеньевич (1906—1976) — писатель.

Стр. 307. Уткин Иосиф Павлович (1903—1944) — поэт. Погиб на фронте.

Стр. 307. Петров (наст. фамилия Катаев) Евгений Петрович (1903—1942) — прозаик, драматург. В содружестве с Ильей Арнольдовичем Ильфом (1897—1937) создал романы «12 стульев» и «Золотой теленок». Е. П. Петров погиб на фронте.

Стр. 307. Асеев Николай Николаевич (1889—1963) — поэт.

Стр. 307. Лагин Лазарь Иосифович (1903—1979) — писатель. В 1938 году в журнале «Пионер» впервые опубликовал свою повесть-сказку «Старик Хоттабыч».

Стр. 308. Пастернак Борис Леонидович (1890—1960) — известный поэт, прозаик и переводчик. Автор историко-революционных поэм «Девятьсот пятый год», «Лейтенант Шмидт» и многих сборников стихов. Б. Л. Пастернак переводил на русский язык произведения В. Шекспира, И. Гете и других поэтов.

Стр. 308. Разумный Александр Ефимович (1891—1972) — кинорежиссер. Постановщик детских фильмов «Личное дело» и «Тимур и его команда». (Подробнее см. комментарии к письму А. П. Гайдара к А. Е. Разумному от 9 мая 1939 г. — с. 517 наст. т.)

Стр. 308. Андриевский Александр Николаевич (род. в 1899 г.) — (см. примечания к телеграмме А. П. Гайдара от 30 мая 1939 г. — с. 517 наст. т.).

Стр. 308. Розанов Сергей Григорьевич (1894—1957) — детский писатель и драматург, друг А. П. Гайдара. (Подробнее см. письмо А. П. Гайдара к С. Г. Розанову — июнь 1938 г. — и комментарии к нему — с. 515 наст. т.)

Стр. 308. Пискунов Константин Федотович (1905—1981) — видный редакционный и издательский работник. Начал тру-

даться с 12 лет. В 16 лет — рабочий 1 Образцовой типографии Госиздата. В 1928 г. был выдвинут комсомольской ячейкой на редакционную работу в Детский отдел Госиздата. В 1933—1941 — старший редактор, заведующий редакцией Детиздата. В 1941 году ушел на фронт добровольцем. После ранения в 1943 г. демобилизован. С 1944 по 1948 г. — заведующий редакцией Детиздата. С 1948 по 1974 г. — директор издательства. При жизни А. П. Гайдара К. Ф. Пискунов был редактором его книг. После гибели писателя много сделал для издания и пропаганды его произведений. При активном участии К. Ф. Пискунова были задуманы и выпущены сборник «Жизнь и творчество А. П. Гайдара» (три издания) и первое Собрание сочинений А. П. Гайдара в 4 томах (оно выдержало 4 издания), а также книги о жизни и подвиге писателя.

Стр. 308. «Отправил 200 р. в Клин и 400 Талке». У сестры А. П. Гайдара — Натальи Петровны (в семье ее звали Талка) — трагически погиб муж. Аркадий Петрович ежемесячно посылал ей деньги.

Стр. 308. Лоскутов Михаил Петрович (1906—1940) — писатель, один из участников литературного содружества «Копотоп».

Стр. 309. Гилельс Эмиль Григорьевич (род. в 1916 г.) — выдающийся советский пианист. Народный артист СССР, Герой Социалистического Труда

Стр. 309. «Разговор с Перцовым о «Телеграмме». Перцов Виктор Осипович (1898—1980) — литературовед и литературный критик. «Телеграмма» — так поначалу назывался рассказ «Чук и Гек».

Стр. 309. Резник Осип Сергеевич — литературовед и переводчик.

Стр. 309. «Вчера Гира-Литовец читал стихи». Гира Людас Константинович (1886—1945) — поэт и общественный деятель Литвы. Народный поэт и академик АН Литовской ССР

Стр. 310. «<Газета> хвалит Н. Шпанова за повесть о будущей войне». Шпанов Николай Николаевич (1896—1961) — писатель. В своей книге «Первый удар» проводил мысль о том, что если Гитлер осмелится напасть на Советский Союз, то война с фашистской Германией будет быстрой и легкой. А. П. Гайдар находил эту концепцию глубоко ошибочной.

Стр. 310. «Завтра приступаю к работе над «Барабанщиком». Имелся в виду сценарий «Судьба барабанщика» для киностудии «Союздетфильм».

Стр. 310. «Вчера до глубокой ночи спор после вечера чтеца Журавлева». Журавлев Дмитрий Николаевич (род. в 1900 г.) — мастер художественного слова, народный артист СССР.

Стр. 311. «Разговор с Козачинским». Козачинский Александр Владимирович (1903—1943) — писатель, автор повести «Зеленый фургон».

Стр. 311. «Живу в Солотче вместе с Борькой». Чернышов Борис Матвеевич — родной брат Доры Матвеевны, жены А. П. Гайдара.

Стр. 311. «Вчера в газете: 120 японских самолетов перелетели границу, 95 советских приняли бой». В мае 1939 года Япония начала военные действия против Монгольской Народной Республики. На помощь братскому народу пришла Красная Армия, которая в районе Халхин-Гола помогла разгромить японские войска.

Стр. 313. Дневниковые записи с 11 по 15 октября 1939 года обнаружены в черновиках повести «Дункан и его команда» (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 27, л. 203—204).

Стр. 313. Куприн Александр Иванович (1870—1938) — известный русский писатель. После Великой Октябрьской революции эмигрировал во Францию. В 1937 г. вернулся на Родину.

Стр. 313. А. П. Гайдар имеет в виду книгу Я. Я. Стрейса «Три путешествия». Ее автор, голландский парусный мастер, за 26 лет, с 1647 по 1673 год, объехал полсвета. Во время последнего путешествия Стрейс был схвачен «людокрадами» и продан в рабство в Персию. Там и произошел случай, подмеченный Гайдаром: «Когда я прогуливался по городу... мне неожиданно встретился один из похитивших меня людокрадов. Хотя я сильно испугался, увидев негодяя, но не стал долго ждать... У меня с собой была... тяжелая... палка... я дал ему такой сильный удар, словно собирался нанести его быку; он рухнул наземь...» (Я. Я. Стрейс. «Три путешествия», ОГИЗ — Соцэкгиз, 1935, с. 278.)

ТЕТРАДЬ ЗА 1940—1941 ГОДЫ

Дневник сохранился в архиве писателя и был опубликован в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951 и в Собрании сочинений. Печатается по автографу. Записи с 1 апреля по 27 августа 1940 года обнаружены в черновиках повести «Тимур и его команда». (ЦГАЛИ,

ф. 1672, оп. I, ед. хр. 29, л. 48—46: рукопись неправильно сброшюрована.) Остальной текст — ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 23.

Стр. 313. Ермолов Петр Васильевич (1887—1953) — был кинооператором на фронтах первой мировой и гражданской войны. Оператор фильмов «Закройщик из Торжка», «Процесс о трех миллионах», «Белый орел», «Праздник святого Йоргена», «Детство Горького», «В людях», «Мои университеты». В 1940 г. снял фильм «Тимур и его команда».

Стр. 314. «О пять сахарин». Весной 1939 года врачи обнаружили у А. П. Гайдара сахарный диабет. Ему пришлось на время лечения пользоваться сахарином (о сахарине см. — т. III, с. 361).

Стр. 314. Нарком финансов СССР А. Г. Зверев выступил на сессии Верховного Совета СССР с докладом. Речь шла, в частности, о проекте нового закона о подоходном налоге с населения. («Правда», 1940 г., 1 апреля.)

Стр. 315. «Где-то... Костя?» Костой в кругу друзей звали К. Г. Паустовского.

Стр. 315. «Встретили... Журавлева — «Гибель «Орла». Журавлев Василий Николаевич (род. в 1904 г.) — режиссер. Поставил фильмы «Космический рейс», «Граница на замке», «Гибель «Орла», «Пятнадцатилетний капитан».

Стр. 315. Гехт Семен Григорьевич (1903—1963) — писатель.

Стр. 315. Смеляков Ярослав Васильевич (1912/13—1972) — поэт.

Стр. 315. Ленч (наст. фамилия Попов) Леонид Сергеевич (род. в 1905 г.) — писатель-юморист.

Стр. 315. Симонов Константин (Кирилл) Михайлович (1915—1979) — писатель и общественный деятель. Лауреат Ленинской премии. Герой Социалистического Труда. В начале 40-х годов К. М. Симонов был известен как молодой талантливый поэт.

Стр. 316. «Было немало. Сижу в Клину». Сценарий фильма «Тимур и его команда» еще до начала съемок вызвал сильное противодействие со стороны некоторых работников народного образования. А. П. Гайдар затратил немало усилий, чтобы отстоять сценарий.

Стр. 316. Александр Ивич (наст. фамилия Игнатий Игнатьевич Ивич-Бернштейн) (1900—1979) — писатель, критик и литературовед.

Стр. 316. «Вчера, 28-го, написал письмо Рувиму». Отрывок из этого письма к Р. И. Фраерману публикуется в настоящем томе — с. 421.

Стр. 317. «Опять смотрел «Цирк». Фильм «Цирк» (по сценарию И. Ильфа и Е. Петрова) был поставлен режиссером Г. Александровым.

Стр. 317. «Читал письма Толстого. Потом Щедрина». Толстой Лев Николаевич (1828—1910) — великий русский писатель. С его произведениями «Казак» и «Анна Каренина» А. П. Гайдар познакомился еще в детстве (см. Дневник «Товарищ» — с. 256 и 257 наст. т.). Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826—1889) — великий русский писатель-сатирик, демократ-просветитель.

Стр. 317. А. П. Гайдар записал по памяти два отрывка из ранней своей поэмы, рукопись которой не сохранилась.

Стр. 317. «Оксюз Яшка — убит при мне, я его заменил». См. комментарии к Автобиографии, 1937 г., т. II, с. 529.

Стр. 317. Бокк Иван Андреевич — комиссар VI Киевских командных курсов, где А. П. Гайдар учился в 1919 году. И. А. Бокк введен в повести «В дни поражений и побед» под именем Ботта.

Стр. 319. Крепс Владимир Михайлович (род. в 1903 г.) — киносценарист. Работал редактором студии «Союздетфильм».

Стр. 320. «Важная статья «Правды» о военном воспитании детей и молодежи». В передовой статье «Военное воспитание молодежи» говорилось: «Очень важно, чтобы с юношеского возраста молодежь получала правильное представление о военной службе, чтобы она не была в плену ложных иллюзий о том, что служба воина — легкое дело... Наша художественная литература, наши киноорганизации в долгу перед многомиллионным советским юношеством. Используя средства художественного воздействия, они могут помочь молодежи получить правильное представление о войне, как о трудном, требующем большой подготовки деле. К сожалению, в литературе и на экране еще мало таких произведений. Есть любители приукрасить путь воина, изобразить этот путь, как дорогу, сплошь устланную лаврами, без лишений, без жертв, без испытаний. Такая лакировка боевой деятельности способна принести только вред». («Правда», 1940, 14 декабря.)

Стр. 320. «Вечером вчера смотрел «Брат героя» Кассиля». Кассиль Лев Абрамович (1905—1970) —

писатель, один из основоположников советской детской литературы. (О Л. А. Кассиле см. также: т. I, с. 369.)

Стр. 321. «Достать Горнфельда — «Муки слова». Горнфельд Аркадий Георгиевич (1867—1941) — литературовед. Занимался изучением психологии творчества.

Стр. 321. «В «Комсомолке» хорошая статья о «Тимуре». Хвалят Разумного». В статье Ал. Амасовича «Тимур и его команда» говорилось: «В детском кино есть немало мастеров, пришедших с твердым намерением отдать все свои силы и способности развитию кинематографии для юных зрителей. В ряду этих людей выделяется один из старейших режиссеров советского кино — Александр Разумный». («Комсомольская правда», 1940 г., 18 декабря.)

Стр. 322. «Все идет хорошо. Меня опять берут на военный учет». (См. комментарии к Автобиографии, 1941 г. — с. 432 наст. т.)

Стр. 322. «О «Тимуре» много хороших статей, в том числе в «Правде». Отзывы печати о повести «Тимур и его команда» — см. т. II, с. 548.

Стр. 323. «Был в ЦК (ВЛКСМ.— *Ред.*) у Михайлова». Михайлов Николай Александрович (1906—1982) — с 1938 по 1952 год — первый секретарь ЦК ВЛКСМ.

Стр. 323. «потом был... у Андрея Старостина». Старостин Андрей Петрович (род. в 1906 г.) — известный футболист, заслуженный мастер спорта.

Стр. 323. «Случайная встреча через 23 года с М. Трениным». Тренин Михаил — товарищ А. П. Гайдара по Арзамасскому реальному училищу.

Стр. 323. «Мне звонок от Храпченко о «Государственном заказе». Храпченко Михаил Борисович (род. в 1904 г.) был председателем Комитета по делам искусств при СНК СССР.

Стр. 324. «25 января интересное совещание в ЦКмоле о военном воспитании». На этом совещании А. П. Гайдар выступил с речью «Воспитание мужества» (см. т. II, с. 493).

Стр. 324. «Получил хорошее письмо из Детиздата...» Это был ответ директора издательства Г. А. Ярцева и главного редактора Г. С. Кукулиса на письмо А. П. Гайдара к Г. С. Кукулису (см. с. 422 наст. т.). В ответе говорилось: «Только что получили Ваше письмо и спешим тотчас ответить. Может быть, это эгоистично, но мы

чрезвычайно рады, что Вы не дали никому согласия на всякого рода заказы... Можем сообщить Вам приятную новость, что Ваше пожелание о заказах ЦК ВЛКСМ совпадает с принятым на днях решением организовать такие заказы группе писателей. Можете не сомневаться, что в числе первых писателей, которым будут даны такие заказы, явится А. Гайдар... ждем краткого сообщения, какую книгу Вы хотели бы написать». (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 12, л. 6.)

Стр. 324. «Итальянцев греки жмут, и все рады». В октябре 1940 года в Грецию вторглись войска фашистской Италии, ближайшего союзника гитлеровской Германии. Усилиями греческой армии и всего народа оккупанты были изгнаны из страны.

ПИСЬМА. ТЕЛЕГРАММЫ. БОЕВЫЕ ДОНЕСЕНИЯ. НАДПИСИ НА КНИГАХ И ФОТОГРАФИЯХ. ОТВЕТЫ ЧИТАТЕЛЯМ

Письма, боевые приказы и донесения, дарственные надписи представляют особый интерес. В Собрании сочинений А. П. Гайдара, которое вышло в 1955—1956 гг., было напечатано 50 писем и открыток. А в настоящем издании помещено около 160 текстов.

Письма охватывают 26 лет жизни А. П. Гайдара. Первое из них было послано одиннадцатилетним Аркашей Голиковым к отцу на русско-германский фронт первой мировой. А последнее Гайдар отправил в 1941 году жене с Юго-Западного фронта. В этот день, 17 или 18 сентября, Аркадий Петрович принял решение остаться в Киеве с окруженной армией и разделить ее судьбу.

Таким образом, письма и другие послания, дополненные дневниками, помогают проследить жизненный путь Гайдара. Перед нами — по сути — история его жизни, рассказанная им самим.

Письма А. П. Голикова 1915—1922 гг. — к отцу и сестрам — дают представление о духовном и нравственном росте будущего писателя. А его распоряжения, рапорты и другие военные документы приоткрывают нам, чем была заполнена боевая жизнь 16—17-летнего командира.

Письма 1922—1925 гг. отражают сложный период «межвременья», когда Аркадий Голиков уже отчетливо понимал, что из-за давней контузии военная его карьера прервалась, и неутомимо овладевал основами литературной профессии.

Большой интерес представляют письма 1925—1941 гг. То были 16 лет интенсивной литературной деятельности А. П. Гайдара — газетчика, писателя, кинодраматурга. Письма этого периода впервые позволяют очертить круг рабочих и дружеских связей А. П. Гайдара. Среди его адресатов А. М. Горький, С. Я. Маршак, А. А. Фадеев, С. А. Семенов, Р. И. Фраерман, С. Г. Розанов, С. Т. Григорьев, Б. А. Ивантер, С. Д. Разумовская, И. И. Халтурин, Г. С. Куклис, А. Е. Разумный, летчик-испытатель М. Н. Бойков, один из реальных персонажей повести «Школа», командир гражданской войны С. А. Бегичев. Нужно полагать, что список еще далеко не исчерпан.

Все, кому близко творчество Гайдара, с волнением прочтут «открытые письма» Аркадия Петровича, его ответы читателям, дружескую полемику с ними. Одна из удивительных особенностей характера Гайдара заключалась в том, что в общении с детьми он высказывал самые сокровенные мысли о работе, о книгах, которые создавал.

Особое место занимают письма с фронта, присланные Д. М. Гайдар летом и осенью 1941 года. В них Аркадий Петрович скупно делится

дорожными впечатлениями, сетует о пропаже «при одном обстоятельстве» вещевого мешка. Но мы-то теперь знаем, что на самом деле жизнь Гайдара на войне была наполнена опасностями и повседневным риском (см. т. I, с. 27—29).

Даже о своем решении остаться в осажденном Киеве Гайдар сообщил спокойно и сдержанно, одной фразой: «Выезжаю опять на переправу, и связь со мною будет прервана».

Письма дополняют и углубляют наше представление о Гайдаре — человеке, писателе, воине.

П. И. ГОЛИКОВ
Апрель 1915 (?) года

Голиков Петр Исидорович (1879—1927) — отец писателя. Родился в семье кустика-столяра в г. Щигры Курской губ. Окончил уездное училище, затем Курскую учительскую семинарию. Работал учителем. Участвовал в революционных событиях 1905—1907 гг. Осенью 1914 года был взят рядовым на фронт. Когда произошла Октябрьская революция, солдаты избрали П. И. Голикова комиссаром II Сибирского стрелкового полка. П. И. Голиков сыграл большую роль в формировании характера и взглядов сына. Дружбой с отцом навеяны многие страницы книг А. П. Гайдара «Школа», «Судьба барабанщика», «Тимур и его команда» и др.

Это самое раннее из сохранившихся писем А. П. Гайдара. Из него отчетливо видно, что 11-летний Аркадий Голиков представлял войну, как вереницу легких, захватывающих дух подвигов. Позднее, в повести «Школа», писатель высмеял эти свои детские представления (т. I, с. 97).

Письмо впервые опубликовано А. Гольдиным в журнале «Смена», 1972 г., № 2, с. 19.

В Собрании сочинений печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 7, л. 1).

Стр. 326. «Полковник Аркадий Голиков». В 1915 г. Аркадий Голиков, как и его сверстники, играл в войну и был мальчишечьим командиром.

П. И. ГОЛИКОВ
Весна 1917 (?) года

О своих детских переживаниях, связанных с уходом отца на войну, А. П. Гайдар вспоминал и в Автобиографии 1934 года (т. I, с. 35).

Письмо впервые опубликовано А. Гольдиным в журнале «Смена», 1972 г., № 2, с. 19. В Собрание сочинений включено впервые. Печатается по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 7, л. 2—3 об.).

П. И. ГОЛИКОВУ
Лето 1917 года

Летом 1917 года тринадцатилетний Аркадий Голиков был уже сильным при Арзамасском клубе большевиков. Ему давали важные, а иногда и секретные поручения, он посещал митинги и сам проводил беседы среди раненых, как это видно из письма. Отсюда у Аркадия интерес к политическим проблемам.

Письмо было опубликовано А. Гольдиным в журнале «Смена», 1970, № 10, с. 30. В Собрание сочинений включено впервые. Печатается по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 7, л. 4—5).

П. И. ГОЛИКОВУ
25 июля 1917 года

Письмо — с некоторыми сокращениями — впервые опубликовано А. Гольдиным в журнале «Смена», 1970, № 10, с. 30. В Собрание сочинений включено впервые. Печатается полностью по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 7, л. 6—7 об.).

Стр. 328. «...у нас в училище все учителя — кадеты». Эта оценка политических взглядов преподавателей реального училища была не точной. Учитель словесности Н. Н. Соколов состоял в партии большевиков. Преподаватель истории А. А. Пронин активно сочувствовал большевикам. Директор И. А. Смирнов, преподаватели М. Н. Онищенко, Н. В. Роговицкий и другие до конца своих дней работали в советской школе, вузах и иных советских учреждениях. (См. комментарии к Дневнику «Товарищ»... — с. 460—461 наст. т.)

П. И. ГОЛИКОВУ
4 октября 1918 года

Письмо — со значительными сокращениями — опубликовано А. Гольдиным в журнале «Смена», 1970, № 10, с. 30—31. В Собрание сочинений включено впервые. Печатается полностью по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 7, л. 8—9).

Стр. 330. «Нас теперь не оставляют «без обеда». «Без обеда» — наказание в старой школе, когда учеников оставляли после уроков сидеть без всякого дела. (См. повесть «Школа» — т. I, с. 111.)

Письмо с некоторыми сокращениями было опубликовано А. Гольдиным в журнале «Смена», 1970, № 10, с. 31. В Собрание сочинений включено впервые. Печатается полностью по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 7, л. 10—11 об.).

Стр. 330. «...как только заживет моя рана, полученная на фронте три недели тому назад». В декабре 1919 года, в бою у деревни Улла в Белоруссии, А. П. Голиков был контужен и ранен шрапнельным снарядом. Рана в ногу скоро зажила, а контузия дала через два года осложнения, из-за которых Аркадию Петровичу пришлось уволиться из Красной Армии.

Голикова Наталья Петровна (1905—1969) — родная сестра писателя, в 1920 году — школьница, одна из первых комсомолок Арзамаса.

Письмо публикуется впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. II, ед. хр. 10, л. 1—2 об.).

Стр. 332. «Работаешь ли ты в союзе?» Речь, видимо, идет о Союзе молодежи, то есть Арзамасском комсомоле.

Стр. 332. «Как живет Шурка?» Шуркой друзья звали Александра Васильевича Плеско (1903—1949), школьного друга Аркадия Голикова, одного из организаторов комсомола Арзамаса, первого редактора арзамасской комсомольской газеты «Авангард» (см. комментарии к письмам А. П. Гайдара к А. В. Плеско — с. 483—484 наст. т.).

Стр. 333. «Где работает мама?» Мать писателя, Голикова Наталья Аркадьевна (1884—1924), родилась в дворянской семье. Окончила гимназию, что давало право работать учителем в начальных классах. В 1899 г., против воли отца, потомственного офицера, вышла замуж за П. И. Голикова, сына отставного солдата и кустара, навсегда порвав с семьей.

Во Льгове Наталья Аркадьевна преподавала вместе с мужем в школе при сахарорафинадном заводе. Затем, окончив курсы в Казани, работала в Арзамасе акушеркой. В годы революции вступила в большевистскую партию. В 1920 году уехала из Арзамаса по партийной мобилизации в Киргизию. В Пржевальске она заведовала уездным

отделом здравоохранения и одновременно работала секретарем уездно-городского ревкома.

Мать привила сыну любовь к песне, книге и «чувство слова». Она поддерживала стремление маленького Аркадия сочинять стихи (см. т. III, с. 379).

Стр. 333. «Где... учатся детишки?» Речь идет о младших сестрах — Кате и Оле.

П. И. ГОЛИКОВ
21 февраля 1921 года

Письмо было опубликовано А. Гольдиным в журнале «Смена», 1972 г., № 2, с. 19. В Собрании сочинений печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. II, ед. хр. 10, л. 14—15).

П. И. ГОЛИКОВ
11 марта 1921 года

Письмо было опубликовано А. Гольдиным в журнале «Смена», 1972 г., № 2, с. 19. В Собрание сочинений включено впервые. Печатается по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. II, ед. хр. 10, л. 13).

Стр. 335. «...чуть-чуть не попал в Щигры». В Щиграх Курской губернии родился П. И. Голиков. Там продолжали жить его родственники.

ПРИКАЗ ПО 23 ЗАПАСНОМУ ПОЛКУ ГОРОД ВОРОНЕЖ
18 марта 1921 года

Приказ по 23 запасному полку обнаружен в Центральном государственном архиве Советской Армии А. М. Гольдиным. Публикуется в Собрании сочинений впервые по тексту: А. Гольдин. «Невыдуманная жизнь», с. 107, 109.

ПРИКАЗ ПО 23 ЗАПАСНОМУ СРЕЛКОВОМУ ПОЛКУ № 76
Конец марта 1921 года

Приказ был напечатан в статье А. Гольдина «Аркадий Гайдар — командир полка» («Медицинская газета», 1967, 10 марта). В Собрании сочинений публикуются впервые по тексту газеты.

Стр. 336. «В виду появившихся случаев холеры». Холера — тяжелое инфекционное заболевание, которое сопровождается рвотой, обезвоживанием организма, судорогами. Передается через воду, пищу, грязные руки.

П. И. ГОЛИКОВУ
9 апреля 1921 года

Письмо было опубликовано А. Гольдиным в журнале «Смена», 1970, № 10, с. 31. В Собрании сочинений публикуется впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. II, ед. хр. 10, л. 16—17 об.).

«ВСЕ МЕРЫ ПРИНЯТЫ»
(Запись телефонного разговора)

20 сентября 1921 года

В сентябре 1921 года А. П. Голиков командовал батальоном особого назначения в Башкирии. Товарищ Лобов, с которым Голиков беседовал по телефону, был в ту пору председателем ЧК Башкирии.

Запись разговора в Собрании сочинений печатается впервые по тексту: А. Гольдин. «Невыдуманная жизнь», с. 141—142.

ИЗ ПИСЕМ К А. В. ПЛЕСКО
Июль 1920—1 августа 1921 года

Плеско Александр Васильевич (1903—1949) — школьный друг А. П. Голикова, один из первых организаторов комсомола в Арзамасе. Сыграл большую роль в литературной судьбе А. П. Гайдара. По рекомендации А. В. Плеско Аркадий Петрович в 1925 г. поехал в Пермь. Там он стал профессиональным литератором — фельетонистом газеты «Звезда».

С фронтов гражданской войны Аркадий Голиков прислал в Арзамас Александру Плеско много писем. В конце 1940-х годов, при подготовке сборника «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», эти письма на короткий срок оказались в распоряжении составителя сборника, писателя Р. И. Фраермана.

К сожалению, копии с этих писем сняты не были. И местонахождение их в настоящее время неизвестно. В личном архиве Р. И. Фраермана сохранились заметки о содержании шести писем к Плеско с очень крат-

кими выдержками из них. (Р. И. Фраерман. «Материалы к книге об А. П. Гайдаре». ИРЛИ. Отдел рукописей, ф. 718, папка 2, л. 9—11.)

Отрывки из писем публикуются в Собрании сочинений впервые по тексту: Р. Фраерман. «Наш Гайдар» в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1964, с. 151—152.

Стр. 338. «Мне часто вспоминается ваш союз». В начале 1920 года, находясь в отпуске после ранения, А. П. Голиков близко познакомился с деятельностью Арзамасской комсомольской организации (см. «Обыкновенная биография» в наст. т.).

Стр. 339. «Был назначен врид командующего боевого участка». Во время службы на Тамбовщине А. П. Голиков был командиром 58 отдельного Нижегородского полка по борьбе с бандитизмом, но несколько раз он заменял командующего войсками 5 боевого участка, куда входили крупные соединения.

Стр. 339. «Хромать перестал». После ранения в ногу в декабре 1919 года А. П. Голиков ходил сначала на костылях, а потом еще некоторое время с палкой.

ПРИКАЗАНИЕ ПО БАТАЛЬОНУ 6 СВОДНОГО ОТРЯДА СИБИРИ
27 марта 1922 года

Весной 1922 года А. П. Голиков был послан в Ачинско-Минусинский район тогдашней Енисейской губернии (ныне — Красноярский край). Там действовали банды атамана Ивана Соловьева, которые насчитывали несколько сот человек.

Документ в Собрание сочинений включается впервые. Публикуется по тексту: А. Гольдин. «Невыдуманная жизнь», с. 149.

Стр. 339. «Я... вступил во временное командование батальоном». Назначение А. П. Голикова командиром батальона после того, как он командовал полком, не означало понижения по службе. К началу 1922 года по всей стране началась демобилизация. Резко сократился состав частей особого назначения. Там, где год назад стоял полк, оставался батальон или взвод.

КОМАНДИРУ ПЕРВОЙ РОТЫ ТОВАРИЩУ ШМАРГИНУ
Конец марта (?) 1922 года

Распоряжение комбата А. П. Голикова в Собрании сочинений публикуется впервые по тексту: А. Гольдин. «Невыдуманная жизнь», с. 151.

КОМАНДИРУ 6 СВОДНОГО ОТРЯДА ЧОН ТОВАРИШУ КУДРЯВЦЕВУ
1 апреля 1922 года, 6 час. 10 мин.

Рапорт был опубликован Г. Вдовенко в газете «Тихоокеанская звезда», 1967, 22 августа. В Собрании сочинений публикуется впервые по тексту газеты.

Стр. 340. «...б ан да Родионова» — одно из подразделений банды атамана Ивана Соловьева.

Стр. 340. «Мною отдано распоряжение начальнику отряда Измайлову». Батальон А. П. Голикова состоял из нескольких отрядов в 15—20 человек, разбросанных в силу необходимости по большой территории «боевого района». Реально в личном распоряжении самого комбата оставалось 20—30 человек. Если для выполнения операции этих людей оказывалось недостаточно, Голиков вызывал один или два отряда из других сел.

Стр. 340. «Выпал свежий снег». Здесь и дальше упоминание о погоде и снеге — не лирическое отступление. Сибирь в ту пору отличалась бездорожьем. Наличие снега означало возможность добраться куда-либо на лыжах.

КОМАНДИРУ 6 СВОДНОГО ОТРЯДА ЧОН ТОВАРИШУ КУДРЯВЦЕВУ
1 апреля 1922 года (Дневное сообщение)

Рапорт А. П. Голикова в Собрании сочинений публикуется впервые по тексту: А. Гольдин. «Невыдуманная жизнь», с. 153—154.

КОМАНДИРУ 6 СВОДНОГО ОТРЯДА ЧОН ТОВАРИШУ КУДРЯВЦЕВУ
4 апреля 1922 года

Рапорт А. П. Голикова публикуется в Собрании сочинений впервые по фотокопии с оригинала, который хранится в ЦГАСА (ф. 7531, оп. I, дело 14, л. 439 об.).

КОМАНДИРУ 6 СВОДНОГО ОТРЯДА ЧОН ТОВАРИШУ КУДРЯВЦЕВУ
4 апреля 1922 года (Дневное сообщение)

Рапорт публиковался в книге А. Гольдина «Невыдуманная жизнь», с. 154. В Собрании сочинений печатается впервые по фотокопии с оригинала, который хранится в ЦГАСА (ф. 7531, оп. I, дело 14, л. 439 об.— 440 об.)

5 апреля 1922 года

Рапорт был напечатан в книге А. Гольдина «Невыдуманная жизнь», с. 156—157. В Собрании сочинений публикуется впервые по тексту книги.

Стр. 343. «Прилагается карта относительной точности». Ачинско-Минусинский район Енисейской губернии, где шла борьба с бандитами, представлял в начале 20-х годов глухой район. Типографских карт местности не было. Чтобы командование могло представить, где находится батальон и где скрываются преследуемые бандиты, А. П. Голикову приходилось рисовать карты от руки.

КОМАНДИРУ 6 СВОДНОГО ОТРЯДА ЧОН ТОВАРИЩУ КУДРЯВЦЕВУ

(Пояснения к карте)

5 апреля 1922 года

«Пояснения к карте» представляют большой интерес. Они дают наглядное представление о том, в каких труднопроходимых местах воевал А. П. Голиков.

Документ был опубликован в книге А. Гольдина «Невыдуманная жизнь», с. 155—156. В Собрании сочинений печатается впервые по фотографии с оригинала.

Н. П. ГОЛИКОВОЙ

13 ноября 1922 года

Письмо публикуется впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. II, ед. хр. 10, л. 3).

Стр. 344. «В Москве я получаю готовую квартиру... оклад жалования в 300 000 000...»

В первые годы революции, в связи с голодом и разрухой, сильно обесценились бумажные деньги. В 1923 году декретом Советского правительства были выпущены новые деньги. Один новый рубль приравнивался к одному миллиону старых.

Стр. 344. «Обязательно узнай... адрес Н. Н.» А. П. Голиков хотел знать, где живет его школьный учитель и друг Н. Н. Соколов. В 1924 году, когда выяснилось, что Соколов живет не в Москве, а в Ленинграде, Аркадий Петрович повез к Николаю Николаевичу в Ленинград рукопись своей повести «В дни поражений и побед».

Стр. 345. «Если Талочки в Арзамасе нет, то ОЧЕНЬ прошу Зину сообщить мне... ее точный адрес». Субботина Зинаида Федоровна — одна из первых комсомолок Арзамаса, подруга юности Аркадия и Натальи Голиковых.

Н. П. и П. И. ГОЛИКОВЫМ

14 января 1923 года

Письмо публикуется впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. II, ед. хр. 10, л. 6).

Стр. 345. «...занимаюсь, подготавливаясь в Академию...». Осенью 1922 года А. П. Голиков поступал в Академию Генерального штаба в Москве, но не прошел по состоянию здоровья — дала себя знать давняя контузия. Аркадий Петрович надеялся поступить в Академию на следующий год.

Стр. 345. «С тех пор, когда мы виделись с вами...» В конце 1921 — начале 1922 года, получив назначение в Сибирь, А. П. Голиков по дороге к новому месту службы заехал в Арзамас, где повидал сестер, а в Иркутске он встретился с отцом.

Н. П. ГОЛИКОВОЙ

17 января (?) 1923 года

Письмо публикуется впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. II, ед. хр. 10, л. 8).

П. И. ГОЛИКОВУ

28 января 1923 года

Письмо публиковалось А. Гольдиным в журнале «Смена», 1970, № 10, с. 31. В Собрании сочинений печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. II, ед. хр. 7, л. 18—18 об.).

Стр. 346. «из которого бегал «на войну». А. П. Гайдар вспоминает свой неудачный побег к отцу на фронт в 1914 году. (См. Автобиографию, 1934 г., т. I, с. 35.)

Стр. 346. «М и р а ж» или «Р е й с т» — названия кинотеатров в Арзамасе.

Стр. 346. «С а л ь н и к о в а у л и ц а» — главная улица в старом Арзамасе (ныне — улица Карла Маркса).

Н. П. ГОЛИКОВОЙ
9 октября 1923 года

Письмо публикуется впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. II, ед. хр. 6, л. 1).

Стр. 347. «Коля ходит ко мне каждый день». Кондратьев Николай Федорович (1900—1942) — школьный друг А. П. Гайдара. Один из создателей Арзамасской комсомольской организации. В 1921 г. — боец 58 Нижегородского полка, командиром которого был Аркадий Петрович. Впоследствии — журналист, сотрудник газеты «Звезда» в Перми. Погиб при обороне Севастополя. В 1923 г. Н. Ф. Кондратьев был женихом Н. П. Голиковой.

Стр. 347. «Я пишу». А. П. Голиков работал над повестью «В дни поражений и побед». Это первое упоминание в письмах о начале профессиональной литературной деятельности.

Н. П. ГОЛИКОВОЙ
10 февраля 1924 года

Письмо публикуется впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. II, ед. хр. 10, л. 12).

Стр. 347. «Книжишку дорабатываю теперь дома». Написав первый вариант повести «В дни поражений и побед», А. П. Голиков поехал в Ленинград. Здесь ему повезло: он познакомился с писателями С. Семеновым, К. Фединым, М. Слонимским, которые оказали ему поддержку и помощь (т. I, с. 15—16).

Стр. 347. Глупками А. П. Голиков в шутку называл своих младших сестер Катю и Олю.

Н. П. ГОЛИКОВОЙ
Июнь (?) 1924 года

Печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. II, ед. хр. 10, л. 15—15 об.).

Стр. 348. «...страшно обидно... что поездка сейчас к вам невозможна». Сестры А. П. Голикова находились в Крыму, в Алушке, где жила тяжело больная мать. Аркадий Петрович приехал повидаться с ней в сентябре того же года.

Стр. 348. «Передай привет Шуре». Субботин Александр Федорович — отчим А. П. Голикова.

Письмо адресовано сестрам — Ольге и Екатерине, в ту пору школьницам, которые жили с матерью в Лупке.

Публикуется впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. II, ед. хр. 10, л. 19—20 об.).

Стр. 348. Слонимский Михаил Леонидович (1897—1972) — писатель, участник первой мировой войны и Октябрьской революции. В 1919—1920 гг. работал секретарем у А. М. Горького. Автор книг «Лавровы», «Инженеры», «Друзья», «Ровесники века», «Андрей Коробицын» и др. Слонимский был в числе тех, кто активно помогал начинающему А. П. Голикову опубликовать свою первую повесть.

Стр. 348. Садофьев Илья Иванович (1889—1965) — поэт. Участник революции 1905 г. Подвергался репрессиям со стороны царского правительства. Сотрудник газеты «Правда» с 1913 г. Автор известных в 20-е годы сборников «Динамо-стихи», «Простей простого».

Стр. 348. Семенов Сергей Александрович (1894—1942) — писатель. (Подробнее см. т. I, с. 15—16, письмо А. П. Гайдара к С. А. Семенову и Н. Г. Волотовой — июнь (?) 1925 года — и комментарии к нему — на след. с.)

Стр. 348. «...и еще с некоторыми». К этому же времени относится знакомство А. П. Голикова с С. Я. Маршаком, В. А. Каверинным, будущим драматургом Е. Л. Шварцем и другими.

Стр. 349. «Только одно тяжело страшно... терять маму теперь». Н. А. Голикова была безнадежно больна. Она скончалась в Крыму 16 октября 1924 года. Аркадий Петрович в это время находился в Москве и узнал о случившемся с большим опозданием.

Н. П. ГОЛИКОВОЙ

Февраль (?) 1925 года

Письмо публикуется впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. II, ед. хр. 10, л. 15).

Стр. 349. «...пишу рассказ «Комендант станции Раздольской». Рассказ под таким названием опубликован не был. Рукопись его не сохранилась.

Стр. 349. «У меня уже много вещей, есть и напечатанные». 1 и 8 февраля 1925 года в ленинградской газете «Ленинские искры» был опубликован первый рассказ А. Голикова «Патроны» (см. т. II, с. 447).

Стр. 349. «На днях вышла «Ковш». «Ковш» — литературно-художественный альманах, издававшийся Госиздатом в Ленинграде. В 1 книге альманаха за 1925 г. были напечатаны: М. Зощенко. «Страшная ночь»; Н. Тихонов. «Красные на Араксе»; А. Толстой. «Семь дней, в которые был ограблен мир»; С. Семенов. «Петли одного и того же узла»; В. Каверин. «Конец хазы»; А. Голиков. «В дни поражений и побед».

Первая и вторая книги «Ковша» были посланы в Италию А. М. Горькому, который отметил: «В общем же «Ковш» — более искусство, чем остальные альманахи: «Круг», «Красная новь» и т. д.». (Письмо к К. А. Федину от 17 сентября 1925 г. «Литературное наследство». М., Изд-во АН СССР, 1963, т. 70, с. 497.)

И. П. ГОЛИКОВОЙ
Март (?) 1925 года

Письмо публикуется впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. II, ед. хр. 10, л. 22).

С. А. СЕМЕНОВУ
12 апреля 1925 года

Семенов Сергей Александрович (1894—1942) — писатель, участник революции и гражданской войны. Автор книг: «Голос», «Наталья Тарпова» и др. В 1924 г. С. А. Семенов заведовал литературно-художественным отделом Госиздата в Ленинграде и был членом редколлегии альманаха «Ковш», на страницах которого была опубликована повесть А. Голикова «В дни поражений и побед». Был одним из первых литературных наставников молодого писателя. (См. также т. I, с. 15—16.)

Текст открытки был опубликован в книге Б. Камова «Гайдар», с. 139. В Собрании сочинений печатается впервые по автографу, который хранится в Отделе рукописей Ленинградской государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ф. 685, ед. хр. 729, л. 1).

Стр. 350. «С места пришлю письмо». После выхода в свет рассказа «Р.В.С.», напечатанного в журнале «Звезда», и повести «В дни поражений и побед» новые литературные друзья посоветовали А. П. Голикову поехать на Украину, в Донбасс, чтобы поближе познакомиться с жизнью.

Стр. 350. «Пишу роман «Взрыв». Роман под таким названием закончен не был. Рукопись с набросками и первыми главами не сохранилась.

Стр. 350. «Целую ручки Наташе...» Наталья Георгиевна Волотова — жена С. А. Семенова, актриса и театральный педагог.

С. А. СЕМЕНОВУ, Н. Г. ВОЛОТОВОЙ

Июнь (?) 1925 года

Письмо, с некоторыми сокращениями, было опубликовано Н. Г. Волотовой в журнале «Вопросы литературы», 1967, № 10.

В Собрании сочинений печатается впервые по автографу, который хранится в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ф. 685, ед. хр. 729, л. 2—3 об.).

Н. П. ГОЛИКОВОЙ

Лето 1925 года

Письмо публикуется впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. II, ед. хр. 10, л. 24).

Стр. 352. «От бедного брата, блуждающего по проселочным дорогам Украины, — привет». Подробнее об этом нелегком путешествии — см. автобиографический рассказ «Путешествия», т. III, с. 293.

Б. Н. НАЗАРОВСКОМУ

20 апреля 1926 года

Назаровский Борис Никандрович (1904—1972) — известный на Урале журналист и историк, в 20-е годы — ответственный секретарь газеты «Звезда».

Осенью 1925 года А. П. Голиков уехал в Пермь и стал фельетонистом газеты «Звезда». Весной 1926 года, получив гонорар за три своих повести, Аркадий Петрович вместе с Н. Ф. Кондратьевым отправился в путешествие по Средней Азии и Кавказу. Поскольку отпуск им в ту пору еще положен не был, то оба из редакции уволились. Однако немалых денег, с которыми путешественники отправились в дорогу, им хватило ненадолго.

Письмо было напечатано в книге: С. Гинц, Б. Назаровский «Аркадий Гайдар на Урале», 1968, с. 209. В Собрании сочинений публикуется впервые по автографу. (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. II, ед. хр. 9, л. 3—4).

Стр. 353. «... в «Туркменской искре» на стене висит мой фельетон (последний)... вырезанный из «Звезды». По-видимому, речь шла о фельетоне «От поезда до поезда», опубликованном в пермской «Звезде» 25 марта 1926 года (см. с. 18 наст. т.).

Стр. 353. «...на отдельном издании «Лбовщины»... поставьте только — «Гайдар». В январе — марте 1926 года на страницах газеты «Звезда» публиковалась повесть «Жизнь ни во что» (Лбовщина) — см. т. III, с. 137. В том же году она вышла в Перми отдельной книгой. Издание готовилось, когда Гайдар был в отъезде.

Стр. 353. «Р.В.С.» проверяйте и по смыслу и по форме, ибо вы... печатаете с черновика...» После большого успеха «Жизни ни во что» редакция «Звезды» попросила А. П. Гайдара, не откладывая, дать для газеты что-либо еще «с продолжением». Писатель предложил полный текст своего рассказа «Р.В.С.», который был в 1925 году опубликован в ленинградском журнале «Звезда» № 2 со значительными сокращениями.

Б. Н. НАЗАРОВСКОМУ
26 апреля 1926 года

Письмо публиковалось в книге С. Гинца и Б. Назаровского «Аркадий Гайдар на Урале», 1968, с. 209—210. В Собрании сочинений печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. II, ед. хр. 9, л. 1—2).

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»
16 июля 1926 года

В Собрании сочинений публикуется впервые по тексту газеты «Правда».

Стр. 354. «Она «дополнена» чьими-то отсебятинами, вставленными нравоучениями». Об искажениях, которые позволили себе редакторы книги, см. комментарии к рассказу «Р.В.С.» (т. I, с. 371—372).

ТИМУРУ ГАЙДАРУ
1930 год

Стихотворение написано в поселке Кунцево под Москвой. Публиковалось в воспоминаниях Т. А. Гайдара «Отец» в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1964, с. 271. Оригинал не сохранился. В Собрании сочи-

нений стихотворение печатается впервые по уточненному тексту, представленному Т. А. Гайдаром.

Стр. 355. «...мой сыночек — маленький черкес». Тимур был куплен костюм — черкеска с игрушечным кинжалом.

Б. Н. НАЗАРОВСКОМУ
1 сентября 1930 года

Письмо публиковалось в книге С. Гинца и Б. Назаровского «Аркадий Гайдар на Урале», 1968, с. 235. В Собрание сочинений включено впервые. Печатается по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. II, ед. хр. 9, л. 10—10 об.).

Стр. 356. «Грегуар с женой» — Игорь Орестов, бывший сотрудник пермской «Звезды».

Стр. 357. «...Ты добр, как Христос и Магомет». Иисус Христос (от греческого Christos — помазанный) — согласно христианскому вероучению, богочеловек, который во искупление грехов, то есть вины всего человечества, принял смерть на кресте. Магомет (правильно — Мухаммед) — основатель другой религии, мусульманства.

Б. Л. СОЛОМЯНСКОМУ
6 сентября 1930 года

Соломянский Бенциан Лазаревич (1911—1980) — брат Л. Л. Соломянской. С 1931 по 1933 г. — ответственный сотрудник Северного крайкома ВЛКСМ. С 1933 г. — в рядах РККА. Окончил Академию бронетанковых войск. Участник Великой Отечественной войны.

Письмо публикуется впервые по копии с автографа, который хранится в архиве Т. А. Гайдара.

Стр. 358. Пантелеев Николай Алексеевич — работал репортером в газете «Правда Севера» в Архангельске. Качалин Николай Михайлович был художником в той же газете.

Письмо публиковалось в книге С. Гинца, Б. Назаровского «Аркадий Гайдар на Урале», 1968, с. 237—238. В Собрание сочинений включено впервые. Печатается по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. II, ед. хр. 9, л. 12).

Стр. 358. «...редактор Филов, замред Цехер». — В. Филов и Цехер возглавляли газету «Уральский рабочий» в 1927 году, когда Гайдар переехал из Перми в Свердловск. В этой редакции ему были созданы все условия для жизни и работы.

«ГАЙДАР ОТВЕЧАЕТ»

(Открытое письмо читателям повести «Обыкновенная биография»)

Весна (?) 1931 года

В «Роман-газете для ребят» за 1930 год № 8 (3)—9 (4) была напечатана повесть А. П. Гайдара «Обыкновенная биография» (впоследствии названная «Школой»). В редакцию поступило много откликов. Некоторые из них были помещены на обложке «Роман-газеты для ребят» за 1931 год, № 5 в разделе «Страничка читателя». Публикуемое письмо А. П. Гайдара было ответом на эти отклики.

«Гайдар отвечает» перепечатывается впервые по тексту «Роман-газеты для ребят», 1931, № 5, с. 32.

Стр. 359. «К осени я закончу продолжение этой повести». Вторая книга «Школы» завершена не была. Сохранились только первые главы (см. «Обыкновенная биография» в наст. томе).

В. Н. ДОННИКОВУ
19 июня 1931 года

Донников Василий Николаевич (1902—1975) — журналист, друг А. П. Гайдара, товарищ по работе в редакции газеты «Правда Севера» (Архангельск). В годы гражданской войны — доброволец Красной Армии. Работал в газетах «Красноярский рабочий», «Правда Востока» (Ташкент) и др. В годы Великой Отечественной войны — сотрудник выездной редакции «Правды». В газете «Волжский комсомолец», 1964, 22 января, опубликованы воспоминания В. Н. Донникова «Я дружил с Аркашей Гайдаром», где были приведены отрывки из публикуемого письма.

В Собрании сочинений письмо печатается впервые по автографу, который хранится в архиве Т. А. Гайдара.

Стр. 360. «...я только что окончил новую книгу». Летом 1931 г. А. П. Гайдар заканчивал повесть «Дальние страны», которая была завершена в августе месяце в Артеке.

Стр. 361. Визе Владимир Юльевич (1886—1954) — известный советский ученый, исследователь Арктики.

Стр. 361. Самойлович Рудольф Лазаревич (1881—1940) — советский полярный исследователь, один из руководителей экспедиции на дирижабле «Граф Цеппелин».

Н. П. ГОЛИКОВОЙ-ПОЛЯКОВОЙ, О. П. ВОЛИНОЙ, Е. П. СТАДУХИНОЙ
18 марта 1932 года

Письмо адресовано родным сестрам писателя: Наталье Петровне, Ольге Петровне и Екатерине Петровне. Публикуется впервые по автографу, который хранится в архиве Т. А. Гайдара.

С. В. МИЛИЦЫНУ
10 мая 1932 года

Милицын Степан Витальевич (1902—1968) — журналист, сотрудник пермской газеты «Звезда», друг А. П. Гайдара. Письмо было опубликовано в книге С. Гинца, Б. Назаровского «Аркадий Гайдар на Урале», 1968, с. 238—239.

В Собрании сочинений печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. II, ед. хр. 8, л. 1—1 об.).

Стр. 363. «Крым, Севастополь, наша встреча». Летом 1931 года А. П. Гайдар с сыном Тимуром отдыхал в пионерском лагере Артек (см. Дневник за 1931 год — с. 258 наст. т.). На обратном пути А. П. Гайдар встретился в Севастополе с Н. Ф. Кондратьевым и С. В. Милицыным, которые там жили.

Стр. 363. «Ветер с Тихого океана дует очень горячий». В 1932 году японская военщина неоднократно совершала провокации против Советского Союза. (См. Дневник за 1932 год — с. 268 наст. т.)

27 мая 1932 года

Письмо публикуется впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. II, ед. хр. 10, л. 29—29 об.).

Стр. 364. «К осени закончу книгу». Весной 1932 г. А. П. Гайдар задумал повесть «Такой человек», позднее названную им «Военная тайна» (см. следующее письмо — к А. Я. Трофимовой).

Стр. 365. «...Иринка трагически погибла на Кузнецкстрое». Ирина Загряцкова-Тютрюмова — молодая писательница, член рабочего редсовета детского сектора издательства «Молодая гвардия». Друг А. П. Гайдара.

А. Я. ТРОФИМОВОЙ

Лето 1932 года

Трофимова Анна Яковлевна (1898—1980) — детская писательница, близкий друг А. П. Гайдара. В 1915 году активно включилась в революционное движение. Подвергалась арестам. В апреле 1917 г. вступила в партию большевиков. Работала в ЧК. После учебы на рабфаке занялась журналистикой и литературным творчеством. Работала редактором радиовещания для детей в Москве, затем в издательстве «Молодая гвардия». Стихи А. Я. Трофимовой печатались в детских журналах.

Письмо — с сокращениями — было впервые напечатано в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, с. 250 и в Собрании сочинений. Местонахождение оригинала неизвестно. Публикуется по машинописной копии, которая сохранилась в архиве Р. И. Фраермана (ИРЛИ, ф. 718, папка 18).

С. Т. ГРИГОРЬЕВУ

(Дарственная надпись на книге «Школа»)

Осень (?) 1932 года

Григорьев Сергей Тимофеевич (1875—1953) — писатель, один из основоположников советской детской литературы. Много лет состоял в переписке с А. М. Горьким, который принимал деятельное участие в его судьбе. Перу С. Т. Григорьева принадлежат книги: «С мешком за смертью», «Красный бакен», «Мальчий бунт», «Берко-кантонист» и др., а также научно-популярные работы.

Автограф публикуется впервые. Повесть «Школа» (изданная «Молодой гвардией» в 1932 г.) с дарственной надписью С. Т. Григорьеву хранится в Библиотеке ЦГАЛИ (№ 1461—А).

Стр. 366. «...Т а й н а А н н ы Г а й» — название одной из книг С. Т. Григорьева.

А. Я. ТРОФИМОВОЙ
Ноябрь 1932 года

Отрывок из письма печатался в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, с. 251 и в Собрании сочинений. Местонахождение автографа неизвестно. Публикуется по тексту сборника.

А. Я. ТРОФИМОВОЙ
23 марта 1934 года

Фотокопия письма впервые воспроизведена в книге Б. Осыкова «Аркадий Гайдар» (вкладка между стр. 96—97). В Собрании сочинений публикуется впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 91, л. 7).

А. Я. ТРОФИМОВОЙ
10 апреля 1934 года

Письмо — с сокращениями — впервые было опубликовано в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, с. 250 и в Собрании сочинений. В настоящем издании публикуется полностью по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 92, л. 8).

Стр. 366. «Р а б о т а ю». А. П. Гайдар в это время писал книгу «Синие звезды».

СВЕТЛАНЕ ТРОФИМОВОЙ
10 апреля 1934 года

Т р о ф и м о в а С в е т л а н а — дочь А. Я. Трофимовой.

Письмо с сокращениями было напечатано в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, с. 252 и вошло в Собрание сочинений. В настоящем издании публикуется полностью по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 91, л. 8).

17 апреля 1934 года

Письмо было напечатано в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, с. 253 и в Собрании сочинений. Публикуется по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 19, л. 10).

Н. П. ГОЛИКОВОЙ-ПОЛЯКОВОЙ

Ноябрь (?) 1934 года

Письмо публикуется впервые по автографу со значительными сокращениями (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. II, ед. хр. 10, л. 32).

Стр. 368. «...у меня выросла большая тема». А. П. Гайдар планировал, уехав из Москвы, написать вторую книгу «Школы» и закончить повесть «Синие звезды».

Стр. 368. Семашко Николай Александрович (1874—1949) — выдающийся советский партийный и государственный деятель, один из организаторов советского здравоохранения, академик Академии медицинских наук и Академии педагогических наук. Член партии с 1893 года. Участник революции 1905—1907 гг. С 1918 г. был наркомом здравоохранения РСФСР. С 1930 г. находился на преподавательской и научной работе. С февраля 1934 по октябрь 1935 г. по совместительству выполнял обязанности директора Детиздата.

А. Я. ТРОФИМОВОЙ

Декабрь (?) 1934 года

Отрывок из письма печатался в сборнике «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, с. 251—252 и в Собрании сочинений. Место-нахождение оригинала неизвестно. Публикуется по тексту сборника.

Стр. 368. Фадеев Александр Александрович (1901—1956) — выдающийся советский писатель. С 17 лет — член партии большевиков. Сражался против белогвардейцев и интервентов на Дальнем Востоке. Как делегат X съезда партии в 1921 году принимал участие в подавлении Кронштадского мятежа. В 1926 году создал роман «Разгром», который сразу поставил молодого автора в число ведущих мастеров советской литературы. С 1926 по 1932 гг. А. А. Фадеев был одним из руководителей Российской ассоциации пролетарских писателей

(РАПП), а с 1938 по 1954 гг.— стоял во главе Союза писателей СССР С. Фадеевым. Гайдара связывали добрые товарищеские отношения (см. надпись на книге «Судьба барабанщика», подаренной А. А. Фадееву — 1939 год, с. 408 наст. т.).

С. А. БЕГИЧЕВУ

(Дарственная надпись на книге «Школа»)

21 декабря 1934 года

Бегичев Семен Афанасьевич (1884—1961) С 16 лет работал на шахтах Донбасса. В 1918 году вступил в партию большевиков. Был одним из организаторов Советской власти в Воронежской губернии. В 1918 году командир партизанского отряда на Украине. Знакомство Бегичева с будущим писателем произошло не в 1918-м, а в 1919 году, т. к. только весной 1919 года курсант Аркадий Голиков попал из Москвы на Украину. В повести «Школа» несколько раз упоминается шахтерский отряд под командой Бегичева (см. т. I, с. 176, 222, 223). В 1934 году Бегичев и Гайдар случайно встретились в Москве.

Текст дарственной надписи впервые опубликован в книге Б. Осыкова «Аркадий Гайдар», с. 107. В Собрании сочинений публикуется впервые по оригиналу, который хранится в архиве Б. И. Осыкова.

А. М. ГОРЬКОМУ

11 января 1935 года

Ответ А. М. Горького не сохранился.

Телеграмма публикуется впервые по оригиналу (ИМЛИ, Архив А. М. Горького. КГ—п—18—15—1).

А. Я. ТРОФИМОВОЙ

11 января 1935 года

Письмо со значительными сокращениями публиковалось в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, с. 252 и в Собрании сочинений. Публикуется полностью по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 91, л. 12—15 об.).

Стр. 369. «Я купил... салазки для Р. Ф.». В Арзамас соби-
рался приехать Р. И. Фраерман, но потом его намерения изменились (см. письмо А. П. Гайдара к Р. И. Фраерману от 27 января 1935 г.— с. 372 наст. т.).

Отрывки письма были напечатаны в книге Б. Камова «Гайдар», с. 277. В Собрании сочинений публикуется впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 91, л. 17—19 об.).

Стр. 371. «К Лидии Павловне еще не ходил». Л. П. Голикова — мачеха А. П. Гайдара. Сохранила публикуемые в настоящем томе Дневник «Товарищ» и письма Аркадия Голикова к отцу. У Лидии Павловны росли единокровные брат и сестра Аркадия Петровича — Петр и Майя. И Гайдар считал своим долгом им помогать.

Р. И. ФРАЕРМАНУ
27 января 1935 года

Фраерман Рувим Исаевич (1891—1972) — поэт, прозаик и драматург. Друг А. П. Гайдара. В годы гражданской войны во главе отряда амурских партизан устанавливал Советскую власть на Дальнем Востоке. Работал в РОСТА (позднее — ТАСС), в газетах «Советская Сибирь», «Беднота» и др. Автор книг: «Васька-гиляк», «Никичен», «Шпион», «Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви», «Золотой василек».

В квартире Р. И. Фраермана проходили заседания литературного содружества «Конотоп» (подробнее см. примечания к письму А. П. Гайдара к С. Д. Разумовской от 16 февраля 1935 года).

В июле 1941 г. Р. И. Фраерман ушел добровольцем в народное ополчение. В 1951 г. вместе с женой, Валентиной Сергеевной, подготовил и выпустил сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара» (вышло три издания). Сборник положил начало большой работе по объединению и изучению всего литературного наследия автора «Школы», а также по изучению его жизненного пути.

Публикуемое письмо было впервые помещено в этом сборнике (1951, с. 265) и вошло в Собрание сочинений. Местонахождение оригинала неизвестно. Публикуется по тексту сборника.

Стр. 372. «Престарелый Пимен». Летописец Пимен — герой трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов». В своем письме А. П. Гайдар употребил выражение «престарелый Пимен» в смысле «старый монах».

Стр. 372. «Девочкам я купил санки». Санки были куплены для Эры и Светланы Трофимовых.

Февраль 1935 года

Ответы А. П. Гайдара на вопросы журналиста перепечатываются впервые (с некоторыми сокращениями) по тексту газеты «Горьковская коммуна», 1935, 11 февраля.

Статья «Писатель А. Гайдар в Арзамасе», в которой содержалось интервью, была опубликована без подписи.

Об этой беседе с журналистом А. П. Гайдар в шуточной манере вспоминает в письме к И. И. Халтурину от 28 марта 1935 г. (см. с. 378 наст. т.).

С. Д. РАЗУМОВСКОЙ

11 февраля 1935 года

Разумовская Софья Дмитриевна (1904—1981) — с 1927 г. работала редактором в детском секторе издательства «Молодая гвардия». С 1933 по 1937 г. — в Детиздате. В последующие годы — сотрудник «Литературной газеты» и журнала «Знамя».

А. П. Гайдара связывала с С. Д. Разумовской многолетняя дружба (см. письма к ней за 1935 г. — в наст. т.). Под редакцией Разумовской вышло несколько книг писателя.

Письмо публикуется впервые по автографу, который хранится в архиве Д. С. Данина.

Стр. 374. «Поцелуйте от меня Веру Натановну». Лядова Вера Натановна — см. примечания к Дневнику за 1931 г. — с. 464 наст. т.

Стр. 374. Оболенская Екатерина Михайловна. Член партии большевиков с 1917 года. С 1921 по 1922 г. была на дипломатической работе. С 1926 по 1930 г. работала в газете «Правда». В 1930-х годах — сотрудник редакции дошкольной литературы Детиздата.

С. Д. РАЗУМОВСКОЙ

16 февраля 1935 года

Письмо публикуется впервые по автографу, который хранится в архиве Д. С. Данина.

Стр. 374. «Спутешествуйте в «Конотоп» и испросите у тамошних подвижников благословения мне...» «Конотоп» — шуточное название литературного содруже-

ства. В 30-х годах в квартире Р. И. Фраермана в Москве почти каждый вечер собирались А. Гайдар, К. Паустовский, А. Платонов, В. Гроссман, очеркист М. Лоскутов, литературовед А. Роскин, редакторы Детиздата И. Халтурин, С. Разумовская. Иногда присутствовал академик Е. Тарле. На своих заседаниях участники «Конотопов» читали друг другу все вновь написанное. И тут же обсуждали. К рукописям на «Конотопах» предъявлялись высокие требования.

С. Д. РАЗУМОВСКОЙ
27 февраля 1935 года

Отрывок из этого письма — о финале повести «Военная тайна» — был напечатан в книге В. Смирновой «Аркадий Гайдар», М., «Советский писатель», 1961, с. 149.

В Собрании сочинений письмо публикуется впервые по автографу, который хранится в архиве Д. С. Данина.

Стр. 375. «Посылаю Вам протокол обсуждения «Военной тайны». Подробнее см. комментарии к письму ростовским пионерам от 5 марта 1935 г.

РОСТОВСКИМ ПИОНЕРАМ
5 марта 1935 года

Это самое известное письмо А. П. Гайдара.

С 16 по 23 ноября 1934 года А. П. Гайдар и И. И. Халтурин участвовали в краевом совещании работников детских библиотек Ростова-на-Дону. Аркадий Петрович выступил на большом общегородском собрании читателей и в нескольких детских библиотеках.

«В то время Гайдар работал над повестью «Военная тайна». Отрывки из нее (чаще всего разговоры Тольки с Владиком о революции, о борьбе рабочих с капиталистами и о волшебном порошке) он и читал ребятам... Но, уезжая, он оставил ростовским библиотекам драгоценный подарок: рукопись «Военной тайны», напечатанную на машинке, с поправками, внесенными его рукой. (Эта рукопись, к несчастью, погибла летом 1942 года вместе со всем книжным фондом библиотеки имени Ленинских внучат.)

Аркадий Петрович просил ребят, чтобы они коллективно прочитали всю повесть и прислали ему свои отзывы. Ребята честно выполнили его просьбу: рукопись была прочитана вслух... в трех библиотеках, и читатели послали автору и коллективные, и индивидуальные письма...» (Мария

Жак. «А. П. Гайдар в Ростове». Рукопись. Архив клуба «Пусть светит» школы № 5 им. А. П. Гайдара г. Ростова-на-Дону.)

А. П. Гайдар ответил одним общим письмом. В годы Великой Отечественной войны, когда Ростов был оккупирован, письмо сохранила библиотекарь Мария Семеновна Жак. После Победы она переслала его в Москву И. И. Халтурину. С предисловием И. И. Халтурина письмо ростовским пионерам было опубликовано в журнале «Пионер», 1949, № 5.

В память о приезде А. П. Гайдара в Ростов-на-Дону и его встречах с читателями 21 января 1974 года на здании городского Дворца пионеров была открыта мемориальная доска.

Письмо ростовским пионерам — с сокращениями — печаталось в Собрании сочинений А. П. Гайдара — в комментариях к повести «Военная тайна». Публикуется полностью по тексту: журнал «Пионер», 1949, № 5, с. 38—39.

Стр. 376. «...фальшивые и надуманные победы «Красных дьяволят». В 20—30-е годы шумным успехом пользовалась приключенческая повесть П. Бляхина «Красные дьяволята», по которой был поставлен одноименный фильм. Это была первая детская книга о гражданской войне. И она сыграла немалую роль в патриотическом воспитании. Но враги в ней изображались слабыми и глупыми. И трем подросткам, героям повести, легко удавалось их обмануть и победить. Гайдар считал, что изображать так войну и врагов неверно. И трудная борьба с гитлеровской Германией подтвердила его правоту.

Стр. 376. «...порою рука отказывалась дописывать последние главы». В Дневнике А. П. Гайдара за 12 августа 1932 года есть запись: «Но никто не знает, как мне до боли жаль, что он (Алька) в конце концов погибнет. И я ничего не могу изменить...» (См. с. 281 наст. т.)

Стр. 377. «...вспомните те строки из повести» — см. т. II, с. 107—108.

Стр. 377. «Всем крепкий привет: Мите Белых, Вите Зарайскому и вообще всем, у кого на плечах толковая голова».

Усилиями педагогов-энтузиастов и пионеров-следопытов удалось установить, как сложились судьбы многих первых читателей «Военной тайны» и авторов писем к А. П. Гайдару.

Дмитрий Белых стал комсомольским работником, журналистом. Затем — главным редактором газеты «Водный транспорт». Виктор Зарайский окончил военную школу, стал летчиком-истребителем и погиб

в воздушном бою. В партизанском соединении Д. Н. Медведева сражался и погиб доброволец, студент Литинститута Григорий Шмуйловский (о нем Д. Н. Медведев упоминает в своей книге «Это было под Ровно»)...

И. И. ХАЛТУРИНУ
28 марта 1935 года

Халтурин Иван Игнатьевич (1902—1969) — родился в деревне. Работал в газете. Был делегатом II съезда комсомола. Создал в Ленинграде первую пионерскую газету «Ленинские искры», затем журнал «Новый Робинзон». При его участии возникло и радиовещание для детей в Москве. Работал редактором в издательстве «Молодая гвардия», Детиздате, в журналах «Мурзилка» и «Пионер». И. И. Халтурина связывала с А. П. Гайдаром многолетняя дружба.

Отрывок письма — о повести «Синие звезды» — был опубликован в «Воспоминаниях» И. И. Халтурина (сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1964, с. 247). В Собрании сочинений печатается впервые по автографу, который хранится в Каневской библиотеке-музее А. П. Гайдара.

Стр. 378. А. Роскин, В. Ермаков, А. Селивановский — известные в 30-х годах литературные критики. (Об А. И. Роскине см. с. 505 наст. т.; об В. В. Ермакове — с. 568 наст. т.; об А. П. Селивановском — с. 466 наст. т.)

Стр. 378. «Синие звезды» уже загораются иным светом». В 1934 году А. П. Гайдар прервал печатание повести «Синие звезды», которая публиковалась на страницах журнала «Пионер». Читателям было объявлено, что автор работает над продолжением. Но, как видно из публикуемого письма, замысел произведения существенно изменился и потребовал переделки всей повести (подробнее см. комментарии к повести «Синие звезды» в наст. томе)

А. Я ТРОФИМОВОЙ
Начало июня 1935 года

В начале 1935 года вышла в свет повесть «Военная тайна». В июне месяце — в отсутствие автора — в «секции детских писателей Союза писателей (Москва)» было задумано провести дискуссию «о новой книге Гайдара». Узнав об этом, Аркадий Петрович тут же собрался и выехал в Москву

Записка публикуется впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 91, л. 55—55 об.).

Стр. 379. Кондратьева Мария Александровна — квартирная хозяйка.

И. П. МАГИДОВИЧУ
22 августа 1935 года

Магидович Игнатий Петрович (1901—1942) — переводчик зарубежной литературы для детей (печатался под псевдонимом Игнатий Петров), заместитель заведующего редакционным сектором Детиздата. В 1941 г. ушел добровольцем в ополчение. Погиб на фронте.

Письмо публикуется впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 2847, оп. I, ед. хр. 33, л. 1—2).

Стр. 379. «Работаю». А. П. Гайдар писал рассказ «Хорошая жизнь» («Голубая чашка»).

Стр. 379. Роскин Александр Иосифович (1898—1941) — биолог по образованию, пианист, известный критик, знаток и биограф А. П. Чехова, один из постоянных участников литературного содружества «Конотоп». Автор книг «Караваны, дороги, колосья» (1932), «Антоша Чехонте» (1940) и др. Погиб в боях под Вязьмой в 1941 г.

Статья А. Роскина «Воспитание чувств» (журнал «Детская литература», 1935, № 7) открывала полугодовую дискуссию о «Военной тайне» на страницах журнала. А. Роскин первым отметил, что «Военная тайна» является новаторским произведением советской детской литературы.

«Военная тайна», — писал критик, — представляет интерес как для детского, так и для взрослого читателя... Есть в творчестве Гайдара нечто, что придает его детским книгам жизненную значительность, ту большую серьезность, без которой нет подлинного искусства... Гайдар написал повесть о пионерском лагере... Но не для этого нехитрого сюжета написана повесть. Ее живая сила — в том втором плане, который придает всей книге большой и важный смысл.

А. Я. ТРОФИМОВОЙ
1 октября 1935 года

Письмо публикуется впервые со значительными сокращениями по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 91, л. 25 об.).

Стр. 380. «От нечего делать я... сделаю для себя

несколько заметок — ко второму изданию». О том, какие поправки внес А. П. Гайдар во второе издание «Военной тайны», см. примечания к повести, т. II, с. 533.

ЭРЕ (ИРИНЕ) И СВЕТЛАНЕ ТРОФИМОВЫМ

30 ноября 1935 года

Письмо публиковалось в Собрании сочинений. Печатается по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 91, л. 97).

А. Я. ТРОФИМОВОЙ

Январь (?) 1936 года

В конце декабря 1935 года А. П. Гайдар закончил рассказ «Голубая чашка», который должен был выйти в первом номере «толстого», то есть ежемесячного, журнала «Пионер» за 1936 год (раньше «Пионер» был «тонким», двухнедельным).

Отрывок из письма печатался в книге Б. Камова «Гайдар», с. 297. В Собрании сочинений публикуется впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 91, л. 56).

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ОРЛОВСКИМ ПИОНЕРАМ-ЧИТАТЕЛЯМ
ТРЕХ ДЕТСКИХ БИБЛИОТЕК: им. Н. К. КРУПСКОЙ,
им. А. С. ПУШКИНА и им. И. С. ТУРГЕНЕВА

Январь (?) 1936 года

В Орле, в конце 1935 года, в Центральной библиотеке им. Н. К. Крупской готовилась общегородская конференция по книгам А. П. Гайдара. И читатели трех детских библиотек обратились к Аркадию Петровичу с письмом: «Дорогой тов. Гайдар! Мы зачитываемся Вашей книгой «Школа» и недавно обсуждали «Военную тайну». Эту книгу мы очень любим. Она волнует нас, но мы хотели бы знать, что стало потом с Ганиным и Наткой... Хотели бы так же узнать подробнее про мать Альки, хотели бы, чтобы больше раскрылась тайна, чтобы заглавие стало яснее, и хотели, чтобы по этой книге был бы составлен фильм...

А еще мы очень просим Вас приехать в г. Орел. Мы никогда не видели ни одного живого писателя, портретов даже нет в продаже...

Приглашение детей и ответ на него были одновременно опубликованы в журнале «Детская литература», 1936, № 3—4, с. 63.

Письмо А. П. Гайдара орловским пионерам печаталось в книге

Б. Осыкова «Аркадий Гайдар», с. 113—114. В Собрании сочинений публикуется впервые по тексту журнала «Детская литература».

Стр. 382. «Талисманом» в 1936 г. назывался новый вариант «Синих звезд», рукопись которого не сохранилась. Позднее «Талисманом» А. П. Гайдар назвал повесть о Семене Бумбараше.

Стр. 382. «Я послал вам длинное письмо... в адрес Центральной детской библиотеки». Письмо утрачено.

ЭРЕ (ИРИНЕ) И СВЕТЛАНЕ ТРОФИМОВЫМ

6 февраля 1936 года

Письмо (без шуточных стихов, изображающих беспощадную «войну» двух сестер) публиковалось в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, с. 256, и в том же виде — в Собрании сочинений. Печатается по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 42, л. 3—4 об.).

Б. А. ИВАНТЕРУ

10 марта 1936 года

Ивантер Бениамин Абрамович (1904—1942) — журналист, писатель, друг А. П. Гайдара. В 15 лет записался в комсомол и одновременно в Красную Армию. Летом 1919 года учился на Вторых Киевских военно-инженерных курсах. Вместе с курсантами Шестых Киевских курсов (где учился А. П. Голиков) в августе 1919-го участвовал в обороне Киева. После гражданской войны работал репортером РОСТА и газеты «Труд». По заданию ЦК РКСМ писал агитпьесы. В 1925 г. начал работать в журнале «Пионер» — секретарем, потом заведующим редакцией. В 1929 г. в числе трех тысяч партийцев был направлен на коллективизацию. Создавал колхозы. Редактировал районные газеты. С июня 1933 по декабрь 1938 года — главный редактор журнала «Пионер».

Б. А. Ивантер очень много сделал для развития детской литературы и детской журналистики. Б. А. Ивантер пригласил сотрудничать в журнале и А. П. Гайдара. Для «Пионера» были написаны рассказы «Пусть светит», «Голубая чашка», «Дым в лесу», повесть «Синие звезды». В журнале Гайдар предполагал печатать «Талисман» (Семен Бумбараш) и «Судьбу барабанщика». В «Пионере» публиковались сценарий фильма «Тимур и его команда» и киноповесть «Комендант снежной крепости». Б. А. Ивантер погиб в 1942 году на фронте.

Письмо публикуется впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1789, оп. I,

ед. хр. 27, л. 1—1 об.). Озорной тон его — свидетельство того, что у А. П. Гайдара хорошо продвигалась работа.

Стр. 384. «...Фадеев обо мне написал, что я демократ в лучшем смысле слова». А. П. Гайдар имеет в виду статью А. А. Фадеева «Книги молодого Гайдара», где отмечалась «органическая революционность» произведений писателя, а так же «истинный демократизм Гайдара... Герои его произведений — дети солдата, стрелочника, машиниста, кладбищенского сторожа или беспризорник». («Литературная газета», 1933, 29 января. Цит. по сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1964, с. 281—282.)

Стр. 384. «...так как на моей улице праздник». Первый номер «толстого» журнала «Пионер» за 1936 год открывал рассказ «Голубая чашка», который одновременно вышел отдельной книжкой в Детиздате. Рассказ имел большой успех (см. отзыв В. В. Ермилова в том же письме).

Стр. 384. «...я люблю, получивши деньги, заказать «линкольн». Аркадий Петрович отличался редким даром устраивать себе и близким праздник. Он, случалось, заказывал не одну машину, а целых две, и возил по городу близких, друзей и знакомых ребятишек. «Линкольн» — легковая многоместная машина зарубежного производства. Прокат «линкольна» стоил дороже, чем обычное такси.

Стр. 384. «Талисман» от тебя не уйдет никуда». После того как А. П. Гайдар прервал работу над повестью «Синие звезды», начало которой было опубликовано в журнале «Пионер», между писателем и редакцией на время установился холодок. Из-за этого повесть «Военная тайна» Гайдар напечатал в журнале «Красная новь».

Стр. 384. Ермилов Владимир Владимирович (1904—1965) — критик, литературовед, в ту пору — главный редактор журнала «Красная новь».

Стр. 385. «...отошлю Тусе в «Конотоп». Тусей в кругу друзей звали редактора Детиздата С. Д. Разумовскую (см. письма к ней в наст. т.). Разумовская была постоянной участницей заседаний литературного содружества «Конотоп», мнением которого дорожили многие писатели. «Угроза» А. П. Гайдара носила, разумеется, шуточный характер.

Письмо публикуется впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1789, оп. I, ед. хр. 27, л. 2—2 об.).

Стр. 385. Луговской Владимир Александрович (1901—1957) — поэт, автор книг «Мускул», «Пустыня и весна», «Солнцеворот», «Середина века».

Стр. 385. «Дом Герцена» — здание в Москве по Тверскому бульвару, 25, где в 1812 году родился выдающийся русский писатель, философ и революционер А. И. Герцен. В 1920—1930-х годах в этом здании находились многие литературные организации, а в отдельных флигелях жили писатели. А. П. Гайдар считал, что квартира в таком доме не подходит для уединенной работы. Сейчас по Тверскому бульвару, 25 — Литературный институт им. А. М. Горького.

Стр. 385. Ляшкевич Дмитрий Ефимович (род. в 1904 г.). В 1930 г. — председатель горкома профсоюза писателей Москвы. В 1934 г. — член Оргкомитета Союза писателей СССР. С 1935 по 1939 г. — ведал в СП СССР жилищно-бытовыми вопросами. Участник Великой Отечественной войны. Впоследствии — директор Всесоюзного бюро пропаганды художественной литературы.

Стр. 386. «Красная новь» — первый советский «толстый» литературно-художественный и научно-публицистический журнал. На страницах «Красной нови» печатались повесть «Военная тайна» и рассказ «Телеграмма» («Чук и Гек»).

Стр. 386. «У меня бы... не было... никаких сомнений... если бы в «Пионере» не были напечатаны «Синие звезды». А. П. Гайдар работал над повестью «Талисман», которая представляла собой новый вариант «Синих звезд», две первых части которых уже были опубликованы в «Пионере» в 1934 году, № 1—13. Как можно догадаться по немногим дошедшим до нас подробностям, в «Талисмани» действовали те же герои, но события должны были развиваться совершенно иначе (по такому принципу год спустя был написан киносценарий «Военная тайна» — см. т. II, с. 133). Вот почему у писателя возникли опасения, что новая вещь для «Пионера» не подойдет. Рукопись «Талисмана» (бывшие «Синие звезды») не сохранилась.

СВЕТЛАНЕ ТРОФИМОВОЙ

14 августа 1936 года

Письмо — со значительными сокращениями — публиковалось в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, с. 255 и в Собрании сочинений. Печатается полностью по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 41, л. 5—6).

ЭРЕ (ИРИНЕ) ТРОФИМОВОЙ

16 августа 1936 года

Фотокопия письма публиковалась в книге Б. Камова «Гайдар» (вкладка между 256 и 257 страницами). В Собрании сочинений печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 40, л. I).

СВЕТЛАНЕ ТРОФИМОВОЙ

Август 1936 года

Письмо печаталось в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, с. 253—254 и в Собрании сочинений. Местонахождение автографа неизвестно. Публикуется по машинописной копии, которая сохранилась в архиве Р. И. Фраермана (ИРЛИ, ф. 718, папка 18).

СВЕТЛАНЕ ТРОФИМОВОЙ

Август 1936 года

Письмо — с сокращениями — печаталось в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, с. 255 и в Собрании сочинений. Местонахождение автографа неизвестно. Публикуется полностью по машинописной копии, которая сохранилась в архиве Р. И. Фраермана (ИРЛИ, ф. 718, папка 18).

А. Я. ТРОФИМОВОЙ

22 сентября 1936 года

Письмо публикуется впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 91, л. 32—32 об.).

Стр. 389. «Ведь я еще никогда не лечился по-настоящему». Заболевание А. П. Гайдара, травматический невроз, явилось следствием контузии, полученной в декабре 1919 года.

А. Я. ТРОФИМОВОЙ

23 сентября 1936 года

Письмо публикуется впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 91, л. 33).

ЭРЕ (ИРИНЕ) И СВЕТЛАНЕ ТРОФИМОВЫМ

Октябрь 1936 года

Текст открытки публиковался в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, с. 257 и в Собрании сочинений. Местонахождение оригинала неизвестно. Печатается по машинописной копии, которая сохранилась в архиве Р. И. Фраермана (ИРЛИ, ф. 718, папка 18).

ЭРЕ (ИРИНЕ) И СВЕТЛАНЕ ТРОФИМОВЫМ

5 октября 1936 года

Текст открытки печатался в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, с. 253 и в Собрании сочинений. Публикуется по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 42, л. 10).

ЭРЕ (ИРИНЕ) И СВЕТЛАНЕ ТРОФИМОВЫМ

23 октября 1936 года

Письмо — с сокращениями — печаталось в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, с. 254 и в Собрании сочинений. Публикуется по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 42, л. 13—13 об.).

ЭРЕ (ИРИНЕ) И СВЕТЛАНЕ ТРОФИМОВЫМ

24 октября 1936 года

Текст открытки — с сокращениями — публиковался в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, с. 254 и в Собрании сочинений. В настоящем томе печатается полностью по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 42, л. 5).

А. Я. ТРОФИМОВОЙ
Ноябрь 1936 (?) года

Письмо публикуется впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 91, л. 45—45 об.).

ЭРЕ (ИРИНЕ) И СВЕТЛАНЕ ТРОФИМОВЫМ
Февраль (?) 1937 года

Тексты двух открыток («Здравствуйте, веселые люди» и «Открытка с видом Байдар») без указания дат и с сокращениями печатались в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, с. 256 и 257. И в том же виде — в Собрании сочинений. Местонахождение оригиналов неизвестно. Публикуются по тексту сборника.

Б. А. ИВАНТЕРУ
17 февраля 1937 года

Письмо публикуется впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. II, ед. хр. 7-А).

Стр. 393. «В а л я т е б е , в е р о я т н о , у ж е р а с с к а з а л а ». Ф р а е р м а н В а л е н т и н а С е р г е е в н а (1896—1981) — жена Р. И. Фраермана. Преподавала в школе. В 1920 г. участвовала в подавлении кулацкого мятежа. За проявленное мужество была принята в партию. Работала в Коминтерне, в РОСТА, Детиздате. В 1937 г. была заместителем редактора журнала «Пионер».

Стр. 393. «Б о л ь ш е Р о б и н з о н а К р у з о , С е р в а н т е с а и И о в а м н о г о с т р а д а л ь н о г о ». Р о б и н з о н К р у з о — герой «Приключения Робинзона Крузо» книги Д. Дефо. М и г е л ь д е С е р в а н т е с С а а в е д р о (1547—1616) — великий испанский писатель, автор романа «Дон Кихот», претерпел в жизни много несчастий, потерял руку, умер в бедности. И о в — один из персонажей священного писания — Библии. По воле бога, в один день он лишился дома, всех своих детей, а сам был поражен тяжелой болезнью.

А. П. Гайдар в шутку сравнивает себя со всеми этими страдальцами, потому что во время путешествия из Ялты в Сухуми он отстал в Сочи от парохода.

Р. И. ФРАЕРМАНУ
25 февраля 1937 года

Письмо публикуется впервые по машинописной копии, которая сохранилась в архиве Р. И. Фраермана (ИРЛИ, ф. 718, папка 9). Местонахождение оригинала неизвестно.

И. И. ХАЛТУРИНУ
26 февраля 1937 года

Стихотворное послание было впервые опубликовано в «Воспоминаниях» И. И. Халтурина (сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1964, с. 244). Публикуется по автографу, который хранится в Каневской библиотеке-музее А. П. Гайдара.

Стр. 395. «А поедет он в Солотчу». Село Солотча Рязанской области было постоянным местом работы и отдыха К. Г. Паустовского и Р. И. Фраермана, которые приглашали к себе каждое лето друзей. Несколько раз в Солотче отдыхал и работал А. П. Гайдар.

Стр. 396. «В а л я с В е р о ю в з д о х н у т». Валя — В. С. Фраерман, Вера — В. В. Смирнова — критик, литературовед, жена И. И. Халтурина.

СВЕТЛАНЕ ТРОФИМОВОЙ
10 марта 1937 года

Текст открытки публиковался в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, с. 257 и в Собрании сочинений. Печатается по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 42, л. 2).

ЭРЕ (ИРИНЕ) И СВЕТЛАНЕ ТРОФИМОВЫМ
Март (?) 1937 года

Письмо публиковалось — с сокращениями — в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, с. 256 и в Собрании сочинений. Печатается по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 42, л. 9—9 об.).

А. Я. ТРОФИМОВОЙ
Август (?) 1937 года

Письмо — с сокращениями — печаталось в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, с. 252 и в Собрании сочинений. Местонахождение автографа неизвестно. Публикуется по машинописной копии, которая сохранилась в архиве Р. И. Фраермана (ИРЛИ, ф. 718, папка 18).

Стр. 397. «Привет Вал. Вл.» Валерия Владимировна Навашина — жена К. Г. Паустовского.

А. Я. ТРОФИМОВОЙ
Конец августа (?) 1937 года

Письмо печаталось в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, с. 252 и в Собрании сочинений. Местонахождение автографа неизвестно. Публикуется по тексту сборника.

Стр. 398. «Сегодня я кончаю работу...» В Солотче А. П. Гайдар писал повесть «Судьба барабанщика».

А. Я. ТРОФИМОВОЙ
Санаторий «Сокольники». 1937 (?) год

Отрывок из письма печатался в книге Б. Камова «Гайдар», с. 297—298. Публикуется по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 91, л. 6).

С. А. АНДРЕЕВУ
Ноябрь (?) 1937 года

Андреев Сергей Андреевич (1905—1939 (?)), — комсомольский и издательский работник. Был ответственным редактором газеты «Красная молодежь» (Владимир) и «Большевистский молодец» (Смоленск). С 1935 по 1937 год — заведующий сектором печати ЦК ВЛКСМ. С сентября 1937 года по ноябрь 1938 года — директор Детиздата.

Письмо публикуется впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 630, оп. I, ед. хр. 103, с. 55).

Стр. 398. «Остались до конца книги последние страницы». А. П. Гайдар завершал работу над повестью «Судьба барабанщика».

Стр. 399. «...чтобы он выдал мне декабрьские деньги». Для улучшения условий жизни и работы А. П. Гайдара, Детиздат предложил писателю выплачивать ему в счет гонорара две тысячи рублей ежемесячно, о чем было заключено специальное соглашение.

Р. И. ФРАЕРМАНУ
9 января 1938 года

Письмо печаталось в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, с. 266 и в Собрании сочинений. Местонахождение оригинала неизвестно. Публикуется по машинописной копии, которая сохранилась в архиве Р. И. Фраермана (ИРЛИ, ф. 718, папка 14).

Стр. 399. «Вернусь, закончив повесть, к первому». См. выше примечание к письму С. А. Андрееву.

С. Г. РОЗАНОВУ
21 января 1938 года

Розанов Сергей Григорьевич (1894—1957) по образованию медик. В качестве брата милосердия участвовал в первой мировой войне. Занимал командные должности в годы революции. Педагог, драматург и прозаик, С. Г. Розанов посвятил себя художественному воспитанию детей. Он — один из создателей Центрального детского театра в Москве. Автор известной книги «Приключения Травки». Друг А. П. Гайдара, С. Г. Розанов сберег значительную часть архива Аркадия Петровича, в том числе киносценарий «Военная тайна» (т. II, с. 133).

Письмо С. Г. Розанову было опубликовано в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1954, с. 245—246 и в Собрании сочинений. Местонахождение оригинала неизвестно. Печатается по тексту сборника.

Р. И. ФРАЕРМАНУ
Май 1938 года

Письмо печаталось в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, с. 266—267 и в Собрании сочинений. Местонахождение оригинала неизвестно. Публикуется по фотокопии с автографа, которая хранится в ЦГАЛИ (ф. 1672, оп. II).

Стр. 402. «...где Миша?» Лоскутов Михаил Петрович (1906—1940) — очеркист и прозаик, один из участников литературных заседаний «Конотоп».

Письмо публиковалось в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1954, с. 245 и в Собрании сочинений. Местонахождение оригинала неизвестно. Печатается по тексту сборника.

Стр. 402. «...мадам Бовари до Айседоры Дункан была женою Есенина». Мадам Бовари — героиня одноименного романа французского писателя Г. Флобера (1821—1880). Айседора Дункан (1878—1927) — американская танцовщица. В 1921—1924 гг. жила в СССР, была замужем за поэтом С. А. Есениным (1895—1925).

Стр. 402. Никитин Николай Карпович — редактор Детиздата.

Стр. 402. «...ни в каких журналах печатать без Бобкиного разрешения нельзя». Бобкой в кругу друзей звали редактора «Пионера» Бениamina Абрамовича Ивантера. Повесть «Судьба барабанщика» должна была появиться в журнале «Пионер».

С. А. АНДРЕЕВУ
31 октября 1938 года

Письмо публикуется впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 630, оп. 6, ед. хр. 15, л. 21).

Стр. 402. «...прошу Вас... присутствовать на читке моей новой вещи». 3 ноября должно было состояться чтение рассказа «Телеграмма» («Чук и Гек»).

Стр. 402. Кон Лидия Феликсовна — редактор, критик, специалист по детской литературе. Ей принадлежит несколько статей о творчестве А. П. Гайдара.

ЛВУ ПОЛЯКОВУ
1938 год

Поляков Лев — племянник А. П. Гайдара, сын Натальи Петровны.

Стихотворное послание публикуется впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. II, ед. хр. 10, л. 31).

ЛВУ ПОЛЯКОВУ
Март 1939 года

Фотокопия дарственной надписи на снимке была помещена в книге Б. Камова «Гайдар» (вкладка между с. 256 и 257). В Собрании сочинений печатается впервые по этой фотокопии.

ТИМУРУ ГАЙДАРУ
1 мая 1939 года

Фотоснимок с автографа и текст стихотворения впервые были напечатаны в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, с. 206 и 207. В Собрании сочинений стихи публикуются впервые по оригиналу, который хранится в архиве Т. А. Гайдара.

ЕВГЕНИИ ГАЙДАР
Май 1939 года

Письмо публиковалось в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, с. 258 и в Собрании сочинений. Местонахождение оригинала неизвестно. Публикуется по рукописной копии, которая сохранилась в архиве Е. А. Гайдара.

А. Е. РАЗУМНОМУ
9 мая 1939 года

Разумный Александр Ефимович (1891—1972) — художник и кинорежиссер. Работал театральным актером и режиссером. Член партии большевиков с 1919 года. Поставил первый советский художественный фильм «Восстание» (1918). В январе 1924 г. был руководителем съемочной группы и оператором фильма «Похороны Ленина». В 1932 году снял первый советский телевизионный фильм «Днепрострой». В 1940 г. поставил фильм «Тимур и его команда». А. Е. Разумный создал 400 портретов выдающихся деятелей русского и советского искусства. В том числе два портрета А. П. Гайдара.

Письмо публиковалось в книге Александра Разумного «У истоков...». М., «Искусство», 1975, с. 133. В Собрании сочинений печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 2972, папка 50-а, л. 12).

Имеются воспоминания А. Е. Разумного о начале творческого содружества с А. П. Гайдаром: «Во время съемок «Личного дела» состоя-

лось мое первое знакомство с Аркадием Гайдаром. Все началось с того, что для работы над сценарием ленинградского учителя Поташова «Личное дело»... необходимо было привлечь квалифицированного литератора. Лев Кассиль, влюбленный в талант Гайдара, настоятельно рекомендовал Аркадия Петровича...

Ознакомившись со сценарием Поташова, Аркадий Петрович согласился помочь, уговорив меня не сообщать автору о вмешательстве профессионального писателя. Уже через некоторое время я получил экземпляр сценария, где не было никаких пометок: Гайдар прислал начисто перепечатанный экземпляр и сопроводительное письмо» (Александр Разумный. «У истоков...». М., «Искусство», 1975, с. 132—133).

Стр. 405. О работе над сценарием «Личное дело» см. также Дневник А. П. Гайдара от 9 и 12 мая 1939 года — с. 307 и 308 наст. т.

Стр. 405. «Привет Александру Николаевичу». Речь идет о редакторе студии «Союздетфильм» А. Н. Андриевском. (См. телеграмму к А. Н. Андриевскому и примечания к ней.)

ТЕЛЕГРАММА А. Н. АНДРИЕВСКОМУ
30 мая 1939 года

Андриевский Александр Николаевич (род. в 1899 г.) — редактор киностудии «Союздетфильм», впоследствии сценарист и режиссер. Был постановщиком первого советского стереоскопического фильма «Земля молодости» (1941).

Телеграмма печатается по тексту Дневника А. П. Гайдара от 30 мая 1939 (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 23, л. 24).

Стр. 405. «...замечательную сцену закатил я вчера в семье Половцевых». А. П. Гайдар работал над сценарием фильма «Судьба барабанщика» для киностудии «Союздетфильм».

Р И. ФРАЕРМАНУ
3 июня 1939 года

Письмо впервые опубликовано в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1964, с. 334. Местонахождение автографа неизвестно. Печатается по тексту сборника.

Стр. 406. Фейхтвангер Лион (1884—1958) — немецкий писатель-антифашист. Когда в Германии к власти пришел Гитлер, Фейхтвангер вынужден был эмигрировать. В своих исторических романах

Л. Фейхтвангер утверждал превосходство разума и человечности над жестокостью и бездуховностью, наиболее полным воплощением которых был германский фашизм.

Стр. 406. Стендаль (наст. имя Анри Мари Бейль) (1783—1842) — французский писатель. Как вспоминал Р. И. Фраерман, «В двух главных героях произведений Стендаля — Жюльене Сореле и Наполеоне — Гайдар видел что-то родственное себе: оба из низов, оба сделали невероятную карьеру за короткий срок мощью своей воли, ума... Ведь если бы не болезнь, Гайдар мог стать крупным военачальником» (сб. «Жизнь и творчество Р. Фраермана», М., «Детская литература», 1981, с. 113).

Стр. 406. «Весь и всем я обязан Гоголю, Гофману, Диккенсу и Марку Твену»... Гоголь Николай Васильевич (1809—1852) — великий русский писатель. С его творчеством А. П. Гайдар познакомился очень рано, помнил многие произведения наизусть и продолжал перечитывать в зрелые годы (см. письмо к А. Я. Трофимовой от 11 января 1935 г. — с. 369 наст. т.). Гофман Эрнест Теодор Амадей (1776—1822) — немецкий писатель — романтик и сказочник; композитор, художник. Автор книг «Золотой горшок», «Крошка Цахес», «Повелитель блох», «Сказки кота Мурра». Диккенс Чарльз (1812—1870) — английский писатель, его романы «Дэвид Копперфильд», «Крошка Доррит», «Оливер Твист» проникнуты сочувствием к человеку, особенно к детям. Марк Твен (наст. имя — Сэмюэл Клеменс) (1835—1910) — американский писатель. Книги «Приключения Тома Сойера» и «Приключения Гекльберри Финна» — классика детской литературы. Они оказали влияние на раннее творчество А. П. Гайдара.

Стр. 406. «...тогда ты все-таки поймешь, почему я не люблю Чарли Чаплина». Чаплин Чарльз Спенсер (1889—1977) — американский актер, режиссер и сценарист. Всемирную известность получили его фильмы «Золотая лихорадка», «Огни большого города», «Новые времена», «Диктатор». В них Ч. Чаплин создал образ доброго, бескорыстного, но забитого «маленького человека». Аркадия Петровича огорчала покорность этого «маленького человека» обстоятельствам.

Стихотворная часть письма публиковалась в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, с. 258 и в Собрании сочинений. Печатается по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. II, ед. хр. 11, л. 4—5.).

Стр. 407. Захарова Алевтина — племянница Д. М. Гайдар.

Стр. 407. «Сшила ли мне сапоги?» Аркадий Петрович по давней армейской привычке продолжал носить сапоги. Но у него была большая нога, и сапоги приходилось шить на заказ.

Стр. 407. «Борис скучает по Наде». В Солотчу А. П. Гайдар взял младшего брата Доры Матвеевны — Бориса, который впервые так далеко уехал из дома.

Письмо печаталось в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1954, с. 238 и в Собрании сочинений. Публикуется по автографу, который хранится в Каневской библиотеке-музее А. П. Гайдара.

Стр. 407. «Послал две телеграммы на Дальний Восток — не отвечают». В Хабаровске, в Дальгизе, должна была выйти повесть А. П. Гайдара «Дальние страны».

Стр. 407. «Рассказ я пишу небольшой». Летом 1939 года А. П. Гайдар написал два коротких рассказа: «Василий Крюков» и «Маруся» (т. II, с. 329 и 331).

Стр. 408. «Как дела у Веры?» Чернышова Вера Матвеевна — младшая сестра Д. М. Гайдар.

Стр. 408. «Передай мой привет маме и скажи ей, пусть за грубость мою она на меня не сердится...» Аркадий Петрович отличался добротой, вниманием к людям и деликатностью, но у него, особенно во время работы, возникали такие состояния, когда любой пустяк мог вывести его из равновесия. И тогда, случалось, он срывался и после глубоко переживал эти невольные срывы.

С. Я. МАРШАКУ
(Надпись на книге «Судьба барабанщика»)

7 июля 1939 года

Маршак Самуил Яковлевич (1887—1964) — поэт, драматург, переводчик, классик советской детской литературы. Автор стихов, сказок, пьес для детей. Перевел на русский язык стихи Бернса, сонеты Шекспира.

С. Я. Маршак был крупнейшим организатором и собирателем сил советской детской литературы.

Текст надписи публикуется в Собрании сочинений впервые по фотокопии, которая хранится в Фотоархиве Государственного литературного музея в Москве.

Стр. 408. «...старому и строгому другу». А. П. Гайдар познакомился с С. Я. Маршаком в 1925 году в Ленинграде. И потом они часто встречались в Москве. (См. воспоминания С. Я. Маршака «Памяти Гайдара» в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1964, с. 5.)

В декабре 1935 года А. П. Гайдар закончил рассказ «Голубая чашка». По обыкновению, он читал новую вещь друзьям и знакомым. Одним рассказ очень нравился. Другие находили его сентиментальным. Тогда Гайдар поехал в Ленинград, чтобы показать «Голубую чашку» Маршаку: это был самый большой авторитет в детской литературе. Сделав ряд замечаний, Маршак при этом высоко оценил «Голубую чашку» и поддержал Гайдара в его творческом поиске.

А. А. ФАДЕЕВУ
(Дарственная надпись на книге «Судьба барабанщика»)

Вторая половина 1939 года

Надпись публикуется в Собрании сочинений впервые по автографу, который хранится в Государственном литературном музее в Москве.

Стр. 408. В декабре (?) 1934 года А. П. Гайдар и А. А. Фадеев отдыхали в доме отдыха Огиза в Ильинском (см. письмо к А. Я. Трофимовой — декабрь (?) 1934 г. — с. 368 наст. т.).

С. Д. РАЗУМОВСКОЙ
(Дарственная надпись на книге «Судьба барабанщика»)

Вторая половина 1939 года

Публикуется впервые по оригиналу, который хранится в архиве Д. С. Данина.

Д. М. ГАЙДАР
2 октября 1939 года

Письмо — со значительными сокращениями — было напечатано в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, с. 258 и в Собрании сочинений. В настоящем издании публикуется полностью по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 39, л. 1—1 об.).

Стр. 409. «...Работа передо мной очень большая». А. П. Гайдар приступал к повести «Дункан и его команда» (подробнее см. т. II, с. 546).

Д. М. ГАЙДАР
Почтовый штемпель: 9 октября 1939 года

Письмо — с сокращениями — печаталось в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, с. 260—261 и в Собрании сочинений. Публикуется полностью по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 39, л. 3—3 об.).

Д. М. ГАЙДАР
Почтовый штемпель: 30 ноября 1939 года

Письмо публикуется впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 39, л. 28).

Стр. 410. «Посылаю тебе газету...» Речь шла о газете, где была напечатана заметка о встрече А. П. Гайдара с читателями.

Д. М. ГАЙДАР
15 февраля 1940 года

Письмо публикуется впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 39, л. 6).

Стр. 411. «Очень жаль, что я ничего не знаю о своих делах в кино». Когда А. П. Гайдар приступил к работе над повестью «Дункан и его команда», ему предложили, не завершая книги, сделать сценарий одноименного фильма. Однако заявка на фильм рассматривалась долго. Работа над повестью прервалась, а над сценарием не начиналась. Это беспокоило писателя.

Стр. 411. «Принеси мне французский учебник». А. П. Гайдар с детства любил французский язык и пользовался любой возможностью, чтобы совершенствоваться в нем.

Д. М. ГАЙДАР
10 марта 1940 года

Публикуется впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 39, л. 7).

Стр. 411. «П р и с т у п и л к л е ч е н и ю». Весной 1940 года врачи обнаружили у А. П. Гайдара сахарный диабет и направили писателя в санаторий ВЦСПС в Цхалтубо. Вместе с Гайдаром для работы над сценарием поехал режиссер А. Е. Разумный, который должен был ставить фильм «Тимур и его команда». Лечение в санатории оказалось успешным.

Стр. 411. Р а з у м н а я О л ь г а А л е к с е е в н а — жена режиссера А. Е. Разумного.

Д. М. ГАЙДАР
21 марта 1940 года

Письмо — в сокращении — печаталось в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, с. 261 и в Собрании сочинений. Публикуется полностью по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. II, ед. хр. 11, л. 7—7 об.).

Д. М. ГАЙДАР
30 марта 1940 года

Письмо публикуется впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. II, ед. хр. 11, л. 8—8 об.).

Д. М. ГАЙДАР
5 апреля 1940 года

Письмо — с некоторыми сокращениями — печаталось в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, с. 261 и в Собрании сочинений. Публикуется полностью по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 39, л. 10—10 об.).

ЕВГЕНИИ ГАЙДАР
Апрель 1940 года

Текст открытки печатался в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, с. 258—259 и в Собрании сочинений. Публикуется по оригиналу (АГМГ, ед. хр. 391).

АЛЕВТИНЕ ЗАХАРОВОЙ

Апрель 1940 года

Текст открытки печатался в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, с. 259 и в Собрании сочинений. Публикуется по тексту сборника.

ЕВГЕНИИ ГАЙДАР, АЛЕВТИНЕ ЗАХАРОВОЙ

1940 год

Отрывок письма печатался в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, с. 259 и в Собрании сочинений. Публикуется по тексту сборника.

М. Н. БОЙКОВУ

(Дарственная надпись на книге А. Джорданова «Наши крылья»)

Апрель (?) 1940 года

Бойков Михаил Ниллович (1904—1941) — летчик-испытатель. Участвовал в войне с белофиннами. С А. П. Гайдаром М. Н. Бойков познакомился в Москве, на вечере, организованном Управлением Главсевморпути весной 1940 года. М. Н. Бойков погиб в 1941 г.

Дарственная надпись на книге А. Джорданова «Наши крылья» впервые опубликована В. Березой в статье «Неизвестные автографы Гайдара» (газета «Горьковская правда» (Горький), 1966, 13 мая). В Собрании сочинений печатается впервые по оригиналу, который хранится в Каневской библиотеке-музее А. П. Гайдара.

М. Н. БОЙКОВУ

(Дарственная надпись на книге «Школа»)

Лето (?) 1940 года

Автограф на книге «Школа» (М., Детиздат, 1939 г., на укр. яз.) впервые опубликован в статье В. Березы «Неизвестные автографы Гайдара» (газета «Горьковская правда» (Горький), 1966, 13 мая). В Собрании сочинений печатается впервые по оригиналу, который хранится в Каневской библиотеке-музее А. П. Гайдара.

Конец июля 1940 года

Письмо публикуется впервые по машинописной копии, которая сохранилась в архиве Р. И. Фраермана (ИРЛИ, ф. 718, папка 9). Место нахождения автографа неизвестно.

Стр. 415. «...мне остался десяток дней, и я окончу повесть». А. П. Гайдар работал над книгой «Тимур и его команда» (см. Дневник от 29 июля 1940 г. — с. 316 наст. т.).

Д. М. ГАЙДАР

Почтовый штемпель: 8 сентября 1940 года

Письмо публикуется впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 39, л. 12).

Стр. 416. «Хожу — думаю». 5 сентября 1940 года в газете «Пионерская правда» начала печататься повесть «Тимур и его команда». А три дня спустя А. П. Гайдар уже работал над новой вещью — «Комендант снежной крепости».

Д. М. ГАЙДАР

8 сентября 1940 года

Письмо — со значительными сокращениями — печаталось в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, с. 259—260 и в Собрании сочинений. В настоящем издании публикуется полностью по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 39, л. 13—13 об.).

Стр. 416. «На этот раз я работаю несколько иначе, чем всегда». О том, как работал А. П. Гайдар, существует немало рассказов. Многие страницы своих книг он сочинял на ходу, «выборматывая» строку за строкой. Обладая удивительной памятью, Аркадий Петрович помнил наизусть не только свои рассказы, но и большие «куски» повестей. Отсюда складывалось впечатление, что он работал не как все и мог диктовать свои произведения прямо на машинку. Между тем и у Гайдара, когда он принимался за новую вещь, был долгий период застойной работы, о чем свидетельствуют черновики произведений и дневниковые записи. Аркадий Петрович заранее обдумывал портреты будущих персонажей, особенности характера, поступки, которые эти персонажи совершат. Набрасывал планы ближайших глав.

Приступая к «Коменданту снежной крепости», Аркадий Петрович задумал составить сначала план всего произведения. Так он работал впервые.

Д. М. ГАЙДАР

10 сентября 1940 года

Письмо — с сокращениями — печаталось в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, с. 260 и в Собрании сочинений. Публикуется по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 39, л. 15).

Стр. 418. «Наталье скажи, что перо от индюка я уже достал». Наталья Никитична — домработница в семье Гайдара. Была охотница до нарядов. Ульяна — ее младшая сестра.

Д. М. ГАЙДАР

13 сентября 1940 года

Письмо — с сокращениями — печаталось в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, с. 260 и в Собрании сочинений. Публикуется по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 39, л. 25—25 об.).

«ЕСЛИ ТИМУРОВ СЕЙЧАС МАЛО, ТО ИХ БУДЕТ МНОГО»

(Ответ ребятам — читателям повести «Тимур и его команда»)

27 сентября 1940 года

Это было выступление А. П. Гайдара в Московском городском доме пионеров в переулке Стопани, где обсуждалась повесть «Тимур и его команда».

Текст речи был опубликован в книге Александра Разумного «У истоков...», М., «Искусство», с. 136—137. Публикуется по стенограмме (ЦГАЛИ, ф. 2972, оп. I, дело 123).

Р. И. ФРАЕРМАНУ

Почтовый штемпель: 29 ноября 1940 года

Отрывок из письма публикуется впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. II, ед. хр. 10-А).

Стр. 421. «Я задумал одну вещь... Это будет полусон». Замысел осуществлен не был.

Д. М. ГАЙДАР
16 декабря 1940 года

Письмо со значительными сокращениями печаталось в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, с. 257 и в Собрании сочинений. Публикуется полностью по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 39, л. 16—16 об.).

Стр. 421. «...к 19 числу работу закончу». А. П. Гайдар завершал киноповесть «Комендант снежной крепости» (см. заметку «Тимур готовится к войне» — т. II, с. 492).

Стр. 422. «Ты не огорчайся за телефон, за долги». Аркадий Петрович любил отвечать на издательские и дружеские письма телеграммами в 200—300 слов, которые он передавал из дома по телефону.

Стр. 422. «Привет Тоне и Василию. Очень они меня шинелью выручили». Гайдар уволился из Красной Армии в 1924 году, но продолжал носить военную форму (без знаков различия). Василий Ефименко подарил Аркадию Петровичу шинель.

РЕДАКТОРУ ДЕТИЗДАТА Т. СМIRНОВОЙ

14 января 1941 года

В архиве А. П. Гайдара сохранилось письмо редактора Детиздата Т. Смирновой, в котором говорилось: «...Вас мы хотим просить написать несколько новелл о советских детях». Записка А. П. Гайдара была ответом на просьбу. Вероятно, с этим заказом Детиздата связана и заметка в Дневнике от 5 марта 1941 года: «...сколько ни бился — больше четырех строк из обещанного короткого рассказа написать не мог никак» (см. с. 325 наст. т.).

Публикуется впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 12, л. 5).

Г. С. КУКЛИСУ
14 февраля 1941 года

Куклис Григорий Самойлович (род. в 1906) — журналист, редактор. С 1939 г. — главный редактор Детиздата. В 1941 г. ушел добровольцем на фронт. После войны работал редактором журнала «Смена» и на ответственных должностях в журнале «Дружба народов» и газете «Литературная Россия».

Письмо публикуется впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 630, оп. 1).

Стр. 422. «...лечат меня инсулином». Инсулин — гормон, вырабатываемый поджелудочной железой, понижает содержание сахара в крови. Применяется при сахарном диабете.

Стр. 423. «И вряд ли ЦК комсомола прогадал бы». С 1936 года Детиздат был издательством ЦК ВЛКСМ.

Стр. 423. Ярцев Георгий Алексеевич был директором Детиздата с 1939 по май 1941 года.

ОТВЕТ НА АНКЕТУ Л. В. КУЛЕШОВА: «ЧТО ВЫ ЛЮБИТЕ В ЖИЗНИ БОЛЬШЕ ВСЕГО?»

Весна (?) 1941 года

Кулешов Лев Владимирович (1899—1971) — выдающийся советский режиссер, педагог и теоретик кино. В начале 20-х гг. он создал творческую «группу Кулешова», в которой выросли В. Пудовкин и С. Эйзенштейн. Л. В. Кулешов открыл киномонтаж, который во всем мире известен как «эффект Кулешова». Лев Владимирович снял фильмы «Необычайные приключения мистера Веста в стране большевиков», «По закону», детский фильм «Сибиряки» и др.

«Как-то Кулешову пришла в голову мысль попросить друзей ответить на вопрос: «Что каждый больше всего любит в жизни?» Договорились отвечать честно, искренне, не пытаясь быть остроумным или оригинальным. Называть можно было несколько объектов любви или увлечений — три, пять, семь, но не больше» (Л. Кулешов, А. Хохлова. «50 лет в искусстве», М., «Искусство», 1975, стр. 178—179). Ответ А. П. Гайдара в Собрании сочинений публикуется впервые по тексту: Л. Кулешов, А. Хохлова «50 лет в искусстве», с. 179.

Г. С. КУКЛИСУ

22 марта 1941 года

Письмо публикуется впервые по автографу, который хранится в архиве Б. Н. Камова.

Стр. 424. «Доканчиваю одну... работу». Вместе с режиссером Л. В. Кулешовым А. П. Гайдар завершал сценарий «Комендант снежной крепости». Фильм по этому сценарию снят не был.

Стр. 424. «Вы заключите со мной договор на вторую книгу о Тимуре». Весной 1941 года А. П. Гайдар задумал продолжение книги «Тимур и его команда». Он решил рассказать

о сложных, даже драматических событиях внутри коллектива. Написать эту книгу целиком Аркадий Петрович не успел. Но первые главы и заготовки к ней легли в основу киноповести «Клятва Тимура», созданной в начале войны за рекордный срок — две недели. (См. комментарии к «Клятве Тимура» — т. II, с. 551.)

Р. И. ФРАЕРМАНУ
8 апреля 1941 года

Письмо печаталось с сокращениями в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, с. 268 и в Собрании сочинений. Местонахождение оригинала неизвестно. Публикуется по машинописной копии, которая сохранилась в архиве Р. И. Фраермана (ИРЛИ, ф. 718, папка 14).

Стр. 424. Твардовский Александр Трифонович (1910—1971) — выдающийся советский поэт и общественный деятель. В 1936 году опубликовал свою поэму «Страна Муравия», которая сразу принесла ему известность. В годы Великой Отечественной войны создал поэму «Василий Теркин». В 1961 году был удостоен Ленинской премии за книгу «За далью — даль».

Стр. 424. Жаров Александр Алексеевич (род. в 1904 г.) — один из первых молодежных поэтов. В поэме «Гармонь», опубликованной в 1926 г., создал образы комсомольцев 20-х годов. Автор многих стихов и песен, которые вошли в сб. «Страна юности».

ЕВГЕНИИ ГАЙДАР
10 апреля 1941 года

Письмо публикуется впервые по автографу (АГМГ, ед. хр. 390).

Р. И. ФРАЕРМАНУ
Апрель — май 1941 года

Стихотворное послание публиковалось в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, с. 267—268 и в Собрании сочинений. Местонахождение автографа неизвестно. Публикуется по машинописной копии, которая сохранилась в архиве Р. И. Фраермана (ИРЛИ, ф. 718, папка 14).

2 июля 1941 года

Текст телеграммы публиковался в книге Б. Камова «Гайдар», с. 344. В Собрании сочинений печатается впервые по оригиналу, который хранится в ЦГАЛИ (ф. 631, оп. 16, ед. хр. 78, л. 28).

Стр. 426. «Не забудьте о моем письме, оставленном секретариате». Это было первое обращение А. П. Гайдара в Союз писателей с просьбой помочь уехать на фронт.

Д. М. ГАЙДАР

Июль 1941 года

Записка публикуется впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 39, л. 18).

Стр. 426. «...я кончил очень важную сцену — пошел в кино повидать Кулешова». На второй день Великой Отечественной войны Комитет по делам кинематографии поручил А. П. Гайдару и Л. В. Кулешову приступить к работе над новым фильмом о Тимуре. Гайдар за короткий срок — в две недели — написал сценарий «Клятва Тимура». Картина была снята Кулешовым осенью 1941 года. На экраны не вышла.

КОМЕНДАНТУ ГАРНИЗОНА ГОРОДА МОСКВЫ
ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ РЕВЯКИНУ

14 июля 1941 года

Письмо было напечатано в книге Б. Камова «Партизанской тропой Гайдара», 1965, с. 24—25. В Собрании сочинений публикуется впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 19, л. 1).

Д. М. ГАЙДАР

Записка, оставленная перед уходом на фронт

20 июля 1941 года

Текст записки печатался в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, с. 264 и в Собрании сочинений. Публикуется по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. II, ед. хр. 11, л. 10).

Стр. 427. Андреев Иван Андреевич — редактор газеты «Пионерская правда», друг А. П. Гайдара.

Стр. 427. Владимиров Василий Иванович — в 1941 г. был помощником первого секретаря ЦК ВЛКСМ.

Стр. 427. Бурков Борис Сергеевич (род. в 1908 г.) — известный журналист. С 1939 по 1941 — заместитель главного редактора «Комсомольской правды». С 1941 по 1948 г. — главный редактор. Работал главным редактором газеты «Труд», заместителем главного редактора «Правды». С 1961 по 1970 г. — председатель правления агентства печати «Новости». В настоящее время — персональный пенсионер.

ЕВГЕНИИ ГАЙДАР

(Надпись на книге, подаренной перед отъездом на фронт)

20 июля 1941 года

Надпись была опубликована в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, с. 262 и в Собрании сочинений. Печатается по автографу, который хранится в архиве Е. А. Гайдар.

Д. М. ГАЙДАР

Почтовый штемпель: 30 июля 1941 года

Письмо публиковалось в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, с. 262 и в Собрании сочинений. Печатается по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 39, л. 21).

Стр. 428. «Ночь, как сама знаешь, была неспокойная». В ночь с 20 на 21 июля 1941 года в Москву впервые прорвались немецкие самолеты и сбросили бомбы. Как выяснилось много позже, бомбежке подвергся и тот эшелон, в котором ехал на фронт А. П. Гайдар. (См. примечание к письму А. П. Гайдара от 16 августа 1941 г.)

Стр. 429. «Твой солдат Аркаш'инка». Однажды Аркадий Петрович получил из дому письмо, в котором в слове «Аркашенька» был пропущен «ь». Гайдару это очень понравилось. С той поры он часто подписывался «Аркашенка» или «Аркаш'инка».

Д. М. ГАЙДАР

Почтовый штемпель: 16 августа 1941 года

Письмо публиковалось в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, с. 264 и в Собрании сочинений. Печатается по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 39, л. 22).

Стр. 428. «Бои, как сама читаешь, идут упорные». 30 июля 1941 года гитлеровские войска начали интенсивное наступление на Киев. 7 августа стало известно, что Гитлер отдал приказ к 8 августа во что бы то ни стало овладеть Киевом и провести на Крещатике парад. Но сопротивление Красной Армии и трудящихся города оказалось столь велико, что 10 августа немецкие войска вынуждены были приостановить наступление. (См. Д. Ф. Григорович. «Киев — город-герой», М., Воениздат, 1962, с. 46, 58, 61.)

Стр. 429. «При одном обстоятельстве пропала моя сумка». По свидетельству Д. М. Гайдар, речь шла о заплечном мешке с теплым бельем, туалетными принадлежностями и едой. Позже, когда А. П. Гайдар приехал на короткую побывку домой, он рассказал, что вещевой мешок пропал в первую же ночь после отъезда из Москвы, потому что эшелон, в котором ехал Аркадий Петрович, был разбомблен фашистской авиацией. При этом погибло много народу.

ТЕЛЕГРАММА Д. М. ГАЙДАР

18 августа 1941 года

По вызову редакции «Комсомольская правда» А. П. Гайдар приехал на несколько дней в Москву. Д. М. Гайдар с Женей в это время находились в Клину.

Текст телеграммы публикуется впервые по оригиналу, который хранится в архиве Д. М. Гайдар.

Д. М. ГАЙДАР

Почтовый штемпель: 12 сентября 1941 года

Письмо было напечатано в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951 и в Собрании сочинений. Публикуется по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. I, ед. хр. 39, л. 23).

Стр. 429. «Дальше мой путь будет сложнее». В начале сентября гитлеровская армия вновь активизировала свои действия в районе Киева.

Стр. 429. «Вспоминаю, как дружно и весело подъезжали мы с тобой к этому городу». Весной 1941 года Аркадий Петрович вместе с Дорой Матвеевной ехал через Харьков на юг, в Ялту.

Стр. 429. «Не унывай и помни своего военного з а й с а». А. П. Гайдар, когда у него было хорошее настроение, любил

рассказывать о себе смешные, тут же придуманные истории. Себя он в этих историях изображал в виде неловкого, то и дело попадающего в нелепые ситуации, но всегда неунывающего з а й с а.

Д. М. ГАЙДАР

16 или 17 сентября 1941 года

Письмо — с сокращениями — публиковалось в сб. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», 1951, с. 262—263 и в Собрании сочинений. Печатается по автографу (ЦГАЛИ, ф. 1672, оп. 1, ед. хр. 39, л. 24).

Стр. 429. «Пользуюсь случаем, пересылаю письмо самолетом». В 1942 году жена писателя, Д. М. Гайдар, получила письмо от лейтенанта С. Ф. Абрамова, который, в частности, сообщал: «Когда образовалось окружение (под Киевом.— Б. К.), то Гайдару предложили вылететь на самолете, но он отказался и остался с окруженной армией». (Письмо от 1 мая 1942 года. Хранится в Каневской библиотеке-музее А. П. Гайдара.)

Стр. 430. «...товарищи, которых передадут тебе письмо...» Д. М. Гайдар просила отметить в комментариях следующее: «Последнее письмо Аркадия Петровича мы с Женей получили по почте. Никто не пришел к нам ни в сорок первом, ни сорок лет спустя. Последняя просьба Гайдара — прийти и рассказать нам о нем — осталась невыполненной...»

НАДПИСЬ НА ЗАПАЛЬНОЙ ДОШЕЧКЕ
ОТ БУТЫЛКИ С ГОРЮЧЕЙ СМЕСЬЮ

28 сентября 1941 года

Запальная дощечка — продолговатая фанерка чуть больше спичечного коробка. С одной стороны фанерка была покрыта спичечной серой, другая оставалась гладкой. А. П. Гайдар сделал надпись ножом на гладкой поверхности дощечки, а затем обвел все буквы химическим карандашом.

Это последний дошедший до нас автограф А. П. Гайдара.

В конце сентября Аркадий Петрович оказался в глубоком вражеском тылу — в лесу под Семеновкой. Там собралось много наших бойцов и командиров. Окружив лес, подогнав танки, гитлеровцы предложили всем сдаться в плен. Полковник авиации А. Д. Орлов возглавил штурмовую группу для выхода из окружения. Первым и самым деятельным его помощником стал А. П. Гайдар.

Перед началом боя Аркадий Петрович передал фанерную дощечку с надписью полковнику. В случае гибели Гайдара полковник должен был переслать дощечку в Москву, в Союз писателей, объяснив, при каких обстоятельствах она была вручена.

Прорыв из Семеновского леса завершился успешно. Из кольца вышло свыше 2000 человек. А. П. Гайдар с частью группы А. Д. Орлова пришел в партизанский лес под Леpleваю.

Уходя 18 октября 1941 года из партизанского отряда к линии фронта (А. П. Гайдар оставался с партизанами), полковник Орлов взял дощечку с собой.

В 1963 году А. Д. Орлов подарил дощечку вместе с другими вещами А. П. Гайдара (портсигаром, мундштуком, карандашом и платком) автору настоящего комментария.

Текст надписи в Собрании сочинений публикуется впервые по оригиналу.

СОДЕРЖАНИЕ

АВТОБИОГРАФИЯ (1941 г.) .	5
---------------------------	---

ОЧЕРКИ. ФЕЛЬЕТОНЫ. СТАТЬИ

ПАМЯТИ П. ЦЫБЫШЕВА	8
КАМА	9
ИСТОРИЯ О НЕУЛОВИМОМ БИЛЕТЕ .	10
ТЫСЯЧУ ПЕРВЫЙ РАЗ О ТОМ ЖЕ . .	13
АЛЬБОМНЫЕ СТИХИ	14
ОТ ПОЕЗДА ДО ПОЕЗДА	18
О КОРЗИНКЕ, ШЛЯПЕ И НРАВСТВЕННОСТИ	19
МЫСЛИ О БЮРОКРАТИЗМЕ	21
СКАЗКА О БЕДНОМ СТАРИКЕ И ГОРДОМ БУХГАЛ- ТЕРЕ	23
ПРОКЛЯТАЯ ДОЧЬ	25
ЦЕНА ЖИЗНИ	27
СЛУЧАЙ МАССОВОГО ГИПНОЗА	29
3000 ВОЛЬТ	31
ЧЕЛОВЕК НА ВЕРЕВКЕ . .	33
ЯРЛЫК	35
ПАСХАЛЬНЫЕ НАСТРОЕНИЯ .	37
ПЕРЕСЕКРЕТНИЧАЛИ	39
ТАБЕЛЬ О РАНГАХ	40
ДВЕСТИ ВЫСТРЕЛОВ . .	43
СОРОК ВОПРОСОВ	45
ПРОФСОЮЗНЫЕ ИСПАНЦЫ XIV ВЕКА	47
ДАЛЬТОН-ПЛАН В ВОЛОГДЕ	48
РАДИОГРАММА С БОРТА ФРАНЦУЗСКОГО ПАРО- ХОДА «САИДА»	51
РЫБАКИ	—
ШУМИТ МУДЬЮГА	54
ХОТЕЛИ ПРИСЛАТЬ МИЛИЦИОНЕРА	59
300 РОБИНЗОНОВ	66
БРИГАДИР ТОВАРИЩ ВОЛКОВ .	68

МЫШЬЯКОВАЯ РУДА И МЕДНЫЕ ЛБЫ	73
МЕТАТЕЛИ КОПИЙ	75
БЕНЗИН, КЕРОСИН, ЛИГРОИН	78
«СЕРЕЖА, ВЫДАЙ...»	83
ТАРЕЛКА СЛИВ	87

НЕЗАВЕРШЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ОБЫКНОВЕННАЯ БИОГРАФИЯ. ПОВЕСТЬ	91
СИНИЕ ЗВЕЗДЫ. ПОВЕСТЬ	108
ТАЛИСМАН (СЕМЕН БУМБАРАШ). ПОВЕСТЬ	182
«ХУЛИГАНЫ» (ГЛИНА). ПОВЕСТЬ	233

ДНЕВНИКИ

ДНЕВНИК «ТОВАРИЩ» Календарь для учащихся на 1917—1918 учебный год 1917—1918 гг.	249
ТЕТРАДЬ ЗА 1931 ГОД	258
ТЕТРАДЬ ЗА 1932 ГОД	265
ТЕТРАДЬ ЗА 1933—1934 гг.	294
ТЕТРАДЬ ЗА 1939 ГОД	307
ТЕТРАДЬ ЗА 1940—1941 гг.	313

ПИСЬМА. ТЕЛЕГРАММЫ. БОЕВЫЕ ДОНЕСЕНИЯ.

НАДПИСИ НА КНИГАХ И ФОТОГРАФИЯХ.

ОТВЕТЫ ЧИТАТЕЛЯМ.

1915—1941 гг.

1915—1941 гг.	326
Комментарии	431

Аркадий Петрович Гайдар

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

Т о м 4

АВТОБИОГРАФИЯ. ОЧЕРКИ.
ФЕЛЬЕТОНЫ. СТАТЬИ.
НЕЗАВЕРШЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ.
ДНЕВНИКИ. ПИСЬМА.

ИБ № 5818

Ответственный редактор

Н. С. АБРАМОВА

Художественный редактор

Л. Д. БИРЮКОВ

Технический редактор

Н. Г. МОХОВА

Корректоры

В. В. БОРИСОВА и Г. В. РУСАКОВА

Сдано в набор 29.06.82. Подписано к печати 17.11.82. А13607. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. типогр. № 1. Шрифт литературный. Печать высокая. Усл. печ. л. 28,66. Усл. кр.-отт. 30,76. Уч.-изд. л. 27,9+1 вкл.=27,95. Тираж 300 000 (1—150 000) экз. Заказ № 1196. Цена 1 р. 30 к. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

На фронтисписе: А. П. Гайдар, 1940 г.

Гайдар А. П.

- Г14 Собрание сочинений в четырех томах / Рис. А. Веркау.— М.: Дет. лит., 1979—1982.— Т. 4. Автобиография. Очерки, фельетоны, статьи. Незавершенные произведения. Дневники. Письма. 1982.— 542 с., 1 л. ил.

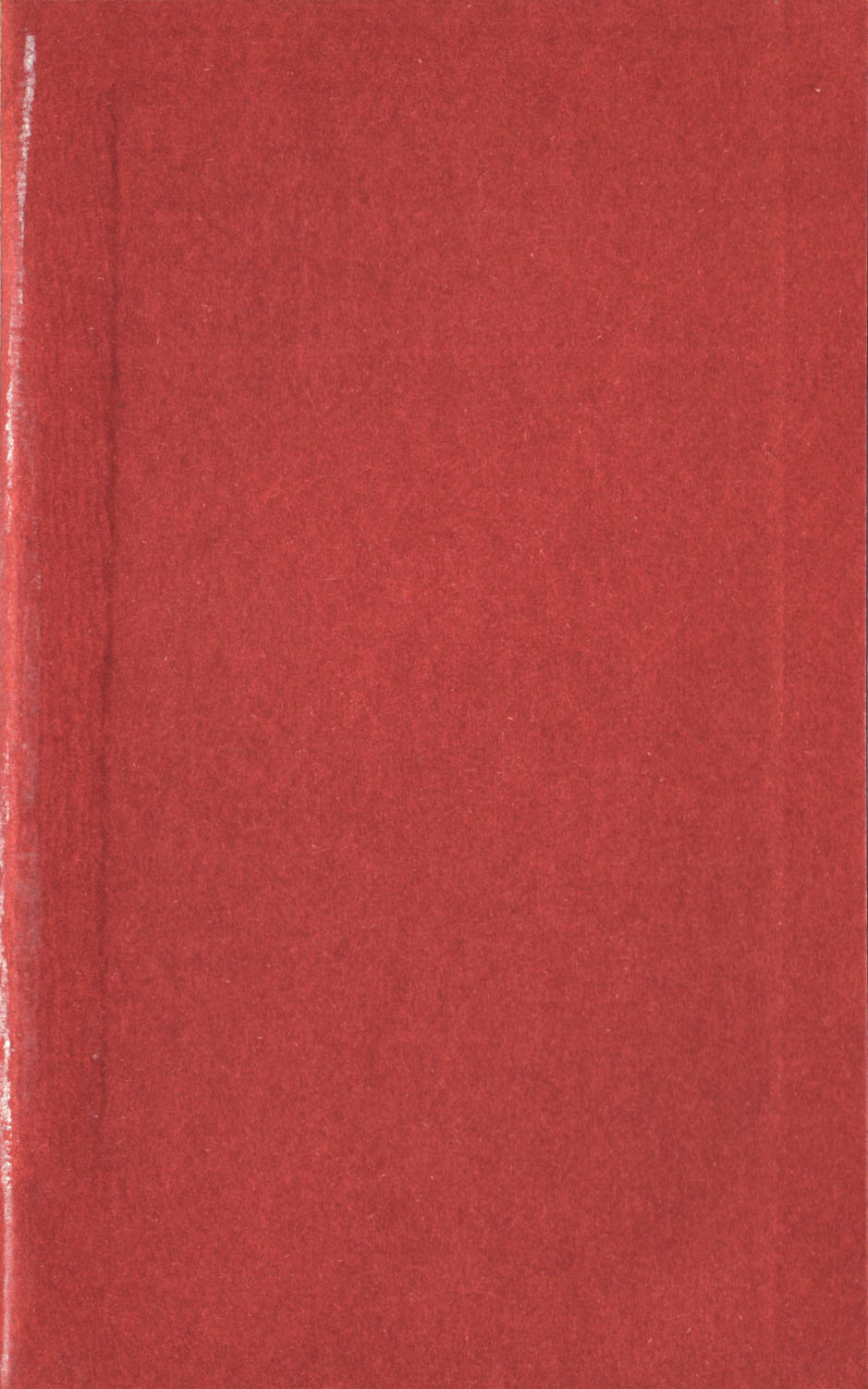
В пер.: 1 р. 30 к.

В том входят: Автобиография 1941 г. Очерки, фельетоны, статьи (1920—1932 гг.); незавершенные произведения (1928—1939 гг.); повести «Обыкновенная биография», «Синие звезды», «Талисман» (Семен Бумбараш), «Хулиганы» (Глина); дневники (1917—1941 гг.); письма, телеграммы, боевые донесения, надписи на книгах и фотографиях, ответы читателям (1915—1941 гг.).

Г 4803010102—542 Подп. изд.
М101(03)82

Р2

1920г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО "СОВЕТСКИЙ СПОРТ"

АРКАДИЙ ТАЙДАР

